Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»

На правах рукописи

СОСНИН Алексей Владимирович

ЛОНДОНСКИЙ ТЕКСТ КАК СВЕРХТЕКСТ АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ: ИНТЕГРАТИВНАЯ КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Специальность 10.02.04 – Германские языки

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук,
профессор Синеокова Т.Н.

Нижний Новгород – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....6
ГЛАВА 1. ИНТЕГРАЦИЯ КОГНИТИВНЫХ И СЕМИОТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. СВЕРХТЕКСТОВАЯ ПРИРОДА СЕМИОТИКИ.....37
Выводы.....47
ГЛАВА 2. ПРОЛЕГОМЕНЫ К ОПИСАНИЮ ЛОНДОНСКОГО ТЕКСТА.....49
2.1. Лондонский текст: постановка проблемы.....50
2.2. Гипертекстуальность и интертекстуальность лондонского текста…….....52
2.3. Лондонский текст и аллюзивный процесс.....59
2.3.1. Обнаружение маркера при аллюзивном процессе.....60
2.3.2. Эвоцирование прецедентного текста при аллюзивном процессе.....62
2.3.3. Актизация эвоцированного текста и модификация исходного внутритекстового прочтения.....63
2.4. О несамодостаточности и многомерности текстов, содержащих описания Лондона.....65
2.5. Семантическое построение лондонского текста.....71
2.6. Таксономическое структурирование лондонского текста.....75
2.7. Отличия лондонского текста от самого города.....77
2.8. Апология литературного канона в лингвистическом исследовании.....81
2.9. Связность лондонского текста.....92
2.10. Концепция лондонского времени применительно к описанию лондонского текста.....93
2.11. Стохастичность, или вероятностный характер лондонского текста.....100

Выводы.....102
ГЛАВА 3. КОГНИТИВНЫЕ И СЕМИОТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯ.....109
3.1. Концепт как ментальный репрезентант сверхтекста.....111
3.2. Когнитивная метафора как средство формирования концепта.....133
3.3. Текстема как языковая единица и сверхтекстовый конструкт.....143
Выводы.....153
ГЛАВА 4. МЕТОДИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЛОНДОНСКОГО ТЕКСТА……..……..158
Выводы.....178
ГЛАВА 5. СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛОНДОНСКОГО ТЕКСТА.....183
5.1. Таксема //urban area//.....184
5.2. Реализации лондонского текста в контекстах с участием лексических репрезентаций семем ‘town’, ‘borough’ и ‘city’.....191
5.2.1. Лондон-как-*town*.....191
5.2.2. Лондон-как-*borough*.....194
5.2.3. Лондон-как-*city*.....195
5.2.4. Лондон-как-Иерусалим; метафора пустыни.....198
5.2.5. Лондон-как-Вавилон; метафора ада; лондонская толпа.....203
5.2.6. Лондон-как-античный Рим.....207
5.2.7. Лондонский Сити.....210
5.3. Таксема //urban area// (продолжение).....212
5.4. Лондон-как-мультикультурный мегаполис.....221
5.5. Таксема //urban area// (продолжение).....227
5.6. Таксема //capital city//.....229
5.7. Оппозиция «town – country» / «urban – suburban».....231
5.7.1. Общие положения и семантическое структурирование описываемой оппозиции.....231

5.7.2. Актуализация выделенных семантических компонентов в конкретных реализациях лондонского текста.....236
5.7.3. Лондон как враждебное пространство.....241
5.7.4. Лондон как благоприятное пространство.....257
5.8. Оппозиция «city centre – suburbs» / «urban – suburban».....274
Выводы.....275
ГЛАВА 6. ИМЯ «LONDON» КАК ОСНОВНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЛОНДОНСКОГО ТЕКСТА.....279
6.1. Этимология имени «London».....279
6.2. Производные слова от имени «London».....284
6.3. Сочетаемость имени «London».....286
6.4. Устойчивые речения с именем «London».....292
6.5. Ключевые метафоры в формировании лондонского текста.....295
6.5.1. Метафора организма.....296
6.5.2. Метафора текста.....305
6.5.3. Метафоры «Лондон-душа» и «Лондон-мир».....314
Выводы.....323
ГЛАВА 7. СУБТЕКСТЫ И ВАРИАНТЫ ЛОНДОНСКОГО ТЕКСТА.....327
7.1. Невербальная составляющая лондонского текста в ее языковом выражении (на примере звукового субтекста).....327
7.2. Визуальный субтекст лондонского текста. Упорядоченность Лондона в концепции вортицизма.....335
7.3. Лондонский текст в неанглийской традиции. Временной разрыв в формировании сверхтекстов культуры у ее представителей и у носителей других культур.....346
7.4. Индивидуально-авторский субтекст в составе лондонского текста. Реализации лондонского текста в топонимах (на примере лондонских маршрутов В. Вулф).....362

7.5. Идиолектное структурирование лондонского текста. Психологическая география британской столицы и маршруты сознания (на примере романа М. Муркока «Лондон, любовь моя»).....395
7.6. Литературный субтекст конкретной эпохи в составе лондонского текста. Литературная жизнь в Лондоне во времена О. Уайльда.....411
7.7. Темпорально локализованный субтекст театра в составе лондонского текста. Театральная жизнь в Лондоне во времена О. Уайльда.....421
7.8. Постколониальный субтекст в составе лондонского текста. Мультикультурный Лондон в романе З. Смит «Белые зубы».....437
Выводы.....453
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....463
БИБЛИОГРАФИЯ.....476
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ПРОИЗВОДНЫЕ СЛОВА ОТ ИМЕНИ «LONDON».....551
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С ИМЕНЕМ «LONDON».....555
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. УСТОЙЧИВЫЕ РЕЧЕНИЯ С ИМЕНЕМ «LONDON» ИЛИ С ПРОИЗВОДНЫМИ ОТ НЕГО.....572

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы. Лондон считается исторически первым мегаполисом Нового времени. Это одна из величайших мировых столиц и ключевая составляющая «английскости». В английской литературной традиции он нередко предстает как воплощение города вообще, как метафора самой сути урбанизированного пространства. Для английского социума Лондон – это, безусловно, культурная константа или категория культуры, представленная в сознании людей значимой ментальной сущностью.

Всегда существовал определенный смысловой изоморфизм, некоторое подобие понятий «Человек», «Город» и «Мир». Чем может быть обусловлено такое, на первый взгляд, неожиданное структурирование действительности, которое находит широкое подтверждение в традициях словоупотребления, с каких аксиологических установок оно осуществляется? Кроме того, в современном мире жизнь в городе для миллионов людей – это повседневность и привычка; тем интереснее постичь ее как специфический вид знакового взаимодействия, представить ее как текст, открытый для интерпретации в синхронической и диахронической перспективе. Таким образом, на базе текстового представления британской столицы как категории английской лингвокультуры ставится вопрос о том, что может привнести в урбанистику филологическая наука, в частности когнитивная лингвистика в ее семиотическом измерении.

Представляется, что для четкого лингвистического структурирования английских культурных констант аппарата исключительно когнитивной лингвистики не достаточно. Не будучи дополненной более прецизионными методиками лингвистического описания, она не способна выйти за пределы психологического изучения индивидуального ощущения, и в ней, соответственно, смешиваются план дескриптивного (индивидуальный опыт человека) и план объяснительного. Кроме того, в ней не вполне последовательно решаются эпистемологические проблемы значения языковых

единиц и его соотнесенность с ментальными, невербализованными компонентами смысла. Какими бы эффективными ни представлялись современные когнитивные методы, исследования значения невозможно ограничить ментальными аналогами знания.

Настоятельно ощущается необходимость привлечения вспомогательного методологического аппарата – когнитивного по сути, но интегрирующего и другие методики. Представляется, что строгое лингвистическое описание такого сложного и многофакторного фрагмента реальной действительности, как Лондон, возможно при том условии, если ему в соответствие поставить семиотическую текстовую модель – «лондонский текст», т.е. формализованное семантическое представление о британской столице, учитывающее не только ее «объективно истинные» признаки. Лондонский текст – это нормативная реконструкция, являющее собой потенциальную сумму образующих его конкретных текстов, которые связаны общей тематикой и перекликаются друг с другом.

Поскольку человеческое мышление имеет преимущественно знаковую текстовую природу, а текст является ключевым семиотическим объектом, это позволит осуществить интеграцию когнитивного и семиотического подходов в исследовании английского языка, а также использовать в анализе прецизионные семантические процедуры. Выявление общесемиотических закономерностей функционирования сверхтекстов английской лингвокультуры позволяет по аналогии исследовать механизмы когниции у ее носителей и строить репрезентативные модели ментальных категорий, являющихся культурно-значимыми для английского социума. Текст – это первичная реальность всего гуманитарно-филологического мышления и исходный момент любой гуманитарной дисциплины: «там, где нет текста, нет и предмета мышления или исследования» [Бахтин 1986: 473].

Будучи наблюдаемым, текст поддается количественному исчислению, алгоритмизированной машинной обработке, наложению формализованной интерпретирующей сетки. Только по употреблению единиц в тексте можно

судить о том, как осуществляется категоризация и строятся ментальные категории. Только таким образом можно получить достаточно полное лингвистическое описание действительности и, в конечном итоге, прийти к созданию систем искусственного интеллекта.

Кроме того, актуальным представляется закрепить в активе лингвистических изысканий понятие текстемы или идеального текстотипа, окончательно ввести в программу изучения текста его сверхтекстовые или общеязыковые значения. Это сопряжено с необходимостью выделить признаки текста как единицы языка, характеризующейся воспроизводимостью, а не творимой каждый раз заново. Соответственно, реконструкцию идеальных текстотипов следует осуществлять на основе выделения и упорядочения семантических признаков, их конституирующих, а также установления регулярных отношений между выделенными признаками: статических и динамических. Это должно быть дополнено некоторыми регулярными правилами того, как в английском языке текстемы развертываются в реальные тексты.

В связи с этим представляется актуальным выработать такую стратегию реконструкции лондонского текста (и, шире, сверхтекстов английской лингвокультуры), которая бы основывалась на следующих положениях: (i) концепция глубинной структуры, которая изначально была грамматической, семантизировалось и перешла в концепцию семантической репрезентации предложения; (ii) порождение предложения стало рассматриваться как поэтапное преобразование семантической репрезентации в конкретную поверхностную структуру; (iii) принцип подобного структурного и семантического развертывания может быть закономерно распространен на целые тексты, т.е. настоятельно ощущается необходимость реализовать переход от парадигматического синтаксиса к парадигматике текста и включить последнюю в сферу лингвистического анализа германских языков.

Объектом исследования является лондонский текст как единица английского языка – «эмический» текст [Harweg 1968], являющий собой

семантический инвариант для группы текстов сходной тематики, реальных, или вербализованных, и потенциальных. На уровне ментальных представлений лондонскому тексту поставлена в соответствие этноспецифичная культурная константа. Помимо набора семантических признаков, лондонский текст инкорпорирует четкие алгоритмы их предикации и вербализации в синтагматических синтаксических последовательностях, развертываемых из общей парадигмы.

Предметом исследования выступает рекуррентная семантическая структура конкретных реализаций лондонского текста, выявляемая на основе пресуппозиции о таксономическом структурировании соответствующего фрагмента действительности и отражении этого структурирования в системе языка. Реконструкция лондонского текста организована циклически: от ингерентных («собственных») признаков репрезентирующих его семем к его контекстным реализациям, в которых наводятся афферентные («привходящие») признаки семем, что позволяет выявить дополнительные компоненты в составе лондонского текста.

Материалом исследования послужили литературные и исторические произведения английских авторов с XVI по XXI вв. общим объемом около 75 тыс. страниц, английские периодические издания, сплошные выборки из отечественных и зарубежных толковых, фразеологических и энциклопедических словарей.

Литературные произведения, составляющие материал исследования, входят в т.н. «литературный канон», т.е. совокупность произведений, изучаемых в средней и высшей школе в стране исследуемого языка и отвечающих ряду других критериев. Именно на основе английского литературного канона формируется значительная часть концептосферы образованных англичан. Выбор данного материала в качестве основного объясняется следующими причинами:

- установка на литературный текст позволяет выявить тот факт, что в состав сверхтекстов лингвокультуры, в частности, английской, входят не только

«объективно истинные» признаки, но и признаки, характеризующие возможные литературные миры;

- с позиций когнитивного подхода к исследованию языка, для полного выявления вербализаций культурно-значимых ментальных категорий совершенно необходимы обширные контексты, в первую очередь литературные;
- ориентация на литературный текст в лингвистическом исследовании позволяет раскрыть традиционные связи лингвистики с литературоведением и другими гуманитарными дисциплинами в новом, объединенно семиотическом ключе и, таким образом, вовлечь в орбиту анализа энциклопедические знания, прагматические установки и аксиологические нормы.

Исследование опирается на литературный канон новоанглийского языка, т.е. совокупность литературных произведений, созданных на Британских островах на более или менее стандартизированном языке с XVI века по настоящее время. На протяжении данного периода наблюдается существенная преемственность, «изотопичность» признаков, метафор, фреймов и сценариев, использовавшихся представителями английского социума при структурировании действительности, а также языковых средств их выражения [Демьянков 1994; Bloom 1994; LePan 1989].

Кроме того, реализуемый в работе структурно-семантический анализ текстов в отношении сверхтекстовых структур предполагает смещение акцентов с традиционной трехчастной последовательности «автор-произведение-традиция» на последовательность «текст-сверхтекст-культура». В результате эволюционная модель английского языка и литературы, которая бы требовала диахронного описания сверхтекстов, замещается синхронной моделью «язык / литература-как-знаковая-система» [Morgan 1985], обусловливающей бóльшую эффективность лингвистического изучения сверхтекстов в синхронном срезе. Вопрос о более раннем или позднем появлении некоторого компонента смысла становится здесь гораздо менее

существенным по сравнению с выявлением всех потенциальных направлений влияния одного текста на другой и реконструкции текстовых макроструктур как совокупности смысловых признаков из всех эпох, существующих в актуальном или «погашенном» виде.

В соответствии с такой моделью в исследовании представилось возможным поставить в один ряд литературные тексты, где Лондон не является прямым объектом описания, но играет существенную роль, и тексты собственно о Лондоне или о британской столице в этих литературных трудах – тексты литературоведческие, исторические, краеведческие, публицистические.

Научная проблема диссертационного исследования задается необходимостью более полного и глубокого постижения английской лингвокультуры в условиях напряженной политической обстановки XXI века – не на основе разрозненных подходов, но за счет выработки и закрепления в активе научных изысканий интегрирующей и лингвистически прецизионной методики ее описания, которая способствовала бы преодолению эпистемологических и методологических противоречий когнитивного, семиотического, семантического и литературоведческого подходов применительно к исследованию германских языков.

Кроме того, представляется необходимым пересмотреть устаревшие воззрения на английскую лингвокультуру, которые выступают как «замедлители» культурных и политических процессов: не отказаться от них полностью, но сформировать на их основе представления релевантные, актуальные, что достижимо, в первую очередь, через интегрированное когнитивное, семиотическое и культурологическое исследование английского языка.

Структурирование культурно-значимого фрагмента реальности в виде сверхтекста, т.е. надтекстовой парадигматической единицы, во-первых, является логичным развитием представлений о языке как о системе уровней и, во-вторых, неизбежно требует обращения к национальному английскому корпусу литературных произведений, что способствует взаимообогащению

русской и английской культур, развитию толерантности и, хотелось бы верить, эффективному разрешению политических противоречий.

Степень научной разработанности темы. Понятие городского текста было введено в научный оборот и теоретически обосновано академиком В.Н. Топоровым [1973], утверждавшим, что город имеет особые свойства, характерные текстовые структуры, которые делают его принципиально новой, семиотически насыщенной средой человеческого обитания. В статьях В.Н. Топорова [1984] и Ю.М. Лотмана [1984] проблема исследования структуры городского текста была поставлена наиболее полно.

Если учитывать конкретный объект городского текста, то В.Н. Топоров и Ю.М. Лотман писали о Петербурге. Хотя первый исследователь и полагал, что, помимо петербургского, выделять другие городские тексты в русской культуре не вполне оправдано, гуманитарное знание оказывается охваченным «текстовой революцией». Так, выходит сборник статей о московском тексте под редакцией Г.С. Кнабе [1998], выделяются провинциальные городские тексты: пермский текст описывает В.В. Абашев [2000], под редакцией В.Т. Захаровой [2013] опубликован сборник статей о нижегородском тексте в русской словесности.

Изучаются и тексты иностранных городов: например, лондонский текст в русской литературе разрабатывался Л.С. Прохоровой [2005] и Л.В. Воробьевой [2009], а в творчестве английского писателя П. Акройда – И.В. Липчанской [2014].

Тем не менее, феномен городского текста вообще и лондонского в частности рассматривался преимущественно с литературоведческих или общесемиотических позиций и не подвергался широкому лингвистическому анализу. В данном вопросе пока отсутствует научная строгость, нет формализованной лингвистической модели для анализа связанных с ним проблем. Настоящее исследование призвано определить лондонский текст английского языка и культуры, очертить его границы, дать ему прецизионное

лингвистическое описание и предложить интегрирующую модель когнитивного, культурологического и языкового знания, стоящего за ним.

Понятие лингвистической модели возникает в структурализме (З. Харрис [Harris 1963], Ч. Хоккет [Hockett 1958]) и входит в научный обиход в 60-70-е гг. XX в. в связи с появлением математической лингвистики и распространением в языкознании методов кибернетики [Цейтлин 1982; Чжао 1965]. Типология лингвистических моделей была разработана Ю.Д. Апресяном. Согласно этой классификации, модель лондонского текста будет моделью речевой деятельности человека [Апресян 1966], имитирующей процессы текстопорождения. Соответственно, она будет также моделью порождающей, строящейся на основе генеративной семантики Дж. Лакоффа [Lakoff 1971], и одновременно моделью синтетической (от смыслового инварианта до множества синонимичных текстов на данном языке, выражающих этот смысл) и аналитической (от множества текстов на входе до реконструкции их смыслового инварианта на выходе) [Булыгина 2008(а)].

Среди исследователей, которые, работая в русле когнитивной лингвистики, внесли вклад в представление реальности в виде лингво-когнитивных моделей, следует отметить А.П. Бабушкина [1996; 2001(а); 2001(б)], Н.Н. Болдырева [1998; 1999; 2001; 2002; 2004], В.З. Демьянкова [1992; 1994], А.А. Залевскую [2001], А.В. Кравченко [2000; 2004], Е.С. Кубрякову [1994; 1996; 1999; 2002; 2004], М.В. Пименову [2004], И.В. Полозову [2003; 2004], З.Д. Попову и И.А. Стернина [1999; 2001; 2003; 2005; 2007], Е.В. Рахилину [1997; 2000], Р.М. Фрумкину [1992; 1999], А.П. Чудинова [2004]; М. Блэка [Black 1993], С. Глаксберга [Glucksberg 1993], М. Джонсона [Johnson 1987], Ф. Джонсона-Лэрда [Johnson-Laird 1988], Дж. Лакоффа [Lakoff 1980; 1987; 1993; 1999], Р. Лангакера [1987; 1991; 1999], М. Минского [1979; 1988], А. Ортони [1993], Л. Талми [Talmy 1988; 2000], Дж.Р. Тейлора [Taylor 2002], Ч. Филлмора [1998], Ж. Фоконье [1997; 1998], У. Чейфа [1983].

Исследованиями в области культурологической лингвистики занимались Е.М. Верещагин и В. Г. Костомаров [1976], С. Г. Воркачев [2001], В. Г. Зусман [2001], В. И. Карасик [2001], Г. Г. Слышкин [2000], Ю. С. Степанов [2001]; К. Бэлси [Belsey 1991], Р. Уильямс [Williams 1976] и др. О культурных константах как ментальных категориях, существующих длительное время, писал Ю.С. Степанов [2001]; близкое понятие категорий культуры как компонентов картины мира у носителей конкретной культуры в определенную эпоху было предложено А.Я. Гуревичем [1984].

На знаковую, семиотическую природу когнитивных процессов указывали, в частности, Н.Д. Арутюнова [1997], М.М. Бахтин [1963; 1986], В.Н. Волошинов [1930], Н.Б. Мечковская [2004], Ч. Пирс [Peirce 1931-1958]. О когнитивном характере семиотики говорит А.С. Самигуллина [2007; 2013].

Постулат о текстовой природе семиотики, являющийся принципиальным для настоящего исследования, был выдвинут представителями московско-тартуской структурно-семиотической школы, характеризующейся предельной текстоцентричностью и рассматривающую культуру как абстрактную систему текстов (М.Л. Гаспаров [1999], А.К. Жолковский [1994], Вяч.Вс. Иванов [1966; 1988], Ю.М. Лотман [1970; 1981; 1983; 1986; 1992; 1995; 2002], А.М. Пятигорский [1970], В.Н. Топоров [1973; 1983; 1987; 1995], П.Х. Тороп [1981; 1995], Б.А. Успенский [2002]).

С позиций сверхструктур, прежде всего, семантических, текст начинает рассматриваться в работах И. Беллерта [1978]; В. Дресслера [1978], Я. Петёфи [Petöfi 1971], Г. Ризера [Rieser 1973], Т.А. Ван Дейка [Van Dijk 1975], Р. Харвега [Harweg 1968; 1973]. Это получает дальнейшее развитие в трудах отечественных исследователей, в частности, Г.В. Битенской [1994], И.В. Гюббенет [1991], Г.В. Колшанского [2010], Т.М. Николаевой [1978].

Вопросам включенности текста в межтекстовые связи, интертекстуальные и гипертекстуальные, и, шире, в парадигмы знания посвящены работы М.М. Бахтина [1986], Ю.Н. Караулова [1981; 1989], Ю.Н. Тынянова [1977];

Ю. Кристевой [2000], Т. Нельсона [Nelson 1981], А. Нойберта [Neubert 1985], Й. Хельбига [Helbig 1996].

Термин «текстема» в значении языковой парадигматической единицы текстового уровня впервые появляется в трудах В. Дресслера [1978] и Р. Харвега [Harweg 1968; 1973]; в актив научного поиска отечественной науки его предлагает ввести Н.Ф. Алефиренко [2007] и обозначать им языковую единицу – абстрактный инвариант группы текстов, реальных и потенциальных. Структуру текстемы, ее место в системе языка, критерии ее выделения исследуют, в частности, А.Р. Габидуллина [2011], А.И. Фефилов [2011; 2012].

Теоретико-методологическое основание, на котором строится диссертационное исследование, обусловлено его принципиальной установкой на интеграцию когнитивного и семиотического подходов, в соответствии с которой анализ ментальной сущности «Лондон», являющейся культурно-значимой для английского социума осуществляется через семантическое исследование соответствующего ей сверхтекста.

В ходе исследования текстов заданной смысловой сферы, т.е. тех текстов, в которых наличествуют вербализации данной ментальной сущности или концепта, выделяются их семантические признаки. На основе полученной теоретико-множественной суммы признаков в совокупности их взаимоотношений, статических и динамических, конструируется семантический каркас сверхтекста как глобальной вербализации концепта. При этом ориентация на текст абсолютно необходима, поскольку в нем «наводится» или актуализуется больше признаков по сравнению с бесконтекстной вербализацией. Это связано с тем, что некоторые признаки сверхтекста выражаются косвенно и для их выявления необходимо использовать интерпретативные процедуры. Соответственно, для реконструкции лондонского текста был выбран метод интерпретирующего семантического анализа в рамках общей концепции единой семантики, разработанной французскими исследователями-структуралистами (А.-Ж. Греймас [Greimas 1966; 1970; 1976; 1979; 1983; 1986], Ж. Курте [Courtés

1979; 1981], Б. Потье [1962; 1974; 1987; 1992], Ф. Растье [2001; Rastier 1994; 1998]; в отечественной науке развита А.Е. Бочкаревым [2003; 2007; 2014]). Преимущества данного метода перед американским вариантом компонентного анализа заключаются в следующем:

- строго дифференциальная модель значения и его интенсиональная трактовка;
- семиотически объединенное рассмотрение лексического, синтаксического и текстуального уровней как при интерпретации, так и при продуцировании текста;
- преодоление противоречий семантики и прагматики (семантический компонент неразрывно связан с прагматическим, и на интерпретацию языковых выражений влияют как собственно языковые, так и внешние, контекстуальные ограничения, которые зачастую характеризуются не меньшей нормативностью, чем языковые);
- ориентация не на «факт», а на суждение о нем в рамках антропоцентрического подхода к языку: семный анализ полагает, что мир не дан человеку непосредственно в восприятии, а интерпретируется им в зависимости от установок так, что один и тот же объект может получать различную интерпретацию в зависимости от возможного мира говорящего.

Поскольку в единой семантике возможные миры учитываются при описании языкового значения наряду с миром, «онтологически верным», настоящее исследование также опирается на положения семантической теории возможных миров, представленной трудами А.П. Бабушкина [2001(а)], Э. Баха [2010], С. Кангера [1957], Р. Карнапа [1959], С. Крипке [1982; Kripke 1963], Д. Льюиса [Lewis 1968], Я. Хинтикка [1980].

В семном анализе постулируется необходимость привлечения затекстовых (литературных, энциклопедических) знаний для описания семем, что подтверждает включенность стоящих за ними концептов в парадигмы знания о мире и сообразуется с положениями когнитивной семантики, отличительной особенностью которой является выход за пределы имманентной языковой

структуры (Н.Н. Болдырев [2004], Т.В. Яскевич [2000], Дж.Р. Тейлор [Taylor 2002], Р. Шенк [Schank 1977]).

Методика исследования. В ходе исследования были использованы общенаучные методы и исследовательские операции анализа, синтеза, сравнения, интроспекции. В основе проводимого в работе исследования лондонского текста в корреляции с соответствующим ему культурно-значимым и этноспецифичным концептом лежит комплексный, индуктивно-дедуктивный подход, предполагающий направленность исследования как от формы к содержанию, так и от содержания к форме. При анализе материала применялись частнонаучные лингвистические методы: методы дефиниционного, интерпретирующего семного, этимологического, трансформационного, пропозиционального, дистрибутивного и контекстуального анализа; метод когнитивно-семиотического моделирования.

Выделение классов семем, на основе которых строится лондонский текст осуществлялось на основе (i) онтологических таксономий; (ii) социолектных норм; (iii) идиолектного или индивидуально-авторского постижения действительности.

На основе дефиниционного анализа лексем, соответствующих семемам из выделенных таксономий, задавалась пресуппозиция контекстного поиска, т. е. с помощью формальных семантических процедур заключалось об актуализации или нейтрализации ингерентных семантических признаков из словарных дефиниций в текстах из английского литературного канона. На базе тех же процедур выявлялись афферентные или контекстуально-привнесенные семы. Признаки, выявленные в ходе семного анализа, отождествлялись с признаками лондонского текста (и признаками одноименного концепта на когнитивно-концептуальном уровне), а семемы – с текстовыми слоями. Таким образом, реализовывалась циклическая методика описания лондонского текста, когда семемы предвосхищают контекст, а контекст актуализует их имплицитное содержание.

Этимологический анализ способствовал выявлению этимологии лексемы, являющейся именем сверхтекста. Необходимость этого объясняется тем, что в лондонском тексте, как и в любом сверхтексте лингвокультуры, синхронное, относительно стабильное содержание невозможно отделить от его «памяти», то есть динамического процесса возникновения словесной формы, которая служит его именем и основной реализацией и в которой заключается изначально данный в сверхтексте смысл.

Словообразовательный анализ был призван обеспечить наиболее полное выявление всех структурных составляющих сверхтекста за счет анализа производных лексем от лексемы, которая является его именем. При этом, поскольку лондонский текст – это построение преимущественно семантическое, устанавливалось, какая часть семантики мотивирующего слова использовалась в акте создания производного слова и продолжала ощущаться говорящим при его использовании, т. е. при реализации сверхтекста. Рассмотрение производных слов также позволило осуществить анализ способов реализации сверхтекста на морфемном уровне.

Дистрибутивный анализ имел две цели. Во-первых, отбор интерпретирующих семем осуществлялся на основе конкретных реализаций лондонского текста, т. е. в плане выражения анализировались отношения исследуемой лексемы к другим лексемам, связанным с ней парадигматически или синтагматически. Во-вторых, анализ сочетаемости лексемы «London», являющейся именем исследуемого сверхтекста, был необходимым в силу того, что в комбинаторике обнаруживаются алгоритмы реализации сверхтекста, т. е. его развертывания в реальные тексты. В сочетаемости лексем (в т. ч. устойчивой и фразеологической) выявлялись стандартные структурные составляющие лондонского текста больше лексемы (или, в семантическом отношении, ее семемы), которые рекуррируют в бесконечном множестве текстов.

На основе трансформационного метода вкупе с пропозициональным анализом устанавливались алгоритмы развертывания лондонского текста из общей парадигмы в реальные синтагматические последовательности.

Основная гипотеза исследования. Являясь многомерным полиаспектным образованием и будучи включенным в меж-сверхтекстовые парадигмы, лондонский текст английской лингвокультуры является ключом к постижению ментальности англичан, поскольку выявление закономерностей функционирования текста в его общесемиотическом понимании позволяет по аналогии исследовать деятельность человеческого мозга и строить репрезентативные модели ментальных категорий через соответствующие им сверхтексты. Категории английской лингвокультуры, таким образом, эффективно описывать на основе их сверхтекстов, т.к. текст – это первая феноменологическая языковая данность и именно она должна служить исходным нередуцируемым материалом лингвистического анализа. В языке можно выделить единицу текстового уровня – текстему и описать ее в терминах суперсегментных текстовых характеристик (в первую очередь, семантических), которые распространяются на реализованные последовательности элементов разной протяженности. Эти характеристики будут специфичными для английского языка.

Цель исследования – разработать лингвистическую этноспецифичную модель, которая интегрирует когнитивный и семиотический подходы и которой описывается ментальное отражение и представление в языке фрагмента реальной действительности – британской столицы.

Достижение заявленной цели предполагает решение следующих теоретических и практических **задач**:

1) выявить предпосылки для изучения ментальных категорий, релевантных для английского социума через сверхтексты английской лингвокультуры и, в первую очередь, через лондонский текст;
2) разработать понятийно-терминологический аппарат для интеграционного когнитивно-семиотического исследования на материале английского языка;

3) определить параметры функционирования текста как единицы языка;
4) установить системы знания, участвующие в построении лондонского текста; выявить таксономическое структурирование лондонского текста как основу для построения его модели; учесть в ней социально-нормированный и идиолектный характер лондонского текста;
5) дать типологию компонентов лондонского текста и отношений между ними;
6) обосновать потенциально актуализуемую структуру лондонского текста, его диффузные границы и стохастичную природу; учесть это в его модели;
7) рассмотреть включенность лондонского текста в меж-сверхтекстовые парадигмы английского языка;
8) разработать уровневую стратификацию лондонского текста, подходящую для структурирования и построения когнитивно-семиотических моделей других категорий английской лингвокультуры.

Научная новизна исследования состоит в применении интегративного когнитивно-семиотического подхода к исследованию категорий английской лингвокультуры, для чего последовательно доказан когнитивный и сверхтекстовый характер семиотики и представлен моделирующий конструкт – лондонский текст как смысловое надтекстовое единство, являющее собой потенциальную сумму признаков всех текстов о британской столице, написанных и потенциальных, а также алгоритмы предикации этих признаков в реальных синтаксических последовательностях.

В работе выявлен гипертекстуальный и интертекстуальный характер лондонского текста, впервые математически доказана несамодостаточность и многомерность текстов, содержащих описания Лондона, осуществлено семантическое построение лондонского текста на основе аппарата интерпретирующего семного анализа, дано таксономическое структурирование лондонского текста с участием различных систем знания: научно достоверных и «наивных». Выявлены отличия лондонского текста от его объекта – реального города – в рамках строго интенсиональной трактовки языкового значения.

Обоснованы преимущества синхронного изучения лондонского текста английской лингвокультуры перед диахронным, т.к. доказывается, что признаки предыдущих эпох присутствуют в нем в виртуализованном, неактуальном виде. В этих целях выявлена преемственность, признаков, метафор, фреймов и сценариев, использовавшихся представителями английского социума при структурировании фрагмента действительности «Лодон» на протяжении новоанглийского периода, а также языковых средств их выражения. В работе, тем не менее, устанавливается, что вектор оценки тех или иных явлений, связанных с Лондоном, может смещаться (например, переосмысление ключевого кода Британской империи с преимущественно положительного на отрицательный). В рамках выбранной методики интерпретирующего семного анализа в исследовании эффективно решается проблема коннотативного компонента значения.

В работе представлена особая концепция лондонского времени – панхронизм – когда британская столица вмещает в себя все эпохи, свидетелем которых она была, что находит выражение в языковых средствах, оформляющих лондонский текст, в частности, в метафоре палимпсеста.

Поскольку важнейшим средством структурирования сверхтекста служит метафора, в исследовании вскрывается «изотопический» механизм ее действия [Растье 2001], и она описывается как рекурренция сем, принадлежащих семемам различных языковых таксономий. Таким образом, в работе лингвистически доказывается связность метафоры, которая в случае экстенсиональной трактовки значения и без учета смысловых компонентов из возможных миров в составе лондонского текста рассматривалась бы как явление, нарушающее законы логики.

В работе выдвигается и обосновывается положение о том, что изучение сверхтекстов английской лингвокультуры целесообразно проводить на основе английского литературного канона, т.е. произведений, изучаемых в средней и высшей школе в Великобритании и отвечающих ряду других критериев, т. к.

именно на основе литературного канона формируется значительная часть концептосферы образованных носителей языка.

Доказывается, что лондонский текст не является гомогенным построением, складываясь из тематически ограниченных и темпорально локализованных субтекстов. Особо отмечается, что лондонский текст строится на основе интерсемиотичности, т. е. динамического взаимодействия разнотипных знаковых систем.

Указывается на асинхронность формирования лондонского текста у представителей английской лингвокультуры и носителей других культур, что может вызывать трудности при переводе с одного языка на другой. Анализируются причины возникновения такой асинхронной концептуализации действительности; рассматриваются стереотипные образы Лондона, свойственные лондонскому тексту неанглийских литератур.

Теоретическая значимость. Предложенная когнитивно-семиотическая модель сверхтекстового представления фрагмента действительности «Лондон» эффективна для описания сложных ментальных образований, служащих категориями английской лингвокультуры, и, в дальнейшей перспективе, для построения семиотических систем искусственного интеллекта.

Результаты, полученные на базе модели лондонского текста, являются значимыми для понимания процессов концептуализации и репрезентации знания о фрагменте действительности. Выявленные способы концептуализации носителями английского языка ситуаций разнообразных областей опыта, связанных с британской столицей, углубляют представления об особенностях англоязычной языковой личности, внося существенный вклад в развитие данной области лингвокультурологии.

Теоретическая значимость работы также заключается в дополнении и дальнейшем развитии принципов когнитивной лингвистики, разработке проблем концептуализации и репрезентации знания, вопросов теории и репрезентации знания, вопросов теории когнитивной метафоры применительно к германским языкам. Так, было доказано, что исследование значения не сводится

исключительно к когнитивным представлениям знания, а языковое значение не равнозначно ментальным репрезентациям. При изучении же рекуррентных синтаксических структур из текстовой традиции выявляется субстанция означаемого с помощью прецизионных интерпретирующих процедур, строится промежуточная семантическая модель и на ее основе структурируется ментальный конструкт.

Теоретически значимым является тот факт, что в когнитивно-семиотической модели лондонского текста учитываются системы построения смысла, являющиеся «вторичными» по отношению к языковой, что обусловлено невозможностью объяснить его отдельные компоненты имманентными языковыми законами. На примере английского языка в исследовании последовательно развивается постулат о неразрывном единстве языка и литературы, в основе которых лежат пропозициональные функции с постоянными и переменными компонентами.

Выделение текстемы как единицы языка с набором необходимых для этого критериев является логическим продолжением теории парадигматического синтаксиса и закономерным развитием воззрений на язык как на иерархическую систему уровней.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения разработанного подхода к исследованию сверхтекстов на материале других лингвокультур. Основные положения, материал и методологические приемы исследования могут найти применение в преподавании ряда лингвистических дисциплин: лингвокультурологии на материале английского языка, общего языкознания, когнитивной лингвистики, семантики и теории текста, теории и практики перевода. Полученные результаты могут быть также использованы при разработке соответствующих разделов теоретических грамматик английского языка, а также при написании кандидатских диссертаций, курсовых и выпускных квалификационных работ, в профессиональной подготовке специалистов в области германских языков, когнитивистики и культурологии.

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие **положения, выносимые на защиту**:

1) поскольку человеческое мышление является по своей природе знаковым, в выявлении категорий мышления и механизмов когниции целесообразно придерживаться общесемиотического подхода, реконструируя их через вербальные и невербальные знаки; при этом ключевым семиотическим объектом является сверхтекст, а выявление закономерностей его функционирования позволяет по аналогии исследовать ключевые культурно-значимые концепты и деятельность человеческого мозга;
2) текст соответствует критерию воспроизводимости, необходимому для его выделения в качестве языковой единицы или текстемы: воссоздается не какая-то конкретная оболочка, а общая семантическая структура; текст без сверхструктуры не является осмысленным, поскольку не соотносится со структурированной концептосферой социума; текстема развертывается с прохождением иерархии уровней: от исходной абстракции до конкретной реализации, причем процесс развертывания будет специфичным для английской лингвокультуры;
3) в рамках представления английской лингвокультуры как совокупности сверхтекстов, т.е. воспроизводимого набора типизированных смыслов, ключевым ее объектом будет лондонский текст как репрезентант знания о важнейшем фрагменте действительности;
4) структура когнитивных процессов у носителя английского языка не определяется «бытийным» или «онтологически верным» положением вещей; важно то, как это человеку представляется в соответствии с его ценностями, верованиями и убеждениями; в состав лондонского текста, соответственно, входят не только «объективно-истинные» смысловые компоненты, но и компоненты социально-нормированные, литературные, идиолектные;
5) в массовом сознании носителей английского языка классическая таксономическая структура представления знания вытесняется мозаичным

типом его организации по типу коллажа; сообразно с этим лондонский текст характеризуется калейдоскопичностью, имеет стохастичный характер, что выражается в непрогнозируемых пропозициональных структурах, в которых он реализуется;

6) структурирование лондонского текста в терминах «ядро – периферия» не вполне адекватно отражает процессы когниции, поскольку в каждой конкретной коммуникативно-прагматической ситуации любой смысловой компонент из состава лондонского текста может актуализоваться или нейтрализоваться;

7) лондонский текст включен на языковом уровне в меж-сверхтекстовые парадигмы – подобно тому, как стоящий за ним культурно значимый концепт включается в парадигмы когнитивные, а реализации лондонского текста входят в интертекстуальные связи; лондонский текст, соответственно не самодостаточен и многомерен;

8) специфика лондонского текста заключается в конкретном семантическом заполнении схем высокого уровня обобщения «urban area» и «capital city» как ячеек таксономического структурирования отображаемой в сознании человека действительности, а также входящих в их состав рамочных структур, которые соотносятся с семемами одноименных таксем; лондонский текст реализуется в построениях с лексическими репрезентациями семем, входящих в таксемы «urban area» и «capital city», с лексемой «London», с производными от нее словами, с устойчивыми словосочетаниями и речениями с именем «London», с лондонскими топонимами; существуют также метафорические реализации лондонского текста;

9) лондонский текст не является гомогенным построением, складываясь из тематически ограниченных и темпорально локализованных субтекстов.

Соответствие диссертации паспорту специальности. Диссертационная работа соответствует паспорту научной специальности 10.02.04 – Германские языки, а именно следующим пунктам: «структура словарного состава,

функционирование лексических единиц, развитие и пополнение словарного состава, лексика и внеязыковая действительность, лексикологические категории, фразеология, синтаксический строй»; «проблемы передачи различных языковых явлений в разных языках, в переводах с германских языков на родной и обратно»; «методы исследования лексических единиц».

Апробация работы. Основные положения работы обсуждались на заседаниях кафедры английской филологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (октябрь 2018 г.), докладывались автором на международной научной конференции «Скребневские чтения» (НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, 2018, 2016, 2014, 2012), XLVI Международной филологической конференции (СПбГУ, Санкт-Петербург, 2017), XVI Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ (секция «Universalism and Relativism in the Philosophy of Language and Mind», НИУ ВШЭ – Москва, 2015), всероссийской научной конференции «Стратегии и тактики в англоязычном речевом общении» (НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, 2015), XIV международной научной конференции «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (ТГУ, Томск, 2013), международной научной конференции «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи» (НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, Н. Новгород, 2011), межвузовской научно-методической конференции «Иностранный язык в национальном исследовательском университете: новые задачи и ценностные ориентации» (НИУ-ВШЭ – Пермь, 2011), международной научной конференции «Русский акцент в мировой культуре: литература, искусство, перевод» (НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, Н. Новгород, 2010), межвузовской научно-методической конференции «Двухуровневая система образования и ее учебно-методическое обеспечение» (НФ ГУ ВШЭ, Нижний Новгород, 2010), международной научной конференции «Лингвистические основы межкультурной коммуникации» (НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, Н. Новгород, 2009).

Публикации. По теме диссертационного исследования и связанным с ним вопросам опубликовано 32 научные работы, в том числе 20 в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, одна статья в издании, индексированном в библиографической и реферативной базе «Scopus», статьи в научных журналах и сборниках материалов конференций.

Внедрение результатов исследования. Концепция и результаты исследования используются автором настоящей диссертации при руководстве выпускными квалификационными и курсовыми работами студентов факультета гуманитарных наук нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», в преподавании курсов «Теоретические основы германских языков», «Когнитивные и функциональные модели в лингвистике», «Современные лингвистические теории», «Теория и практика перевода», «Психолингвистика», которые читаются для студентов магистратуры и бакалавриата факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ – Нижний Новгород.

Личный вклад автора состоит в том, что настоящая диссертационная работа представляет собой самостоятельное исследование, выполненное на актуальном материале – английском литературном каноне, – и в том, что она открывает новое направление когнитивных и культурологических исследований английского языка: «интегративная сверхтекстовая репрезентация категорий английской лингвокультуры». При этом в решении эпистемологических вопросов значения диссертация следует концепции единой семантики (Ф. Растье, А.Е. Бочкарев) и ознаменовывает закономерный этап ее теоретического развития и практического применения для описания когнитивно-семиотического конструкта «лондонский текст» английского языка и культуры. Исследование также следует горьковской лингвистической школе (Ю.М. Скребнев, М.С. Ретунская) и на материале английского языка развивает ряд ее постулатов (о неоднородности языка, надтекстовых образованиях, аксиологической лексике, статусе коннотативного компонента значения).

В исследовании выдвинута и теоретически обоснована концепция сверхтекстовой природы английской лингвокультуры, в рамках этой концепции построен интегративный когнитивно-семиотический конструкт «лондонский текст», задающий образец для лингвистического описания других категорий английской лингвокультуры; установлена типология структурных составляющих лондонского текста, выявлены его внутренние связи и алгоритмы развертывания в реальные тексты, установлено его вхождение в меж-сверхтекстовые парадигмы английской лингвокультуры, обоснована его нормативная или аксиологическая значимость для представителей английского социума; окончательно разведены понятия «текст синтагматический или линейный», «текст парадигматический или сверхтекст», «гипертекст», «интертекст», «текстема», «дискурс»; в целях формализованной и прецизионной реконструкции лондонского текста существенно дополнен описательный аппарат когнитивных и культурологических изысканий в лингвистике.

Объём и структура диссертации. Диссертационное исследование изложено на 575 страницах и состоит из введения, семи глав, выводов, заключения, библиографии и трех приложений. Текст диссертации содержит шесть рисунков, одну схему и одну таблицу. Библиографический указатель включает в себя список научных трудов (343 отечественных и 229 зарубежных), список лексикографических и энциклопедических источников (4 отечественных и 12 зарубежных), список источников примеров (21 отечественный и 225 зарубежных).

Во **Введении** дается общая характеристика работы: обосновывается актуальность предлагаемого исследования; раскрывается научная концепция, лежащая в основе исследования; определяются цель и конкретные задачи работы; указываются объект, предмет, материал и методы исследования; поясняется научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов исследования; формулируются положения, выносимые на защиту; сообщаются источники апробации основных положений и результатов исследования, описываются структура и объем работы.

В **Главе 1 «Интеграция когнитивных и семиотических исследований. Сверхтекстовая природа семиотики»** речь идет о когнитивной природе семиотики и о возможностях использования ее аппарата в когнитивных и лингвокультурологических исследованиях языка в рамках его представления как системы знаков, которыми замещаются предметы речи, и системы символов, которые представляют духовный опыт его носителей. На основании этого в главе излагается программа интеграции когнитивного и семиотического подходов в описании языка, а также задаются предпосылки к созданию моделирующего конструкта ментального отражения фрагмента действительности – лондонского текста, т.е. «всеобъемлющей» вербализации одноименного концепта. Кроме того, особо подчеркивается «сверхтекстовый» характер семиотики и обозначается стратегия семиотического описания и семантического структурирования указанного конструкта.

В **Главе 2 «Пролегомены к описанию лондонского текста»** даются теоретические предпосылки к семантическому описанию лондонского текста английской лингвокультуры как потенциальной суммы смыслов всех образующих его конкретных текстов, которые связаны общей тематикой Лондона; объясняется его гипертекстовая природа, т. е. реляционность по отношению к другим сверхтекстам английской культуры, а также его интертекстуальный характер или включенность в меж-сверхтекстовые парадигмы; дается математическое обоснование многомерности и несамодостаточности текстов, конституирующих лондонский текст; приводятся предпосылки к семантическому построению лондонского текста с позиций возможных миров; рассматривается его таксономическая структура; описывается отличие лондонского текста от его объекта, британской столицы, в рамках строго интенсиональной трактовки значения; указывается, благодаря каким лингвистическим средствам достигается связность лондонского текста, дается обоснование его вероятностного, «калейдоскопичного» характера. Предложена программа семиотической интерпретации лондонского текста, которая подходит для структурирования других ключевых сверхтекстов

английской лингвокультуры и сложных ментальных образований, стоящих за ними.

Излагаются принципы отбора практического материала для когнитивно-семиотического исследования английского языка и культуры, которое претендовало бы на объективность; отмечается, что в подобном исследовании установка на литературный текст абсолютно необходима, поскольку солидный корпус таких текстов незаменим для описания сложных лингвистических феноменов и стоящих за ними ментальных структур. Выдвигается положение о том, что исследователю-англисту следует ориентироваться на английский литературный канон – глобальный корпус текстов, на основе которых формируется значительная часть концептосферы образованных носителей языка.

Рассматриваются проблемы, связанные с ориентацией исследователя на канон: дается определение данного понятия, очерчиваются его границы, выделяются центральные и периферийные авторы, указываются критерии каноничности литературного произведения, приводятся аргументы противников канонизации в литературе, обозначаются возможности реконструкции канона в других культурах.

Дополнительно анализируется когнитивный аспект каноничности в английской литературе и указывается на ключевую трансформацию английской ментальности, когда к началу новоанглийского периода у англичан изменились механизмы познания, что сформировало современный тип мышления в терминах времени, причинности и вероятности и заложило основу канонической литературы. Заключается, что ориентация на литературный канон в лингвистическом исследовании позволяет интегрировать языкознание и литературоведение, а также учесть в анализе неязыковые знаковые системы и идиолектные системы концептуализации мира в литературных произведениях.

В **Главе 3 «Когнитивные и семиотические модели представления знания»** рассматриваются модели, используемые в когнитивистике и семиотике для репрезентации и упорядочения знания о фрагменте действительности. В первом разделе главы с позиций когнитивной лингвистики определяется

концепт как результат категоризации, рассматривается множество подходов к изучению данной ментальной сущности. Полагается, что концепт являет собой не строгую онтологическую таксономию, а диффузное множество, образованное с участием разносистемных парадигм. Основные концепты английской лингвокультуры или культурные константы рассматриваются как ментальные репрезентанты ее сверхтекстов, т.е. текстовых моделей, получаемых путем сближения текстов исследуемой смысловой сферы. Различие между этими двумя абстрактными образованиями заключается в том, что концепт содержит в себе невербализованные признаки, а сверхтекст – четкие алгоритмы их предикации и вербализации в синтаксических последовательностях, развертываемых из общей парадигмы. В разделе разграничиваются по уровням значение лексической единицы, содержание концепта и сверхтекстовая структура. Кроме того, указывается на потенциал вербализации концепта как в ключевых словах культуры, так и глобально, в ее сверхтекстах; излагается программа семантического моделирования концепта на основе анализа рекуррентных синтаксических структур из текстовой традиции; отмечается, что при изучении концептов и их вербализаций установка на литературный текст абсолютно необходима, т.к. концепт заключает в себе не только «объективно-истинные» признаки. Полагается, что концепт не структурируется в терминах ядра-периферии, имеет диффузные границы и характеризуется способностью отсылать к бесконечному числу других концептов. Концепт также рассматривается как ментальное образование, строящееся на основе интерсемиотичности, т.е. динамического взаимодействия разнородных знаковых систем.

Второй раздел Главы 3 посвящен анализу когнитивной метафоры как способа познания и как средства формирования концепта – основной ментальной операции, объединяющей понятийные области. Рассматривается связь метафоры с процессами категоризации; указывается, что при метафорическом переносе одна концептуальная область проецируется в другую. На примере структурирования метафоры «Лондон – тюрьма» даются описания

метафорического переноса не в терминах проецирования, которые предполагают выделение фреймовых конструкций более высокого уровня обобщения, чем соотносимые понятийные области (в частности, теория концептуального слияния Ж. Фоконье и М. Тернера). Отмечается эпистемологический статус метафоры: она рассматривается как эксплицирующая схема и способ построения возможных миров. Выделяется ряд факторов, обусловливающих необходимость исследования концептов совместно с механизмами действия метафоры. Поскольку метафора обеспечивает перенос значения и формирование концептуальных признаков, в статье предлагается ее семантическое описание в терминах актуализации / нейтрализации сем и построения изотопий.

В третьем разделе Главы 3 анализируется текст как первичная данность гуманитарно-филологического мышления, обосновывается суперсегментность текстовых характеристик (в первую очередь, смысловых), отмечается макро-когерентость тематически близких текстов, т.е. их соотнесенность с некоторым смысловым «каркасом»; рассматриваются возможности выделения текстовой парадигмы и текстемы как языковой единицы, инварианта или текстотипа, т.е. рассматривается «вертикальный» процесс текстопорождения. Отмечается, что на реальные синтагматмические построения существенно влияют сверхтекстовые структуры; постулируется вторичность синтаксиса текста по отношению к его семантике; разграничиваются понятия дискурса, сверхтекста и текстемы.

В **Главе 4 «Методика лингвистического описания лондонского текста»** детально излагается метод лингвистического описания лондонского текста, основанный на принципиальной установке на интеграцию когнитивного и семиотического подходов, в соответствии с которой анализ социально значимых ментальных сущностей осуществляется через семантическое исследование соответствующих им текстов. Так, в ходе исследования текстов заданной смысловой сферы, т. е. тех текстов, в которых наличествуют вербализации концепта «Лондон», мы выделяем их семантические признаки, получаем теоретико-множественную сумму признаков в совокупности их взаимоотношений и на этой основе конструируем семантический каркас

лондоского текста как глобальной вербализации концепта. В главе указывается, что ориентация на литературный текст абсолютно необходима, поскольку в нем «наводится» или актуализуется больше признаков по сравнению с бесконтекстной вербализацией. Это связано с тем, что некоторые признаки концепта выражаются косвенно и для их выявления необходимо использовать интерпретативные процедуры. Соответственно, для реконструкции лондонского текста был выбран метод интерпретирующего семантического анализа в рамках общей концепции единой семантики, разработанной французскими исследователями-структуралистами. В главе приводится подробный терминологический аппарат данного метода, выделяются его преимущества перед американским вариантом компонентного анализа. Кроме того, дается типология семантических компонентов, предлагается решение проблемы коннотативного компонента значения и указывается, что семантические классы, на основе которых описывается лондонский текст, могут строиться на основе либо онтологических таксономий, либо социолектных норм, либо идиолектного постижения действительности.

В **Главе 5 «Семантическая реконструкция лондонского текста»** представлена смысловая репрезентация объекта настоящего исследования, осуществляемая на основе интерпретирующего семантического анализа синтагматических построений с участием лексических репрезентаций семем, входящих в таксемы «urban area» и «capital city». К этим репрезентациям относятся следующие лексемы: «town», «borough», «city», «emporium», «cosmopolis», «metropolis», «agglomeration», «conglomeration», «conurbation», «sprawl», «megalopolis», «ecumenopolis» и «capital». Такой анализ основан на положениях о том, что знание об элементе окружающего мира включает информацию о его принадлежности к какому-либо таксономическому классу и что таксономическое значение задает пресуппозиции предикации. Тем не менее, в главе указывается, что выделенные таксемы не полностью совпадают с «бытийными» таксономическими классами, поскольку они выделяются не экстенсионально, т.е. на основе референции к объектам действительного мира, а

интенсионально. Описание лондонского текста в главе имеет циклический характер: от ингерентных признаков репрезентирующих его семем к его контекстным реализациям, в которых, в свою очередь, актуализуются афферентные признаки семем, в результате чего сверхтекст приобретает новые признаки.

В главе также дается семантическое описание оппозиций «urban – rural» и «urban – suburban», структурирующих лондонский текст; выявляется ряд когнитивных метафор, за счет действия которых в состав лондонского текста привносятся дополнительные признаки, рассматриваются динамические структуры в составе лондонского текста, выделяется шесть составляющих в его составе.

В **Главе 6 «Имя «London» как основная реализация лондонского текста»** приводится лингвистический анализ лексемы «London», синтагматические построения с участием которой следует рассматривать как основные реализации лондонского текста. Выявляется этимология лексемы «London», и рассматриваются производные от нее лексемы, а также корпус устойчивых словосочетаний и устойчивых речений с ее участием. Кроме того, анализируются ключевые метафоры, участвующие в формировании лондонского текста и обосновывается возможность сочетания семемы ‘London’ с предикатами и атрибутами, содержащими нехарактерные для нее семы. Такой анализ позволяет актуализовать неочевидные измерения лондонского текста: представление сущности города как организма (в частности, антропоморфного), души, текста и мира, вселенной.

В **Главе 7 «Субтексты и варианты лондонского текста»** рассматриваются субтексты в составе Лондонского текста, т. е. более узкие тематические единства, связанные общей пропозициональной установкой, а также варианты лондонского текста, сформированные у представителей неанглийской культуры.

Разделы 7.1 и 7.2 посвящены анализу звукового и визуального субтекстов в их вербальном выражении, что иллюстрирует положение о том, что лондонский

текст формируется по принципу интерсемиотичности и является результатом функционирования множества кодов, а не только одного языка.

В разделе 7.3 на примере лондонского текста английской литературы говорится об асинхронности формирования основных текстов конкретной культуры у ее представителей и носителей других культур. Это ведет к формированию ложных стереотипов и мифов об исходной культуре у представителей других национальностей и вызывает трудности при переводе с одного языка на другой. В разделе вскрываются причины возникновения такой асинхронной концептуализации действительности, анализируются идеальные образы Лондона, свойственные лондонскому тексту неанглийских литератур, указываются сложности в реконструкции сверхтекстов иной культуры. В разделе также выделяются основные составляющие английскости, рассматриваемые сквозь призму Лондона как цивилизациообразующего фактора.

Раздел 7.4 посвящен топографии Лондона английской писательницы В. Вулф: города реального, непосредственно связанного с ее жизнью и творчеством, и города литературного – такого, каким он предстает в ее произведениях. Указывается, что с лингвистической точки зрения и в рамках исследования лондонского текста эти различия несущественны. В разделе также иллюстрируется положение о том, что в контексте творчества писателя ассоциации, эвоцируемые топонимами, расширяются, т.е. в состав лондонского текста привносятся новые признаки.

В разделе 7.5 на примере романа современного английского писателя М. Муркока «Лондон, любовь моя» рассматривается популярный в постмодернистской литературе способ текстового представления урбанизированного пространства – психологическая география. Лондонское пространство при этом, в противовес официальной упорядочивающей топографии, оказывается сотканным из индивидуальных впечатлений индивидов, которые они получают в ходе прогулок по столице. В разделе, таким образом, представлено идиолектное, глубоко личное структурирование

лондонского текста, характеризующееся актуализацией нечастотных, периферийных признаков и погашением компонентов, более распространенных, что подтверждает положение о стохастической структуре лондонского текста.

В разделах 7.6 и 7.7 даются примеры тематически ограниченных и темпорально локализованных субтекстов из состава лондонского текста: литературного и театрального, относящихся ко времени, когда в Лондоне творил О. Уайльд. Иллюстративный материал относится не столько к творчеству данного писателя, сколько к особенностям литературной и театральной жизни Лондона в поздневикторианскую эпоху, которые, тем не менее, рассматриваются сквозь призму незаурядной личности Уайльда. Разделы призваны продемонстрировать прецедентность имен собственных, связанных с британской столицей, их важность в составе лондонского текста как генераторов бесконечных ассоциативных рядов и, соответственно, непрогнозируемых его реализаций. Попутно дается обширный социокультурный контекст – в соответствии с продуктивным современным подходом к интерпретации текста, когда при анализе учитывается не только он сам, но и сопутствующая ему затекстовая реальность.

В разделе 7.8 на примере романа «Белые зубы» современной английской писательницы З. Смит исследуется мультикультурное пространство Лондона, каким оно предстает в контексте современной английской постколониальной прозы. Выявляются характерные компоненты постколониального субтекста и описываются признаки, привносимые в лондонский текст в целом, которые свидетельствуют об эволюции описаний британской столицы (в частности, переосмысление основного кода Британской империи или изменение вектора оценки).

В **Заключении** суммируются и обобщаются результаты исследования.

В **Приложениях** к исследованию приводятся перечни производных слов от имени «London»,устойчивых словосочетаний и речений с его участием, а также комментарии к этим перечням.

ГЛАВА 1
ИНТЕГРАЦИЯ КОГНИТИВНЫХ И СЕМИОТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. СВЕРХТЕКСТОВАЯ ПРИРОДА СЕМИОТИКИ

В данной главе речь будет идти о когнитивной природе семиотики и о возможностях использования ее аппарата в когнитивных и культурологических исследованиях языка в рамках его представления как системы знаков, которыми замещаются предметы речи, и системы символов, которые представляют духовный опыт его носителей. На основании этого в главе будут изложены возможности интеграции когнитивного и семиотического подходов в описании языка, а также заданы предпосылки к созданию моделирующего конструкта ментального отражения фрагмента действительности – лондонского текста, т. е. «всеобъемлющей» вербализации одноименного концепта. Кроме того, будет обоснован «сверхтекстовый» характер семиотики и намечена стратегия семиотического описания и семантического структурирования указанного конструкта.

Как отмечал Н. Хомский, когнитивная революция, произошедшая в филологии, проявляет заинтересованность в состояниях разума, мозга и в том, как они проявляются в поведении человека, особенно в его когнитивных состояниях: знания, понимания, интерпретации, веры [Chomsky 1971: 12]. Возникновение когнитивной лингвистики – это один из аспектов смены общей научной парадигмы, начавшейся в лингвистике в конце 1950-х годов и заключающейся в «снятии запрета» на рассмотрение глубинных ментальных конструктов. Когнитивистика «творит» в пространстве субъективного, неизменно включая в сферу своих непосредственных интересов «человеческий фактор». В фокусе изучения оказывается не только язык как неразрывное единство формы и субстанции, но и единство более высокого порядка: языка и человека, который мыслит, познает, действует, общается [Cf.: Аристов 1999: 4]. Другими словами, когнитивный подход к изучению языка исходит из того, что ключевая роль в формировании языковых значений принадлежит

трансцедентальному субъекту – человеку как наблюдателю и как носителю определенных знаний и опыта. Однако при тщательном анализе когнитивных теорий в лингвистике складывается впечатление, что для анализа фактов языка когнитивисты зачастую оперируют не достаточно четкими процедурами: рассматриваются связи между структурами знания и структурами языка (приоритет отдается первым), но они, по замечанию Р. М. Фрумкиной, неизбежно вплетаются в контекст множественных индивидуально обусловленных интерпретативных практик и субъективных ассоциативных приращений [Фрумкина 1999]. Например, в когнитивной семантике Лакоффа и Лангакера, где значение рассматривается как ментальное представление, четко не определены ни цели экспериментов, ни их процедуры. Если включать языковые явления в ментальные операции, и описывать ментальный опыт на основе универсальных семантических структур, то мы выйдем за пределы лингвистического описания и окажемся в тупике. Более того, по мнению ряда исследователей, в частности, западноевропейских [Cf.: Nyckees 1997] когнитивная лингвистика не способна выйти за пределы психологического изучения индивидуального ощущения: в ней не отделяются языковые категории от доязыковых, не рассматривается коллективная природа языковых значений и последние не соотносятся с человеческой деятельностью. Соответственно, смешиваются план дескриптивного (индивидуальный опыт человека) и план объяснительного.

Относительно спорного характера постулата когнитивной лингвистики о единых принципах построения доязыковых и языковых категорий и положения о том, что последние являются проекцией первых, заметим, что языковые категории носят «групповой» характер и вырабатываются носителями языка на протяжении длительного времени для того, чтобы координировать их взаимодействие друг с другом. Доязыковые же категории – это категории перцептивные, индивидуальные. Соответственно, природа индивидуального и языкового (т.е. социального, межиндивидуального) познания строится на разной основе. Категории перцептивные есть результат чувственной

деятельности индивида, а семантические – коллективной деятельности, которая скоординирована и обуславливается языковой деятельностью.

Безусловно, указанные проблемы могут быть вполне адекватно решены и в рамках собственно когнитивистской парадигмы (как, в частности, в трудах Н.Н. Болдырева [2002; 2004; 2009; 2010], Е. С. Кубряковой [2004(а); 2004(б)], З.Д. Поповой и И. А. Стернина [2003; 2007]), однако, как нам представляется, для установления точных соответствий между языком и когнитивными представлениями необходим дополнительный методологический аппарат, когнитивный по сути, но более прецизионный. В качестве варианта мы предлагаем обратиться к семиотическому моделированию, что вполне закономерно: человеческое мышление является по своей природе знаковым; с другой стороны, по замечанию Ч. Пирса, знак становится знаком только тогда, когда он используется в таком качестве, т.е. когда он кому-либо адресуется и интерпретируется как знак чьим-либо мышлением» [Peirce 1958: 357]. В целом, здесь мы следуем программным положениям Ч. Пирса, который неоднократно отмечает, что всякая мысль есть знак [Peirce 1931: 538], что мы мыслим только знаками [Peirce 1932: 202], и что все мышление есть исключительно знаки [Peirce 1934: 534]. Даже если предположить, что человек способен мыслить и без языка в его знаковых репрезентациях, то в рамках общесемиотического подхода категории мышления и механизмы когниции опять же могут описываться знаково – через знаки невербальные, в частности, иконические [Cf.: Соснин 2017(а)].

В отечественной семиотике это отсылает нас, в частности, к когнитивным идеям В.Н. Волошинова, который подчеркивал, что «знаки появляются исключительно в ходе взаимодействия индивидуальных сознаний и что индивидуальное сознание как таковое наполнено знаками. Сознание же становится сознанием, лишь будучи наполненным знаковым содержанием» [Волошинов 1930: 16]. Волошинов также замечал, что у души и знака одна реальность, а за пределами знакового материала нет души [Op. cit.: 26]. Об этом пишет и Н. Д. Арутюнова: язык – это одновременно и система знаков, которые

замещают реальные и идеальные предметы речи (область семиотики), и система символов, за которыми стоит духовный опыт людей (областькогнитивной лингвистики) [Арутюнова 1997: 657]. В этой связи А.С. Самигуллина говорит о важности для когнитивистов тех обобщений, которые можно получить в семиотике в рамках собственно лингвистики – в так называемом «трехмерном пространстве языка» [Самигуллина 2007: 13]: синтактике (синтаксис, композиционная организация, «морфология» текста), семантике (отношение элементов к реальному и/или выдуманному миру, категоризация мира, картина мира) и прагматике (говорящий субъект, его различные «Я», отношения между отправителем и адресатом, словесное убеждение и пр.) [Степанов 1983: 10]. Например, как отмечает А. Вежбицкая в книге «Семантические примитивы», элементарные смыслы Апресяна, семантические маркеры Бирвиша, семантические компоненты Вайнрайха, фигуры Ельмслева, базовые реляционные понятия Сепира суть лингвистические эквиваленты лейбницевских человеческих мыслей, которые сами по себе являются мысленно представимыми и через сочетания которых рождаются наши другие идеи [Вежбицкая 1983: 234].

Приведем еще несколько замечаний относительно когнитивного характера семиотики. Когнитивными исследованиями было, в частности, доказано, что при концептуализации действительности человеческий мозг использует одни и те же структурные параметры, применяя их к различным областям знания [Nemeth 2001; Pravikova 2002; Taylor 1995]. Этим обусловливается внимание семиотики к структурным аспектам текстов, т.к. именно благодаря этим аспектам обеспечивается связность и упорядоченность всего нашего дискурса. По замечанию Н.Б. Мечковской, отдельная семиотика являет собой модель фрагмента мира, отображающую признаки и потенциальные состояния данного фрагмента. Конкретная семиотика выступает в информационных процессах в качестве моделирующей системы, используя которую коммуникант моделирует в своем сознании некоторый фрагмент реальности и получает актуальную информацию о ней [Мечковская 2007: 7]. Как указывается

исследовательницой, информационные процессы (восприятие и генерирование информации, ее мыслительная обработка) представляют собой цепочку прохождения информации по иерархии кодов внутри мозга, т.е. процесс ее внутримозгового перекодирования [Op. cit.: 12]. При этом эксплицитным компонентом процессов накопления и приращения информации будет семиозис или знакообразование[1] [Мечковская 2004: 576].

Важность семиотики для теории познания особо отметил Вяч. Вс. Иванов в «Эпилоге» к «Очеркампо предыстории и истории семиотики»: «Задача семиотики заключается в описании семиосферы, без которой нельзя помыслить ноосферу» [Иванов 1998: 791].

Ж. Пиаже указывает на то, что познание начинается с действия, а любое действие может повторяться или обобщаться лишь за счет его применения к новым объектам, в результате чего порождается некоторая схема или праксический концепт (который, по Ч. Моррису, рассматривается как семантическое правило, которым описывается употребление характеризующих знаков [Моррис 1983: 58]). Согласно Пиаже, основная связь, которая лежит в основе всякого знания, заключается не просто в «ассоциации» объектов, а в их «ассимиляции» по определенному набору схем, присущих субъекту. Данный процесс есть продолжение форм биологической ассимиляции, в ряду которых ассимиляция когнитивная являет собой частный случай, будучи процессом функциональной интеграции [Пиаже 1983: 90]. В этой связи вслед за А.С. Самигуллиной можно отметить, что семиотике присущ имманентизм, когда формальная структура является именно тем, что порождает значение [Самигуллина 2007: 14].

По замечанию П. Торопа, стало возможным говорить о том, что процессы порождения текстов, языка и культуры изоморфны, и, соответственно, возрос потенциал использования психофизиологических данных о функционировании мозга для описания других уровней [Тороп 1995: 226]. Ю.М. Лотман

[1] Семиозис – это операция, которая за счет установления отношения обоюдной пресуппозиции между формами выражения содержания (терминология Л. Ельмслева) или между означающим и означаемым (терминология Ф. де Соссюра) создает знаки. Соответственно, любой языковой акт имплицирует семиозис. Согласно А.-Ж. Греймасу, термин «семиозис» эквивалентен термину «семиотическая функция» [Греймас 1983: 526].

утверждает, что более всего это относится к аналогиям между последними открытиями в области асимметрии мозга и семиотической асимметрией культуры – о попытках прикрепления сложных культурных функций к одному из полушарий [Лотман 1983(а): 24]. Исследователь убежден, что интеллектуальные устройства должны иметь би- или многополярные структуры и что функции этих структур на уровнях от отдельного текста и сознания индивида до национальных культур и глобальной культурной среды аналогичны. Это, по мнению Лотмана, обеспечивает нейротопографический фундамент культуры как двух- или многоканальной структуры, которая связывает разнотипные семиотические генераторы [Op.cit.: 25].

Одной из основных черт семиотики также является ее «текстовость» или, скорее, «сверхтекстовость», когда текст понимается как некоторая общая модель для группы текстов – в рамках ко-текстуальной теории текста, задача которой заключается в построении некоторого текста-конструкта, воплощающего некоторую общую идею, а затем – в генерировании всех возможных реализаций исходного текста и их сопоставлении (Я. Петёфи и др.) [Petöfi 1971; cf.: Николаева 1978(а): 469]. Действительно, согласно В.В. Фещенко, задача семиотического подхода заключается в обнаружении инварианта или атомарной структуры некоторого явления, а также в описании множественного через единичное или бинарное [Фещенко 2006: 56].

Постулат о текстовой природе семиотики, являющийся принципиальным для настоящего исследования, был выдвинут представителями тартуской структурно-семиотической школы, характеризующейся предельной текстоцентричностью и рассматривающую культуру как абстрактную систему текстов [Cf.: Лотман 1995].

Текст становится ключевым семиотическим объектом в конце 1960-х – начале 1970-х гг. В «Опыте введения в систему Ю.М. Лотмана» И.А. Чернов называет текст «результатом семиотической деятельности» в самом широком смысле, т.е. «произведением языка, искусства и культуры» [Чернов 1997: 9]. Следуя Ю.М. Лотману, он также считает текст «организующим началом

культуры, а в более специфическом отношении – ее моделью» [Ibid.]. «Именно понятие текста, – заключает И. А. Чернов, – способствовало установлению того факта, что культура не является статичным целым, которое существует синхронно» [Ibid.].

Итак, вслед за Ю.М. Лотманом текст рассматривается как «генераторсмысла», как объект, который «посвоей сути гетерогенен и гетероструктурен» и, следовательно, являет собою «одновременную реализацию нескольких семиотических языков» [Лотман 1986: 106]. Для Лотмана текст становится «внутренне противоречивым динамическим явлением» [Op.cit.: 107]. Сам Лотман здесь во многом опирается на У. Эко, который, ощущая необходимость выработать новый, универсальный подход к восприятию литературы, вводит в своем «Трактате об общей семиотике», помимо традиционного декодирования или понимания текста, понятие экстракодирования, когда в ходе восприятия порождается, по сути, новый текст [Eco 1975: 194]. При экстракодировании текст может либо существенно усложняться (сверхкодирование), либо упрощаться (некодирование). Эко, таким образом, призывает исследовать не простое чтение текста, а его разночтения – с тем чтобы осмыслить особенности того, как тексты существуют в культуре. Лотман, однако, заменяет понятие декодирования более гибким понятием общения между текстом, его автором и получателями. В статье «Семиотика культуры и понятие текста» он выделяет разновидности общения такого типа: между адресантом и адресатом; между аудиторией и культурной традицией; читателя с самим собою; читателя с текстом; между текстом и культурным контекстом, когда текст выступает в коммуникативном акте не как сообщение, а в качестве его полноправного участника, субъекта-источника или получателя информации [Лотман 2010: 68-69].

Воззрения на текст как на динамический феномен соотносятся с положением, выдвинутым Р. Бартом, согласно которому текст – это предмет наблюдения не в качестве законченного продукта, а как его порождение, которое включено в другие тексты и другие коды и, таким образом, связано с

обществом и его историей за счет межтекстовых ассоциаций (т.н. «межтекстовый подход») [Барт 1980: 307].

О семиотической перспективе исторического процесса написал Б.А. Успенский в статье «Historia sub specie semioticae». Исследователь представляет его как коммуникативный процесс, в котором новая информация, привходящая на постоянной основе, неизбежно провоцирует у социума ответную реакцию. В качестве кода при этом выступает при этом некоторый семиотический язык, которым определяется восприятие реальных и потенциально возможных фактов в конкретном историческом и культурном контексте. Другими словами, социум приписывает событиям значение, читает их текст [Успенский 2002: 77]. Успенский особо подчеркивает, что одни и те же объективные факты, из которых состоит онтологический событийный текст, могут быть по-разному интерпретированы на разных языках: на языке данного социума, локализированного в пространстве и времени, и на других языках, имеющих отличные пространственно-временные характеристики [Op. cit.: 78].

Результатом таких представлений о тексте будет вывод о том, что все процессы восприятия по своей природе диалогичны. Диалог, по Лотману, подразумевает «семиотическую сопротивляемость получателя информации, переживающего столкновение языка, на котором создано сообщение, с языками своей памяти» [Лотман 1983(б): 29]. «Диалогичность», таким образом, является неотъемлемой характеристикой знакообразования и, соответственно, любого знака: в трактовке М.М. Бахтина и В. Н. Волошинова, всё понимание диалогично [Волошинов 1930: 104], и «слово также диалогично по своей природе» [Бахтин 1963: 151]. Как продемонстрировал, в частности, Д.К. Данов [Danow 1984: 80], такому пониманию диалога находятся аналогии в трудах Ч. Пирса, утверждавшего следующее: «Мышление всегда происходит в форме диалога между различными фазами эго» [Peirce 1933: 6]; «все мыслительные процессы диалогичны по форме» [Peirce 1935: 338]. Согласно Пирсу, данный тип диалога объясняется тем, что «познание логически детерминировано

предшествующим опытом познания» [Peirce 1934: 265] и, поскольку «любая мысль – это знак» [Op. cit.: 253], она «должна адресоваться некоторой другой мысли и воздействовать на нее, т.к. в этом и состоит сущность знака» [Ibid.].

Выявление новых закономерностей функционирования текста (в общесемиотическом понимании) позволило по аналогии исследовать деятельность человеческого мозга и обратиться к построению описательных конструктов и моделей искусственного интеллекта, поскольку выяснилось, что на основе текстов культуры гораздо эффективнее строить модели, описывающие и имитирующие человеческое поведение и разум. В частности, выделяемые тексты могут быть соотнесены с концептами, фреймами, сценариями и культурным опытом человека в целом. Здесь мы получаем возможность учесть достижения антропологической лингвистики и уточнить когнитивный аппарат.

Действительно, как описать, например, ментальное представление об английской столице, концепт «Лондон», если не через субъективные смыслы, ментальные конфигурации, когнитивные метафоры и другие предельно общие когнитивные категории? Представляется возможным поставить ему в соответствие сверхтекст или формализованное семиотическое представление о британской столице – «лондонский текст». Он будет являть собой нормативную реконструкцию и включать в себя потенциальную сумму образующих его конкретных текстов о Лондоне, которые связаны общей тематикой и интертекстуально взаимодействуют друг с другом.

Таким образом будет обеспечиваться комплексное рассмотрение когнитивного, семиотического и прецизионно семантического аспектов, что в настоящем исследовании будет достигнуто благодаря обращению к концепции «единой» (объединенной) семантики, предложенной французским лингвистом Франсуа Растье. Исследователь фокусируется преимущественно на семасиологическом аспекте и занимается, главным образом, семиотической интерпретацией текста с использованием структуралистского

методологического аппарата[2]. Выбор такой методики лингвистического описания лондонского текста тем более релевантен в связи с тем, что, как замечает А.С. Самигуллина, когнитивный означает ориентированный на значение [Самигуллина 2013: 288], а любые когнитологические исследования в конечном итоге сводятся к семантическому анализу языка [Ibid.; cf.: Мурясов 2007: 27]. Кроме того, исследовательница подчеркивает вслед за В.З. Демьянковым, что когнитивный есть интерпретирующий [Самигуллина 2013: 288; cf.: Демьянков 1992; 1994], поскольку в сознании и языке мир не воссоздается, а интерпретируется [Cf.: Фрумкина 1999].

Заметим, наконец, что семиотический анализ текста, по Ю.С. Степанову, сводится, в первую очередь, к выявлению в нем пропозиций различной степени общности [Степанов 1983: 9]. Вслед за Н.Д. Арутюновой под пропозицией будем понимать семантический инвариант, который является общим для всех членов, входящих в модальную и коммуникативную парадигму предложения и производных от него структур [Арутюнова 2008(б): 3690]. Итак, согласно Степанову, подобный анализ заключается, во-первых, в выделении и классификации предикатов, которыми индивидуальные персонажи и «вещи» наделяются в тексте, а, во-вторых – в подведении наличествующих в тексте индивидуальных сущностей под общие разряды, что вскрывает, в конечном итоге, картину глубинного устройства мира с позиций данного текста [Степанов 1983: 10].

При таком анализе в качестве моделирующей системы учитывается и литература[3]. Для теоретического обоснования сходства языка и литературы «заместительный» принцип знака «aliquid stat pro aliquo» оказался недостаточным, и он был распространен на «принцип высказывания». По словам Ю. С. Степанова, единство языка и литературы обнаружилось в том, что во всех их частях и разновидностях распознаются однородные «ячейки»знаковой природы – высказывания, в основе которых лежат

[2] Подробнее см. Главу 4 «Методика лингвистического описания сверхтекстов».
[3] Подробнее см. Раздел 2.8. «Апология литературного канона в лингвистическом исследовании».

пропозициональные функции с постоянными и переменными компонентами [Op. cit.: 8]. Это положение является принципиальным для построения когнитивно-семиотических моделей сверхтекстов английской лингвокультуры.

Выводы

Для установления точных соответствий между языком и когнитивными представлениями представляется продуктивным обратиться к семиотическому моделированию, т.к. человеческое мышление является по своей природе знаковым, а знак становится знаком только тогда, когда он кому-либо адресуется и интерпретируется как знак чьим-либо мышлением. Нельзя переоценить важность для когнитивистов тех обобщений, которые можно получить в семиотике в рамках собственно лингвистики – в так называемом «трехмерном пространстве языка»: синтактике, семантике и прагматике.

Одной из основных черт семиотического подхода, стремящегося обнаружить инвариант некоторого явления или вещи, является его «сверхтекстовость»,когда текст понимается как некоторая общая модель для группы текстов – в рамках ко-текстуальной теории текста, задача которой заключается в построении некоторого текста-конструкта, воплощающего некоторую общую идею, а затем – в генерировании всех возможных реализаций исходного текста и их сопоставлении.

При этом вслед за Ю. М. Лотманом текст рассматривается как «генератор смысла», как гетерогененный и гетероструктурный объект, являющий собою реализацию нескольких семиотических языков. Текст наблюдается не в качестве завершенного продукта, а как его генерирование, включенное в другие тексты и коды и связанное с обществом и его историей благодаря межтекстовым ассоциациям.

Интеграция когнитивного и семиотического осуществляется в рамках концепции «единой» (объединенной) семантики. Семиотический анализ текста при этом заключается в выявлении в нем пропозиций различной степени общности, в выделении и классификации предикатов, которыми персонажи и

«вещи» наделяются в тексте, и, наконец, во включении индивидуальных сущностей из текста в общие разряды, что вскрывает картину глубинного устройства мира с позиций данного текста.

Итак, анализ ментальных сущностей через семантическое исследование соответствующих им текстов, интеграция когнитивного и семиотического подходов позволяет решить ряд методологических задач:

- использовать в анализе строгие лингвистические процедуры;
- «примирить» языкознание с литературоведением и «вторичными моделирующими системами» в рамках общего семиотического подхода;
- продемонстрировать, что у концепта имеются не только «объективно истинные» признаки;
- описать данный ментальный фрагмент с позиций диалогичности и приращения новых смыслов – в терминах актуализации потенциальных социолектных и идиолектных сем (появлениеновых интерпретаций текста в новые эпохи, его различные толкования различными социальными группами, текст как продукт не только автора, но и читателя).

ГЛАВА 2
ПРОЛЕГОМЕНЫ К ОПИСАНИЮ ЛОНДОНСКОГО ТЕКСТА

В настоящей главе будут даны теоретические предпосылки к семантическому описанию лондонского (сверх)текста как потенциальной суммы всех образующих его конкретных текстов, которые связаны общей тематикой; будет объяснена его гипертекстовая природа и интертекстуальный характер, дано математическое обоснование многомерности и несамодостаточности текста; будут изложены предпосылки к семантическому построению лондонского текста с позиций возможных миров, рассмотрена его таксономическая структура, описано отличие лондонского текста от его объекта, указано, благодаря чему достигается связность текста, дано обоснование его вероятностного, «калейдоскопичного» характера. Программа семиотической интерпретации сверхтекстов, предлагаемая в главе, подходит для описания сложных ментальных образований.

В главе будут также изложены принципы отбора практического материала для когнитивно-семиотического исследования английского языка и культуры, которое претендовало бы на объективность; будет доказано, что в подобном исследовании установка на литературный текст абсолютно необходима, поскольку солидный корпус таких текстов незаменим для описания сложных лингвистических феноменов и стоящих за ними ментальных структур. Будет выдвинуто положение о том, что исследователю-англисту следует ориентироваться на английский литературный канон – глобальный корпус текстов, на основе которых формируется значительная часть концептосферы образованных носителей языка. В главе будут также рассмотрены проблемы, связанные с ориентацией исследователя на канон: будет дано определение данного понятия, очерчены его границы, выделены центральные и периферийные авторы, указаны критерии каноничности литературного произведения, приведены аргументы противников канонизации в литературе, обозначены возможности реконструкции канона в других культурах.

Дополнительно будет проанализирован когнитивный аспект каноничности в литературе и указано на ключевую трансформацию английской ментальности, когда к началу новоанглийского периода у англичан изменились механизмы познания, что сформировало современный тип мышления в терминах времени, причинности и вероятности и заложило основу канонической литературы. Будет выдвинуто и обосновано положение о том, что ориентация на литературный канон в лингвистическом исследовании позволяет «примирить» языкознание с литературоведением и учесть в анализе неязыковые знаковые системы, а также идиолектные системы концептуализации мира в литературных произведениях.

2.1. Лондонский текст: постановка проблемы

Исследование основных составляющих английскости, установление наиболее важных, вековых, национальных характеристик англичан и Лондона как образующего фактора английской цивилизации невозможно без обращения к «лондонскому тексту», который эмпирически обобщает произведения, в которых фигурирует английская столица. Прежде всего, такие, казалось бы, несочетаемые слова, как «лондонский» и «текст», объединяются в одну синтагму потому, что в рамках современной парадигмы гуманитарного знания практикуется широкое применение понятия «чтения» для описания взаимодействия с самыми различными знаковыми системами. Рас¬ширяется не только информационное пространство, в классическом виде оформленное с помощью грамматики, внутритекстовых связей и семантических изотопий (письменный текст), прямой или обратной перспективы (живопись), но и сама форма информационности. О. Шпенглер, например, выделял «грамматику и синтаксис языка форм всех строгих искусств, с соответствующими правилами и законами, с внутренней логикой и традицией» [Шпенглер 1998: 256-257]. Он «прочитал» Европу как текст по модернистской двойной диагонали крест на крест, и итогом чтения, порождающего текст, стало следующее: «жизнь нации и ее структура – в горизонтальной – не вертикальной, силуэтной! – проекции

города»; «горизонтальнаяпроекция городов есть отражение судеб народа; лишь вырисовывающиеся в силуэтах башни и купола рассказывают о логике в картине мира их строителей, последних причинах и действиях в их вселенной» [Ibid.]. Так осуществляется переход от топоса к тексту.

Итак, понятие городского текста отражает неклассический тип художественного мышления и современные эстетические реалии. Под городским текстом в литературоведении понимается комплекс образов, мотивов, сюжетов, который воплощает модель городского бытия как специфического феномена культуры. Наиболее полно проблема исследования структуры городского текста была поставлена в статьях В. Н. Топорова [1984] и Ю. М. Лотмана [1984]. Само понятие «городской текст» было введено в научный оборот и теоретически обосновано академиком В.Н. Топоровым еще в 1973 г. в работе «Оструктуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления», в которой говорится о том, что город имеет особые свойства, характерные структуры, которые делают его принципиально новой, семиотически насыщенной средой человеческого обитания [Топоров 1973]. В итоге город становится культурной семиосферой, не только средоточием цивилизации и культуры, но и неким сакральным топосом, на которую накладывается сетка символико-мифологических представлений. Как отмечает Ю. М. Лотман, текст в семиотике определяется «некак некоторый стабильный предмет, имеющий постоянные признаки, а в качестве функции: как текст может выступать и отдельное произведение, и его часть, и композиционная группа, жанр, в конечном итоге – литература в целом» [Лотман 1992: 178].

Следующим образом объясняет появление городского текста В.В. Абашев: «В стихийном и непрерывном процессе символической репрезентации места формируется более или менее стабильная сетка семантических констант. Они становятся доминирующими категориями описания места и начинают по существу программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций. Таким образом формируется локальный текст культуры,

определяющий наше восприятие и видение места, отношение к нему» [Абашев 2000: 11-12].

Действительно, исследуя город / читая текст человек устанавливает в кратковременной памяти непосредственные связи между объектами городского ландшафта / единицами прочитанной информации, а также делает логические и ассоциативные умозаключения. При дальнейшем исследовании / чтении построенные гипотезы получают развитие или опровержение [Cf.: Стародубцева 1999: 86]. В семантической памяти каждое понятие связано с другими понятиями, поэтому активизация в сознании одного из них вызывает цепную реакцию ассоциаций. Этот процесс продолжается до тех пор, пока дальнейшая активизация соседних пропозиций не представится нерелевантной. Город предстает как глобальный литературный текст, открытый анализу в синхронической и диахронической перспективе [Cf.: Топоров 1984: 6; Гаспаров 1999: 15].

2.2. Гипертекстуальность и интертекстуальность лондонского текста

Поскольку лондонский текст – это сумма образующих его конкретных текстов, которые связаны общей тематикой и перекликаются друг с другом, его можно охарактеризовать как *основной текст* [Николаева 1987], *архитекст* [Genette 1982], *сверхтекст* [Petöfi 1971] или *гипертекст* [Nelson 1981]. Это «глобальная» вербализация концепта «Лондон», получаемая путем сближения текстов исследуемой смысловой сферы, т.е. текстов, в которых наличествуют вербализации данного концепта; это теоретико-множественная сумма признаков, характерных для произведений, которые составляют субстрат лондонского текста (являются его реализациями). Лондонский текст выступает здесь в качестве «концептуального каркаса». Таким образом, вновь приходим к принципиальной установке нашего исследования на интеграцию когнитивного и семиотического подходов, в соответствии с которой анализ социально значимых ментальных сущностей осуществляется через семантическое исследование соответствующих им текстов.

Сверхтекст понимается как некоторая общая модель для группы текстов в рамках ко-текстуальной теории текста, цель которой – построить некоторый текст-конструкт, общую идею, а затем породить все возможные воплощения этого изначального текста и сравнить их особенности (Я. Петёфи и др.) [Petöfi 1971; cf.: Николаева 1978(а): 467-472.]. По определению Г.В. Битенской, сверхтекст – это «совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресата и адресанта, с особыми критериями нормального / анормального»[4] [Битенская 1994: 215]. Таким образом, вслед за А.Е. Бочкаревым отметим, что сверхтекст является «нормативной реконструкцией» [Бочкарев 2003: 155], которая «отражает реальное положение вещей при условии, если эволюционирует вместе с текстовыми реализациями и учитывает требования жанра, предъявляемые к этим реализациям в данном исторически конкретном социуме» [Ibid.].Выявление закономерностей функционирования сверхтекстов позволило по аналогии исследовать деятельность человеческого мозга и обратиться к построению описательных конструктов и моделей искусственного интеллекта, поскольку выяснилось, что на основе сверхтекстов культуры гораздо эффективнее строить модели, описывающие / имитирующие человеческое поведение, человеческий разум [Лотман 1983(а, б); Пиаже 1983; Taylor 1995].

Архитекстуальные связи – это уровень прецедентного стиля (т.е. характеризующиеся массовой воспроизводимостью). К ним относятся переходящие из текста в текст мотивы, сюжетные положения, стилистические

[4] В типологии сверхтекстов, предложенной исследователем, выделяются, в частности, определенные типы культуры, осмысленные как тексты, в частности, фольклор как художественная система, тексты русской древности и Средневековья, корпус священных книг, литературные направления и стили (например, романтизм). Мы считаем вправе добавить сюда городской текст, поскольку город – это одна из ключевых форм организации человеческого бытия. Ю.Н. Карауловым подчеркивается особая роль таких текстов, которые входят в мотивационный уровень языковой личности. Это «определенные символы, образы, знаки повторяющихся, стандартных для данной культуры, прецедентных, т. е. существующих в передаче текстов между поколениями» [Караулов 1987: 89]. Прецедентный текст можно определить как особый культурный знак в виде фрагмента в составе конкретного текста, характеризующийся массовой воспроизводимостью, узнаваемостью и аксиологической и социо-культурной значимостью. Этим знаком эвоцируется другой текст в его потенциально множественной сумме признаков и коннотаций.

особенности [Cf.: Genette 1982]. Например, в реализациях лондонского текста рекуррируют архитекстуальные мотивы отчужденности, тоски, подавления человека городом, покинутости, заброшенности и призрачности всего происходящего[5]. К воспроизводимым сюжетным положениям относятся, в частности, приезд в «славный город Лондон»[6], присвоение или «колонизация» пространства британской столицы[7], поездка про пригородной железной дороге[8] и др. К переходящим из текста в текст архитекстуальным стилистическим особенностям можно отнести, например, сгущение красок и интенсификацию страдания в романтизме или сосредоточенность на общественных пороках и несовершенстве социального устройства в реализме. В соответствии с этим реализации лондонского текста оказываются социально-нормированными и опосредованными тем типом дискурса, который преобладает на конкретном временном отрезке. Эти реализации могут включать метафорические построения типа «город страшной ночи», «ад», «тюрьма» и т. д[9].

И.В. Гюббенет говорит о «вертикальном контексте» с его основными таксономиями. Вертикальный контекст недоступен непосредственному наблюдению; он состоит из филологического и социально-исторического контекста [Гюббенет 1991: 7]. Под филологическим контекстом исследователь понимает специфическую отнесенность каждой единицы текста, т.к. они имеют социально-нормированные и индивидуальные коннотации и правила сочетаемости, зачастую не фиксируемые в словарях [Op. cit.: 52-53]. Так, построения по типу «dolent London» или «London is a literary quarry» возможны только в результате индивидуально-авторских реализаций метафор организма и текста, которые являются для лондонского текста структурно образующими[10].

---

[5] Примеры см. в Разделе 5.7.2. «Актуализация выделенных семантических компонентов в конкретных реализациях лондонского текста».
[6] Примеры см. в Разделе 7.3. «Лондонский текст в неанглийской традиции. Временной разрыв в формировании сверхтекстов культуры у ее представителей и у носителей других культур».
[7] Примеры см. в Разделе 5.4. «Лондон-как-мультикультурный мегаполис».
[8] Примеры см. в Разделе 5.7.3. «Лондон как враждебное пространство».
[9] Примеры см. в Разделах 5.2.5. «Лондон-как-Вавилон; метафора ада; лондонская толпа» и 5.7.3. «Лондон как враждебное пространство».
[10] Подробнее см. Разделы 6.5.1. «Метафора организма» и 6.5.2. «Метафора текста».

К основным таксономиям и внешним признакам вертикального контекста, по Гюббенет, относятся иерархически организованные текстовые компоненты, характеризующиеся массовой воспроизводимостью, т.е. цитаты и литературные аллюзии на всех уровнях текста вплоть до тематического и сюжетно-композиционного [Op.cit.: 50-51]. К элементам вертикального контекста в составе лондонского текста относятся, например, сквозной мотив темы «Блица» (массированных бомбардировок Лондона военно-воздушными силами фашистской Германии в 1941 г.), настоятельно прослеживающийся в послевоенной английской литературе[11], или неизбежное воспроизведение и переосмысление викторианского культурного кода в произведениях о Лондоне постколониальных писателей[12].

Автор понятия «гипертекст» Т. Нельсон определяет его в своем труде «Литературные машины» как «нелинейное письмо» и как «способ организации информации в виде сети взаимосвязанных узлов, которую читатель может исследовать нелинейным образом» [Nelson 1981]. Поскольку гипертекст обладает способностью выражать межтекстовые связи в большей степени, чем линейный текст, он напрямую связан с интертекстуальностью, т.е., по Ю. Кристевой, с постоянным творческим диалогом между текстами, составляющими в своей совокупности «великий интертекст культурной традиции», или с «понятием, которое является признаком того способа, каким текст прочитывает историю литературы и вписывается в нее»[13] [Кристева 2000 (1967): 430]. Предметом интертекстуальности, понимаемой здесь в широком смысле, служат не отрывки из других текстов, но разнообразные дискурсы, которые, собственно, и составляют культуру, и в которые осознанно или неосознанно погружен любой автор. Концепция интертекстуальности как надъязыкового характера мышления исходит из того, что любое высказывание

---

[11] Подробнее см. Раздел 7.5. «Идиолектное структурирование лондонского текста. Психологическая география британской столицы и маршруты сознания (на примере романа М. Муркока «Лондон, любовь моя»)».

[12] Подробнее см. Раздел 7.8. «Постколониальный субтекст в составе лондонского текста. Мультикультурный Лондон в романе З. Смит «Белые зубы».

[13] Ю. Кристева разработала свою концепцию интертекстуальности на основе трудов М.М. Бахтина (в частности, «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве»), пересмотрев предложенные им понятия диалога и полифонии.

находит объект, на который оно направлено, всегда «проговоренным» и аксиологически оцененным. В каждом существующем тексте обнаруживаются следы целого универсума соотносящихся друг с другом текстов. Между продуцируемым текстом и текстами, ему предшествующими, наличествует единое интертекстуальное пространство, вбирающее в себя весь материализованный в тексте опыт. По М.М. Бахтину, диалог текстов возникает на основе воспроизведения слова в новом культурном контексте или же сопоставления пародируемого слова и пародирующего, «чужого» слова [Бахтин 1986: 491].

Культура, таким образом, представляет собой «резервуар значений», уже готовое знание [Cf.: Гаспаров 1996], части которого переходят из одного текста в другой, а о близости или тождественности смыслов сопоставляемых фрагментов позволяют заключить формальные семантические процедуры[14].

По А. Нойберту, интертекстуальность – это не просто рекурренция отдельных грамматических или лексических образцов в тексте, а глобальная воспроизводимость текстовых целых в сопоставлении с другими текстовыми целыми и в рамках данной коммуникативной культуры. В представлении ученого, любой текст является частью «коммуникативной матрицы», объединяющей текстовые ресурсы языка [Neubert 1985: 114]. Продуценту текста, по сути, всегда навязан выбор за счет надтекстовых единств как узловых моментов языкового сознания [Op. cit.: 116].

Итак, интертекст – это основной способ конструирования художественного текста, преимущественно, в искусстве модернизма и постмодернизма, заключающийся в том, что текст создается из цитат, аллюзий и реминисценций к другим текстам. Теория интертекста исходит из следующих трех основных источников: полифоническое литературоведение М.М. Бахтина, работы Ю.Н. Тынянова по пародии [Тынянов 1977] и теория анаграмм Ф. де Соссюра [Соссюр 1977: 634-645]. Для настоящего исследования выделение интертекстуальных характеристик лондонского текста актуально, в

[14] Подробнее см. Раздел 2.5. «Семантическое построение лондонского текста».

частности, в связи с тем, что, по замечанию А.С. Самигуллиной, «семиотический есть интертекстуальный, поскольку весь мир – это текст» [Самигуллина 2013: 289]. Исследовательница также отмечает, что в рамках такого понимания вырабатывается подход, направленный на достижение синергии, когда текст будет не просто структурой-иерархией, а структурой-процессом, который протекает в единой надтекстовой творческой среде [Ibid.; cf.: Князева 2006]. Таким образом, можно заключить о реляционном характере лондонского текста по отношению к другим сверхтекстам английской лингвокультуры. В частности, очевидна его связь со сверхтекстом английскости: британская столица предстает как микромодель общеанглийских процессов, поскольку в ней представлены вся культура и все население Англии, она олицетворяет страну и, в пределе, весь цивилизованный мир[15].

Имея гипертекстуальную или отсылочную природу, лондонский текст характеризуется размытыми границами и дискретностью. Так, благодаря включенности в меж-сверхтекстовые парадигмы лондонский текст приобретает неочевидные признаки «ад», «рай», «текст», «тюрьма», «дева», «блудница» и т. д. Лондонский текст, тем не менее, не может бесконечно удаляться от своего объекта, поскольку при реализации перечисленных признаков смысловой компонент город всегда будет присутствовать хотя бы в виртуализованном виде в силу его максимальной репрезентативности[16].

У гипертекста, согласно автору данного понятия, может быть несколько авторов, и, вообще, разграничение функций автора и читателя становится в нем нечетким [17] [Nelson 1981]. Отсылки в гипертексте ведутся к открытому корпусу текстов с размытыми границами, а его толкования определяются существующими на данном историческом отрезке идиолектными и

---

[15] Подробнее см. Разделы 5.7.4. «Лондон как благоприятное пространство» и 6.5.3. «Метафоры «Лондон-душа» и «Лондон-мир».

[16] Подробнее см. Главу 4 «Методика семантического описания лондонского текста».

[17] Так, в книге «Морфология романа» Антонио Прето пишет: «Роман рождается как результат мятежа, вследствие неудовлетворенности или разочарования. Заинтересованность убедить других часто сопровождается попыткой писателя убедить самого себя, попыткой *растворить*ся в литературном произведении. Таким образом, в литературном отношении роман есть социально обусловленная игра» [Прето 1983: 371].

социолектныими нормами и аксиологическими критериями. Соответственно, лондонский текст реконструируется на основе английского литературного канона, а это неокончательный и незамкнутый корпус[18].

Будучи включенным в меж-сверхтекстовые парадигмы по принципу гипертекста, лондонский текст характеризуется многомерностью, нелинейностью [Бурвикова 1995; Соснин 2012(а)] и стохастичностью или вероятностной природой[19]. В связи с последней характеристикой текстовой среды Ю.М. Лотман указывает на то, что тексты, являющиеся случайными для данной культурной ситуации, могут выступать как «пусковые устройства», ускорители или замедлители культурных процессов [Лотман 2002: 260]. Например, в постколониальном субтексте лондонского текста распространенным будет мотив, связанный с наивным восприятием иммигрантов, которые так и не избавились от викторианских представлений о Лондоне, которые замедляют их интеграцию в современную городскую среду[20].

Гипертекст строится на основе интерсемиотичности, а межтекстовые переклички и совпадения образующих его текстов объясняются более глубокими причинами, чем простое цитирование, реминисценции или подражание – не влиянием одного текста на другой текст, одного автора на другого автора, а наличием некоторой «сверхтрадиции»[21]. Как отмечает А.Е. Бочкарев, «обобщение такого рода имеет тем большее основание, что отражает, помимо индивидуальных авторских интенций, общую концептуальную систему» [Бочкарев 2003: 67].

Гипертекст выражает межтекстовые связи в гораздо большей степени, чем простой линейный текст. Успех расшифровки гипертекста, его адекватного прочтения во многом зависит от умения узнавать и актуализовывать

---

[18] Подробнее см. Раздел 2.8. «Апология литературного канона в лингвистическом исследовании».

[19] Подробнее см. Раздел 2.4. «О несамодостаточности и многомерности текстов, содержащих описания Лондона».

[20] Подробнее об этом говорится в Разделах 7.3. «Лондонский текст в неанглийской традиции. Временной разрыв в формировании сверхтекстов культуры у ее представителей и у носителей других культур» и 7.8. «Постколониальный субтекст в составе лондонского текста. Мультикультурный Лондон в романе З. Смит «Белые зубы»

[21] О схожести описаний Лондона у различных авторов см. тж. Раздел 2.9. «Связность лондонского текста».

интертекстуальные включения, т. е. отсылки к другим текстам, которые могут быть как вербальными, так и невербальными. Невербальные прецедентные тексты могут выступать в виде интонации, мотивов, музыкальной цитаты, визуального образа [22]. Отсылка может представлять собой прямую цитату, т. е. часть прецедентного (или характеризующегося массовой воспроизводимостью) текста-источника[23], деформированную цитату, намеренную имитацию его стиля, размера или композиционной структуры и, наконец, аллюзию.

2.3. Лондонский текст и аллюзивный процесс

Аллюзия в узком смысле слова – это стилистическая фигура, являющаяся намеком на некоторый текст. В этом значении аллюзия часто соотносима с цитатой, с тем различием, однако, что в этом случае она является цитатой немаркированной. В широком значении аллюзией можно назвать любую интертекстуальную отсылку, как правило, завуалированную, косвенную и неочевидную. По мнению ряда западных исследователей, аллюзия оправдывает себя только тогда, когда есть вероятность ее просто не заметить (это, безусловно, не приведет к адекватному пониманию текста) [Cf.: Ben-Porat 1976]. В рамках текста аллюзия может выполнять традиционную эстетико-орнаментальную функцию, эрудитскую, обращение к канону/авторитету, может служить художественно-образной характеризации, более полному раскрытию идейно-тематического содержания и т. д. Она также может рассматриваться как средство активизации писательского и читательского совместного знания. Например, В. Вулф в своем дневнике упоминает, как, после того как она перечитала «Молль Флендерс», Лондон Д. Дефо стал для нее вполне реальным. Другими словами, в ее тексте актуализовались признаки из предшествующей текстовой традиции, которые читатель может расшифровать, лишь будучи знакомым с упомянутым произведением Дефо: «I saw London, in particular the view of white city churches and palaces from

[22] Подробнее см. Разделы 7.1. «Невербальная составляющая лондонского текста в ее языковом выражении (на примере звукового субтекста)» и 7.2. «Визуальный субтекст лондонского текста».
[23] Понятие прецедентного текста было впервые введено Ю.Н. Карауловым [1987: 217].

Hungerford Bridge through the eyes of Defoe. I saw the old women selling matches through his eyes; and the draggled girl skirting round the pavement of St. James's Square seemed to me out of "Roxana" or "Moll Flanders"» [Woolf 2003: 11][24].

Аллюзивный процесс можно охарактеризовать как двусторонний процесс актуализации интертекстуальных атрибутов, с одной стороны, и декодирования этих отношений, с другой. Аллюзивный процесс подразделяется на следующие этапы: обнаружение маркера; эвоцирование прецедентного текста; активирование эвоцированного текста; модификация исходного внутритекстового прочтения.

На каждом этапе полная актуализация аллюзии может оказаться затруднительной. При переводе текстов и реконструкции английского литературного канона это осложняется еще и тем, что исходная последовательность «Автор – Текст – Читатель» удлиняется и трансформируется, принимая вид «Автор – Текст 1 – Переводчик – Текст 2 – Читатель». Очевидно, что умение «узнать» аллюзии, эхо, намеки на тексты-источники, во-первых, требует высокой филологической культуры переводчика и, во-вторых, предполагает использование при переводе своеобразного «готового» материала, который нес бы в себе «следы» текста-источника, отсылал бы читателя перевода к сверхтексту. Действительно, без эксплицитных маркеров русский читатель едва ли узнает в тексте романа М. Муркока «Лондон, любовь моя» (*Mother London*, 1988) обращение к описаниям Великого лондонского пожара 1666 г. из дневников Сэмюэла Пипса, актуализующим метафору «Лондон-ад», или – в романе П. Акройда «Процесс Элизабет Кри» (*The Trial of Elizabeth Cree*, 1995) – сквозную аллюзию на «Путь паломника» Дж. Беньяна и фигурирующую там «трясину уныния» (*Slough of Despond*) как метафору упадка духа и отчаяния[25].

---

[24] См. Раздел 7.4. «Индивидуально-авторский субтекст в составе лондонского текста. Реализации лондонского текста в топонимах (на примере лондонских маршрутов В. Вулф)».

[25] См. Раздел 7.3. «Лондонский текст в неанглийской традиции. Временной разрыв в формировании сверхтекстов культуры у ее представителей и у носителей других культур».

2.3.1. Обнаружение маркера при аллюзивном процессе

Если аллюзия неочевидна или специально завуалирована (отсутствуют кавычки или представляется заманчивым толкование текста без обращения к затекстовому смыслу), то существует вероятность того, что читатель может не заметить ее. Автор может намеренно конструировать свой текст из расчета того, что для некоторых читателей удовольствие от расшифровки аллюзии зависит от того, насколько она неочевидна и сложна[26]. Кроме того, автор может задумывать текст так, чтобы читатель осознал аллюзию позже, или же предназначать ее только для избранных читательских групп.

Вопросы маркирования интертекстуальной отсылки активно изучаются учеными [Neubert 1985; Helbig 1996]. В работе «Дискурсивная модель аллюзивных средств» Т. Б. Цырендоржиевой выделяются следующие способы включения в текст аллюзивных средств и соответствующие им маркеры [Цырендоржиева 1999: 72]:

- референциальный способ (маркеры – прямая ссылка, скрытая ссылка);
- экспрессивная номинация (маркер – метафорические имена собственные);
- цитирование (маркеры – прямая цитата, скрытая цитата, трансформированная цитата, крылатые слова);
- направленный миметический повтор – повтор, имеющий множественную поддержку как в жанровых традициях, так и в ритмико-синтаксической организации (маркер – повторяемая единица);
- стилизация (маркер – стилистическая реминисценция).

В последнем случае аллюзивная интерпретация контролируется литературной конвенцией, текстуальной и тематической структурой, миметической графикой. Используются ритмико-синтаксические формулы или клише с прецизионным воспроизведением одного или нескольких слов в заданном ритме.

---

[26] Заметим, что степень закодированности аллюзии не является критерием, по которому определяется художественная ценность текста [Cf.: Richards 1961: 170].

Рассматривая степень эксплицитной представленности интертекстуальных единиц, необходимо указать признаки текста в тексте. Ю.М. Лотман выделяет следующие:

- введение в текст участка, который закодирован тем же самым, но двойным кодом (произведение в произведении, мотив отражения, тема двойника);
- пастиш, коллаж вещей и их знаков (документальные включения, сны героев);
- композиционная рамка;
- введение в текст фрагментарных компонентов (цитаты, отсылки, аллюзии, эпиграфы и пр.);
- двойная или многократная кодировка всего текста [Лотман 1981: 10-11].

2.3.2. Эвоцирование прецедентного текста при аллюзивном процессе

При обнаружении в тексте интертекстуального включения перед читателем встает задача соотнести его с текстом-источником, вызвать последний у себя в памяти, иными словами, эвоцировать его. Однако встает вопрос, на какой корпус текстов должен ориентироваться современный читатель? В Средневековье, например, вся европейская культура покоилась на незыблемом фундаменте – Библии. Другими словами, наличествовал общий культурный код, к которому велись все отсылки. Текст строился на иерархии интерпретаций, на стандартных аллегориях и символах. В настоящее время наблюдается противоположная ситуация: у культуры отсутствует единый фундамент, и у нее нет гомогенного кода. В результате, по замечанию Г.Г. Хазагерова, появляется «непраздная плотность текста», как реакция на дискретность жизни, на вавилонское смешение языков и культур; ассоциативной же волной поднимается не просто сходное и похожее, но все сопутствующее предмету описания» [Хазагеров 1999].

Говоря о состоянии современной литературы, Р. Барт пишет в работе «Нулевая степень письма» следующее: «С того момента, как писатель перестал быть выразителем универсальной истины, его первым актом стал выбор формы: он принимает на себя обязательство, ангажируется, приемля либо

отвергая письмо, принадлежащее его прошлому. Так вдребезги разлетелось классическое письмо <…>. [Оно] пришло к конечной точке своей метаморфозы – к исчезновению: в тех нейтральных типах письма, которые мы назовем «нулевой степенью письма», нетрудно различить с одной стороны, порыв к отрицанию, а с другой – бессилие осуществить его на практике [Барт 1983: 307-308].

Наконец, модернистские и постмодернистские авторы могут отсылать читателя к малоизвестным, не являющимся общим достоянием, забытым, эфемерным или даже несуществующим текстам. Так, любопытной формой интертекста у П. Акройда являются различные литературные мистификации: вымышленные тексты о Лондоне, выдуманные ис¬торико-литературные персонажи. Тем не менее, они ровно настолько похожи на реальных исторических личностей, чтобы вызвать у читателя определенные ассоциации и ощущение эпохи.

2.3.3. Активизация эвоцированного текста и модификация исходного внутритекстового прочтения

По ходу чтения текста читатель устанавливает в кратковременной памяти непосредственные связи между единицами прочитанной информации, а также делает логические и ассоциативные умозаключения. При дальнейшем чтении построенные гипотезы получают развитие или опровержение. В семантической памяти каждый сверхтекст связан с другими сверхтекстами, поэтому активизация в сознании одного из них вызывает цепную реакцию ассоциаций. Этот процесс продолжается до тех пор, пока дальнейшая активизация соседних пропозиций не представится нерелевантной. Обнаружение все новых ассоциаций заставляет нас по-новому воспринимать исходный текст и расширяет наши представления о нем. Исходное, внутритекстовое, безаллюзивное прочтение текста больше не работает, и внутри текста происходит смена смысловых приоритетов: денотации становятся менее значимыми, и на передний план выходят коннотативные, привнесенные, ассоциативные значения. Традиционная иерархия смыслов оказывается

нарушенной. Аллюзия в ткани принимающего текста становится входом в лабиринт со множеством выходов, и в результате активизации эвоцированного текста читатель может оказаться очень далеко от отправной точки в интерпретации принимающего текста (вплоть до получения третьего смыслового единства, не просто сводящегося к сумме смыслов исходного текста и включенной в него аллюзии, но превосходящего их по когнитивной ценности). В постмодернистской трактовке всякий текст есть гипертекст или результат интертекстуального взаимодействия: перспектива аллюзий и цитаций, осколков сюжетных и метрических моделей, фрагментов социальных подъязыков, которые неизбежно проникают в текст и перераспределяются в нем, ибо вокруг текста существует предшествующее ему глобальное общеязыковое пространство. Гипертекст представляет собой набор невольно или механически приводимых цитат, не заключаемых в кавычки, отголосков того, что некогда было прочитано, увидено, услышано, совершено, пережито. Согласно Р. Барту, «это интертекстуальное пространство, мираж, сотканный из структур и парадигм, он откуда-то возникает и неизбежно растворяется, это бесконечное повторение, отсылка к написанному ранее, к книге культуры и жизни как культуры» [Барт 2001: 14-15]. При вхождении в бесконечно возрастающее число межтекстовых связей текст становится нетождественным самому себе: его структура усложняется, а смысл обогащается. Данная концепция отсылает нас к представлениям Гераклита о самовозрастающем логосе.

Итак, имея гипертекстовую природу, лондонский текст характеризуется размытыми границами и дискретностью. Современный Лондон – это тоже не замкнутое, не о*гороже*нное пространство, не «*town*» в его историческом понимании как «enclosed place»[27]. Это город неопределенности, хаотическое, запутанное, «расползающееся»пространство – «suburban sprawl» [Соснин 2012(б): 105]. Наряду с семой /semiotic system/, смысловые компоненты /sprawl/

[27] Подробнее см. Раздел 5.2.1. «Лондон-как-*town*» и далее.

и /diffused boundaries/, очевидно, являются основанием метафорического переноса «London – hypertext»[28].

Такой подход порождает новую (деконструвистскую)когнитивную парадигму городской топографии, когда город, подобно гипертексту, становится лабиринтом с множеством входов и выходов и когда, блуждая по нему, человек может внезапно оказаться очень далеко от отправной точки в познании и интерпретации города. В своем фундаментальном труде «Лондон: биография» (*London: The Biography*) современный английский писатель Питер Акройд пишет о британской столице следующее, подразумевая возможность выбора предпочтительного пути ее прочтения: «Границы ее все расплывчатее, а натура все переменчивее: не стала ли она просто набором установок и предпочтений?» [Акройд 2005: 865].

2.4. О несамодостаточности и многомерности текстов, содержащих описания Лондона

В текстах из английского литературного канона, в которых наличествуют описания Лондона, наблюдаются поразительные совпадения, обусловленные не просто цитированием или влиянием одного автора на другого, а наличием текстовой сверхтрадиции (это будет продемонстрировано в последующих разделах, где иллюстративные микроконтексты организованы в хронологическом порядке). Другими словами, лондонский текст как сверхтекстовое единство имплицирует регулярные, типичные описания британской столицы и манифестирует себя в конкретных текстах.

Выделяя в них сходные элементы, например, x_1 и x_2, представляется возможным более или менее полно реконструировать глобальное X, воплощающее в пределе все потенциальные тексты данной смысловой области.

Соответственно, конкретный текст, по Р. Барту, «подлежит наблюдению не как застывший продукт, а как его производство, включенное в другие тексты, другие коды и тем самым связанное с обществом, с историей <...>

[28] Подробнее см. Раздел 6.5.2. «Метафора текста».

путем межтекстовых ассоциаций» [Барт 1980: 307]. Согласно А.Е. Бочкареву, выявление этих межтекстовых ассоциаций выводит интерпретацию текста за пределы его имманентной структуры [Бочкарев 2003: 68], т.е. текст, содержащий описания Лондона, не может считаться самодостаточным.

Изучение самодостаточности текста являет собой следующий шаг по сравнению с исследованиями интертекстуальности, а также влияний и традиций в литературе. По сути, понятие интертекстуальности эквивалентно понятию несамодостаточности. Действительно, *самодостаточный* – достаточно значительный сам по себе, имеющий вполне самостоятельное значение. Опираясь на это определение, самодостаточный текст, текст *per se* можно охарактеризовать как внутренне организованную последовательность знаков, законченную и автономную по своему содержанию и строению, смысл которой выводится из значений знаков и связей между ними. Самодостаточный текст – закрытая система; для его понимания не требуется знания некоей базисной, образующей единицы – прецедентного / исходного / первичного / архи- / пра- / прототекста / текста-источника. Таким образом, степень самодостаточности будет определяться как степень того, насколько смысл текста выводится из простой последовательности его знаков. Соответственно, самодостаточность текста убывает по мере того, как на каком-то его отдельном отрезке появляется интертекстуальное включение. Самодостаточность S, таким образом, обратно пропорциональна числу интертекстуальных включений n, является функцией от n и выражается формулой:

$$S(n)=\frac{1}{n},\ n = n_1+n_2+n_3+\ldots+n_i \qquad (1)^{29},$$

где i – отдельный отрезок текста или отдельный уровень произведения. При неограниченном возрастании числа интертекстуальных включений, либо когда интертекстуальные отсылки пронизывают текст на всех уровнях, включая структурный, сюжетный и композиционный, самодостаточность текста стремится к нулю:

[29] Математические выкладки даются по: Соснин 2012(а).

$$\lim_{n \to +\infty} S(n) = \lim_{n \to +\infty} \frac{1}{n} = 0 \qquad (2),$$

однако это значение никогда не достигается[30].

Обратно, при отсутствии авторских интертекстуальных включений степень самодостаточности текста неограниченно возрастает, стремясь к бесконечности, хотя никогда не достигает абсолютного значения:

$$\lim_{n \to 0} S(n) = \lim_{n \to 0} \frac{1}{n} = +\infty \qquad (3).$$

В подтверждение этого приведем график функции S(n)=$\frac{1}{n}$, n>0:

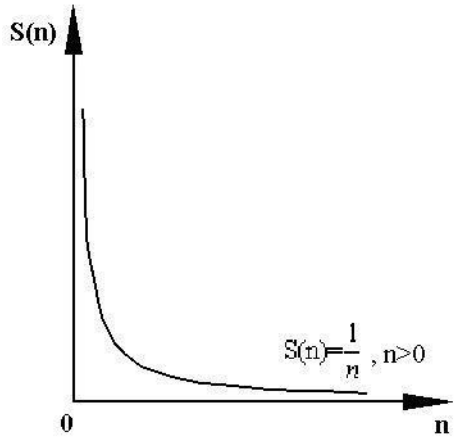

Рис. 1. График функции S(n)=$\frac{1}{n}$, n>0

Прямые S=0 и n=0 являются асимптотами[31] графика функции S(n), т. е. прямыми, к которым он стремится, и соответствуют нулевой

---

[30] Число b называется пределом функции y=f(x) при x, стремящемся к $+\infty$ (плюс бесконечности), если для любого положительного числа A найдется такое число x_0 , что для любых значений аргумента x, больших, чем x_0 выполняется неравенство: |f(x) – b|<A .
Число b называется пределом функции y=f(x) в точке x=a, если

$$\lim_{x \to a-0} f(x) = \lim_{x \to a+0} f(x) = b \text{, т.е } \lim_{x \to a} f(x) = b .$$

[31] Прямая y=b называется горизонтальной асимптотой графика функции y=f(x) при x, стремящемся к $+\infty$, если $\lim_{x \to +\infty} (f(x) - b) = 0$.

самодостаточности и абсолютной самодостаточности. Даже если в тексте нет намеренно тематизированных интертекстуальных включений, в силу математических закономерностей n не может равняться нулю и может только стремиться к нему, т. е. текст никогда не создается *ab nihilo*, что возвращает нас к теориям сверхтекста культуры, языковой личности, когнитивных парадигм и ассоциативных связей слов. Соответственно, самодостаточность текста S(n) никогда не может быть полной, но она также не может быть нулевой, поскольку ни в одном тексте нет неисчерпаемого смысла.

Текст можно традиционно определить как внутренне организованную последовательность отрезков письменного произведения или записанной либо звучащей речи относительно законченную по своему содержанию и строению. Данное лингвистическое определение, очевидно, предполагает линейность и одномерность текста и в этом смысле близко к определению текста в полиграфии: текст – это основная часть печатного набора (набор тоже линеен). Однако в нашей речевой деятельности мы сознательно и бессознательно ссылаемся на факты и явления за пределами линейного высказывания (вернее, на их отражение в языке в виде суждений), поскольку вокруг текста существует предшествующее ему глобальное сверхтекстовое пространство.

Соответственно, каждый текст предполагает выход за пределы одного измерения. Представим это математически. Пусть текст – это некоторое множество элементов с установленными между ними взаимосвязями:

$T=\{t_1; t_2; t_3;\ldots; t_n\}$

Для удобства в качестве элементов будем рассматривать лексемы (хотя можно использовать и единицы других языковых уровней), поскольку у них наиболее удобно выделять компоненты смысла. В тексте традиционно выделяется внутритекстовая и затекстовая информация. Так, академик

Прямая x=a называется вертикальной асимптотой графика функции y=f(x) при x, стремящемся к a, если

$$\lim_{\substack{x \to a+0 \\ x \to a-0 \\ x \to a}} f(x) = +\infty \quad \text{или} \quad \lim_{\substack{x \to a+0 \\ x \to a-0 \\ x \to a}} f(x) = -\infty .$$

А.Н. Колмогоров высказал идею о том, что полная энтропия речи (т. е. мера количества информации, передаваемой ею) может быть разложена на две компоненты: а) внеречевую информацию и б) собственно речевую (лингвистическую) информацию [Колмогоров 2003: 143-144].

Соответственно, с семантической точки зрения каждый компонент текста t_n можно представить как сумму семы внутритекстовой информации v_n и большого числа сем затекстовой информации z_{ni} (например, сема затекстового лингвистического – отсылка к другим текстам, семы затекстового визуального и звукового, коннотативные семы и т. д.):

$$t_n = v_n + \sum_{i=0}^{q} z_{ni}$$, где q – положительное целое число (5)

Будем считать, что для каждого t_n сема внутритекстовой информации v_n определяется однозначно[32] и выводится из словарного значения слова и внутритекстовых связей. По сути, v_n – сема самодостаточности. То есть для самодостаточного текста t_n будет равно v_n и может быть представлено следующим образом:

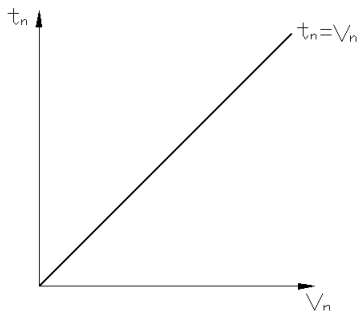

Рис. 2. График самодостаточного текста

Однако, как было продемонстрировано ранее, абсолютно самодостаточного текста не существует, и, соответственно, текст не представляет собой линейную зависимость своих элементов от соответствующих внутритекстовых сем. При этом, если учитывать внутритекстовые семы, необходимо иметь в виду, что z_{ni} зависит от v_n, текста T

[32] По А.Н. Колмогорову, собственно речевая (лингвистическая) информация также однозначна с семантической точки зрения. Со структурной точки зрения компонента (б), названная Колмогоровым остаточной энтропией, характеризует разнообразие возможных способов выражения одной и той же (или равносильной) смысловой информации [Колмогоров 2003: 144].

в целом, читателя X, времени (эпохи) восприятия τ и т. д. (Число q также определяется этими параметрами.)

Тогда, $z_{ni}=f_i(v_n; T; X; \tau; \ldots)$. Выражение (5) примет следующий вид:

$$t_n=v_n+\sum_{i=0}^{q} f_i(v_n;T;X;\tau) \qquad (6)$$

Данное выражение уже само по себе описывает многомерное пространство.

Рассмотрим идеальную ситуацию, когда f_i линейно зависят от своих переменных. Тогда,

$$t_n=v_n+\sum_{i=0}^{q}(k_{i1}v_n;k_{i2}T;k_{i3}X;k_{i4}\tau) \qquad (7)$$

Опишем переход от двумерного пространства к многомерному:

$$t_n=v_n \rightarrow t_n=v_n+\sum_{i=0}^{q} z_{ni} \qquad (8)$$

Графически удобнее представить трехмерное пространство, поэтому предположим, что из затекстовой информации в тексте представлена только затекстовая лингвистическая (отсылка к другим языковым текстам), которая (опять же для удобства) определяется следующим образом:

$$z_{ling}=f(v_n;X)=k_1v_n+k_2X \qquad (9)$$

Тогда, $t_n=v_n+ k_1v_n+k_2X= v_n(1+k_1)+ k_2X$ (10),

т. е. появляется еще одна ось – X.

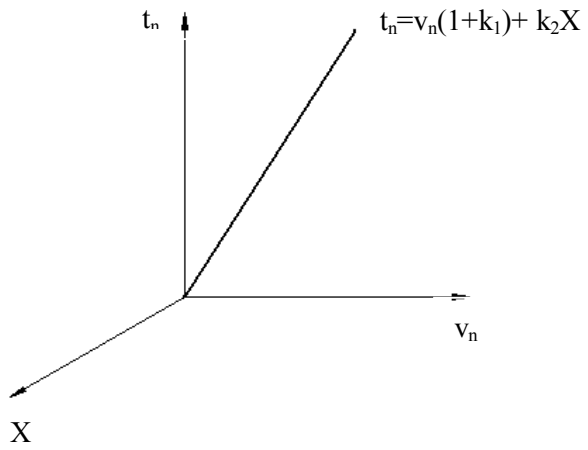

Рис. 3. Графическое представление несамодостаточного многомерного текста

Таким образом, текст – это объект, элементы которого многомерны. Реализации лондонского несамодостаточны и включены в интертекстуальные связи по отсылочному, гипертекстуальному принципу. При этом отсылка или «линк» может быть либо маркированной полностью или частично, либо косвенной и завуалированной. Соответственно, лондонский текст как надтекстовое единство входит в предельно широкие меж-сверхтекстовые парадигмы английской лингвокультуры.

2.5. Семантическое построение лондонского текста

Реконструкция лондонского текста (и выделение набора концептуальных признаков соответствующей ему категории английской лингвокультуры) осуществляется на основе семантического анализа произведений английской литературы с XVI по XXI вв., включенных в английский литературный канон[33], которые так или иначе связаны с Лондоном; причем сближает анализируемые произведения не только тема, но и сходная ее трактовка. По В.Н. Топорову, единство архитекста определяет не столько объект описания с характерными для него климатическими, топографическими, этнографически-бытовыми и культурными условиями, сколько единая смысловая установка [Топоров 1995: 259-367, 368-399] или, другими словами, «предикациясходных признаков, актуализируемых во всем корпусе привлекаемых текстов» [Бочкарев 2003: 67]. Предикация, как известно, разделяется на два этапа. Первый этап (предикация в узком смысле) – это создание пропозиции, соединение смыслов более элементарных языковых выражений – незавершенная предикация; второй этап (предикацияв широком смысле) – утверждение или отрицание (истинности или ложности) пропозиции относительно действительности («реальной» или литературной) – завершенная предикация [Степанов 2008(а)], т. е. интерпретация языковой последовательности относительно возможного «малого»мира, ситуации или эвентуальности [34] в терминах привнесения новых

[33] Подробнее см. Раздел 2.8. «Апология литературного канона в лингвистическом исследовании».

[34] Вопрос о возможных мирах был поставлен Г. Лейбницем, который утверждал, что «божественный разум непременно и извечно содержит бесконечное множество миров, но Бог выбирает из них лучший, творя его

семантических признаков в исходный, словарный, набор признаков, соответствующий лексеме «Лондон»,и / или обнуления каких-либо признаков в этом наборе. О привнесении новых признаков в исходный набор в связи с эволюцией общества заметил Ю.А. Сорокин: «Взаимодействие читателя с некоторым набором текстов и построение читателем своих проекций <...> этих текстов также могут приводить к тому, что в читательской проекции начинают фиксироваться элементы, ранее нерелевантные для читателя. Это может быть вызвано, в частности, изменением канонов построения художественного текста, обусловленным экстенсификацией и интенсификацией информационных процессов социума» [Сорокин 1985: 72-73]. Так, например, признак «имперский» в составе лондонского текста, в целом воспринимавшийся положительно до середины XX в., приобретает в современности пейоративную окраску.

По С. Крипке [Kripke 1963] и Р. Монтегю [Montague 1973], в рамках всех возможных миров имена собственные указывают на одних и тех же индивидов или индивидуальные сущности в любом мире, поэтому их называют жесткими десигнаторами. Если мы возьмем имя собственное «London», то, по Монтегю, в любом возможном мире существует индивидуальная сущность, которая будет ему соответствовать; это верно и для других имен собственных (на самом деле речь идет о константах интенсиональной логики Монтегю, которые соответствуют этим именам). Отметим, что такое утверждение предполагает, что одна и та же индивидуальная сущность может проявляться во множестве разных миров. Другие же ученые, например, Д. Льюис [Lewis 1968], утверждают, что разные миры обладают своим множеством «жителей», и в случае перехода в другой мир следует говорить о «двойнике» конкретной индивидуальной сущности.

Истолкование лингвистических выражений, в состав которых входит имя «London», осуществляется по следующей схеме:

таким, каков он есть» [Cit. ex: Кораблева 1994: 239]. Во второй половине XX в. идея Лейбница послужила основой для семантической теории возможных миров, основоположниками которой являются Р. Карнап [1959], С. Крипке [1982], Я. Хинтикка [1980] и С. Кангер [Kanger 1957].

Схема 1. Интерпретация пропозиций

Построение пропозиции		*Прагматика*		*Семантическая оценка*
Выражение	→	Контекст употребления	→	Мир, время и пр.

Контекст употребления можно рассматривать как некоторую определенную ситуацию, в которой содержится информация, необходимая для семантической оценки рассматриваемого выражения [Бах 2010: 162]. В теории М. Крессвелла эта ситуация и будет миром [Cresswell 1973: 183].

Конкретный набор признаков, соответствующий лексеме «Лондон» в конкретном контексте, будем вслед за французскими лингвистами Б. Потье [Pottier 1974: 30] и Ф. Растье [Растье 2001: 365] называть *семемой*. Положим, что есть функция (назовем ее *Extension* или EXT), которая на основе операций интерпретации (анализ, сохранение, конденсация, транспозиция, субституция, погашение, добавление [Бочкарев 2003: 54-55]) позволяет находить проявления сущностей в мирах, которые мы задаем в качестве аргумента[35]. Так, если дан мир *w* и сущность *L* «London» (выражаемая набором семантических признаков), то результатом применения функции EXT (*L*) (*w*) будет подмир, который является проявлением *L* в мире *w*, т. е. результирующий набор признаков L_1=EXT (*L*) (*w*) [Бах 2010: 163]. Мир *w* – это трансформация «онтологически реального» мира *W* в зависимости от социолектных и идиолектных установок автора как конструктора текста / данного мира *w* и читателя как его дешифратора.

О трансформации «освященного традицией» сверхтекста во вновь создаваемых текстах говорит М. Риффатер. Этот процесс включает в себя два противоположных механизма: развертывание *(expansion)* и обращение (*conversion)*, при этом общеизвестная структура реформируется:

[35] Согласно Ю.Н. Караулову, ключевые прецедентные тексты культуры также можно исследовать с помощью текстовых преобразований в ассоциативных экспериментах [Караулов 1987: 46].

подтверждается, расширяется или опровергается (что соответствует привнесению семантических признаков в исходный набор или их обнулению в нем). По Риффатеру, «развертыванию и обращению подвергаются не столько конкретные тексты предшественников, сколько целые схемы мышления, системы приемов, текстуальные навыки, принятые в предыдущих литературных школах. Тем самым в значительной мере снимается дискуссия о сознательности отсылок: адресатами поэтической игры и полемики оказываются целые главы литературной истории, целые статьи словаря рифм, целые литературные каноны и “измы”» [Cit. ex: Жолковский 1994: 30].

Лондон – это индивидуальная сущность. Ее проявления – это подмиры тех миров, к которым мы применяем функцию Ext (L). Различие между индивидуальной сущностью в онтологически реальном мире и ее проявлениями в других мирах можно использовать, чтобы различить предикаты, которые применяются к индивидуальной сущности. Представляется, что некоторые предикаты относятся к индивидуальным сущностям как таковым: Лондон – это город, столица Великобритании, огромный мегаполис. Другие предикаты, очевидно, относятся к проявлениям данной сущности в более или менее ограниченных мирах: Лондон может болеть, страдать, быть монстром, гигантским наростом, тюрьмой, адом, раем, театром, девой, матерью, вдовой и пр.[36] Эти различия соотносятся с основными и случайными или же с постоянными и временными атрибутами, а, со строго семантической точки зрения, – с ингерентными (присущими) и афферентными (привходящими, привнесенными или наведенными) признаками / семами.

Знание художественных миров / типичных текстовых структур всегда служит предпосылкой для порождения новых текстов о Лондоне и интерпретации уже существующих. Этот факт связан с интертекстуальным характером Лондонского текста, и именно отсюда проистекает схожесть описаний Лондона у самых различных авторов. Другими словами, как автор,

[36] Примеры см. в Разделах 5.2.5. «Лондон-как-Вавилон; метафора ада; лондонская толпа», 5.7.3. «Лондон как враждебное пространство», 5.7.4. «Лондон как благоприятное пространство», 6.5.1. «Метафора организма».

так и читатель всегда могут переходить от мира к миру и двигаться вперед и назад во времени.

Наконец, между мирами и актантами, которые в них действуют, существуют специфические отношения (так, только в утопически исключительном мире может реализоваться романтический герой). По А.-Ж. Греймасу и Ж. Курте, пространственная организация или спациализация текста является относительно самостоятельным компонентом дискурсивных структур; кроме того, признание взаимозависимости пространств и актантов позволяет усмотреть в них парадигматические принципы текстопорождения [Греймас 1983: 541]. Например, проявлению темной стороны личности доктора Джекила в романе Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» существенно способствовал сумрачный гнетущий Лондон («grim London»); едва ли можно придумать более подходящий локус для этого повествования.

Безусловно, количество типов текстовых актантов ограничено, равно как и количество и функций, выражаемых предикатами. Соответственно, их можно сгруппировать по темам. Кроме того, как замечает В.А. Кох, если принять, что актанты и предикаты текста образуют темы, то в продолжение можно сказать, что эти темы формируют мотив [Кох 1978: 162]. Исследователь заключает, что всякий текст, в котором проявляется конкретный мотив, может рассматриваться в качестве дискурсивного текста [Op.cit.: 163], т.е. как реализация некоторого тематического сверхтекстового единства[37].

2.6. Таксономическое структурирование лондонского текста

В качестве сущности *L* «London», выражаемой набором семантических признаков и существующей в некотором мире *w*[38], могут также рассматриваться семемы, входящие в *таксемы* или классы семем, которые соотносятся по одной или нескольким общим семам с семемой, которая

[37] Подробнее см. Раздел 3.3. «Текстема как языковая единица и сверхтекстовый конструкт».
[38] Подробнее см. Раздел 2.5. «Семантическое построение лондонского текста».

вербально репрезентируется лексемой «London».Практически во всех текстах, где фигурирует наименование «London», оно прежде всего истолковывается как (i)как урбанизированное пространство, город; (ii) столица Великобритании. В прочих текстах семы /urban area/[39] и /capital city/ всегда присутствует в актуализованном или виртуализованном виде. Эти семы являются родовыми для таксем //urban area//[40] и //capital city//, в состав которых входят семемы ‘town’[41],‘borough’, ‘city’, ‘emporium’, ‘cosmopolis’, ‘metropolis’, ‘agglomeration’, ‘conglomeration’, ‘conurbation’, ‘sprawl’, ‘megalopolis’, ‘capital’. Данные семемы представляют собой гипо-гиперонимический ряд (ряды) и строятся на иерархии сем (например, по возрастанию степени урбанизации пространства). За счет изучения синтагматических и парадигматических связей этих семем и подстановку их в формулу L_1=EXT (L) (w)представляется возможным выявить больше признаков лондонского текста, чем если бы мы в качестве L брали только «словарную»семему ‘London’. Суммируя полученные смыслы, которые выявляются в интерпретирующих семемах в зависимости от контекста, можно получить достаточно полное семантическое описание исследуемого текста, т. е. рассмотреть его в большинстве его проявлений. Перечисленные семемы будем отождествлять со слоями или уровнями лондонского текста.

Каждый элемент лондонского текста потенциально обладает всей суммой возникающих в разных ситуациях значений. Отсюда предельная неопределенность, стохастичность каждого элемента Частная задача исследователя при таком подходе – выявление достаточно полного перечня регулярных семантических (статических и динамических) отношений между семемами и их классами, значимых для корпуса текстов, которые входят в лондонский текст.

Выделение сем и семем осуществляется не референциально, а интенсионально: семы определяются через отношения между семемами; эти отношения детерминируются лингвистическим и ситуационным или

---

[39] /*сема*/ – условное обозначение семы, согласно Ф. Растье [2001: 367].
[40] //так*сема*// – условное обозначение таксемы [Ibid.].
[41] ‘*семема*’ – условное обозначение семемы [Ibid.].

прагматическим контекстом; определение семемы также является исключительно дифференциальным. В противном случае возникла бы проблема описания безденотатных имен типа «ecumenopolis» («город-мир» применительно к Лондону) и трактовки метафорических употреблений типа «London is a prison», не являющихся истинными с точки зрения референции к объектам действительного мира.

Интенсионал, т.е. совокупность семантических признаков, определяет некоторую сущность, «вещь» возможного, хотя не обязательно актуального мира. Сам же возможный мир в семиотике – это мир, состоящий из предметов, индивидов, сущностей, соответствующих интенсионалам какого-либо языка. Возможный мир строится по законам логики, он внутренне целесообразен и логичен, но его интенсионалы не завершены экстенсионалами, для них в определенном смысле нет необходимости находить существующие «вещи» в актуальном мире. Как отмечает Ч. Моррис, могут существовать знаки, по существу ничего не обозначающие, то есть имеющие недействительную денотацию. Само понятие знака предполагает понятие десигната, но отсюда не следует, что обозначаемые объекты должны существовать реально [Моррис 1983: 59]. Так, по замечанию Ц. Тодорова, фразы, составляющие литературу, являются «ложными» не в большей степени, нежели «истинными»; родоначальники современной логики (например,Фреге) уже обратили внимание на то, что литературный текст не поддается испытанию на истинность, что он ни истинен, ни ложен, он – вымысел [Тодоров 1983: 358]. В этой связи Э. Бах пишет следующее: «Нас не интересует способ выяснения истины в реальном мире; нам важна только структура теории истины, которая начинается с утверждений следующего типа: предположим, что то-то и то-то истинно, следовательно, должно быть истинным и то-то, и то-то» [Бах 2010: 44].

2.7. Отличия лондонского текста от самого города

Соответствующая лондонскому тексту онтологическая реальность не вполне адекватно отражается в нем, а свобода построения текста в отношении

этой реальности относительна. При выявлении признаков исследуемого текста нельзя ограничиться «объективно истинной» стороной онтологического бытия: для описания такого сложного явления необходимы литературные тексты, а речь в них идет не только о том, что имеет место в реальном мире, но и о том, что могло бы быть в некотором возможном мире – ассумптивном универсуме, зависящем от личности автора, интертекстуальной рамки, стилевой отнесенности, аксиологических установок и проч. Предметом анализа, соответственно, становится не мир как таковой, а его концептуализация в рамках некоторой системы ценностей. Например, существует мнение, что лондонские туманы не стали бы таким значимым погодным явлением, если какой-то автор не обратил на них внимание, а другие не подхватили бы и не развили эту тему[42]. Соответственно, возникает вопрос: будет ли признак /foggy/ в составе лондонского текста реальным или опосредованным литературной традицией?

Вышесказанное, однако, не означает отказа от действительного мира, но предполагает разграничение реальности и текста, между которыми, безусловно, существует некоторое соответствие. В этой связи Л. Витгенштейн писал: «Как бы ни отличался воображаемый мир от реального, он должен иметь нечто общее с действительным миром» [Витгенштейн 1958: 33]. Как отмечает А.П. Бабушкин, субъект *S* в некотором возможном мире *W* примет далеко не всякий возможный мир W_1 в качестве альтернативы. Это определяется, прежде всего, представлениями субъекта о законах физики, о морали, о том, что считается естественным и нормальным [Бабушкин 2001(а): 7]. Подчеркивая когнитивные предпосылки принятия возможного мира, П. Сгалл пишет, что «существуют возможные миры с утонувшими рыбами и летающими лошадьми, но нет миров с дядями женского пола или матерями, не имеющими детей» [Сгалл 1985: 396].

Итак, онтологически существенными свойствами, лингвистика замкнулась бы на «вещах»,в то время как они «существуют» в языке в виде ценностных

[42] Подробнее см. Раздел 5.7.3. «Лондон как враждебное пространство», подраздел «Непогода».

суждений (действительно,выражение «London is Babylon» не истинно, но обладает большой аксиологической силой) [Cf.: Бочкарев 2003: 17-19]. Таким образом, исследователь лондонского текста должен принять условия сложнейшей семиотической игры, в которую вступают различное и тождественное, реальное и мнимое, преходящее и вневременное; в которой временные планы смешиваются, а время и пространство перетекают друг в друга. Вслед за В.Н. Топоровым можно сказать, что к знаковой перенасыщенности города присоединяется таковая текста [Топоров 1983: 256].

Особого внимания заслуживает принципиальная установка лондонского текста на отсылку к прецеденту, цитате, аллюзии, к сложным композициям по типу коллажа, к метафорическому «переодеванию» и переименованию (Лондон как Вавилон, Иерусалим, Рим, Афины), к склеиванию литературных персонажей или их трактовке наряду с реальными лицами. В качестве примера укажем Ричарда Уиттингтона, персонажа английского фольклора (основанного на нескольких реальных лицах), который известен по народным театральным представлениям. По преданию, он вместе со своею кошкой пришел в Лондон из Глостершира искать счастья, стал учеником лондонского торговца мануфактурой, бежал от своего жестокого хозяина, но услышал в лондонском предместье звон колоколов, в котором отчетливо различил слова: «Вернись, Уиттингтон, трижды лорд-мэр Лондона!» Ричард решил вернуться, случайно разбогател, стал купцом и три раза избирался на пост лорд-мэра Лондона. Существует распространенная детская считалка: «Turn again, Whittington, / Once Mayor of London! / Turn again, Whittington, / Twice Mayor of London! / Turn again, Whittington, / Thrice Mayor of London!» [Whittington / LE: 1029].

Как справедливо замечает А.Е. Бочкарев, к высказываниям литературного текста неприменимы правила истинности и ложности [Бочкарев 2003: 40]. Согласно Ц. Тодорову, эта проблема вторична в литературе по отношению к ее основной цели, заключающейся в создании языковой структуры, которая находила бы смысл своего существования в самой себе; денотативная функция отходит здесь на второй план [Тодоров 1983: 364]. А.Е. Бочкарев приводит

следующий пример: выражение «ШерлокХолмс носил войлочную шляпу» ни истинно, ни ложно, а может быть только приемлемым или неприемлемым в данной системе исчисления [Бочкарев 2003: 56]. Применительно к системе лондонского текста это реальное состояние, в котором пребывает объект в семантическом универсуме А. Конан-Дойля, автора важного конституирующего текста. Музей Шерлока Холмса на Бейкер-стрит – любопытный пример того, как литературная реальность трансформирует онтологическую, а лондонский текст – сам город. Можно сказать, что Лондон и его текст связаны неким осмотическим процессом, и потому так трудно установить, что в тексте от города, а в городе – от его текста.

Действительно, роль литературы в формировании наших представлений о городе сложно переоценить. В частности, согласно современному американскому исследователю-урбанисту Дж. Дональду, начиная с XVIII в. такая литературная форма как роман становится главнейшей репрезентацией городской жизни, существенно определяя ее образ в читательском воображении: «структурой и формой романа определились способы восприятия урбанистического пейзажа, конкретный взгляд на городскую жизнь и, таким образом, устоявшиеся структуры воображения» [Donald 2008: 48; перевод мой – *А.С.*].

Дональд рассматривает город как «репрезентативноепространство», утверждая, что человек, по сути, живет в воображаемом городе, который создается в результате постоянного взаимодействия реальности, литературной репрезентации и воображения, между которыми стерты все когнитивные и онтологические различия [Op. cit.: 47].

В заключение отметим, что лондонский текст являет собой предельно усложненный конструкт аккумулирующего типа, включающий в себя как «онтологическиреальные», так и литературные признаки, а также характеризующийся высокой степенью стохастичности и неопределенности [Соснин 2012(б)].Сам же объект городского текста, большой город, невозможно, согласно Дж. Дональду, адекватно представить каким-то одним

образом или даже воссоздать в исчерпывающем, всеохватывающем повествовании. В некотором смысле, заключает исследователь, он стал невообразимым [Donald 2008: 49]. Представляется, что текст такой сложной структуры не может быть простым отражением Лондона; он предполагает более высокую аксиологическую оценку, ибо в нем воплощен английский человек, Англия и весь цивилизованный мир[43].

2.8. Апология литературного канона в лингвистическом исследовании

Работая в русле чистого дескриптивизма (описания языковых элементов от лексемы включительно, индуктивно выводимых из текстов), который главенствует в лексикологических исследованиях последних лет, будь то анализ вербализаций / сверхтекста какого-либо концепта, изучение лингвокультурного типажа, исследование паремиологического фонда и т.п., исследователь-англист зачастую сталкивается с двумя проблемами, решить которые в рамках существующей лингвистической парадигмы крайне сложно. Это выбор более или менее объективных методов и процедур лингвистической интерпретации (не субъективных, типа: «в данном контексте я встретил такое-то явление и на основе подходящего к данному случаю метода или обыденного понимания делаю такое-то заключение относительно его дистрибуции, аксиологической и социокультурной ценности»), а также выбор объективного и исчерпывающего материала для исследования. Остановимся подробнее на последнем аспекте. Очевидно, отбор источников на основе их доступности, иллюстративности, немедленной (по мнению исследователя) референции к исследуемому феномену, на основе «современности» или, наоборот, «литературности», «чистоты» языка и т. п. не может претендовать на объективность из-за некоторой ограниченности перечисленных критериев. Публицистические статьи не дают представления обо всем богатстве выразительных средств языка в силу ограниченной стилевой отнесенности и, как правило, идеологической ангажированности. Основным источником

[43] Подробнее см. Раздел 6.5.3. «Метафоры «Лондон-душа» и «Лондон-мир».

материала для анализа не вполне могут служить и социолингвистические опросы (в том числе и в разнородных группах населения), так как «на выходе» обыкновенно получается слишком очевидное ассоциативное представление об исследуемом лингвистическом феномене (ср.: «Лондон – королева – парламент – Биг Бен – красные автобусы»).

В целом, в лексикологическом исследовании представляется необходимой установка на литературный текст, поскольку в изучении, например, аксиологической лексики она позволяет выявить тот факт, что в состав ключевых сверхтекстов культуры входят не только объективно истинные признаки: референция, не будучи прямой, опосредуется в художественном тексте различными социальными нормами, в том числе законами жанра, а «истинное» значение текста релятивизируется относительно конкретного набора интерпретирующих критериев. Для изучения фразеологии в коммуникативно-прагматическом аспекте или для описания вербализаций сложных концептов совершенно необходимы обширные контексты, в первую очередь литературные. Наконец, ориентация на литературный текст в лингвистическом исследовании позволяет восстановить традиционные связи лингвистики с литературоведением и другими гуманитарными дисциплинами и, таким образом, вовлечь в орбиту анализа прагматические установки и аксиологические нормы, а также учесть «вторичные» семиотические системы наравне с языком.

Соответственно, возникает вопрос: какой литературный материал должен служить основой для лингвистического исследования, претендующего на объективность? Представляется, что таковым будет «литературный канон», т.е. совокупность произведений, изучаемых в средней и высшей школе в стране исследуемого языка и подходящих под ряд других критериев (*vide infra*). Именно на основе литературного канона формируется значительная часть концептосферы образованных носителей языка (ср.: «The Empress of the Northern Clime» – для англичан отсылка однозначна: это Лондон, так его называет Джон Драйден в поэме «Чудесный год» [Dryden 1667]). Рассматривая

британский вариант английского языка в синхронии, мы говорим о литературном каноне новоанглийского языка, т.е. о совокупности литературных произведений, созданных на Британских островах на более или менее стандартизированном языке с XVI века по настоящее время. Период достаточно большой, и такое понимание синхронии может показаться спорным, однако на его протяжении наблюдается существенная преемственность, «изотопичность» признаков, метафор, фреймов и сценариев, использовавшихся представителями английского социума при структурировании действительности, а также языковых средств их выражения. Так, исследователями-когнитивистами и литературоведами было отмечено [LePan 1989: 38], что структура пьес Шекспира (и отчасти Марло) такова, что намерения героев становится понятными зрителю еще до основного действия, т. е. автор помогает читателю выработать ожидания. В предшествующей английской литературной традиции такого не наблюдается. Как поясняет В.З. Демьянков, «формирование ожиданий – не независимая психологическая способность, а сопутствующий продукт интерпретации, когда между событиями выявляются причинные и временные отношения» [Демьянков 1994: 26]. Далее исследователь заключает, что в шекспировскую эпоху произошла своего рода «когнитивная революция», когда механизмы познания изменились у целого поколения: «очевидно, где-то между двенадцатым и серединой семнадцатого веков английская ментальность вступила на новый путь мышления: мышления в терминах времени, причинности и вероятности» [Ibid.].

Значение Шекспира как канонообразующего автора четко определил Р.У. Эмерсон в цикле своих лекций «Representative Men»: «Шекспир принадлежит к народу ровно настолько же, насколько он принадлежит к категории выдающихся авторов. Он непостижимо мудр, а все другие авторы – уже постижимо» [Emerson 1850; перевод мой – *А.С.*]. Развивая мысль Эмерсона, известный американский литературовед Гарольд Блум отмечает в своем фундаментальном труде «Западный канон», что без Шекспира канона не существует, поскольку без него не сформировалась бы идентичность англо-

саксонской культуры в том виде, в каком виде мы ее имеем сейчас. Г. Блум также пишет, что в произведениях Шекспира не просто отражены когнитивные механизмы англосаксов – именно этому автору они обязаны современной способностью к познанию [Bloom 1994: 40]. По мнению Г. Блума, Шекспир является центром канона и превосходит других канонических писателей по сложности механизмов познания и структурирования действительности, по максимальному использованию ресурсов языка и лингвистическому новаторству, по изобретательности и способности к выдумке [Op. cit.: 46]. Герои Шекспира способны к развитию и самосовершенствованию на основе анализа своих поступков, чего не было в литературе предыдущих эпох; его персонажи настолько неисчерпаемы, что, без преувеличения, становятся инструментами читательского самоанализа [Op. cit.: 48]. Наконец, Шекспир практически уникален в соединении сложного и популярного искусства (вот у кого должны учиться постмодернисты!), а герои его пьес нередко игнорируют законы жанра. Можно сказать, что Шекспир является родоначальником «когнитивной иронии двойственного переживания», когда каждая психологическая установка персонажа уравновешивается своей противоположностью [Op. cit.: 74; перевод мой – *А.С.*].

В качестве второй апологии нашего понимания литературной синхронии отметим, что структурный анализ текстов в отношении сверхтекстовых структур (и наоборот) предполагает смещение акцентов с традиционной трехчастной последовательности «автор-произведение-традиция» на последовательность «текст-сверхтекст-культура». В результате эволюционная модель литературы, которая бы требовала диахронного описания сверхтекстов, замещается синхронной моделью «литература-как-знаковая-система» [Morgan 1985: 34-35], обусловливающей бóльшую эффективность лингвистического изучения сверхтекстов в синхронном срезе. Вопрос «кто раньше сказал», т.е. вопрос о более раннем или позднем появлении некоторого компонента смысла, становится здесь гораздо менее существенным по сравнению с выявлением всех потенциальных направлений влияния одного текста на другой и

реконструкции текстовых макроструктур как совокупности смысловых признаков из всех эпох, существующих в актуальном или нейтрализованном виде.

В соответствии с такой моделью также представляется возможным поставить в один ряд литературные тексты, где Лондон не является прямым объектом описания, но играет существенную роль, и тексты собственно о Лондоне или о британской столице в этих литературных трудах – тексты литературоведческие, исторические, краеведческие, публицистические. Еще А.А. Реформатский, например, предложил теорию дискурсивной защиты. Он выделял «взаимодополнительную защиту текстов», когда «текст защищает текст» [Реформатский 1987: 156]. Так, мы можем сравнить лондонские тексты Пеписа, Дефо и Диккенса и тексты Акройда о них[44]. В этом случае возникают сложные читательские проекции перечисленных исходных текстов, а в лондонский текст привносятся новые признаки. Вслед за А.А. Реформатским Ю.А. Сорокин определяет смысловую защиту текстов следующим образом: «Взаимодействие читателя с конкретным набором текстов и построение им своих проекций <...> этих текстов может вести к тому, что в читательской проекции фиксируются элементы, ранее для него нерелевантные. Это может быть вызвано постоянным *воспроизведением* ряда строго определенных текстов, что вызывает их *фразеологизацию* или *клишированность*, а также эволюцией канонов конструирования художественного текста, обусловленной экстенсификацией и интенсификацией информационных процессов в социуме» (курсив мой – *А.С.*) [Сорокин 1985: 72-73]. В соответствии с таким подходом, лондонский текст можно определить как национально ограниченное *прецедентное* сверхтекстовое единство.

---

[44] Современный английский писатель Питер Акройд тонко улавливает оттенки диккенсовского Лондона в современном мегаполисе, а со времени публикации его первого романа «Большой лондонский пожар» (*The Great Fire of London*, 1982), воспринятого критиками как переосмысление Диккенса с высоты XX в., писателя стали именовать последователем великого романиста. В произведениях Акройда Лондон предстает как историко-литературная реконструкция: писатель делает художественные зарисовки Лондона, которые носят аллюзивно-реминисцентный характер и отсылают читателя к описаниям британской столицы, например, у Диккенса; герои же Акройда прямо цитируют Диккенса, ходят в кино, чтобы посмотреть экранизации Диккенса, ставят экранизации его романов и пр.

При определении литературного канона, тем не менее, возникает ряд проблем. Первая – это размытые границы канона, ведь количество авторов огромно и растет постоянно: каких из них следует читать и считать каноническими? Очерчивая границы канона, необходимо иметь в виду, что речь идет о некоем аппроксимированном абстрактном конструкте, у которого, тем не менее, есть относительно постоянное ядро – это книги, которые входят в обязательную программу образовательных учреждений. Здесь необходимо сделать две важные поправки: «классические» программы «классических» университетов (что сразу же делает ряд авторов периферийными или даже неканоническими), и не «входят», а «до недавнего времени входили». Так, в последнее время при главенстве идеологии мультикультурализма и толерантности ценность классического канона все чаще ставится под вопрос, и он может рассматриваться как один из механизмов угнетения масс и форм притеснения различных групп населения. По мнению английского литературного критика Ф. Кермоуда, изложенного им в книге «Forms of Attention», в которой систематизированы его лекции, канон формируется так, чтобы обеспечивать преемственность в обществе и противостоять времени. Вместе с тем, это литературный конструкт, в котором, естественно, различия между «бытийным» знанием и мнением, нивелируются, поэтому его всегда можно ниспровергнуть, что, по сути, и произошло. Защитить канон официальная власть больше не может, он более не является обязательным, хотя без него и сложно представить нормальное функционирование образовательных учреждений [Kermode 1985: 67].

Противники любой стандартизации в литературе утверждают, что канон навязывается сверху различными образовательными департаментами и комиссиями, в которых право решающего голоса принадлежит преуспевшим в жизни белым мужчинам англосаксонского происхождения, которые занимаются литературой профессионально. Это не совсем так: литературный канон создается не учеными-литературоведами, а широкими слоями образованного читающего населения (которые читают и, что важно,

перечитывают книги для того, чтобы получить интеллектуальное удовольствие), и произведение, которое не выдерживает проверку временем, неизбежно из него выпадает. По этому поводу английский писатель и лексикограф Сэмюэл Джонсон (1709-84), который первым поднял вопрос о качестве и упорядочении английской литературы, заметил в жизнеописании английского поэта Томаса Грея следующее: «Я рад согласиться с обыкновенным читателем; ибо поэтическая ценность в конечном итоге определяется здравым смыслом читателей, которые не испорчены литературными предрассудками, берущими начало в чрезмерной учености или изящности вкуса» [Johnson 1791: 485] (перевод мой – *А.С.*).

Противников классического канона Г. Блум объединяет в т.н. «школу неприятия» (*School of Resentment*), включающую ряд течений: феминисты, афроцентристы (и, шире, мультикультуралисты), марксисты, деконструктивисты, семиотики, представители лаканианского психоанализа и сторонники нового историзма, вдохновленного теориями Мишеля Фуко [Bloom 1994: 20]. Под знаменем эмансипации всевозможных меньшинств представители школы неприятия пытаются противопоставить классическому канону популярную культуру, которая еще недавно рассматривалась как форма стандартизации и рыночного нивелирования искусства. Текст же индивидуальный и уникальный требует имманентного изучения, а, например, социологическому или психологическому как будто «сопротивляется», поскольку это сокращает его интерпретативный потенциал. По Блуму, шекспировское прочтение Фрейда не только открывает в текстах последнего новые грани и делает их более понятными, но и «растворяет» его в шекспировской бесконечности. Обратно, фрейдистское прочтение Шекспира неизбежно делает последнего ограниченным и однобоким до абсурда [Op. cit.: 25]. Действительно, лингвистический и литературоведческий анализ должен в первую очередь ориентироваться на текстовую последовательность, а не на затекстовую социально-нормированную и энциклопедическую

информацию. В противном случае интерпретация произведения превратится в увлекательную культурологическую прогулку.

Различие между литературой «настоящей» и коммерческой, т. е. написанной по заведомо успешному шаблону, очевидно. В первом случае автор использует ресурсы языка максимально, оперируя тончайшими оттенками значения языковых единиц. С позиций интерпретации, любая синтагма в таком произведении становится многоуровневым интеллектуальным лабиринтом с огромным количеством выходов. Во втором случае набор средств выражения, сюжетных ходов и уровней интерпретации (которые обыкновенно сводятся к линейному сюжету) крайне лимитирован.

На утверждение феминистов о том, что канон официально формируется мужчинами, литературный критик и популяризатор английской культуры Ка́рен Хьюитт возражает, что, во-первых, основную массу читателей всегда составляли женщины и что, во-вторых, главным критерием включения произведения в литературный канон все-таки должно служить его качество, «перечитываемость» несколькими поколениями, а не пол автора. Такие авторы, как Джейн Остин, Джордж Элиот (Мэри Энн Эванс), Элизабет Гаскелл или Вирджиния Вулф занимают в каноне ключевые позиции, а утверждать, что, например, «Франкенштейн» Мэри Шелли затмевает все литературные достижения ее мужа Перси Биши Шелли, попросту нелепо [Cf.: Hewitt 1997: 83].

Блумом выделяются следующие критерии каноничности литературного произведения:

- следование традиции и противодействие ей: только развив или опровергнув традицию и утвердив свою оригинальность в процессе длительной «борьбы» с другими текстами, т.е. с другими мнениями, произведение может занять место в каноне[45]; это не имеет отношения к

[45] Об этом забывают радикальные мультикультуралисты, наивно полагая, что они свободны от каких бы то ни было влияний и что они полностью сами себя создали в ответ на «засилье» в литературе «мертвых белых мужчин». «Но они не «мертвые»! – восклицает Блум. – А канон – это показатель их жизненной силы» [Bloom 1994: 39]. Старая метафора бессмертности писателя уместна здесь как никогда. Об уединенном диалоге с великими предками написал Ф. де Кеведо в сонете «Наслаждаясь уединением и учеными занятиями»: «Здесь у

классовой борьбе, текст не является ее инструментом: он пишется, в первую очередь, для себя и затем для неопределенного читателя[46] – не обязательно участника каких-либо социальных отношений, а человека, глубоко рефлексирующего, полемизирующего сквозь призму литературы с самим собою [47]; всякий честолюбивый писатель «стоит сам за себя» и ради собственных интересов «предаст» свой класс не задумываясь;

- абсолютная вневременная эстетическая ценность, не сводимая к идеологии и, опять же, не проистекающая из классовой борьбы или претензии отдельных групп / дискурсов на власть, как то хотели бы видеть сторонники школы неприятия;
- не инструмент насаждения общественной морали[48] и идеологии (образно говоря, не произведение должно служить общественному движению, а общественное движение может ассоциироваться с каноническим текстом, который будет неизмеримо шире него) [Bloom 1994: 18-23].

Для отечественного исследователя, занимающегося реконструкцией сверхтекстов / моделированием концептов на основе английского канона, обозначенные проблемы, связанные с его определением и очерчиванием его границ, еще более осложняются недоступностью источников и, соответственно, асинхронностью его формирования. Сверхтексты и ключевые культурные концепты, которые в них вербализуются, являются, без сомнения, культурно-специфичными. Поэтому всегда будут существовать различия в наборе

меня собранье небольшое / Ученых книг, покой и тишина; / Моим очам усопших речь внятна, / Я с мертвыми беседую душою. / И мудрость их вседневно правит мною, / Пусть не всегда ясна – всегда нужна; / Их стройный хор, не ведающий сна, / Сон жизни полнит музыкой немою» [Кеведо 1980: 229].

[46] Эту мысль высказала Гертруда Стайн в романе «Становление американцев» (*The Making of Americans*, 1925) – в одном из многочисленных отступлений о том, как писателем создается текст: «Я пишу для себя и посторонних. <...> Каждый для меня реален, и каждый похож на остальных» [Stein 2008: 99].

[47] Таким образом, канон, по Блуму, – это не столько набор обязательных для прочтения произведений, сколько «образ индивидуального мышления, внутреннего диалога с писателями, способствующего духовному росту» [Bloom 1994: 35]; его функция – организация и систематизация того, что человек будет читать на протяжении всей своей жизни [Op. cit.: 39]. Вдумчивый, искушенный читатель будет при погружении в мир писателя принимать «правила его игры» и не будет ассоциировать себя с социальной группой или общественным начинанием (или, по крайней мере, искать им однозначное оправдание в произведении). В этой связи вспоминаются известная сентенция О. Уайльда: «Красота, подобно Мудрости, любит, когда ей поклоняются в одиночестве» [Уайльд 1990].

[48] Опять вспоминается О. Уайльд, заметивший, что «нет книг нравственных и безнравственных, а есть книги, хорошо написанные или написанные плохо» [Уайльд 1987: 13].

признаков, характеризующих один и тот же концепт у различных народов, противоречия между «своими» и «чужими» представлениями о культурно-значимом фрагменте действительности. М.В. Никитин выделяет пять причин, по которым у различных народов отличаются концептуальные тезаурусы и наличествует содержательное различие в денотатно тождественных или близких концептов: (i) различия в среде обитания и истории; (ii) разная степень обобщения / детализации при отражении языками фрагментов мира; (iii) различное распределение концептов по языковым единицам и значениям; (iv) различная сочетаемость когнитивных компонентов с компонентами оценочно-прагматическими; (v) своеобразная комбинаторика концептов при их «привязке» к знакам [Никитин 2004: 58].

Распространение в России английских письменных источников, необходимых для формирования канона и конструируемого на его основе сверхтекста, их критическое осмысление и, наконец, перевод – все это требует времени, и, в любом случае, нельзя быть уверенным, что эти источники получат такое же распространение в принимающей культуре[49]. Неудивительно, что, по полушутливому замечанию К. Хьюитт, российская версия английского литературного канона близка к английской версии 1900 года! [Hewitt 1997: 87]

Более того, русский читатель склонен воспринимать английскую литературу сквозь призму европейской или своей собственной литературной традиции, в то время как англичане в первую очередь ориентируются на сугубо английские, «островные» переживания и конфликты (*domestic joys and sorrows*). В этом смысле, величайшими романистами XIX века будут не Диккенс и Теккерей, как это полагают русские, а Джордж Элиот, Диккенс и Гарди (именно в таком порядке). Томас Гарди одним из первых поставил вопрос о сомнительности викторианских ценностей. Это едва ли не самый популярный классический автор в Великобритании, а его романы –

[49] Это может быть связано, в частности, с литературными вкусами людей, ценностными нормами, существующими в обществе, или, как это было до недавнего времени, цензурой. Как писал А.С. Пушкин еще в 1822 г. в «Послании цензору», «Что нужно Лондону, то рано для Москвы» [Пушкин 1955: 188]. Советская же цензура возвела в ранг абсолюта XIX век и нехотя, с опаской, очень избирательно давала читателям то, что было написано в Англии позже. Таким образом, для многих советских читателей Англия однозначно ассоциировалась с викторианством.

энциклопедия «английскости». Русскому читателю, тем не менее, Гарди зачастую просто скучен.

Байрон, который так важен для русского и европейского читателя как певец мятежного индивидуализма и разочарования в эпоху крушения идеалов французской революции, считается в Англии менее значимым поэтом-романтиком, чем Вордсворт, Блейк или Китс, «культивировавшими» романтизм, так сказать, на английской почве. Об отношении к Байрону в Англии свидетельствует, хотя и с некоторой долей преувеличения, следующий отрывок из романа «Будда из пригорода» (*The Buddha of Suburbia*) английского писателя пакистанского происхождения Ханифа Курейши: «And when dad tried to discuss Byron in local [East End] pubs no one warned him that not every Englishman <...> wanted tutoring by an Indian on the poetry of a pervert and a madman» [Kureishi 1990: 24-25].

В любом случае, солидный корпус литературных текстов абсолютно необходим для описания сложных лингвистических феноменов и стоящих за ними ментальных структур. В литературных текстах речь идет не только о том, что имеет место в реальном мире, но и о том, что могло бы быть в некотором возможном мире – ассумптивном универсуме, зависящем от личности автора, интертекстуальной рамки, стилевой отнесенности, аксиологических установок. Предметом анализа, соответственно, становится не мир как таковой, а его концептуализация в рамках некоторой системы мнения.

Итак, в данном разделе нами был обозначен ряд проблем, связанных с дефиницией английского литературного канона, возможностями его использования в современном лингвистическом исследовании, а также с реконструкцией канона в других культурах. Представляется, что канон – это идеальный аппроксимирующий конструкт или значение, которое никогда не достигается [Cf.: Соснин 2015(a): 418]. В связи с реконструкцией канона в другой культуре возникает ряд трудностей, которые ведут к асинхронности восприятия исходной культуры и ее ключевых текстов представителями культуры принимающей. Дальнейшее развитие этой темы содержится в

Разделе 7.3. «Лондонский текст в неанглийской традиции. Временной разрыв в формировании сверхтекстов культуры у ее представителей и у носителей других культур».

2.9. Связность лондонского текста

Как уже отмечалось, при анализе конкретных текстов, входящих в лондонский текст, нельзя не отметить существенную близость описаний Лондона у различных авторов – вплоть до дословных совпадений, которые не только не скрываются, но даже как бы «афишируются». Такая метатекстовая игра, возможно, объясняется тем, что Лондон как сакральный объект, обладающий аксиологической сверхценностью, крайне настоятельно имплицирует свои собственные описания, зачастую ограничивая авторскую свободу выбора (тоже на уровне восприятия: в любом месте такого огромного и многообразного мегаполиса, как Лондон, он остается узнаваемым по каким-то невидимым вехам, изотопическим признакам – он все равно «прочитывается» как Лондон благодаря некоторой сквозной бытийной метафоре). В выборке контекстов, относящихся к новоанглийскому периоду, Лондон концептуализуется в соответствии с одними и теми же когнитивными моделями, а выделяемые в лондонском тексте признаки, метафоры, фреймы и сценарии остаются одними и теми же. В этом смысле мы можем говорить о кросс-темпоральности и кросс-жанровости лондонского текста, который, соответственно, рассматривается преимущественно с позиций синхронии (т.е. в совокупности признаков, характеризующих его на настоящий момент) или панхронии (как вместилище всех эпох и соответствующих жанров).

Таким образом, при изучении лондонского текста представляется необходимым выявить ключевые семантические изотопии (т. е. эффекты синтагматической рекурренции одной и той же семы [Растье 2001: 362]), позволяющие на языковом уровне осуществить его единообразное прочтение текста и удерживающие его вероятностную, диффузную структуру от распада.

Определение изотопий позволяет дать семантическое обоснование метафорам лондонского текста. Построения типа «London mourns», «dolent city», «London is Babylon» могут показаться противоречащими правилам сочетаемостных ограничений, поскольку содержат несовместимые семы (что приводит к логической «нестыковке» понятийных областей на когнитивном уровне). Чтобы истолковать метафорическое выражение, где предикат или атрибут приписывается объекту, входящему в иной семантический класс, необходимо, во-первых, нейтрализовать несовместимые признаки и, во-вторых, актуализовать какой-либо общий признак, т.е. идентифицировать и построить изотопию.

Связность лондонского текста не в последнюю очередь обеспечивается единым «лондонским словарем», которым задается лексическая и предметно-качественная парадигма текста. Это лексема «London»,производные от нее образования («Londonian», «Londonese», «Londonesque», «Londonism», «Londonize»и т. д.); корпус устойчивых речений (напр.: «A London jury: hang half and save half») и словосочетаний различной степени связности (напр.: «Greater London», «London speech», «London particular»); лексические репрезентации семем, входящие в таксемы //urban area// и //capital city//; лондонские топонимы. Вербализации лондонского текста в топонимах следует считать вербализациями его различных признаков, которые влекут за собой цепочки ассоциаций. В частности, через Лондон, топографию его улиц раскрываются биография и творчество писателей-лондонистов. С другой стороны, в контексте этого творчества топонимы приобретают новые созначения, т.е. ассоциативные ряды, которые могут ими эвоцироваться, расширяются.

2.10. Концепция лондонского времени применительно к описанию лондонского текста

Как отмечалось ранее, при анализе конкретных текстов, входящих в лондонский текст, нельзя не заметить существенную близость описаний

Лондона у различных авторов – вплоть до дословных совпадений, которые не только не скрываются, но даже как бы «афишируются». Такая метатекстовая игра, возможно, объясняется тем, что Лондон как сакральный объект, обладающий аксиологической сверхценностью, крайне настоятельно имплицирует свои собственные описания, зачастую ограничивая авторскую свободу выбора (то же на уровне восприятия: в любом месте такого огромного и многообразного мегаполиса, как Лондон, он остается узнаваемым по каким-то невидимым вехам, изотопическим признакам – он все равно «прочитывается» как Лондон благодаря некоторой сквозной бытийной метафоре). Кроме того, в контекстах, относящихся к новоанглийскому периоду, Лондон концептуализуется в соответствии с одними и теми же когнитивными моделями, а выделяемые в лондонском тексте признаки, метафоры, фреймы и сценарии остаются одними и теми же. В этом смысле мы можем говорить о кросс-темпоральности и кросс-жанровости лондонского текста, который, соответственно, рассматривается в настоящем исследовании с позиций синхронии (т.е.в совокупности признаков, характеризующих его на настоящий момент) или панхронии (каквместилище всех эпох и соответствующих жанров[50]). Нами постулируется преемственность, «изотопичность» признаков лондонского текста на протяжении новоанглийского периода.

Четкое структурирование лондонского текста в терминах «синхронное-диахронное» представляется затруднительным еще потому, что это связано с особой «топографией» лондонского времени. Мы можем говорить о *топографии времени*, поскольку, как замечает Д. Болинджер в своем труде «Аспекты языка» (*Aspects of Language*), «в нашем [*английском* – А.С.] языке сформировался крайне сложный и разветвленный словарь для описания всеобъемлющего *пространства*. Само это понятие, будучи категорией вещественной, включает в себя в абстрактном смысле все другие подобные

[50] Ср. в романе С. Моэма «Бремя страстей человеческих» (*Of Human Bondage*): «They came to the Pool of London, and who can describe its majesty? The imagination thrills, and Heaven knows what figures people still its broad stream, Doctor Johnson with Boswell by his side, an old Pepys going on board a man-o'-war: the pageant of English history, and romance, and high adventure» [Maugham 1915].

категории. Наши представления о пространстве оказались настолько всепроникающими, что мы почти без изменений стали использовать их для описания *времени*» [Bolinger 1975: 242; перевод мой – *А.С.*]. В процессе исследования Лондона эти слова приобретают новое осмысление, когда, блуждая по улицам современного города, человек оказывается в разных эпохах: прошлое начинает жить в пространственно ориентированных объектах настоящего. Сам город при этом рассматривается как «сеть» (один из вариантов нелинейного письма) и содержит цепочки отсылающих друг к другу смыслоразличительных элементов.

В работе «Практика повседневной жизни» французский историк и социальный философ Мишель де Серто (1925-1986) предлагает любопытные наблюдения о природе восприятия урбанизированного пространства: «Прогулка по городу – это пример блуждания по его пардигме. <…> Идти по городу означает трансформировать его, подобно тому, как изменяется функция от времени и повествования, и, таким образом, нивелировать его качества регулярного, статичного и организующего пространства в пользу динамичности и спонтанной реорганизации» [Certau de 1984: 117] (перевод мой – *А.С.*).

Современными британскими исследователями-урбанистами отмечается «резонанс» вербального и визуального в городе, когда разрушенные здания перестраиваются и служат контекстуализации ушедших образов Лондона в рамках современной парадигмы восприятия: «Ruins are rebuilt and presented in isolation to a contextualizing of the sights of the metropolis in response to modern systems of viewing» [Arnold 1999: 3; cf.: Peltz 1999]. Определенная степень «одержимости историей» вообще характерна для современного постмодернистского восприятия действительности в Англии. Именно здесь возникает новый литературный жанр – «историографическая метапроза». Этот термин предложила канадский литературовед и критик Линда Хатчен. В ее определении, это «популярныероманы, которые характеризуются большой долей саморефлексии и самым неожиданным образом заявляют права на

исторические события и персонажей. В связи с тем что авторы, работающие в этом жанре рассматривают историю и художественную литературу как умозрительные конструкты, созданные человеком, они допускают возможность их переосмысления, а также переработки формы и содержания прошлого» [Hutcheon 1998: 5]. В рамках выдвинутой таким образом концепции постоянного присутствия прошлого время и история становятся открытым пространством для бесконечных трансформаций. По мнению Л. Хатчен, эти трансформации не являются результатом сожалений об ушедшем, но носят критический характер [Op. cit.: 4].

Итак, настоящее может отсылать к прошлому, но ни о какой приоритетности настоящего речи не идет. В рамках восприятия конкретного субъекта прошлое может оказаться более реальным, чем настоящее, и человек с точки зрения своих ценностных установок сам выбирает, в какой плоскости и в какой последовательности ему «читать» современный город. Истина в этом случае релятивизируется относительно ассумптивного универсума субъекта; при этом главное, по замечанию А.Е. Бочкарева, – установить, при каких условиях анализируемое высказывание совместимо с пропозициональной установкой говорящего – с тем, что данный носитель языка знает, думает и чувствует в данном мире [Бочкарев 2003: 18; cf.: Павиленис 1983: 97-98; Тондл 1975: 48-55]. Как указывалось, выше, к высказываниям художественного текста неприменимы правила истинности и ложности. Например, выражение «eternal London» (Томас Мур, поэма «Rhymes on the Road», 1819) ни истинно, ни ложно, а может быть приемлемым или неприемлемым в данном ассумптивном универсуме. Иначе говоря, как отмечает А.Е. Бочкарев, «исчисление предикатов в литературном тексте нельзя производить на основе традиционных семантических представлений, допускающих интерпретацию исключительно относительно действительного мира» [Бочкарев 2003: 41]. Истинностное значение литературных допущений релятивизируется относительно некоторого ассумптивного универсума. Согласно Дж.Р. Тейлору, ментальные пространства не обязательно должны верифицироваться

онтологически, и, с лингвистической точки зрения, повествование о «реально» произошедших событиях неотличимо от выдуманного рассказа [Taylor 2002: 73].

Английский эссеист и писатель Джеймс Генри ли Хант (1784-1859) в эссе «город» (*The Town*, 1848) сказал о лондоне следующее: «…nor perhaps is there a single spot in London in which the past is not visibly present to us» [Cit. ex: Ackroyd 2000: 119]. Лондону, таким образом, свойственно наделять человека чувством личного участия в истории, а любая прогулка по британской столице может стать путешествием в прошлое.

Под прямым воздействием лондонских впечатлений сложилось понимание времени и вечности Т.С. Элиота, который написал в стихотворении «Бернт Нортон» (*Burnt Norton*) из цикла «Четыре квартета» (*Four Quarters*) следующее: «Time present and time past / Are both perhaps present in time future / And time future contained in time past. / If all time is eternally present / All time is unredeemable» [Eliot 1943(a)][51].Ср. тж. ряд контекстов, иллюстрирующих «панхронистическую» природу британской столицы: «… the past is restored around us all the time <…> And there are in London certain scenes or situations which, once glimpsed, seem to continue for eternity» [Ackroyd 1994: 102]; «The nature of time in London is mysterious. It seems not to be running continuously in one direction, but to fall backwards and to retire. Sometimes it moves steadily forward, before springing or leaping out; sometimes it slows down and, on occasions, it drifts and begins to stop altogether» [Ackroyd 2000: 661]; «Each era superimposes itself on the ones before, conjuring up the vanished human history, hidden like the rivers flowing beneath – that is so much part of London's atmosphere» [Wilson 2004: 166].

В романе П. Акройда «Дом доктора Ди» лондонское время часто становится предметом размышлений со стороны Мэтью Палмера, повествователя в современной, не исторической линии книги: «... there are times

[51] Поскольку Т.С. Элиот (род. в 1888 г. в США) переехал в Великобританию в 1915 г., принял британское подданство и написал все свои основные произведения, находясь в Англии, он по полному праву может считаться английским поэтом.

when I walk through the contemporary city and recognize it for what it is: another historical period, with all its mysterious constraints and docilities. There was a sentence which my father taught me – “To see eternity as part of time, and time as part of eternity”» [Ackroyd 1993: 30][52]; «The past is restored around us all the time, in the bodies we inhabit or the words we speak» [Ibid.]; «London time may be a substance as real as fire or water. It can change shape. It can move to a different position» [Op. cit.: 58].

Можно заключить, что в Лондоне параллельно сосуществует огромное количество отдельных времен. Так, современный английский писатель М. Муркок (род. в 1939 г.) писал в романе «Лондон, любовь моя» (*Mother London*, 1988): «Похоже, все мы движемся сквозь время на разной скорости, и нас может потревожить лишь столкновение чьего-то хронологического восприятия с нашим собственным. Варианты выбора тонки и сложны, но все же возможны, тем более в таком городе, как Лондон. В меньших городах, где отдельные элементы почти не различаются, вариантов значительно меньше. В Лондоне прошлое и будущее сливаются в настоящее, и это одна из его самых привлекательных черт. Теории Времени, вроде теории Данна, обычно стремятся к упрощению, пытаясь придать Времени циклическую или линейную форму, но я считаю, что Время похоже на драгоценный камень с бесконечным числом граней, которые не разложишь по полочкам» [Муркок 2006: 590].

Предложенный нелинейный, панхронистический подход к прочтению города объясняется стремлением сначала модернистской, а затем постмодернистской философии освободиться от догматики Нового времени с его идеями линейности прогресса, истории и времени, которые были доминантными для западной цивилизации с XV по XX вв., вплоть до осмысления открытий Эйнштейна. Такое восприятие времени сформировалось в результате того, что открытие наследия античной цивилизации в эпоху

[52] Здесь очевидна аллюзия на начало цикла двустиший У. Блейка «Прорицания невинности» (*Auguries of Innocence*) с их идеей совмещения несовместимого и осмысления мира в единстве и нерасчлененности: «To see a World in a Grain of Sand / And a Heaven in a Wild Flower / Hold Infinity in the palm of your hand / And Eternity in an hour» [Blake 1803: 13].

Возрождения способствовало выдвижению в эпоху географических – *пространственных* – открытий нового – *временного* объекта познания – *прошлого*. Таким образом, сама категория исторического / линейного времени оказывается исторически детерминированной. Постмодернистское структурирование любой реальности в терминах текста, в частности, восприятие «события» как текста, а не как процесса, а также стирание границ между заимствованным и оригинальным, т. е. текстом, принадлежащим прошлому, и текстом, принадлежащим настоящему, способствуют проблематизации самого понятия «время», переводя его из разряда объективных категорий в разряд условных, субъективных. Соответственно, как отмечает В. В. Струков, «исчезает однонаправленность вектора времени, уступая место свободному ориентированию во времени как в пространстве и взаимопроникновению эпох» [Струков 2000: 68]. Так, в эссе «О других пространствах» (*Of Other Spaces*) французский философ-постструктуралист М. Фуко заявляет следующее: «Мы живем в век одновременности и сосуществования несовместимого: в век близкого и далекого, жизни бок о бок и разобщенности. Мы пришли к тому моменту, когда мир стал восприниматься не как бытийный континуум, который развертывается во времени, а как сеть, которая состоит из узлов и крайне спутанных нитей, их соединяющих» [Foucault 1986: 22] (перевод мой – *А.С.*).

Наконец, современная урбанистическая теория характеризуется переходом от изучения мегаполиса в диахронии к его панхронистическим, всеобъемлющим исследованиям, а также к анализу ежедневных субъективных практик городских жителей. В центре внимания, соответственно, оказываются процессы фрагментации, децентрализации и нарративизации урбанистического пространства.

Таким образом, в современной концепции лондонского времени главенствующими являются мотивы повторения / отражения / воспроизведения и блуждания по различным временным эпохам, и, как, отметил современный английский писатель П. Акройд (род. в 1949 г.) в одном из своих интервью,

«Лондон может рассматриваться как метафора самой сущности времени и присутствия прошлого в том, что делают люди» [Hattenstone 1999].

2.11. Стохастичность, или вероятностный характер лондонского текста

Структура лондонского текста является калейдоскопичной, вероятностной, поскольку компоненты смысла актуализуются в контексте и могут не осознаваться в их совокупности, определяясь через отношения между семемами, парадигматические или синтагматические, которые детерминируются прагматическим окружением, аксиологическими установками и прочими видами кодирования. Множественность версий мира, предлагаемых различными метафорическими моделями и описываемых бесконечными ассоциативно-отсылочными рядами, делает невозможным окончательное и полное описание действительности.

Действительно, урбанистический опыт невозможно свести к эмпирическим оценкам города, и никакое его исследование не способно отразить всю многогранность самого объекта и его текста [Cf.: Preston 1994: 9]. В современных урбанистических исследованиях постулируется отсутствие четкого деления на центр и периферию. Так, влиятельный британский исследователь городской среды Дж. Чарли в эссе «Время,пространство и нарратив: размышления об архитектуре, литературе и современности» весьма точно суммирует представления о мегаполисе, которые приняты в наши дни: «У него нет ни центра, ни границ, он непостижим и бросает вызов стандартным описаниям в социологии, демографии и семиотике. К ключевым чертам этого эфемерного и стремительного мира относятся дискретность пространства и ускоренное течение времени» [Charley 2012: 4]. Соответственно, мы также склоняемся в пользу множественности перспектив, потенциальных точек зрения, представленных в литературе.

Кроме того, отметим вслед за В.Н. Топоровым, что «через свою «пространственность» [городской] текст выходит за пределы самоё себя. С

этих позиций чтение текста возможно представить как замыкание того, что было, с тем, что есть теперь, а интерпретацию текста читателем – как конструирование промежуточных пространств, в т. ч. и потенциально мыслимых» [Топоров 1983: 283].

Структура лондонского текста гетерогенна и полярна, что связано с тем, что при концептуализации одного и того же предмета актуализуются различные его свойства в зависимости от прагматического отношения к нему. Тот факт, что у одного объекта актуализуются различные свойства, с одной стороны, позволяет обозначать его разными лексемами, а с другой – в одной и той же семеме, его обозначающей, актуализуются разные семы, отражающие те свойства объекта, которые в данном случае выступают на передний план.

В любом случае лондонский текст – понятие относительное и меняющее свой объект в зависимости от коммуникативной интенции автора и интерпретирующей компетенции читателя. Действительно, согласно И. Беллерту, семантическая интерпретация связного текста[53] зависит от знаний о мире, которыми обладает получатель текста. Исследователь указывает на то, что, помимо дедукционных рассуждений об интерпретируемом тексте, мы прибегаем к некоторым импликационным обобщениям, приходя к ним индуктивно исходя из наших знаний о мире, дабы получить некоторые необходимые следствия или восполнить недостающие текстовые связи, которые не выражены эксплицитно. При этом авторское знание о мире может навязывать ему такие импликации, которые могут не иметь никакой опоры у читателя [Беллерт 1978: 206].

Кроме того, на текст всегда может быть наложена собственная интерпретация, которая может расходиться с интенциями автора. По замечанию Беллерта, это особенно актуально для старых текстов, когда задуманная автором интерпретация зачастую оказывается недоступной читателю нашего времени из-за невозможности сформулировать важные

[53] В определении Р. Барта связный текст – это конечный отрезок речи, который являет собой единство с содержательной точки зрения, передается с конкретными коммуникативными целями и имеет внутреннюю организацию, соответствующую этим целям. При этом он связан с бóльшим набором (культурных) факторов, нежели только с теми, что принадлежат собственно языку [Барт 1978: 443].

суждения, относящиеся к авторским представлениям о мире, – даже если читатель – выдающийся знаток данной эпохи [Op.cit.: 207]. Вспоминается знаменитое утверждение Л. Витгенштейна о том, что слова имеют значение лишь в суете, потоке жизни [Wittgenstein 1982: 246]. Применительно к данному исследованию это утверждение можно перефразировать следующим образом: отдельно стоящее высказывание может получить полную интерпретацию исключительно в целостном контексте и лишь с обращением к нашим знаниям о мире.

Выводы

Понятие городского текста отражает неклассический тип художественного мышления и современные эстетические реалии. В литературоведческой перспективе лондонский текст – это комплекс образов, мотивов, сюжетов, который воплощает модель бытия в британской столице как специфического феномена культуры. С лингвистических позиций, это формализованное семантическое представление объекта реальной действительности, которое включает в себя не только его объективно истинные признаки; это нормативная реконструкция. Это «глобальная» вербализация концепта «Лондон», получаемая путем сближения текстов исследуемой смысловой сферы, т. е. текстов, в которых наличествуют вербализации данного концепта; это теоретико-множественная сумма признаков, характерных для произведений, которые составляют субстрат лондонского текста (являются его реализациями). Лондонский текст выступает здесь в качестве «концептуального каркаса». Здесь опять же приходим к принципиальной установке нашего исследования на интеграцию когнитивного и семиотического подходов, в соответствии с которой анализ социально значимых ментальных сущностей осуществляется через семантическое исследование соответствующих им текстов.

Поскольку лондонский текст – это сумма образующих его конкретных текстов, которые связаны общей тематикой и перекликаются друг с другом, его можно охарактеризовать как сверхтекст и гипертекст.

Сверхтекст понимается как некоторая общая модель для группы текстов в рамках ко-текстуальной теории текста, цель которой состоит в том, чтобы построить некоторый текст-конструкт, общую идею, а затем породить все возможные воплощения этого изначального текста и сравнить их особенности. Выявление закономерностей функционирования сверхтекстов позволяет по аналогии исследовать деятельность человеческого мозга и строить описательные конструкты и модели искусственного интеллекта. Именно на основе сверхтекстов культуры гораздо эффективнее строить модели, описывающие и имитирующие человеческое поведение и разум.

Являя собой гипертекст, лондонский текст имеет нелинейную структуру, характеризуется размытыми границами и дискретностью, строится на основе интерсемиотичности, а межтекстовые переклички и совпадения образующих его текстов объясняются более глубокими причинами, чем простое цитирование, реминисценции или подражание – не влиянием одного текста на другой текст, одного автора на другого автора, а наличием некоторой «сверхтрадиции».

Аллюзивный, интертекстуальный характер лондонского текста заключается в его способности эвоцировать другие сверхтексты культуры – подобно тому, как в его реализациях содержатся отсылки к другим текстам.

Лондонский текст подлежит наблюдению не как застывший продукт, а как его производство, включенное в другие тексты, другие коды и тем самым связанное с обществом и историей за счет межтекстовых ассоциаций. Выявление этих межтекстовых ассоциаций выводит интерпретацию текста за пределы его имманентной структуры, т.е. текст, содержащий описания Лондона, не может считаться самодостаточным.

Даже если в конкретной реализации лондонского текста нет намеренных интертекстуальных включений, их число все равно не может быть нулевым, поскольку текст не создается *ab nihilo*, что указывает на обусловленность реализации сверхтекстом, который, в свою очередь, включен в межтекстовые парадигмы. Таким образом, самодостаточность некоторой реализации

лондонского текста никогда не может быть полной, но она также не может быть нулевой, поскольку ни в одном тексте нет неисчерпаемого смысла.

Лондонский текст не структурируется линейно и строится по принципу многомерного объекта.

Реконструкция лондонского текста осуществляется на основе семантического анализа произведений английской литературы с XVI по XXI вв., включенных в английский литературный канон, которые так или иначе связаны с Лондоном. Анализируемые произведения сближает не только тема, но и сходная ее трактовка или, другими словами, предикация сходных признаков, которые актуализуются во всех текстах, участвующих в анализе.

Предпосылкой для интерпретации существующих текстов о Лондоне и порождения новых текстов о нем служит знание художественных миров или типичных текстовых структур. Этот факт связан с интертекстуальным характером Лондонского текста, и отсюда проистекает схожесть описаний Лондона у самых различных авторов. В разделе была выделена функция расширения значения EXT, которая на основе интерпретирующих процедур позволяет находить проявления сущностей в мирах, заданных в качестве аргумента. Так, если дан мир *w* и сущность *L* (*London*), выражаемая набором семантических признаков, то EXT (*L*) (*w*) будет подмиром, который является проявлением *L* в мире *w*, т. е. результирующий набор признаков L_1=EXT (*L*) (*w*). Мир *w* – это трансформация «онтологически реального» мира *W* в зависимости от социолектных и идиолектных установок автора как конструктора текста / данного мира *w* и читателя как его дешифратора.

В качестве сущности *L* также могут рассматриваться семемы, входящие в таксемы или классы семем, которые соотносятся по одной или нескольким общим семам с семемой, которая вербально репрезентируется лексемой «London». Практически во всех текстах, где фигурирует наименование «London»,оно прежде всего истолковывается (i) как урбанизированное пространство, город; (ii) как столица Великобритании. В прочих текстах семы /urban area/ и /capital city/ всегда присутствует в актуализованном или

виртуализованном виде. Эти семы являются родовыми для таксем //urban area// и //capital city//, в состав которых входят семемы ‘town’, ‘borough’, ‘city’, ‘emporium’, ‘cosmopolis’, ‘metropolis’, ‘agglomeration’, ‘conglomeration’, ‘conurbation’, ‘sprawl’, ‘megalopolis’, ‘capital’.Данные семемы представляют собой гипо-гиперонимический ряд (ряды)и строятся на иерархии сем (например,по возрастанию степени урбанизации пространства). За счет изучения синтагматических и парадигматических связей этих семем и подстановку их в формулу L_1= EXT (L) (w) представляется возможным выявить больше признаков лондонского текста, чем если бы мы в качестве L брали только «словарную»семему ‘London’. Суммируя полученные смыслы, которые выявляются в интерпретирующих семемах в зависимости от контекста, можно получить достаточно полное семантическое описание исследуемого текста. Перечисленные семемы отождествляются со слоями или уровнями лондонского текста.

Каждый элемент лондонского текста потенциально обладает всей суммой возникающих в разных ситуациях значений. Отсюда предельная неопределенность, стохастичность каждого элемента Частная задача при таком подходе будет заключаться в выявлении регулярных семантических (статических и динамических) отношений между семемами и их классами, значимых для корпуса текстов, которые составляют лондонский текст.

Выделение сем и семем осуществляется не референциально, а интенсионально: семы определяляются через отношения между семемами; эти отношения детерминируются лингвистическим и ситуационным / прагматическим контекстом; определение семемы также является исключительно дифференциальным.

Соответствующая лондонскому тексту онтологическая реальность отражается в нем не абсолютно. Соответственно, при выявлении признаков исследуемого текста нельзя ограничиться «объективно истинной» стороной онтологического бытия: для описания такого сложного явления необходимы литературные тексты, а речь в них идет не только о том, что имеет место в

реальном мире, но и о том, что могло бы быть в некотором возможном мире – ассумптивном универсуме, зависящем от личности автора, интертекстуальной рамки, стилевой отнесенности, аксиологических установок и проч. Предметом анализа, соответственно, становится не мир как таковой, а его концептуализация в рамках некоторой системы мнения, что, однако, не означает отказа от действительного мира, но предполагает разграничение реальности и текста, между которыми, безусловно, существует некоторое соответствие.

Таким образом, лондонский текст являет собой предельно усложненный конструкт аккумулирующего типа, включающий в себя как «онтологически-реальные», так и литературные признаки, а также характеризующийся высокой степенью стохастичности и неопределенности.

В исследовании культурно-значимых категорий абсолютно необходима установка на литературный текст, поскольку это позволяет восстановить традиционные связи лингвистики с литературоведением и другими гуманитарными дисциплинами и, таким образом, вовлечь в орбиту анализа прагматические установки и аксиологические нормы, а также учесть «вторичные» семиотические системы наравне с языком.

Исследование сверхтекстов культуры целесообразно проводить на материале т.н. литературного канона, т. е. совокупности произведений, изучаемых в средней и высшей школе в стране исследуемого языка. Именно на основе литературного канона формируется значительная часть концептосферы образованных носителей языка.

Рассматривая британский вариант английского языка в синхронии, мы говорим о литературном каноне новоанглийского языка, т.е. о совокупности литературных произведений, созданных на Британских островах на более или менее стандартизированном языке с XVI века по настоящее время. Период достаточно продолжителен, однако на его протяжении наблюдается существенная преемственность признаков, метафор, фреймов и сценариев,

использовавшихся представителями английского социума при структурировании действительности, а также языковых средств их выражения.

К критериям каноничности литературного произведения относятся следование автором традиции и противодействие ей, абсолютная вневременная эстетическая ценность произведения, не сводимая к идеологии; канонический текст не может быть инструментом насаждения общественной морали.

Литературный канон – это идеальный аппроксимирующий конструкт или значение, которое никогда не достигается. В связи с реконструкцией канона в другой культуре возникает ряд трудностей, которые ведут к асинхронности восприятия исходной культуры и ее ключевых текстов представителями культуры принимающей.

Лондон как сакральный объект, обладающий аксиологической сверхценностью, настоятельно имплицирует свои собственные описания, зачастую ограничивая авторскую свободу выбора. То же имеем на уровне восприятия: в любом месте такого огромного и многообразного мегаполиса, как Лондон, он остается узнаваемым по каким-то невидимым вехам, изотопическим признакам – он все равно «прочитывается» как Лондон благодаря некоторой сквозной бытийной метафоре. В этом смысле мы можем говорить о кросс-темпоральности и кросс-жанровости лондонского текста, который, соответственно, рассматривается преимущественно с позиций синхронии (т. е. в совокупности признаков, характеризующих его на настоящий момент) или панхронии (как вместилище всех эпох и соответствующих жанров).

Таким образом, при изучении лондонского текста представляется необходимым выявить ключевые семантические изотопии (т. е. эффекты синтагматической рекурренции одной и той же семы), позволяющие на языковом уровне осуществить его единообразное прочтение текста и удерживающие его вероятностную, диффузную структуру от распада.

Связность лондонского текста не в последнюю очередь обеспечивается единым «лондонским словарем», которым задается лексическая и предметно-

качественная парадигма текста. Это лексема «London», производные от нее образования («Londonian», «Londonese», «Londonesque», «Londonism», «Londonize» и т. д.); корпус устойчивых речений (напр.: «A London jury: hang half and save half») и словосочетаний различной степени связности (напр.: «Greater London», «London speech», «London particular»); лексические репрезентации семем, входящие в таксемы //urban area// и //capital city//; лондонские топонимы. Реализации лондонского текста в топонимах следует считать реализациями его различных признаков, которые влекут за собой цепочки ассоциаций.

В современной концепции лондонского времени главенствующими являются мотивы повторения / отражения / воспроизведения и блуждания по различным временным эпохам. Настоящее может отсылать к прошлому, но ни о какой приоритетности настоящего речи не идет. В рамках восприятия конкретного субъекта прошлое может оказаться более реальным, чем настоящее, и человек с точки зрения своих ценностных установок сам выбирает, в какой плоскости и в какой последовательности ему «читать» современный город. Соответственно, исчезает однонаправленность вектора времени, уступая место свободному ориентированию во времени как в пространстве и взаимопроникновению эпох. В рамках выдвинутой таким образом концепции постоянного присутствия прошлого время и история становятся открытым пространством для бесконечных трансформаций.

Структура лондонского текста гетерогенна и полярна, что связано с тем, что при концептуализации одного и того же предмета актуализуются различные его свойства в зависимости от прагматического отношения к нему. В этом состоит вероятностный характер лондонского текста. Тот факт, что у одного объекта актуализуются различные свойства, с одной стороны, позволяет обозначать его разными лексемами, а с другой – в одной и той же семеме, его обозначающей, актуализуются разные семы, отражающие те свойства объекта, которые в данном случае выступают на передний план.

ГЛАВА 3
КОГНИТИВНЫЕ И СЕМИОТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯ

В данной главе будут рассмотрены когнитивные и семиотические модели представления и формирования знания. В первом разделе главы с позиций когнитивной лингвистики будет определен концепт как результат категоризации, суммарно рассмотрено множество подходов к изучению данной ментальной сущности. Будет выдвинуто и доказано положение о том, что концепт являет собой не строгую онтологическую таксономию, а диффузное множество, образованное с участием разносистемных парадигм. Основные концепты культуры или культурные константы будут анализироваться как ментальные репрезентанты ее сверхтекстов, т.е. текстовых моделей, получаемых путем сближения текстов исследуемой смысловой сферы. Различие между этими двумя абстрактными образованиями заключается в том, что концепт содержит в себе невербализованные признаки, а сверхтекст – четкие алгоритмы их предикации и вербализации в синтаксических последовательностях, развертываемых из общей парадигмы. В разделе будет разграничено по уровням значение лексической единицы, содержание концепта и сверхтекстовая структура. Будет полагаться, что значение – это единица семантического уровня языка, т. е. элемент его системы значений, которое связано с функционированием конкретной лексемы; концепт – единица когнитивно-концептуального уровня, включающая в себя ментальные признаки конкретного явления; он не представляет собой комбинацию сем, которые определяются дифференциально. В разделе будет также указано на потенциал вербализации концепта как в ключевых словах культуры, так и глобально, в ее сверхтекстах; будет предложена программа семантического моделирования концепта на основе анализа рекуррирующих синтаксических структур из текстовой традиции; будет особо отмечено, что при изучении концептов и их вербализаций установка на литературный текст абсолютно

необходима, т.к. концепт заключает в себе не только «объективно-истинные» признаки. Будет выдвинуто и обосновано положение о том, что концепт не структурируется в терминах ядра-периферии, имеет диффузные границы и характеризуется способностью отсылать к бесконечному числу других концептов. Концепт будет также рассматриваться как ментальное образование, строящееся на основе интерсемиотичности, т. е. динамического взаимодействия разнородных знаковых систем. Будет установлено, что концепт – это многомерное вербально-невербальное образование, встроенное в систему человеческого опыта, что он существует в культурном пространстве – глобальном ассумптивном универсуме народности с соответствующим набором ценностных установок, имеющем место на конкретном историческом отрезке.

Второй раздел главы посвящен анализу когнитивной метафоры как способа познания и как средства формирования концепта – основной ментальной операции, объединяющей понятийные области. В нем будет рассматриваться связь метафоры с процессами категоризации, будет указано, что при метафорическом переносе одна концептуальная область проецируется в другую. На примере структурирования метафоры «Лондон – тюрьма» будут даны описания метафорического переноса не в терминах проецирования, которые предполагают выделение фреймовых конструкций более высокого уровня обобщения, чем соотносимые понятийные области (в частности, теория концептуального слияния Ж. Фоконье и М. Тернера). Будет установлен эпистемологический статус метафоры: она будет рассматриваться как эксплицирующая схема и способ построения возможных миров. Будет выделен ряд факторов, обусловливающих необходимость исследования концептов совместно с механизмами действия метафоры: метафора формирует концепт, а владение концептуальной системой позволяет осуществлять новые метафорические построения; метафора обеспечивает связь между различными слоями, уровнями и измерениями концепта; метафора обеспечивает доступ к неочевидным уровням концепта и концептуальной системы в целом; метафора обеспечивает связь между концептами и распространение знаний от одной

когнитивной парадигмы к другой; метафора, как и концепт, имеет динамичную природу; метафора и концепт не подчиняются правилам классической логики. Поскольку метафора обеспечивает перенос значения и формирование концептуальных признаков, в разделе будет предложено ее семантическое описание в терминах актуализации / нейтрализации сем и построения изотопий.

В третьем разделе главы будет анализироваться текст как первичная данность гуманитарно-филологического мышления; будет говориться о суперсегментности текстовых характеристик (впервую очередь, смысловых), будет отмечена макро-когерентость тематически близких текстов, т.е. их соотнесенность с некоторым смысловым «каркасом»; будут рассматриваться возможности выделения текстовой парадигмы и текстемы как языковой единицы, инварианта или текстотипа, т. е. будет анализироваться «вертикальный» процесс текстопорождения. Будет выдвинуто положение о том, что на реальные синтагматмические построения существенно влияют сверхтекстовые структуры; будет постулирована вторичность синтаксиса текста по отношению к его семантике, будут разграничены понятия дискурса, сверхтекста и текстемы.

3.1. Концепт как ментальный репрезентант сверхтекста

Сверхтекст или текстовая модель является «глобальной» вербализацией стоящего за ним концепта, а концепт – его ментальным репрезентантом. Различие между этими двумя абстрактными образованиями заключается в том, что концепт содержит в себе невербализованные признаки, а сверхтекст – четкие алгоритмы их предикации и вербализации в синтаксических последовательностях (целых связных текстах), развертываемых из общей парадигмы. По замечанию Ю. С. Степанова, концепт всегда «находится», манифестирует себя в каком-то контексте или тексте [Степанов 2001: 97]. Представляется, что через исследование сверхтекстов культуры легче выполнить основную задачу когнитивной лингвистики, которая, по Н.Н. Болдыреву, заключается в том, чтобы выявить соотношение языковых

единиц и структур знания, образующих их основу, а также в том, чтобы на базе исследования языкового опыта построить модели этих структур и тем самым внести вклад в теорию интеллекта [Болдырев 2004: 23]. Через сверхтексты как «глобальные» вербализации основных концептов наиболее полно выявляются соотношения языковой семантики с концептосферой народности.

Отметим необходимость разграничения по уровням сверхтекстовых структур, значения лексических единиц и содержания концепта. Сверхтекст существует на уровне парадигматического синтаксиса высокой степени обобщения и включает в себя парадигмы сложных пропозициональных структур, в которых предицируются смысловые компоненты. Значение – это единица семантического уровня языка, т. е. элемент его системы значений, которое связано с функционированием конкретной звуковой оболочки (лексемы). Значение складывается из семантических признаков или сем, одна часть которых является общеизвестной для данного социума и относительно полно им осознается в любой ситуации, а другая может проявляться (актуализироваться) только в конкретных коммуникативно-прагматических условиях. Семантические признаки выявляются на основе интерпретации пропозиций относительно реальной действительности или вымышленных миров.

Обращение к прагматике (разделу семиотики, занимающегося отношением знаков к интерпретатору [Моррис 1983: 42]) обусловлено, в первую очередь, попыткой выйти за рамки имманентной лингвистической структуры в область непосредственного использования языка. Прагматика рассматривает функционирование знаков в реальной коммуникации и связывает значение слов с их контекстуальным употреблением. Согласно А.Е. Бочкареву, прагматические пропозициональные установки или заведомо известные прагматические пресуппозиции квалифицируются как энциклопедические знания, стереотипные ситуативные типы, социальные нормы, намерения, мнения и убеждения говорящего [Бочкарев 2003: 118]. Е.С. Кубрякова указывает на то, что при описании всякого языкового явления

следует принимать во внимание те две функции, которые оно будет неизбежно выполнять: когнитивную (по его участию в эпистемологических процессах) и коммуникативную (по его участию в коммуникативных актах). Исследовательница также отмечает, что когнитивная лингвистика не только пытается поставить в соответствие всякой языковой единице ее когнитивный аналог (объясняя, таким образом, ее значение через конкретное концептуальное построение, структуру мнения или знания), но и обосновать такой выбора или причины создания конкретной «упаковки» для некоторого содержания [Кубрякова 2004: 11]. Когнитивный подход, соответственно, предполагает переплетение с подходом коммуникативно-прагматическим.

Концепт – единица когнитивно-концептуального уровня, включающая в себя ментальные признаки конкретного явления. Хотя концепты в значительной мере и структурируются, оформляются языковой системой, их нельзя отождествлять с языковым планом содержания: концепты не представляют собой комбинацию сем, а семы не являются частью понятия, определяясь дифференциально[54]. Однако между когнитивно-концептуальным и семантическим уровнями, безусловно, существуют соответствия: в частности, семы соотносятся с концептуальными признаками, а они, в свою очередь, вербализуются в конкретных манифестациях сверхтекста.

Любопытно соотношение различных уровней в концепции единой семантики Б. Потье. Критикуя американский структурализм за неопределенное использование семантических критериев, исследователь противопоставляет этому четкую формализацию и использует единые процедуры для анализа единиц, находящихся на различных уровнях; при этом им учитывается ситуационный контекст и вводится противопоставление имплицитного эксплицитному [Pottier 1962]. Для анализа единиц разных уровней Потье использует аналогичные интерпретирующие процедуры. Он также развивает и дополняет теорию знака: в составе означаемого он различает субстанцию означаемого или семантические структуры, а также форму означаемого или

[54] Подробнее см. Главу 4 «Методика лингвистического описания сверхтекстов».

синтаксические структуры. Такое представление представляется весьма продуктивным для настоящего исследования, т. к., исследуя форму означаемого или рекуррирующие синтаксические структуры из текстовой традиции, мы можем выявить субстанцию означаемого, построив семантическую модель и на ее основе структурировав ментальный конструкт.

В модели Потье различаются следующие уровни:

1) референциальный уровень (реальная действительность или некоторый возможный мир);

2) концептуальный уровень (ментальная репрезентация реальной или воображаемой действительности, построенная с учетом социально-нормированных установок);

3) уровень естественного языка с иерархическим набором подуровней, в т. ч. семантическим;

4) уровень текста и, шире, дискурса, являющий собой совокупность языковой, эпистемологической, ситуационной и контекстуальной составляющих и строящийся с учетом не только языковой семиотики, но и других семиотических систем (например, иконической) [Pottier 1987: 59; cf.: Анисимова 2002: 103].

Область концептуального, по Потье, находится между референтным миром и уровнем естественного языка (с которого благодаря операциям выбора семем и предицирования смыслов осуществляется переход на уровень текста) [Pottier 1987: 61]. Концептуализация же – это выстраивание системы концептов, которые, согласно исследователю, являют собой совокупность ноэм или независимых, наиболее общих смысловых признаков, выделяемых в естественных языках [Op. cit.: 79-95]. На концептуальном уровне также осуществляется построение аналитических схем, репрезентирующих событийные признаки.

Итак, заметим вслед за Е.С. Кубряковой, что это понятие концепта соответствует представлению о смыслах, которые используются человеком в процессах мышления и отражают содержание человеческой деятельности,

опыта, знания и познания в виде «квантов» знания [Кубрякова 1996: 90]. В рамках когнитивного подхода к изучению языковых явлений полагается, что содержание концептов, их структура, связи и разграничения, а также содержание, структура и членение сознания на концептуальные единицы обусловлены, в конечном счете, структурой действительного мира и содержанием совокупной деятельности общественного человека в нем. В соответствии с этим положением концепт можно определить как «базовую перцептивно-когнитивно-аффективную структуру, которая функционирует в когнитивной и коммуникативной деятельности человека и подчиняется закономерностям его психической жизни» [Залевская 2001: 39].

Таким образом, концепт – это «квант структурированного знания», «глобальная мыслительная единица» [Попова 1999: 45]; «условная единица ментальности, которая направлена на совокупное изучение сознания, языка и культуры» [Карасик 2001(а): 75]; «многофакторная ментальная единица, характеризующаяся дискретностью» [Никитин 2004: 53]; «дискретное ментальное образование, служащее основной единицей мыслительного кода человека, являющее собой результат когнитивной деятельности индивида и общества и включающее в себя энциклопедическую информацию о предмете или явлении, о том, как эта информация интерпретируется общественным сознанием и об отношении общества к означенному предмету или явлению» [Попова 2007: 34].

Концепт необходимо отделять от понятия, поскольку это величины, с одной стороны, тождественные, а с другой – противоположные. Понятие в логике определяется как «целостная совокупность суждений, в которых нечто утверждается относительно отличительных признаков изучаемого объекта; ядром этой совокупности будут суждения о максимально общих, но существенных признаках данного объекта» [Кондаков 1975: 456]. Понятие в лингвистике – это, по Ю.С. Степанову, «мысль, которая отражает в предельно обобщенной форме объекты реальной действительности за счет фиксирования их свойств и отношений. Эти свойства и отношения коррелируют с общими и

специфическими признаками в составе понятия, которые соотносятся с классами объектов» [Степанов 2008(б): 3520].

Таким образом, заметим вслед за А.Е. Бочкаревым, что эпистемологически концепт тождественен понятию, поскольку задается как отраженное знание о предмете или явлении [Бочкарев 2014: 131]. Отличие же понятия и концепта, по мнению исследователя, заключается в системе представлений, которая выбирается как основание значения: для понятия это достоверные, «онтологически-верные» таксономические знания, а для концепта это еще и обыденные, не всегда достоверные представления, мнения и убеждения [Op. cit.: 133]. Соответственно, понятие будет являть собой строгую онтологическую таксономию, а концепт – диффузное множество, образованное с участием разносистемных парадигм. Концепт, таким образом, характеризуется калейдоскопичностью, обладает вероятностной и потенциально актуализуемой структурой. В этой связи любопытным представляется замечание Э. Дюркгейма о том, что «если в научных концептах не будет учитываться множество коллективных мнений, верований и представлений, то разум их отвергнет: он отгородится от них, как если бы их и вовсе никогда бы не было» [Дюркгейм 2008: 107].

В любом случае, и концепт, и понятие – это результат категоризации: по Дж.Р. Тейлору, владеть концептом / понятием – значит знать принцип, по которому эта категоризация осуществилась, и уметь распознавать представителей категории [Taylor 2002: 75].

Как отмечает Ю.С. Степанов, понятие и концепт – это, по сути, явления того же самого порядка, что и значение слова, но рассматриваемые в несколько иных системах связей: значение – в языковой системе, понятие – в системе логических форм и отношений, исследуемых как в лингвистике, так и в логике [Степанов 2008(б): 3520], а концепт – в системе ментальных репрезентаций[55]. Необходимость введения термина «концепт» была отчасти обусловлена

[55] Тем не менее, логическое направление в когнитивной лингвистике занимается анализом концептов логическими методами независимо от их языковой формы. К представителям этого направления относятся, в частности, Н.Д. Арутюнова и Р.И. Павилёнис.

пониманием того, что процедур, выработанных классической формальной логикой, явно недостаточно для описания всех аспектов значения. Тем не менее, средством доступа к содержанию отдельных концептов и концептосферы в целом, позволяющим построить их модели, остается лексическая и грамматическая семантика языка. На этом положении основывается семантико-когнитивное направление в когнитивной лингвистике, к представителям которого относятся А.П. Бабушкин [1996; 2001(а); 2001(б)], Г.В. Быкова [2001], Е.С. Кубрякова [1994; 1999; 2001; 2004], З.Д. Попова и И.А. Стернин [1996; 1999; 2001; 2005; 2007], Е.В. Рахилина [1997; 2000].

Понятие традиционно рассматривается как связанное с одной конкретной знаковой формой – т.н. общим именем, а другие знаковые формы понятия считаются производными от данной и соотносящимися с ней по ряду правил диахронных и синхронных трансформаций [Cf.: Степанов 2008(б): 3521]. Концепт же в дополнение к этому выводится из употребления различных слов и конструкций с учетом прагматического и общекультурного контекста и из функционирования целых текстов [Соснин 2016(б): 247].

У концепта наличествуют коммуникативная и прагматическая составляющие (образно-эмпирические, чувственно-волевые и эмоциональные характеристики), которых нет у понятия [Cf.: Бухаров 2001, Зусман 2001; Карасик 2001(б)].

В концепте присутствует индивидуально-личностное измерение, которого нет у понятия: индивидуальные ассоциации и переживания, связанные с конкретным концептом, могут уводить бесконечно далеко от соответствующего понятия. Таким образом, понятие – это структура, представляющая знания без фактора образности [Соснин 2016(б): 247]. Концепт же, по Ю. С. Степанову, – это «идея, которая включает в себя конкретно-ассоциативные, абстрактные, и эмоционально-оценочные признаки, а также историю понятия в «спрессованном» виде» [Степанов 2001: 41-42].

Заметим, однако, что когнитивную лингвистику интересуют в первую очередь групповые концепты, общие для конкретного социума, которые

являют собой некую среднюю величину соответствующих индивидуальных концептов с их ассоциациями. Действительно, если концепт вербализован в конкретном речевом произведении, например, тексте, то требуется рассмотреть возможность ассоциации – отметаемую за пределами, а иногда и внутри лингвистики – научного описания текста, его объективации.

Как отмечает И.В. Арнольд, помимо существенных признаков, отличающих данное понятие, предметы могут обладать и другими, факультативными или постоянными, побочными признаками. Эти признаки и связи выражаются в языке другими словами, но ассоциируются с первыми в силу связей, существующих между предметами в реальной действительности. Для описания побочных признаков И.В. Арнольд использует термин «окказиональные коннотации» с указанием на то, что они в значительной степени зависят от ситуации и индивидуального прошлого опыта человека. «Вопрос об окказиональных коннотациях, – отмечает исследовательница, – тем более труден, что <…> признание их логически может повести к отрицанию возможности значений, общих для двух или нескольких говорящих» [Арнольд 1966: 28]. Действительно, концепты отдельных индивидов могут включать в себя существенное количество признаков, которые не являются общими для данного социума [Соснин 2016(б): 248]. В связи с этим А.А. Залевская проводит разграничение между концептом как достоянием индивида (КОНЦЕПТинд) и концептом-инвариантом, функционирующем в конкретном социуме или в целой культуре (КОНЦЕПТинв) [Залевская 2001: 37].

Понятие характеризуется относительной статичностью / нормативностью (хотя, по замечанию А.Е. Бочкарева, и постепенно эволюционирует вместе с познанием [Бочкарев 2014: 131]), а концепт отличается динамичностью / вариативностью: в акте вербализации концепта происходит разворачивание его бытийно-смысловых возможностей, актуализация его импликаций и связанных с ним ассоциаций, реализация связей с другими концептами. при этом происходит обогащение концепта – через речевые структуры, в которых он вербализуется. Соответственно, в настоящем исследовании концепт толкуется,

в том числе, в аспекте становления [Cf.: Соснин 2016(б): 248]. Ю.С. Степанов говорит о том, что в словах и стоящих за ними концептах «суммируются идеи, возникавшие в разное время, в различные эпохи, <...> ассоциации, сложения идей, гармонирующих друг с другом» [Степанов 2001: 113]. «Слово, – отмечает С.А. Аскольдов, – производит художественное впечатление, которое своим результатом имеет некоторые духовные обогащения» [Аскольдов 1997: 273]. В языке закрепляются исторически сложившиеся особенности народа в области восприятия и отражения реальной действительности, в том числе и в образном ее отражении, а вокруг каждого слова образуется своего рода ореол ассоциаций, переживаний, ощущений.

С учетом вышеизложенного можно вслед за М.В. Никитиным выделить следующие составляющие в структуре концепта: отвлеченное понятие, чувственный образ (складывающееся на сенсорной основе представление об объекте-денотате, которой отображается данным концептом), импликативный потенциал (закрепленный в памяти информационный рефлекс потенциальных связей объекта) и оценочно-прагматическая значимость (совокупность эмотивно-оценочных импликаций из объективированного знания о предмете) [Никитин 2004: 59]. Такое представление сообразуется с предложенным С.Х. Ляпиным интегративным пониманием концепта как «многомерного образования, которое отличается дискретной целостностью смысла, существующего в непрерывности культурно-исторического пространства» [Ляпин 1997: 19], а также с выделением В.И. Карасиком трех важнейших измерений в структуре концепта: понятийного, образного и ценностного [Карасик 2001(а)].

Как многомерное образование концепт может также рассматриваться в силу того, что за ним всегда стоит многомерная система связей (визуальных, звуковых, сенсорных, ассоциативных, ситуационных). Многоуровневость концепта обеспечивается за счет действия когнитивной метафоры [Cf.: Соснин 2016(б): 248]. Например, традиционная концептуализация лондона как топоса будет описывать один уровень, а его метафорические концептуализации как

текста, как живого организма, как всего мира будут обеспечивать другие уровни.

Совокупность концептов, рассматриваемых в аспекте ценностей, образует ценностную картину мира. «Именно на основе системы ценностей, – подчеркивает А.Е. Бочкарев, – осуществляется оценка (квалификация объекта, состояния или действия), а в пределе – концептуализация действительности» [Бочкарев 2003: 12, 110]. По замечанию В.И. Карасика, в ценностной картине мира, представляющей собой сложную ментальную структуру, могут быть выделены смыслы, и ценностные доминанты, которые будут наиболее значимыми для данной культуры. Взятые в своей совокупности, эти смыслы и доминанты формирует конкретный тип культуры, который закрепляется и сохраняется в языке [Карасик 2001(а): 77].

Таким образом, в рамках лингвокультурологического направления в когнитивной лингвистике [Воркачев 2001; Карасик 2001(а), (б); Слышкин 2000] концепт рассматривается не только с позиций заключенной в нем категориальной информации о конкретном объекте из реального (или воображаемого) мира, но и как единица культуры; при этом исследования ведутся в направлении «от языка к культуре» [Попова 2007: 16]. По Г.Г. Слышкину, «концепт – это единица, призванная объединить изыскания в области ментальности, культуры и языка, поскольку она принадлежит сознанию, определяется культурой и манифестирует себя в языке» [Слышкин 2000]. Такое понимание концепта соотносится с предложенным А.Я. Гуревичем понятием «категория культуры», которое определяется им как «компонент картины мира у носителей конкретной культуры, живущих в определенную эпоху» [Гуревич 1984: 3]. Таким образом, концепт как ментальная культурно-значимая категория – это следствие, в частности, конкретных исторических условий, и он обладает полной значимостью только в их рамках [Cf.: Соснин 2016(б): 248].

Культурно-значимые концепты, т. е. концепты, присутствующие в коллективном сознании этноса очень долгое время, будут, по Ю.С. Степанову,

константами в культуре или «некими постоянными культурными принципами» [Степанов 2004: 76].

Вербальные репрезентации культурно-значимых концептов, служащие их именами, являются ключевыми словами данного языка и данной культуры.

Понятие ключевого слова эпохи сформировалось в рамках концепции исторической семантики, разработанной выдающимся теоретиком и историком литературы из Кембриджа, одним из основателей культурологических исследований в 70-80-х годах XX века Рэймондом Уильямсом. Под ключевым словом и его парадигмой им понималось одно из фундаментальных понятий культуры в совокупности тех значений, кото¬рые оно приобретало, изменяя свою семантику с течением времени и в зависимости от социальных условий. Как отмечает Уильямс в труде «Ключевые слова: словарь культуры и общества», парадигма всегда оказывается шире того диапазона значений, которые фиксируются в словарях [Williams 1976: 21].

Согласно А. Вежбицкой, вокруг ключевых слов сформированы целые культурные области [Вежбицкая, 1999: 283], а согласно теоретику западной социокультурной школы и представителю британской постструктуралистской критики Кэтрин Белси, ключевое слово «вскрывает» имплицитную информацию (или псевдоинформацию!) эпохи – особенно при его нахождении в авторском тексте [Belsey 1991: 406]. Соответственно, при изучении концептов и их вербализаций установка на литературный текст абсолютно необходима: как справедливо отмечает А.Я. Гуревич, «ценность текста в исследовании смыслов и ментальности определяется не столько тем, в какой степени правдивы или, так сказать, объективно-истинны свидетельства, находимые в нем, а тем, что он обнаруживает характерные аспекты ментальности своего автора, ассоциативные механизмы его сознания и наиболее активные пласты в нем» [Гуревич 1984: 9].

Вместо ключевых слов представляется возможным таким же образом рассматривать ключевые тексты культуры, т.е. проведем аналогию ключевого слова как парадигмы и свертекста – текстемы в совокупности ее

потенциальных манифестаций. Тогда глобальными вербализациями культурно-значимых концептов будут ключевые сверхтексты данного языка и данной культуры. Ключевой сверхтекст существует как совокупность всех текстов, которые были продуцированы в рамках тематики описываемого им феномена, и будут создаваться до тех пор, пока одноименный концепт не перестанет быть релевантным для ментальности социума. В каждом акте вербализации концепта, т.е. в каждом конкретном тексте предицируются, во-первых, какие-то из его существующих признаков, благодаря чему обеспечивается само существование, преемственность концепта и его текстовой парадигмы, и, во-вторых, новые признаки, за счет чего концепт обогащается, эволюционирует [Cf.: Соснин 2016(б): 248].

Итак, манифестируя себя в ключевых текстах культуры, категориальные концепты-константы формируют общекультурное пространство. Существуют же такие концепты, безусловно, в коллективном сознании, которое является культурно-специфичным, имеет социальную природу и являет собой нечто большее, чем простая сумма индивидуальных сознаний. Понятие коллективного сознания впервые изложил основатель научной социологии Э. Дюркгейм и определил его как «способы мышления, чувствования и деятельности, которые находятся как бы над индивидом и потому обладают принудительной для него силой» [Дюркгейм 1991: 413]. Под коллективным сознанием применительно к лингвистике будем понимать «этноспецифическое постижение действительности, которым обусловливаются способы и средства языкового выражения; это общее ментальное пространство или глобальный мыслительный универсум народности, учитывающий аксиологические и доксастические структуры и существующий в конкретную историческую эпоху» [Соснин 2016(б): 249].

Результатом наличия в структуре концепта культурно-ценностного компонента и следствием того, что концепт может манифестировать себя в единицах, отличных от лексемы-имени концепта или находящихся на более высоких уровнях (словосочетание, фраза, предложение, текст), будет

вербализация концептов большим числом синонимов[56], перифраз и единиц, относящихся к паремиологическому фонду. Концепт находит свое вербальное выражение в пословицах, поговорках, песнях, названиях художественных произведений; это структура, которая в силу своей глубочайшей укорененности в сознании, языке и культуре народности представляет собой диахроническую константу этой культуры. Тем не менее, для наблюдения, лингвистического описания и моделирования эта структура, как правило, доступна только в срезе синхронном.

Вербализации концепта в разнообразных синонимах, дефинициях и текстовых описаниях косвенно свидетельствуют о том, что своими значениями языковые средства описывают лишь часть концептуальных компонентов. Значение слова – это, по замечанию Н.Н. Болдырева, только попытка составить наиболее общее представление о содержании конкретного концепта, реализовать отдельные его составляющие в данном слове, поскольку, будучи единицами ментальности, концепты вполне независимы от языка; человеческое мышление же в значительной мере невербально [Болдырев 2004: 26-27]. Исследователь также говорит о том, что, владея словами на уровне стоящих за ними концептуальных признаков, люди могут использовать их как готовые клише (аналогично грамматическим формам[57]) в, казалось бы, не подходящих им контекстам с точки зрения их референтного значения, что чаще всего наблюдается на примере фразеологии [Ibid.].

Концепт, таким образом, формируется по принципу интерсемиотичности, или, по А.Е. Бочкарёву, «динамическому взаимодействию разнотипных знаковых систем» [Бочкарев 2003: 62]. Текст же, в котором манифестируется концепт, не будет являться, по замечанию исследователя, результатом деятельности одного языка, и будет подлежать изучению с позиции множества формирующих его кодов, причем прерогатива не будет обязательно

---

[56] Об этом, в частности, пишет Ю.С. Степанов в разделе «Синонимизация «слов» и «вещей» в духовной культуре» из своего словаря констант русской культуры [Степанов 2001: 64-68].

[57] Неслучайно западные когнитивисты, в частности, Дж.Р. Тейлор, распространяют термин «concept» и соссюровский принцип знака не только на понятия, означаемые словами и морфемами, но и на общий смысл грамматических конструкций [Taylor 2002: 44].

принадлежать языку [Ibid.; cf.: Лотман, 1998: 35-37]. Более очевидным случаем здесь будут текстовые отсылки к зрительным или звуковым объектам или, например, участие графического представления шрифта в формировании смысла текстовой последовательности [Соснин 2017(а): 163-164]. Менее же очевидный случай – это участие в конструировании смысла и выявлении концептуальных признаков не только собственно лингвистических, но и социальных (и, далее, идиолектных) норм.

Зрительный образ, к которому ведется отсылка, может рассматриваться как текст на особом языке, в основе которого, в отличие от условных знаков языка словесного искусства, лежат знаки иконические, изобразительные. Как отмечает К. Леви-Стросс, один из ведущих исследователей проблем семиотики искусства, тенденция к преодолению противоречия между чувственным и понятийным способствует тому, что условные иконические знаки в литературе обеспечивают передачу – вплоть до тончайших нюансов – всего разнообразия чувственного опыта [Леви-Стросс 1983: 426]. Выдающийся же представитель философской герменевтики П. Рикер указывает на то, что в иконичности будет всегда содержаться вербальный аспект [Рикер 1990: 444]. Заметим, однако, что в работе «Основы общей лингвистики» структуралист А. Мартине разводит системы языковую и зрительную, уточняя то, что отмечалось еще Ф. де Соссюром. Мартине утверждает, что, в отличие от линейной природы словесных сообщений, система визуальной коммуникации не линейна, а двумерна, поскольку человек, который смотрит на образ, воспринимает содержащееся в нем сообщение как целое [Мартине 1963: 380].

Итак, поскольку концепт является семиотически разнородным, концептуальный анализ не должен полагать, что лингвистическая структура является единственной формой репрезентации концепта. Тем не менее, поскольку все важнейшие концепты (хотя бы частично) кодируются в языке, когнитивисты считают, что концептуальное содержание удобнее всего моделировать посредством языковых средств, т.к. они являют собой те результаты когнитивной деятельности человека, которые непосредственно

доступны для наблюдения и структурирования. Так, З.Д. Попова и И.А. Стернин полагают, что достаточно полную информацию о концепте можно почерпнуть из семантики слов, свободных и фразеологических словосочетаний, позиционных и структурных схем предложений, а также из семантики текстов [Попова 1999: 10]. При этом обширные контексты: литературные, энциклопедические, научные – обязательно необходимы для раскрытия содержания сложных концептов. Представляется, что применение процедур семного анализа для выявления концептуальных признаков нивелирует расхождения между семантико-когнитивным и лингвокультурологическим направлениями в когнитивной лингвистике, поскольку такой анализ будет обращаться не только к внутритекстовым, но и к широким общекультурным затекстовым знаниям (но, безусловно, до определенного предела), а также строить интерпретацию не только на основе языкового кода [Соснин 2016(а): 232]. По Г. Вайнриху, семантика слов, находящихся в тексте, будет существенно расходиться с семантикой изолированных слов; соответственно, семантика слов должна быть дополнена семантикой текста [Weinrich 1974: 19 et seq.]. Это утверждение восходит к Л. Ельмслеву, который призывает начинать лингвистический анализ не с дискретных элементов языка, а с текста в его абсолютной, нерасчлененной целостности. Ельмслев полагает, что такой текст – это единственное, что исследователь языка может иметь в качестве исходного пункта, а единственно возможной процедурой считает анализ, в рамках которого текст будет рассматриваться в качестве класса, разделенного на сегменты. Затем эти же сегменты как самостоятельные классы будут подразделяться на другие сегменты и так далее до окончания анализа [Hjelmslev 1953: 71].

Согласно Е.С. Кубряковой, текстовые и, шире, дискурсивные данные выступают для исследователя-когнитивиста в тройственной роли: во-первых, они позволяют заключать о языке и его ситуационных, специфических употреблениях; во-вторых, они дают возможность судить о получении и передаче информации, ее осмыслении в коммуникативных актах; в-третьих,

они будут косвенными данными о сознании, ментальности и мыслительной деятельности человека [Кубрякова 1994: 37].

Говоря о важности широкого контекста для выделения максимального числа концептуальных признаков, И. А. Стернин отмечает, что из набора афоризмов, паремий, притч и крылатых выражений, а также существенных по объему художественных, публицистических и научных текстов можно выявить «интерпретационное поле концепта», где обнаруживаются самые разнообразные смысловые признаки, недоступные для непосредственного наблюдения [Стернин 2001: 63].

Под контекстом традиционно понимают лингвистическое и / или прагматическое окружение единицы, избранной для анализа (конкретной вербализации концепта); другими словами, это фрагмент некоторого текста, в который она входит. Этот фрагмент будет необходимым и достаточным для того, чтобы установить значение этой единицы, которое не вступало бы в противоречие с общим смыслом текста [Cf.: Торсуева 2008: 2160]. Г.В. Колшанский определяет контекст как формально-фиксированные условия, взятые в своей совокупности, которыми однозначно определяется содержание конкретной языковой единицы [Колшанский 1959: 48], а Н.Н. Амосова – как сочетание слова, которое реализуется семантически, с некоторым указательным минимумом [Амосова 1963: 34]. Таким образом, отметим вслед за А.Е. Бочкаревым, что обращение к контексту объясняется его интерпретирующими свойствами [Бочкарев 2003: 80].

Э.М. Медникова указывает на то, что наиболее узким, ограниченным, ближайшим контекстом данного слова является словосочетание. Исследовательница говорит и о контексте в широком понимании: в дополнении к непосредственному вербальному окружению исследуемой единицы, он также учитывает условия и особенности ее речевого употребления, которые связанны с разнообразными социальными, культурными, историческими, ситуационными и прочими факторами [Медникова 1974: 96]. Соответственно, в функции контекста выступает в

пределе вся культурно-историческая ситуация, в которой осуществляется интерпретация. Такое расширенное толкование понятия «контекст» необходимо для раскрытия большего числа концептуальных признаков. Учитываться будут аксиологические системы как автора текста, так и его читателя, их концептосфера и субъективно-личностные смыслы в предельно индивидуализированной форме [Cf.: Можейко 2001: 377]. По замечанию Г.В. Якушевой, всякий концепт можно расшифровать по-разному в зависимости от конкретного контекста его вербализации и индивидуальности концептоносителя [Якушева 2001: 394].

Таким образом, нельзя подменять смысл текста «фоновыми» знаниями, уводящими от него в сторону: биографическими сведениями о жизни автора, энциклопедической информацией о культурно-исторической ситуации, условиях создания произведения и его последующего восприятия [Соснин 2016(а): 233]. Обращение к внешним факторам, согласимся с А.Е. Бочкаревым, оправдано лишь в той мере, в какой эти факторы выступают в качестве интерпретантов [Бочкарев 2003: 7].

Поскольку концепт – это нематериальное образование, то четкой и однозначной структуры он не имеет. Однако представляется возможным выделить условные составляющие внутренней структуры концепта. Концепт составлен из компонентов или концептуальных признаков. Согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернину, это дискретные признаки, характеризующие объективную или субъективную действительность, которые дифференцировано отражаются в его содержании и различаются по степени абстракции [Попова 1999: 17]. Наиболее распространенным является представление концептуальной структуры, как делящуюся на ядро и периферию. К ядерным признакам традиционно относят те признаки концепта, которые характеризуются инвариантностью: это образы и ассоциации, являющиеся наиболее актуальными для носителей языка. К периферийным относятся не такие существенные, менее частотные признаки, отличающиеся вариативностью. Четкие границы у концепта отсутствуют: по мере удаления от

ядра ассоциации становятся менее значимыми, более индивидуальными, и определить, как далеко они идут, невозможно. Таким образом, концепт – это не точка и не замкнутая область в сознании, а «зона рассеивания».

Концепты действительно следует рассматривать как ментальные конструкты с нечеткими границами, поскольку, как указывает Г.Г. Слышкин, когнитивными исследованиями было доказано, что традиционное понимание мышления как процесса, подразумевающего оперирование четкими логическими понятиями, по сути, не соответствует природе человеческой ментальной деятельности [Слышкин 2000: 9]. Было выявлено, замечает А.П. Бабушкин, что человеческое мышление характеризуется нечеткостью, поскольку оно основано не на классической логике, а на логике с нечеткой истинностью, нестабильными связями и вероятностными правилами вывода [Бабушкин 1996: 12-13].

В свете вышесказанного мы полагаем, что концепт имеет нечеткую организацию и является потенциально открытым для видоизменения или «перегруппировки» концептуальных признаков: в конкретной коммуникативной ситуации признаки могут актуализоваться или нейтрализоваться. Таким образом, концепт имеет лишь диффузные границы, характеризуясь непоследовательностью «прочтения», возможностью отсылки к неограниченному числу других концептов и нечетким делением на ядро и периферию [Соснин 2016(а): 233-234; Cf.: Делез 1998: 10].

Тезис о нечетком характере человеческого мышления и стохастической концептуальной структуре был с готовностью подхвачен философами-постструктуралистами, которые провозгласили кризис «абсолютного смысла». В соответствии с этим центр всякой понятийной структуры как бы теряет трансцендентный, «связывающий» статус «смысла смыслов». Таким образом, заключает Ж. Деррида, центра нет, он не может мыслиться как присутствующее сущее, у него нет естественного места и, в конечном итоге, он будет являть собой т. н. «не-место», где идет непрекращающаяся игра со знаковыми замещениями [Деррида 2000: 447-448].

Следствием данного положения будет понятие нереферентного знака или такого знака, который сам, по сути, ничего не означает, а лишь отсылает к другим знакам [Cf.: Горный 1996]. По замечанию К.А. Зацепина и И.И. Саморукова, такой подход нацелен на деконструкцию стабильных отношений между означающим и означаемым и, кроме того, на актуализацию самого процесса сигнификации, который будет представать в незаконченности своего становления [Зацепин 2002]. Соответственно, исследователи понимают концепт как динамичный набор субъективных представлений о реальности, который существует в процессе непрерывного становления и обретает целостность в языке лишь в контакте с системами порождения смысла, которые действуют в культурном контексте и на основе которых осуществляется воплощение, понимание и интерпретация данных представлений [Ibid.].

Однако, как отмечает Е.Е. Горный, анализ, который направлен на отношение между элементами не в пределах одного конкретного текста, а внутри «семиотического универсума», содержащего в пределе все созданные и потенциально возможные тексты, т. е. своего рода «пансемиотизм», сопровождающийся ре-онтологизацией языка, обречен на поражение при столкновении с проблемой незнаковой реальности [Горный 1996]. Такая практика пренебрегает границами отдельного текста совершенно, и он теряется в бесконечной интертекстуальности. Однако полная открытость текста означает лишь его семантическую пустоту. Постмодернистская текстуальная практика, можно заключить, осуществляется не с позиций науки, а на игровой основе, являясь ничем иным, как бегством от власти языка. Так, у Ю.М. Лотмана знак, несмотря на всю его многозначность, «ответственен», т.е. содержателен, за ним всегда стоит денотат: мысли, страсти, пережитые истории, духовная жизнь – все то, что вложено в восприятие культуры и вошло в нее» [Cf.: Кнабе 1995: 270]. Подводя итог сказанному, подчеркнем, что выделение концептуальных признаков, осуществляемое на основе семантического анализа, не должно сводиться к постмодернистской

деконструкции текста до уровня подсознательного: до влечения к жизни или к смерти во фрейдизме, либо же до претензии на власть какого-либо дискурса как надличностной структуры [Соснин 2016(а): 234].

Концепт входит в бесконечное число взаимосвязанных понятийных областей (*domain matrices*) [Langacker 1987: 154] или когнитивных парадигм / классов родственных понятий, связанных разнообразными отношениями с другими понятиями [Петрова 2003: 113], а его вербализации по тому же принципу включаются в интертекстуальные связи. По замечанию М.В. Никитина, концепт связан разнообразными концептуальными связями и взаимодействиями с другими концептами, он вписан в многоуровневую систему импликативных связей с ними [Никитин 2004: 53, 59]. Любой концепт, соответственно, представляет собой энциклопедию своей эпохи[58], поскольку, входя в ту или иную парадигму, он приобретает определенную значимость и «обрастает» сопутствующими ассоциативными значениями, определяемыми социокультурной реальностью. В любом концепте – отголоски того, что некогда было прочитано, увидено, услышано, совершено, пережито. Это бесконечное пространство взаимодействия; это ткань, сотканная из структур и парадигм; это «постоянное воспроизведение, отсылка к накопленному опыту, к книге культуры и жизни как культуры» [Барт 2001: 14-15].

В концепте, таким образом, отражено все разнообразие его связей с другими концептами, строящихся по принципу ассоциативности [Cf.: Чернейко 1995: 75]. Соответственно, плодотворной представляется идея исследовать концептуальную структуру через изучение других, взаимосвязанных, концептов, которые будут использоваться как предельные единицы анализа, а значение каждой единицы определять как функцию места, которое она занимает в соответствующей системе. По указанию С.Е. Никитиной, вполне исчерпывающее описание концептов можно осуществить за счет выявления их связей и взаимодействий с прочими концептами из той же культуры [Никитина

[58] Энциклопедией своей эпохи и всех эпох, на протяжении которых он существовал и был релевантным: по Ю.С. Степанову, концепт имеет «слоистое» строение; его слои – это «результат, «осадок» культурной жизни разных эпох» [Степанов 2001: 49].

1991: 118], а Н.Н. Болдырев замечает, что значение языковой единицы становится понятным лишь в контексте других, конкретизирующих ее когнитивных структур [Болдырев 2004: 25].

В зависимости от того, в какую когнитивную структуру включается концепт, он, отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин, как бы поворачивается разными сторонами и актуализирует в процессе ментальной деятельности различные уровни [Попова 1999: 20]. Тот минимальный когнитивный контекст, который требуется для реализации некоторого концептуального содержания, составляет *фрейм* [Минский 1979: 289-291, Филлмор 1988: 52-92; Ван Дейк 2000: 16-24;][59]. Вербализация концепта, таким образом, немыслима без включения его в некоторый фрейм: согласно В.Н. Телия, концепт – это знание, которое всегда структурировано во фрейм[60] [Телия 1996: 96]. Фрейм подразумевает комплексную ситуацию; он сопоставим с кадром (неслучайно *frame* – «рамка»), куда попадает все типичное и существенное для данного набора обстоятельств [Cf.: Бабушкин 2001(б): 55]; это культурно-специфическая единица, которая включает информацию о том, что является стереотипным в данной культуре [Ван Дейк 2000: 16-17].

На уровне текста фрейм можно сопоставить с выделяемой У. Эко интертекстуальной рамкой, т.е. стереотипной ситуацией из предшествующей текстовой традиции, ставшей «энциклопедией» читателя [Эко 2005: 43-44]. Исследователем рассматриваются не только рамки, в которых читатель узнает принадлежность к интертекстуальному ряду, но и рамки, которые, образно выражаясь, могут нести волшебство, магию и очарование для аудитории.

---

[59] Ср. тж. *сцену-прототип* [Филлмор 1983: 79-87, 109-110], *схему* [Чейф 1983: 43] и *идеализированную когнитивную модель* (*Idealized Cognitive Model* или *ICM*) как структуру конвенционализованного знания [Lakoff 1987]. В целях терминологического разграничения будем рассматривать схему как фрейм высокого уровня обобщения.

[60] Ср. определение домена или понятийной области как обобщенного фонового знания, на базе которого осуществляется концептуализация [Taylor 2002: 195]. Наряду с фреймом, данное понятие является принципиальным для когнитивной лингвистики, поскольку оно демонстрирует «энциклопедическую» природу значения или то, как концепты формируются на основе разветвленных смысловых парадигм. В этой связи Дж. Сёрль отмечает следующее: «Чтобы я разделял некоторое убеждение или имел определенное намерение, у меня должна быть целая сеть других убеждений и намерений. Так, если я, например, хочу хорошо пообедать в ресторане по соседству, я должен быть убежден в том, что там, где я живу, есть рестораны, что в них в определенное время дня подают еду, а ее покупают за деньги, и так далее практически до бесконечности [Searle 1992: 176].

Расширяя концепцию интертекстуальной рамки, У. Эко предлагает уточняющее понятие интертекстуальных архетипов [Op. cit.: 256]. Под ними он понимает повествовательные ситуации, которые рекуррируют в других текстах, а также вызывают у адресата сильные эмоции от уже прочитанного или увиденного – того, что хотелось бы испытать и прочувствовать снова.

Как отмечает А.Е. Бочкарев, без понятия фрейма невозможна интерпретация, т.к. когнитивная семантика сводит понимание языковых выражений к их узнаванию за счет соотнесения высказываний с фреймами, извлекаемыми из памяти [Бочкарев 2003: 56, 171; cf.: Филлмор 1988: 57].

Фрейм, который поэтапно разворачивается во времени и пространстве как последовательность конкретных эпизодов, образует сценарий [Cf.: Palmer 1996: 75] или, особенно в исследованиях искусственного интеллекта, скрипт – типичную или ожидаемую последовательность событий [Schank 1977: 15]. В сценарии актуализируются динамические характеристики концепта, позволяющие сопоставить его с некоторой ситуацией, благодаря чему обеспечивается референция концептуальной информации к реальной действительности или возможному миру. Сценарий – это заготовленная заранее причинно-следственная цепочка, которая представляет собой стандартную последовательность событий. Это вполне согласуется с утверждением З.Й. Шмидта о том, что «вещи» (имеются в виду их ментальные репрезентации) никогда не будут полностью изолированными, но будут постоянно являть собой составные элементы т. н. «историй» или связей предпочтений, целей и действий; «вещи» будут ложиться в основу данных «историй» и порождать их, а также выступать в них носителями ролей [Шмидт 1978: 92]. Отметим также, что использование сценария позволяет связать воедино идеи, не соотносимые по внешним чертам [Cf.: Шенк 1989: 40].

Итак, фреймы и сценарии функционируют как концептуальные схемы, с помощью которых обеспечивается когнитивная обработка прагматической ситуации за счет соотнесения ее с некоторым стереотипом.

3.2. Когнитивная метафора как средство формирования концепта

С позиций когнитивной лингвистики, метафора – это не фигура речи, не образное средство, которым связываются два значения слова; это ключевая ментальная операция, объединяющая две понятийные области и создающая возможность использовать потенциал структурирования исходной области при «освоении» новой области; это способ познания, концептуализации, категоризации и оценивания мира. Как отмечает Дж. Лакофф в работе «Современная теория метафоры», «локус метафоры находится вовсе не в языке, а в том, как мы концептуализируем одну ментальную область в терминах другой области. Словом «метафора» стали обозначаться отображения ментальных областей в пределах нашей концептуальной системы» [Lakoff 1993: 203]. Таким образом, сущность когнитивной метафоры предполагает категориальный сдвиг и заключается в постижении явлений одного рода через явления другого рода. При метафорическом переносе одна концептуальная область отображается на другую (или, другими словами, проецируется в нее). При этом, как правило, отображается не отдельно стоящий концепт, а целая концептуальная структура: фрейм или сценарий. Этот процесс западные исследователи обозначают термином «mapping». Ж. Фоконье, в частности, определяет его как отношение между двумя наборами концептуальных компонентов, по которому каждому компоненту из первого набора назначается соответствие из второго [Fauconnier 1985: xxv].

Таким образом, в изучении метафоры когнитивная лингвистика [Lakoff 1980; Johnson-Laird 1983; Black 1993; Ortony 1993] отказывается от традиционного (восходящего к Аристотелю) взгляда на нее как на «сокращенное сравнение» или способ «украшения» речи и рассматривает ее как манифестацию аналогового потенциала человеческого мышления[61]. Метафоры заложены непосредственно в понятийной системе человеческого мышления. По замечанию А.П. Чудинова, метафора рассматривается в

[61] В качестве иллюстрации приведем «метафору метафоры» из романа П. Акройда «Английская мелодия» (*English Music*, 1992): «Обрати свой взор на цветы, – говорил теперь Безумный шляпник, – такие разные по форме и высоте, по цвету и запаху. И посмотри, куда посадил их Садовник: вот они растут и не ссорятся друг с другом. Так ты увидишь метафору» [Ackroyd 1992: 44] (перевод мой – *А.С.*).

когнитивной науке как сетевая модель с узлами, связанными отношениями близости в различной степени [Чудинов 2004: 104]. Заметим при этом, что метафора может соотноситься, во-первых, с механизмом или процессом; во-вторых, с результатом в частном или обобщенном виде и, наконец, с формой мышления [Соснин 2017(б): 149].

Н.В. Печерская указывает на то, что в когнитивной науке метафора приобретает, по сути, эпистемологический статус: она рассматривается теперь не только как средство описания действительности, но и как эксплицирующая схема, способ построения возможных миров [Печерская 2004: 96; cf.: Гудмен 2001; Black 1993; Ortony 1993; Leary 1995]. Вслед за И.М. Кобозевой отметим, что имеет смысл относить к метафорам все те образные построения, которые в качестве когнитивной основы имеют уподобление объектов, принадлежащих к разным категориям [Кобозева 2001: 136-137]. Действительно, принадлежность определяемого и определяющего разным таксономиям служит необходимым условием существования метафоры [Cf.: Арутюнова 1998: 277 et seq.].

Метафора обеспечивает эпистемический доступ к концепту, а анализ того, как метафоры функционируют, является важнейшим источником данных о деятельности человеческого разума, отношениях между различными концептами и их уровнями, а также между значениями многозначных слов.

Необходимость исследования концептов совместно с механизмами действия метафоры обусловливается рядом факторов [Cf.: Соснин 2007: 33-36].

1. Метафора формирует концепт, а владение концептуальной системой позволяет осуществлять новые метафорические построения. Как отмечает П. Рикер, механизм речепорождения в области метафоры действует таким образом, что размываются логические границы, благодаря чему обнаруживаются новые сходства, которые не были видимы в пределах прежней классификации [Рикер 1990: 441]. Метафора расширяет границы существующих концептов на основе подобия и в некоторых случаях способствует возникновению новых (например, при распаде полисемии).

Обратно, в концептуальной системе заложены устойчивые аналогии между концептами, и владение ею позволяет человеку понимать и продуцировать множество метафорических выражений, построенных как образная характеристика одного концепта в терминах другого на основе установления существенных признаков их аналогии [Cf.: Ritchie 2006: 65].

2. Метафора обеспечивает связь между различными слоями, уровнями и измерениями концепта. Так, метафора может рассматриваться как неожиданный и мгновенный переход с одного семантического уровня на другой, подобный квантовому скачку между энергетическими уровнями. При этом, если на каждом смысловом уровне действуют правила формальной логики, которые соответствуют классическим научным законам, то метафора нарушает их совершенно. По мнению И.В. Полозовой, данное свойство метафоры представляет существенный интерес в свете новых физических теорий, которые представляют наш мир разделенным на энергетические уровни в его глубинных основах (на каждом из которых действуют законы классической механики, но переход между которыми этим законам не подчиняется). Получается, что метафора, являющая собой межуровневый скачок, стоит у самых истоков миропорядка [Полозова 2004: 82-83]. Метафора, таким образом, соотносится с глубинными структурами нашей реальности, а также с потенциальными, ассумптивными возможностями человеческого бытия [Cf.: Полозова, 2003: 51]. В этой связи вспоминаются слова испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета, который писал, что «все преисполненное жизни, необъятное здание Вселенной основывается на миниатюрном и воздушном тельце метафоры» [Ортега-и-Гассет 1990: 77].

3. Метафора обеспечивает доступ к неочевидным уровням концепта и концептуальной системы в целом. Она является тем мыслительным орудием, с помощью которого удается достичь ее максимально отдаленных участков. Концепты, которые близки к нам и легко постижимы, открывают человеческой мысли доступ к удаленным и даже эфемерным концептам. То же можно

сказать и о компонентах отдельного концепта, т.е. с помощью метафоры могут актуализироваться потенциальные концептуальные признаки.

4. Метафора обеспечивает связь между концептами и распространение знаний от одной когнитивной парадигмы к другой. По М. Минскому, метафорические аналогии позволяют представить какой-либо предмет или явление, образно выражаясь, «в свете» другого предмета или явления, что позволяет применять знания и опыт, которые были приобретены в некоторой области, для разрешения проблем из совершенно другой области. Так знания распространяются от парадигмы к парадигме [Минский 1988: 291-292]. Метафора, по мнению исследователя, благоприятствует формированию межфреймовых связей, которые непредсказуемы и характеризуются огромной эвристической силой [Ibid.].

5. Метафора, как и концепт, имеет динамичную природу. Динамичность концепта обуславливается спонтанностью живой речи, в которой он вербализуется. В акте вербализации концепта происходит разворачивание его бытийно-смысловых возможностей, актуализация его импликаций и связанных с ним ассоциаций, а также реализация его связей с другими концептами. При этом происходит обогащение концепта – через контекстуальное приращение смыслов речевых единиц, в которых он вербализуется. Концепт, таким образом, дискурсивно-нарративен, а в его «сказываемости» или «проговариваемости» обнаруживается динамическая вариативность ментального представления о предмете или явлении [Cf.: Григорьев 2003: 54].

Метафора же, по мнению Э. МакКормака, может описываться как динамический процесс в двух смыслах: (а) как когнитивный процесс, отвечающий за формирование новых концептов, и (б) как культурный процесс, за счет которого меняется язык [МакКормак 1990: 363]. Действительно, замечает Н.Д. Арутюнова, дав начало семантическому процессу, метафора со временем стирается и, наконец, утрачивает передаваемый ею образ, который замещается новым понятием (значением слова) [Арутюнова 1990: 15]. Вообще, идея динамического развития, перемещения заложена в самом слове

«метафора»: по мнению Ф. Уилрайта, этот процесс целесообразно описывать в терминах семантического движения, ибо компонент «движение» (греч. *φορά*) входит в значение этого слова. «Это протекающий в воображении динамический акт расширения смысла и соединения смыслов, который отражает сущность метафорического процесса» [Уилрайт 1990: 83].

6. Метафора и концепт не подчиняются правилам классической логики. Как отмечалось ранее, человеческое мышление не оперирует четко выделяемыми логическими понятиями, а концепт как его единица не поддается строгому логическому структурированию. Метафора также являет собой форму, строящуюся на принципах, которые противоречат основополагающим принципам формально-логического мышления: законам тождества, запрещения противоречия и, прежде всего, исключения третьего. Называя вещи и явления не своими именами, метафора обнаруживает в них наличие как бы калейдоскопа смыслов и ставит под сомнение их тождественность самим себе. По замечанию И.В. Полозовой, метафора указывает на наличие в вещи или явлении диаметрально противоположных начал и учитывает «весь потенциальный континуум смыслов», с которыми эта вещь или явление ассоциируется [Полозова 2004: 71].

В когнитивной лингвистике существует ряд классификаций метафоры. В частности, широко распространена типология Дж. Лакоффа и М. Джонсона из их фундаментального труда «Метафоры, которыми мы живем». Исследователями выделяются три типа когнитивных метафор: ориентационные метафоры, которые основаны на восприятии, движении, физическом и социальном опыте человека; структурные метафоры, которые позволяют применять одно хорошо структурированное понятие для структурирования другого (при этом концептуальная система «сферы-источника» служит для моделирования концептуальной системы «сферы-мишени»[62]); онтологические метафоры (метафораперсонификации, метафора вместилища или контейнера и

[62] При этом сфера-мишень должна быть четко концептуализована. Говорящий должен осознавать, на какие ее элементы можно отобразить конкретные составляющие сферы-источника, что предполагает наличие у сферы-мишени исходной «дометафорической» (*pre-metaphorical*) структуры как необходимой предпосылки метафорического переноса [Cf.: Taylor 2002: 491].

пр.), которые способствуют осмыслению явлений и событий как дискретных, чувственно воспринимаемых объектов и сущностей [Лакофф 2004].

Относительно ориентационных метафор заметим вслед за Р. Гиббсом, что способность человека использовать метафорические выражения обусловлена имитацией (*simulation*) мозгом телесных движений и психологическим переживанием аналогичного физического опыта, что находит свое отражение в языке [Gibbs 2006: 434-458]. В этой связи М. Джонсон выделяет т. н. «образы-схемы» (*image schemas*) – наиболее общие повторяющиеся модели физического опыта, которые воспроизводятся в самых различных областях концептуализации [Johnson 1987]. Дж. Мэндлер представляет доказательства возникновения подобных концептуальных структур на ранних этапах развития человека [Mandler 1992: 587-604]. В этой связи Р. Лангакер вводит понятие «концептуальных архетипов» (*conceptual archetypes*), являющихся общими для носителей всех языков [Langacker 1999: 9].

В зависимости от «эпистемологической силы», потенциала освоения новых областей и продуцирования нового когнитивного содержания представляется возможным выделить следующие типы метафор: глубинные метафоры, корневые метафоры и, наконец, поверхностные метафоры, подразумевающие наличие явной, поверхностной аналогии между двумя понятийными областями [cf.: Печерская 2004: 97-98].

Глубинные метафоры [Gozzi 1999] проистекают из физической и психической деятельности людей; ими незримо пронизан весь наш дискурс. Глубинные метафоры близко соотносятся с ориентационными метафорами в классификации Лакоффа и Джонсона. Признание наличия глубинных метафор, по сути, устраняет дихотомическое различие между «буквальным» и «образным» языком, т.к. даже, на первый взгляд, за буквальными выражениями зачастую обнаруживается метафора. По справедливому замечанию М.В. Рассохиной, всякое утверждение, которое претендует на истинность, будет, в конечном итоге, укоренено в глубинных метафорах [Рассохина 2001: 24].

Корневые метафоры, как указывает Н.В. Печерская, очерчивают границы познания и устанавливают рамки описания мира [Печерская 2004: 98], т.е. ими существенно определяется структура различных дискурсов и сверхтекстов. Как отмечает Р. Браун, с помощью корневых метафор задается основа и инструментарий интерпретации, а также наиболее общий смысловой каркас [Brown 1989: 126]. К корневым метафорам относятся, в частности, «конструкция» или «система», далее подразделяющаяся на «организм» и «механизм» (что, в свою очередь, восходит к глубинным метафорам персонификации и деперсонификации), «порядок», «хаос», «рай», «ад», «тюрьма», «игра», «рынок» или «магазин», «театр», «лабиринт», «текст» [Соснин 2017(б): 150]. Об участии этих метафор в структурировании концепта «Лондон» и построении лондонского текста будет подробно сказано далее в соответствующих разделах.

Описание метафорического переноса не в терминах отображения предполагает, что общие признаки метафорически соотносимых концептов образуют схему более высокого уровня обобщения (схема-образ, *image schema*), конкретными реализациями которой являются данные концепты. При этом сфера-источник и сфера-мишень в традиционной терминологии Лакоффа и Джонсона будут в этом случае соотноситься с *prototype concept* и *extension concept* [Cf.: Johnson 1987: 73-75; Gibbs 1995: 349-350; Taylor 2002: 520-530], а схема высокого уровня обобщения может также обозначаться как *superordinate category / concept* [Glucksberg 1993: 414]. Проиллюстрируем это на примере метафоры «London-prison»[63]:

[63] Подробнее о метафоре «London-prison» см. Раздел 5.7.3. «Лондон как враждебное пространство».

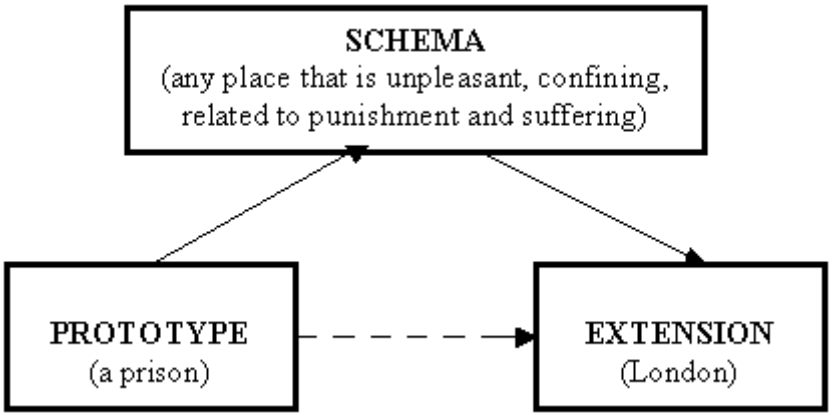

Рис. 4. Структурирование метафоры «London-prison»

Пытаясь обнаружить в метафоре более общие когнитивные механизмы, чем отображение понятийных областей, Ж. Фоконье и М. Тернер [Fauconnier 1998] выдвинули теорию концептуального слияния (*conceptual blending*), в котором участвуют по крайней мере четыре ментальных пространства: (i) не менее двух исходных пространств (*input spaces*); (ii) по крайней мере, одно общее родовое пространство (*generic space*), в котором содержатся общие признаки исходных пространств и которое способствует установлению соответствий между элементами этих пространств; (iii) интегрированное пространство (*blended space*), которое включает в себя выбранные элементы из исходных пространств.

При этом исходные пространства соотносятся со сферой-источником и сферой-мишенью; родовое пространство – это наиболее общая схема, отражающая общие черты понятийных областей (*cross-domain commonalities*); родовое пространство может образовываться схемой-образом (*image schema*) или концептом высшего порядка обобщения (*superordinate concept*); интегрированным пространством детерминируется наша интерпретация, в которой может появиться своя логика, не отраженная в исходных пространствах.

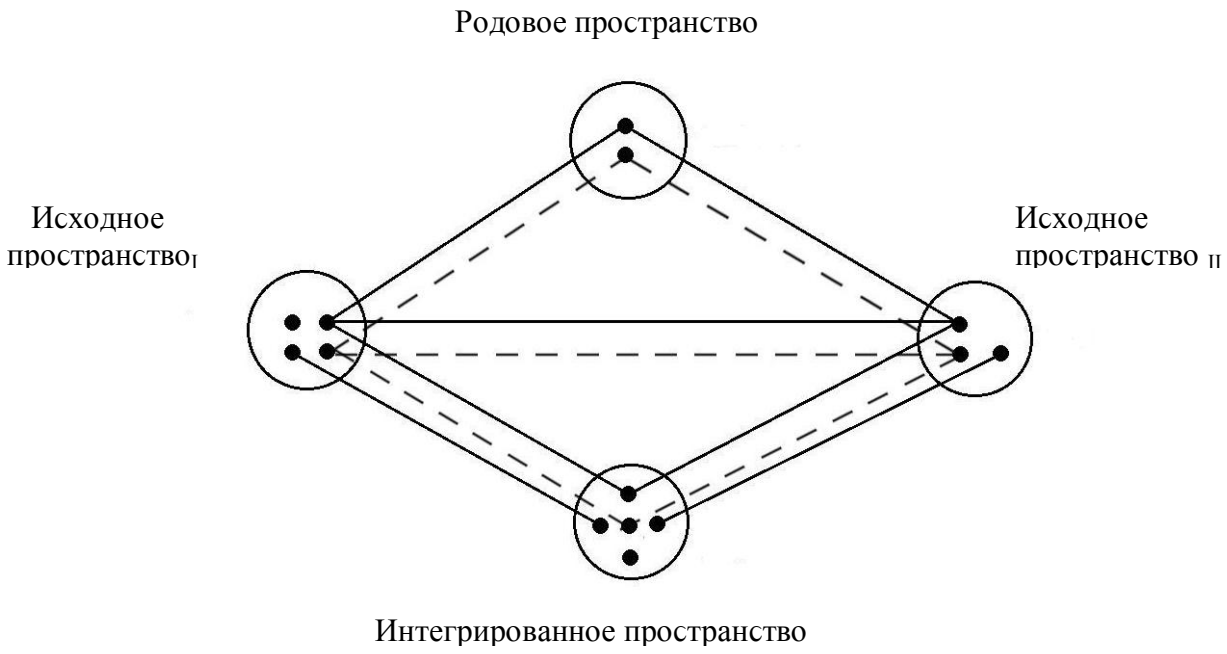

Рис. 5. Модель концептуального слияния по Фоконье и Тернеру

В качестве примера рассмотрим актуализацию метафоры «London-prison» в стихотворении английского поэта и художника-прерафаэлита У. Морриса «Мост и улица» (*The Bridge and the Street*): «With pitiless faces / The dull houses stared on the prey they had trapped»; «What's this we are doing / In this grim net of London, this prison built stark» [Morris 1887].

Исходные пространства: *a prison, a city*;

Родовое пространство: *any place that is unpleasant, confining, related to punishment and suffering*;

Интегрированное пространство: *причины «заключения» в городе не совпадают с причинами заключения в реальной тюрьме: это может быть связано с подавлением личности громадой города, болезненным восприятием действительности, страданиями романтического героя, стремящегося в дальние страны и т.п.; «побег» из тюрьмы города, очевидно, не связан с перспективой преследования и существования вне закона, хотя также рассматривается как избавление от страдания или социальной несправедливости; кроме того, он может трактоваться как обретение новой идентичности, готовность принять иной культурный код и т.п.*

Таким образом, интегрированное пространство формируется с привлечением социальных, идиолектных и аксиологических норм. Подобные построения призваны более полно отразить неотъемлемую метафоричность человеческого дискурса [Cf.: Соснин 2011: 71].

Метафора также может быть описана с формально-семантической точки зрения – в терминах актуализации и нейтрализации сем (с «проекцией» этой актуализации или нейтрализации на концептуальные признаки) и построения семантических изотопий (которыми опосредованно описывается возможность «стыковки» несовместимых понятийных областей). Будучи условием переноса значения и формирования концептуальных признаков, метафора требует, как отмечает Д. Болинджер, семантического обоснования [Болинджер 1981: 221].

Опишем семантически метафору «London-text». Как известно, в рамках современной гуманитарной парадигмы для описания взаимодействия с самыми различными знаковыми системами, в частности, с городом широко применяется понятие «чтения». Итак, за счет актуализации в семеме ‘London’ афферентного признака /semiotic system/ и нейтрализации родового ингерентного признака /city/ оказывается возможной ее сочетаемость с предикатами и атрибутами, содержащими сему /reading/ как ингерентную. Рассмотрим следующий отрывок из труда викторианского публициста Ч. Мэнби-Смита «The Little World of London»: «The metropolis of Britain, and of the world, is a literary mine, which a round number of workers with head and hand have been long quarrying out to the public advantage» [Manby Smith 1857]. Здесь имеем развернутую метафору: элементы из разных категорий принадлежат здесь двум семантическим классам: //mining// и //reading//, – а художественный образ формируется благодаря установления «цепной» эквивалентности между элементами этих контекстуально-взаимосвязанных классов, когда всякий последующий перенос согласуется с предыдущим: ‘mine’ → |‘text’|[64], |‘book’| (за счет рекурренции признака /literary/ из предшествующей семемы), ‘workers’ →

[64] |’семема’| – содержание, присоединенное в результате перезаписи, или нелексикализованная семема в обозначениях, принятых Ф. Растье [Растье 2001: 367; Бочкарев 2003: 198].

|‘men of letters’|, ‘quarrying’ → |‘reading’|, |‘interpreting’|. При этом элементы класса //mining// предстают здесь как уподобляемые, а элементы класса //reading// – как уподобляющие. Соответственно, происходит контекстуальное возвышение класса //mining//, поскольку он приобретает признак /intellectual/ [Cf.: Бочкарев 2003: 15]. В результате можно установить следующие отношения эквивалентности: ‘(The) Metropolis (of Britain)’ ≡ ’London’[65](literary) mine’ ≡ |’text’|.

3.3. Текстема как языковая единица и сверхтекстовый конструкт

Как известно, лингвистика начиная со второй половины XX века характеризуется, в самых общих чертах, отходом от структурализма и обращением к когнитологии и прагматике. Это есть следствие общего процесса, который произошел во всей науке, а именно, провозглашения и установления главенства антропоцентрической парадигмы [Cf.: Герасимов 1988: 5-11; Воркачев 2001: 64-72]. Структурная лингвистика постулировала существование языка как исключительно абстрактной системы зависимостей, не обращаясь, как правило, к субстанциальному аспекту языковых элементов, которые находятся в связях друг с другом. Сейчас же в фокусе изучения находится не только язык в неразрывном единении его формы и субстанции, но и глобальное единство языка и человека, мыслящего, познающего, действующего, вступающего в коммуникативные акты. Антропоцентрический подход к изучению языка также основывается на том, что главная роль в формировании системы языковых значений отводится человеку как наблюдателю, экспериенцеру и носителю знаний, опыта, мнений, верований и суждений.

Согласно Н.Н. Болдыреву, предпосылками к формированию антропоцентрического направления следует считать два основных момента в развитии языкознания: настоятельная потребность изучить функционирование

---

[65] В силу синтагматического соположения с конкретными семемами ‘metropolis’ включает видовой афферентный признак /London/.

человеческого сознания системно, а также осознание того, что единственно надежный, достоверный доступ к сознанию обеспечивается только за счет языка[66] [Болдырев 2004: 20]. Таким образом, язык становится интересным в его непосредственных проявлениях у конкретного носителя, с набором особенностей, установок и пр. Кроме того, снимается «запрет» на исследование «глубинных» теоретических построений и процессов, которые недоступны непосредственному наблюдению: прежде всего, значение, смысл, понимание (в отличие от наблюдаемых объектов, таких как предложение, слово, морфема и т. д.). В орбиту лингвистического изучения были также включены абстрактные конструкты, по типу сверхтекстовых семантических единств, и глубинные семантические / грамматические структуры, способные к развертыванию. Составляющими этого фундаментального методологического сдвига стали возникновение порождающей грамматики Хомского, обращение к закономерностям того, как языковые единицы функционируют в реальном дискурсе, а также стремительное развитие лингвистической семантики, прагматики и, не в последнюю очередь, теории текста.

Антропоцентрический подход в лингвистике развивается в русле восходящей к Л. Витгенштейну теории лингвистического анализа, который направлен на антропологическое обоснование языковой науки или, другими словами, на то, чтобы дать объяснение языку в более широких рамках существования человека и форм его поведения [Cf.: Hartmann 1965: 111]. Сюда, по указанию З. Й. Шмидта, примыкают позднейшие феноменологические идеи о том, что наипервейшая феноменологическая языковая данность имеет, в первую очередь, форму речи или текста и что именно эта форма должна служить исходным нередуцируемым материалом дальнейшего анализа, лингвистического или лингвофилософского [Шмидт 1978: 90].

---

[66] Е.С. Кубрякова характеризует сознание как тот раздел инфраструктуры мозга, в котором сосредотачивается совокупный ментальный опыт, полученный человеком за всю жизнь, и который отражает накопленные представления, образы и ощущения в виде парадигмы смыслов или концептов, входящих в единую концептуальную систему. Далее исследовательница отмечает, что языковое сознание, являющее собой совокупность смыслов с языковой привязкой, – это лишь часть целостного сознания – по аналогии с мышлением, к которому относятся не все ментальные процессы, протекающие в сознании [Кубрякова 2004: 14].

Согласно М. М. Бахтину текст – это первичная реальность всего гуманитарно-филологического мышления и исходный момент любой гуманитарной дисциплины: «там, где нет текста, нет и предмета мышления или исследования» [Бахтин 1986: 473][67]. Описание языка, таким образом, должно происходить в направлении от текста к системе, т. е. от синтагматических характеристик языковых единиц, которые наблюдаемы непосредственно, к постижению их парадигматических связей [Cf.: Алефиренко 2007: 3].

Известно, что в самом широком смысле текст – это то же самое, что и речь, а в узком – единица речи. Известно также, что каждой речевой единице традиционно соответствует единица языка, существующая в нем как микропарадигма (например, словоформе соответствует лексема). Совершенно закономерно возникает необходимость поставить в соответствие тексту языковую единицу, изучать его парадигматически. Предпосылки к такому изучению текста базируются, по мнению З.Й. Шмидта, на исходных положениях общей теории синтаксиса, в которых в значительной степени учитывается семантико-прагматический аспект, и проистекают из семантических трудностей, связанных с обоснованием и описанием реализации конкретных значений в речи / тексте, что указывает на изначальную, системную интеграцию всех элементов и функций языка в пределах наиболее общих глубинных взаимосвязей [Шмидт 1978: 91]. Другими словами, на реализацию значений и на синтаксические построения в существенной степени влияет интеграционное окружение и различные сложные сверхструктуры [Соснин 2016(в): 172].

Однако, говоря о возможностях выделения текстовой парадигмы, можно утверждать, что текст не вполне отвечает тем требованиям, согласно которым конкретные речевые единицы абстрагируются в языковые. В частности, по мнению Н.Ф. Алефиренко, текст – это образование, творимое в речи, он обладает лишь качеством производимости, в отличие от необходимого для

---

[67] Следует оговориться, что термин «текст» трактуется Бахтиным в широком смысле как любой связный знаковый комплекс [Бахтин 1986: 473].

единиц языка признака воспроизводимости [Алефиренко 2005: 58; 2007: 3]. На это можно возразить, что воспроизводиться будет не конкретная оболочка (хотя она тоже может отчасти воссоздаваться), а семантическая структура. Отсюда проистекает исключительная важность семантического аспекта в парадигматическом изучении текста. В этой связи Г.В. Колшанский замечает, что при выходе за пределы абзаца лингвисты все более склоняются к мнению, что роль формальных грамматических средств в организации текста сокращается обратно пропорционально его объему и что тем стержнем, на котором держится вся его конструкции, служит семантика [Колшанский 2010: 62]. Вполне сообразно с этим, важным критерием текста, по мнению исследователя, является контекстно-смысловая завершенность или некоторая «совокупность атомарных смыслов-фраз», которая будет достаточной для того, чтобы установить семантическую определенность каждой из них [Op. cit.: 63].

Заметим, что А.М. Пятигорский и Ю.М. Лотман вводят в программу изучения текста его сверхтекстовые (общеязыковые) значения, собственно текстовые (речевые) значения и функции текстов в системе культуры [Пятигорский 1970: 73-77]. Культура же понимается как система текстов (*lege* сверхтекстов) и описывается как набор функций, которые обслуживаются текстами [Op.cit.: 77].

Сообразно с этим Н.Ф. Алефиренко признает возможность выделения некоторой общей модели текста, текстотипа или абстрактного инварианта – *текстемы*, отмечая, что это понятие пока не вошло в актив научных изысканий [Алефиренко 2007: 4]. В этом исследователь следует за немецкими лингвистами В. Дресслером и Р. Харвегом. Последний определяет текст как последовательность языковых единиц, имеющую парадигматическое и синтагматическое измерения, и из конкретных текстов он извлекает тексты эмические (инвариантные) или текстемы [Harweg 1968: 148, 160 et seq.]. Таким образом, помимо линейного или «горизонтального» текстопорождения, Харвег рассматривает и «вертикальный» процесс. В этом случае текст развертывается, как предложение в генеративной грамматике, с прохождением иерархии

уровней: от исходной абстракции до конкретной реализации [Harweg 1973: 71]. При этом целью текстовой типологии будет, по Г. Ризеру, конструирование идеальных текстотипов на основе их семантических признаков [Rieser 1973: 39-41] – весьма важное положение для нашего исследования. Признаки будут выделяться с применением строгих интерпретирующих процедур к конкретным текстам или реализациям текстемы (*vide infra*).

Порождение предложения изначально представлялось как развертывание его глубинной структуры, которая представлялась в форме дерева зависимостей. Тем не менее, Н.Д. Арутюнова указывает на то, что с развитием порождающих грамматик концепция глубинной структуры семантизировалось и перешла в концепцию семантической репрезентации предложения. При этом его порождение стало рассматриваться как поэтапное преобразование семантической репрезентации в конкретную поверхностную структуру [Арутюнова 2008(а): 4155]. Принцип подобного структурного и семантического развертывания может быть распространен на целые тексты. Таким образом, принимая во внимание то, что отношения между структурными и смысловыми подтипами предложений и закономерности их развертывания, т. е. перехода от одних типов к другим образуют в синтаксисе парадигматические отношения, мы можем вполне закономерно представить переход от парадигматического синтаксиса к парадигматике текста и включить последнюю в сферу лингвистического анализа.

В. Дресслер также рассматривает текстему в русле семантического подхода, трактуя ее как семантический потенциал текста (sic!) или его наиболее общую структуру, обусловленную авторской интенцией [Дресслер 1978(а): 58-60]. Кроме того, исследователь замечает, что если в рамках антропоцентрического подхода лингвистика стремится описать внутренний мир говорящего с помощью лингвистических методов, то основной задачей текстовой лингвистики должно стать возведение конкретных текстов к речевой программе, реализуемой говорящим [Дресслер 1978(б): 136]. Здесь В. Дресслер опирается на разработанную А. Коэном психологическую теорию языка,

подразделяющую языковой процесс на три этапа: (i) план, задающий, что должно быть сказано; (ii) речевая программа, контролирующая в соответствии с правилами языка, как будет осуществляться развертывание во времени; (iii) непосредственная реализация [Cohen 1966: 138 et seq.]. В результате Дресслер приходит к двум выводам, которые являются принципиальными для настоящего исследования, подтверждая наше основное положение о семантической реконструкции сверхтекстов. Во-первых, речевая программа понимается им как множество (текстово)-семантических единств, обозначенных в языковом отношении. В конкретном реализованном тексте эти единства будут выступать в качестве гипертемы с возможностью подчинения или присоединения других тем [Дресслер 1978(б): 137]. Во-вторых, исследователь отмечает, что за первый этап языкового процесса может отвечать только текстовая семантика, а синтаксис подключается только на втором этапе. Дресслер заключает, что синтаксис текста вторичен по отношению к его семантике [Ibid.], т.е. одна и та же текстема как смысловое единство может реализовываться, манифестировать себя в виде различных синтаксических построений [Соснин 2016(в): 174].

Вполне сообразно с данным подходом Л.Г. Фридман и П. В. Чесноков указывают на то, что текстема – это вовсе не синтаксическая единица с набором релевантных признаков, которая характеризовалась бы четкими границами и маркированными формальными показателями, а смысловое единство, выделяемое из конкретных текстов и существующее как бы на фоне этих текстов [Фридман 1984: 28].

А.Р. Габидуллина трактует текстему как абстрактный инвариант текстового уровня в языковой системе (в отличие от реализованного текста), который характеризуется конкретным тематическим содержанием, интенциональными особенностями и, как правило, некоторой заданной композиционной структурой. На уровне реализаций это выражается в конкретном выборе лексических, грамматических и стилистических средств в

зависимости от прагматической установки говорящего [Габидуллина 2011: 133].

Наиболее полное определение текстемы и четкое разграничение ее с текстом находим у А.И. Фефилова. Согласно исследователю, текст – это речемыслительное единство, существующее как совокупность пропозиций и пропозициональных блоков. Текстема же – это идеальная основа текста, существующая в виде вертикальной концептуально-когнитивной структуры [Фефилов 2011]. Это прототипическое построение, составленное из логико-семантических признаков, которые организованы в линейные и вертикальные отношения и в них модифицируются и функционализируются. Текстовая же манифестация текстемы – это процедура, в ходе которой осуществляется модификация инварианта в виде усечения и / или дополнения. В конечном итоге создается и оречевляется какой-то вариант текстемы. [Фефилов 2012: 345].

Таким образом, во всех приведенных определениях прослеживается идея о том, что выделение текстем основывается на суперсегментности текстовых характеристик (в первую очередь, смысловых), которые распространяются на последовательности элементов разной протяженности. Т.М. Николаева справедливо замечает, что все высказывания в тексте когерентны не только линейно, но и глобально и что текст есть не просто набор последовательно связанных микроструктур, а соотносится с некоторой глобальной сверхструктурой [Николаева 1978(б): 34] (например, применительно к данному исследованию, с городским сверхтекстом: лондонским, петербургским или московским). Добавим, что текст без сверхструктуры, скорее всего, не будет осмысленным, поскольку не будет соотноситься со структурированной концептосферой социума (здесь речь не идет о намеренно абсурдных высказываниях). Безусловно, на уровне когниции мы мыслим не разрозненными концептами, а ситуационными фреймами и динамическими сценариями, а на семантическом уровне – соединениями смыслов в пропозиции и пропозициональными макроблоками [Соснин 2016(в): 175].

Это приводит нас к эпистемологическому аспекту понимания и продуцирования текстов. В этой связи весьма любопытен тезис Т.А. ван Дейка о том, что структура человеческих познавательных процессов, очевидно, не может определяться «бытийным» положением вещей или онтологическим порядком следования фактов; важно лишь то, как все это представляется нам [Ван Дейк 1978: 309], на чем мы делаем акцент или фокусируем внимание с учетом аксиологических норм и прагматических установок. Исследователь отмечает, что в психологическом смысле под такой акцентуацией понимается акт фокализации или выбор объектов для специальной обработки вниманием, приписывание им конкретных свойств и установление отношений между ними; это, по сути, функция выбора, которая в качестве аргументов имеет состояния знания, мнений, убеждений, намерений и пр., причем эти аргументы могут принимать значения из всего диапазона реальных и воображаемых фактов [Op. cit.: 315-317].

В более ранней работе ван Дейк демонстрирует, что такое понятие, как тема текста, должно рассматриваться исключительно в пределах теории макроструктур, где под текстовой макроструктурой понимается тот общий смысл или та пропозициональная структура, которая будет результатом применения к последовательно-линейной смысловой текстовой структуре набора отображений, которые «свернут» эту структуру в макроструктуру, служащую как бы кратким выражением содержания исходного текста [Van Dijk 1975]. В этой макроструктуре – текстеме – исходный текст, написанный с позиций авторского видения мира, будет включаться в сверхситуацию с упорядоченным набором основных и вторичных факторов, детерминирующимся в пределе теми мыслеформами, которые являются общими для данного лингвосоциума. Текстемой, таким образом, поддерживается связный набор смыслов в отношении некоторого важного предмета или явления [Соснин 2016(в): 175]. О макроструктурах, типических схемах, передающихся от поколения к поколению, пишет, в частности, Я. Пропп, рассматривая инвариант волшебной сказки [Пропп 2001].

В этой связи любопытно наблюдение, которое находим в исследованиях памяти, проведенных еще К. Бюлером. При запоминании и реконструкции текста все существенное отделяется в соответствии с механизмом смыслового отбора от несущественного. Соответственно, закрепляется и воспроизводится смысловой каркас текста – опять же макроструктура. Кроме того, поскольку слова и грамматические структуры текста можно при его реконструкции легко заменить, запоминаются не они, а наиболее общий смысл, «интенциональная мысль», которая опирается на схему, служащую для целей отображения (*Darstellungsschema*) [Bühler 1907; 1908; 1909]. Эта схема закрепляет отношения между предметами в знаковой форме (вновь текстовость!). Согласно А.Р. Лурии, который суммирует данные наблюдения Бюлера, восприятие, запоминание и воспроизведение содержаний текстов проходит независимо от постижения их составных элементов [Лурия 1975: 181].

Воспроизведение текстов из текстемы осуществляется, по замечанию А.И. Фефилова, по центробежному принципу: если в фокусе внимания автора находится представление о некотором предмете или явлении, оно будет раскрываться по когнитивно-концептуальной нарастающей в зависимости от авторских приоритетов [Фефилов 2011].

Представляется, что текстема – это наиболее общая нефокализованная тема; ее реализации будут иметь различные фокусы за счет предикации конкретных признаков из общего набора (акт выбора, прагматическим критерием для которого служит эффективность коммуникативного взаимодействия), реализации суперсегментных текстовых характеристик: выбор грамматических, лексических и стилистических средств, установление тема-рематических отношений и т.д.

Перемена фокуса происходит, по замечанию ван Дейка, одновременно со сменой возможного мира, в котором происходят факты, задаваемые темой. Сюда относятся, в частности, переход от общего мира (например, длительного нерасчлененного временного континуума) к частному (например, конкретному событию); переход от частного мира к их множеству (обобщение); переход от

«онтологически реального» мира к нереальному – предполагаемому, воображаемому, метафорическому [Ван Дейк 1978: 325]. Итак, перемена фокуса – это операция, в основу которой ложится суждение, задающее потенциальные миры [Op. cit.: 327], а текстема в пределе включает бесконечное множество подобных миров. Соответственно, два разных представителя лингвокультуры в зависимости от своих приоритетов реализуют в двух разных ситуациях несовпадающие тексты, которые, однако, будут относительно аналогичными, т. к. будут восходить к единой текстеме.

Текстема – это, очевидно, наиболее крупная языковая единица, если не относить к верхнему уровню языка представления о том, какие единицы и каким образом используются в типовых ситуациях – уровень дискурса [Cf.: Соснин 2016(в): 176]. Дискурс в настоящем исследовании понимается как совокупность норм и правил текстопостроения, общая для ряда текстем. По сути, это наиболее общая стратегия текстемных развертываний в реальные тексты [Cf.: Золотова 1995].

Дискурс, рассматриваемый со строго семантических позиций в трактовке И. Беллерта, – это последовательность высказываний $S_1,\ldots, S_n$, где семантическая интерпретация всякого высказывания S_i (при $2 \le i \le n$) осуществляется на основе интерпретации высказываний, входящих в последовательность $S_1,\ldots, S_{i-1}$. Другими словами, чтобы адекватно интерпретировать любое высказывание, входящее в дискурс, необходимо знать предшествующий контекст [Беллерт 1978: 172] и рекуррирующие текстовые макроструктуры.

В концепции А.-Ж. Греймаса и Ж. Курте дискурс во многом отождествляется с семиотическим процессом, а весь набор семиотических фактов (взаимоотношений, элементов, операций и пр.), которые принадлежат синтагматическому измерению языка, рассматривается как относящейся к общей теории дискурса. Если, замечают исследователи, выделять две макросемиотики: «мир слов», данный в виде естественных языков, и «мир природы», являющийся источником неязыковых семиотик, – то семиотический

процесс будет пониматься как множество разновидностей дискурсной (языковой и неязыковой) практики. Если же учитывать лишь языковую практику, то дискурс будет рассматриваться как объект раздела языкознания – дискурсивной лингвистики. В данном смысле, подчеркивают исследователи, дискурс служит синонимом текста (безусловно, как макроструктуры). [Греймас 1983: 488].

Греймас и Курте также указывают на то, что в семиотической теории дискурс все чаще рассматривается как некая сущность, похожая на «слоеное тесто» и состоящая из ряда уровней, которые расположены на разной глубине; при этом семантическую репрезентацию, как правило, получает только наиболее поверхностный уровень [Op. cit.: 489-490].

Наконец, исследователи особо отмечают, что семантика должна быть не только таксономической, но и синтагматической, т.е. стремиться описать не просто отдельные лексические единицы, а порождение и интерпретацию дискурса. В построении семем они придают большое значение контекстуальным[68] семам и постулируют в этой связи следующую гипотезу: самые глубинные семантические слои соответствуют макросинтагматическим единицам и являются основой, на которой устанавливаются изотопии дискурсов (*lege* сверхтекстов). Новые же слои конкретизируют содержание и расчленяют дискурс на менее крупные синтагматические единицы, заканчивая конечными сочетаниями семем [Op. cit.: 520-521]. Обратный процесс, очевидно, позволяет семантически реконструировать сверхтекстовые построения.

Выводы

Когнитивные и семиотические модели представления знания в лингвистике соотносимы друг с другом, что закономерно, поскольку человеческое мышление является по своей природе знаковым. Язык – это одновременно и система знаков, которые замещают реальные и идеальные

[68] Или афферентным семам в терминологии Ф. Растье, как принято в настоящем исследовании.

предметы речи (область семиотики), и система символов, за которыми стоит духовный опыт людей (область когнитивной лингвистики).

Язык не самодостаточен, и его нельзя объективно описать без обращения к когнитивным процессам. Языковые же формы есть ни что иное, как внешние манифестации сложной системы ментальных структур, которые стоят за ними; основной из этих структур традиционно считается концепт.

Концепты могут быть вербализованы, при этом значением языковой единицы передается лишь часть концептуальных признаков. Концепт инкорпорирует понятие о предмете или явлении, его чувственный образ, оценочно-прагматическую значимость и импликативный потенциал.

Необходимо разграничивать концептуальное содержание и значение лексической единицы: концепт – это единица когнитивно-концептуального уровня, которая включает в себя ментальные признаки некоторого предмета или явления; значение же – это единица семантического уровня языка или элемент его системы значений, связанный с функционированием конкретной звуковой оболочки (эти два уровня, безусловно, соотносимы, но их отождествлять их корректно).

Концепт следует рассматривать не только с позиций заключенной в нем когнитивной информации, но и в качестве единицы культуры; это многомерное вербально-невербальное образование, встроенное в систему человеческого опыта; он существует в культурном пространстве. Под культурным пространством применительно к лингвистике понимается этноспецифическое восприятие действительности, определяющее способы и средства языкового выражения, – своего рода глобальный ассумптивный универсум народности с соответствующим набором ценностных установок, существующий на конкретном историческом отрезке.

Вербальные репрезентации культурно значимых концептов, которые служат их именами, будут ключевыми словами данного языка и данной культуры; вокруг этих слов организованы целые культурные области. Следствием наличия культурно-ценностного компонента в структуре концепта

является его вербализация большим числом синонимов, дефиниций и текстовых описаний, устойчивых речений.

В качестве всеобъемлющей макровербализации концепта, являющегося культурной константой или категорией культуры, рассматривается сверхтекст, получающийся в результате сближения текстов исследуемой смысловой сферы, т. е. текстов, в которых наличествуют вербализации данного концепта.

У концепта отсутствует четкая организация: в конкретной коммуникативной ситуации любой признак может актуализироваться или нейтрализоваться. Концепт имеет лишь диффузные границы и характеризуется непоследовательностью «прочтения» и способностью отсылать к бесконечному числу других концептов.

Концепт распределяется по когнитивным парадигмам, которые актуализируются в контексте с привлечением описывающих их фоновых / энциклопедических знаний. В зависимости от включения концепта в конкретную когнитивную структуру в процессе мышления будут актуализироваться его различные уровни; тот минимальный когнитивный контекст, который нужен для актуализации некоторого концептуального содержания, образует фрейм; им имплицируется сложная ситуация и описывается все, что для нее типично и существенно; это культурно-специфическая единица, которая включает информацию о том, что в данной культуре является стереотипным.

Концепт как культурная константа или категория культуры характеризуется калейдоскопичностью, обладает вероятностной, потенциально актуализируемой структурой.

Не все признаки, которые входят в состав концепта, будут истинными с точки зрения референции к реальной «онтологической» действительности.

Межконцептуальные и межуровневые концептуальные связи выявляются с помощью анализа функционирования метафоры, которую следует понимать не в качестве образного средства, которым связываются два значения слова, а в

качестве основной ментальной операции, объединяющей две понятийные сферы.

Альтернативные описания метафорического переноса предполагают выделение фреймовых конструкций более высокого уровня обобщения, чем соотносимые понятийные области (в частности, теория концептуального слияния Фоконье и Тернера).

Поскольку метафора обеспечивает перенос значения и формирование концептуальных признаков, она может и должна быть объяснена семантически в терминах актуализации / нейтрализации сем и построения изотопий.

Концепт является абстрактной, ненаблюдаемой структурой. Наипервейшая же феноменологическая языковая данность имеет форму текста, и именно она должна служить исходным лингвистического материалом для дальнейшего анализа. Текст – это первичная реальность всего гуманитарно-филологического мышления. Описание языка, таким образом, должно происходить в направлении от текста к системе, т. е. от синтагматических характеристик языковых единиц, которые наблюдаемы непосредственно, к постижению их парадигматических связей.

Таким образом, на реализацию значений и на синтаксические построения в существенной степени влияет интеграционное окружение и различные сложные сверхструктуры.

Текст может соответствовать критерию воспроизводимости, необходимому для его выделения в качестве языковой единицы, текстемы: воссоздается не какая-то конкретная оболочка (хотя это тоже может иметь место), а общая семантическая структура. Текстема – это эмический текст, являющий собой семантический инвариант для группы текстов сходной тематики. Культура при таком подходе понимается как система сверхтекстов и описывается как набор функций, которые обслуживаются текстами.

Текстема развертывается, как предложение в генеративной грамматике, с прохождением иерархии уровней: от исходной абстракции до конкретной реализации. При этом цель текстовой типологии заключается в

конструировании текстем, идеальных текстотипов, или сверхтекстов на основе их семантических признаков.

Выделение текстем основывается на суперсегментности текстовых характеристик (в первую очередь, смысловых), которые распространяются на последовательности элементов разной протяженности.

Текст без сверхструктуры не будет осмысленным, поскольку не будет соотноситься со структурированной концептосферой социума. Безусловно, на уровне когниции мы мыслим не разрозненными концептами, а ситуационными фреймами и динамическими сценариями, а на семантическом уровне – соединениями смыслов в пропозиции и пропозициональными макроблоками.

Текстема – это наиболее общая, «нефокализованная» тема; ее реализации будут иметь различные фокусы за счет предикации конкретных признаков из общего набора и реализации суперсегментных текстовых характеристик: выбор грамматических, лексических и стилистических средств, установление тема-рематических отношений и т.д. Перемена фокуса происходит одновременно со сменой возможного мира, в котором происходят факты, задаваемые темой.

Дискурс в исследовании понимается как наиболее общая стратегия текстемных развертываний в реальные тексты. Он во многом отождествляется с семиотическим процессом.

В иерархии смыслов самые глубинные семантические слои соответствуют макросинтагматическим единицам и являются основой, на которой устанавливаются изотопии сверхтекстов. Более поверхностные слои конкретизируют содержание и расчленяют сверхтекст на менее крупные синтагматические единицы, заканчивая конечными сочетаниями семем. Изучение данного процесса в обратной последовательности позволяет семантически реконструировать сверхтекстовые построения.

ГЛАВА 4
МЕТОДИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЛОНДОНСКОГО ТЕКСТА

В главе будет детально описан метод лингвистического описания сверхтекстов, принятый в настоящем исследовании. Он основан на принципиальной установке на интеграцию когнитивного и семиотического подходов, в соответствии с которой анализ социально значимых ментальных сущностей осуществляется через семантическое исследование соответствующих им сверхтекстов. Так, в ходе исследования текстов заданной смысловой сферы, т.е. тех текстов, в которых наличествуют вербализации данного концепта, выделяются их семантические признаки, составляется их теоретико-множественная сумма в совокупности их взаимоотношений и на этой основе конструируется семантический каркас сверхтекста как глобальной вербализации концепта. В главе будет доказано, что ориентация на текст абсолютно необходима, поскольку в нем наводится или актуализуется больше признаков по сравнению с бесконтекстной вербализацией. Это связано с тем, что некоторые признаки концепта выражаются косвенно и для их выявления необходимо использовать интерпретативные процедуры. Соответственно, для реконструкции лондонского текста был выбран метод интерпретирующего семантического анализа в рамках общей концепции единой семантики, разработанной французскими исследователями-структуралистами. В главе будет приведен подробный терминологический аппарат данного метода, выделены его преимущества перед американским вариантом компонентного анализа (вчастности, строго дифференциальная модель значения, семиотически объединенное рассмотрение лексического, синтаксического и текстуального уровней, преодоление противоречий семантики и прагматики, ориентация не на «факт»,а на суждение о нем в рамках антропоцентрического подхода к языку). В главе будет также дана типология семантических компонентов, предложено решение проблемы коннотативного компонента значения и указано на то, что

семантические классы, на основе которых описывается лондонский текст, могут строиться на основе либо онтологических таксономий, либо социолектных норм, либо идиолектного постижения действительности.

Задача лингвистического исследования конкретного концепта, в представлении З.Д. Поповой и И.А. Стернина, заключается в описании значений всех слов и выражений, вербализующих его в языке, и в упорядочении той области в системе языка, которой данный концепт репрезентируется [Попова 1999: 23-24]. В рамках же принципиальной установки настоящего исследования на интеграцию когнитивного и семиотического подходов анализ социально значимых ментальных сущностей осуществляется через семантическое исследование соответствующих им текстов. Таким образом, исследуя тексты заданной смысловой сферы, т.е. тексты, в которых наличествуют вербализации данного концепта, мы выделяем их семантические признаки, получаем теоретико-множественную сумму признаков в совокупности их взаимоотношений и на этой основе конструируем семантический каркас сверхтекста как глобальной вербализации концепта. Установка на текст абсолютно необходима, поскольку в нем наводится или актуализуется больше признаков по сравнению с бесконтекстной вербализацией. Действительно, по М.В. Пименовой, некоторые признаки концепта выражаются косвенно и для их выявления необходимо использовать интерпретативные процедуры [Пименова 2004: 84].

Таким образом, реконструкция лондонского текста как сверхтекста английской культуры осуществляется на базе интерпретирующего семного анализа. Его аппарат был разработан французскими структуралистами и являет собой эффективную методическую базу, которая может доказательно применяться и на уровнях как лексики, так и текста. Семный анализ – это, по сути, европейский вариант компонентного анализа, работающего с единицами плана содержания меньше морфемы. При этом данные компоненты являются не частью словарного состава языка, а теоретическими построениями, подходящими для описания семантических отношений между языковыми

единицами (подобно представлению фонемы в виде пучка различительных признаков в фонологическом анализе) [Cf.: Бирвиш 1981: 180].

Основной теоретической предпосылкой компонентного анализа служит положение морфосинтаксиса, по которому содержание любой морфемы языка (и, далее, лексемы) можно разложить на минимальные составляющие – семантические компоненты. Компонентный анализ позволяет описать семантическую структуру не только отдельных единиц, но и всего высказывания в целом. В его терминах, по замечанию А.Е. Бочкарева, можно представить как значение всех входящих в высказывание единиц, так и смысл всего высказывания [Бочкарев 2003: 76]. Среди основополагающих теорий компонентного анализа следует выделить общую систему Катца и Фодора [Katz, Fodor 1963], теорию Абрахама и Кифера [Abraham, Kiefer 1966] и формально-логическую репрезентацию Макколи [McCawley 1968].

Семный анализ как европейская ветвь компонентного анализа, тем не менее, существенно отличается от своего американского предшественника по ряду принципиальных положений. Во-первых, в основе американской версии лежит генеративизм, «описывающий язык на основе формальных трансформационных моделей определенного типа» [Кибрик 2008: 878], а французской – структурализм или «совокупность представлений о языке и методов его исследования, основывающаяся на его понимании в качестве знаковой системы с четко вычленяемыми структурными элементами (языковыми единицами, их классами и др.), а также стремление к прецизионному и формализованному описанию языка» [Виноградов 2008(а): 4562]. Этим обусловливаются дальнейшие различия.

Французский структурализм ассоциируют, прежде всего, с парижской семиотической школой[69], созданной французским лингвистом литовского происхождения Альгирдасом-Жюльеном Греймасом [Greimas 1966; 1970; 1976; 1979; 1983; 1986]. В его представлении, структурная семантика – это

[69] К парижской семиотической школе изначально принадлежали Ж. Женет, О. Дюкро, Ю. Кристева и Ц. Тодоров. В дальнейшем их научные пути разошлись, однако общим остался используемый ими концептуальный аппарат, даже несмотря на ряд различий в его трактовке.

решающий этап в создании научного метаязыка, который открывает путь к построению семиотики. В семиотической перспективе семантика, по Греймасу, должна предлагать четкие металингвистические механизмы, которыми описывается пошаговый переход от содержания абстрактного к конкретному. Она также должна быть синтагматической, позволяя переходить с уровня отдельной лексемы на уровни дискурса[70] и сверхтекстов, а также общей, т. к. во множестве естественных языков отражается множество разных семиотик.

В работе «Историко-эпистемологический анализ французских семантических теорий» Н. П. Анисимовой выделяются три принципиальных значения, в которых термин «семиотика» употребляется у А.-Ж. Греймаса: (i) некоторая выраженная величина, которую предстоит познать; (ii) объект познания – такой, каким он манифестирует себя в ходе описания; (iii) совокупность средств, которыми обеспечивается это познание [Анисимова 2002: 103]. В значении (ii) семиотика рассматривается как соположение семиотики-объекта и описательного метаязыка. Благодаря этому она одновременно рассматривается как сфера разработки процедур, создания моделирующих конструктов и систем репрезентации, а также как область контроля над единообразностью и адекватностью выработанных процедур и моделей. Более того, в задачи семиотики входит эксплицирование посредством аксиоматики оснований для конкретного теоретического конструкта (sic.!). С этих позиций она определяется как семиотическая теория (метаязык) или общая семиотика. Другими словами, заключает Н.П. Анисимова, семиотическая теория у Греймаса – это теория значения [Ibid.].

Принципиально важным является тот факт, что, в отличие от американских ученых, А.-Ж. Греймас строго следует дифференциальной модели значения и определяет его элементарную структуру, разрабатывая семиотическую аксиоматику как типологию отношений (от минимальной – семантической категории до максимальной – семиотики). Это позволяет ему выработать набор формальных определений.

---

[70] Переход от «языка» к дискурсу противопоставляется американской прагматике.

Второе и главное отличие семного анализа от американской компонентной семантики заключается в статусе семантических признаков – в том, как решаются такие первостепенно важные вопросы: во-первых, являются ли семы предельными, малочисленными и универсальными компонентами значения; во-вторых, выражают ли семы свойства референта и/или часть понятия? В рамках семного анализа полагается, что семы не минимальны[71] и, соответственно, не малочисленны, не универсальны (содержание семем варьирует от языка к языку), не связаны напрямую с референцией[72], не составляют часть понятия[73] [Бочкарев 2003: 128-133]. Так, по Греймасу, природа сем является не содержательной, а исключительно реляционной, поскольку они являют собой точки пересечения значимых отношений и произвольно выделяются в процессе анализа [Greimas 1979: 204].

Поскольку, по М.В. Пименовой, некоторые признаки концепта (и, мы добавляем, сверхтекста как его «глобальной» вербализации) выражаются косвенно, а для их выявления необходимо использовать интерпретативные процедуры [Пименова 2004: 84], такое описание представляется целесообразным проводить с позиций интерпретирующего семантического анализа на основе элементов методологии и терминологического аппарата единой семантики, разработанной французским лингвистом Франсуа Растье (род. в 1945 г.). Его концепция часто рассматривается как логическое продолжение семиотической концепции А.-Ж. Греймаса. Тем не менее, Ф. Растье неохотно признает свою принадлежность к парижской семиотической школе, несмотря на то что его исследования существенно ей вдохновлены [Rastier 1998] (защитив докторскую диссертацию под

[71] Попытки описать семантические отношения в языке с помощью крайне ограниченного числа семантических примитивов, как у А. Вежбицкой [1999: 225-252], безусловно, зашли в тупик. А.-Ж. Греймас, например, настаивает на релятивизации минимального характера семы с учетом критерия, определяющего релевантность описания [Greimas 1979: 205].

[72] В компонентном анализе семантические признаки определяют, как правило, на основе референции к внеязыковым объектам. Семы понимаются как «свойства нелингвистических объектов, которые принадлежат реальным или воображаемым референтным мирам» [Растье 2001: 21].

[73] Компонентный же анализ, по И.В. Арнольд, есть анализ на уровне предметно-логического значения [Арнольд 1966: 85].

руководством Бернара Потье, автора общей семантики[74], Растье изучил и синтезировал концепции многих французских семантистов). Исследователь фокусируется преимущественно на семасиологическом аспекте и занимается, главным образом, интерпретацией текста с использованием структуралистского методологического аппарата.

Единая семантика Растье строится на следующих положениях [Cf.: Анисимова 2002; Соснин 2015(в): 203]:

- семиотически объединенное рассмотрение лексического, синтаксического и текстуального уровней (как при интерпретации, так и при продуцировании текста)[75];
- уточнение отношений семантики и когнитивистики в целях определения специфики лингвистического значения в отношении ментального концепта (как отмечает А.Е. Бочкарев, хотя языковые выражения и соотносятся с вещами посредством ментальных репрезентаций, которые извлекаются из памяти, языковое значение к ним не сводится в силу лишь когнитивного соответствия; лингвистическим же анализ значения становится только при условии его установления на основе самих языковых выражений [Бочкарев 2014: 215]);
- преодоление противоречий семантики и прагматики (область семиотики, описывающая отношение знаков к интерпретатору): семантический компонент неразрывно связан с прагматическим, и на интерпретацию языковых выражений влияют как собственно языковые, так и внешние, контекстуальные ограничения, которые зачастую характеризуются не меньшей нормативностью, чем языковые; прагматика не может быть

[74] В концепции общей семантики Потье были интегрированы структурализм в его классическом варианте, элементы психомеханики Г. Гийома, французская версия теории высказывания и генеративизм [Pottier 1992]. По сравнению с Потье, Растье меняет направление семантического анализа с порождающего на интерпретирующий.

[75] Заметим, что семиотический анализ текста, по Ю.С. Степанову, сводится, в первую очередь, к выявлению в нем пропозиций различной степени общности [Степанов 1983: 9]. Вслед за Н.Д. Арутюновой под пропозицией будем понимать семантический инвариант, который является общим для всех членов, входящих в модальную и коммуникативную парадигму предложения и производных от него структур [Арутюнова 2008(а): 3690]. Итак, согласно Степанову, подобный анализ заключается, во-первых, в выделении и классификации предикатов, которыми индивидуальные персонажи и «вещи» наделяются в тексте, а, во-вторых – в подведении наличествующих в тексте индивидуальных сущностей под общие разряды, что вскрывает, в конечном итоге, картину глубинного устройства мира с позиций данного текста [Степанов 1983: 10].

автономной по отношению к семантике, которая кроме норм языка призвана описать и прочие коммуникативные нормы;

- учет при интерпретации всех системных уровней: функциональная система языка, совокупность социальных и идиолектных норм: в результате релевантным оказывается не столько факт, о котором идет речь в языковом выражении, а отношение к этому факту, оформленное в виде ценностного суждения. С переориентацией лингвистической парадигмы на человека – в рамках перехода от онтологически тотального мира к мирам в антропоцентрическом ракурсе – важно, подчеркивает А.Е. Бочкарев, не решить, насколько онтологически «правильна» конкретная пропозиция, а выяснить, насколько она совместима с установкой говорящего в пределах его возможного мира [Op.cit.: 218].

Особое внимание Ф. Растье уделяет статусу семантических компонентов. Сема мыслится им в качестве «чистого различия между функциональными единицами» и, соответственно «совпадает, в соссюровских терминах, с языковой значимостью в материальном выражении» [Растье 2001: 21].

В трудах исследователя можно найти несколько определений семы: это «мельчайшая единица значения, определяемая анализом» [Rastier 1994: 224]; «семантический различительный признак семемы относительно незначительного набора элементов, которыми действительно располагает и которые с вероятностью использует говорящий в данных коммуникативных обстоятельствах» [Растье 2001: 36][76]; «элемент семемы, определяемый как экстремум бинарного функционального отношения между семемами» [Op. cit.: 365]. Принципиальным здесь представляется тот факт, что вполне в русле парижской семиотической школы Ф. Растье учитывает в семном анализе прагматические факторы: отношения между семемами, через которые определяются семы, детерминируются не только лингвистическим, но и ситуационным контекстом, а прагматическая информация может быть условием выделения сем [Op. cit.: 39]. Семный анализ полагает, что мир не дан

[76] По сути, это определение Б. Потье [Pottier 1980: 169].

человеку непосредственно в восприятии, а интерпретируется им в зависимости от установок так, что один и тот же объект может получать различную интерпретацию в контексте одной или разных ситуаций. Как указывает Н.Ф. Алефиренко, один и тот же элемент, будучи включенным в разные целостные структуры, воспринимается по-разному [Алефиренко 2004: 72]. Это важнейшая закономерность для дискурсивного знакообразования. Таким образом, в каждой реализации лондонского текста «вскрываются» присущие ей элементарные компоненты смысла, актуализация или виртуализация (нейтрализация) которых совершается в контексте и коммуникативной ситуации [Cf.: Соснин 2015(в): 204].

Семантическую реконструкцию лондонского текста, т.е. составление потенциальной суммы признаков, ему присущих, представляется целесообразным проводить через исследование семантических классов, соотносящихся по одной или нескольким общим семам с семемой ‘London’ (она вербально репрезентируется лексемой-именем текста).

По Ф. Растье, семема – это одержание морфемы [Растье 2001: 365]. Однако при семантическом анализе семема может рассматриваться как содержание лексемы (особенно при рассмотрении одноморфемных лексем или в случаях, когда, например, морфемы в составе лексемы не являются легко вычленимыми, деривационные морфемы не несут принципиальной смысловой нагрузки в конкретном случае и т. п.).

В определении А.Е. Бочкарева, семантический класс – это множество из двух или более семем в отношениях эквивалентности [Бочкарев 2014: 226]. В зависимости от степени обобщения Ф. Растье выделяет минимальные классы семем – таксемы, классы средней глубины – области (группы таксем) и наиболее обобщенные классы – измерения. Семема попадает в перечисленные классы по микрородовой, мезородовой и макрородовой семе соответственно[77].

---

[77] Стратификация лексического состава связана с наличием в языке относительно самостоятельных системных классов, образованных по типу семантической парадигмы [Cf.: Филлмор 1983: 47-48, 53-54; Гак 1998: 32-40]. Родовой признак указывает на общность, а видовой – на специфические особенности, по которым один элемент отличается от другого внутри той же совокупности элементов. Лингвистически релевантные классы совпадают отчасти с онтологическими классами, объективирующими существенные войства внеязыковых реалий на

В составе таксемы Ф. Растье выделяет семантемы (т.е. наборы видовых сем или различительных компонентов семем) и общую родовую сему [Растье 2001: 365]. Любопытно проследить эволюцию представлений исследователя по сравнению с другими французскими семантистами. Вслед за Н.П. Анисимовой приведем следующую сводную таблицу [Анисимова 2002: 167]:

Табл. 1. Единицы семного анализа

Авторы теоретических построений	Типология семантических компонентов
Б. Потье	Семема – совокупность различительных семантических признаков (сем). Классема – набор родовых сем семемы. Семантема – набор видовых сем семемы. Виртуэма – набор коннотативных сем семемы.
А.-Ж. Греймас	Семема – употребление, частный смысл слова, семная фигура. Фигуративная сема – соотносится с элементами плана выражения семиотики естественного мира. Абстрактная сема – служит для категоризации мира. Тимическая (аффективная) сема – коннотирует семные микросистемы по категории «эйфория / дисфория».
Ф. Растье	Таксема – минимальный класс семем в языке, внутри которого определяются семантемы, а также общая родовая сема. Семема – содержание морфемы. Классема – набор родовых сем семемы. Семантема – набор видовых сем семемы. Родовая сема – элемент классемы, обозначающий принадлежность семемы семантическому классу.

основе существующих научных таксономий [Cf.: Гак, 1998: 32-40; Степанов,1998:615; Растье 2001:42-43, 51-55].

	Микрородовая сема – относящаяся к таксеме. Мезородовая сема – относящаяся к семантической области. Макрородовая сема – относящаяся к семантическому измерению. Видовая сема – элемент семантемы, противопоставляющий семему одной или нескольким семемам таксемы.

Дадим несколько принципиальных комментариев. По замечанию А.-Ж. Греймаса, Б. Потье строит свою модель на таксономических основаниях и гиперо-гипонимических отношениях, однако его принцип выделения семных фигур, которые составляют ядра семем, является чисто морфематическим [Greimas 1979: 206].

В семемном составе им различаются контекстуальные семы – общие для данной семемы и для других элементов семантического построения – и ядерные семы, характеризующие семему как таковую.

Различаются у исследователей и понимание классемы. Потье определяет ее как составляющую семемы, которая содержит совокупность родовых сем, а Греймас – как набор контекстуальных сем, которые рекуррируют в дискурсе и обеспечивают связность прочтения.

Кроме того, как Потье, так и Растье отмечают некоторую непоследовательность в трактовке классемы Греймасом. Классемы, казалось бы, контекстуальны, но в то же время относятся к родовым семам в силу своей предельной широты.

Отчасти для того, чтобы преодолеть это несоответствие и избежать терминологического смешения в дальнейшем, Ф. Растье исключает из своего аппарата коннотацию и контекстуальные семы. Он также отказывается от виртуэмы, выделяемой Потье, а отчасти соответствующие коннотативным[78] афферентные (привходящие, привнесенные) семы распределяет как в классему,

[78] В частности, когда коннотация, связываемая в узком смысле с вторичной номинацией, «основывается на реляции элемента одного семантического класса к элементу другого семантического класса, с которым его связывает более или менее устойчивая ассоциация» [Бочкарев 2003: 79].

так и в семантему. По замечанию самого Растье, подобная классификация соотносима с типологией Дж. Лакоффа, однако она, безусловно, связана с другой проблематикой [Cf.: Lakoff 1972: 196 et seq.].

Итак, предлагаемый механизм семного анализа позволяет при описании сверхтекстов эффективно переосмыслить весьма неоднозначное понятие коннотации. Действительно, как замечает М.С. Ретунская, коннотация как лингвистический феномен, несмотря на все многообразие ее трактовок, скорее всего, так и не обретет универсального понимания, т.к. не до конца исследованы ее композиция, взаимодействие ее компонентов и их участие в организации высказывания» [Ретунская 1996: 17].

В широком смысле под коннотативным компонентом значения, указывает А.Е. Бочкарев, понимают различные оттенки значения, которые как бы дополняют понятийное значение [2003: 78]. В определении М.С. Ретунской, «коннотация – это сложный макрокомпонент семантики слова, состоящий из стилистического регистра (стилистической маркированности в широком смысле) и эмоционально-оценочного компонента» [Ретунская 1996: 17]. Соответственно, к коннотативным признакам можно отнести любые сопутствующие признаки, которые отражают отношение говорящего к высказыванию или служат специфической характеристикой социолекта или идиолекта.

В узком смысле коннотация противопоставляется денотации, а коннотативный компонент значения связывается со вторичной номинацией [Cf.: Телия 1986; 2008]. Следует заметить, однако, что в аппарате лингвистических методик, применяемых для описания естественных языков, бесполезно искать сколько-нибудь точную процедуру для различения денотативных и коннотативных компонентов значения: как замечает Ю.М. Скребнев, «далеко не всегда можно решить, где кончается денотативное и начинается коннотативное» [Скребнев 1975: 24]. Проблематичным также представляется локализация эмоционально-оценочного компонента в семантической структуре слова. при этом возможны три подхода:

(i) оценочность рассматривается как составная часть коннотации [Звегинцев 1955; Ахманова 1957; Арнольд 1973]; (ii) оценочность может быть частью денотата лексемы [Шаховский 1987]; (iii) оценочность может входить как в денотативную, так и коннотативную часть структуры слова [Скребнев 1975].

Семный же анализ исходит из того, что семы не зависят от понятия денотации: в денотативном отношении, которым семема связывается с означающим, сема указывает не на отношение между единицей выражения и единицей содержания, а на отношение между семемами, которое присуще, по определению, плану содержания.

В рамках семного анализа сема определяется через отношения между семемами, а эти отношения детерминируются лингвистическим и ситуационным / прагматическим контекстом[79] [Растье 2001: 39]. При этом определение семемы является исключительно дифференциальным: семемы объясняются через семемы, т. е. содержание семемы выводится не на основе референции к внеязыковым реалиям, а путем соотнесения с другими семемами внутри изучаемой языковой последовательности [Бочкарев 2003: 133]. Таким образом, очевиден разрыв с экстенсиональной трактовкой компонентов значения. В противном случае возникла бы проблема описания безденотатных имен типа *ecumenopolis* «город-мир» и трактовки метафорических употреблений типа «London is a prison», не являющихся истинными с точки зрения референции к объектам действительного мира.

В ведении функциональной системы языка находятся ингерентные (собственные) семы, а в ведении социальных, прагматических, идиолектных[80]

---

[79] Это детерминировано тем исходным положением, что каждый элемент в языке получает значение и ценность в соотношении с другими элементами [Cf: Бочкарев 2003: 36]. Так, Ф. де Соссюр, рассматривает знак не в изоляции, а в связях с другими знакам. По Соссюру, знак сам по себе значения не имеет, а приобретает его в системе по отношению к другим знакам данной системы. Таким образом, знаки объясняются через знаки: содержание знака выводится не на основе отношения с замещающим его объектом, а путем его соотнесения с другими знаками – в рамках общей трактовки языка как «системы чистых значимостей», в которой «нет ничего, кроме различий» [Соссюр 1977: 144, 149, 152].

[80] В связи с индивидуальным характером концептуализации действительности и ее языкового отражения отметим, что каждому человеку свойствен свой когнитивный стиль, который В.З. Демьянков определяет как «предпочитаемый подход к решению проблем, характеризующий поведение индивида относительно целого ряда ситуаций и содержательных областей» [Демьянков 1994: 27]. Когнитивный стиль также можно соотнести с определенным характером, определив его как «стабильное сочетание личностных инвариантов у конкретного человека» [Ibid.].

норм – афферентные (привходящие) семы [Растье 2001: 48]. С ингерентными и афферентными семами соотносятся, соответственно, внутренние и внешние семантические компоненты [Kerbrat-Orecchioni 1977] или собственные и переходящие семантические компоненты [Вейнрейх 1981: 108-112]. Афферентность (или адгерентность) можно также описать в терминах потенциальности: так, Б. Потье выделяет виртуэмы или потенциальные семы. По В.Г. Гаку, эти семы отражают различные второстепенные, иногда не обязательные признаки предмета, различные ассоциации, с которыми данный элемент действительности связывается в сознании говорящих [Гак 1977: 15].

Ингерентные семы идентифицируются на основе анализа словарных дефиниций, а афферентные – на основе контекста и прагматических установок. Выделяются социально нормированные и идиолектные афферентные семы. Отношение между ингерентными и афферентными семами можно представить как отношение между системой и нормой [Растье 2001: 59].

Семантические классы, на основе которых описывается лондонский текст, могут строиться (i) на основе онтологических таксономий (вернее, отчасти совпадать с ними); (ii) на основе социолектных норм; (iii) на основе идиолектного постижения действительности [Соснин 2015(в): 208].

По М.В. Никитину, таксономические классификации максимально информативны и прогностичны, т.е. имплицируют и предвосхищают максимально широкий объем возможных признаков у вещей данного класса. Таксономические классификации следуют за миром и стремятся вскрыть те членения, которые существуют в нем до того, как приступают к классификации [Никитин 2004: 55]. Локализация объекта в таксономический класс соответствует его логическому определению, которое в классической логике предусматривает отыскание для него ближайшего рода (> родовая сема), а также отличительных признаков, наличествующих только у него (> видовые семы)[81]. Согласно А.-Ж. Греймасу и Ж. Курте семный анализ может дать удовлетворительные результаты лишь при ограниченных

[81] В латинской формулировке из классической логики, «definitio per genus proximum et differentiam specificam».

таксономических описаниях (которые затем можно распространить на структурирование более открытых семантических областей) [Греймас 1983: 520].

Итак, практически во всех текстах, где фигурирует наименование «Лондон», оно прежде всего истолковывается (i) как урбанизированное пространство, город; (ii) как столица Великобритании. В прочих текстах семы /urban area/ и /capital city/ всегда присутствует в актуализованном или виртуализованном виде. Эти семы являются родовыми для таксем //urban area// и //capital city//, в состав которых входят семемы ‘town’, ‘borough’, ‘city’, ‘emporium’, ‘cosmopolis’, ‘metropolis’, ‘agglomeration’, ‘conglomeration’, ‘conurbation’, ‘sprawl’, ‘megalopolis’, ‘ecumenopolis’, ‘capital’.Данные семемы представляют собой гиперо-гипонимический ряд (ряды)и строятся на иерархии сем (в частности, по возрастанию степени урбанизации пространства)[82]. Действительно, по замечанию В.А. Виноградова, таксономия предполагает такую классификацию, которая будет отображать иерархическую организацию некоторой системы объектов. В построении самой таксономии это будет выражаться в иерархии таксономически ранжированных категорий, связанных отношениями поэтапного включения от низшей категории к высшей. При этом каждой категории в таксономии будет соответствовать класс объектов или таксон, который будет иметь конкретную степень обобщенности [Виноградов 2008(б): 4641].

Знание об элементе окружающего мира включает информацию о его принадлежности к какому-либо таксономическому классу. Оно также формируется в результате восприятия его в отношениях и связях с другими элементами, на основе представления о его свойствах, осмысления его с точки зрения выполняемых функций и вовлеченности в деятельность человека. Как справедливо отмечает А.А. Залевская, «анализ языковой картины мира обычно реализуется через расчленение, препарирование, классифицирование,

[82] Термин «гиперо-гипонимия» рассматривается как синонимичный терминам «отношения таксономического типа», «иерархические отношения» и «отношения типа *schema-instance*».

упорядочение в таксономию того, что извлекается из материи языка» [Залевская 2001: 43].

Тем не менее, таксема //urban area//, например, не полностью совпадает с бытийным таксономическим классом, носящим то же имя: в нем отсутствует компонент «ecumenopolis»: всемирного города не существует, это безденотатное имя. Как отмечает А. Е. Бочкарев, хотя выделение родовых признаков (в нашем случае /urban area/) и осуществляется на основе «объективных» таксономий, а в лингвистических классах и учитываются существенные свойства внеязыковых реалий, семантические компоненты не уподобляются элементам понятия и не обязательно соответствуют бытийно-истинному положению вещей [Бочкарев 2003: 131]. Мы можем начать семантически описывать Лондон и с других систем знания: не объективных научных, а обыденных или наивных, – но это всего лишь вопрос последовательности[83]. При описании лондонского текста должны быть учтены все системы.

Заметим, что таксемам условно соответствуют, например, лексико-семантические парадигмы в терминологии Э.М. Медниковой [Медникова 1974: 48] или лексико-семантические группы слов в терминологии В.Г. Гака [Гак 1977:14]. Однако эти парадигмы и классы выделяются не интенсионально, а экстенсионально, т.е. на основе референции к объектам действительного мира в соответствии с известным положением Г. Шухардта «обозначение во всех своих проявлениях первично по отношению к значению» [Cit. ex: Арутюнова 1998: 24]. «Тем самым, – замечает А.Е. Бочкарев, – как бы переворачивается отношение между значением и обозначением: ведь в действительности языковой знак обладает значением не потому, что он обозначает объект, а может обозначать объект, поскольку он обладает значением в данной языковой системе» [Бочкарев 2003: 178; cf. Растье 2001: 23].

---

[83] Тем не менее, удобнее начинать описание с «объективных» категорий, поскольку они служат, по словам А.Е. Бочкарева, фоном, на котором выделяются специфические признаки категорий «субъективных» [Бочкарев 2007: 49]. Таксономические классификации позволяют установить, чем являются вещи в бытийном отношении; из обыденного же знания становится ясно, какие представления с ними связываются [Op. cit.: 47].

Приведем пример вхождения семемы ‘London’ в социально-нормированный семантический класс //text//. В рамках современной парадигмы гуманитарного знания практикуется широкое применение понятия «чтения» для описания взаимодействия с самыми различными знаковыми системами. Таким образом, за счет актуализации в семеме ‘London’ афферентного признака /semiotic system/ и нейтрализации родового ингерентного признака /city/ оказывается возможной ее сочетаемость с предикатами и атрибутами, содержащими в качестве ингерентной сему /reading/.

В работе «The Little World of London or Pictures in Little of London Life» английский историк, критик и публицист Чарльз Мэнби Смит пишет: «The metropolis of Britain, and of the world, is a literary mine, which a round number of workers with head and hand have been long quarrying out to the public advantage» [Manby Smith, 1857]. Здесь имеем развернутую метафору: категориально разнородные элементы принадлежат здесь двум семантическим классам – //mining// vs. //reading//, а художественный образ формируется путем установления «цепной» эквивалентности между элементами этих контекстуально-взаимосвязанных классов, когда всякая последующая транспозиция согласуется с предыдущей: ‘mine’ → {‘text’}[84], {‘book’} (за счет рекурренции признака /literary/ из предшествующей семемы), ‘workers’ → {‘men of letters’}, ‘quarrying’ → {‘reading’}, {‘interpreting’}. Элементы класса //mining// предстают здесь в виде уподобляемых, а элементы класса //reading// в виде уподобляющих, так что класс //mining// ставится на более высокий уровень ценностной шкалы, приобретая в контексте признак /intellectual/. В результате можно установить следующие отношения эквивалентности: ‘(The) Metropolis (of Britain)’ ≡ ’London’[85] ≡ ’(literary) mine’ ≡ {’text’} [Cf.: Бочкарев 2003: 15].

Примером идиолектной категоризации может служить сравнение Лондона с адом (не «hell», а «Pandemonium»!), как, например, в дневнике английского

[84] {’семема’} – нелексикализованная семема.
[85] В силу синтагматического соположения с конкретными семемами ‘metropolis’ может включать видовой афферентный признак /London/.

писателя, теолога и придворного священника королевы Виктории Стопфорда Брука (запись от 19 октября 1904 г.): «England was in sunshine till we came to the skirts of London, and there the smoke lay thick. I looked down to the streets below, filled with the restless crowd of men and cars. London was like Pandemonium, and I thought I saw thousands of winged devils rushing to and fro the mad host. I grew sick as I looked upon it» [Brooke 2015: 302]. Лондон здесь включается в категорию пространств мучительных, пагубных и связанных с хаосом или смертью.

Итак, семы, выявленные в ходе семного анализа, будем отождествлять с признаками лондонского текста (и признаками одноименного концепта на когнитивно-концептуальном уровне)[86], а семемы – с текстовыми слоями [Cf.: Стернин 2001: 63]. Отбор интерпретирующих семем осуществляется на основе конкретных реализаций лондонского текста, то есть в плане выражения анализируются отношения исследуемой лексемы к другим лексемам, связанным с ней парадигматически или синтагматически. Вслед за Э.М. Медниковой еще раз подчеркнем, что семантика слова определяется всей совокупностью его парадигматических и синтагматических связей [Медникова 1974: 43]. Суммируя смыслы, заложенные в интерпретирующих семемах, можно получить достаточно полное семантическое описание исследуемого сверхтекста.

Частная задача при таком подходе – выявить достаточно полный перечень регулярных семантических (статических и динамических) отношений между семемами и их классами, значимых для корпуса текстов, которые являются реализациями исследуемого сверхтекста. При этом также представляется необходимым выявление ключевых семантических изотопий[87] (т.е. эффектов синтагматической рекурренции одной и той же семы [Растье 2001: 362] или наличия элементов, близких семантически, у членов последовательности

[86] Однако, как отмечает Э.М. Медникова, расчлененные значения лексических единиц не всегда могут быть прямо и непосредственно соотнесены с какой-либо частью концептуальной структуры [Медникова 1974: 32].

[87] Изотопия – это фундаментальное понятие французского семного анализа. Термин был впервые введен А.-Ж. Греймасом [Greimas 1966]. Изначально изотопия означала рекурренцию классем в синтагматической цепочке, благодаря чему обеспечивалась единообразность дискурсивного высказывания [Greimas 1979: 197]. Понятие изотопии связано с ожиданием семантического развертывания или прогнозированием в тексте [Cf.: Николаева 1978(а): 468] – презумпцией изотопии [Растье 2001: 88, 90, 203]. По А.Е. Бочкареву, построение изотопии равнозначно пониманию [Бочкарев 2014: 76].

связного текста [Николаева 1978(а): 468]), позволяющих на языковом уровне осуществить единообразное прочтение лондонского текста и «цементирующих» на когнитивно-концептуальном уровне одноименный концепт, каким бы диффузным образованием он ни был. То же на уровне восприятия: в любом месте такого огромного и многообразного мегаполиса, как Лондон, он остается узнаваемым по каким-то невидимым вехам, изотопическим признакам – он все равно «прочитывается» как Лондон благодаря некоторой сквозной бытийной метафоре.

Интерпретирующий семный анализ позволяет «вскрыть» изотопический механизм действия метафоры, описывая его как рекурренцию сем (ингерентных или афферентных), принадлежащих семемам разных таксем, что объясняет связность метафоры, которая в противном случае может рассматриваться как явление, нарушающее законы логики. Вслед за Д. Болинджером отметим, что метафора, безусловно, требует семантического обоснования как условие переноса значения и формирования концептуальных признаков метафора требует [Болинджер 1981: 221].

Семный анализ отказывается от ядерных и периферийных признаков, поскольку считается, что в зависимости от контекста любой семантический компонент и соответствующий ему концептуальный признак может выходить на передний план, актуализироваться, или нейтрализоваться[88]. Это представляется очень удобным, поскольку в соответствии с современными когнитивными исследованиями концепт также не структурируется в терминах ядра и периферии. Сделаем оговорку: возможно, какие-то концептуальные признаки актуализуются чаще других. Возможно, это родовые признаки основных бытийных таксономий. Безусловно, Лондон чаще выступает как город, а не как ад, рай, текст, тюрьма, дева или блудница (тем не менее, при подобной категоризации[89] будет оставаться понимание того, что Лондон – это

[88] Нейтрализация семантического компонента – угасание / погашение семы, по В.Г. Гаку [Гак 1977: 26, 28].

[89] В определении Т.В. Булыгиной и С.А. Крылова, понятийные категории – это наиболее общие смысловые компоненты, которые свойственны не отдельно взятым словам и совокупности их форм, а широким словарным классам. Понятийные категории выражаются в языке самыми разнообразными средствами и анализируются безотносительно того или иного способа выражения (прямого или косвенного, явного или неявного,

всё-таки город – очевидно, в силу максимальной репрезентативности этой последней категории). В этой связи Р. Лангакер выделяет первичные и вторичные когнитивные контексты [Langacker 1991(a)].

Таким образом, имеем циклический характер описания лондонского текста: от ингерентных признаков репрезентирующих его семем к его контекстным реализациям, в которых, в свою очередь, актуализуются афферентные признаки семем, в результате чего сверхтекст «прирастает» новыми признаками. Семемы предвосхищают контекст, а контекст актуализует их имплицитное содержание. Это становится возможным благодаря тому, что всегда существует предвосхищение понимания, некоторая презумпция смысла, которая получает подтверждение или опровержение в ходе дальнейшего прочтения. Чтобы представить этот процесс наглядно, А.С. Кравец предлагает метафору ленты Мебиуса: «если на длинной полоске бумаги сверху писать все высказывания (представляющие открытое множество), а снизу все слова из системы языка, а затем образовать из этой полоски ленту Мебиуса, то получим бесконечное циклическое движение: все вращения, направленные от слов к высказываниям, актуализуют различные смыслы слов; вместе с тем в высказываниях слова наполняются новыми оттенками смысла. Обогащенные таким образом слова возвращаются в систему языка, становясь предпосылкой для образования новых высказываний» [Кравец 2001: 24-25].

На когнитивно-концептуальном уровне данный процесс можно описать в терминах актуализации различных измерений или признаков концепта за счет его включения в разнообразные фреймы; при этом типичные признаки фреймовой ситуации передаются включаемому в него концепту. При выборе контекстов для идентификации фреймов берутся те контексты, в которых фигурирует либо имя концепта «Лондон», либо его другие лексические репрезентации. Проявления концепта «Лондон», очевидно, бесконечно

лексического, морфологического или синтаксического) [Булыгина 2008(б): 3531]. Понятийные категории рассматриваются в парадигматическом аспекте, т.е. с точки зрения их роли в формировании семантических оппозиций [Op. cit.: 3533]. Категоризация же определяется А.Е. Бочкаревым как «результат познания вещей на основе их наиболее существенных свойств и связей с другими вещами. Категоризация отражает представления человека о составе и строении бытия» [Бочкарев 2007: 49].

разнообразны, однако они, в целом, могут быть сведены к ряду типичных фреймовых моделей.

Наконец, данный подход требует привлечения затекстовых энциклопедических знаний для описания семем, что подтверждает включенность стоящих за ними концептов в парадигмы знания о мире и сообразуется с положениями когнитивной семантики, отличительной особенностью которой является выход за пределы собственно языковых явлений и обращение к знаниям неязыкового характера. Как указывает Н.Н. Болдырев, в когнитивной семантике «граница между лингвистическим и экстралингвистическим знанием или между словарным и энциклопедическим описанием значения признается иллюзорной» [Болдырев 2004: 27]. О предельной энциклопедичности и идиолектном характере семантической структуры говорит и Дж.Р. Тейлор в своей «Когнитивной грамматике» [Taylor 2002: 21]. Следуя Р. Шенку, Т.В. Яскевич утверждает, что не существует «словаря», а только «энциклопедия» [Яскевич 2000: 76]. Н.Н. Болдырев отмечает, что значение слова по своей сути энциклопедично и что для его характеристики необходима определенная фоновая информация, которая может рассматриваться как структура общепринятых и обобщенных знаний, входящая у носителей данного языка в глобальную систему культурно значимого опыта [Болдырев 2001: 28]. У. Эко отстаивает положение, согласно которому каждая семема содержит в себе энциклопедию (имеются в виду бесконечные отсылочные ряды) [Эко 1975: 160]. Ф. Растье не согласен с этим, указывая на то, что в этом случае смысл любого текста, в котором репрезентирована эта семема, был бы неисчерпаемым [Растье 2001: 278]. Для успешного понимания текста необходимо обладать таким запасом энциклопедической информации, который позволяет четко осознавать самые существенные признаки денотата, соотносимого с семемой, а также выделять его из группы однородных предметов, явлений. Обладание некоторым объемом систематизированных знаний о денотате является желательным, но уже не обязательным требованием. То есть, по Растье, если энциклопедический

смысловой компонент – это ингерентная сема, то такая информация необходима, а если афферентная – то полезна [Ibid.].

В любом случае, объяснить отдельные компоненты лондонского текста имманентными языковыми законами невозможно, поскольку сверхтексты культуры как обеспечиваются, так и ограничиваются строением человеческой памяти, воображением и общими принципами постижения мира.

Выводы

В соответствии с установкой настоящего исследования на интеграцию когнитивного и семиотического подходов, анализ культурно-значимых ментальных сущностей осуществляется через семантическое исследование соответствующих им текстов. Так, исследуя тексты заданной смысловой сферы, т. е. тексты, в которых наличествуют вербализации конкретного концепта, мы выделяем их семантические признаки, получаем теоретико-множественную сумму признаков в совокупности их взаимоотношений и на этой основе конструируем семантический каркас сверхтекста как глобальной вербализации концепта. При этом важна ориентация на литературные тексты, поскольку в них наводится или актуализуется больше признаков по сравнению с бесконтекстными вербализациями.

Реконструкция лондонского текста как сверхтекста английской культуры осуществляется на базе интерпретирующего семного анализа. Это французский вариант компонентного анализа, который оперирует единицами плана содержания меньше морфемы. При этом данные компоненты являются не частью словарного состава языка, а теоретическими построениями, подходящими для описания семантических отношений между языковыми единицами (подобно представлению фонемы в виде пучка различительных признаков в фонологическом анализе).

В основе семного анализа лежит структурализм, основывающийся на понимании языка как знаковой системы с четко вычленяемыми структурными элементами. В семиотической перспективе семный анализ предлагает четкие

металингвистические механизмы, которыми описывается пошаговый переход от содержания абстрактного к конкретному. Он также является синтагматическим, позволяя переходить с уровня отдельной лексемы на уровень сверхтекстов; кроме того, он учитывает множество разных семиотик, отраженных в естественном языке.

При таком подходе семиотика рассматривается как сфера разработки процедур, создания моделирующих конструктов и систем репрезентации. Более того, в задачи семиотики входит эксплицирование посредством аксиоматики оснований для конкретного теоретического конструкта

Семный анализ придерживается строго дифференциальной модели значения. В его рамках полагается, что семы не минимальны, не малочисленны, не универсальны, не связаны напрямую с референцией и не составляют часть понятия.

В рамках наиболее общего метода семного анализа мы следуем положениям единой семантики Ф. Растье, которая обеспечивает следующее: семиотически объединенное рассмотрение лексического, синтаксического и текстуального уровней; уточнение отношений семантики и когнитивистики в целях определения специфики лингвистического значения в отношении ментального концепта; преодоление противоречий семантики и прагматики; учет при интерпретации всех системных уровней (функциональную систему языка и совокупность социальных и идиолектных норм).

Ф. Растье учитывает в семном анализе прагматические факторы: отношения между семемами, через которые определяются семы, детерминируются не только лингвистическим, но и ситуационным контекстом, а прагматическая информация может быть условием выделения сем. В семном анализе полагается, что мир не дан человеку непосредственно в восприятии, а интерпретируется им в зависимости от установок так, что один и тот же объект может получать различную интерпретацию в контексте одной или разных ситуаций.

Семантическую реконструкцию лондонского текста, т.е. составление потенциальной суммы признаков, ему присущих, представляется целесообразным проводить через исследование семантических классов, соотносящихся по одной или нескольким общим семам с семемой ‘London’ (она вербально репрезентируется лексемой-именем текста).

Предлагаемый механизм семного анализа позволяет при описании сверхтекстов эффективно переосмыслить весьма неоднозначное понятие коннотации. В нем полагается, что семы не зависят от понятия денотации: в денотативном отношении, которым семема связывается с означающим, сема указывает не на отношение между единицей выражения и единицей содержания, а на отношение между семемами, которое присуще, по определению, плану содержания.

Семантические классы, на основе которых описывается лондонский текст, могут строиться (i) на основе онтологических таксономий; (ii) на основе социолектных норм; (iii) на основе идиолектного постижения действительности. Мы начинаем с онтологических таксономий, но это всего лишь вопрос последовательности: при описании лондонского текста должны быть учтены все системы. Онтологические, «объективные» категории служат фоном, на котором выделяются специфические признаки категорий «субъективных».

Практически во всех текстах, где фигурирует наименование «Лондон»,оно прежде всего истолковывается (i) как урбанизированное пространство, город; (ii) как столица Великобритании. В прочих текстах семы /urban area/ и /capital city/ всегда присутствует в актуализованном или виртуализованном виде. Эти семы являются родовыми для таксем //urban area// и //capital city//, в состав которых входят семемы ‘town’, ‘borough’, ‘city’, ‘emporium’, ‘cosmopolis’, ‘metropolis’, ‘agglomeration’, ‘conglomeration’, ‘conurbation’, ‘sprawl’, ‘megalopolis’, ‘ecumenopolis’, ‘capital’. Данные семемы представляют собой гиперо-гипонимический ряд (ряды) и строятся на иерархии сем (в частности, по возрастанию степени урбанизации пространства).

Семы, выявляемые в ходе семного анализа, отождествляются с признаками лондонского текста (и признаками одноименного контекста на когнитивно-концептуальном уровне), а семемы – с текстовыми слоями.

Отбор интерпретирующих семем осуществляется на основе конкретных реализаций лондонского текста, то есть в плане выражения анализируются отношения исследуемой лексемы к другим лексемам, связанным с ней парадигматически или синтагматически.

При этом выявляются достаточно регулярные статические и динамические семантических отношения между семемами и их классами, которые значимы для корпуса текстов, служащих реализациями исследуемого сверхтекста. Кроме того, у членов последовательности связного текста устанавливаются ключевые семантические изотопии (т.е. синтагматические рекурренции одной и той же семы) или, другими словами, определяется наличие семантически близких элементов. На языковом уровне они позволяют осуществить единообразное прочтение лондонского текста, а на уровне когнитивно-концептуальном они как бы «скрепляют» одноименный концепт, несмотря на его изначально диффузный характер.

Интерпретирующий семный анализ позволяет «вскрыть» изотопический механизм действия метафоры, описывая его как рекурренцию сем (ингерентных или афферентных), принадлежащих семемам разных таксем, что объясняет связность метафоры, которая в противном случае будет представлять явление, нарушающее законы логики.

Семный анализ отказывается от ядерных и периферийных признаков, поскольку считается, что в зависимости от контекста любой семантический компонент и соответствующий ему концептуальный признак может выходить на передний план, актуализироваться, или нейтрализоваться.

Таким образом, имеем циклический характер описания лондонского текста: от ингерентных признаков репрезентирующих его семем к его контекстным реализациям, в которых, в свою очередь, актуализируются афферентные признаки семем, в результате чего сверхтекст «прирастает»

новыми признаками. Семемы предвосхищают контекст, а контекст актуализует их имплицитное содержание.

Данный подход постулирует необходимость привлечения затекстовых энциклопедических знаний для описания семем, что подтверждает включенность стоящих за ними концептов в парадигмы знания о мире и сообразуется с положениями когнитивной семантики, отличительной особенностью которой является выход за пределы собственно языковых явлений и обращение к знаниям неязыкового характера.

Объяснить отдельные компоненты лондонского текста имманентными языковыми законами невозможно, поскольку сверхтексты культуры как обеспечиваются, так и ограничиваются строением человеческой памяти, воображением, принятыми в обществе нормами и общими принципами постижения мира.

ГЛАВА 5
СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛОНДОНСКОГО ТЕКСТА

В главе будет дано семантическое описание лондонского текста на основе интерпретирующего семантического анализа синтагматических построений с участием лексических репрезентаций семем, входящих в таксемы //urban area// и //capital city//. Эти семемы следующие: ‘town’, ‘borough’, ‘city’, ‘emporium’, ‘cosmopolis’, ‘metropolis’, ‘agglomeration’, ‘conglomeration’, ‘conurbation’, ‘sprawl’, ‘megalopolis’, ‘ecumenopolis’ и ‘capital’. Такой анализ основан на положениях о том, что знание об элементе окружающего мира включает информацию о его его принадлежности к какому-либо таксономическому классу и что таксономическое значение задает пресуппозиции предикации. Тем не менее, в главе будет указано на то, что выделенные таксемы не полностью совпадают с «бытийными» таксономическими классами, поскольку они выделяются не экстенсионально, т.е. не на основе референции к объектам действительного мира, а интенсионально. Описание лондонского текста в главе будет иметь циклический характер с переходом от ингерентных признаков репрезентирующих его семем к его контекстным реализациям, в которых, в свою очередь, актуализуются афферентные признаки семем, в результате чего сверхтекст «прирастает» новыми признаками.

В главе будет также дано семантическое описание оппозиций «urban – rural» и «urban – suburban», структурирующих лондонский текст; будет выявлен ряд когнитивных метафор, за счет действия которых в состав лондонского текста привносятся дополнительные признаки, будут рассмотрены динамические структуры в составе лондонского текста, и выделено шесть составляющих в его составе.

5.1. Таксема //urban area//

Реконструкция сверхтекстов через анализ значения смыкается с таксономическим знанием, поскольку за неимением такового нельзя сказать, какая предикация истинна, а какая ложна, и, соотвественно, невозможно установить, является ли выражение реализацией сверхтекста. Чтобы верифицировать, например, суждение типа «London is illimitable», требуется сначала установить, существует ли объект «London», к какому системному классу он принадлежит и по каким свойствам определяются все входящие в данный класс объекты (так таксономическое значение задает пресуппозиции предикации), а затем только решать, насколько адекватным является выбор присоединенного предиката [Cf.: Бочкарев 2014: 216-217].

Практически во всех текстах, где фигурирует имя «London», оно прежде всего истолковывается (i) как единица физического пространства (ii) как урбанизированное пространство, город [Соснин 2007: 55]. Существуют, несомненно, метонимические и метафорические употребления. В этом случае указанные семы нейтрализуются и присутствуют виртуально, но в том, что Лондон – это, в первую очередь, город, ни у кого не возникает сомнения. В любом случае, основной предпосылкой понимания остается общая семантическая компетенция, а условием вывода смысла – контекст. Энциклопедические тексты немедленно относят Лондон к столице Великобритании – «the capital city of the United Kingdom» [London / NEB], а в прочих текстах сема /urban area/ всегда присутствует в актуализованном или виртуализованном виде[90].

Сема /urban area/ является родовой для одноименной таксемы, на основе которой будет осуществляться семантическая реконструкция лондонского текста. Другими словами, он реализуется в речевых синтагматических

[90] Т. е. мы начнем описание лондонского текста с выделения текстемы энциклопедической, а затем дополним ее признаками, отраженными в других системах знания: социально-нормированной и идиолектных. Согласно А.И. Фефилову, реконструкция энциклопедической текстемы содержит несколько этапов: идентификация субстанциальности определенной видовой когниции, концептуализация основного качественного признака вербализованного центрального понятия, описание микроструктуры заданного понятия, выделение квантитативных особенностей описываемого концептуального объекта, раскрытие когнитивных тем, связанных с локальными и акциональными отношениями, описание внешних связей концептуального объекта, выделение темпорально-квантитативных реляций [Фефилов 2011].

построениях с участием лексических репрезентаций семем этой таксемы (‘town’, ‘borough’, ‘city’, ‘emporium’ и т. д. – *vide infra*). В состав таксемы //urban area// входят следующие компоненты:

- макрородовая сема (относящаяся к семантическому измерению): /space/. Если проводить аналогии с терминологическим аппаратом когнитивной лингвистики, то макрородовой семой /space/ будет описываться одна из фундаментальных понятийных областей (*basic domains*) Р. Лангакера [Langacker 1987: 148-149];
- мезородовая сема (относящаяся к семантической области): /territorially localized settlement of people/;
- (микро)родовая сема (относящаяся к таксеме и служащая ее названием): /urban area/. В рамках когнитивных воззрений на язык родовой семой, оформленной рядом лексико-семантических групп, актуализируется фрейм, который репрезентирует комплексную ситуацию [Cf.: Бабушкин 2001(б): 55]. В этом смысле мы можем говорить о фрейме или фреймовой схеме высокого уровня обобщения «urban area», в соответствие которой в языке ставится городской текст, частностью которого будет текст лондонский.

По микрородовой семе осуществляется противопоставление таксемы //urban area// таксеме //rural area//, т. е. урбанизированное пространство противопоставляется пространству, которое можно описать как «suggesting the country[91], pastoral or agricultural» [Rural / OEDHP]. Отметим, что семема ‘urban’ состоит в импликативном динамическом отношении к ‘rural’: ‘urban’ это отношение более эксплицитно в семеме ‘urbanized’, которая, по сути, эквивалентна ‘urban’, но в которой на первый план выходит динамический смысловой компонент: «urbanize – destroy the rural quality of a district»

[91] В книге К. Хьюитт «Понять Британию» (*Understanding Britain*) концепт «country» четко отделяется от концепта «countryside» с наглядным выделением сопутствующих признаков: «We [Englishmen] live ‘in the country’ in contrast to living ‘in the town’. But if we walk across the fields, picnic beside streams, wander along little paths and scramble up our not-very-high mountains, then we are enjoying ‘the countryside’. The countryside is essentially pleasurable, unthreatening, domestic; it is the land on a human scale» [Hewitt 1997: 223].

[Urbanize / OEDHP]. Семы динамики, движения, развития репрезентируют на когнитивно-концептуальном уровне сценарии [Cf.: Бабушкин 2001(б): 55].

Семемы, входящие в таксему //urban area//, иерархически организованы по степени урбанизированности пространства и состоят в гиперо-гипонимических отношениях Однако отметим, что данная таксема не являет собой строгой таксономии; в терминологии Дж. Тэйлора это «badly behaved taxonomy» [Taylor 2002: 135], поскольку гиперо-гипонимический ряд образующих ее элементов нечеткий. Действительно, положение компонентов «cosmopolis» и «metropolis» в иерархии, например, весьма условно – *vide infra*.

На когнитивно-концептуальном уровне таксему //urban area// можно рассматривать как фрейм или как схему (*schema*), а входящие в нее семемы – как конкретные «наполнения» фрейма или реализации схемы (*instances*) [Cf.: Чейф 1983; Langacker 1987.].

Семантический состав таксемы //urban area// можно представить следующим образом:

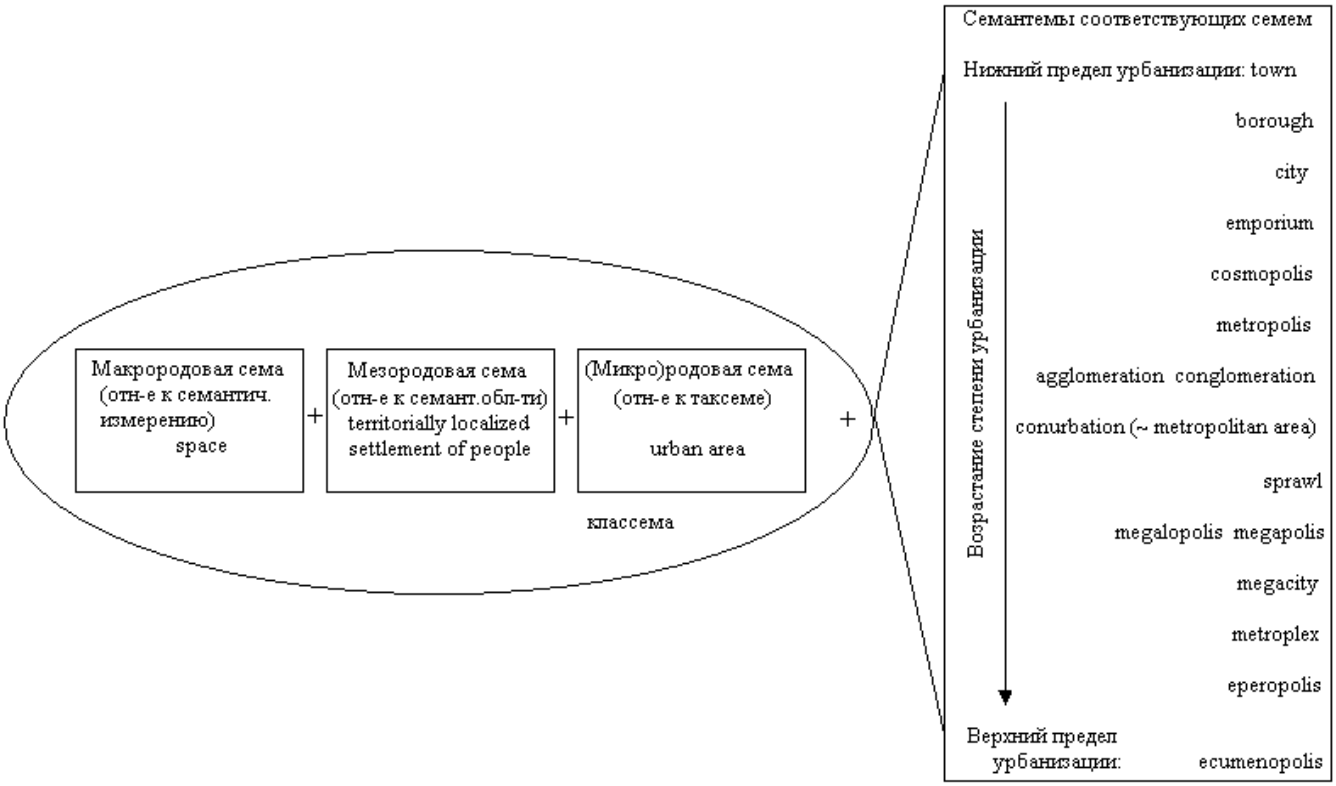

Рис. 6. Структура таксемы //urban area//

Семантема семемы ‘town’:

(i) /large (urban area)/;

(ii) /defined boundaries/;

(iii) /local government/.

Данные видовые семы являются ингерентными. Выделение ингерентных видовых сем осуществляется на основе анализа словарных дефиниций из Оксфордского словаря английского языка на исторических принципах [OEDHP].

Сема (ii) /defined boundaries/ развилась из устаревшего смысла[92] (но, очевидно, осознаваемого), который соответствует означающему «town»: «an enclosed place or piece of ground, an enclosure; a field, garden, yard, court». Кроме того, по метонимическому переносу, *town* – это «the house or group of houses or buildings upon this enclosed land» [Town / OEDHP]. Расподобление с современной семемой ‘town’ осуществляется по родовой семе: /enclosed place/ *vs*. /urban area/.

Заметим, что современное слово *town* происходит от староанглийского *tūn*, имеющего параллели во всех германских языках. Примечательно, что в староверхненемецком языке родственное слово *zûn* означало «fence, hedge», (такое же значение, как и у слова *zaun* в современном немецком языке). Когнаты из нижненемецкого (*tuun*) и современного голландского языков означают как «fence, hedge», так и «enclosed place, garden». Ср. кельтск. *dûn* в *dūnum* «fortified place, castle, camp» и русск. *тын*, которое является германским заимствованием. В кельтском языке *dûn* также означало «холм» (совр. *the Downs* – меловые возвышенности на юге Англии); очевидно, это значение было первичным по отношению к «fortified place, castle, camp», т. е. здесь мы имеем дело с метонимическим переносом (крепости строились на возвышенных местах). Действительно, исторически традиционная функция – защитная: города возникают и развиваются как социальная организация, обеспечивающая

[92] *Смыслы* различаются как минимум одной ингерентной семой. *Значения* различаются как минимум одной социально нормированной афферентной семой. Семемы соотносятся со смыслами: два употребления той же лексемы можно соотнести с двумя семемами, если они различаются как минимум одной ингерентной семой.

защиту населения от внешней агрессии. Так, существенным элементом средневековых городов являются крепостные стены, рвы, валы.

Афферентный признак для семемы ‘town’ – сема наличия или отсутствия церкви: «If a Towne be decayed so as no houses remayne, yet it is a Towne in Lawe <…> It cannot be a Towne in Law, vnlesse it hath a Church and celebration of Diuine Seruice» [Coke, E. *The First Part of the Institutes of the Lawes of England: or a Commentarie vpon Littleton*, 1628. Cit. ex: Town / OEDHP].

В некоторых случаях сема /urban area/, являющаяся ингерентной родовой для семемы ‘town’, может виртуализоваться: «The distinction between a small town which is not a municipal borough, and a village, is sometimes indefinite; there are also decayed towns, even municipal boroughs, which are surpassed in population by many villages» [Town / OEDHP]. С позиций урбанистической науки отметим, что город крупный и город малый – это полюса неоднородности жизни городского населения. Как правило, условия малого города менее благоприятны: зачастую различия между крупным и малым городом оказываются более существенными, чем между малым городом и селом. Подтверждением более благоприятных условий жизни в крупном городе считается высокий уровень миграции в него.

Другие семемы таксемы //urban area//, которые репрезентируют более урбанизированные типы поселений, описываются через семему ‘town’, вступая с ней в статические (иерархические, гиперо-гипонимические) отношения: «The word *town* <…> is indeed <…> now become a generical term, comprehending under it the several species of cities, boroughs, and common towns» [Blackstone, W. *Commentaries on the laws of England*, 1765. Cit. ex: Town / OEDHP]. Так, например, в теории Абрахама и Кифера всякая семантическая категория имеет несколько значений – от низшего к высшему [Abraham 1966]. Соотношение же «наличие-отсутствие видового признака» позволяет рассматривать остальные члены ряда как обнаруживающие специализацию по сравнению с общим, неспециализированным членом [Cf.: Медникова 1974: 50] или с элементом высшего порядка «superordinate unit» [Cruse 1986: 88].

Семантема семемы ‘borough’:

(i) /(town with) municipal corporation/;

(ii) /representation in parliament/;

(iii) /special priviliges/: особые привилегии даровались английским городам-*towns* специальными королевскими хартиями, поэтому «the sovereign is said *to create a borough*» [Borough / OEDHP].

Таким образом, «town» – это родовое понятие, а «borough» – видовое: «it appeareth <…> that a Towne is the genus, and a Borough is the species, for <…> euery Borough is a Towne, but euery Towne is not a Borough» [Coke, E. *The First Part of the Institutes of the Laws of England*, 1628. Cit. ex: Borough / OEDHP].

Изначально дифференциация ‘town’–‘borough’ также осуществлялась по семе /fortification/: «borough – a fortified town». Действительно, западногерм. *burg* > староангл. *burh* > совр. *borough* означает «a fortress or a walled town» [Burg / OEDHP]. Сейчас эта сема актуализуется только в исторических контекстах.

Семантема семемы ‘city’:

(i) /major town/;

(ii) /(major) self-government (rights)/.

Сема (i) в составе современного значения развилась из изначального понимания ‘city’ как «not a native description, but at first a somewhat grandiose title, used instead of the oE burh, borough» [City / OEDHP]. Так, лексема *cité* зафиксирована в письменных источниках в начале XIII века. Ею обозначаются иностранные и особенно древние города (что, очевидно, является результатом перевода с латинского или французского языков), а также такие важные английские города-*boroughs*, как Лондон или Линкольн. Таким образом, статус «borough» предшествует статусу «city»; последний являет собой следующий этап урбанизации территории. Виртуальные для традиционного современного употребления семы /grandiose title/, /ancient or foreign town/ могут, тем не менее, актуализовываться в метафорическом контексте (cf.: метафоры «Лондон-Иерусалим», «Лондон-Вавилон» и «Лондон-античный Рим» – *vide infra*).

Сема (ii) /(major) self-government (rights)/ развилась из исторического понимания ‘city’ как «the equivalent of Gr. *πόλις*, L. *civitas*, in the original sense of a self-governing city with its dependencies» [City / OEDHP]. Словом «civitas» римляне называли независимые государства или племена Галлии. Позднее им стали обозначаться главные города этих государств.

Афферентный признак для ‘city’ – сема /cathedral town/. При норманнских королях епископские престолы, которые до этого часто располагались в деревнях, стали переноситься в главный город-*borough* или -*city* епархии. С переездом епископов в города возникла аналогия «city» и «cathedral town», которая была официально закреплена, когда Генрих VIII стал даровать английским городам-*borough*, которые становились центрами новых епархий, статус «city». Однако историки отмечают, что обязательной связи «city – cathedral town» не существует, поскольку впоследствии статус «city» королевским указом мог присваиваться большим и важным городам-*boroughs*, в которых не было епископского престола. Первым таким городом стал Бирмингем. То есть, сема /cathedral town/ действительно является факультативной и афферентной для ‘city’.

Участок ‘town’ – ‘borough’ – ‘city’ можно рассматривать как основной участок гипо-гиперонимического ряда (по возрастанию количества признака /urban/) семем в таксеме //urban area//, а семему ‘town’ – как таксемообразующую, как гипероним. Ср. градацию в следующем примере: «And that in all other Cities, Borowes and Townes <…> the Maires, Bailiffes, or hede Officers, and Wardeyns to haue like Authoritie. And wher noo Wardeyns be, then the hede Officers or Governours of the same Cities, Borowes and Townes to appoynt certeyn persones <…> to make serche» [*Acts of Henry VIII*. Cit. ex: City / OEDHP].

5.2. Реализации лондонского текста в контекстах с участием лексических репрезентаций семем ‘town’, ‘borough’ и ‘city’

5.2.1. Лондон-как-*town*

Граница между употреблением «town» и «city» в отношении Лондона нечеткая. Хотя по семантическому набору Лондон – это скорее ‘city’, он часто вербализуется как town, что связано с тем, что, во-первых, ‘town’ – это гиперонимический элемент таксемы, а во-вторых, ингерентные для ‘city’ семы /major/, /grandiose/ содержится в других членах синтагмы, как в следующем примере из романа Ч. Диккенса «Домби и сын»: «… stragglers <...> came wandering into London, <…> gazing fearfully at the huge town before them» [Dickens 1848].

Семантически опишем три следующих контекста: (i) «London, towne of townes» [Dunbar 1501]; (ii) «empresse of townes» [Ibid.]; (iii) «the populous town» [Poe 1844].

В контексте (i) синтаксическое соположение элементов синтагмы (с языковой тавтологией через рекурренцию того же знака) актуализует в ‘town’ афферентный признак /лучший представитель класса/ → /major/[93].

Для контекста (ii) имеем: ‘empress’ ⊂ /grandiose title/[94] как ингерентный признак.

Для контекста (iii) имеем: ‘populous’ ⊂ /multitudinous/ → /large/, /major/.

Употребление лексемы «town» без артикля после предлогов и глаголов, например, «in / out of / to town», «to leave town» может относиться непосредственно к Лондону. Узус сложился к XVIII веку, когда значимость Лондона в Англии стала беспрецедентной. Зафиксированы и более ранние случаи такого использования слова town, однако исключительно лондонцами: «Alle Londoun <…> liketh wel my wafres <…> þere was a carful comune whan no carte come to toune With bake bred fro stretforth» [Langland, W. The Vision of

---

[93] «→» – символ афференции или заключения, позволяющего идентифицировать афферентную сему [Растье 2001: 361].

[94] «⊂» – символ включения семы в состав семемы.

William concerning Piers Plowman, 1377. Cit. ex: Town / OEDHP]; «The kyng sent for all his Lordes <…> then being in Towne [London]» [Rolls of Parliament, 1450. Cit. ex: Town / OEDHP]; «Strangers <…> as soone as they come to Towne [London], enquire for him first of all» [Junius, Fr., Jr. The Painting of the Ancients, 1638. Cit. ex: Town / OEDHP]; «When he is in Town, he lives in Soho-Square» [Addison 1711]; «At Richmond I set out by myself for town, as London is called *par excellence*» [Simond. A Tour of Great Britain, 1815. Cit. ex: Town / OEDHP].

В данном употреблении реализуется оппозиция «town-country». Лондон становится воплощением «города вообще» и в речи носителей языка противопоставляется остальному пространству, характеризующемуся меньшей степенью урбанизации.

Реализация семы /enclosure/:

Поскольку ‘town’ предстает как целостное замкнутое автономное образование, а идея замкнутости / изолированности / островного положения (*enclosure / insularity*) вообще близка англичанам, то любое урбанизированное пространство представляется удобным структурировать в этих терминах. Так, английский историк Э.Н. Уилсон указывает на парадоксальное сосуществование в Лондоне стремления к изоляции и любви ко всему современному и новому: «London’s insularity, its paranoia, its unwillingness to absorb foreign or alien elements goes hand in hand with its sense of itself as modern and new. There is much in modern London which reflects this duality, this schizoid self-perception – both in relation to immigrants and to the question of whether Britain should be ‘part of Europe’» [Wilson 2004: 35].

В среднеанглийский период развилось использование лексемы «town» в функции приложения к определяемому имени города. В современном языке такое употребление сохранилось только в поэтическом или специально стилизованном дискурсе: «They rode poste <…> to fair London toune» [*Reliques of Ancient English Poetry*, 1700. Cit. ex: Town / OEDHP]; «A trainband captain eke was he / Of famous London town» [Cowper 1782]; «… till they came to London town» [Shelley 1819(b)]; «A huge, dun cupola, like a foolscap crown / On a fool’s

head – and there is London Town» [Byron 1824]; «The square in which the counting-house of the brothers Cheeryble was situated <…> was <…> a sufficiently desirable nook in the heart of a busy town like London…» [Dickens 1838-1839]; «I am sick of London town / From Shepherd's Bush to Bow» [Kipling 1889: 468]; «Yes, I have sighed for London town / And I have got it now: / And half of it is fog and filth, / And half is fog and row» [Ibid.]; «… it is for you to look after your old father while we are in London town»; «Saladin Chamcha and Hyacinth Phillips ran side by side <…> taking the low roads to London town» [Rushdie 1988]. Архаичное употребление «London town» в последнем контексте из современного романа С. Рушди «Сатанинские стихи» (*The Satanic Verses*, 1988) объясняется тем, что в данной ситуации воспроизводится интертекстуальная рамка традиционных английских баллад – приезд в «славный город Лондон» (*fair London town*).

Вследствие метонимического переноса по родовой семе (/urban area/ → /the inhabiting community/) лексема «town» (впрочем, как и лексемы «borough» и «city») может соотноситься с семемой, обозначающей проживающих на территории города людей (cf.: «the human texture of streets» [Peltz 1999: 20]). В целом, по этому переносу можно переписать всю таксему //urban space//, классема которой в этом случае будет выглядеть следующим образом: /people/ + /group/ + /inhabiting urban area/. Как писал У. Шекспир в «Трагедии о Кориолане», «What is the Citie, but the People? True, the People are the Citie» [Shakespeare 1607].

Жители города, с одной стороны, создают его настроение и культуру (статус агенса), а с другой – являются его «заложниками», подчиняясь его культуре, традициям, истории (статус пациенса). Ядром социокультурной интеграции населения города является его отношение к городу. Это отношение включает в себя, по крайней мере, два аспекта: прагматический и аксиологический [Cf.: Соснин 2007: 65]. Прагматический аспект – отношение к городу с позиции реализации потребностей: его полезности для населения, возможности иметь хорошую работу, достойные условия жизни, занимать определенное положение в обществе. Прагматический аспект отношения

жителей к городу наиболее адекватно отражается в том, насколько они удовлетворены различными сторонами жизни в нем. Аксиологический аспект – отношение к городу как к ценности, с позиции определенного образа жизни, роли города во внешнем мире, состояния среды города. Ценностный аспект восприятия города затрагивает отношение к нему как к «субъекту», когда город может восприниматься как «друг» или «враг», с позиции его нужды, бед или достижений. Как субъект он может нуждаться в помощи или личной причастности.

Афферентное значение семемы ‘town’ в смысле проживающих на территории города людей может быть следующим: «the fashionable society of London (or any other leading city thought of)» [Town / OEDHP]. Cf.: «I find all the towne almost going out of towne» [Pepys 1665].

Семема ‘town’,таким образом, ассоциируется с высшим обществом и служит эквивалентом всего модного, культурного и передового (*vide et.*: «urban – urbane», «on the town»).

5.2.2. Лондон-как-*borough*

Подобно лексеме «town», лексема «borough» может использоваться в качестве приложения к имени «London». Данное словоупотребление архаично и развилось из таких обозначений Лондона, как «Lundenburh» в староанглийский период или «Lundunaborg» в исландских сагах, в которых актуализуется сема /fortified place/.

В отношении Большого Лондона (городская агломерация Лондона и его (бывших) пригородов) *borough* означает «an administrative district of Greater London in which services, etc., are provided by a local authority» [Borough / OEDHP]. Это связано с тем, что в прошлом многие районы современного Лондона (например, Ричмонд) были отдельными поселениями, впоследствии вошедшими в состав разрастающейся столицы. При таком контекстном употреблении в семеме ‘borough’ виртуализуются ингерентные видовые семы и приобретается афферентная видовая сема /district of Greater London/: «The whole of the administrative county of London, exclusive of the City of London, shall be

divided into metropolitan boroughs» [*Parliamentary Acts*, 1899. Cit. ex: Borough / OEDHP]; «Dr. Douglas Chambers, the coroner, asked whether it might not be desirable for checks to be made in other London boroughs» [*The Times*, 2 May 1976. Cit. ex: Borough / OEDHP]; «The Greater London Council and the six metropolitan county councils are to be abolished and most of their functions made the responsibility of the existing borough and district councils» [*Whitaker's Almanack*, 1986, No. 1. Cit. ex: Borough / OEDHP].

5.2.3. Лондон-как-*city*

Реализация семы /(major) self-government (rights)/

К XII веку в Лондоне сложилась сложная последовательность взаимосвязанных структур самоуправления. С этого периода начинается его широкое обозначение как «city». Пользуясь значительными правами самоуправления, город приобрел такую важность во внутренней политике страны, что исход борьбы нескольких претендентов на английский престол несколько раз оказывался зависящим от симпатий лондонцев.

Даже в XIV веке Лондон еще иногда именовался республикой ('*respublica*' ⊂ ингерентную сему /self-government/), а в XV веке мэр и совет олдерменов, который состоял при нем, получили официальный высокий статус. В Гильдхолле появились общественные архивы, куда на хранение стали поступать документы и хартии профессиональных гильдий. В этот же период был издан ряд королевских указов относительно административного статуса Лондона. Этому обязаны своим появлением такие позднейшие организации как Столичное управление городского хозяйства (*Metropolitan Board of Works*) и Совет Лондонского графства (*London County Council*) в XIX веке (1855 и 1889 гг. сответственно), а также Совет Большого Лондона (*Greater London Council*) и Управление Большого Лондона (*Greater London Authority*) в XX веке (1986 г.). Муниципальная система управления мегаполисами типа Лондона была вызвана к жизни невозможностью контролировать все обилие и разнообразие жизнедеятельности крупных городских образований, жизнь которых на многих уровнях автономна, тем более что к XIX в. четко определить, где Лондон

заканчивается, стало невозможно: «London had become an amorphous mass, <…> and, save for a self-interested body of ‘City’ men, evoked no civic pride» [Port 1999: 103].

Реализация семы /cathedral town/

Епископский престол находится в соборе Св. Павла (*the Cathedral Church of Saint Paul*), который был заложен в 604 г. и перестроен после Великого лондонского пожара 1666 г. по проекту К. Рена. Лондонская епархия англиканской церкви (*Church of England diocese of London*) является частью кентерберийской архиепископской епархии (*Ecclesiastical Province of Canterbury*) [St Paul’s Cathedral / LE].

Собор Св. Павла является своего рода гравитационным центром английской столицы и одной из первых ассоциаций, связанных с именем «London»: по замечанию английского писателя Томаса де Квинси в эссе «лондонская нация» (*The Nation of London*), увидеть собор – значит увидеть лондон: «The having seen London meant having seen St. Paul’s» [Quincey de, 1853]. Действительно, старая центральная часть города: цитадель, кремль или храм – становится символом целостности города и в этом своем качестве оказывает специфическое воздействие (вызывая ощущение причастности) на всякого человека, живущего в этом месте или входящего в него. Ср. следующий контекст из романа В. Вулф «Волны» (*The Waves*): «St Paul’s, the brooding hen with spread wings from whose shelter run omnibuses and streams of men and women at the rush hour» [Woolf 1931].

Примечательно, что во время бомбежек Второй мировой войны собор Св. Павла, несмотря на его внушительные размеры и высоту, практически не пострадал, символизируя тем самым несломленный дух английской нации.

Реализация семы /grandiose town/

Ингерентная для ‘city’ сема /grandiose town/ в составе значения Лондон-как-‘city’ лондонского текста реализуется в следующих контекстах: «Soveraign of cities, <…> London, thou art the flour of Cities all» [Dunbar 1501]; «…this vast City, the most happy upon Earth» [Evelyn 1661]; «the goodly London <…> great

<…> and <…> august» [Dryden 1667]; «this great city» [Dickens 1838-1839]; «... a glare of light in the distance, casting a warm glow upon the sky, marked where the huge city lay» [Ibid.]; «… her enormous magnitude» [Macaulay 1840]; «the wonderful city <…>, ancient and gigantic» [Ibid.]; «Monster City» [Tristan 1842]; «the mighty London» [Poe 1844]; «That is most striking in London is its vastness. It is the illimitable feeling that gives it a special character. <...> London overpowers us with its vastness» [Disraeli 1847]; «I admired the long successions and varieties of streets, the quantity of people already going to and fro, the number of vehicles passing and repassing» [Dickens 1852]; «… the stragglers who came wandering into London <…> [were] swallowed up in <…> its immensity» [Dickens 1848]; «We could not traverse the whole circumference of this mighty orb[95]»; «[London's] vastness and illimitable proportions» [Quincey de 1853]; «the immensity of London» [Dickens 1859(b)]; «her countless towers and spires» [Manby Smith 1857]; «the hugeness and the wealth of London» [Taine 1872]; «this great city» [Ewing Ritchie 1880]; «It [London] is not a pleasant place; it is not agreeable, or cheerful, or easy, or exempt from reproach. It is only magnificent. <...> this senseless bigness is fatal to amenity, to convenience, to conversation, to good manners» [James 1881-1882: 27]; «Boundless London» [Kipling 1884]; «the thick, dim distances» [James 1888: 10]; «the immensity of London» [Krout 1899]; «London <…> beats any other place on the planet» [Livingstone 2005].

В книге «Лондон: биография» П. Акройд замечает, что огромность Лондона забирала у рабочего человека остатки последних сил: так долог был его путь с работы. В этой связи писатель сравнивает британскую столицу с суккубом или демоном в женском обличье, которой заряжается силой жертвы: «... it [London] had grown too large to be manageable. The Londoner returned home exhausted, spiritless, dead to the world. So London wears out its citizens; it drains them of their energies, like a succubus» [Ackroyd 2000: 588].

---

[95] В таком словоупотреблении реализуется метафора «urbs-как-orbis». Подробнее о городе как модели мира см. Раздел 6.5.3. «Метафоры «Лондон-душа» и «Лондон-мир».

Согласно Оксфордскому словарю на исторических принципах, лексема «city» изначально использовалось для обозначения мест, упоминающихся в Библии, а также выдающихся мест древности или локаций за пределами Англии, таких как столицы государств и т.п. [City / OEDHP]. В этой связи рассмотрим случаи сравнения Лондона с великими городами, отметив, что лондонская топография – это палимпсест[96], на котором можно обнаружить признаки всех самых величественных городов мира. Изотопия, обеспечивающая связность таких метафор обеспечивается за счет (i) рекурренции ингерентного признака /major (city)/ в ‘London’ и ‘городе, с которым он сравнивается’; (ii) рекурренции актуализованного в контексте афферентного признака для ‘London’, являющегося афферентным или ингерентным для ‘города, с которым он сравнивается’; (iii) нейтрализации несовместимых признаков в определяющей семеме. Заметим вслед за А.Е. Бочкаревым, что обязательным условием любой метафоры будет категориальный сдвиг, т.е. метафорическое отношение существует исключительно между семемами, принадлежащими разным семантическим классам. Эти семемы будут, соответственно, содержать несовместимые родовые и общие видовые признаки; понимание же метафорического выражения будет предполагать нейтрализацию несовместимых и актуализацию общих (ингерентных или афферентных) признаков [Бочкарев 2003: 91-92].

5.2.4. Лондон-как-Иерусалим; метафора пустыни

Лондон сравнивали с Иерусалимом на основе постигавших столицу страшных бедствий: эпидемий, мора, пожаров, беспорядков, восстаний – а также невыносимых условий жизни подавляющего большинства (афферентные социально нормированные признаки для семемы ‘London’). В книге «London: the Biography» П. Акройд воспроизводит эсхатологическую составляющую лондонского текста: «London is a city perpetually doomed. It has always been considered the Jerusalem about which the prophets were so clamant» [Ackroyd 2000: 201]. Библейские пророки обличают в Иерусалиме прелюбодейство, мерзости и

[96] Подробнее о метафоре «город-как-палимпсест» см. Раздел 6.5.2. «Метафора текста».

неистовые похотения: «adulteries», «abominations» и «lewdness of whoredom» [Jeremiah 13: 27], предрекая городу скорую погибель: «I will make jerusalem heaps and a den of dragons» [Jeremiah 9: 11]; «… her land may be desolate from all that is therein, because of the violence of all them that dwell therein» [Ezek. 12: 19]; «Jerusalem hath grievously sinned; therefore she is removed <…> she came down wonderfully: she had no comforter [Lamentations of Jeremiah 1: 8-9]. Таким образом, для семемы ‘Jerusalem’ имеем афференцию или наведение таких же признаков, как и для семемы ‘London’, что имеет место в библейских текстах, являющихся культурным кодом.

Апокалиптические сценарии, подобные библейским, встречаются в литературных произведениях, воспроизводящих этот культурный код. В 1885 г. английский писатель Ричард Джефферис написал роман «After London or Wild England», в котором на месте некогда величественного Лондона («the mighty city of London») простирается зловонное ядовитое болото: «The deserted and utterly extinct city of London was under his feet» [Jefferies 1885].

Как отмечает В.В. Струков, в традиционной западной культуре образ болота или водной низины (*wetland*) связан с болезнями и смертью, с пугающим и непостижимым, с пограничным состоянием между землей и водой, с чем-то смутным и неопределенным [Струков 2000: 108]. С понятием «wetland» близко соотносятся понятия «dead land», «wasteland» и «wilderness». Они символизируют распад, неопределенность, стагнацию или хаос. Так, в романе «Процесс Элизабет Кри» (*The Trial of Elizabeth Cree*) П. Акройд обращается к образам темного Лондона и болота: «dark London», «bog», «mire», «morass», «slough», «swamp» [Ackroyd 1995]. Эти образы эксплуатируются английскими писателями достаточно давно, и они воплощают нелицеприятную сторону английской натуры (ср. Трясина Уныния (*Slough of Despond*) как метафора упадка духа в романе Дж. Беньяна «Путь паломника» *(The Pilgrim's Progress from This World to That Which Is to Come*, 1678). С болотом британская столица также ассоциируется в романе П. Акройда «Дом доктора Ди» (*The House of Doctor Dee*, 1993). Как известно, рабочая и портовая часть Лондона

Ист-Энд расположена на месте бывшей низины в долине Темзы, т. е. осушение болотистой местности дало городу возможность вырасти, поднявшись над низиной в домах. По В.В. Струкову, именно так осуществляется колонизация пространства: если сравнивать землю со страницей, а постройки с текстом на ней, то покрывающая землю вода препятствует чтению, т.е. освоению нового пространства [Струков 2000: 108].

Смысловой компонент упадка и разрушения реализуется в поэме Т.С. Элиота «Бесплодная земля» (*The Waste Land*), где находим следующий контекст: «Falling towers / Jerusalem Athens Alexandria / Vienna London / Unreal» [Eliot 1922]. В нем семемы ‘Jerusalem’, ‘Athens’, ‘Alexandria’, ‘Vienna’ и ‘London’ находятся в отношениях уравнительного паратаксиса и образуют контекстуальный класс по приобретаемому признаку /распад/ (с ‘Jerusalem’ во главе ряда).

Так же, как и на греховный Иерусалим, на Лондон не прольется света – это замечает Н. Готорн в своих путевых заметках «Passages from the English Note-Books»: «…this fog seems an atmosphere proper to huge, grimy London; as proper to London as that light neither of the sun nor moon is to the New Jerusalem» [Hawthorne, 1855-1857]. В стихотворении «Город Лондон» (*London Town*) Р. Киплинг пишет, что в британской столице нет Бога: «There’s no God in London, / Weary, wicked London» [Kipling 1884].

Использование словосочетания «waste place» или слов «waste», «wilderness» и «desolation» в метафорическом значении отделенности от мира, затерянности, лишений, упадка, разрушения, испытаний или утраты связи с Богом восходит к традиции библейского и церковного дискурса: «… the multitude of the city shall be left; the forts and towers shall be for dens for ever» [Is. 32: 14-15]; «And they that shall be of thee shall build the old waste places» [Is. 58: 12]. Согласно Оксфордскому словарю на исторических принципах, слово «wilderness» может также означать земной мир или земную жизнь в противопоставлении с небесными или в риторическом дискурсе относиться к топосу (городу или зданию), где человек чувствует себя одиноким, покинутым,

оставленным всеми: *desolate*, *lonely*, *lost* [Wilderness / OEDHP] – как, например, мисс Ла-Криви, персонаж из романа Ч. Диккенса «Жизнь и приключения Николаса Никльби»: «One of the many to whom, from straitened circumstances, a consequent inability to form the associations they would wish, and a disinclination to mix with the society they could obtain, London is as complete a solitude as the wilderness of the plains of Syria» [Dickens 1838-1839]. Описанные социально-нормированные признаки семемы ‘wilderness’ могут переноситься на семему ‘London’, становлясь для нее афферентными, что служит основанием метафоры «Лондон-как-пустыня»: «… a wilderness of steeples peeping <…> – and there is London Town» [Byron 1824]; «Show me, in this wide waste of London, any honest means by which I could even defray the weekly hire of this poor room» [Dickens 1838-1839]; «this mighty wilderness» [Quincey de 1853]; «… thou dear old wilderness of brick» [Manby Smith 1857]; «that builded desolation» [Thomson 1874]; «… a town <…> set in the midst of a white wilderness surrounded by waste places» [Machen 1907]; «the mean wilderness of London»; «… the smoke-dim slums of South London sprawling on and on, a huge graceless wilderness where you could lose yourself for ever» [Orwell 1936]; «vast new wildernesses of glass and brick» [Orwell 1941]; «But this Capital City of the World of Affliction is still the Capitol of Darknesse <...>: still in the Centre are no proper Streets nor Houses but a Wilderness of dirty rotten Sheds, allways tumbling or takeing Fire, with winding crooked passages, lakes of Mire and rills of stinking Mud [Ackroyd 1985].

Возвращаясь к метафоре «London-Jerusalem», отметим, что она строится на оппозиции ингерентных видовых признаков: ‘London’ ⊂ /extant/ *vs*. ‘Jerusalem’ ⊂ /biblical/ → /non-extant/. Признак /non-extant/ (т. е. не существующий в совокупности признаков, характеризующих его в библейском дискурсе) нейтрализуется при употреблении лексемы «Jerusalem» в значении «London».При этом из диффузного набора потенциальных признаков ‘Jerusalem’ выбираются характеризующие Лондон признаки с отрицательными оценочными коннотациями: /возмездие/, /бедствия/, /разрушение/,

/истребление/. Метафорическая оценка, таким образом, оказывается пейоративной.

Вместе с тем, в англоязычном культурном пространстве существуют утопические представления о Лондоне как о Новом (Юном, Небесном) Иерусалиме – граде мира, где народ Божий будет вечно обитать с Богом [Isaiah 2: 2-4; Micah 4: 2; Rev. 21: 2-4], где нет места нечестиям [Rev. 21: 8] и который станет вечным домом для искупленного человечества [Rev. 21: 3][97].

На протяжении лондонской истории было несколько попыток перестроить Лондон, сделав его подобием Нового Иерусалима. Так, церковь Темпла, построенная тамплиерами в 1185 г., спроектирована по образцу храма Гроба Господня и располагается точно на таком же расстоянии от собора Святого Павла, что и Гроб Господень от мечети «Купол скалы», которую рыцари принимали за Храм Соломона [Temple Curch / LE: 910-911].

Спустя 500 лет, после Великого лондонского пожара 1666 г., сэр Кристофер Рен разрабатывал планы перестройки британской столицы в идеальный город, схожий с Новым Иерусалимом, достаточно подробное описание которого дается в Откровении Иоанна Богослова [Rev. 21: 19, 20]. Неслучайно на протяжении своей истории Лондон нередко утопически концептуализуется как «the city of Revelation» [Cf.: Street 2005].

В стихотворении «Иерусалим», написанным в начале XIX в. и ставшим практически вторым гимном Великобритании, английский поэт Уильям Блейк сетует на то, что Лондон далек от Небесного Иерусалима и призывает возвести его, т.е. построить жизнь на праведных началах: «I will not cease from mental fight, / Nor shall my sword sleep in my hand, / Till we have built Jerusalem / In England's green and pleasant land» [Blake 1907: xix].

Метафора «Лондон-Новый Иерусалим» нашла свой путь и в XXI век. Так, в 2006 г. в журнале «Экономист» появилась статья под названием «A New Jerusalem: Christianity is Collapsing Everywhere except London», в которой

[97] Cf. e.g.: «And I John saw the holy city, new Jerusalem, coming down from God out of heaven, prepared as a bride adorned for her husband» [Rev. 21:2].

говорится о том, что в Лондоне неожиданно много верующих и посещающих церковь людей: «London, the modern-day Gomorrah (sic! – *А.С.*), is now more devout than almost everywhere else» [Parker 2006].

5.2.5. Лондон-как-Вавилон; метафора ада; лондонская толпа

Во время страшных бомбежек Второй мировой войны, когда казалось, что гибель Лондона неминуема, его сравнивали с Иерусалимом, Помпеями[98], Вавилоном. Последний, согласно библейским пророчествам, должен погибнуть: «The land shall tremble and sorrow: for every purpose of the Lord shall be performed against Babylon, to make the land of Babylon a desolation without an inhabitant» [Jer. 51: 29].

Лондон часто концептуализировался как ад на земле (социально нормированный или идиолектный афферентный признак) и в этом смысле тоже сравнивался с Вавилоном, поскольку в Новом Завете Вавилон в иносказательном смысле означает царство Антихриста (афферентныйдля семемы ‘Babylon’признак по библейскому культурному коду): «… and I saw a woman sit upon a scarlet coloured beast, full of names of blasphemy <…> And upon her forehead was a name written, MYSTERY, BABYLON THE GREAT, THE MOTHER OF HARLOTS AND ABOMINATIONS OF THE EARTH. <…> And the woman <…> is that great city, which reigneth over the kings of the earth. <…> Babylon the great <…> is become the habitation of devils, and the hold of every foul spirit <…>. Alas, alas that great city Babylon, that mighty city! for in one hour is thy judgement come» [Rev. 17: 3, 5]. В соответствии с данной метафорой лондонский текст реализуется в построениях с участием лексем «hell», «Hades» и «Pandemonium»: (i) «Hell is a city much like London / A populous and a smoky city; / There are all sorts of people undone, / And there is little or no fun done; / Small justice shown, and still less pity» [Shelley 1819(a)]; (ii) «… the corrupt influences of such an earthly pandemonium as Spitalfields[99]» [Bartlett 1852]; (iii) «… the fog <…> – the spiritualized medium of departed mud, through which the

[98] Ингерентная для семемы ‘Pompei’ сема /destroyed/ воспроизводится в конкретной прагматической ситуации как афферентная для семемы ‘London’.
[99] Один из беднейших районов Лондона в XIX в.

dead citizens of London probably tread in the Hades» [Hawthorne 1855-1857]; (iv) «A [London] night seems termless hell» [Thomson 1874]; (v) «It [London] was like <…> Pandemonium, and I thought I saw thousands of winged devils rushing to and fro the mad host. I grew sick as I looked upon it» [Brooke 2015 (1904)].

В контекстах (i) – (v) выступающие в качестве ограничителей[100] компаративные связки («like», «such as»), модальные слова («probably») и предикаты («seems»)отчасти сокращают эффект семантической «аномалии» (с точки зрения истинности и референции к объектам реального мира), устраняя родовую аллотопию[101] между семемами ‘London’ и ‘hell’ (‘Hades’, ‘Pandemonium’). Данные сравнения являются метафорическими, поскольку определяемое и определяющее принадлежат разным таксономиям по родовым признакам /конкретный/ *vs*. /абстрактный/*, /относящийся к земной жизни/ *vs*. /не относящийся к земной жизни/**. Признаки (*) и (**) в данных употреблениях нейтрализуются. Метафорическая оценка, несомненно, является пейоративной. В контексте (i) входящие в метафорическое отношение семемы меняются местами (т. е. меняется вектор): *London-hell* vs. *hell-London*: не лондон сравнивается с адом, а ад с Лондоном, т. е. получается, что Лондон как определяющий термин относится к менее (sic!) ценностной сфере [Соснин 2007: 72].

В стихотворении «Иерусалим» (1804) У. Блейк писал о «dark *Satanic* Mills» [Blake 1907: xix] (курсив мой – *А.С.*), подразумевая лондонскую (военную) промышленность и мечтая об обществе, построенном на иных началах, нежели торговля, войны и империализм [Erdman 1954].

В 22 главе романа Ч. Диккенса «Холодный дом» (*Bleak House*) один из героев мистер Снегсби идет по грязной и зловонной улице, и ему кажется, что с каждым шагом он все глубже погружается в преисподнюю: «Mr. Snagsby passes

---

[100] Как указывает А.Е. Бочкарев, ограничители – это естественно-языковые средства, вносящие коррективы в истинностное значение выражений, вызывающих затруднения при интерпретации [Бочкарев 2003: 103]. Согласно Н.Д. Арутюновой, ограничитель являет собой «семантический оператор половинчатости», с помощью которого выражается либо «полуправда», либо «полуложь» [Арутюнова 1998: 830].

[101] По Ф. Растье, аллотопия – это отношение исключающей дизъюнкции между двумя семемами, содержащими несовместимые семы [Растье 2001: 361]. А.Е. Бочкарев указывает на то, что аллотопия противоположна изотопии и что она фактически означает нарушение семантических ограничений на сочетаемость слов [Бочкарев 2003: 15].

along the middle of a villainous street, undrained, unventilated, deep in black mud and corrupt water <...> and reeking with such smells and sights that he, who has lived in London all his life, can scarce believe his senses. <...> Mr. Snagsby sickens in body and mind and feels as if he were going every moment deeper down into the infernal gulf» [Dickens 1852][102].

В романе современной английской писательницы Зейди Смит «Белые зубы» (*White Teeth*) находим восприятие Лондона глазами иммигранта из Бангладеш, который объявляет британскую столицу адом нетерпимости: «These days, it feels to me like you make a devil's pact when you walk into this country. <...> Who would want to stay? Cold, wet, miserable; terrible food, dreadful newspapers – who would want to stay? In a place where you are never welcomed, only tolerated. Just tolerated. Like you are an animal finally house-trained. Who would want to stay? But you have made a devil's pact ... it drags you in and suddenly you are unsuitable to return, your children are unrecognizable, you belong nowhere» [Smith 2000: 407].

Сравнения Лондона с Вавилоном также апеллируют к многоликости и мультикультурному характеру Лондона, равно как и к его перенаселенности, толпе, современному вавилонскому столпотворению. Появился даже окказионализм «Babylondon». Данный компонент лондонского текста весьма часто реализуется в литературных произведениях на протяжении новоанглийского периода: «London, opulent, enlarged, and still / Increasing London. Babylon of old / Not more the glory of the earth, than she / A more accomplished world's chief glory now»; «to see the stir / Of the great Babel <…> To hear the roar she sends through all her gates» [Cowper 1782]; «grandeur and Babylonian confusion» [Quincey de 1853]; «this mercantile Babylon» [Manby Smith 1857]; «Drink, old Babylon! Drink, and forget thy filthiness» [Ibid.]; «the many-sounding Babel-tumult» [The Correspondence of T. Carlyle and R.W. Emerson, Feb. 8, 1859]; «It was a town as great as Babylon, terrible as Rome,

[102] Один из мотивов «Холодного дома» Диккенса – блуждание по грязному и покрытому пеленой тумана Лондону. И даже если тайны персонажей романа открываются, а судебные тяжбы заканчиваются, то вечные лондонские проблемы грязи, запустения и болезней так и остаются нерешенными [Cf.: Sanders 2004: 414].

marvellous as Lost Atlantis» [Machen 1907]; «byways of the modern Babylon» [Greenwood 1867]; «the wonderful and wonder-working Babylon» [Ackroyd 2000: 436].

Говоря о вавилонском столпотворении в британской столице, П. Акройд замечает в книге «Лондон: биография», что толпа – это «фактическое состояние Лондона как такового» [Акройд 2005: 271]. Толпы стали неотъемлемым признаком лондонской жизни начиная с XVI-XVII вв., когда город необычайно разросся и стал страдать от перенаселенности. Описываемый компонент лондонского текста реализуется в следующих контекстах: «The city swarms intense» [Thomson 1793: 199]; «… a too busy world! Before me flow, / Thou endless stream of men and moving things!» [Wordsworth 1805]; «… dense and continuous tides of population rushing past» [Poe 1844]; «... millions toiling in London, / Crowded London» [Kipling 1884]; «… like a flood flowed the faces, and faster and faster / Went the drift of the feet of the hurrying throng» [Morris 1887]; «the surging London throng» [Maugham 1915]; «dark London crowds bent upon pleasure» [Ibid.].

С мотивом толпы в составе лондонского текста связаны признаки отчужденности, шума и суеты: «tumultuous sea of human heads» [Poe 1844]; «the whirl and the uproar, the tumult and the agitation» [Quincey de 1853]; «... the tumult and traffic of London, / Pitiless London!» [Kipling 1884]; «all nought but confusion»; «a crowd that swept o'er us in measureless streams» [Morris 1887]; «the social stream is monumental» [James 1888: 31]; «A crowd flowed over London Bridge, so many» [Eliot 1922]; «[Fleet Street at rush hour:] People passed. Multitudinous, carrying attaché-cases, dodging with incredible celerity in and out, they went past like a river in spate. They went past roaring like a train in a tunnel» [Woolf 1931]; «… people pouring profusely out of the Tube when the day's work is done, unanimous, indiscriminate, uncounted» [Ibid.]. Описанию кажущегося бессмысленным движения людской массы в Лондоне посвящен рассказ Э. По «Человек толпы» (*The Man of the Crowd*, 1844), где главный герой долго и безуспешно следует за злым гением толпы – стариком, всегда присутствующим

в ней и идущим в никуда. В романе в стихах «Аврора Ли» английской поэтессы Э. Барретт-Браунинг повествовательница называет британскую столицу сборищем человеческих душ и говорит о скученности лондонской жизни: «I go hence / To London, to the gathering-place of souls»; «this close London life!» [Barret Browning 1856].

Лондонская толпа представляла собой новую форму человеческой общности, новую силу. В XVIII в. даже появилось слово «mobocracy» – власть толпы, оравы, которая не признает никаких законов. Толпа легко поднимается на бунт, на беспорядки: неслучайно ее описывали как мощный поток людей – «a surging mass of people» [Ackroyd 2000: 389]. Во второй половине XX века это проявилось в расовых волнениях и стихийных протестах безработной молодежи. Чтобы понять поведение современной лондонской толпы, необходимо учитывать фактор депрессии и скуки. По замечанию английского историка Э.Н. Уилсона, спонтанные массовые беспорядки в современном Лондоне отражают чувство безысходности в среде молодых людей, которые проживают в бедных кварталах с высоким уровнем безработицы [Wilson 2004: 130].

В заключение, возвращаясь к метафоре «London-Babylon», отметим, что она строится на оппозиции ингерентных видовых признаков: /extant/ *vs*. /non-extant/. Признак /non-extant/ нейтрализуется при употреблении «Babylon» в значении «London». При этом из диффузного набора потенциальных признаков семемы ‘Babylon’ выбираются характеризующие Лондон признаки как с отрицательными оценочными коннотациями: /греховность/, /возмездие/, /разрушение/, /столпотворение/ (пейоративный эффект метафорического употребления), так и с положительными оценочными коннотациями: /величие/, /слава/ (мелиоративный эффект метафорического употребления).

5.2.6. Лондон-как-античный Рим

Сравнения с античным Римом стали особенно популярными в эпоху расцвета Британской империи, когда в Лондоне воплотилось и достигло высшего предела державное начало, которое было присуще столицам великих

империй прошлого. Метафора «Лондон – новый Рим» была хвалебной и отчасти идеологической. После распада Британской империи описываемый компонент лондонского текста реализовываться перестал. Ср. начало статьи «London» в Новой британской энциклопедии: «The capital city of the United Kingdom and *once* the industrial, commercial, and political centre of a vast empire» [London / NEB] (курсив мой – *А.С.*). Действительно, изотопные последовательности одной эпохи могут становиться аллотопными в последующий период, и наоборот [Соснин 2007: 74].

Приведем ряд контекстов из литературных произведений, относящихся к новоанглийскому периоду, в которых реализуется компонент «Лондон – античный Рим»: «As Rome, the chiefe citie of the world, to glorifie it selfe, drew her originall from <...> the Trojan progeny, so this famous citie of London <...> in emulation of Rome, deriveth it selfe from the very same originall» [Stow 1598: 1]; «The most glorious sight without exception, that the whole world at present can show, or perhaps ever cou'd since the sacking of Rome, and the burning the Temple of Jerusalem in the Asian part of the world » [Defoe 1724][103]; «… a pomp to which there is nothing corresponding upon this planet <…> Or, if any exception there is, it must be sought in ancient Rome» [Quincey de 1853][104]; «London is the epitome of our times, and the Rome of to-day» [Emerson 1856]; «[London] is the property and even the home of the human race – Hawthorne <…> places it in this sense side by side with Rome [James 1888: 11-12].

Рим называли вечным городом «urbs aeterna», куда ведут все дороги. По аналогии Лондон тоже описывают как вневременной и вечный «eternal», рассматривая его как центр притяжения всей Англии (воспроизведение метафорического афферентного признака, присущего античному Риму): «Go

---

[103] Контекст из цикла путевых заметок Д. Дефо «Путешествие по всему острову Великобритания», в котором подробно представлена топография страны того времени. Взирая на Лондон с холмов, на которых расположены его южные пригороды, Д. Дефо говорит о нем не иначе, как в превосходной степени. На протяжении всего «Путешествия» Дефо постоянно в мыслях возвращается к Лондону, обращается к фактам о нем. Британская столица воплощает для писателя прогресс всей нации, служит мерилом развивающейся торговли, растущего буржуазного класса, эволюции архитектурных форм в провинции [Cf.: Sanders 2004: 307].

[104] В двух приведенных контекстах из эссе Т. де Куинси «Лондонская нация» (*The Nation of London*) хвалебная изотопия выстраивается за счет рекурренции в семеме 'Rome' эксплицитно выраженных лексикализованных признаков, приписываемых Лондону в синтагматической последовательности: /glorious/, /pomp/, /nonsuch/.

where we may – rest where we will. / Eternal London haunts us still» [Moore 1819]; «London is truly wonderful. It seems as if the earth toiled and moiled to simply supply her wants» [Ewing Ritchie 1880]; «… a suction so powerful <…> operating, night and day, summer and winter, and hurrying forever into one centre the infinite means needed for her infinite purposes[105]» [Quincey de 1853]; «Now we draw near the centre of the civilized world. <…> The train slows and lengthens, as we approach London, the centre»; «'How fair, <…> glittering, many-pointed and many-domed London lies before me under mist. Guarded by gasometers, by factory chimneys, she lies sleeping as we approach. <…> Not Rome herself looked more majestic» [Woolf, 1931]. В приведенных контекстах метафорическая оценка мелиоративна, поскольку определяющий термин находится на более высокой отметке ценностной шкалы относительно определяемого термина (Рим как вечный город, город городов в условиях преобладания классического (наряду с библейским) культурного кода). Однако в современных условиях метафора «Лондон-Рим» может производить обратный эффект, ассоциируясь с империализмом, ура-патриотизмом и пр. Будучи зависимым от социальных норм, вектор оценки меняется в разные эпохи.

Итак, многочисленные представления Лондона в литературных произведениях как одного из великих городов, реально существоваших или вымышленных, можно с определенной долей условности разделить на три группы: образы потерянного рая и Иерусалима / Вавилона / Содома и Гоморры как греховного пространства; изображения суетного Вавилона; утопические образы Нового Иерусалима и Третьего Рима [Cf.: Preston 1994: 9]. Подобная трактовка перекликается с позицией американского историка-урбаниста Карла

---

[105] По замечанию английского историка М. Порта, для рядового английского избирателя первой половины XIX в. Лондон по-прежнему оставался гигантским наростом Уильяма Коббетта (*the great wen* – см. далее подраздел «Семантема семемы 'sprawl'»), высасывающим из всей страны жизненные соки [Port 1999: 102]. С таким представлением Лондона близко соотносится метафора вихря или водоворота. Лондон концептуализуется как водоворот в том смысле, что как огромный мегаполис он становится государством в государстве, «затягивая» в свою воронку огромное количество ресурсов со всей страны: «… you soon begin to feel yourself entering <…> a Norwegian maelstrom» [Quincey de 1853]; London is a vortex, into which everybody and everything that comes near is drawn, and kept whirling round a common centre»; «a whirling vortex – a confused maelstrom of heady life and activity, to plunge into which is to be borne along in an irresistible current, to be dinned with noise and tumult and to be chafed with excitement and anxiety» [Manby Smith 1857]; «… that chaos, that tumult. The huge uproar is in my ears. It sounds and resounds, under this glass roof like the surge of a sea. We are cast down on the platform with our handbags. We are whirled inside» [Woolf 1931].

Эмиля Шорске, который замечал, что «город для западной цивилизации – это двусмысленное место, как символ человеческой отчужденности от Бога и, вместе с тем, как отдаленная надежда на окончательное примирение с ним» [Schorske 1998: 44].

5.2.7. Лондонский Сити

Употребление лексемы «city», как правило, с определенным артиклем (и с заглавной буквы на письме) является эллиптическим от устойчивого слвосочетания «the City of London», которое означает следующее: «that part of London situated within the ancient boundaries, including the liberties, or the districts into which the municipal franchises and privileges extend, which is under the jurisdiction of the Lord Mayor and Corporation» [City / OEDHP]. Ср. отрывок из стихотворения Томаса Нэша «Осень», где «city» противопоставляется «town» – остальному Лондону: «The want of term is town and city's harm; / Close chambers we do want, to keep us warm» [Nashe 1590].

За счет метонимического переноса семема '(the) City' может также иметь содержание «the corporation and citizens» – как в следующих контекстах: «Prestes, freeres, and other sage men of the cytte» [Chronicle of the Grey Friars of London, 1556. Cit. ex: City / OEDHP]; «Know you not the Citie fauours them?» [Shakespeare 1593]; «There died but three, of which not one within the whole City or Liberties» [Defoe 1722]. «London, in the large sense of the term, comprehends the City of London, within and without the walls, the city of Westminster, the borough of Southwark, and the newly-created parliamentary boroughs of Finsbury, St. Mary-le-bone, the Tower Hamlets, and Lambeth» [Penny Cyclopædia of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge, 1839. Cit. ex: City / OEDHP].

Более узкое содержание семемы '(the) City': «the business part of this, in the neighbourhood of the Exchange and Bank of England, the centre of financial and commercial activity. Hence, the commercial and business community here located» [City / OEDHP]. Данное содержание реализуется в следующих контекстах: «Though money be wanting in the country yet it is in the City»; «they of the Citty to lay the riches downe» [House of Commons Debates, 1621. Cit. ex: City / OEDHP];

«It is said that ‘the City’ joins in this feeling <...> Well, I never knew the city to be right» [Bright, J. Speeches, 1865. Cit. ex: City / OEDHP].

В атрибутивном употреблении лексема «city» также может относиться непосредственно к Лондону или к Лондонскому Сити (часто пишется через дефис с определяемым словом, образуя с ним составную номинацию (как правило, без фразеологической силы): «I am one of those unfortunate Men within the City-Walls, who am married to a Woman of Quality» [Addison 1712]; «the regular City man, who leaves Lloyd’s at five o’clock, and drives home to Hackney, Clapton, Stamford-Hill, or elsewhere» [Dickens 1836]; «… the city-roar that hails Premier or king» [Tennyson 1847]; «A city clerk, but gently born and bred»; «the giant-factoried city-gloom» [Tennyson 1864].

Реализации лондонского текста в устойчивых составных номинациях, относящихся к Лондону или Лондонскому Сити, с лексемой «city» в качестве первого компонента (в настоящее время преимущественно являются историзмами; дефиниции приводятся по статье «City» из Оксфордского словаря на исторических принципах, а переводы – по словарю «Мультитран»):

City-article – the editorial article or summary of financial and commercial news in a London newspaper (статья по финансовым и коммерческим вопросам, биржевой бюллетень);

City-company – one of the corporations that historically represent the ancient trade guilds of London (одна из корпораций, которые исторически представляли лондонские ремесленные гильдии; в современном употреблении – компания, контора которой находится в Лондонском Сити);

City-commissioners – officials who superintend the sewerage of the City (лондонское управление канализационного хозяйства);

City-editor – the editor of the City-article and City news in a journal (редактор финансово-коммерческого раздела и раздела новостей лондонского Сити);

City-poet – a poet appointed by the citizens of London (лондонскийпоэт-лауреат): «… the shows being at length frugally abolished, the employment of city-poet ceased» [Pope 1743];

City-walls – the medieval walls of the old City of London (средневековые стены вокруг старого Сити): «From all that's near the court, from all that's great within the compass of the City walls, we now have brought our scene» [Beaumont 1613: 1]; I believe thou hast not thy fellow within the walls of London [Op. cit.: 19]; «I am one of those unfortunate Men within the City-Walls, who am married to a Woman of Quality» [Addison 1712].

5.3. Таксема //urban area// (продолжение)

Семантема семемы 'emporium':

(i) /major (city)/;

(ii) /centre of commerce/.

Наличие семы /major/ в семантеме подтверждается тем, что в определенных контекстах 'emporium' может относиться не просто к городу, а к целой стране, ведущей активную коммерческую деятельность.

Конкретные контекстуальные реализации компонента «emporium» в составе лондонского текста: « Paris, London, small Cottages in Cæsars time, now most noble Emporiums» [Burton 1621]; «Emporium for the whole Earth» [Addison 1711]; «colossal emporium of men, wealth, arts, and intellectual power» [Quincey de 1853]. В приведенных контекстах социально нормированными афферентными признаками для 'emporium' будут /grand/ и /noble/. Поэтому парадоксальной и аллотопной на первый взгляд может показаться характеристика Лондона как «the emporium of petty larceny» [Dickens 1839].

Однако признак /money/, являющийся ингерентным для семемы 'commerce' (и, соответственно, афферентным для 'emporium') также реализуется через афференцию в семеме 'larceny'. Кроме того, поскольку 'petty' относится к 'larceny', то относящийся к 'emporium' признак /major/ не виртуализуется. Наконец, в семном составе семемы 'emporium' ингерентный признак /commerce/ виртуализуется и замещается на афферентный /larceny/, т. е. высказывание остается изотопным или связным и означает «средоточие мелкого воровства».

Семантема семемы ‘cosmopolis’:

(i) /major (city)/;

(ii) /multinational population/.

Слово «cosmopolis» буквально означает «город мира» – *the (capital) city of the world* (*Gr*. κόσμος + πόλις) [Cosmopolis / OEDHP]. В его морфемном составе реализуется метафора «город-как-мир»[106]. Кроме того, ‘cosmos’ ⊂ /order/, /harmony/ (as opposed to chaos), поэтому возможно, что идеальная модель города – космополитическая. Так, когда после террористических актов 7 июля 2005 г. многонациональное население британской столицы показало пример стойкости и единодушия в осуждении преступников, Кен Ливингстон, мэр Лондона в 2000-2008 гг., сделал в статье «Мультикультурализм в Лондоне оправдывает себя» (*Multiculturalism works for London*) следующее заявление: «As the united response to the bombings showed, London’s model of multiculturalism works. Its cornerstone is the simple economic reality that in the age of globalisation the world’s great cities will become more and more diverse. <…> London’s choice is clear. We celebrate diversity» [Livingstone 2005].

Приведем ряд контекстов, в которых реализуется семантический компонент «cosmopolis» из состава лондонского текста: «The well of English untainted by the infiltrations of cosmopolis [*sc*. London]» [Contemporary Review, No. 365, 1922. Cit. ex: Cosmopolis / OEDHP]; «London is now a town much more like New York than it is like Rome or Paris. It does not have a particularly national identity <…> London Cosmopolis» [Wilson 2004: 128].

Семантема семемы ‘metropolis’:

(i) /major (city)/;

(ii) /centre of activity/.

Рассмотрим контексты, в которых реализуется семантический компонент «metropolis» из состава лондонского текста: «To the Metropolis of Great Britain, the most Renowned <…> City of London» [Dryden 1667]; «London is now so often visited, that the manners of the metropolis are to be found in every country

[106] Подробнее см. Раздел 6.5.3. «Метафоры «Лондон-душа» и «Лондон-мир».

gentleman's house» [Southey, R. Letters from England, 1807. Cit. ex Metropolis / OEDHP]; «London by Day and Night or, Men and Things in the Great Metropolis» [Bartlett 1852]; «Curiosities of London Life, or Phases, Physiological and Social of the Great Metropolis» [Manby Smith 1853].

Афферентной семой для семемы 'metropolis' является сема /London/ – в контекстах, где лексема «metropolis» употребляется с определенным артиклем или детерминирующим словом (а на письме часто с большой буквы). Это, очевидно, связано с тем, что, став исторически первым мегаполисом Нового времени, Лондон воспринимался как воплощение крупного города, в котором бурлит жизнь: «the epitome of the vast and teeming metropolis» [Potts 1988: 28].

При этом в семему 'metropolis' будет также включаться один из двух следующих дополнительных афферентных признаков:

1) /as contrasted with the whole of Britain/: «our goodly Metropolis» [Evelyn 1661]; «the metropolis of Britain, and of the world»; «this all-embracing metropolis»; «this great metropolis»; «this overgrown metropolis» [Manby Smith 1857]; «the great metropolis of a land which professes Christianity»; «the immense extent of the metropolis» [Ewing Ritchie 1880]; «Overcome by the magnificence of the Metropolis, Flush paused for a moment with his foot on the doorstep» [Woolf 1933]; «… these <…> cars poodle about the Metropolis well under 30 m.p. h.» [Sharpe, F. D. Sharpe of the Flying Squad, 1938. Cit. ex: Metropolis / OEDHP]; «a million people swarmed in the metropolis by the end of the eighteenth century» [Ackroyd 2000: 306];

2) /as distinct from the City/: «The City of London was a discreet entity within the metropolis. It represented the financial and commercial interests of the capital and the country» [Arnold 1999: 95]; «Backed by political domination of Europe and of India, by a formidable industrial base in its own metropolis and in Britain as a whole, the commercial wealth of the City of London was the cornerstone of nineteenth-century London's wealth» [Wilson 2004: 66].

Сема /capital city/ в составе семемы 'metropolis' (восходящая к этимологическому значению др. греч. μητρόπολις «the mother city or parent state

of a colony»[107]) не является ингерентной, поскольку ‘metropolis’ может относиться к любому большому городу. Ср. следующий контекст: «…by far Britain’s largest metropolis, it [London] is also the country’s economic, transportation, and cultural centre» [London / NEB].

Семантема семемы ‘agglomeration’:

(i) /large city as the centre/;

(ii) /contiguous built-up urban area/.

Семема ‘conglomeration’ может рассматриваться как идентичная ‘agglomeration’. Различия между ними могут заключаться в контекстуально присваиваемых афферентных семах.

Приведем ряд контекстов, в которых реализуется семантический компонент «agglomeration» («conglomeration») из состава лондонского текста: «London has infinite variety <…>. It shows its age, shows the work of innumerable generations, and is more an aggregation, a conglomeration, than is Paris» [Burroughs 1875]; «that mighty conglomeration» [Yonge 1876]; «There is something bewildering and even mournful in the survey of this huge agglomeration» [Fitzgerald 1887]; «… vast capital in which wealth and misery jostle each other on the streets; a hideous conglomeration of buildings and monuments, without form and void, very much as old Rome must have been under the Caesars, enormous buildings without taste, and enormous wealth» [Eliot 1899]; «… at times we all see London as still fundamentally an agglomeration of villages, with their surviving patches of common, around a mediaeval seaport» [Geddes 1904]; «the greatest agglomeration of mankind on earth» [Conrad 1906].

Семантема семемы ‘conurbation’:

(i) /extended urban area/;

(ii) /includes several hubs/;

(iii) /includes suburbs/.

---

[107] Поэтому обозначение Лондона как «metropolis» использовалось преимущественно во времена Британской империи.

В семеме ‘conurbation’ появляются важные для современного города семы /continuity/ и, соответственно, /diffused boundaries/: «The term ‘conurbation’ means an area of *continuous* urban development» [PlanningSurvey of Birmingham, 1947. Cit. ex: Conurbation / OEDHP] (Курсивмой – *А.С.*). Как заметил еще в 1880 г. английский публицист Дж. Юинг-Ричи, «поистине трудно сказать, где Лондон начинается и где заканчивается» [Ewing Ritchie 1880].

Говоря о возникновении конурбаций или о включении все новых территорий в орбиту города, отметим с позиций урбанистики, что в ходе урбанизационного процесса обеспечивается реализация настоятельной потребности субъектов исторического действия выйти за пределы *замкнутого* круга традиционного города. Масштабная урбанизация означает построение нового социального пространства и определяет новое содержание, новые нормы, темпы и тенденции развития общества [Cf.: Сайко 1999: 2].

Приведем ряд контекстов, в которых реализуется семантический компонент «conurbation» из состава лондонского текста: «For our first conurbation the name of Greater London is <…> dominant» [Geddes, P. Cities in Evolution: an Introduction to the Town Planning Movement and to the Study of Civics, 1915. Cit. ex: Conurbation / OEDHP]; «… a large multi-centred conurbation [mid-eighteenth-century London]. The built core consisted both of the Cities of London and Westminster, as well as the Borough of Southwark with the multifarious suburbs beyond» [McKellar 1999: 29]; «London is not a city which has been built according to one uniform plan. We see <…> a group of boroughs, former villages, bursting with life and vigour, but existing in barely controlled social and architectural chaos <…> the cluster of conurbations which we call London» [Wilson 2004: 2]; «Others might think that the London of old has actually died <…> to be replaced by a confused, overcrowded multinational conurbation which shares the same name but has nothing in common with the London of Nicholas Hawksmoor, Charles Dickens, or Marie Lloyd» [Op. cit.: 11].

С понятием «conurbation» близко соотносится понятие «metropolitan area», которое, согласно Британской энциклопедии, определяется как «a major city (or

several large cities, or hubs) together with its suburbs and nearby cities, towns, and environs, over which the major city exercises a commanding economic and social influence» [Metropolitan Area / NEB]. При этом, учитывая, что «metropolis» – это буквально «город-мать», вокруг центра или центров такой урбанизированной области, будет рассредотачиваться ее «потомство», т. е. районы, находящиеся в ее подчинении: «Literally construed, *metropolis* from Greek means "mother city," and by implication there are progeny or dependents scattered about the core of the metropolitan area» [Ibid.].

Семантема семемы 'sprawl':

(i) /urban environment/;

(ii) /indefinite strech/;

(iii) /expansion into the adjoining countryside/.

Приведем два контекста, в которых реализуется семантический компонент «sprawl» из состава лондонского текста: «It is sad to think that London's great sprawl will inevitably engulf us sooner or later, no matter how many 'green belts' are interposed in the meantime between the colossus and ourselves» [Times, 23 Aug. 1955, 10/2. Cit. ex: Sprawl / OEDHP]; «Planning so far has failed to contain London sprawl» [Listener, 3 Aug. 1967, 147/2. Cit. ex: Sprawl / OEDHP]. В контекстах очевидна афферентная оценочная сема /undesirable/ (которая также производна от первоначального смысла 'sprawl': |spreading out of the limbs, awkward or clumsy|[108]). Действительно, активная урбанизация, расползание городов приводит к окончательному изменению внешнего облика сельской местности *country(side)*, которая видится англичанами как благоприятное пространство («essentially pleasurable, unthreatening, domestic» [Hewitt 1997: 223]), и к включению маленьких городков и поселений в огромный конгломерат бездушного мегаполиса: 'Sprawl' ⊂ /stretching/ = /creepy/ → /horrifying/, /revolting/.

[108] |*содержание семемы*| – условное обозначение семантического содержания семемы (для конкретного смысла).

Процесс часто рассматривается как неумолимый (к лексеме «sprawl» могут присоединяться атрибуты «imminent», «impending», «inevitable», «unavoidable», «menacing», «looming»), а его опасность заключается в том, что, включаясь в цикл большого города, небольшие поселения зачастую получают статус маргинальных, а их жители не только не имеет возможности полного доступа к культуре большого города, но и теряют старые нравственные ориентиры, определявшиеся традиционным образом жизни. Кроме того, развитие в городе социальной инфраструктуры, как правило, не успевает за быстрым «поглощением» им сельских территорий, жители которых долгое время чувствуют себя в городе чужими. В урбанистической науке также считается, что только бывшие сельские жители в третьем поколении начинают вести городской образ жизни в относительно полной степени [Cf.: Агеева 2004: 148]. Сельская местность все более превращается в городские предместья, обозначающиеся словом «suburbia», у которого лексикографически зафиксирована дерогаторная оценка (т. е. для семемы ‘suburbia’ признак /derogatory/ является ингерентным). Suburbia – *disparagingly* the suburbs, their inhabitants, and their way of life [Suburbia / ODT].

Так, в романе П. Акройда «Хоксмур» герой-повествователь Николас Дайер сожалеет о деградации среды обитания, происходящей в результате активной урбанизации и быстрого развития промышленного производства: «But what a Chaos and Confusion is there: meer fields of Grass give way to crooked Passages and quiet Lanes to smoking Factors, and these new Houses, commonly built by the London workmen, are often burning and frequently tumbling down. Thus London grows more Monstrous, Straggling and out of all Shape <...> this Hive of Noise and Ignorance» [Ackroyd 1985].

Начавшееся в XVIII в. активное «поглощение» Лондоном близлежащих поселений сравнимо с колониальной экспансией: это сценарий колонизации территорий метрополией и их подчинения ее законам, т.е. на английском пространстве отчасти повторяется тот же процесс, который Великобритания

некогда осуществляла в мировом масштабе. Для обозначения активного роста городов даже доявился термин «городская экспансия» *urban expansion*.

В труде английского журналиста, критика и драматурга Генри Мэйхью (1812-1887) «Рабочий люд и бедняки Лондона» (*London Labour and the London Poor*) находим замечание о нечетких, размытых границах «расползающегося» Лондона: «Where the capital begins and ends it is difficult to say» [Mayhew 2010 (1862)]. Рост Лондона в XIX в. был настолько интенсивным, что это казалось ненормальным [Cf. e.g.: Olsen 1976.]: «her[109] abnormal increase» [Manby Smith 1857].

С колонизаторской экспансией города связано понятие *overspill* «переезд жителей перенаселённых крупных городов в пригороды или города-спутники» – «the relocation of surplus population from a particular city to a less densely populated region» [Overspill / OEDHP]: «[In the 19th century] there was huge overspill, with populations filling and urbanizing the villages of London» [Wilson 2004: 62].

Лондон поглощает продукты и товары, производимые в окрестных селах. Так, в 30 главе романа Т. Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» главная героиня с Энджелом Клэром везут на повозке бидоны с молоком с фермы на железнодорожную станцию. Они торопятся, чтобы успеть погрузить их на поезд. На улице поздний вечер и идет дождь. Тэсс размышляет вслух: Londoners will drink it [milk] at their breakfasts, <...> Noble men and noble women, ambassadors and centurions, ladies and tradeswomen, and babies who have never seen a cow, <...> Who don't know anything of us, and where it comes from; or think how we two drove miles across the moor to-night in the rain that it might reach 'em in time <...> these precious Londoners [Hardy 1891].

В период своего бурного роста в конце XVIII – XIX вв. Лондон также концептуализовался как «wen» – жировик, нарост, стеатома – в соответствии с

[109] О концептуализации Лондона как объекта, имеющего женское начало, см. Раздел 6.5.1. «Метафора организма».

метафорическим значением этого слова «an outstandingly large or congested city» [Wen / OEDHP].

Метафорический компонент «London-wen» из состава лондонского текста реализуется в следующем контексте: «If <…> the Increase of Building [in London] <…> was looked upon to be no better than a wen, or Excrescence, in the Body Politic [Tucker. Four Lett. Nat. Subj., 1783. Cit. ex: Wen / OEDHP]. Реализацию того же компонента находим в труде английского журналиста, публициста и историка Уильяма Коббетта (1763-1835) «Поездки по сельским районам» (*Rural Rides*, 1821), в котором свидетельствуется о переходе Англии от аграрного к индустриальному укладу, что сопровождалось уродливым ростом промышленных центров. Согласно автору, этот процесс был подобен разрастанию стеатомы или нароста: «But what is to be the fate of the great wen of all? The monster, called ‘the metropolis of the empire’?» [Cit. ex: OQRQ: 212]. В приведенных контекстах реализуется так называемая морбиальная метафора (образность, связанная с болезнями).

Более того, в XIX веке Лондон мог концептуализоваться как «infernal wen» [Cf.: Sheppard 1971: 143], что подразумевало, что разрастание английской столицы было совершенно противно человеческой природе и сложившемуся укладу жизни, а также влекло за собой эпидемии, нехватку питьевой воды, значительный рост преступности и другие отрицательные факторы, связанные с неустроенностью городской жизни [Cf.: Olsen 1976: 226-231].

<u>Семантема семемы ‘megalopolis’</u>:

(i) /great city/ (данный признак восходит к этимологическому значению: *греч*. μεγαλο – удлиненная форма основы μέγας «great» + πόλις «city» [Megalopolis / OEDHP]);

(ii) /urban complex/;

(iii) /includes city’s environs/ → /indefinite extension of urban area/.

В качестве варианта лексемы «megalopolis» может использоваться «megapolis», однако он менее употребителен.

Любопытно, что в труде «Закат Европы» О. Шпенглер не оперирует термином «мегаполис»,заменяя его термином «мировая столица». В его трактовке это «городкак мир, исполинский город, подле которого ничего иного быть и не может» [Шпенглер 1998: 86]. Это конечная точка в развитии всякой великой цивилизации, в жертву которой приносится человеческая личность. Далее идут только упадок и разрушение.

Приведем ряд контекстов, в которых реализуется семантический набор «megalopolis» из состава лондонского текста: «… to avoid some of the problems common to the megalopolis [London] such as crime, pollution, gridlock, and distant commutes» [Daily Telegraph, 29 May 1969, 16/3. Cit. ex: Megalopolis / OEDHP]; «Victorian megalopolis» [Ackroyd 2000: 571].

5.4. Лондон-как-мультикультурный мегаполис

Со времен Римской империи Лондон был городом иммигрантов, в который съезжались представители самых разных национальностей – «a transnational space» [Ball 2004: 4]. Начиная с XVIII в. Лондон был известен как «город наций». Это выражение английского писателя, просветителя и журналиста Джозефа Аддисона (1672-1719), который в журнале «Спектейтор», издавашимся им совместно с Ричардом Стилем, заметил следующее: «When I consider this great City in its several Quarters and Divisions, I look upon it as an Aggregate of various Nations distinguished from each other by their respective Customs, Manners and Interests» [Addison 1712].

В XIX-XX вв. Лондон превратился в мультикультурный мегаполис: «… all specimens of men, <…> And every character of form and face: / The Swede, the Russian; from the genial south, / The Frenchman and the Spaniard; from remote / America, the Hunter-Indian; Moors, / Malays, Lascars, the Tartar, the Chinese, / And Negro Ladies in white muslin gowns» [Wordsworth 1805]; «London is a roost for every bird» [Disraeli 1870]; «multiracial city» [Ackroyd 2000: 715].

В связи с постоянным притоком иммигрантов в британскую столицу среди коренных лондонцев периодически возникали опасения перенаселенности

города, безработицы среди англичан, смешанных браков, преступности. Начиная с XIII века в лондонских архивах можно найти упоминания о погромах евреев, гугенотов, ирландцев [Baker 1970: 137-142]. В XVI веке издавались указы об изгнании «нищих и арапов, проникших в королевство» [Gerzina 1995: 56], а в пьесах того периода «мавр» изображается как существо иррациональное, развратное и опасное [Cf.: Акройд 2005: 804]. В поэме «Лондон» (1783 г.) Сэмюэл Джонсон называет британскую столицу сточной канавой Парижа и Рима: «London! <…> The common sewer of Paris and of Rome! With eager thirst, by folly or by fate, / Sucks in the dregs of each corrupted state» [Johnson 1738][110]. в конце XIX веке китайцы рассматривались как серьезная угроза для коренных лондонцев; в XX веке в 1910-х гг. объектом враждебности становились евреи-выходцы из России, во время мировых войн – немцы, начиная с 1950-х гг. – иммигранты из стран Содружества и других стран Азии и Африки. В связи с тем, что в Лондоне стало проживать большое количество иммигрантов из исламских стран, появилось даже окказиональное слово-гибрид (контаминация) «Londonistan» с ингерентной дерогаторной оценочностью (от *London* + *Hindustan / Pakistan*).

В апреле 1968 г. министр обороны «теневого кабинета» Инок Пауэлл призвал немедленно прекратить приток иммигрантов в Великобританию и предложил политику «ре-эмиграции» в те страны Содружества, откуда они приезжали: Индию, Пакистан, Бангладеш и страны Карибского бассейна. Действительно, как писал английский теоретик средств массовой информации Р. Хебдидж (род. в 1951 г.), «Британская империя как бы сложилась вовнутрь, и, когда жители бывших колоний хлынули в английские города, англичанам пришлось пожинать плоды своей прошлой политики. В результате старые

[110] В своей поэме Джонсон также замечает, что Лондон убивает в художнике талант, отказывая ему в подходящих условиях жизни и нарушая его душевное спокойствие: «For who would leave, unbrib'd, Hibernia's land, / Or change the rocks of Scotland for the Strand? / <...> / Here malice, rapine, accident, conspire, / And now a rabble rages, now a fire; / Their ambush here relentless ruffians lay, / And here the fell attorney prowls for prey; / Here falling houses thunder on your head, / And here a female atheist talks you dead» [Johnson 1738]. Джонсон полагает, что Лондон малопригоден для жизни: «Prepare for death, if here at night you roam, / And sign your will, before you sup from home» [Ibid.]. Он также сетует на вырождение искусства и морали, называя современную лондонскую жизнь днями упадка: «these degen'rate days», когда «softer smiles and subtler art / <...> sap the principles, or taint the heart» [Ibid.].

представления о британской идентичности, основанной не в последнюю очередь на белом цвете кожи, начали трещать по швам» [Hebdige 1992: 142; перевод мой – *А.С.*]. Итак, Пауэлл назвал безумием ежегодно пускать в страну 50 тысяч иммигрантов с семьями (третьиз которых оседала в Лондоне) и заявил, что страна складывает себе погребальный костер, поскольку, пользуясь широкими правами, которые им были опрометчиво предоставлены, иммигранты начнут притеснять белых жителей: «The immigrant communities can organise to <…> agitate and campaign against their fellow citizens, and to overawe and dominate the rest with the legal weapons which the ignorant and the ill-informed have provided. As I look ahead, I am filled with foreboding. Like the Roman, I seem to see the River Tiber foaming with much blood» [Powell 1968]. Политик делает здесь аллюзию на 87 строку из шестой книги «Энеиды» Вергилия (6, 1.86), которая в английском переводе звучит следующим образом: «I discern the Tiber afoam with streams of blood» [Virgil 1885]. Под Тибром, несомненно, понимается Темза.

Однако эти предсказания не сбылись; более того, если бы не готовность иммигрантов работать за низкую заработную плату, то муниципальные больницы и общественный транспорт в Лондоне давно бы перестали функционировать. Пауэлл предрекал, что в недалеком будущем «черные будут главенствовать над белыми» [Powell 1968; перевод мой – *А.С.*], но его слова оказались весьма далекими от истины, поскольку большинство иммигрантов не имеют доступа к хорошему образованию, не могут занять достойное социальное положение и оказываются «пойманными» в «капкан бедности» [Cf.: Foner 1978: 189-205].

Кроме того, как отмечает современный канадский исследователь-урбанист Дж. Скотт в эссе «Эдем, Вавилон, Новый Иерусалим: таксономия описания города», «возрастающая мультикультурность городской жизни ведет к еще большей фрагментированности и относительности личностной идентичности горожанина» [Scott 1994: 334].

С другой стороны, отдельным группам приезжих из упомянутых стран удалось сформировать свое новое «я», успешно слиться с громадным и сложным организмом Лондона и добиться процветания. Тем самым они повторили путь, пройденный многими иммигрантами до них, будь то гугеноты в начале XVIII века или евреи в поздневикторианский период и 1930-е годы [Cf.: Prochaska 1973: 93-101]. Поясняя этот феномен, один из ведущих американских исследователей постколониализма Хоми Бхабха так пишет о мультикультурном городе в своем ключевом эссе «Местонахождение культуры»: «В настоящее время на Западе <…> именно мегаполис является тем пространством, где возникают новые идентичности и социальные движения. Здесь острее всего ощущается многогранный характер современной жизни» [Бхабха 2005: 190; перевод мой – *А.С.*].

Движение многочисленных мигрирующих масс с периферии бывшей империи во второй половине XX века с тем, чтобы занять более выгодные позиции в центре-метрополии, способствовало появлению новых эффективных рыночных сил, которые интернационализировали культуру [Cf.: Dhooleka 2003: 76-88]. Мультикультурный мегаполис, бывшая столица метрополии – это нечто большее, чем просто город. Заметим, что мультикультурализм – это, в определении С.П. Толкачева, феномен, ставший реакцией на возникновение территорий, где плотно сосуществуют народности с разными историями и культурами и где в результате переплетения и сплавления данных культур возникает кардинально новый культурный социум» [Толкачев 2003: 42]. Итак, подобно участию текста в интертекстуальных связях или вхождению концепта в когнитивные парадигмы, мультикультурный город становится частью глобальной информационной стихии. Это вместилище всех и вся, модель универсума, «плавильный котел» (*melting pot*), в котором смещаются границы времени и пространства, сходятся народы из различных точек земного шара, различные эпохи и исторические веяния [Cf.: Park 1971: 231]. Феномены многонациональности и мультикультурности могут также описываться в терминах отсутствия единого центра: «transnational decentredness»; «a decentred

centre: a metonym not just of the empire that once controlled the world but also, increasingly, of the world that the empire once controlled» [Ball 2004: 5, 13], – что очень важно в рамках нашего представления Лондона как города с открытой парадигмой, а лондонского текста – как построения с диффузными границами.

Многоликий Лондон своим существованием способствовал обновлению самой природы англичанина, самого понятия об «английскости». Неслучайно колониализм и постколониализм могут описываться как «сложные процессы взаимного обмена, воздействия и трансформации» [Gikandi, S. Maps of Englishness: Writing Identity in the Culture of Colonialism, 1966. Cit. ex: Ball 2004: 15] или как «обоюдная контаминация господствующей и подчиненной сторон, колонизаторов и колонизированных» [Needham 2000: 9]. Эти процессы подобны трансформации как прецедентного, так и принимающего текстов.

Соответственно, особый интерес представляет изображение Лондона как мультикультурного города в произведениях англоязычных писателей неанглийского происхождения (А. Айду, С. Рушди, Ш. Найпол, В. Найпол, А. Десаи, Б. Окри, Д. Лессинг, Х. Курейши, З. Смит) – выходцев из бывших колоний Великобритании или их потомков, поскольку в них Лондон предстает через призму восприятия людей других, неевропейских культур. Это тем более интересно, поскольку, как отмечает С.П. Толкачев, мультикультурному сознанию присущи культурная амбивалентность, многозначность, ощущение причастности к нескольким культурам и, наконец, отсутствие четких понятий «дом» и «малая родина» [Толкачев 2003: 42].

Перечисленные писатели указывают на противоречия между личностью и социумом в терминах класса, расы, способности отдельного человека поддерживать свою жизнедеятельность в неумолимо враждебном городе, на отчуждение и «иностранность» иммигрантов из бывших колоний в Англии, на болезненность их ассимиляции в английском обществе, на травмированность сознания мигрантов, прибывших с окраин в метрополию. Как пессимистически замечает писательница из Ганы Ама Ата Айду (род. в 1942 г.) в романе «Наша сестра-брюзга» (*Our Sister Killjoy*), «эта история стара, как сами империи.

Угнетенные массы рвутся с окраин в столицу метрополии, поскольку верят, что там для них земля обетованная. Однако, как было неоднократно показано в ходе истории, для рабов там нет ничего, кроме еще худшего рабства. В столице они не обретают свободу, не открывают себя заново, не получают доступ к материальным благам, что для большого города казалось бы естественным» [Aidoo 1977: 87-88; перевод мой – *А.С.*].

Приезд иммигрантов в Лондон связан со сценарием «обратной колонизации» (*colonization in reverse*) – освоения пространства Лондона выходцами из бывших колоний Великобритании. Термин взят из одноименного стихотворения ямайской поэтессы, писательницы и фольклористки Луизы Симоны Беннетт-Каверли (1919-2006) «Colonization in Reverse», строки которого нарочито имитируют особенности произношения иммигрантов из стран Карибского бассейна: «What a devilment a England! / Dem face war an brave de worse, / But me wonderin how dem gwine stan / Colonizin in reverse» [Bennett-Coverley, L.S. Colonization in Reverse, 1982. Cit. ex: Ball 2004: 101]. «За Империю приходится платить по счетам, – замечает исследователь английской культуры М.П. Любимов, – и ее бывшие подданные меняют свои нищие хижины на скромное жилище со всеми удобствами недалеко от центра Лондона» [Любимов 2011: 82]. Так, в лондонском районе Спитлфилдз 60% населения составляют выходцы из Бангладеш, в отдельных частях Брэдфорда половина жителей – это пакистанцы, а район Норткорт в пригороде Илинг почти на 100% заполнен людьми с небелым цветом кожи.

Процесс обратной колонизации подобен процессу вживления в ткань принимающего текста интертекстуального включения, прецедентного интекста или отсылки к тексту другой культуры: в результате как принимающий текст, так и текст источник, трансформируются и получается нечто новое, не сводящееся к простой сумме двух компонентов – вот процесс сплавления культур в действии. Процесс колонизации идет параллельно процессу «присвоения» (*appropriation*) пространства: освоив пространство, «колонизатор» считает его своим: «Great was my joy with London at my feet / All

London mine, five shillings in my hand» [Betjeman 1960: 554]; « In bed before I went to sleep I fantasized about London and what I'd do there when the city belonged to me» [Kureishi 1990: 121]; «So this was London at last, and nothing gave me more pleasure than strolling around my new possession all day» [Op. cit.: 126]. Когда-то этот процесс ограничивался пределами Великобритании, когда Лондон «колонизировали» жители английской провинции. Так, в первой трилогии Дж. Голсуорси Форсайты полностью «покорили» Лондон со времен приезда туда Гордого Доссета из Дорсетшира: «In that great London, which they had conquered and become merged in, what time had they to be sentimental?» [Galsworthy 1906].

Процесс колонизации неизбежно сопряжен с мотивом неизвестности / неопределенности и сценарием исследования[111]: «The city blew the windows of my brain open. But being in a place so bright, fast and brilliant made you vertiginous with possibility <…>. I couldn't yet see how the city worked but I began to find out» [Kureishi 1990: 121].

5.5. Таксема //urban area// (продолжение)

Семантема семемы 'megacity':

(i) /major metropolitan area/;

(ii) /population more than ten million people/.

Лондон не достиг этой степени урбанизации. К городам, имеющим статус «megacity», относятся Бомбей, Дели, Джакарта, Лос-Анджелес, Нью-Йорк, Мехико, Сан-Паулу, Сеул, Осака, Токио, Шанхай [Megacity / NEB].

Семантема семемы 'metroplex':

(i) /several metropolitan areas/;

(ii) /merging/.

Лондон также не достиг этой степени урбанизации. Тем не менее, в рамках описания таксемы //urban area// и входящих в его состав семем, в построениях с

[111] Актуализация мотива исследования Лондона представлена в Разделе 7.4 «Индивидуально-авторский субтекст в составе лондонского текста. Реализации лондонского текста в топонимах (на примере лондонских маршрутов В. Вулф)».

участием лексических репрезентаций которых реализуется лондонский текст, мы сочли возможным описать этот уровень, не имеющий отношения к Лондону, с тем чтобы сохранить иерархическую репрезентацию и перейти к уровням семем ‘eperopolis’ и ‘ecumenopolis’, которые участвуют в структурировании лондонского текста.

Примеры урбанизированных областей, имеющих статус «metroplex», можно найти в США. К ним относятся *the Greater Los Angeles Area* (Лос-Анджелес, Сан-Диего, Лонг-Бич и пр.), *the BosWash* (Нью-Йорк, Филадельфия, Балтимор, Бостон, Вашингтон и пр.), *Chicagoland* (Чикаго – северо-запад штата Индиана), *the DFW* (Даллас – Форт Уорт; данный район часто обозначается как «the Metroplex») [Metroplex / NEB].

Семантема семемы ‘eperopolis’:

(i) /abstract construct/;

(ii) /single continent-wide city/. Данный компонент восходит к этимологическому значению «eperopolis»: от греч. *ήπειρος* «mainland, continent» + *πόλις* «city-state» [Eperopolis / OEDHP].

Термин «eperopolis» был предложен в 1967 г. греческим специалистом по городскому планированию Константиносом Доксиадисом, который, приняв во внимание существующие тенденции урбанизации и роста населения, разработал сценарий слияния европейских городов в одну гигантскую урбанизированную зону с центром в районе, сформированными бывшими Лондоном (sic.!), Парижем и Амстердамом [Eperopolis / NEB].

Семантема семемы ‘ecumenopolis’:

(i) /abstract construct/;

(ii) /single world-wide city/. Данный компонент восходит к этимологическому значению «ecumenopolis»: от греч. *οίκουμενικος* «of or belonging to the inhabited earth, the whole world» + *πόλις* «city-state» [Ecumenopolis / OEDHP].

Ойкуменополис (термин был также предложен в 1967 г. К. Доксиадисом) представляет собой высшую степень урбанизации – слияние всех

существующих на земле городов в глобальное урбанизированное пространство [Ecumenopolis / NEB]. Это реализованная метафора «город-как-мир» и всеобъемлющее культурное и текстовое пространство, содержащее все артефакты человеческой культуры и мысли.

Сценарий объединения городов в единую урбанизированную зону, покрывающую весь земной шар, широко используется в научной фантастике. При этом названием всемирных городов часто выступает Лондон, что, очевидно, связано с его восприятием как «города городов», великой столицы, исторически первого мегаполиса Нового времени. Так, в компьютерной игре «Freelancer» выпущенной корпорацией «Майкрософт» в 2003 г., фигурирует ойкуменополис «New London» [Ibid.].

Термин «ecumenopolis», таким образом, обладает нулевой денотацией и ненулевым содержанием.

Подводя итог анализу таксемы //urban area//, отметим, что возрастание степени урбанизации – это процесс, сопровождающий развитие цивилизации и становления гражданских институтов. Действительно, город, будучи историческим и социокультурным феноменом, рождается на особом историческом стыке, который тесно связан со становлением и развитием цивилизации» [Cf.: Нещадин 2001: 11]. У О. Шпенглера город выражает суть цивилизации. Это касается прежде всего восприятия города как воплощения «мертвых» форм культуры. Города-гиганты завершают цивилизацию и одновременно воплощают в конкретных формах своей архитектуры культурную уникальность цивилизации [Шпенглер 1998: 54]. В этом смысле Лондон может рассматриваться как цивилизациообразующий фактор.

5.6. Таксема //capital city//

Семемы ‘cosmopolis’, ‘metropolis’, ‘megalopolis’, ‘megapolis’ в качестве афферентной семы могут иметь сему /capital city/ и по ней как по родовой входить в таксему //capital city//. В эту таксему также входит семема ‘capital’, для которой сема /capital city/ является ингерентной. Очевидно, что таксема

//capital city// репрезентирует более низкий уровень обобщения, чем таксема //urban area//.

Приведем ряд контекстов, в которых реализуется семантический набор «capital» из состава лондонского текста: «Such London is, by taste and wealth proclaimed / The fairest capital in all the world, / By riot and incontinence the worst» [Cowper 1782]; «It is of utmost importance that London's public buildings should be such as reflected no discredit on the Government as caring less than do the authorities of Paris, Vienna, and Munich, that the splendour of the Capital should be commensurate with the importance of the nation» [Cochrane, B. A Call for a Royal Commission on Public Buildings, 1862. Cit. ex: Port 1999: 108]; «the vast capital» [Quincey de 1853]; «In the capital of the richest empire the world had ever seen was poverty which would compare with the most deprived parts of Africa and South America in the twenty-first century» [Wilson 2004: 86].

В эссе «Лондон» из серии путевых заметок «English Hours» Г. Джеймс пишет о том, что англичанам исключительно повезло иметь своей столицей Лондон, столицу мира: «It is a real stroke of luck for a particular country that the capital of the human race happens to be British. Surely every other people would have it theirs if they could» [James 1888: 12]. П. Акройд же называет Лондон столицей всех столиц: «the capital of all capitals» [Ackroyd 2000: 777].

Помимо выполнения своей традиционной функции[112] как столицы Великобритании, Лондон в разные времена брал на себя функции мировой столицы коммерции, стиля и культуры: «the capital of commerce, the seat of Legislation, the model city» [Ewing Ritchie 1880]; «In 1960s London <…> became the style capital where music and fashion attracted the ancillary industries of magazine publishing, photography, advertising <…> and film-making to create a bright new city [Ackroyd, 2000: 759]; «London: Cultural Capital. Realising the Potential of a World-Class City – Highlights of The Mayor's Culture Strategy» [2004]. В приведенных контекстах нейтрализуется ингерентная сема /(capital

[112] На социально-психологическом уровне данная функция осознается как объективная и актуально переживаемая населением миссия города или его предназначение.

city) of a country/ и актуализуется афферентная сема /(capital centre) of some activity/.

Таким же образом по афференции семема ‘capital’, включающая ингерентный признак /главный город/, может приобретать признак /максимальное проявление качества/. Так, в поэме шотландского поэта XIX в. Джеймса Томсона (1834-1882) «Город страшной ночи» (*The City of Dreadful Night*), рисующей худшие проявления жизни в британской столице, Лондон называется столицей страданий и скорби: «capital of teen and threne» [Thomson 1874].

5.7. Оппозиция «town – country» / «urban – suburban»

5.7.1. Общие положения и семантическое структурирование описываемой оппозиции

Возникая и развиваясь, город олицетворяет становление государственности и, соответственно, возникновение нового порядка жизни общества. Он становится новой мерой того, как должна структурироваться и развиваться человеческая культура. Кроме того, с тех пор, как на земле появились города, город как таковой существует, согласно Л.В. Стародубцевой, не только в материальном географическом пространстве, но и в вымышленных ландшафтах воображения: как знак, «мыслеобраз», «архетип сознания», «визуально-понятийный паттерн» [Стародубцева 1999: 74]. По образному замечанию Е.Ю. Агеевой, город начинается не с его материала его построек, а с идеи его формы, служащей для организации духовного пространства человека [Агеева 2004: 17]. Сущность города как общественного явления может быть определена следующим образом: как поселение он выступает условием существования и развития всякого общества. Вместе с тем, город – результат развития в нем производительных сил. В отличие от деревни город обеспечивает бóльшую производительность труда, характеризуется возрастающим замещением природной среды искусственной.

В главе «Города и народы» философского труда «Закат Европы» О. Шпенглер противопоставляет деревню как внеисторическое, вечное, неизменное и не имеющее «души»пространство городу, который вбирает в себя мировую историю. По Шпенглеру, город являет собой средоточие политики, культуры, религии и цивилизации в целом: «“дух” есть исключительно городская форма осознанного бодрствования. Искусство, религия и наука постепенно становятся духовными, а иными словами – городскими» [Шпенглер 1998: 95].

Понятие урбанизма в качестве особого образа жизни вводится Л. Виртом, американским социологом-урбанистом, принадлежащим к Чикагской школе. В своей программной статье «Урбанизм как образ жизни» он отмечает, что в городской среде теряется значение первичных связей (в частности, родственных) между людьми, и что они замещаются вторичными социальными контактами, «безличными, предельно поверхностными, эфемерными и сегментарными» [Вирт 2005: 101]. Сдержанность и безразличие, которые проявляются во взаимоотношениях городских жителей, рассматриваются Виртом как защитный механизм против «личных претензий и намерений других людей» [Ibid.].Это вполне соотносится с представлениями американского социолога и урбаниста Л. Мамфорда, который в своем труде «Город в истории» подчеркивает, что контакты жителей города имеют, преимущественно, функциональный характер [Mumford 1961: 6].

Оппозиция «город-не город» становится, таким образом, фундаментальной, и город представляется как антиномия селу. Импликации ‘town’ – ‘country’ и ‘urban’ – ‘rural’ кодифицированы в системе языка, входят в лексикографическое толкование, а устанавливаемые между ними связи отражают внеязыковой опыт. Существуют, тем не менее, лондонские тексты, посвященные гармоничному сосуществованию двух пространств. Так, в дидактической поэме шотландского поэта XVIII в. Джеймса Томсона (1700-1748) «Времена года» (*The Seasons*) подчеркивается, что процветание нации зависит от благосостояния села. Согласно Томсону, природа, будучи

необъятным Ликейским садом («Nature's vast Lyceum» [Thomson 1793: 102]), имеет обучающую функцию и способствует развитию цивилизации. Поэт неоднократно описывает приятные и оздоровляющие прогулки в сельских окрестностях Лондона: «... from the town / Buried in smoke, and sleep, and noisome damps, / Oft let me wander o'er the dewy fields, / Where freshness breathes; and dash the trembling drops / From the bent bush, as thro' the verdant maze / Of sweet-briar hedges I pursue my walk» [Op. cit.: 5]. В поэме британская столица предстает как бы выгодно обрамленной селом, и в нем она черпает свое богатство [Cf.: Sanders 2004: 295].

В рамках концептуально значимой оппозиции «town – country / urban – rural / rustic(al)» в составе семемы 'town' (как гиперонима различных типов урбанизированного пространства) можно выделить следующие компоненты смысла, определяющие существенные различия двух типов поселенческих общностей:

(i) ослабление кровнородственных и соседских отношений;

(ii) примат отношений, связанных с выполнением общественных функций: профессиональных, институциональных, классовых;

(iii) доминирование сложных форм кооперации, основанных на систематическом обмене и торговле, развитии рынка и роли денег;

(iv) искусственная среда жизнедеятельности, искусственные ландшафты;

(v) развитая инфраструктура;

(vi) средоточие культуры и информации;

(vii) средоточие всего утонченного, изящного и модного [Соснин 2007: 94].

Очевидно, что описанные компоненты смысла социально нормированы: они актуализируются в контексте и могут не осознаваться в их совокупности.

Описанные компоненты могут через афференцию имплицировать дополнительные семы (также социально нормированные, но в большей степени зависящие от субъективного восприятия, более идиолектные):

(i-ii) → /отчужденность/, /поверхностные контакты/, /подавление человека городом/, /депрессия/, /тема маленького человека/. Действительно, в связи с

бесконечным расползанием мегаполисов и их пригородов, с их аморфностью, вызванной отсутствием всякой структуры, и с нивелированием всяких различий вследствие эффекта масштаба, идентифицировать индивида становится так же сложно, как и пространство, в котором он существует [Cf.: Soleri 1971: 595];

(iii) → город – /торжество финансовой мысли/ или /бездуховное пространство/, /храм Маммоны/ – поскольку, согласно библейскому культурному коду, речь здесь идет о богатстве неправедном [Cf.: Matt.: 6, 24; Luke: 16:9, 11, 13];

(iv) Лондон как искусственное, некоторым образом организованное урбанистическое пространство может рассматриваться с двух позиций прагматической оценочности: как благоприятное и как враждебное для человека. Такое противопоставление призвано, в первую очередь, продемонстрировать дуальный характер лондонского текста (как, впрочем, и большинства значимых текстов культуры). Однако отметим, что в корпусе выделяемых семантических компонентов текста преобладают все-таки признаки с негативной оценочностью. Это, очевидно, связано с тем, что, как отмечает М.С. Ретунская, отрицательные, мешающие стороны бытия воспринимаются человеком намного острее, чем положительные, способствующие комфорту факторы, которые рассматриваются как естественные, нормальные, а потому и менее эмоциогенные [Ретунская 1996: 29]. Мораль человеческая склонна скорее клеймить позором, нежели «возносить на небеса». В.Н. Телия указывает на то, что такому положению вещей способствовала библейская культура, ибо сказано: «Несотвори себе кумира» [Телия 1981: 60]. Если добавить к этому литературную традицию: например, сгущение красок и интенсификацию страдания в романтизме или сосредоточенность на общественных пороках и несовершенстве социального устройства в реализме, – то в итоге будем наблюдать реализации лондонского текста, которые будут социально-нормированными и опосредованными типами дискурса, преобладающими на конкретном временном отрезке. Эти реализации

могут включать метафорические построения типа «город страшной ночи», «ад», «тюрьма» и т. д.[113] Данные оценочные характеристики передаются социально-нормированными или идиолектными семами в составе семемы ‘London’;

(v-vii) → город – /предел мечтаний/, /возможность самореализации/, /бóльшие возможности для общения/. Данный компонент смысла реализуется в сценарии приезда человека в город (из других областей, бывших колоний и т. п.) или, в соответствии с метафорой «город-как-организм», в поглощении человека большим городом. Сценарий приезда человека в город обыкновенно связан либо со сценарием рухнувших надежд, либо со сценарием возвышения и преуспевания. Например, в 32 главе романа Ч. Диккенса «Жизнь и приключения Николаса Никльби» описываются яркие впечатления от приезда в Лондон Николаса и Смайка: «’London at last!’ cried Nicholas, throwing back his greatcoat and rousing Smike from a long nap. <…> They rattled on through the noisy, bustling, crowded street of London, now displaying long double rows of brightly-burning lamps, dotted here and there with the chemists’ glaring lights, and illuminated besides with the brilliant flood that streamed from the windows of the shops, where sparkling jewellery, silks and velvets of the richest colours, the most inviting delicacies, and most sumptuous articles of luxurious ornament, succeeded each other in rich and glittering profusion. Streams of people apparently without end poured on and on, jostling each other in the crowd and hurrying forward, scarcely seeming to notice the riches that surrounded them on every side; while vehicles of all shapes and makes, mingled up together in one moving mass, like running water, lent their ceaseless roar to swell the noise and tumult [Dickens 1838-1839]. В 64 главе Николас вспоминает о том, как они со Смайком, полные надежд, шли к Лондону, и не может поверить в то, что с тех пор так много всего произошло: he could hardly believe but that all which had since happened had been a dream, and

[113] Подробнее см. Разделы 5.2.5. «Лондон как Вавилон; метафора ада; лондонская толпа»; 5.7.3. «Лондон как враждебное пространство».

that they [Smike and he] were still plodding wearily on towards London, with the world before them [Ibid.].

5.7.2. Актуализация выделенных семантических компонентов в конкретных реализациях лондонского текста

(i-ii) /отчужденность/, /поверхностные контакты/, /подавление человека городом/, /депрессия/, /тема маленького человека/

Заметим предварительно, что городская культура зачастую базируется на принципе анонимности и автономности личности в существенной степени [Cf.: Агеева 2000: 46]. Отчуждение людей друг от друга нарастает на фоне отчуждения человека от природы. Согласно выдающемуся немецкому социологу Максу Веберу, одним из основных признаков города на любой стадии его развития является то, что, несмотря на размещение в нем домов практически вплотную, его жители утрачивают «специфическое для соседского сообщества личное знакомство друг с другом» [Вебер 2001: 308]. Итак, несмотря на перенаселенность мегаполиса и огромное количество ежедневных контактов его жителей, личность в нем становиться крайне обособленной, индивидуализированной. Согласно немецкому социологу и философу урбанизма Георгу Зиммелю, не существует, возможно, другого такого явления духовной жизни, которое бы так характеризовало большой город, как бесчувственное равнодушие, – вот результат духовной разобщенности его жителей! [Зиммель 2002: 27]. Г. Зиммель полагает, что, для того чтобы противостоять «насилию большого города» [Op. cit.: 24], его жители должны обладать не эмоциональным, а рассудочным сознанием, которое при этом будет функционировать во взаимодействии с капиталистическими рыночными механизмами. Вовлеченность жителей мегаполиса в денежный тип хозяйства ведет к обесцениванию человеческих отношений за счет того, что им придается исключительно вещественный характер.

Итак, с учетом этих социально-нормированных предпосылок, имеем следующий контекстный ряд, в котором реализуются указанные признаки лондонского текста: «I shall therefore retire into the Town <…> and get into the

Crowd again as fast as I can, in order to be alone» [Addison 1711]; «London, the best retirement of either grief or shame <…>; for here you have the advantage of solitude without its disadvantage, since you may be alone and in company at the same time; and while you walk or sit unobserved, noise, hurry, and a constant succession of objects, entertain the mind, and prevent the spirits from preying on themselves» [Fielding 1749]; «“Do you suppose them to be in London?” – “Yes; where else can they be so well concealed?”» [Austen 1813]; «[Miss La Creevy:] one of the many to whom, from straitened circumstances, a consequent inability to form the associations they would wish, and a disinclination to mix with the society they could obtain, London is as complete a solitude as the plains of Syria» [Dickens 1838-1839]; «No man ever was left to himself for the first time in the streets, as yet unknown, of London but he must have been saddened and mortified, perhaps terrified, by the sense of desertion and utter loneliness which belongs to his situation» [Quincey de 1853]; «… you become aware that you are no longer noticed: nobody sees you; nobody hears you; nobody regards you; you do not even regard yourself» [Ibid.]; «In London <...> you lose your identity. What are you there? I ask you, what? <...> ... in London you are nobody; I tell you honestly, <...> a week of London literally drives me home to discover the individual where I left him» [Meredith 1879]; «There is a luxury in the knowledge that one may come and go in London without being noticed, even when his comings and goings have no nefarious end» [James 1888: 9]; «She vanished into the vast anonymous mass of the population of London» [Maugham 1915]; «This is Oxford Street. Here are hate, jealousy, hurry, and indifference frothed into the wild semblance of life» [Woolf 1931]; «the futility of London» [Ibid.]; «Here [in London] in this capitalism of the feelings no one cares for another person. <…> Everyone is left to rot alone. No one will pick up another person when they are right down» [Kureishi 1990: 215]; «I was filled with the <…> depression which issued from the very streets of London <…>. I believe that my depression sprang from the fear that I, too, would become <…> another pale, baffled, defeated, tremulous human figure standing in the London lamplight» [Ackroyd 1992: 59]; «… the great proportion of

‘asylum seekers’, legal or illegal, gravitate towards London, because that is where they can most easily lose themselves in a crowd» [Wilson 2004].

Лондонская толпа, таким образом, безымянна, обезличена и воплощает одиночество жизни в мегаполисе, бесконечную отчужденность, присущую городскому бытию.

К мотиву отчужденности близки мотивы (i) покинутости, заброшенности и (ii) призрачности всего происходящего, которые реализуются в следующих контекстах: (i) «I most vividly recall the soft light of the infrequent street-lamps as well as the strange sense of desolation which accompanied me in this London evening time» [Ackroyd 1992: 12]; (ii) «… hurrying figures of men and women weaving to and fro, with no apparent purposes intelligible to a stranger, seeming like <…> a pageant of phantoms» [Quincey de 1853]; «phantoms haunt those shadowy streets, / And mingle freely there with sparse mankind; / And tell of ancient woes and black defeats»; «I have seen phantoms there that were as men / And men that were as phantoms flit and roam» [Thomson, 1874]; «the great main thoroughfare with its narcotic and shadowy life <…> appeared vast, interminable, grey, and those who travelled by it were scarcely real, the bodies of the living, but rather the uncertain and misty shapes <…> here every one was a phantom» [Machen 1907]; «Unreal City, / Under the brown fog of a winter dawn», «Falling towers / Jerusalem Athens Alexandria / Vienna London / Unreal» [Eliot 1922]; «mind-forged, unreal city» [McKendrik, J. The Deadhouse, 1997. Cit. ex.: Ford 2012: 21]; «a visionary city» [Ackroyd 2000: 768].

Лондон с его призрачной, трагической и болезненной жизнью в поэме шотландского поэта Джеймса Томсона «Город страшной ночи» (*The City of Dreadful Night*, 1874) во многом походит на Лондон из «Исповеди англичанина, употреблявшего опиум» (*Confessions of an English Opium-Eater*, 1822) английского писателя Томаса де Куинси, которому Томсон отчасти подражал. Лондонские скитания героя де Куинси, его чувство потерянности в закоулках огромного города среди необозримого множества незнакомых лиц приобретают подлинное значение в его опиумных снах, полных глубокой

тяжелой меланхолии и символизирующих одинокую беспомощность человека в хаосе действительности: «I <…> was falling into a deep melancholy, from brooding too much on the sufferings which I had witnessed in London»; «Perhaps some part of my London life might be answerable for this. Be that as it may, now it was that upon the rocking waters of the ocean the human face began to appear; the sea appeared paved with innumerable faces upturned to the heavens – faces imploring, wrathful, despairing, surged upwards by thousands, by myriads, by generations, by centuries» [Quincey de 1822].

В поэме Т.С. Элиота «Бесплодная земля» британская столица приобретает особую культурную значимость потому, что она аккумулирует и воспроизводит не только свои воплощения из елизаветинской и викторианской эпох, но и полный грез Париж Бодлера, и распутный Карфаген Августина блаженного, и пришедшие в упадок столицы Иудейского царства и Древней Греции. Лондон вобрал в себя развращенность этих городов, и Элиот пристально изучает мотив порока, подобно археологу, методично раскапывающему слои ушедших цивилизаций. С другой стороны, лондонская пустыня, бесплодная земля приобретает мифическую значимость как пространство, в котором идет поиск возможности исцеления, поиск новой жизни, плодородия, энергии и смысла [Cf.: Sanders 2004: 541].

(iii) /торжество финансовой мысли/ или /бездуховное пространство/, /храм Маммоны/

Главным божеством Лондона всегда были деньги: «the glorious mart of London» [Steele 1709: 392]; «There London's voice, "Get money, money still! And then let Virtue follow if she will"» [Pope 1734][114]; «…for London <…> is the very worst of places to be in without money» [Fielding 1749]; «Where has commerce such a mart, / So rich, so thronged, so drained, and so supplied» [Cowper 1782]; «[London business quarters:] the haunts of commerce and great traffic» [Dickens 1841(b)];

[114] Это контекст из «Подражания первому посланию из первой книги Горация», адресованного лорду Болинброку. О стяжательстве, царящем в лондонском Сити, Александр Поп говорит и в сатирической поэме «Дунсиада» (*The Dunciad*, букв. «Глупиада»). Он полагает, что это, наряду с ничтожностью литераторов с Грабстрит и продажностью аристократии, неизбежно приведет страну к краху: «Nor public flame, nor private, dares to shine; / Nor human spark is left, nor glimpse divine! / Lo! thy dread empire, Chaos! is restor'd; / Light dies before thy uncreating word: / Thy hand, great Anarch! lets the curtain fall; / And universal Darkness buries all» [Pope 1743].

«The wealth of London is almost boundless» [Bartlett 1852]; «… the gigantic activity that characterises London's commercial exploits» [Manby Smith 1857]; «It is a city of saints and sinners, where God and Mammon have each their temples and their crowds of worshippers»; «the capital of commerce» [Ewing Ritchie 1880]; «There's no God in London, / Weary, wicked London» [Kipling 1884]; «London luxury is immeasurably great» [James 1888: 22]; «London's God had become Mammon – Mammon so respectable as to deceive himself» [Galsworthy 1920]; «London is the clearing-house of the world» [Chamberlain, J. Speech at Guildhall, 1924. Cit. ex: OQRQ: 211]; «The Bank of England is no ordinary cross-roads in London; it is the hub of Empire. That Empire is not primarily one of the sword <…> it is the greatest Empire of Commerce the world has ever seen» [Valance, A., The Centre of the World, 1935. Cit. ex: Black 1999: 127]; «London, getting and spending» [Fowles 1974]; «London is established upon commercial profit and financial speculation» [Ackroyd 2000: 139]; «… a city of Mammon, with precincts and labyrinths and temples devoted to that deity» [Op. cit.: 519].

В современных условиях признак /clearing-house/ в составе семемы 'London' следует считать частично виртуализованным: практически все крупнейшие банки и страховые компании в Лондоне, которые когда-то принадлежали английским семьям, были поглощены гигантскими финансовыми корпорациями из Германии или США. Лондонский Сити, некогда являвшийся бастионом английской экономической мощи, теперь находится в собственности иностранного капитала. Соответственно, комбинация признаков /greatest/ + /empire of commerce/ также виртуализована.

В связи с последним контекстом представляется любопытной история тюрьмы Флит (*the Fleet Prison*), одной из старейших лондонских тюрем, которая перестраивалась дважды: после Великого пожара 1666 г. и после бунта лорда Гордона в 1780 г. – и была снесена в 1846 г. Если в средние века туда попадали мелкие правонарушители, в тюдоровскую эпоху – люди, пострадавшие из-за своих религиозных убеждений, то в великий век коммерции ее заключенными стали должники [Fleet Prison / LE: 283-284]. Как

иронически отмечает английский историк Э.Н. Уилсон, «…в эпоху Адама Смита самый тяжкий грех, который можно было совершить, был не против Бога, а против Маммоны [Wilson 2004: 8].

(iv) Лондон как враждебное человеку пространство или благоприятное пространство

Представляется возможным выделить несколько типичных сценарийных реализаций лондонского текста (несомненно, их ряд остается открытым), соотносящихся с двумя обозначенными позициями прагматической оценочности.

В этой связи заметим предварительно, что американским историком К.Э. Шорске выделяются три оценочных представления о городе, которые проходят сквозь всю европейскую культуру: город добродетельный («city as virtue»), город порочный («city as vice») и город вне добра и зла («city beyond good and evil») [Schorske 1998: 37]. Так, замечает Шорске, философия Просвещения оптимистично рисовала образ добродетельного города. Однако в XIX в. проявились пагубные последствия урбанизации, и восприятие города претерпело изменения: он превратился в вертеп порока. Начиная с середины XIX в., тем не менее, формируется новое безоценочное представление о городе, как о закономерной, естественной среде обитания человека. При этом, как подчеркивает Шорске, ни одно представление о городе не отменяет предыдущее: они сложно переплетаются в культуре любого периода [Op. cit.: 40-42].

5.7.3. Лондон как враждебное пространство

Представляется, что город может восприниматься как враждебное человеку пространство за счет того, что сильно урбанизированный ландшафт – это в высшей степени искусственная среда[115], где человек наиболее отчужден от природы в том смысле, что его отношение к реальности осуществляется через оперирование сложными знаковыми системами, являющимися

[115] Неслучайно в поэме «Задача» (*The Task*), в которой значительное место отведено описаниям Лондона, английский поэт Уильям Купер (1731-1800) замечает следующее: «God made the country, and man made the town» [Cowper 1782].

вторичными по отношению к ней. Город воспринимается как нечто противное человеческой сущности: городская жизнь утомляет своей сложностью и многообразием кодов, а на фоне отчуждения человека от природы нарастает отчуждение людей друг от друга. По замечанию П.С. Гуревича, человек стал утрачивать естественные корни: сотворив искусственный «надприродный» мир: «он устремился в космос артефактов» и «природа оказалась растерзанной» [Гуревич 1995: 158]. Громада города подавляет человеческую личность; город – это средоточие нищеты и порока; здесь наиболее отчетливо проявляются социальные конфликты; жители города не в силах порвать с затхлой средой, тупой работой и убожеством своего монотонного существования. Город оказывается местом повышенной концентрации различных антиобщественных проявлений. Порождая большие возможности, а, следовательно, надежды, город может оказаться и местом их крушения. Исследователи городской среды указывают на то, что урбанизация сопровождается повышенной дифференциацией населения, усилением миграционных потоков и, соответственно, появлением социальных групп, находящихся на стадии адаптации. Урбанизация также влечет за собой интенсификацию всех общественных процессов, трансформацию традиционных форм деятельности и ослабление привычных соседских связей» [Cf.: Агеева 2004: 170].

По Л. Мамфорду, мегаполис, будучи современным этапом развития урбанистической цивилизации, заключает в себе существенно больше недостатков, чем достоинств. Гигантский город, «огромный конгломерат торгового, промышленного, аристократического и королевского городов» [Mumford 1970(b): 432], являет собой последний этап цивилизационного цикла, который предшествует распаду. Мамфорд также отмечает, что закономерными признаками мегаполиса становятся утрата личностной автономии, постоянные разочарования и непрекращающиеся оскорбления» [Op. cit.: 544][116]. Гигантские

[116] Ср. разочарование главного героя С. Моэма в романе «Бремя страстей человеческих» (*Of Human Bondage*): «He had expected wonderful things from London and it had given him nothing» [Maugham 1915].

размеры современных мегаполисов, необъятные даже в воображении, неизбежно приводят к дискретности восприятия, к потере ощущения центра и, наконец, к возрастающей фрагментации сознания и самоощущения горожан.

/Материальное неблагополучие/

Данный признак из состава лондонского текста реализуется в следующих контекстах: «I wander thro' each charter'd street, / Near where the charter'd Thames does flow, / And mark in every face I meet / Marks of weakness, marks of woe» [Blake 1794]; «Nowhere is there such pauperism as in London» [Ewing Ritchie 1880]; «Wherein consists the virtue of British civilization <…> if in broad daylight, in the principal thoroughfares of London, your eyes and ears are to be shocked by scenes which <…> would be deemed disgraceful in a land of savages?» [Ibid.]; «… in archers under the embankment barefoot children starved to death. In the capital of the richest empire the world had ever seen was poverty which would compare with the most deprived parts of Africa and South America in the twenty-first century» [Wilson 2004: 86].

Викторианцы, впрочем, считали, что сама природа беднейших слоев населения изначально порочна и зачастую отказывались признавать то, что к падению нравов вели невыносимые условия жизни и отсутствие социального обеспечения [Cf.: Nead 2000: 113]: «One of the most frightful features of London poverty is the lax morality of the poor, in theories and principles, as well as acts» [Bartlett 1852]; «Purity our watchword; prosperity and respectability. If not, why, let 'em fester in <…> Cripplegate; St. Giles's; Whitechapel; the Minories[117]. Let 'em sweat at the mines; cough at the looms; rightly endure their lot. That's the price of Empire; that's the white man's burden» [Woolf 1941]. Очевидно, что в современных условиях этот признак следует считать частично виртуализованным: по замечанию английского историка Э.Н. Уилсона, во второй половине XX века в британской столице уже не было нищеты в масштабах викторианского и эдвардианского периодов. Однако разрыв между бедными и богатыми даже увеличился, что дало многим безработным и

[117] Беднейшие кварталы Лондона в те времена.

малообразованным людям еще больше оснований видеть единственный выход из своего униженного положения в преступной деятельности [Wilson 2004: 126].

/Запустение/, /грязь/, /некрасивость/

Данные признаки из состава лондонского текста реализуются в следующих контекстах: «Baker Streets, and Harley Streets, and Wimpole Streets, and all those flat, dull, spiritless streets, resembling each other like a large family of plain children» [Disraeli 1847]; «You can draw up a tremendous list of reasons why it [London] should be insupportable. The fogs, the smoke, the dirt, the darkness, the wet, the distances, the ugliness, the brutal size of the place, the horrible numerosity of society, the manner in which this senseless bigness is fatal to amenity, to convenience, to conversation, to good manners – all this and much more you may expatiate upon. You may call it dreary, heavy, stupid, dull, inhuman, vulgar at heart and tiresome in form» [James 188-1882: 27]; «... miles upon miles of the dreariest, stodgiest commonness. <...> Thousands of acres are covered by low black houses of the cheapest construction, without ornament, without grace, without character or even identity» [James 1888]; «In ‘37, when she [Queen Victoria] came to the throne, ‘Superior Dosset’ was still building houses to make London hideous» [Galsworthy 1920].

Действительно, Лондон всегда страдал от перенаселенности и недостатка качественных жилых строений: так, в 1800 г. население Лондона составляло около миллиона жителей, а к 1880 г. оно разрослось до 4,5 миллионов [Cf.: Olsen 1976: 69]. Результатом этого стремительного роста, а также развития торговли были немыслимые для сегодняшнего дня грязь и нищета. Вплоть до второй половины XIX в. по улицам можно было прогонять животных, а в черте города располагались скотобойни и рынки скота (ср. описание Смитфилдского рынка в «Оливере Твисте»). Во многих частях города нечистоты сливались в сточные канавы, которые вели прямо в Темзу, которую Б. Дизраели описал как адское болото: «a Stygian pool reeking with ineffable and unbearable horror» [Cit. ex: Wilson 2004: 78]. В первой половине XIX в. несколько десятков тысяч

жителей Лондона умерло от холеры. Однако сооружение канализационных систем по плану, разработанному председателем Столичного управления городского хозяйства (*Metropolitan Board of Works*) сэром Джозефом Базальджеттом, что стало триумфом викторианской инженерной мысли и городского планирования, было завершено лишь к 1875 г.

Продолжим хронологический контекстный ряд, содержащий реализации указанных признаков: «Milk delivered at your door in London positively brown with dirt» [Woolf 1927]; «Polluted city, unbelieving city, city of dead fish and worn-out frying-pans» [Woolf 1937]; «… we passed over the slums of Herne Hill and Brixton <…>. I <…> gazed out at the rows of disintegrating Victorian houses. The gardens were full of rusting junk and sodden overcoats; lines of washing criss-crossed over the debris» [Kureishi 1990: 43].

В последнем контексте описывается поездка по пригородной железной дороге – сценарий лондонской жизни, весьма показательный в плане раскрытия характера лондонских окраин. Так, персонаж из романа Г.Дж. Уэллса «Тоно Бенге», ехавший в Лондон в начале 1900-х годов по Юго-восточной железной дороге, говорит о своей поездке следующее: «I came to it on a dull and smoky day by the South Eastern Railway <…>. … diminishing interspaces of market garden and dingy grass to regions of interlacing railway lines, big factories, gasometers and wide reeking swamps of dingy little homes, more of them and more and more. The number of these and their dinginess and poverty increased <…>. The congestion of houses intensified and piled up presently into tenements; I marveled more and more at this boundless world of dingy people» [Wells 1909].

Продолжение контекстного ряда: «… Central London <…> was being ripped apart: the rotten was being replaced by the new, and the new was ugly. The gift of creating beauty has been lost somewhere» [Kureishi 1990: 258]; «The change, begun by Hitler's Luftwaffe and gleefully continued by two generations of modern architects, was the destruction and rebuilding of Old London <…>. The Square Mile of the City has all but been obliterated by it» [Wilson 2004: 11]; «London <…> a

great splurge of needlessly dreary buildings <…> badly executed, badly designed and ugly, ugly, ugly» [Ibid.].

Перестройка города после колоссальных разрушений Второй мировой войны оказалась, согласно мнению подавляющего большинства, неудачной, и в результате нее многие районы Лондона приобрели серый безликий характер. В современном Лондоне изношенность ветхого фонда также значительна.

Отметим, что Лондон не строился по единому градостроительному плану, всегда отличался крайней хаотичностью застройки, а все проекты по его реконструкции и благоустройству неизбежно проваливались. Известно, что после Великого лондонского пожара 1666 г. были разработаны планы реконструкции Лондона, среди которых особенно выделялись геометрически упорядоченные проекты К. Рена и Дж. Ивлина. Однако ни один из них не был и не мог быть претворен в жизнь. Город возродился на основе своей древней топографии и своих собственных, неподвластных логическому планированию законов. После Второй мировой войны не удалось осуществить планы рационализации дорожного сообщения в британской столице. Будучи саморегулирующимся организмом, Лондон, как подчеркивает П. Акройд, упорно сохраняет свой характер еще с тюдоровской эпохи, когда не были выполнены первые указы о городском планировании [Акройд 2005: 855].

Описываемые признаки лондонского текста связаны с мотивом утраченных надежд: как подмечает главный герой романа Х. Курейши «Будда из пригорода», обветшание британской столицы идет параллельно всеобщему разочарованию: «London’s dilapidation runs parallel to the general mood of disillusionment» [Kureishi, 1990: 259].

Особый акцент на грязь, неустроенность и некрасивость Лондона делается в произведениях и многих других постколониальных писателей. Например, в романе А.А. Айду «Наша сестра-брюзга» повествование построено так, что внимание читателя постоянно обращается к лондонской грязи и беспорядку: «dirt», «mess», «disorder», – а британская столица сводится к континууму безликих толп, холодных улиц с унылыми фасадами, закрытых дверей и

неотапливаемых комнат: «London's faceless crowds, alienating streets, drab buildings, closed doors and cold rooms» [Aidoo 1977: 47, 59, 97-98].

В романе «Податливыйгород» (*Soft City*) английский писатель Джонатан Рабан (род. в 1942г.) отмечает такие характеристики Лондона, как «totality», «sheer cumbersomeness», «intrinsicillegibility» [Raban 1974: 32, 92, 242]. Он также указывает на то, что в литературных описаниях английских городов, в частности, Лондона самым распространенным признаком является грязь, которая, по мнению писателя, служит своего рода «моральной синекдохой» (*moral synecdoche* [Op. cit.: 32]) британского колониального управления и хаоса, к которому оно привело: ««the big *mess* the Empire made of the world» [Ball 2004: 7; курсив мой – *А.С.*].

/Непогода/

Данный признак реализован в следующих контекстах: «London doth mourn, Lambeth is quite forlorn; / Trades cry, woe worth that ever they were born» [Nashe. Autumn, 1590]; «Now in contiguous drops the flood comes down, Threatening with deluge this devoted town»; «Filth of all hues and odour, seem to tell / What street they sail'd from, by their sight and smell»; «all drench'd in mud» [Swift 1710].

Любопытно гротескное описание лондонских морозов Елизаветинских времен в романе В. Вулф «Орландо», когда Темза покрылась льдом и люди замерзали на ходу. После этого грянул страшный ливень, Темза освободилась ото льда, и всю ее усеяли айсберги. Потонуло много людей: «An old nobleman – for such his furred gown and golden chain proclaimed him – went down not far from where Orlando stood, calling vengeance upon the Irish rebels, who, he cried with his last breath, had plotted this devilry» [Woolf 1928].

Больше всего о лондонской непогоде нам известно из источников XIX в. Так, в том же романе «Орландо» В. Вулф полушутя, полусерьезно написала о том, что в тот период климат в Англии якобы изменился: «The great cloud which hung, not only over London, but over the whole of the British Isles on the first day of the nineteenth century stayed <…> long enough to have extraordinary consequences

upon those who lived beneath its shadow. A change seemed to have come over the climate of England. Rain fell frequently, but only in fitful gusts, which were no sooner over than they began again» [Ibid.].

Продолжим хронологический контекстный ряд, содержащий реализации указанного признака: «At least one half the days in a year of London weather are wet and rainy, and during such weather the streets are full of mud» [Bartlett 1852]; «… rain began to fall <…> and London people began to <…> look out hopelessly at the sky as the rain dropped thicker and faster» [Dickens 1857]; «... the atmosphere, with its magnificent mystifications, which flatters and superfuses, makes everything brown, rich, dim, vague, magnifies distances and minimises details, confirms the inference of vastness by suggesting that, as the great city makes everything, it makes its own system of weather and its own optical laws» [James 1888: 16].

Описания лондонской погоды в XIX веке изобилуют словами «gloomy», «dismal», «dreary», «desolate», «depressed», «dispirited», «murky», «sombre», что связано с дождями и туманами, а также с тем, что ноябрь и декабрь были излюбленными месяцами самоубийц, поскольку депрессия людей усугублялась из-за плохой погоды. Особенно мрачными были зимние месяцы: «London's winter murkiness» [Fogs / LE: 288]. Многие из несчастных бросались в Темзу: «the river had an awful look, the buildings on the banks were muffled in black shrouds, and the reflected lights seemed to originate deep in the water, as if the spectres of suicides were holding them to show where they went down» [Dickens 1859(b)]; «The mighty river flowing dark and deep, / With ebb and flood from the remote sea-tides / Vague-sounding through the City's sleepless sleep, / Is named the River of the Suicides» [Thomson 1874].

Самым известным метеорологическим явлением в мире, по замечанию П. Акройда, является лондонский туман [Ackroyd 2000: 432]. О тумане как о неотъемлемой характеристике Лондона пишет, например, Ч. Диккенс, называя его «London particular» (этот фразеологизм впервые встречается в романе «Холодный дом», опубликованном в 1852 г.) Существует также общепризнанный экологический термин «London (-type) smoke»,

обозначающий густой туман, смешанный с дымом и копотью [London smoke / OEDHP]. Английский поэт Эдвард Лир (1812-1888), основоположник поэзии абсурда, в своих письмах называл Лондон «туманополем» – *foggopolis* [Lear 1911: 124].

Поскольку в комедии «Сон в летнюю ночь» У. Шекспир упоминает «Drooping fog as black as Acheron» [Shakespeare 1596: 293], Лондон страдал от туманов, смешанных с сажей, по крайней мере, с XVI века. В трактате «Fumifugium» английский писатель и мемуарист Джон Эвелин (1620-1706) писал о вреде, котором загрязненная атмосфера, «that Hellish and dismall cloud of sea-coale» [Evelyn 1661], наносила здоровью лондонцев, пагубно воздействуя на их легкие. Эвелин предлагал вынести все вредное производство за пределы Лондона и посадить в городе цветы и кустарники: «Pinks, Carnations, Cloves, Strock-gilly-flower, Primroses, Auriculars, Violets, <…> Cowslips, Lillies, Narcissus, Strawberries, Spike, Camomile, Balm, Mint, Marjoram, Pempernel, and Serpillum» [Evelyn 1661]. Однако городские власти не прислушались к его рекомендациям: количество сжигаемого в Лондоне угля продолжило расти, а «дымовая завеса» стала только гуще. 27 декабря 1813 г. смог был настолько сильным, что принцу-регенту, направлявшемуся в центр Лондона, пришлось вернуться в свою загородную резиденцию. В викторианскую эпоху туманы стали еще чаще и продолжительнее. Так, в 1879 г. туман начался в ноябре и окончательно не рассеялся до марта следующего года!

Лондонцы страдали от смога до второй половины XX века, после чего частота и плотность лондонских туманов уменьшились. Это было связано с постепенным отказом от угольного топлива и переходом на газ, а также с ростом британской столицы и рассредоточением предприятий на большей площади. Последние печально известные туманы имели место в 1952 г., когда в общей сложности погибли 4000 людей, и в 1957 г., когда из-за плохой видимости произошла железнодорожная катастрофа в лондонском районе Левишем [Fogs / LE: 287-288].

Тем не менее, по утверждению О. Уайльда, лондонские туманы существуют лишь потому, что поэты и живописцы показали людям таинственную прелесть подобных эффектов: «Where, if not from the Impressionists, do we get those wonderful brown fogs that come creeping down our streets, blurring the gas-lamps and changing the houses into monstrous shadows? <…> The extraordinary change that has taken place in the climate of London during the last ten years is entirely due to a particular school of Art. There may have been fogs for centuries in London. <…> But no one saw them, and so we do not know anything about them. They did not exist till Art had invented them. Now, it must be admitted, fogs are carried to excess» [Wilde 1891]. Сам Уайльд в 1881 г. написал импрессионистическое стихотворение «Impression du Matin», содержащее описание тумана лондонским утром: «The yellow fog came creeping down / The bridges, till the houses' walls / Seemed changed to shadows, and St. Paul's / Loomed like a bubble o'er the town» [Wilde 1881].

Действительно, английская фольклорная, литературная и публицистическая традиция изобилует описаниями тумана в британской столице – ср. популярную в XIX в. песенку, свидетельствующую о высокой степени «ангажированности», реализованности данного компонента лондонского текста: «I'm just a little girl, lost in the fog, / Me and my dog, / Won't some kind gentleman see me 'ome?» [Cit. ex: Fogs / LE: 288]. Приведем широкий ряд литературных контекстов, в которых актуализован данный признак: «… all manner of Diseases having so universal a vehicle as is that of the pernicious Smoake, which perpetually invests this City» [Evelyn 1661]; «[Smithfield:] The night was dark and foggy. The lights in the shops could scarecely struggle through the heavy mist, which thickened every moment and shrouded the streets and houses in gloom; rendering the strange place still stranger» [Dickens 1837-1839]; «It was a cold, dry, foggy morning in early spring. A few meagre shadows flitted to and fro in the misty streets, and occasionally there loomed through the dull vapour, the heavy outline of some hackney coach <...>. The sluggish darkness thickened as the day came on; and those who had the courage to rise and peep at the gloomy street from their curtained

windows, crept back to bed again, and coiled themselves up to sleep» [Dickens 1838-1839]; «… the fog filled every nook and corner with a thick dense cloud. Every object was obscure at one or two yards' distance. The warning lights and fires upon the river were powerless beneath this pall, and, but for a raw and piercing chillness in the air, and now and then the cry of some bewildered boatman as he rested on his oars and tried to make out where he was, the river itself might have been miles away» [Dickens 1841(b)]; «You have the same soft-soapy atmosphere served up at breakfast, dinner, tea, and supper; every time you open your mouth you partake of it <…> fleecy fog» [Miller 1852]; «... I saw / Fog only, the great tawny weltering fog, / Involve the passive city, strangle it / Alive, and draw it off into the void, / Spires, bridges, streets, and squares, as if a sponge / Had wiped out London...» [Barret Browning 1856]; «But sit in London, at the day's decline, / And view the city perish in the mist / Like Pharaoh's armaments in the deep Red Sea» [Ibid.]; «… you can't get fresh air in the City, its soot is fatal to your health, its fogs carry one off to a premature grave» [Ewing Ritchie 1880]; «The sun, new risen, / Looks through the horizontal misty air, / Shorn of his beams» [Russell 1880]; «a great chocolate-coloured pall»; «The dismal quarter of Soho seen under these changing glimpses, with its muddy ways, and slatternly passengers <…> seemed <…> like a district of some city in a nightmare» [Stevenson 1886]; «… a dun-coloured veil hung over the house-tops, looking like the reflection of the mud-coloured streets beneath» [Doyle 1887]; «… the day had been a dreary one, and a dense drizzly fog lay low upon the great city <…> steamy, vaporous air» [Doyle 1890]; «… fog lay heavy on London, making the streets dark and terrible» [Machen 1907]; «This city where the dun fog stays, / These tired faces in the rain, / O Providence, I will not praise» [Cornford 1930: 508].

В стихотворении «In partibus» Р. Киплинг пишет о том, что лондский туман был создан для того, чтобы скрыть ужасные пороки британской столицы: «… seething vice / Thrust out upon the street. / <…> / And 'twas to hide their heathendom / The beastly fog was made» [Kipling 1889: 468].

Пелена тумана становится основанием для сравнения Лондона с лабиринтом, адом или могилой, а лондонцев – с призраками: «…it is hereby rendred a Labyrinth in its principal passages» [Evelyn 1661]; «… the fog was denser than ever, – very black, indeed more like a distillation of mud than anything else; the ghost of mud, – the spiritualized medium of departed mud, through which the dead citizens of London probably tread in the Hades whither they are translated» [Hawthorne 1855-1857]; «... it was a solemn consideration what enormous hosts of dead belong to one old great city, and how, if they were raised while the living slept, there would not be the space of a pin's point in all the streets and ways for the living to come out into» [Dickens 1859(b)]; «A dense fog <…> filled one's throat and closed one's eyes, and rendered the vast City one huge sepulchre, as it were, peopled by ghosts and ghouls» [Ewing Ritchie 1880].

/Тоска/

В урбанистической науке существует мнение, что жизнь в мегаполисе коренным образом трансформирует «психическую конституцию» человека, противоречит его изначальной сущности [Cf.: Солозобов 2002]. Говоря словами немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса, в мегаполисе постоянно воспроизводится «психическое расстройство в связи с нарушением специфического способа существования человека. Оно проистекает из того, что человек по собственной вине утрачивает там свободу» [Хабермас 2002]. С этим связана депрессивная оценочность в восприятии Лондона, а также его описание через метафору тюрьмы. Контекст, весьма показательный в этом плане, находим в романе Дж. Фаулза «Волхв»: «If Rome, a city of the vulgar living, had been depressing after Greece, London, a city of the drab dead, was fifty times worse» [Fowles 1977: 614].

В рамках описания реализаций данного компонента лондонского текста представляется возможным выделить ряд аспектов.

Прежде всего, бессмысленная деятельность становится единственным видом забвения, поэтому лондонские выходные пользуются дурной репутацией дней, полных самого черного уныния и безнадежности: «It was a Sunday

afternoon, wet and cheerless: and a duller spectacle this earth of ours has not to show than a rainy Sunday in London» [Quincey de 1822]; «...dull as any London afternoon» [Barret Browning 1856]; «… a Sunday evening in London <…>. Melancholy streets, in a penitential garb of soot, steeped the souls of the people who were condemned to look at them out of windows, in dire despondency. <…> Nothing to see but streets, streets, streets. Nothing to breathe but streets, streets, streets. Nothing to change the brooding mind, or raise it up» [Dickens 1857]; «[a rainy Sunday in London:] the aspect of a vast and well-kept graveyard» [Taine 1872]; «Sunday in London. <…> Puritan fervour relapsed into negative depression. Gigantic wings of Ennui folded irresistibly over millions. Vast trails of automobiles hopelessly hooting to escape. <…> melancholy <…>, spleen <…>, sordidness <…>, ennui <…> emerge triumphant when the Lord is at rest and possess the streets» [Aldington 1929: 95].

Заметим, однако, что в «Паломничестве Чайльд-Гарольда» Байрона содержится совсем другое описание воскресного дня в Лондоне: «The Sabbath comes, a day of blessed rest: / <…> / The seventh day this; the jubilee of man / London! right well thou know’st the day of prayer: / Then thy spruce citizen, wash’d artisan, / And smug apprentice gulp their weekly air» [Byron 1818: 186].

Лондонская тоска охватывает лондонцев подобно тому, как осьминог опутывает щупальцами жертву: «In the streets the Sabbath ennui of London emerged from its lair like a large, dull grey octopus, and shot stealthy feelers of depression at them» [Aldington 1929: 99]. В данном контексте наличествует реализация анималистической метафоры.

Далее отметим, что к унынию часто ведет невозможность реализовать себя в крупном мегаполисе. В частности, в романе «Будда из пригорода» Х. Курейши замечает, что состояние многих молодых жителей Лондона можно охарактеризовать как странную депрессию, угрюмость и социальную пассивность: «weird depression and sulk and social incapacity» [Kureishi 1990: 258].

Наконец, фактором депрессии и скуки во многом обусловлены беспорядки и преступность: The sheer daily tedium of living in impoverished and unprepossessing surroundings is enough to break the spirit of many Londoners, who feel themselves in the midst of the city without redress or relief [Ackroyd 2000: 398]; «Riots <…> reflect a sense of frustration among young people in a deprived inner city area where prospects of employment are low [Wilson 2004: 130].

/Тюрьма/

Основанием метафорического переноса «Лондон-тюрьма» будет приобретение семемой ‘London’ афферентных признаков замкнутого пространства и безысходности.

Данная метафора из состава лондонского текста реализуется в следующих контекстах: «Now, mark the contrast at London – I am pent up in frowzy lodgings, where there is not room enough to swing a cat; and I breathe the steams of endless putrefaction» [Smollett 1771]; «To one who has been long in city pent, / ‘Tis very sweet to look into the fair / And open face of heaven» [Keats 1816]; «Poor wretch! who once hath paced that dolent city / Shall ever pace it, doomed beyond all pity» [Thomson 1874]; «… with pitiless faces / The dull houses stared on the prey they had trapped»; «What’s this we are doing / In this grim net of London, this prison built stark» [Morris 1887]; «The exultant and insurgent flesh seemed to have its temple and castle within those olden walls, and he longed with all his heart to escape, to set himself free <…>. It was impossible to escape from it» [Machen 1907]; «But this Capital City of the World of Affliction is still the Capitol of Darknesse, or the Dungeon of Man’s Desires» [Ackroyd 1985].

Таким образом, в соответствие с описываемой метафорой объект лондонского текста реализуется в лексемах «prison», «dungeon», «castle», «cage», «net», семемы которых – вместе с семемой ‘London’ – образуют контекстуальный класс по семам /enclosed space/ и /related to punishment or suffering/. Указанные лексемы присоединяют атрибуты с ингерентной негативной оценочностью типа «grim» или «stark», а лексемы, которыми описываются лондонские жители, присоединяют предикат «to be pent».

Любопытно, что в романе Ч. Диккенса «Большие надежды» одно из первых впечатлений Пипа, приехавшего в Лондон, связано с тюрьмой: «…a grim stone building <…> was Newgate Prison. <…> This <…> gave me a sickening idea of London…» [Dickens 1861]. Ньюгетская тюрьма – это одна из самых известных тюрем Лондона, располагавшаяся в 1188-1902 гг. на месте, где сейчас находится суд Олд-Бейли [Newgate Prison / LE].

Сквозная метафора «Лондон-как-тюрьма» образует основную изотопию в романе П. Акройда «Великий лондонский пожар» (*The Great Fire of London*)[118]. В романе жителям Лондона уготована тюрьма духа – за нравственный релятивизм, интеллектуальную слепоту и непонимание преемственности эпох. Эти люди пусты и живут как в клетке: «… a peculiar sensation of emptiness <…> night in London promises nothing; <…> it is like a cloth placed over the cage of a bird» [Ackroyd 1984: 73]. Лондон огромен, но идти там некуда: «Where do I come from and where do I go to? London is so large, so barren and so wild» [Op cit.: 40]. Это аллюзия на слова Крошки Доррит в 14 главе одноименного романа Диккенса: «‘It is the first night,’ said Little Dorrit, ‘that I have ever been away from home. And London looks so large, so barren, and so wild.’ In Little Dorrit’s eyes, its vastness under the black sky was awful» [Dickens 1857].

В этом романе, где писатель обличает долговые тюрьмы в британской столице, приводятся размышления главного героя Артура Кленнема о Лондоне-тюрьме людских судеб: «He sat in the same place as the day died, looking at the dull houses opposite, and thinking, if the disembodied spirits of former inhabitants were ever conscious of them, how they must pity themselves for their old places of imprisonment» [Ibid.].

Таким образом, человек, покидающий Лондон, вполне может вздохнуть с облегчением – как в романе Ч. Диккенса «Лавка древностей» (*The Old Curiosity Shop*): «… a hill, and on the top of that, the traveller might stop, and – looking back

---

[118] В основе сюжета «Великого лондонского пожара» – рассказ о несостоявшейся экранизации романа Ч. Диккенса «Крошка Доррит». В романе Акройда сосуществуют два плана: ушедшая викторианская эпоха и современный Лондон. Благодаря искусно выстроенной системе аллюзий исторический Лондон Ч. Диккенса с его мостами, храмами, площадями и тюрьмами выглядит реальнее иллюзорного мира персонажей «Великого Лондонского пожара», современных жителей враждебного мегаполиса.

at old Saint Paul's looming through the smoke, its cross peeping above the cloud (if the day were clear), and glittering in the sun; and casting his eyes upon the Babel out of which it grew until he traced it down to the furthest outposts of the invading army of bricks and mortar whose station lay for the present nearly at his feet – might feel at last that he was clear of London» [Dickens 1841(b)].

/Ночь/ → /летаргическое забвение/ → /смерть/

Данные признаки являют собой высшую степень «невосприятия», отторжения города человеком. Они воспроизводятся в следующих контекстах: «We might track the flight of the Angel of Death, who, with shadowy sombre wing, ever outspread over the dwellings of man, dispatches to their solemn account a thousand souls a week of our fellow-citizens alone» [Manby Smith 1857]; «At night <…> a dead, sepulchral silence seems to reign» [Ibid.]; «The City is of Night; perchance of Death / But certainly of Night; for never there / Can come the lucid morning's fragrant breath»; «Yet as in some necropolis you find / Perchance one mourner to a thousand dead, / So there: worn faces that look deaf and blind / Like tragic masks of stone»; «What men are they who haunt these fatal glooms, / And fill their living mouths with dust of death, / And make their habitations in the tombs» [Thomson 1874].

Последний контекст взят из поэмы шотландского поэта Дж. Томсона «Город страшной ночи» (*The City of Dreadful Night*). В ней рекурренция метафорических концептуальных признаков /night/, /dread/ образует основную изотопию, обеспечивающую целостность восприятия текста. Этому, в частности, способствует их использование в сильной позиции текста – заголовке. Поэма является иносказанием о Лондоне, хотя название британской столицы в ней не упоминается ни разу. Город в поэме предстает через восприятие отчаявшегося человека, потерявшего веру.

Продолжим хронологический контекстуальный ряд с реализациями описанных компонентов лондонского текста: «A crowd flowed over London Bridge, so many, / I had not thought death had undone so many» [Eliot 1922]; «I go

up and down London saying it's a city of the dead, and our civilization's dying» [Orwell 1936]; London, a city of the drab dead» [Fowles 1977: 614].

Таким образом, при воспроизведении описываемых признаков объект лондонского текста может реализоваться в лексеме «necropolis» и во фразах «the city of night», «the city of death», «the city of the dead». К присоединяемым атрибутам относятся «dead», «drab», «sepulchral», «sombre».

5.7.4. Лондон как благоприятное пространство

/Красота/, /эстетический аспект/

Согласно урбанистической теории американского социолога Л. Мамфорда, город служит воплощением эстетического духа своей эпохи [Mumford 1970(b): 179]. Соответственно, признаки /красота/, /величественность/ и пр., характеризующие Лондон с эстетической стороны реализуются в текстах различных эпох и представлены в следующих контекстах, образующих хронологический ряд: «The goodly London in her gallant trim <…> a city of <…> precious mould» [Dryden 1667]; «Earth has not any thing to show more fair <…> A sight so touching in its majesty <…> This City now doth, like a garment, wear the beauty of the morning» [Wordsworth 1802]; «The town was glad with morning light; places that had shown ugly and distrustful all night long, now wore a smile; and sparkling sunbeams dancing on chamber windows, and twinkling through blind and curtain before sleepers' eyes, shed light even into dreams, and chased away the shadows of the night» [Dickens 1841(b)]; «the most romantic town-vistas in the world» [James 1888: 10]; «the splendid city» [Op. cit.: 15]; «I love walking in London. Really, it's better than walking in the country» [Woolf 1925]; «Far from going to the dogs, London is better than ever. Once famous for its filthy food, stinking air, blackened buildings and atmosphere of defeat, it is now a neon-lit and cosmopolitan place of beauty» [Lewis 2003].

/Оплот цивилизации/, /гордость британской нации/

Предварительно приведем замечание американского социолога-урбаниста Р. Парка о том, что город – это наиболее естественная среда обитания цивилизованного человека: «What his house is to the peasant, the city is to *civilized*

man» [Park 1971: 223]. Лондон, безусловно, являет собой такую среду, о чем свидетельствует хронологический ряд контекстов с реализациями описываемых признаков: «The British capital is the particular spot in the world which communicates the greatest sense of life» [James 1888: 11]; «Never had he seen London look so enchanting – <…> the richness; the greenness; the civilisation»; «That was civilisation. <…> – the efficiency, the organisation, the communal spirit of London»; «A splendid achievement <…>, London; the season; civilisation. <…> there were moments when civilization <…> of this sort, seemed dear to him as a personal possession; moments of pride in England» [Woolf 1925]; «Now we draw near the centre of the civilized world. <…> The train slows and lengthens, as we approach London, the centre»; «… the heart of London. Innumerable wheels rush and feet press just over my head. The great avenues of civilization meet here and strike this way and that. I am in the heart of life» [Woolf 1931]; «Wimpole Street <…> is the most august of London streets <…>. … while Corinth has fallen and Messina has tumbled, while crowns have blown down the wind and old Empires have gone up in flames, Wimpole Street has remained unmoved <…> as long as Wimpole Street remains, civilisation is secure» [Woolf 1933]; «London is the hub around which all else revolves, the ordering, civilising, progressive force which influences first the Home Counties, then the entire nation, ultimately the Empire and through the Empire the Globe itself» [Moorcock 1988: 221].

Реализованные компоненты лондонского текста характеризуют британскую столицу как важнейшую составляющую «английскости» (*Englishness*). Она традиционно определяется следующим образом: «the quality or state of being English, or of displaying English characteristics» [Englishness / OEDHP]. Не вдаваясь в обширные дискуссии о различии концептов «английскость» и «британскость» (*Britishness*), отметим, что английскость может относиться ко всей Великобритании или в прошлом к Британской империи; характеризовать исключительно Англию в противоположность Шотландии и Уэльсу; в узком смысле подразумевать культурную жизнь

Лондона и окрестных городов (в противовес исторической и политической нагрузке концепта «британскость»).

Одним из способов определения английскости является попытка вывести наиболее важные, вековые, национальные характеристики англичан. Это невозможно без обращения к Лондону, который предстает как микромодель общеанглийских процессов, поскольку в нем репрезентированы вся культура и все население Англии [Cf.: Соснин 2007: 107]. Как заметил английский публицист Джеймс Юинг-Ричи (1820-1898), Лондоном должен интересоваться каждый англичанин: «Every Englishman must take an interest in London – a city which it has taken nearly two thousand years to build; whose sons, to enrich which, have sailed on every sea and fought or traded on every land; and which apparently, as the original home and centre of English-speaking people, must grow with the growth and strengthen with the strength of the world. <…> It is the brain of England, the seat of English rule, whence issue laws which are obeyed in four quarters of the globe, and the fountain of thought which agitates and rules the world» [Ewing Ritchie 1880]. Здесь говорится о следующих составляющих английскости: Лондон как образующий фактор английской цивилизации (действительно, в центре каждой цивилизации – «вечный» город, который неразрывно связан с ее судьбой); покорение Великобританией всего мира; высокая имперская миссия, которая заключалась в распространении среди «отсталых» народов принципов цивилизации, христианства, верховенства закона, либеральных реформ. В современных условиях два последних признака следует считать виртуализованными.

Наконец, британская столица может концептуализоваться как центр английской языковой и литературной традиции – как у Г. Джеймса в эссе «Лондон» из цикла путевых заметок «English Hours»: «… if the sense of life is greatest there, it is a sense of the life of people of our consecrated English speech. It is the headquarters of that strangely elastic tongue <...> For a man of letters who endeavours to cultivate <...> the medium of Shakespeare and Milton, of Hawthorne and Emerson <...> London must ever have a great illustrative and suggestive value,

and indeed a kind of sanctity. It is the single place in which most readers <...> are gathered together; it is the most inclusive public and the largest social incarnation of the language, of the tradition» [James 1888: 12].

/Источник жизненной энергии/

Данный признак из состава лондонского текста реализуется в следующих контекстах: «At length they all to mery London came, / To mery London, my most kyndly nurse, / That to me gave this lifes first native sourse» [Spenser 1596]; «... the very core of London, <...> the heart of its business and animation, <...> a whirl of noise and motion, <...> the giant currents of life that flow ceaselessly on from different quarters, and meet beneath its walls» [Dickens 1838-1839]; «Here at my feet what wonders pass, / What endless, active life is here! / What blowing daisies, fragrant grass! / An air-stirr'd forest, fresh and clear»; / «Calm soul of all things! make it mine / To feel, amid the city's jar, / That there abides a peace of thine, / Man did not make, and cannot mar» [Arnold. Lines Written in Kensington Gardens, 1867]; «June had drawn out every leaf on the trees. The mothers of Pimlico gave suck to their young. <…> Piccadilly seemed to chafe the very air in the Park and lift its leaves hotly, brilliantly, on waves of <…> divine vitality» [Woolf 1925].

Лондон известен своими парками и зелеными зонами. Согласно Британской энциклопедии, «urban tensions [in London] are moderated by <…> the relatively human proportions of a cityscape rich in greenery and open spaces» [London / NEB]. Уже к 1770 г. в Лондоне и вокруг него насчитывалось более 200 «садов для отдыха» – *pleasure gardens*. К крупнейшим современным паркам относятся Риджентс-парк, Кенсингтон-гарденс, Гайд-парк, Грин-парк и Бакингем-парк. Широко известно высказывание «парки – это легкие Лондона»: «the parks are the lungs of London » [Cit. ex: OQRQ: 212]. Автором этих слов считается Уильям Питт, граф Чатемский (1708-1778), а известность они получили после того, как 30 июня 1808 г. Уильям Уиндем употребил их в своей речи в Палате общин.

Ср. тж. следующие контексты: «[Kensington Gardens], the most beautiful piece of artificial woodland and park scenery that I have ever seen»

[Hawthorne 1855-1857]; « From Hyde Park in the west to Victoria Park in the east all the verdant spots and gardens which constitute the lungs of London are dotted over with her inhabitants of all ages and grades, come forth to breathe the air of heaven and look the welcome sky in the face» [Manby Smith 1857]; «The [pleasure] gardens [of Cremorne] are beautiful <...> adorned with really fine trees, and watered by the Thames, here almost a silver stream <...> on a summer evening the air is fresh and balmy, the amusements are varied, the company are genteel in appearance <...> the women are well-dressed and well-behaved» [Ewing Ritchie 1869: 115]; «the congregation of the parks, which constitute an ornament not elsewhere to be matched and give the place a superiority that none of its uglinesses overcome, They spread themselves with such a luxury of space in the centre of the town that they form a part of the impression of any walk, of almost any view, and, with an audacity altogether their own, make a pastoral landscape under the smoky sky. There is no mood of the rich London climate that is not becoming to them» [James 1888: 16]; «He had been used to delight in the grace of St. James' Park, <...> and he found a continual magic in the beautiful Thames with its barges and its wharfs; the changing sky of London had filled his soul with pleasant fancies» [Maugham 1915]; «… the flowers the English love so much and tend so skillfully in the cleanly wantonness of their gardens, as surprisingly beautiful as the poets of that bleak race! [Aldington 1929: 136].

В книге «Викторианский Лондон» английского историка Лайзы Пикар, специализирующейся на изучении британской столицы, парки называются ее зеленым ожерельем: «The old-established royal parks led through central London like a green necklace, from St. James's Park at the foot Buckingham Palace, round the Palace by Green Park, and across the traffic at Hyde Park Corner into Hyde Park, with Kensington Gardens further west. Regent's Park lay to the north, at the edge of the built-up area» [Picard 2006: 252].

<u>/Источник вдохновения/; метафора «Лондон-театр»</u>

О Лондоне-источнике вдохновения неоднократно писал Ч. Диккенс. Зрелища лондонских улиц были для него «волшебным фонарем», наполнявшим

его воображение диковинными драматическими образами. В 1846 г. в письме из Лозанны, сравнительно небольшого города, писатель сетует своему другу Дж. Форстеру на то, как ему сложно работать над «Домби и сыном» без суеты и зрелищ огромного Лондона: «My speed of writing is impeded by the absence of streets and numbers of figures. I can't express how much I want these. It seems as if they supplied something to my brain, which it cannot bear, when busy, to lose. For a week or a fortright I can write prodigiously in a retired place … and a day in London sets me up again and starts me. But the toil and labour of writing, day after day, without that magic lantern is *IMMENSE*!!» [Dickens 1846: 612].

На важность текстов Диккенса в формировании представлений о британской столице того времени указывает О. Мандельштам в стихотворении «Домби сын»: «У Чарльза Диккенса спросите, / Что было в Лондоне тогда: / Контора Домби в старом Сити / И Темзы желтая вода» [Мандельштам 1991]. Действие почти всех романов Диккенса развертывается на фоне Лондона. Книги его трудно представить себе без описания улиц Лондона, шума Лондона, пестрого и разнообразного его населения. Диккенс изучил и изобразил все стороны жизни британской столицы и подробно описал топографию Лондона. В очерке «Лавки и их хозяева» (*Shops and Their Tenants*) Диккенс говорит о лондонских улицах как о неиссякаемом источнике, питающем воображение: «What inexhaustible food for speculation, do the streets of London afford!» [Dickens 1837]. Кроме того, Диккенс был уверен в неразрывной связи характера человека с местом его жизни и активно развивал эту тему в своих романах. В результате его персонажи симбиотически слились с Лондоном в исключительном, но всегда узнаваемом ассумптивном универсуме писателя. Хотя Лондон не был для Диккенса родным городом, на страницах своих книг он с огромной любовью воссоздал его многоликий, почти осязаемый образ, сотворив главный городской текст XIX столетия [Cf.: Sanders 2004: 416].

О вдохновляющей суете лондонской жизни написал и Оскар Уайльд в письме своему другу и биографу Роберту Шерарду: «One can only write in cities, the country hanging on one's walls in the grey mists of Corot, or the opal mornings

that Daubigny has given us. <…> … the splendid whirl and swirl of life in London» [Cit. ex: Sherard 1905: 83].

Были, впрочем, и литераторы, которых Лондон от работы отвлекал. Так, стихотворение Александра Попа «Прощание с Лондоном в 1715 г.» (*A Farewell to London in the Year 1715*) открывается следующим четверостишьем: «Dear, damn'd, distracting town, farewell! / Thy fools no more I'll tease: / This year in peace, ye critics, dwell, / Ye harlots, sleep at ease!» [Pope 1715].

28 января 1915 г. В. Вулф, говоря о необходимости настроиться на творческий лад, записала в своем дневнике следующие слова: «I decided to go to London, for the sake of hearing the Strand roar, which I think one does want, after a day or two of Richmond. Somehow, one can't take Richmond seriously. One has always come here for an outing, I suppose; and that is part of its charm, but one wants serious life sometime» [Woolf 1979(a): 28-29].

28 марта 1930 г. она сделала такую запись: «London itself perpetually attracts, stimulates, gives me a play and a story and a poem, without any trouble, save that of moving my legs through the streets. <…> To walk alone in London is the greatest rest» [Woolf 1979(c): 298]. Улицы и здания Лондона были для Вирджинии Вулф больше, чем просто домом. Они были для нее символом жизненной силы, которую она пыталась привнести в свои романы. Произведения В. Вулф проникнуты духом Лондона; этот город значил для нее так же много, как Дублин для Джеймса Джойса или Париж для Марселя Пруста.

В одном из своих интервью П. Акройд сказал о британской столице, что она всегда давала ему простор для воображения: «London has always provided landscape for my imagination» [Hattenstone / The Guardian]. Если для Диккенса Лондон – это причудливый город-лабиринт, город-карнавал, город-театр в его подвижных и застывших формах, город цветовых, пространственных, причудливых контрастов, то Лондон П. Акройда – это город-музей, концентрат исторической памяти, средоточие энергии, город-палимпсест[119].

---

[119] Подробнее см. Раздел 6.5.2. «Метафора текста».

Метафоры «Лондон-как-театр», «Лондон-как-маскарад / карнавал» весьма популярны в английской литературной и публицистической традиции. Театральность (*theatricality*) Лондона представляла первостепенную важность для Ч. Диккенса, и в своих произведениях он превратил его в подмостки гигантского символического спектакля [Cf.: Bell 1967:34; Pemberton 1972:25]. Сами лондонские улицы были для него постоянно действующей сценой. Данные метафоры реализуются и у других авторов: «… London itself a pantomime and a masquerade» [Lamb 1801]; «… great stage where senators, tongue-favoured men perform, admired and envied» [Wordsworth 1805]; «Nothing is equal to the splendid varieties of London life, the fine flow of London talk, and the dazzling brilliancy of London spectacles» [Macaulay 1815]; «street-spectacles of the metropolis»; «… penniless London may be amused by the spectacle of London itself» [Manby Smith 1857]; «What a history London has! Of what scenes of glory and of shame it has been the theatre! What brave men and lovely women have played their part, heroic or the reverse, upon its stage!» [Ewing Ritchie 1880].

Театральность, таким образом, всецело определяет жизнь британской столицы. Уличная ярмарка – это уже представление, а торговцы, как актеры, по-театральному зазывают покупателей; театр проникает в анатомические театры, где публичное вскрытие становится представлением, и на казни, куда неизменно собираается толпа зрителей. Оказавшись свидетелями таких событий, Теккерей и Диккенс практически одновременно выступают с инвективой против подобных зрелищ: «I feel myself ashamed and degraded at the brutal curiosity which took me to that brutal sight; and that I pray to Almighty God to cause this disgraceful sin to pass from among us, and to cleanse our land of blood» [Thackerey 1847]; «I believe that a sight so inconceivably awful as the wickedness and levity of the immense crowd collected at that execution this morning could be imagined by no man, and could be presented in no heathen land under the sun. <…> thousands of upturned faces, so inexpressibly odious in their brutal mirth or callousness, that a man had cause to feel ashamed of the shape he wore <…> ghastly spectacle» [Dickens 1849]. Похороны тоже становятся театральными

зрелищами – *pageantry*, *spectacles*. Ср. описание похорон королевы Виктории в главе «Век уходит» романа Дж. Голсуорси «В петле»: «…the people swarmed down on to the roads where death would presently pass with dusky pomp and pageantry» [Galsworthy 1920].

Говоря о жажде зрелищ, присущей Лондонцам, П. Акройд отмечает в книге «Лондон: Биография» следующее: «It is impossible to overestimate the thirst for spectacle among Londoners through many centuries» [Ackroyd 2000: 156]; «There have always been wonders and curiosities in London» [Op. cit.: 174]. Великаны и карлики, сиамские близнецы, несчастные уродцы и, на худой конец, люди с другим цветом кожи пользовались у лондонской публики неизменным успехом: по словам шута Тринкуло из «Бури» Шекспира, в Лондоне нищему калеке не подадут и гроша, но, чтобы посмотреть на мертвого индейца, заплатят все десять: «[in London] they will not give a doit to relieve a lame beggar, they will lay out ten to see a dead Indian» [Shakespeare 1612: 1146].

<u>/Предел мечтаний/; /царство соблазна/</u>

Стремление людей в большие города объясняет Л. Мамфорд, замечая, что лишь мегаполис, будучи квинтэссенцией современности, способен дать человеку чувство полноты жизни [Mumford 1970(a): 252]. Британская столица не исключение: так, еще в XVIII в. шотландский писатель Джеймс Босуэлл заметил в «Жизнеописании Сэмюэла Джонсона», что, «если человек устал от Лондона, он устал от жизни»: «… when a man is tired of London, he is tired of life» [Boswell 1791].

Смысловой компонент /предел мечтаний/ из состава лондонского текста реализован, в частности, в следующем отрывке из заметок «Лондон соблазнов»: «There is no parish, however remote or obscure, from the Hebrides to Cornwall, from which young men do not find their way to London. There is, perhaps, none who has not a relative or friend who has made his journey to the great city and fought his battle there; <…> millions have had their lives darkened by the defeat and ruin of someone they have loved in that centre of temptation» [Tempted London 1887].

Неизвестный журналист, опубликовавший эти заметки в еженедельнике «Бритиш-уикли» также пишет о манящем пороке, который царит в британской столице: «wickedness in its most seductive forms» [Ibid.]. Будучи большим городом, Лондон всегда сосредоточивал в себе худшие проявления развращенности и порока, которые достигли невиданных масштабов в XVIII-XIX вв. и стали предметом внимания многих поэтов, писателей и публицистов. Например, в журнале «Тэтлер», выходившем под редакцией лондонских публицистов Ричарда Стиля и Джозефа Аддисона, повествователь Исаак Бикерстаф свою задачу видит в порицании распутного Лондона («dissolute London» [Steele. The Tatler, No. 24, 1709: 199]) и в обличении всех проявлений безнравственности: «the vices of the town» [Op. cit., No. 3, 1709: 29]; «rakes and debauchees <...> thoughtless atheists and illiterate drunkards <...> banterers, biters, swearers, and twenty new-born insects <...> the men of modern wit» [Op. cit., No. 12: 107].

Смысловой набор /притягательный/ + /порок/ реализуется также в следующих контекстах: «In cities, vice is hidden with most ease, / <...> / Such London is, by taste and wealth proclaim'd / The fairest capital of all the world, / By riot and incontinence the worst» [Cowper 1782]; «We sat upon [Waterloo] bridge to watch the women of the neighbourhood flock past, as they do every evening between the hours of eight and nine, on their way to the West End, where they ply their trade all night and return home between eight and nine in the morning. They infest the promenades and other place where people gather» [Tristan 1842]; « In the tavern the clerk and the shop assistant <...> get drunk with tawdrily dressed women; in the gin-palace, fashionable gentlemen drink <...> French and Rhenish wines, smoke excellent Havana cigars, and flirt with beautiful young girls in splendid gowns. But in both places scenes of orgy are acted out in all their brutality and horror. <...> what a worthy use these English lords make of their immense fortunes! How <...> generous they are when they have lost the use of their reason and offer fifty, even a hundred guineas, to a prostitute if she will lend herself to all the obscenities that drunkenness engenders» [Ibid.]; «… the most pitiable, and truly distressing, and hopeful cases

(those of young people coming from the Country, and sinking down into the vice of London)» [Dickens. Letter to Miss Burdett Coutts, 1846]; «The wicked London tavern-thieves and drabs» [Barret Browning 1856]; «I knew well enough where to find Vice and Misfortune of all kinds in London» [Dickens 1859(b)]; «It is not only poverty we have to deal with in order to metamorphose Horrible London into a new Arcadia – we have to do battle with a hydra-headed monster called Vice» [Sims, 1889].

О. Уайльд писал о грязных притонах – «foulest dens in London» [Wilde, 1890], а Э. По называл лондонские питейные заведения храмами невоздержанности – «temples of Intemperance» [Poe 1844]. С признаком /порок/ связан мотив исследования или познания города, в котором, подобно многоплановому литературному произведению, должно быть прочитано все. Так, в романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» находим: «One evening about seven o'clock I determined to go out in search of some adventure. I felt that this gray, monstrous London of ours, with its myriads of people, its splendid sinners, and its sordid sins, as you once said, must have something in store for me. I fancied a thousand things» [Wilde 1890]. Тот же сценарий реализуется в романе Х. Курейши «Будда из пригорода», в котором действие происходит уже в конце XX века: «Changez's disgust at everyday things inspired me to show him South London. I wondered how long he'd take to get used to it, to become, in other words, corrupt. I was working on it. We wasted days and days dancing in the Pink Pussy Club, yawning at Fat Mattress at the Croydon Greyhound, ogling strippers on Sunday mornings in a pub, and enjoying the fighting at Millwall Football Ground» [Kureishi 1990: 98]. Действительно, чтобы понять Лондон, необходимо знать все его коды.

Вернемся к положительным проявлениям притягательности британской столицы. Смысловой компонент /предел мечтаний/ из состава лондонского текста реализуется в следующем ряду контекстов, организованных в хронологическом порядке: «… she thought of him. He was in London: he would do well» [Lawrence 1913: 79]; «… he <…> had left home <…> because he could see

no future for a poet in Stroud; and <…> had gone to London leaving an absurd note behind him, such as great men have written, and the world has read later when the story of their struggles has become famous. London has swallowed up many millions of young men called Smith» [Woolf 1925]; «Doris: You like London, Mr Klipstein? Krumpacker: Do we like London? Do we like London! Eh what Klip? Klipstein: <...> London's swell. We like London fine. Krumpacker: Perfectly slick [Eliot 1933: 116-117]; «… his favourite game was <…> to gabble out, like a mantra, like a spell, the six letters of his dream-city, 'Ellowen deeowen London'» [Rushdie 1988]; «… people are drawn to London, from other parts of the United Kingdom, as from abroad, excited by a collective energy which is palpable, and by the fact that so much of what is going on in modern London is good» [Wilson 2004]; «… people from the rest of Britain, people from around the world arrive in London to become Londoners and to fulfil their dreams and achieve their potential» [Mayor's Statement, 7 July 2005]. Относительно двух последних контекстов заметим, что, по мнению Р. Парка, привлекательность мегаполиса заключается в том, что в конечном итоге любой индивид сможет найти там, среди самых разнообразных проявлений города, наиболее подходящую для себя среду обитания, в которой он сумеет максимально проявить себя [Park 1971: 232].

Таким образом, можно отметить неповторимое очарование Лондона, его притягательность для самых разных людей – «the universal allure of London» [Peltz 1999: 7]. По утверждению английского историка начала XIX в. Генри Хантера, «история Лондона важна для всех читателей без исключения, ввиду того что это центр, куда каждый человек, даже из самых отдаленных частей острова, неизбежно приезжает хотя бы раз в жизни по делам или в поисках развлечений» [Hunter, H. The History of London and its Environs, 1811. Cit. ex: Peltz 1999: 7].

Тем не менее, К. Хьюитт делает любопытное наблюдение: несмотря на то что в английской литературе, несомненно, существуют аналогии восклицанию чеховских трех сестер, призыв «В Лондон, в Лондон!» гораздо менее в ней распространен, чем возглас «В деревню, в деревню!» [Hewitt 1997: 226]. Это,

очевидно, связано с тем, что перенаселенности, неустроенности и жестокости первого мегаполиса Нового времени требовался какой-то противовес. Парадоксально, но вера в Лондон и его прогресс могла существовать лишь при наличии возможности уехать из него и найти уединение в сельской местности [Cf.: Donald 1999: 74]. Пасторальные пейзажи вокруг Лондона были действительно прекрасны: « No part of the kingdom, perhaps can present more attractive scenes than the environs of London; in which the man of leisure may find amusement, and the man of business the most agreeable relaxation <…> rural elegance and rural beauty here appear in the most fascinating forms» [Preface to Lobb, R. The Ambulator: Or, a Pocket Companion, in a Tour Round London, 1782. Cit. ex: McKellar 1999: 29].

/Материальное изобилие/, /развитая инфраструктура/

К началу XIX в. Лондон приобрел славу центра мировой торговли. Не было такой вещи, которую в британской столице нельзя было купить. Попутно с ростом торговли развивалась и инфраструктура. Примечательно, что в составе лондонского текста Л.С. Прохоровой выделяется тема-доминанта «Лондон-магазин» [Прохорова 2005: 61-62]. Распространение получает и соответствующая метафора. Британская столица, таким образом, олицетворяет триумф материализма и прагматизма. В этой связи любопытно замечание русского историка и филолога А.Г. Глаголева (1793-1844) в «Записках русского путешественника»: «О Лондоне можно сказать то же, что говорили о Древнем Риме: *omnia venalia*! (все продажно)» [Глаголев 1837: 175].

Описываемые признаки /материальное изобилие/ и /развитая инфраструктура/ из состава лондонского текста реализованы в следующих контекстах: « There is in London all that life can afford» [Boswell 1791]; «Londonloves to supply her table from the best market» [ManbySmith 1857]; «Turkish delight, crystallised pineapple, and such-like things which, children thought, only the splendour of London could provide» [Lawrence 1913: 82]; «The common sort of People gawp at the prodigious Rate of Building and exclaim to each other London is now another City or that House was not there Yesterday or the Situacion of

the Streets is quite Chang'd» [Ackroyd 1985]; «… there were kids dressed in velvet cloaks who lived free lives; <…> there were shops selling all the records you could desire; there were parties where girls and boys you didn't know took you upstairs <…>; there were all the drugs you could use»; «The city <…> so bright, fast and brilliant made you vertiginous with possibility» [Kureishi 1990: 121]; «In the reign of Elizabeth I there was a surfeit of fashion shops, and at the time of her accession it was reported that country gentlemen <…> 'must have their geare from London'» [Ackroyd 2000: 105]; «In 1960s London <…> became the style capital» [Op. cit.: 759]; «…shopping in London can easily be <…> a full-time occupation» [Wilson 2004: 134]; «… you feel alive in London, as nowhere else in Britain, surrounded by so much excellence» [Op. cit.: 147].

/Средоточие культуры и информации/

Большие города с многовековой историей, такие как Лондон – это хранилища огромного объема информации. Благодаря возможностям ее накопления, передачи, реконструкции и воссоздания, а также соединению человеческих ресурсов и технических средств, необходимых для передачи и преумножения этого наследия, город способен к передаче высоко развитой культуры от поколения к поколению. Все, что ранее наличествовало в городской культуре, превращается в культурную «память города», практически генетический код людского поведения. Неслучайно американский социолог Р. Парк отмечает вслед за О. Шпенглером, что все великие культуры рождаются в городах [Park 1971: 224].

В урбанистической науке «память города» понимается как сложная информационная система, в которой действуют специфичные закономерности сохранения, обработки, переосмысления, извлечения и воспроизведения информации о прошлом, содержащейся, прежде всего, в текстах-источниках [Cf.: Агеева 2004: 174]. В этом смысле Лондон может читаться как энциклопедия всех эпох, которым он был свидетелем.

В рамках стратегической программы культурного развития Лондона, утвержденной в 2004 г., британская столица обозначается как культурная

столица – «cultural capital», – где многообразие форм культуры уникально: «the cultural richness of London is unmatched, probably by any city in the world» [London: Cultural Capital, 2004]. О культуре говорят как о пульсе города – «London's heartbeat»[120]. Особый акцент при этом делается на многообразие и преемственность, а также на сосуществование старого и нового: «diversity, heritage and innovation, juxtaposition of old and new»[121] [Ibid.].

/Средоточие утонченного, изящного и модного/

Наличие в составе Лондонского текста ассоциативного компонента, связанного с восприятием британской столицы как средоточия всего утонченного, изящного и модного основано на ряде предпосылок.

В сознании языкового коллектива «городское» (*urban*), как правило, ассоциируется с более утонченным, изящным и совершенным. Это заложено и в языковом выражении: так, вариант слова «urban» – слово «urbane», – ранее совпадавшее с ним по значению, в качестве своего основного значения теперь имеет следуещее: «having the manners, refinement, or polish regarded as characteristic of a town; courteous, civil» [Urbane / OEDHP][122]. Существует также устойчивое сочетание без идиоматической силы «city manners», означающее городские и, по афференции, изысканные манеры.

В свою очередь, дерогаторные слова «villain» и «villainous» изначально связаны с деревней «village» и восходят к лат. *villa* «farm, country-house». Так, слово «villain» изначально означало следующее: « Originally, a low-born base-minded rustic; a man of ignoble ideas or instincts» [Villain / OEDHP]. В дальнейшем его значение претерпело пейорацию: «In later use, an unprincipled or depraved scoundrel; a man naturally disposed to base or criminal actions, or deeply

---

[120] О «пульсе Лондона» говорится в соответствии с метафорой «Лондон-как-организм» – см. Раздел 6.5.1.

[121] Это сосуществование эпох является неотъемлемой характеристикой Лондона. Подробнее см. раздел «Концепция лондонского времени применительно к описанию лондонского текста».

[122] Однако в романе С. Моэма «Пироги и пиво или скелет в шкафу» (*Cakes and Ale, or, The Skeleton in the Cupboard*) находим описание неодобрительного отношения к лондонцам жителей провинциального городка в графстве Кент, считавших их вульгарными: «… we did not mix with the summer visitors. We thought London people vulgar» [Maugham 1930: 55]. То же в романе «Бремя страстей человеческих» (*Of Human Bondage*): «She [Mrs. Carey] was afraid that Philip would be corrupted by little boys from London. He was going to be a clergyman, and it was necessary that he should be preserved from contamination» [Maugham 1915]; « They [people from Mrs Athelny's native village] were very exclusive and would have resented the intrusion of <...> people who came from London; they looked down upon them and feared them too; they were a rough lot, and the respectable country folk did not want to mix with them» [Ibid.].

involved in the commission of disgraceful crimes. Used as a term of opprobrious address» [Ibid.]. После этого связь слова «villain» с «village» как топосом была утрачена. Так, Сэмюэл Джонсон писал: «London! the needy villain's general home» [Johnson 1738].

Значения слов «rustic» и «rural» не претерпели полной пейорации, однако они также могут нести дерогаторный компонент: «Having the appearance or manners of country people; lacking in elegance, refinement, or education; sometimes, devoid of good-breeding, clownish, boorish» [Rustic / OEDHP]; «Natural or appropriate to the country or to country-people; unpolished, plain, simple» [Rural / OEDHP].

Городская жизнь настолько ассоциируется с развлечениями, модой и утонченными манерами – «pleasure», «fashion», «polished manners», – что последние часто метафорически описываются в терминах города:

On the town – in the swing of fashionable life, pleasure, or dissipation [Town / OEDHP].

Man / woman about town – one who is in the round of social functions, fashionable dissipations [Ibid.].

Citycism – (refined) city manners [Citycism / OEDHP].

Облагораживающее воздействие Лондона на человека представлено в следующем контексте: «People came in to see William, to see what difference London had made to him. And they all found him "such a gentleman, and *such* a fine fellow, my word"!» [Lawrence 1913: 82].

В Лондоне никогда не было недостатка в развлечениях: этому посвящены целые труды – cf. e.g.: Boulton 1901; Beeverell, 1940. Семный набор из состава лондонского текста, связанный с развлечениями, реализован в следующих контекстах: «Pryncesse of pleasure, and of joy»; «Swete paradise precelling in pleasure» [Dunbar 1501]; «A list of the amusements and recreations of London <…> would be a catalogue comprising everything which the talent, the enterprise, and the ingenuity of men have accomplished for the gratification of their fellows' curiosity – their love of the beautiful, their sense of humour, their literary and artistic

predilections, and their peculiar tastes, whether refined by cultivation on the one hand, or coarse and demoralising on the other» [Manby Smith 1857].

В городе также наличествуют бóльшие возможности для интеллектуального общения: «You find no man at all intellectual who is willing to leave London» [Boswell 1791]; «A country gentleman should bring his lady to visit London as soon as he can, that they may have agreeable topics for conversation when they are by themselves» [Ibid.]; «To get Irene out of London, away from opportunities of going about and seeing people, away from her friends and those who put ideas into her head!» [Galsworthy 1906].

Метафора «Лондон-чудо»

Описанные признаки Лондона как благоприятного пространства: /красота/, /источник вдохновения/, /предел мечтаний/, /материальное изобилие/, /средоточие культуры/ – служат основанием для построения метафоры «Лондон-чудо», которая реализована в следующих примерах: «London was a great wonder to us, and we were out for hours and hours at a time, seeing the sights, which appeared to be less capable of exhaustion than we were. We made the round of the principal theatres, too, with great delight, and saw all the plays that were worth seeing» [Dickens 1852]; «London, the wonderful and wonder-working Babylon» [Ackroyd 2000: 436].

Метафора «Лондон-рай»

Характеристики Лондона как благоприятного для жизни пространства, предела мечтаний, средоточия культуры, информации и материальных благ позволяют выделить еще один типичный сценарийный признак: это «Лондон-рай /Аркадия», который составляет антитезу признаку «Лондон-ад», выделенному в разделе, который освещает метафору «Лондон-Вавилон». Так, шотландский поэт 16 века Уильям Данбар в хвалебной оде Лондону (*To the City of London*) называет его раем сладких утех: «London, swete paradise precelling in pleasure» [Dunbar 1501].

В цикле путевых заметок Ч. Диккенса «Путешественник не по торговым делам» (*The Uncommercial Traveller*) включено эссе под названием

«Лондонская Аркадия» (*Arcadian London*), посвященное пребыванию автора в спокойном и умиротворяющем Лондоне не «в сезон». Диккенс называет город «столичной Аркадией» – *metropolitan Arcadia* [Dickens 1860].

Метафора «Лондон-рай» неслучайна: обратимся к переносному смыслу лексемы city: «Often applied to Paradise or the dwelling of God and the beatified, as in Celestial City, Heavenly City, City of God, the last (civitas Dei) being also the title of a famous work of St. Augustine describing ‘an ideal city in the heavens» [City / OEDHP]. Многие английские философы позднего Средневековья и Нового времени были уверены, что Лондон – это среда обитания, которая подходит человеку наилучшим образом, что он воплощяет рациональность и являет собой символ жизненной гармонии. Они не сомневались, что социальные преобразования, необходимые для превращения Лондона в новую Аркадию, реально осуществимы [Cf.: Gray 2004: 34-56]: «It is not only poverty we have to deal with in order to metamorphose Horrible London into a new Arcadia – we have to do battle with a hydra-headed monster called Vice» [Sims 1889].

5.8. Оппозиция «city centre – suburbs» / «urban – suburban»

В современных условиях оппозиция «town – country» / «urban – suburban» постепенно замещается оппозицией «city centre – suburbs» / «urban – suburban», что связано с активной экспансией городов в прилегающее неурбанизированное пространство (ср. описания семем таксемы //urban area//, начиная с семемы ‘agglomeration’, где речь идет о обширных урбанизированных зонах – «continuous urban development»). При этом принципиальные характеристики первой оппозиции переходят во вторую. Так, подобно семемам ‘rural’ и ‘rustic’,семема ‘suburban’ имеет афферентную дерогаторную оценочность, реализуемую в значительном проценте контекстов (а для семемы ‘suburbia’, как отмечалось выше, этот признак стал ингерентным): «It’s a sad reflection on our society that ‘suburban’ has become a dirty word, synonymous with ‘subtopia’ and responsible for many urban problems from neurosis to sprawl» [Listener, 15 Jan. Cit. ex: Suburban / OEDHP]; «I began to

see that Eva was using the evening <…> as her launch into London. <…> I saw she wanted to scour that suburban stigma right off her body [Kureishi 1990: 134]; «I’ve come all the way to the swamp of South London suburbs to see you» [Op. cit.: 272].

Выводы

Лондонский текст является сложным языковым построением, в котором проявляются взаимопереходы и взаимообусловленность признаков, образующих различные сверхтекстовые единства. Эти признаки входят в состав ряда семем, которые, в свою очередь, включены в состав различных таксем. Таким образом, имя «Лондон» не является единственным «ключом», активирующим в языке лондонский текст, а в сознании – соответствующую мыслительную сущность, концепт. Так, помимо лексемы «Лондон», лондонский текст реализуется в построениях, включающих лексические репрезентации семем, которые входят в таксемы //urban area// и //capital city// (‘town’, ‘borough’, ‘city’, ‘emporium’, ‘cosmopolis’, ‘metropolis’, ‘agglomeration’, ‘conglomeration’, ‘conurbation’, ‘sprawl’, ‘megalopolis’, ‘capital’). Это обусловливается тем, что сверхтекст как языковое построение подчинен когнитивным процессам категоризации и упорядочения в таксономию, которые оказывают влияние на его конкретные реализации.

На когнитивно-концептуальном уровне перечисленные реализации обусловлены включением концепта «Лондон» во фреймовые схемы высокого уровня обобщения «urban area» и «capital city».

Лондонский текст структурирован вокруг оппозиций «urban – rural» и «urban – suburban». При анализе данных оппозиций был выделен набор афферентных социально-нормированных и идиолектных признаков, характеризующих Лондон как урбанизированную область, город, столицу.

Приведенные значения английских семем, описывающих различные типы урбанизированного пространства, содержат потенциальные афферентные семы, которые формируются модальной рамкой, социальной нормой, прагматической установкой, эмоциональной составляющей и т. п. Так, например, образ жизни

лондонцев может быть рассмотрен как позитивно (модальная рамка одобрения, поощрения, превосходства, восхищения, желательности и т. д.), так и негативно (модальная рамка ущербности, неодобрения, страха и т. д.). городская жизнь может обеспечивать доступ к глобальному культурно-информационному пространству, но в то же время может означать суету, спешку, поверхностность в общении, отчужденность, отсутствие целей и пр. Город обладает определенным настроением, которое характерно для его жителей. Оно складывается из темперамента этноса, его культуры, месторасположения города, погодных условий (например, атмосфера тоски в Лондоне, обусловленная постоянными туманами и дождями) и ряда других факторов.

Поскольку афферентные семы, входящие в состав семем, которые репрезентируют лондонский текст, актуализуются в его конкретных манифестациях, для построения его адекватной семантической модели необходимо привлекать литературные, публицистические и энциклопедические тексты. Любая семема может быть по-разному интерпретирована в зависимости от конкретного контекста. Соответственно, в данной главе исследования были проанализированы развернутые цитаты, в которых представлены не только атрибуты города, но и развёрнутые картины, впечатления, ситуации, позволяющие выделить более полный набор признаков, формирующих лондонский текст.

В ходе анализа был выявлен ряд когнитивных метафор, за счет действия которых в состав лондонского текста привносятся дополнительные признаки. К ним относятся метафоры, характеризующие Лондон как великий город: Лондон-Вавилон, -Иерусалим, -Помпеи, -античный Рим; как уродливо, болезненно разросшийся город: Лондон-нарост / опухоль; как враждебное человеку пространство с позиций идиолектной оценочности: Лондон-болото, -пустыня / бесплодная земля, -тюрьма, -могила, -ад; как средоточие финансовых спекуляций: Лондон-храм Маммоны; как благоприятное для жизни пространство: Лондон-театр, -магазин, Лондон-чудо, -рай / Аркадия.

Динамические структуры в составе лондонского текста представлены следующими сценариями: Лондон в качестве агенса – поглощение периферийных поселений, включение их в орбиту мегаполиса, а также разрушение сельского, неурбанизированного пространства (что может описываться в терминах колонизации территории); Лондон в качестве пациенса – исследование пространства Лондона, его покорение / присвоение; прочтение Лондона как текста.

Проведенный в данной главе анализ позволил выделить шесть составляющих лондонского текста.

1. Лондон-как-топос – некоторым образом организованное урбанистическое пространство (таксема //urban area//): здания и сооружения, геометрия застройки, топография улиц и площадей и т. п. Пространство Лондона рассматривалось с двух позиций прагматической оценочности: как благоприятное и как враждебное для человека (что позволило продемонстрировать дуальный характер текста британской столицы). Именно с позиции топоса воспринимается город в нашем повседневном сознании: элементы пространства создают его внешний облик и во многом определяют его место в аксиологической системе социума.

2. Лондон-как-семиотическое пространство: город имеет дискурсную природу – как локус необыкновенно интенсивного общения и обмена, продукты которых сохраняются и воспроизводятся в зданиях, памятниках, названиях, хрониках, городском фольклоре. Городская жизнь – многослойное хранилище кодов, отработанных и все еще функционирующих, сосуществование эвоцируемого прошлого и творимого будущего. С этой точки зрения Лондон может рассматриваться как семиотический континуум, как книга, открытая для интерпретации.

3. Лондон-как-общество – персонифицированный Лондон (cf.: перезапись таксемы //urban area// по метонимическому переносу): проживающие в нем люди с их особыми манерами, характером, менталитетом.

4. Лондон-как-организм: метафора «общество-как-организм» в проекции на Лондон-как-общество[123].

5. Лондон-как-миф – тот образ Лондона, каким он представляется в сознании носителей английского языка: типичные примеры, стереотипы или идеальные образы (столица столиц, исторически первый мегаполис, важнейшая составляющая английскости, воплощение всей Великобритании и модель общеанглийских процессов), а также ложные образы Лондона, формирующиеся у иностранцев (заблуждения, объясняющиеся асинхронностью формирования концепта: Лондон как пространство, населенное идеальными английскими джентльменами и леди, реальность Лондона Диккенса, сожаления об ушедшей эпохе викторианства и Британской империи и т.п.). Обладая практической и эмоциональной важностью для индивида, такие образы служат «системой координат», организующей деятельность, представления или знания[124].

6. Лондон-как-мир: фундаментальная метафора «город-как-мир» на примере Лондона[125].

---

[123] Этот аспект получает дальнейшее развитие в Разделе 6.5.1. «Метафора организма».
[124] Подробнее см. Раздел 7.3. «Лондонский текст в неанглийской традиции. Временной разрыв в формировании сверхтекстов культуры у ее представителей и у носителей других культур».
[125] Подробнее см. Раздел 6.5.3. «Метафоры «Лондон-душа» и «Лондон-мир».

ГЛАВА 6
ИМЯ «LONDON» КАК ОСНОВНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЛОНДОНСКОГО ТЕКСТА

В данной главе будет осуществлен лингвистический анализ лексемы «London», синтагматические построения с участием которой следует рассматривать как основные реализации лондонского текста. Будет выявлена этимология лексемы «London» и рассмотрены производные от нее лексемы, а также корпус устойчивых словосочетаний и устойчивых речений с ее участием. Кроме того, будут проанализированы ключевые метафоры, участвующие в формировании лондонского текста, и обоснована возможность сочетания семемы ‘London’ с предикатами и атрибутами, содержащими нехарактерные для нее семы. Такой анализ позволит актуализовать неочевидные измерения лондонского текста: представление сущности города как организма (в частности, антропоморфного), души, текста и мира, вселенной.

6.1. Этимология имени «London»

Необходимость выявления этимологии слова, являющегося именем сверхтекста, объясняется тем, что в сверхтексте синхронное, относительно стабильное содержание невозможно отделить от его «памяти», то есть динамического процесса возникновения словесной формы, которая служит его именем и основной реализацией и в которой заключается изначально данный в сверхтексте смысл. Речь здесь идет о «внутренней форме» слова. Ее теорию развивали В. фон Гумбольдт и А.А. Потебня [Гумбольдт 2000; Потебня, 1985, 1990, 1997], затем она получило дальнейшее развитие в 30-х годах XX века в работах Б.А. Ларина и Г.О. Винокура, исследовавших проблемы поэтической речи [Винокур 1959]. Согласно А.А. Потебне, внутренняя форма слова или его ближайшее этимологическое значение – это буквальный смысл, который образуется из содержаний морфем, образующих слово. Соответственно, семему здесь целесообразно рассматривать как содержание морфемы.

Ф.И. Буслаев и Н.Ф. Алефиренко указывают на то, что источником языковой номинации обыкновенно служит тот признак, который наиболее ярок, очевиден и который глубже, чем другие, волнует наши «чувства и воображение» [Алефиренко 2004: 76]. Внутренняя форма определяется исследователем как «синхронная эпидигматическая составляющая семантической структуры языкового знака, которая служит идиоэтническим основанием косвенно-производного наименования, т. е. отражает тот денотативный компонент, по которому был назван некоторый фрагмент реальности» [Op.cit.: 79].

Дальнейшее этимологическое значение – это мотивация корня слова при его разбивке на морфемы, которая будет самой ранней из доступных для реконструкции. По образному замечанию Н.Б. Мечковской, ближайшее и дальнейшее этимологические значения – «это как бы историческая память языка, которая доступна творящим его субъектам, след прошлого видения предмета, которое как бы оттеняет его понимание сегодня» [Мечковская 1996: 54]. Согласно В.А. Масловой, ближайшее и дальнейшее этимологические значения, соотносясь со значением лексическим, создают «исключительную стереоскопичность вербального представления реальности» [Маслова 2001: 46].

В широком понимании внутренняя форма слова может включать в себя как его ближайшее, так и дальнейшее этимологические значения, определяясь как смысловая и структурная соотнесенность морфем, из которых составлено слово, с другими морфемами языка.

Говоря о стоящем за сверхтекстом концепте, отметим вслед за В.Г. Зусманом, что он моделируется на базе взаимодействия внутренней формы слова, слова его вербализующего, и контекстуальных значений; смысл же рождается в ходе «борьбы этих начал» [Зусман 2001: 51]. Исследователь также указывает на то, что, когда слово включается в коммуникативную цепь, в сознание из области бессознательного могут проникать и элементы внутренней формы данного слова» [Op.cit.:52], т. е. семантический состав ближайшего или дальнейшего этимологического значения слова может актуализоваться в

контексте. Н.Ф. Алефиренко называет внутреннюю форму слова глубинной языковой программой, «речемыслительным эмбрионом» и говорит о том, что она, выходя на поверхность языкового сознания, превращается в источник ассоциаций, стимул для актуализации цепочки социально значимых связей, представлений и убеждений – «всей смысловой гаммы из палитры образов языкового знака» [Алефиренко 2004: 80].

Британская столица сохраняет в своем имени след кельтского происхождения. Как известно, Лондон существовал уже в первые века нашей эры и назывался кельтами в то время *Llyn-dūn* «крепость у реки»; римляне трансформировали это название в «Londinium» [Аракин 1955: 276]. По другим источникам, первый компонент этого слова обозначает «дикое место» [Cf.: Merrifield 1969: 24; Marsden 1980: 31]. В исландских сагах фигурирует название «Lundunaborg» [Marsden 1980: 34].

В последнее время исследователи склонны полагать, что слово «Лондон» происходит от докельтского корня с добавлением кельтского суффикса, указывающего на расположение города в низовье Темзы (ниже места последнего брода в Вестминстере) и означающего «место на судоходной реке» или «место на реке, которую нельзя перейти вброд» [London / DBPN].

Согласно Британской энциклопедии, история Лондона как такового идет с начала римского периода (43 г. н. э.). У дороги, соединяющей торговое поселение Люндун с мостом через Темзу римляне построили базилику. В настоящее время на месте этой дороги находится Грейсчерч-стрит, которая ведет от Лондонского моста в Корнхилл, а на месте базилики – Леденхолл-маркет – здание из стекла и металла, построенное в 1881 г. Для защиты города на его северо-западной окраине было построено укрепление (ныне – Криплгейт-форт), однако стена вокруг города была построена позже – только во втором веке н. э. Отдельные части стены до сих пор сохранились на углу Барбикан, одного из районов Лондонского Сити, (улица, вдоль которой она проходит, называется Ландон-уолл) и в небольшом парке на Тауэр-хилл. В средние века стену вокруг Лондона реконструировали и удлинили, что

потребовало строительства дополнительных ворот; однако важнейшие ворота, построенные в римскую эпоху: Олдгейт, Олдерсгейт, Бишопсгейт, Криплгейт, Ладгейт и Ньюгейт – были сохранены. В начале пятого века римские легионы были отозваны из Британии назад в Рим, и о том, что происходило в Лондоне в последующие два столетия, не существует никаких достоверных данных. Тем не менее, общее расположение улиц в центре Лондона осталось прежним. В частности, на месте римских дорог, которые пересекали Лондон с запада на восток, в средневековом Лондоне расположились Чипсайд и Кэннон-стрит [London / NEB].

Согласно красивой легенде, лондон был заложен как «Новая Троя». В «Истории бриттов» (*The History of the Kings of Britain*, 1148) Гальфрид Монмутский утверждает, что Бруту, сыну троянского воина Энея, явилась богиня Диана и вещала: «Там, где солнца закат, о Брут, за царствами галлов, / Средь Океана лежит остров, водой окружен. / Остров тот средь зыбей гигантами был обитаем, / Пуст он ныне и ждет, чтоб заселили его / Люди твои; поспеши – и незыблемой станет твердыней, / Трою вторую в нем дети твои обретут» [Монмутский 1984: 14].

Брут последовал указанию богини и привел своих людей на остров Альбион, который по его имени стал называться Британией. На Темзе Брут заложил город и назвал его Новою Троей (*Troia Nova*). По причине искажения этого наименования город стал именоваться Тринованту (*Trinovantum*) [Op. cit.: 19].

В дальнейшем мифический король древних британцев Луд обнес город стенами и переименовал его в честь себя самого в «Kaerlud» [Ibid.]; впоследствии название трансформировалось в «Kaerlondon» [Cf.: Merrifield 1969: 36-38; Marsden 1980: 44-45].

Легенду о Новой Трое популяризировали средневековые английские поэты, в частности, последователь Чосера Джон Лидгейт (1370-1451) в оде по случаю торжественного въезда Генриха VI в Лондон, а также выдающийся шотландский поэт Уильям Данбар (1460-1520) в поэме «London, Thou Art of

Townes A Per Se»: «Be gladde, O London! be gladde and make grete joye, / Citee of Citees of noblesse precellying, / In thy bygynnynge called Newe Troye; / For worthynesse thanke God of alle thing» [Lydgate 1432: 48]; «Gladdith anon, thou lusty Troy Novaunt, / Citie that some tyme cleped was New Troy, / In all the erth, imperiall as thou stant, / Pryncesse of townes, of pleasure, and of joy [Dunbar 1501].

Указанием на славную историю Лондона открывается и трактат английского историка XVI в. Джона Стоу «A Survay of London. Conteyning the Originall, Antiguity, Increase, Moderne estate and description of that City». В нем британская столица сравнивается с Римом, «первым городом на земле», и утверждается, что она была заложена потомками великих троянцев: «As Rome, the chiefe citie of the world, to glorifie it selfe, drew her originall from the gods, goddesses, and demie gods, by the Trojan progeny, so this famous citie of London for greater glorie, and in emulation of Rome, deriveth it selfe from the very same originall» [Stow 1598: 1]. Для Стоу, однако, исключительность Лондона заключается не в его древности, а в новейшей истории. Историк основывает свое повествование о становлении современного ему города на сведениях из государственных архивов и на воспоминаниях простых людей [Cf.: Sanders 2004: 122].

Серьезной наукой легенда о Бруте и Новой Трое отвергается; тем не менее, метафора «Лондон – Троя» закрепилась в английской литературной традиции [Cf. e.g.: Federico 2003]. Британская столица может уподобляться Трое на основе семы /величие/: «Gladdith anon, thou lusty Troy Novaunt, / Citie that some tyme cleped was New Troy»; «Strong Troy in vigour and in strenuytie / Of royall cities rose and geraflour» [Dunbar 1501]. Этот образ широко эксплуатировался в идеологических целях во времена Британской империи.

Уподобление может также осуществляться на основе семы /разрушение/: «The inevitable ‘fuit Ilium’[126] resounds mournfully over London» [Aldington 1929: 136].

[126] Была Троя (Илион).

6.2. Производные слова от имени «London»

Подобно слоям концепта, находящимся в отношениях взаимной производности [Попова 1999: 17], уровни сверхтекста, как его «глобальной» вербализации, производны друг от друга. Соответственно, чтобы обеспечить более полный анализ всех структурных составляющих сверхтекста, необходимо рассмотреть производные слова от слова, являющегося его именем. При этом, поскольку сверхтекст – это построение преимущественно семантическое, важно установить, какая часть семантики мотивирующего слова используется в акте создания производного слова и продолжает «жить в нем», ощущаться говорящим при его использовании, т.е. при реализации сверхтекста. Действительно, роль формальной операции словообразования тесно связана со смысловым заданием номинативного акта, подчиняясь необходимости выразить в новой единице новый смысл, в результате чего, очевидно, произойдет «приращение» семантики сверхтекста. Рассмотрение производных слов также позволяет осуществить анализ способов реализации сверхтекста на морфемном уровне.

Заметим, что производные и сложные слова, обобщая стоящие за ними знания и соответствуя их структуре, играют важнейшую роль при осуществлении категоризации в заданной области нашей реальности.

Е.С. Кубрякова в сводной форме выделяет ряд отличительных признаков, характеризующих процессы словообразования в лексике. Во-первых, создание производного слова как нового наименования с новым семантическим содержанием осуществляется на основе существующих единиц языка, т.е. при этом используются готовые знаки. Во-вторых, в структуре производного слова рекуррируют знаки или их части, которые содержатся в единице исходной, мотивирующей. Наконец, производная единица являет собой новое слово, следовательно, его формальные характеристики не воспроизводят в своей совокупности те черты, которые присущи исходному наименованию [Кубрякова 1988; 1991]. Соответственно, исследовательница разграничивает словообразовательное, формульное значение производного слова и его

реальный смысл со всеми «приращенными» значениями и указывает на неприемлемость упрощенного представления семантики комплексных знаков в виде простой суммы семантических компонентов знаков, его составляющих [Кубрякова 2002: 14-15]. Это объясняется следующими причинами: (i) определенная степень «идиоматичности» производной единицы номинации; (ii) значение производной единицы складывается из двух семем – основы и аффикса. Действительно, по В.Г. Гаку, семантический компонент зачастую обозначается отдельной лексической морфемой [Гак 1977: 13]. При этом нужно учитывать как ингерентные семы (которые могут виртуализоваться в контексте), так и афферентные семы, актуализуемые в контексте. Таким образом, семантика производных слов в существенной мере определяется контекстом. С одной стороны, согласно Е.С. Кубряковой, на внутренний контекст производного наименования влияет сама его деривационно-морфологическая структура: основа служит семантическим контекстом для аффикса и наоборот. С другой стороны, когда (при реализации сверхтекста – *А.С.*) производное слово попадает в различные синтагматические последовательности, оно, безусловно, испытывает влияние единиц, его окружающих [Кубрякова 2002: 21].

Производные слова от имени «London» были выделены методом сплошной выборки из Оксфордского словаря английского языка на исторических принципах[127]. Всего было рассмотрено восемь (в плане выражения) производных единиц от слова «London», прилагательное «Londinensian», являющееся производным от основы латинского прилагательного «Londinensis», которое соответствует названию Лондона на латыни, а также существительное «Londonization», образованное от производного глагола «Londonize»). В ходе анализа был сделан ряд выводов.

1. Из выделенных единиц шесть относятся или могут относиться к существительным («Londoner», «Londonese» в значении «the Londonese dialect»,

[127] Полный перечень производных слов от имени «Лондон», их значений и контекстов их употребления, а также семантическое описание соответствующих деривационных аффиксов приводятся в Приложении 1 «Производные слова от имени «London».

«Londonian», «Londonism», «Londonologist» и «Londonization»), три – к прилагательным («Londonese» в значении «peculiar to or characteristic of London», «Londonesque» и «Londony»), и одна единица является глаголом («Londonize»).

2. Все производные слова полностью мотивированны (семантически прозрачны), кроме слова «Londoner» в значении «a ship belonging to London», которое является частично мотивированным или частично лексикализованным.

3. Значение слова «Londoner» «a ship belonging to London» развилось из значения «a native (or inhabitant) of London» за счет виртуализации семы /одушевленный/ при сохранении семы /pertaining to London/ и ее уточнения с помощью афферентной семы /ship/.

4. Слово «Londoner» в значении |a ship belonging to London| является устаревшим.

5. Существительное «Londonese» – это результат субстантивации соответствующего прилагательного.

6. Существительное «Londonism» может обозначать как все особенности речи лондонцев собирательно, так и ее конкретные особенности.

5. Четыре производных слова («Londonian», «Londonesque», «Londonize» и Londonization) имеют статус редких или окказиональных.

6. В большинстве контекстов афферентными для семем ‘Londonese’ и ‘Londonesque’ являются семы /derisive/ и /jocular/ соответственно.

7. В большинстве контекстов афферентной для семемы ‘Londony’ является сема /derogatory/.

6.3. Сочетаемость имени «London»

Рассмотрение сочетаемости лексемы «London», являющейся именем исследуемого сверхтекста, представляется необходимым в рамках настоящего исследования, поскольку именно в комбинаторике обнаруживаются алгоритмы реализации сверхтекстовых единств, т. е. его развертывания в реальные тексты. Другими словами, в сочетаемости лексем мы находим стандартные

структурные составляющие сверхтекста больше лексемы (или, в семантическом отношении, ее семемы), которые рекуррируют в бесконечном множестве текстов. Согласно И.А. Стернину, сочетаемость позволяет выявить многообразие способов категоризации концептуализуемого явления [Стернин 2001: 62] и, соответственно, более полно реконструировать его языковой сверхтекст. По М.В. Пименовой, за счет наблюдения за комбинаторикой соответствующих языковых знаков представляется возможным выявить структуру концепта [Пименова 2004: 82]; то же верно и для свертекстов. Е.С. Кубрякова указывает на то, что вхождение слова в комбинации с другими словами предопределено как его лексическим значением, так и той сверхструктурой, которую оно реализует, а согласование слов имеет место на этих двух различных уровнях [Кубрякова 2002: 18]. Приведем закон семантической сочетаемости слов в определении В.Г. Гака: два слова будут образовывать правильное сочетание лишь при условии, что, кроме специфических признаков, они будут содержать общий признак или не иметь несовместимых признаков [Гак 1977: 23]. Данное предписание образует, по сути, изотопию. Как указывается иисследователем, согласование противоречащих семантических признаков возможно лишь при условии погашения или нейтрализации в одном из членов словосочетания контрарных семантических компонентов другого члена [Op. cit.: 28]. Помимо семантических, выделяют несколько видов других ограничений на совместное употребление элементов: фонематические, морфологические, лексические, синтаксические, просодические, стилистические [Cf.: Апресян 1995: 60-62; Бирвиш 1981: 183; Бочкарев 2003: 142; МакКоли 1981: 247-252].

Согласно Дж.Р. Тейлору, «комбинаторный потенциал единицы X будет определяться наличием в ее семантическом наборе элементов схемы или сверхструктуры, которые будут раскрываться только в комбинациях с другими единицами» [Taylor 2002: 229].

Как отмечалось выше, анализ отношения слова-имени сверхтекста к другим словам, устойчиво связанным с ним синтагматически, позволяет

выделить частный набор присущих сверхтексту признаков. Суммируя частные наборы, можно осуществить достаточно полную семантическую реконструкцию исследуемого сверхтекстового единства. Наконец, подобно тому, как сочетаемостью слова описывается включенность концепта, именем которого служит данное слово, в когнитивные парадигмы, в ней также обнаруживается связь сверхтекстов в рамках дискурса.

В результате сплошной выборки из словарей OEDHP, ODPF, ODEP, ODT, «Webster» и «Мультитран» было выделено 114 устойчивых словосочетаний с именем «London», являющихся реализациями различных признаков исследуемого сверхтекста[128]. В ходе анализа словосочетаний был сделан ряд выводов.

1. Из общего корпуса устойчивых словосочетаний 75 относятся к традиционным словосочетаниям или составным номинациям без идиоматической силы (например, «London Stock Exchange», «Recorder of London», «London stone»), 25 относятся к классу связных терминов без идиоматической силы (например, «London black», «London Clause», «London landed terms»), и 14 относятся к фразеологическим единицам различной степени идиоматичности (например, «London ivy», «London lickpenny», «London news», «London particular»). Под термином вслед за И.В. Арнольд понималось слово или устойчивое сочетание слов, которое служит уточненным наименованием понятия, являющегося специфичным для некоторой области знания [Арнольд 1966: 40]. Уточнение термина обеспечивается благодаря его нахождению в специальной литературе или включению в списки, разработанные комиссиями по стандартизации терминологии и дефиниций или, другими словами, определений, которыми точно описываются содержание и границы термина. Значение же термина, указывает И.В. Арнольд, не изменяется в зависимости от дистрибутивной формулы и не включает в себя

[128] Полный перечень устойчивых словосочетаний с именем «London» с комментариями и цитатным материалом приводится в Приложении 2 «Устойчивые словосочетания с именем «London».

эмоциональный компонент, однако логический компонентный анализ указывает на его многоэлементный характер [Ibid.].

Традиционные словосочетания и связные термины занимают промежуточную позицию между свободными и фразеологическими словосочетаниями. Они отличаются от фразеологических словосочетаний отсутствием цельности номинации, но, с другой стороны, вследствие регулярного употребления, многократного воспроизведения они стали устойчивыми формулами, не создаваемыми в речи, а вносящимися в нее [Cf.: Медникова 1974: 74].

2. В проанализированных словосочетаниях существительное «London» может выступать в роли главного слова («Greater London»), а в качестве адъюнкта выполнять атрибутивную функцию («London University»), выступать в роли прямого дополнения («bet London to a brick»), косвенного дополнения («Geological Society of London», «Allied Tanker Coordinating Committee in London») или быть частью составного определения («City of London Court»). Позиция имени «London» в составных номинациях представлялась существенной в соответствии с принципом строгой композиционности из формальной семантики: значение составного выражения определяется (i) значениями его компонентов; (ii) способом их соединения [Cann 1993: 31].

3. Среди традиционных словосочетаний (составных номинаций без идиоматической силы) значительное место занимают словосочетания, описывающие различные лондонские учреждения, институты и структуры (например, «Committee of London Clearing Bankers», «Greater London Authority», «London Natural History Society»).

4. Словосочетания «Greater London Council», «London Debt Agreement», «London Group» и «London County Council» являются историзмами.

5. Среди связных терминов без идиоматической силы значительное место занимают словосочетания, относящиеся к экономической или коммерческой тематике, что связано с тем, что Лондон прочно занимает позицию одной из финансовых столиц мира. Поскольку многие финансовые показатели и

котировки мирового значения рассчитываются в Лондоне (например, «London A. M. fix price», «London interbank bid rate»), а важнейшие мировые финансовые институты и рынки располагаются в этом городе, их названия включают в себя слово «London». Употребление этого слова также может указывать на то, что соответствующее понятие впервые появилось в Лондоне, или, в случае с экономическими терминами, обозначать отличие обозначаемых коммерческих условий от условий других городов или стран (например, «London Clause», «London landed terms»).

6. Термины «London black», «London blue», «London red», «London russet» являются архаизмами, а «London bushel» – историзмом.

7. Из четырнадцати выделенных фразеологических единиц одиннадцать относятся к фразеологическим сращениям, т.е., согласно В.В. Виноградову, наиболее монолитным единицам вследствие их семантической и синтаксической немотивированности [Виноградов 1947: 131]. Смысл этих единиц не выводится из лексического значения их компонентов: например, *bet London to a brick* «знать наверняка», *London Eye* «обзорное колесо тысячелетия», *London lady* «сорт картофеля».

Две фразеологические единицы относятся к фразеологическим единствам [Op. cit.: 135], поскольку их смысл выводится из лексического значения составных компонентов лишь частично: например, *London lickpenny* «бездна, в которую утекают деньги», *London news* «слухи». Фразеологические единства характеризуются меньшей по сравнению со сращениями спаянностью. Это связано с тем, что хотя их компоненты обладают семантической неделимостью и одновременно изолированностью, они, во-первых, обнаруживают некоторую мотивированность (в значениях отдельных слов), и, во-вторых, их синтаксическое построение совпадает с построением свободных словосочетаний.

Наконец, одна фразеологическая единица из списка является составной метафорической номинацией с идиоматической силой (*Little London beyond Wales* «Бомарис»).

8. Не все фразеологические сращения полностью демотивированы: *London Bridge* «разновидность игры в мостик» – номинация на основе метафорического переноса по семе /форма/; *London Eye* «обзорное колесо тысячелетия» – номинация на основе метафорического переноса по семам /форма/ и /обзор/; *London ivy* «лондонский туман» – номинация на основе метафорического переноса по семе /образ действия/ (подобно плющу, туман в Лондоне как бы вился по зданиям); *London particular* «густой лондонский туман» – номинация на основе метафорического переноса по семе /консистенция/ (по аналогии с вином «Мадера» марки «London Particular», ввозившегося в Лондон в XIX в.); *London smoke* «тёмно-серый цвет» – номинация на основе метафорического переноса по семе /цвет/ («цвет лондонского дыма»).

9. Объяснение мотивации фразеологического сращения *London pride* «камнеломка тенистая, *Saxifraga umbrosa*» на основе того, что описываемое растение, «… будучи очень красивым, получило название «гордости Лондона» [London Pride / OEDHP] близко к «народной этимологии» и не может быть признано удовлетворительным.

10. В терминологии А.И. Смирницкого тринадцать из четырнадцати выделенных фразеологических единиц относятся к аттрибутивно-именным [Смирницкий 1956: 217]: например, «London particular», «London sugar», – и одна к глагольно-субстантивным [Op. cit.: 220]: «bet London to a brick».

11. Фразеологизмы «London button», «London lickpenny» и «London news» являются архаизмами.

12. Фразеологизмы «London ivy» и «London particular» относятся к книжному стилю; последний был впервые зафиксирован в романе Ч. Диккенса «Холодный дом» (*Bleak House*, 1852).

13. Участие слова London в фразеологических сочетаниях типа *bet London to a brick* «знать наверняка» указывает на высокую степень употребительности, «ангажированности» данного слова.

На диссоциацию многих устойчивых сочетаний с Лондоном как топонимом указывает, в частности, то, что слово «London» в них может писаться с маленькой буквы (например, «london smoke», «london plane», «london rocket»).

6.4. Устойчивые речения с именем «London»

Корпус устойчивых речений, обладающих статусом предложения, паремиологический фонд языка или совокупность т. н. коммуникативных фразеологических единиц [Кунин 1986: 50] представляет своего рода дидактический материал, мудрость поколений, накопленную в связи с реализацией языком кумулятивной функции. Анализ же этого материала позволяет проследить исторические вехи формирования исследуемого сверхтекста как единицы, являющейся культурно-специфичной [Cf.: Добровольский 1998].

Семантическое наполнение стоящего за сверхтекстом концепта «рассеяно», согласно В.Н. Телии, как в содержании лексических единиц, так и во фразеологическом корпусе, паремиологическом фонде и в наборе устойчивых сравнений, в которых запечатлены эталонные образы, характерные для конкретного языкового сообщества [Телия 1996: 96].

Вместе с фразеологическими единицами устойчивые речения относятся к так называемым языковым афоризмам. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров определяют языковой афоризм как фразу или сентенцию, которая известна всем и потому не творится заново в речи, а извлекается из памяти [Верещагин 1976: 71]. Замены же или перестановки в составе фразеологической единицы приводят, согласно Э.М. Медниковой, к тому, что она «либо разрушается, либо непосредственное значение отдельного ее члена – так сказать, значение потенциальное – актуализуется, и фразеологическая единица деформируется» [Медникова 1974: 78].

В.Н. Комиссаров указывает на то, что в языковом афоризме некоторое явление действительности представлено как «общеизвестная истина,

фундаментальный принцип или правило поведения» [Комиссаров 1988: 52]. Такая языковая единица характеризуется, соответственно, массовой воспроизводимостью и приобретает значение всеобщности или, по Комиссарову, «внеконтекстную импликативность» [Ibid.].

Говоря о языковых афоризмах, М.И. Михельсон использует традиционный термин «ходячие слова», понимая под ними известные цитаты, иносказания и пословичные выражения и, часто встречающиеся как в устной речи, так и литературе и характеризующиеся массовой воспроизводимостью [Михельсон 1997: II].

При включении в принимающий текст языковой афоризм становится «прецедентным интекстом», который, по П.Х. Торопу, активизирует стоящие за ним сверхтекстовые структуры и актуализирует в сознании и памяти читателя определенный текст или группу текстов [Тороп 1981: 40].

Вслед за Н.Ф. Алефиренко, который говорит о вербализации концептов во фразеологизмах, отметим, что фразеологическое значение, будучи порождением лингвокреативного мышления, являет собой продукт смысловой трансформации некоторого сверхтекста, его ассоциативно-образное перестроение в результате вербализации новых смысловых компонентов, осуществляемой на основе тех понятий и представлений, которые уже закреплены в языковых значениях и структуре сверхтекста [Алефиренко 2004: 72].

На основе материала словарей ODEP и «Мультитран» было проанализировано 15 устойчивых речений, в которых фигурирует имя «Лондон»[129]. В них актуализуются различные признаки исследуемого сверхтекста. В настоящее время многие из них, без сомнения, виртуализовались: здесь необходимо учитывать период появления конкретного речения. Некоторую противоречивость или неожиданность речений, объективирующих в языке индивидуальные, «периферийные» признаки

[129] Полный перечень устойчивых речений с именем концепта «Лондон», а также комментарии к ним приводятся в Приложении 3 «Устойчивые речения с именем «London» или с производными от него».

сверхтекста, можно объяснить тем, что в их контексте происходит актуализация различных афферентных идиолектных сем, которые могут не соотноситься с инвариантным набором признаков сверхтекста, осознаваемых социумом в их совокупности. Таким образом, имеем еще одно подтверждение вероятностного характера лондонского текста.

Итак, в речениях актуализованы следующие смысловые компоненты:

- несовершенство судебной системы: «A London jury; hang half and save half»;
- Лондон – процветающий город: «Lincoln was, London is, and York shall be»;
- черты характера лондонцев: наглость, бесстыдство – «Londoner like, ask as much more as you will take»; «No cousin in London, no cousin in Stockham»; остроумие – «Oxford for learning, London for wit, Hull for women, and York for a tit»;
- различные периоды и события в истории Лондона и Великобритании: «London Bridge was built upon woolpacks»; «Nobody's nails can reach the length of London»;
- Лондон – «ярмарка невест»: «Oxford knives and London wives»;
- нормативность лондонского диалекта как основы новоанглийского языка: «She hath been at London to call a strea a 'straw', and a waw a 'wall'»;
- народные поверья, так называемые городские мифы: «So long as the stone of Brutus is safe, so long shall London flourish»;
- высокая степень употребительности, «ангажированности» слова «London» в поговорках, народных присказках: «Which way to London? A poke full of plums»; «You could ride bare-arse from London on it».

Последнее также подтверждается участием слова «Лондон» в так называемых «детских стишках» (*nursery rhymes*), которые изобилуют фольклорными образами и отражают народные традиции и легенды: «Pussy cat, pussy cat, where have you been? / I've been to London to look at the queen».

6.5. Ключевые метафоры в формировании лондонского текста

В данном разделе описываются важнейшие метафоры в формировании лондонского текста и, соответственно, объясняется, почему оказывается возможной сочетаемость семемы ‘London’ с предикатами и атрибутами, содержащими нехарактерные для нее семы /одушевленный/, /прочтение/, /относящийся к познанному миру/ и пр. Мы попытались ответить на вопрос, в силу чего возможны построения типа «dolent city» или «infinite London». Как указывает А.Е. Бочкарев, правила ограничений сочетаемости предписаны системой языка: они определяются условиями грамматичности и являются обязательными для всех говорящих [Бочкарев 2003: 143]. При нарушении же этих правил возникают различные аномалии. Но если рассматривать не только «грамматически правильные» построения (например, устойчивые словосочетания, приведенные в приложениях к настоящему исследованию), а весь набор данных нам реализаций сверхтекста (особенно в художественных произведениях), то будет очевидно, что значительная их часть отступает от нормативных предписаний языковой системы и от онтологического критерия истинности-ложности. Поэтому заметим вслед за А.Е. Бочкаревым, что изучение ограничений сочетаемости не должно ограничиваться только системой языка: необходимо также учитывать прочие виды кодирования: идиолектные и социолектные нормы, аксиологические критерии [Ibid.].

Метафора, безусловно, несет в себе нарушение правил, которыми ограничивается сочетаемость, поскольку метафорическое определяемое и определяющее принадлежат к разным семантическим классам [Cf.: Арутюнова 1998: 281, 323]. По А.Е. Бочкареву, понимание метафорического выражения, т.е. устранение эффекта языковой аномалии, предполагает нейтрализацию или погашение в сополагаемых семемах несовместимых признаков и актуализацию признаков общих [Бочкарев 2003: 92]. Благодаря последней операции в реконструируемый сверхтекст привносятся новые семантические компоненты. Наконец, стандартными метафорическими отношениями описываются стратегии развертывания сверхтекста в реальные тексты.

6.5.1. Метафора организма

Метафора организма соотносится с глобальной онтологической метафорой, в соответствии с которой неодушевленные предметы представляются как живые существа. Метафора организма также будет частным случаем корневой метафоры системы[130], поскольку одной из классификаций систем является их разделение на неорганические и живые. Соответственно, метафора «город-как-организм» предполагает, что город(-как-система) есть нечто большее, чем арифметическая сумма образующих его компонентов, что он обладает собственной целью (выживание, рост) и развивается эволюционно. Согласно данной парадигме особенности сообщества проживающих в городе людей не являются следствием намеренных действий и мотивов. Поэтому в рамках данной парадигмы любые преобразования теряют смысл. Действия жителей города определяются исключительно закономерностями и потребностями существования самого города [Cf.: Соснин 2007: 134]. Ему и только ему принадлежит статус агенса – как в следующих контекстах: This City now doth like a garment wear / The beauty of the morning; silent, bare» [Wordsworth 1802]; «The seventh day this; the jubilee of man. / London! right well thou know'st the day of prayer: / Then thy spruce citizen, wash'd artisan, / And smug apprentice gulp their weekly air» [Byron I8I8]; «And to witness the passing of this Age, London – its pet and fancy – was pouring forth her[131] citizens through every gate into Hyde Park» [Galsworthy 1920].

В соответствии с метафорой «город-как-организм» Лондон может быть представлен как гигантский увеличивающийся нарост, как бездушный молох – страшная, разрушающая сила, как ненасытное чудовище, поглощающее всех и вся. Таким образом, семема 'London' приобретает социально нормированный пейоративный признак /прожорливый/: «voracious London» [Ackroyd 2000: 301]. Реализации видов описываемой метафоры представлены в следующих

---

[130] Метафора системы развивалась и претерпевала изменения. Существенное воздействие на ее эволюцию оказала концепция открытых систем, сформированная в середине XX в. Л. Берталанфи. Если раньше город трактовался как закрытая система (концепт «town»), то сегодня он описывается в качестве открытой системы, находящейся в состоянии подвижного равновесия (смысловые компоненты «diffused boundaries», «sprawl»). Ср. город-как-*perpetuum mobile*: [Williams 1971: 602-607].

[131] О концептуализации Лондона как объекта, имеющего женское начало, см. далее в настоящем разделе.

контекстах: «London, the Metropolis of Great Britain, has been complained of, for Ages past, as a kind of Monster, with a head enormously large, and out of all proportion to its Body» [Tucker, Josiah. A Brief Essay on the Advantages and Disadvantages, which Respectively Attend France and Great Britain (1749). Cit. ex: Arnold 1999: 1]; «… he saw the sky glowing with that orange which is the city's reflected light. It was like a furnace burning and turning, destroying everything which it touched» [Ackroyd 1984: 155-156]; «But this Capital City of the World of Affliction is still the Capitol of Darknesse <...>: still in the Centre are no proper Streets nor Houses but a Wilderness of dirty rotten Sheds, allways tumbling or takeing Fire, with winding crooked passages, lakes of Mire and rills of stinking Mud, as befits the smokey grove of Moloch. (I have heard of that Gentleman, says Nat all a quiver)» [Ackroyd 1985]; «The fog had lifted by the time we came home; it was late in the evening, and I knew that we were approaching London from the diffused red light in the sky which blotted out all the stars. It was as if we were returning to a furnace» [Ackroyd 1993: 35]; «the monstrous spread of the city» [Donald 1999: 49]; «... it [London] has commonly been portrayed in monstrous form, a swollen and dropsical giant which kills more than it breeds. Its head is too large, out of proportion to the other members; its face and hands have also grown monstrous, irregular and "out of all Shape"» [Ackroyd 2000: 2].

В эссе «Лондон» из серии путевых заметок «English Hours» Г. Джеймса Лондон концептуализуется как могучая великанша-людоедка, которая пожирает всех без разбора: «London is so clumsy and so brutal, and has gathered together so many of the darkest sides of life, that <...> she is like a mighty ogress who devours human flesh; <…> she fills her maw. <…> She has no time for fine discriminations, <…> she gobbles you up» [James 1888: 24]; «She heeds little what she takes, so long as she has her stint, and the smallest push to the right or the left will divert her wavering bulk from one form of prey to another» [Op. cit.: 27].

Метафора «город-как-организм» также предполагает сравнение города с человеческим телом, его персонификацию. Это вполне обосновано, поскольку, известно, что структуры, используемые для построения нашей концептуальной

системы, основаны на нашем телесном опыте, а сама система построена на восприятии, движении и физическом опыте [Cf.: Lakoff 1987; Соснин 2011].

Так, в «Повесте о Платоне» П. Акройда жители претендующего на идеал Лондона будущего заявляют: «Here we are all one city. We are the limbs of London. We are a common body» [Ackroyd 1999]. Город здесь также олицетворяет коллективное сознание всех его жителей.

В России о возможности сравнения города с человеческим телом впервые заговорил выдающийся историк, культуролог и урбанист Н.П. Анциферов, который рассматривал город как сложный социальный механизм. Он предложил выделить три ключевых элемента города, которыми определяются три подхода к его исследованию как единого целого: анатомию, физиологию и психологию или душу городского организма. Согласно исследователю, анатомия города – это его физическая природа; физиология – пусльсация города всеми своими органами, проявляющаяся в деятельности общества; душа же города – это единство всех его элементов, которые сформировались исторически и составляют индивидуальный, уникальный городской организм [Анциферов 1925: 22-24]. Анциферов призывает познать свой город, чтобы понять социальную среду и самого себя [Op. cit.: 31].

Русский архитектор и автор ряда трудов по градостроительству М.Г. Диканский рассматривал городские улицы, площади, рынки, пути сообщения как составляющие единого городского организма. В деловом центре он слышал его сердце, в движении толпы видел его циркуляционную систему, в электрических проводах и телефонных линиях – систему нервную, а в административном центре – разум, отвечающий за действия. Душу же города он зрил в стремлениях и чувствах граждан [Диканский 1926]. Таким образом, город, согласно указанным исследователям, представляет собой адекватную модель для изучения человека и наоборот.

Американский социолог П. Солери, тем не менее, выделяет ряд отличий города-как-организма от биологического организма: (i) у города бесконечное множество мыслительных, мозговых центров (жители города), которые не

статичны в том смысле, что они постоянно объединяются в различные группы; (ii) мыслительно-организующие процессы города-как-организма рассредоточены по физической оболочке города, являясь как бы «эпидермическими»,а не централизованными и глубинными, как у живых организмов; (iii) если эпидермис живых организмов посылает импульсы мозгу, реагируя на внешние раздражители, то физическая оболочка города одновременно и сигнализирует о раздражителях (зачастую содержащихся в самой оболочке), и мыслит (через рассредоточенных по ней индивидов), и реагирует на раздражители [Soleri 1971: 599]. Исследователем также отмечается, что можно представить себе некий абстрактный конструкт – централизованный мозг города, который, однако, не являет собой результат биологического развития, а сводится к «среднему арифметическому» составляющих его компонентов [Op. cit.: 600].

Принцип изучения города как организма модифицировался в бионическое направление, что составило основу концепции «бионического города», согласно которой законы построения города являются отражением формообразования живой природы. Согласно Ю. М. Лебедеву, бионический город обладает такими основными свойствами, как системность, динамичность, саморегуляция и совершенствование [Лебедев 1994: 177]. Каждый город в каком-то смысле ведет себя как живой организм: переживает период рождения, расцвета, дальнейшего стагнационного существования и угасания, т. е. эволюция города может передаваться с помощью метафоры роста. Этот процесс имеет свою, не всегда явно просматривающуюся логику. Устойчивость города в качестве системы и способности его развития тем выше, чем больше социально значимых функций он способен реализовать.

Город являет собой организм и с точки зрения американских социологов-урбанистов, представляющих Чикагскую школу (Э. Берджес, Р. Парк). В их представлении, это «продуктестественных стихий, расширяющий свои границы совершенно независимо от пределов, которые ему навязываются в связи административными и политическими требованиями» [Парк 2006: 23]; это

социопространственный организм, характеризующийся стихийностью роста и развития.

С семантической точки зрения, персонификация неодушевленной сущности – Лондона – проявляется в сочетании лексемы «London», семема которой включает родовой ингерентный признак /неодушевленный/, с разнообразными предикатами и атрибутами, обозначающими человека, части его тела, осуществляемые им действия или его чувства и ощущения, т. е. предикатами и атрибутами, семемы которых включают признак /одушевленный/. При этом ингерентный признак /неодушевленный/ в составе семемы ‘London’ нейтрализуется, замещаясь на афферентный признак /одушевленный/, в результате чего не нарушаются семантические правила сочетаемости семемы ‘London’ с указанными предикатами и атрибутами и город может выступать в качестве агенса.

Таким образом, имеем: улицы – это артерии Лондона, парки – его легкие, а лондонский шум подобен тому, как бьется человеческое сердце, – как, например, в стихотворении английской поэтессы и романистки Эми Леви (1861-1889) «Солома под ногами» (*Straw in the Street*): «Here, where the pulses of London beat…» [Levy 1882: 466].

В «Сонете, написанном на Вестминстерском мосту» У. Вордсворта мощное сердце Лондона, перед тем, как проснуться, находится ранним утром в покое: «Dear God! the very houses seem asleep; / And all that mighty heart is lying still» [Wordsworth 1802].

Лондон может рассматриваться как сердце Англии или (в прошлом) Британской империи. Лондонский Сити и расположенный в нем Английский банк могут концептуализоваться как сердце финансовой империи [Cf.: Port 1999: 127]. Однако в современных условиях этот признак следует считать частично виртуализованным.

В предисловии к биографии Лондона П. Акройда (которое озаглавлено «The City as Body») находим следующий контекст: «The byways of the city resemble thin veins and its parks are like lungs. In the mist and rain of an urban

autumn, the shining stones and cobbles of the older thoroughfares look as if they are bleeding» [Ackroyd 2000: 1].

Внутренние конфликты, противоречия городской жизни ведут к тому, что, как человек, Лондон скорбит, мучается от боли и стонет, т. е. концептуализуется как страждущий город: «London doth mourn, Lambeth is quite forlorn / Trades cry, woe worth that ever they were born» [Nashe 1590]; «… London languishes and writhes in sickness and in pain, and turns its weary face to the wall, and moans in anguish» [Manby Smith 1857]; «that dolent city» [Thomson 1874]; «London, a body racked with fever, and choked by ashes» [Ackroyd 2000: 2]. В трех последних контекстах реализуется морбиальная метафора – образность, связанная с болезнями. Тем не менее, существовали представления о Лондоне как о юноше, пышущем здоровьем и полном энергии: «London as a young man refreshed and risen from sleep» [Ackroyd 2000: 2]. Так, в образе британской столицы П. Акройд всегда подчеркивает ее юность и способность к бесконечному возрождению. В одном из своих интервью писатель заметил по этому поводу следующее: «Если бы Лондон был человеком, а не городом, то, я полагаю, он бы вечно был молодым. Впрочем, он таков и есть» [Акройд 2009].

В стихотворении английского поэта, драматурга и писателя XX в. Мервина Пика «Лондон, 1941» о британской столице, пострадавшей после немецких бомбежек, говорится как о раненом человеке: «Half masonry, half pain; her head / From which the plaster breaks away / Like flesh from the rough bone, is turned / Upon a neck of stones; her eyes / Are lid-less windows of smashed glass, / <...> / Her breasts are crumbling brick... / <...> / Her rusted ribs like railings round her heart; / A figure of dry wounds – of winter wounds – / O mother of wounds; half masonry, half pain» [Peake 1941: 167].

Наделение Лондона такими персонифицированными характеристиками осуществляется с позиции социально-нормированной или идиолектной оценочности говорящего. Чтобы истолковать, например, метафорическое выражение «London doth mourn», где интенсионально предикат приписывается объекту, входящему в иной семантический класс (//одушевленный// *vs.*

//неодушевленный//, //человек// *vs*. //город//), необходимо, как указывалось выше, нейтрализовать несовместимые признаки и актуализовать какой-либо общий признак, т. е. идентифицировать и построить изотопию. Здесь возможно несколько интерпретаций:

(i) ‘London’ как его жители по метонимическому переносу, что подразумевает сему /одушевленный/;

(ii) ‘mourn’ ⊂ инг. /sad/ → /dreary/ с виртуализацией признака /одушевленный/, т.е. последовательность «London doth mourn» можно прочитать как «London looks dreary», что согласуется с правым контекстом строки («Lambeth is quite forlorn»), который также не содержит признака /одушевленный/;

(iii) учитывая более широкий контекст – название стихотворения «Autumn» – можно актуализовать сквозную метафору «дождь-слезы»: ‘Autumn’⊂ афф. /rain/; ‘mourn’⊂ афф. /tears/ → /rain/ с виртуализацией признака /одушевленный/ (Или «London mourns» → «London cries» с виртуализацией признака /неодушевленный/ в ‘London’); (trades) ‘cry’⊂ инг. /tears/. Таким образом, синтагмы «London doth mourn» и «trades cry» находятся в отношениях параллелизма.

В английской языковой традиции Лондон нередко концептуализируется как объект, имеющий женское, зачастую материнское начало: «Pryncesse of townes, of pleasure, and of joy» [Dunbar 1501]; «*Her* enormous magnitude – the wonderful city <…>, ancient and gigantic» [4]; «London / Used to wear *her* lights splendidly / Flinging *her* shawl-fringe over the River» [Lawrence 1918: 507] (курсив мой – *А.С.*)[132]. Как отмечает В.Н. Топоров, это обусловлено, во-первых, мифологическим представлением о неразрывной связи женского детородного начала с организованным пространством, в котором все наличествующее видится в качестве порождения этого начала, и, во-вторых, соотнесением образов женщины и города и мифологической концепцией брака Неба и Земли,

[132] Темза, напротив, концептуализируется как объект, имеющий мужское начало: «The river [Thames] glideth at his own sweet will» [Wordsworth 1802]; «the dusky bosom of old Father Thames puts on a light grey mantle» [Manby Smith 1857].

и сопутствующих божественных персонажей [Топоров 1987: 124]. Соответственно, использование «материнской» метафоры в отношении Лондона имеет глубокие корни в английской литературной традиции [Cf.: Соснин 2014(a)].

Так, английский поэт елизаветинской эпохи Эдмунд Спенсер называет Лондон в свадебной оде «Проталамион» кормилицей, давшей ему жизненные силы: «mery London, my most kyndly nurse, / That to me gave this lifes first native sourse» [Spenser 1596]. В трактате же английского историка Джона Стоу (1525-1605) «A Survay of London. Conteyning the Originall, Antiguity, Increase, Moderne estate and description of that City» Лондон обозначается как «my native *Mother* and Countrey» [Stow 1908 (1598): xcviii]. Наибольшую эмоциональную силу описываемая метафора получает в литературных произведениях, ставших откликами на Великий лондонский пожар. В своем трактате « Vox Civitatis: or, London's Call to her Natural and Adopted Children; Exciting them to her Speedy Reedification» (1666) английский памфлетист Роже Лестранж (Roger L'Estrange) с горечью называет лондон «the sad *Mother* <…> burnt by the raging Fire almost to th'ground» [Ibid.].Начиная с восемнадцатого века все большее распространение получают описания лондона как прародительницы («progenitrix», «common ancestress», «Mother London») английского народа, как средоточия национального самосознания.

К ключевым вербализациям лондонского текста времен Британской империи относятся построения с лексемой «metropolis» (от др. греч. *μητρό-πολις* «the mother city or parent state of a colony» [Metropolis / OEDHP]), в которых Лондон предстает не только как главный город метрополии, но и как прародительница, «мать-город» [Соснин 2014(a): 57].

Образ города-прародительницы может ассоциироваться не только с максимальным женским плодородием и полнотой возможностей, но и с падением или разрушением, поскольку, как отмечает В.Н. Топоров, сопутствующим знаком полноты, помещенной в обессмысливающий контекст, становятся блуд и разврат. Согласно исследователю, богатство всем значит

богатство никому, а неограниченная расточительность ведет не к благу, а к смерти [Топоров 1987: 129]. Соответственно, возникает метафора города-блудницы, который не блюдет своей целости и приближает свое падение. Данная метафора актуализуется, в частности, в сравнениях Лондона с Вавилоном. Так, говоря о худших сторонах жизни в английской столице и ссылаясь на 17 главу Откровения Иоанна Богослова, американский социолог К. Боулдинг отмечает, что Лондон – это Вавилон, жена, облеченная в порфиру и багряницу: «London is <...> Babylon, *the scarlet woman*» [Boulding 1971: 529].

Город, опустошенный за свои грехи, вызывает ассоциации с вдовством – опять же в рамках воспроизведения библейского культурного кода: «How doth the city sit solitary, that was full of people! how is she become as a *widow*! she that was great among the nations <...> She weepeth sore in the night» [Lamentations of Jeremiah 1:1-2].

Итак, в английской языковой традиции Лондон может концептуализоваться как мать или прародительница английского народа, как город-блудница и как город-вдова. Эти разновидности «женской»метафоры основаны на мифологическом и библейском культурных кодах, и ими обеспечиваются другие метафорические построения в структуре лондонского текста, такие как «Лондон-вся Англия» и «Лондон-весь мир»[133], а также а также «Лондон-пустыня» и «Лондон-ад»[134].

Возвращаясь собственно к метафоре организма, нельзя не отметить монументальный труд о британской столице Питера Акройда «Лондон: биография» (*London. The Biography*, 2000). Выбрав такое название для своей книги, английский писатель впервые в истории литературы эксплицитно сделал город предметом жизнеописания. С самого начала книги Лондон обозначается как живое существо, и эта метафора организма неоднократно поддерживается в ходе изложения. Как отмечает влиятельный английский журналист П. Престон в своей рецензии на труд Акройда, «Лондон слишком

---

[133] Подробнее см. Раздел 6.5.3. «Метафоры «Лондон-душа» и «Лондон-мир».
[134] Подробнее см. Разделы 5.2.4. «Лондон-как-Иерусалим; метафора пустыни» и 5.2.5. «Лондон-как-Вавилон; метафора ада; лондонская толпа».

разнообразен, и он не поддался бы определению, если бы не был наделен получеловеческим характером» [Preston 2000; перевод мой – *А.С.*]. Акройд представляет историю британской столицы как эволюцию живого организма. Так, Лондон погружается в удовольствия и пороки (раздел «Voracious London», глава «Violent London»), переживает болезни (раздел «Pestilence and Flame») и вновь возрождается («Resurgam»). В представлении писателя, Лондон бесконечен и бессмертен: «One of the permanent, and most striking, characteristics of London lies in its capacity to rejuvenate itself. It might be compared to some organism which sloughs off its old skin, or texture, in order to live again» [Ackroyd 2000: 721].

6.5.2. Метафора текста

Лондон-как-текст

В рамках современной парадигмы гуманитарного знания практикуется широкое применение понятия «чтения» для описания взаимодействия с самыми различными знаковыми системами. Расширяется не только информационное пространство, в классическом виде оформленное с помощью грамматики, внутритекстовых связей и семантических изотопий (письменный текст), прямой или обратной перспективы (живопись), но и сама форма информационности.

Для О. Шпенглера, например, существует «грамматика и синтаксис языка форм всех строгих искусств, с соответствующими правилами и законами, с внутренней логикой и традицией» [Шпенглер 1998: 256-257]. Шпенглер «прочитал» Европу как текст, по модернистской двойной диагонали – крест на крест, и вот итог порождающего текст чтения: «жизнь нации и ее структура – в горизонтальной – не вертикальной, силуэтной! – проекции города»; «горизонтальная проекция городов есть отражение судеб народа; лишь вырисовывающиеся в силуэтах башни и купола рассказывают о логике в картине мира их строителей, последних причинах и действиях в их вселенной» [Ibid.]. Так осуществляется переход от топоса к тексту.

Исследуя город / читая текст, человек устанавливает в памяти непосредственные связи между объектами городского ландшафта / единицами прочитанной информации, а также делает логические и ассоциативные умозаключения. При дальнейшем исследовании / чтении построенные гипотезы получают развитие или опровержение. В семантической памяти каждый концепт связан с другими концептами, поэтому активизация в сознании одного концепта вызывает цепную реакцию ассоциаций. Этот процесс продолжается до тех пор, пока дальнейшая активизация соседних пропозиций не представится нерелевантной. Город предстает как литературный текст, открытый анализу в синхронической и диахронической перспективе.

Итак, метафора городского текста отражает неклассический тип художественного мышления и новые эстетические реалии XX века. На текстовую природу городской действительности косвенно указывается в философии модернизма, а в постмодернизме всеобъемлющая метафора текста утверждается окончательно, эксплицитно. В современной урбанистической науке, соответственно, город рассматривается не столько с исторических, или социологических позиций, а как особого рода культурный текст.

Анализируя модернистские романы, американский литературовед Ричард Лиэн неоднократно подчеркивает, что город и литература в качестве своего общего свойства характеризуются текстуальностью. В труде «Город в литературе: интеллектуальная и культурная история» исследователь замечает, что «чтение города было формой чтения текста от Дефо до Пинчона» [Lehan 1998: 8].

Отождествление города и текста широко распространено в философии постструктурализма. В частности, значительное внимание языку города и семиотике городского пространства уделяет Р. Барт. Он рассматривает город в качестве дискурса и утверждает, что «город говорит со своими жителями, а они «проговаривают» его, живя в нем, совершая по нему прогулки, наблюдая за ним» [Barthes 1997: 167]. Согласно Барту, перемещаться по городу значит прочитывать его и расшифровывать его знаки: «все,кто движется по городу, все

его, так сказать, «пользователи»,оказываются читателями, которые в ходе движения собирают фрагменты высказываний» [Op. cit.: 170]. При этом исследователь замечает, что пример чтения города пока смогли дать только писатели, создавая и развивая особый городской язык.

Соответственно, метафора «Лондон-текст» приобрела существенный вес в английской языковой традиции. Так, за счет актуализации в семеме ‘London’ афферентного признака /semiotic system/ и нейтрализации родового ингерентного признака /city/ оказывается возможной ее сочетаемость с предикатами и атрибутами, содержащими в качестве ингерентной сему /прочтение/.

В своем труде «Примечательные стороны лондонской жизни» (*Curiosities of London Life*) английский историк, критик и публицист Чарльз Мэнби Смит пишет о том, как он привык воспринимать британскую столицу в качестве открытой книги: «It has been my custom for many years past to regard the Streets of London as an open book, in which he that runs to and fro may read as he goes along, gathering not merely amusement and excitement, but valuable instruction too, from its ever varying pages» [Manby Smith 1853]. В другой своей работе «Маленький мир Лондона» (*The Little World of London*) он сравнивает Лондон с «литературным карьером»: «The metropolis of Britain, and of the world, is a literary mine, which a round number of workers with head and hand have been long quarrying out to the public advantage» [Manby Smith 1857].

В последнем контексте имеем развернутую метафору: категориально разнородные элементы принадлежат здесь двум семантическим классам: //mining// и //reading//, – а художественный образ формируется путем установления «цепной» эквивалентности между элементами этих контекстуально-взаимосвязанных классов, когда всякая последующая транспозиция согласуется с предыдущей: ‘mine’ → {‘text’}[135], {‘book’} (за счет рекурренции признака /literary/ из предшествующей семемы), ‘workers’ → {‘men of letters’}, ‘quarrying’ → {‘reading’}, {‘interpreting’}. В результате можно

[135] {’семема’} – содержание, присоединенное путем перезаписи или нелексикализованная семема.

установить следующие отношения эквивалентности: ‘(The) Metropolis (of Britain)’ ≡ ’London’[136] ≡ ’(literary) mine’ ≡ {’text’}. Заметим, что элементы класса //mining// предстают здесь в виде уподобляемых, а элементы класса //reading// в виде уподобляющих, так что класс //mining// ставится на более высокий уровень ценностной шкалы, приобретая в контексте признак /intellectual/ [Cf.: Бочкарев 2003: 15].

Согласно отечественной исследовательнице культуры Л.В. Стародубцевой, прочтение книги города осуществляется следующим образом: «когда человек продвигается по городу, он следует проспектам (авторитетных идей), иногда сворачивает в боковые улочки (на периферии своего сознания), путается в переулках (своих сомнений) и внезапно попадает на большие открытые площади (неожиданные просветы догадок)» [Стародубцева 1999: 79]. В представлении исследовательницы, «развилка путей предполагает наличие нескольких толкований, кольцевые дороги сродни кружению смыслов, радиальные улицы символизируют интеллектуальные трассы, идущие к центру, а реки и каналы – это водоразделы мысли, через которые перекинуты смысловые мосты, соединяющие различные уровни сознания» [Ibid.]. Валы, стены и заборы Стародубцева ассоциирует с мыслительными преградами, а врата и арки – с прорывами в понимании. В ее представлении, скверы – это топтание на месте, «паузы» самоосмысления, а входы в пространства дворов – это движение от фасадов к «нутру», т.е. от поверхности явлений к их глубинной сути [Ibid.; cf.: McLuhan 1971: 548-559].

Наконец, заметим вслед за французским историком и социальным философом Мишелем де Серто, что «мегаполис, будучи самым необъятным из текстов, которые создал человек, дарит наблюдателю непередаваемое удовольствие, даже экстаз от прочтения этого пространства» [Серто де 2008: 24].

---

[136] В силу синтагматического соположения с конкретными семемами ‘metropolis’ может включать видовой афферентный признак /London/ – см. раздел «Таксема //urban area//».

Лондон-как-палимпсест

Любопытно представление Лондона в качестве текста, постоянно переписываемого, но при этом вбирающего в себя признаки предыдущих текстов. Подобная трактовка британской столицы связана с реализацией метафоры «город-палимпсест», где последний компонент (от греч. *palin* «опять» и *psestos* «соскобленный») означает древнюю рукопись на пергаменте, написанную по счищенному, еще более древнему письму. В широком смысле в англоязычном употреблении слово «palimpsest» определяется следующим образом: «a piece of writing material on which the original writing has been effaced to make room for other writing» [Palimpsest / ODT]. Палимпсест – одно из ключевых понятий теории интертекстуального взаимодействия, поскольку подразумевает, что тексты строятся на тех же основаниях, что и предшествующие им тексты, что в каждом тексте есть память других текстов и что ни один текст не создается *ab nihilo* [Cf.: Genette 1982]. Город подобен такой рукописи в том смысле, что архитектура, ритуалы, церемонии и многое другое, что остается от прошлого, обнаруживают себя как скрытые программы, которые позволяют нам непрерывно воспроизводить тексты истории, за счет чего достигается множественность значений [Cf.: Edwards 2012: 173]. Город – это механизм, который постоянно порождает свое собственное прошлое так, что оно оказывается одновременным с настоящим и сопоставимым с ним. В этом отношении любая великая столица, как и культура вообще – это механизм, который бросает вызов времени.

Современными британскими исследователями-урбанистами также отмечается «резонанс» вербального и визуального [Arnold 1999: 3], когда разрушенные здания перестраиваются и служат контекстуализации ушедших образов Лондона в рамках современной парадигмы восприятия: «Ruins are rebuilt and presented in isolation to a contextualizing of the sights of the metropolis in response to modern systems of viewing» [Ibid.; cf. et.: Peltz 1999: 6-28]. Город так же, как и текст, не создается из ничего. Так, в романе П. Акройда «Английская мелодия» (*English Music*, 1992) Ч. Диккенс, который выступает в

нем одним из героев, говорит о том, что дома / тексты всегда будут строиться на месте прежних построек / текстов: «Houses are always built on, Timothy. One gives place to another. Foundations laid upon foundations. The end of one is the beginning of the other» [Ackroyd 1992: 92]. Строительство одного здания из кирпичиков другого – метафора интертекстуальности, когда в каждом конкретном тексте используется что-то из созданного ранее. В романе П. Акройда «Великий Лондонский пожар» (*The Great Fire of London*, 1984) современный Лондон может прочитываться как Лондон Диккенса из «Крошки Доррит», а в романе «Дом доктора Ди» (*The House of Doctor Dee*, 1993) того же автора Лондон елизаветинских времен выглядит более реальным, чем столица Великобритании в наши дни.

Лондон у Акройда – это палимпсест *par excellence*, древний манускрипт, на котором вновь и вновь что-то надписывается, это средоточие английской культуры, истории и литературы, место, где соединились воедино идеи, фразы, произведения разных эпох от Беовульфа до Байрона, Китса и Диккенса. Акройд показывает связь, взаимопроникновение времен, подчеркивая, что ничто не прошло бесследно, все осталось в памяти Лондона. Он также отмечает, что топография Лондона, это палимпсест, на котором можно различить записи о всех величайших и исполинских городах мира [Ackroyd 2000: 143].

Таким образом, универсальный смысл Лондона заключается в том, что в каждый момент его существования в нем наличествуют все предыдущие эпохи одновременно. Благодаря тому, что Лондон является вместилищем текстов, относящихся к разным эпохам, его можно рассматривать как сложный семиотический механизм, своего рода «генератор культуры» [Cf.: Лотман 1986: 106]. Причем этот механизм находится в состоянии постоянного изменения, преобразования. Он заново «рождает» свое прошлое, сополагая его с настоящим. В этом случае город, как и культура, – механизмы, способные противостоять времени. Действительно, старые культуры обладают огромным объемом памяти и многовековой традицией ее сохранения, передачи,

реконструкции и воссоздания. Лондон же может читаться как энциклопедия всех эпох, которым он был свидетелем: «a palimpsest under which millennia of history are layered» [Ball 2004: 4].

Лондон-как-гипертекст. Метафора лабиринта

Под гипертекстом, как отмечалось в разделе 2.2 «Гипертекстуальность и интертекстуальность лондонского текста», понимают сложный, нелинейно структурированный и, соответственно, нелинейно читаемый текст. Гипертекст напрямую связан с интертекстуальностью, так как обладает способностью выражать межтекстовые связи в большей степени, чем линейный текст; он характеризуется размытыми границами и дискретностью. Современный город – это тоже не замкнутое, не огороженное пространство, не «town» в его историческом понимании как «enclosedplace». Это город неопределенности, хаотическое, запутанное, «расползающееся» пространство – «suburbansprawl». Наряду с семой /semiotic system/, смысловые компоненты /sprawl/ и /diffused boundaries/, очевидно, являются основанием метафорического переноса «London – hypertext».

Такой подход порождает новую (деконструвистскую) когнитивную парадигму городской топографии, когда город, подобно гипертексту, становится лабиринтом с множеством входов и выходов и когда, блуждая по нему, человек может внезапно оказаться очень далеко от отправной точки в познании / интерпретации города. В книге «Лондон: биография» П. Акройд, подразумевая возможность выбора предпочтительного пути прочтения британской столицы, пишет о ней следующее: «Границы ее все расплывчатее, а натура все переменчивее: не стала ли она просто набором установок и предпочтений?» [Акройд 2005: 865].

Современную метафору гипертекста, очевидно, предваряет метафора лабиринта, которая имеет весьма глубокие корни в английской литературной традиции[137]. Приведем ряд контекстов, в которых реализуется данный

[137] Концептуализации Лондона как лабиринта может быть противопоставлена его концептуализация как строго упорядоченного пространства – см. Раздел 7.2. «Визуальный субтекст лондонского текста. Упорядоченность Лондона в концепции вортицизма».

компонент лондонского текста: «It is the disaster of London <…> that it thus stretched out in buildings <…> and this has spread the face of it in a most straggling, confused manner, out of all shape» [Defoe 1724]; «London, the labyrinth of men's abodes» [Dickens 1841(b)]; «the mighty labyrinths of London» [Quincey de 1822]; «the awful perspectives of Wimpole-street, Harley-street, and similar frowning regions, <...> their effect <...> scarcely distinguishable from that of the primeval forests» [Dickens 1860]; «At present, London is as structureless as one of its own fogs» [Lethaby 1897: 104]; «… the sight of its tangled streets is like surveying an interminable labyrinth, which is without beginning and without end» [Krout 1899]; «… every step in London but leads deeper and deeper into the labyrinth» [Machen 1907]; «… those long, tree-lined streets which transform North London into a kind of maze» [Ackroyd 1984: 78]; «the apparent chaos of streets and alleys» [Ackroyd 1985: 26]; «the congeries of roads» [Op. cit.: 28]; «the winding streets of London» [Ackroyd 1993: 30].

В приведенных реализациях лондонского текста очевиден мотив блуждания – по улицам Лондона, по судьбам лондонцев, английской истории и литературе. Поступательный процесс познания, который основывается на логическом мышлении или, другими словами, на установлении причинно-следственных связей, замещается блужданием в исторических и литературных пластах различных эпох. В этой связи отметим, что постмодернистский текст может быть охарактеризован как «блуждающий» [Деррида 2000: 53]. В таком типе текста повествование «децентрализуется», «расфокусируется», за счет чего внимание субъекта переводится на периферию текста, либо вообще за его пределы, в область других текстов. При этом данный текст, это глобальное семиотическое пространство, лишается каких-либо четких границ, внутреннего единства – так же, как и город. Соответственно, основанием для метафорического переноса «London-hypertext» будет актуализация в семеме 'London' сем /ambiguous/ и /labyrinthine/, характеризующих гипертекст.

Говоря о дискретности Лондона, Форд Мэдокс Форд написал в эссе «Душа Лондона» (*The Soul of London*), что в британской столице связное мышление

оказывается, по сути, невозможным: «Connected thinking has become nearly impossible in London, because it is nearly impossible to find any general idea that will connect into one train of thought» [Ford 1905: 55]. О дискретности Лондона-текста говорит и П. Акройд, развивая метафору английского экономиста и публициста Уолтера Баджота (*Walter Bagehot*): «London itself is like a newspaper: everything is there, and everything is disconnected, a series of random impressions and events and spectacles which have no connections other than the context in which they were found» [Ackroyd 2000: 403].

В философии постмодернизма дискретность и хаос – это неизбежная данность, которую преодолеть невозможно и которая не может рассматриваться в качестве отрицательного фактора, а через распад (применительно к городу, «urban decay») осуществляется созидание и поиск новых форм. Здесь напрашиваются аналогии с современными принципами построения текстов. Так, в работе «Нулевая степень письма» Р. Барт пишет, что в романе, как и во всем современном искусстве, «разрушается длительность, эта связующая нить бытия» [Барт 1983: 325]. Однако, заключает философ, она в конце концов снова подчиняет себе пишущего субъекта, поскольку «развернутый во времени процесс отрицания ведет к созданию позитивного искусства» [Ibid.].

Образ жизни в современном городе был точно описан основателем урбанистической концепции Луисом Виртом, который выделил, в частности, такие его особенности, как преобладание анонимных, кратковременных и поверхностных контактов в общении между людьми, многообразие культурных стереотипов и уменьшение влияния традиции в регулировании поведения личности [Wirth 1938]. Примечательно, что в постмодернизме текст трактуется весьма сходно: он являет собой перспективу аллюзий, цитаций, «осколков» сюжетных и метрических моделей, фрагментов социальных подъязыков, которые неизбежно в него проникают и перераспределяются в нем. Личность автора в таком тексте сглаживается и становится как бы незаметной, а роль общепринятых стереотипов, на основе которых текст

строится (интерпретационная иерархия, набор стандартных аллегорий и символов), становится незначительной, поскольку отсутствует единый, признанный всеми культурный код. Соответственно, влияние традиции в регулировании письма практически сводится на нет.

Согласно П. Акройду, Лондон-как-гипертекст «goes beyond any boundary or convention» [Ackroyd 2000: 779]. Не случайно в биографической книге «Жизнь Сэмюэла Джонсона» (*Life of Samuel Johnson, LL.D.*) шотландский мемуарист Джеймс Босуэлл вспоминает слова великого английского лексикографа о том, что уехать из Лондона, не преисполнившись сожалений, невозможно: «No man, fond of letters, leaves London without regret» [Boswell 1791]. Лондон, это глобальное текстовое пространство бесконечен, всеобъемлющ и пансемиотичен: «It contains every wish or word ever spoken, every action or gesture ever made, every harsh or noble statement ever expressed. It is illimitable. It is Infinite London» [Ackroyd 2000: 779].

6.5.3. Метафоры «Лондон-душа» и «Лондон-мир»

При изучении города как ключевой формы организации человеческой жизни и важнейшей культурной категории нельзя не заметить, что существует определенный смысловой изоморфизм, некоторое подобие понятий «Город», «Человек» и «Мир» [Cf.: Стародубцева 1999: 70; Soleri 1971: 590-594]. Стоики, например, полагали, что если человек везде в мире, как в Граде, то совершенно безразлично, здесь ли жить или в другом месте [Аврелий 1995: 345]. При описании духовных феноменов часто используются образы градов обетованных, которые сияют в заоблачной выси, градов вечных мук, которые спрятаны под землей, и различных мифологических градов, которые есть плод воображения. В каждом из них – модель мироздания. Например, английский религиозный писатель Джон Беньян пишет в аллегории «Путь паломника» (*The Pilgrim's Progress*), что дорога в Град избранных душ лежит сквозь базар житейской суеты: «Now the way to the Cœlestial City lyes just thorow this Town [of Vanity], where this lusty Fair is kept» [Bunyan 1678].

В английской языковой традиции подобные представления нашли отражение в переносном значении лексемы «city»: often applied to Paradise or the dwelling of God and the beatified, as in Celestial City, Heavenly City, City of God, the last (civitas Dei) being also the title of a famous work of St. Augustine describing an ideal city in the heavens [City / OEDHP]. Хотя Лондон, воплощение самой сущности города для англичанина, и не считался «градом Божьим» на земле, очень многие английские философы начиная с позднего Средневековья полагали, что это наиболее подходящая для человека среда обитания и символ жизненной гармонии.

Относительно когнитивной аналогии «Человек-Город-Мир» приведем замечание французского теолога и антрополога Пьера Тейяра де Шардена, который указывал на переплетение и взаимопреобразование объекта и субъекта в акте познания: «человек неизбежно возвращается к самому себе во всем, что он постигает. <...> Центр перспективы – это человек, и он одновременно центр конструирования универсума» [Тейяр де Шарден 1987: 37].

Схожие постулаты были выдвинуты российскими исследователями-когнитивистами. Так, В.З. Демьянков отмечает, что человек, будучи активным носителем когниции, выступает в двоякой роли: как рассматривающая сторона и как центр перспективы» [Демьянков 1994: 26]. А.П. Чудинов в этой связи подчеркивает, что структурирование всякой понятийной области базируется на концептуализации человеком самого себя в процессе познания [Чудинов 2004: 94]. Таким образом, концепцию антропометричности языка, т.е. представление о способности человека постигать все новое по своему подобию и находить этому соответствующее языковое выражение, можно считать в настоящее время общепризнанной. Представление о человеке будет выступать для многих языковых явлений в качестве естественной точки отсчета (например, концепция имитационной семантики [Соснин 2011]).

Кроме того, триада «Человек-Город-Мир» – это подобие концентрических кругов расширяющегося самосознавания. Подтверждение тому – традиция

словоупотребления, связавшая разнородные понятия в неразрывный семантический узел: человек и город, «urbs et orbis», город как модель устройства всего мира.

В этой связи любопытны воззрения на сущность градостроительства французского философа-постструктуралиста Ж. Делеза. Он использовал метафору монады Г. Лейбница, считавшего монаду активной и изменяющейся духовной субстанцией. По Лейбницу, в монаде отражен весь мир, и она в индивидуальной форме содержит в себе бесконечное, находящееся как бы в зародыше [Монада / ФЭС]. У Делеза монада предстает здесь как одна из возможных точек зрения на город, как некоторая перспектива, в соответствии с которой город каждый раз воспринимается по-новому: «С той или иной точки зрения воспринимается разнообразие всевозможных связей между пересечениями улиц, и город предстает как упорядочиваемый лабиринт» [Делез 1998: 43]. Разворачивание данной метафоры приводит к появлению, как при голографическом эффекте, связанных с ней ассоциаций, а также к последующему замыканию ассоциативного ряда: образ точки зрения на город незаметно заменяется идеей сечения, а затем последняя выступает в образе кривой или инфлексии. Многократно воспроизведенные все такие сечения создают в целости образ мира. По Ж. Делезу, бесконечной серией искривлений и инфлексий и образуется мир, а он с некоторой точки зрения включен в душу [Ibid.].

Возвращаясь к аналогии города и текста, отметим, что М.М. Бахтин определял художественный текст как своеобразную монаду, отражающую в пределе все тексты данной смысловой сферы [Бахтин 1986: 272-273, 283].

Метафора «Лондон-мир», являющаяся компонентом лондонского текста, реализована в следующих контекстах: «The cloud-capp’d towers, the gorgeous palaces, / The solemn temples, the great globe itself» [Shakespeare 1612: 1154]; «so mighty a world as London» [Quincey de 1822]; «We could not traverse the whole circumference of London’s mighty orb» [Quincey de 1853]; «the huge living world of London» [Manby Smith, 1857]; «the world of London streets» [Anon. 1893: 424].

Лондон становится воплощением современности, всех времен и человеческого бытия вообще: «… when a man is tired of London, he is tired of life» [Boswell 1791]; «London is the epitome of our times» [Emerson 1856]; «London is indeed an epitome of the round world» [James 1888: 10]; «London is the home of the human race» [Op. cit.: 11]; «the capital of the human race» [Op. cit.: 12]; «London is on the whole the most possible form of life. <...> It is the biggest aggregation of human life – the most complete compendium of the world. The human race is better represented there than anywhere else, and if you learn to know your London you learn a great many things» [James 1891-1892: 28].

Когда в 1801 г. Уильям Уордсворт пригласил Чарльза Лэма погостить в Озерном краю, тот отказался, написав, что в жизни ему достаточно лондонских впечатлений: «I don't much care if never see a mountain in my life. I have passed all my days in London, until I have formed as many and intended local attachments as any of you mountaineers can have done with dead Nature. The lighted shops of the Strand and Fleet Street; the innumerable trades, tradesmen, and customers, coaches, wagons, playhouses; all the bustle and wickedness round about Covent Garden; the very women of the Town; the watchmen, drunken scenes, rattles; life awake, if you are awake, at all hours of the night; the impossibility of being dull in Fleet Street; the crowds, the very dirt and mud, the sun shining upon houses and pavements, the print-shops, the old book-stalls, parsons cheapening books, coffee-houses, steams of soups coming from kitchens, the pantomimes – London itself a pantomime and a masquerade – all these things work themselves into my mind, and feed me without the power of satiating me» [Lamb 1801].

Л.В. Стародубцева указывает на то, что у понятия «город» границы настолько условны, а смысл так расплывчат, что метафорические переносы «город-мир» и «город-душа» воспринимаются совершенно естественно, а переосмысление пределов понятия «город» зачастую ведет к полной невозможности определить диапазон повествования и масштаб метафорического обобщения образов [Стародубцева 1999: 71]. То ли Лондон

горит, то ли это очистительное пламя Апокалипсиса; то ли Лондон разрушен, то ли весь мир в руинах.

В этом смысле показательно описание Великого лондонского пожара в дневнике Сэмюэла Пипса (Пеписа), повествующего о жизни лондонцев в период Стюартовской реставрации: «Then did the city shake indeed, and the inhabitants did tremble, and fled away in great amazement from their houses, lest the flames should devour them. Rattle, rattle, rattle, was the noise which the fire struck upon the ear round about, u if there had been a thousand iron chariots beating upon the stones»; «And now horrible flakes of fire mounted up to the sky, and the yellow smoke of London ascended up towards heaven, like the smoke of a great furnace – a smoke so great as darkened the sun at noonday. If, at any time, the sun peeped forth, it looked red like blood» [Cit. ex: Bartlett 1852].

В 1940 г. во время массированных бомбардировок Лондона казалось, что пришел конец света, что идет война со всем разумным и цивилизованным на свете. Как отмечает П. Акройд, время будто бы вернулось на два тысячелетия назад – к тем временам, когда Лондон был кучкой хижин, обнесенных частоколом [Ackroyd 2000: 740].

В приведенных двух контекстах речь идет о так называемом «отрицательном вызове» как ведущем факторе градообразования (по аналогии с историко-социологической методологей «вызов-и-ответ», разработанной А. Тойнби для объяснения развития локальных цивилизаций – сложных саморазвивающихся социальных образований). Отрицательный вызов – это некоторое изменение, которое происходит в сообществе жителей города или в его внешней среде и которое требует глубоких перемен в городской жизни – т.н. «ответа». Как указывают А.А. Нещадин, Н.И. Горин, отрицательный вызов характеризуется синергетичностью и приводит к кардинальным изменениям в структуре общества и в ключевых параметрах существования города как системы, стимулируя ее потенциал саморазвития [Нещадин 2001: 36]. Согласно исследователям, сам факт подобной реорганизации говорит о том, что интегративные защитные механизмы города были достаточно сильны, чтобы

преодолеть точку бифуркации, сохраниться как целостность и одновременно перейти в новое состояние [Ibid.].

Разрушенный город также вызывает ощущение незавершенного высказывания, высказывания с пропущенными словами. Цивилизованное взаимодействие людей друг с другом оказывается в нем затруднительным, т.е. разрушается коммуникативное пространство. Об этом писал, в частности, английский литератор и журналист Артур Генри Ми (*Mee*, 1875-1943) – в его книге «Лондон, сердце империи и чудо света» (*London, Heart of the Empire and Wonder of the World*) находим характерный текст Лондона в военные годы: «London became a battlefield. The little houses that were Home to thousands of Londoners vanished hideously. The streets they loved became unrecognisable. The churches in which they had worshipped, where they had been christened and married and had laid their loved ones, were wrecked. The inns where they had met and talked and laughed together were grim disfigured skeletons. The Londoner's little world tumbled about him. Gone were the old familiar places» [Cit. ex: Moorcock 1988: 376].

Лондон слишком огромен и многообразен, чтобы именоваться просто городом; неслучайно английский писатель, публицист и критик Томас де Куинси (1785-1859) назвал одно из своих эссе «Лондонская нация» (*The Nation of London*): «It was a most heavenly day in May of the year (1800) when I first beheld and first entered this mighty wilderness, the city – no, not the city, but the nation – of London» [Quincey de 1853]. В приведенном контексте наблюдаем отношения градации: 'wilderness' → 'city' → 'nation'. Данные семемы образуют здесь контекстуальный класс по родовой семе /London/.

Когда в 1603 г. Иаков I приехал в Лондон на коронацию и увидел его бурный рост и активность, он, по преданию, воскликнул, что Англия отныне будет именоваться Лондоном, а Лондон – Англией: «England will shortly be London, and London England!» [Cit. ex: Ewing Ritchie 1880]. В книге «Лондон: биография» П. Акройд отмечает, что иностранцы, приезжавшие в Лондон в XVII в., свидетельствовали о том, что не Лондон находится в Англии, а вся

Англия в Лондоне: «Londonis not said to be in England, but rather England to be in London» [Ackroyd 2000: 106]. Он также пишет, что в XVIII-XIX вв. в связи с небывалым ростом британской столицы она стала восприниматься как воплощение всей страны, а затем и всего мира: «It was often said that all England had become London <…>. London corresponded to the great globe itself or the epitome of the round world» [Ibid.]. Отметим использование предикатов «was said» и «corresponded» в роли ограничителей, т. е., по Ф. Растье, «операторов, ограничивающих степень аллотопии между семемами в последовательности» [Растье 2001: 364]. Без них эффект семантической странности или «аномалии», безусловно, возрос бы, так как Лондон, по определению, не является Англией или земным шаром. Тем не менее, истина в таких высказываниях релятивизируется, а их истинностное значение ставится в зависимость от соответствующего мнения в данном ассумптивном универсуме. Другими словами, в терминах семантики возможных миров отношения эквивалентности между семемами ‘London’ и ‘England’ или ‘Globe’ возможны в том случае, если говорящий полагает утверждаемое тождество истинным, а читатель принимает его установку [Cf.: Бочкарев 2003: 105; Павиленис 1983: 248].

В эссе «London» из цикла путевых заметок «English Hours» Г. Джеймс говорит о британской столице как о воплощении английскости: «It takes London, of all cities, to give you such an impression of the country [James 1888: 17]. Он же указывает на необычайное многообразие Лондона и вследствие этого на невозможность представить его как одно целое: «One has not the alternative of speaking of London as a whole, for the simple reason that there is no such thing as the whole of it. It is immeasurable – embracing arms never meet. Rather it is a collection of many wholes, and of which of them is it most important to speak?» [Op. cit.: 24].

Форд Мэдокс Форд заметит в эссе «Душа Лондона» (*The Soul of London*), что Англия и мир конечны и постижимы, а британская столица беспредельна: «One can easily sail round England, or circumnavigate the globe. But not the most enthusiastic geographer <…> ever memorised a map of London. Certainly no one

ever walks round it. For England is a small island, the world is infinitesimal amongst the planets. But London is illimitable» [Ford 1905: 43].

Современный английский писатель Майкл Муркок устами одного из главных героев романа «Лондон, любовь моя» (*Mother London*) говорит о Лондоне как об оси, вокруг которой вращается все остальное: «London is the hub around which all else revolves, the ordering, civilising, progressive force which influences first the Home Counties, then the entire nation, ultimately the Empire and through the Empire the Globe itself: a city more powerful than all cities before it, perhaps more powerful than all cities will ever be» [Moorcock 1988: 221]

Указывая на особую ценность смыслового компонента «Лондон-как-мир» для представителей английского социума, английская журналистка из Уганды Йэзмин Алибай-Браун выделяет в эссе «Представляя новую Британию» (*Imagining the New Britain*) мирообразующую функцию британской столицы: «The Thames made Londinium and Londinium made England and England made Parliament and Parliament made Britain and Britain made the world» [Alibhai-Brown 2001: 8].

Отмечая многонациональный, мультикультурный характер современного Лондона, исследователь английского постколониализма Дж.К. Болл представляет его как репрезентант-заместитель Британской империи и целого мира: «It is important to view London as a decentred centre: a metonym not just of the empire that once controlled the world but also, increasingly, of the world that the empire once controlled» [Ball 2004: 13]. Отметим, что в произведениях постколониальных писателей Лондон зачастую негативно выводится как воплощение Великобритании-поработительницы колоний, как своего рода «моральная синекдоха» британского колониального управления и хаоса, к которому оно привело: «the moral synecdoche of the big mess the Empire made of the world» [Op. cit.: 7].

Итак, семантический состав лондонского текста обогащается благодаря действию целого ряда метафор, которые закреплены в английской языковой традиции и отражают особые состояние сознания с проекцией на них условий

внешнего мира. Спуск в лондонское метро, этот подземный Вавилон, или в лондонские катакомбы, скрывающие пласты целых эпох, можно истолковывать как погружение в подсознание с его глубинными слоями. Образ лондонской ночи немедленно трактуется как вечное забвение или смерть. горящий Лондон описывается метафора преисподней и, в том числе, ада сознания. Приезд в лондон рассматривается как поиск трансцендентной истины или новой идентичности. Путешествие по пригородной железной дороге – это расширение кругов сознания, готовность принять иной культурный код [Cf.: Соснин 2007: 150]. Наконец, возвращение в Лондон сродни обретению внутреннего смысла, повторному нахождению идентичности – как стихотворение английского поэта XVII века Роберта Геррика «His Return to London», в котором он радуется своему возвращению в Лондон из Девоншира в 1640 г.: «London my home is; though by hard fate sent / Into a long and irksome banishment» [Herrick 1640]. Жизнь вне Лондона – это жизнь в печальном изгнании – «banishment», «exile».

Человеческое сознание постигает город как свое зеркальное отражение. Изучая городские планы, носитель культуры всматривается сам в себя, заглядывает в душу собственную или в души прошлых культур, постигает господствовавшие в прошлом парадигмы, будь то замкнутая стихия средневекового Лондона с его единым (библейским) культурным кодом, упорядоченность Лондона эпохи классицизма, туманный лабиринт романтического Лондона или хаотичный постмодернистский Лондон-коллаж / Лондон-гипертекст с диффузными границами.

Метафоры «Лондон-Душа» и «Лондон-мир», таким образом, обладают большой аксиологической силой, ибо в них заложено противопоставление упорядоченности Лондона-мира хаосу. Определяющие термины метафор, несомненно, находятся на более высокой отметке ценностной шкалы относительно определяемого термина. Соответственно, метафорические выражения производят мелиоративный эффект.

Выводы

В данной главе исследования был проведен лингвистический анализ лексемы «London», синтагматические построениях с участием которой следует рассматривать как основные реализации лондонского текста. Под такой реализацией понималась актуализация в речи, т. е. в конкретном синтагматическом построении, набора наиболее частотных, «ядерных» текстовых признаков, которые совокупно осознаются социумом. При этом основные реализации строятся по вполне стандартным правилам, в частности, лексема, называющая сверхтекст, присоединяет конкретный набор предикатов.

Была выявлена этимология лексемы «London» и были рассмотрены производные от нее лексемы, а также корпус устойчивых словосочетаний и устойчивых речений с ее участием. Кроме того, были проанализированы ключевые метафоры, участвующие в формировании лондонского текста и, соответственно, обоснована возможность сочетания семемы ‘London’ с предикатами и атрибутами, содержащими нехарактерные для нее семы.

Традиционно считается, что слово «London» восходит к кельтскому *Llyndūn* «крепость у реки», отсюда латинское «Londinium» > англ. «London». Современные исследователи, однако, склонны полагать, что слово «Лондон» происходит от докельтского корня с добавлением кельтского суффикса, указывающего на расположение города в низовье Темзы (ниже места последнего брода в Вестминстере) и означающего «место на судоходной реке» или «место на реке, которую нельзя перейти вброд». Существуют и другие версии происхождения имени «London», однако они не могут считаться удовлетворительными со строго лингвистической точки зрения. Необходимость выявления этимологии слова, являющегося именем сверхтекста, объясняется тем, что в сверхтексте синхронное, относительно стабильное содержание невозможно отделитьот его «памяти», то есть динамического процесса возникновения словесной формы, которая служит его именем и основной реализацией и в которой заключается изначально данный в сверхтексте смысл.

За счет анализа производных слов от имени «London» (всего 8 + производное прилагательное от основы названия Лондона на латыни + производное существительное от производного глагола «Londonize») был обеспечен более полный доступ к структурным составляющим рассматриваемого сверхтекста. При рассмотрении каждой производной единицы учитывались две семемы – основы и аффикса – с соответствующим набором ингерентных и афферентных сем. Было установлено, что семантика производного слова в значительной мере зависит от конкретной реализации сверхтекста, в которую они входят: например, ‘Londoner’: |an inhabitant of London| *vs*. |a ship belonging to London|. При этом многие из производных слов имеют статус редких или окказиональных образований (например, «Londonesque» и «Londonization»). На когнитивно-концептуальном уровне основа, выражаемая семемой ‘London’, обеспечивает конкретное концептуальное наполнение общему фреймовому или схематическому действию или явлению, выражаемому семемой аффикса. Например, суффикс *‘-ize’*, выражающий фреймовое действие «делать похожим на что-либо, придавать характеристики чего-либо» конкретизируется за счет основы *‘London’*; в результате имеем: ‘Londonize’: |делать соответствующим Лондону|.

Устойчивые словосочетания (всего 114) и речения (15) со словом «London» рассматривались как реализации различных признаков исследуемого сверхтекста, служащие основанием для его включенности в межтекстовые парадигмы. В этих словосочетаниях отражены устойчивые предметные отношения, являющиеся типичными в условиях данной цивилизации (например, словосочетания, описывающие различные лондонские учреждения, институты и структуры; словосочетания, относящиеся к экономической или коммерческой тематике). Среди устойчивых сочетаний были выделены составные номинации без идиоматической силы (75), связные термины без идиоматической силы (25) и фразеологические единицы различной степени идиоматичности (14).

Устойчивые речения рассматривались как своего рода дидактический материал, позволяющий проследить исторические вехи формирования исследуемого сверхтекста и свидетельствующий о высокой степени употребительности, «ангажированности» имени «London». Некоторую противоречивость или неожиданность речений, реализующих в речи нечастотные, «периферийные» признаки сверхтектста, можно объяснить тем, что в их контексте происходит актуализация различных афферентных идиолектных сем, которые могут не соотноситься с инвариантным набором текстовых признаков, осознаваемых социумом в их совокупности.

Выделение ключевых метафор в формировании лондонского текста позволило актуализовать его неочевидные измерения: представление сущности города как организма (в частности, антропоморфного), души, текста и мира, вселенной.

Один из самых распространенных видов метафорического переноса заключается в приравнивании неодушевленного предмета или явления к человеческому существу (антропоморфизм), а также смежное с этим уподобление такой сущности одушевленному агенсу (анимизм). В соответствии с этой глобальной онтологической метафорой ментальная сущность «London» и соответствующий ей текст структурируется как организм и может наделяться такими сугубо человеческими характеристиками, как воля, стремление к достижению конкретной цели, психическое состояние, чувство, страдание и пр. Действительно, представление о человеке выступает для многих языковых явлений в качестве естественной точки отсчета.

При этом, чтобы интерпретировать метафорические выражения типа «London mourns», где предикат присоединяется к объекту, входящему в другой семантический класс (//одушевленный// *vs*. //неодушевленный//, //человек// *vs*. //город//), необходимо, в первую очередь, «погасить», нейтрализовать несовместимые признаки и далее актуализовать признаки общие, т.е. обеспечить изотопичность прочтения.

Представляется, что метафору текста, участвующую в построении лондонского текста, можно отнести к корневым метафорам, поскольку она устанавливает рамки дискурса о мире и задает методику его описания – в терминах грамматики, синтаксиса, элементов, обеспечивающих текстовую когезию; в терминах интертекстуальности, парадигматического прочтения, множественности толкований и т. п. С «прочтением» Лондона как текста связаны сценарии его «внутритекстовой» и «затекстовой» интерпретации (с привлечением иных культурных кодов и информации предшествующих эпох); сценарии топографического и смыслового блуждания и, наконец, сценарии освоения пространства как постижения текстового смысла. Наборами сценарийных признаков со стандартными стратегиями их реализации описывается динамическая составляющая лондонского текста. Сочетаемость семемы ‘London’ с предикатами и атрибутами, содержащими в качестве ингерентной сему /прочтение/ оказывается возможной за счет актуализации в ней афферентного признака /semiotic system/ и нейтрализации родового ингерентного признака /city/.

К онтологическим метафорам также можно отнести метафору «Лондон-как-мир», поскольку человеку свойственно представлять значимые элементы реального мира (точнее, его отражения) в виде моделей общемировых процессов. Значимость Лондона объясняется его масштабом и многообразием, ценностным наполнением для представителей английского социума, сложностью образующих его кодов. Лондон, таким образом, становится воплощением современности, всех времен и человеческого бытия вообще. Метафора «Лондон-как-мир», таким образом, обладает большой аксиологической силой, поскольку в ней заложено противопоставление упорядоченности Лондона-мира хаосу. Определяющий термин метафоры, несомненно, находится на более высокой отметке ценностной шкалы относительно определяемого термина, а самой метафорой описывается важный аксиологический компонент в составе лондонского текста.

ГЛАВА 7
СУБТЕКСТЫ И ВАРИАНТЫ ЛОНДОНСКОГО ТЕКСТА

В настоящей главе будет продемонстрирован неоднородный характер лондонского текста и рассмотрены входящие в его состав субтексты, т.е. более узкие тематические единства, связанные общей пропозициональной установкой, а также варианты лондонского текста, сформированные у представителей неанглийской культуры.

7.1. Невербальная составляющая лондонского текста в ее языковом выражении (на примере звукового субтекста)

Лондон! В имени этого великого города
присутствует мощный резонирующий звук.
Оно производит на нас впечатление громового
раската. В нем есть пафос величия, в нем
чувствуется поступь судьбы.
Р.П. Даунс. Магические города. 1914.

Данный раздел посвящен анализу звукового субтекста лондонского текста в его вербальном выражении, что иллюстрирует положение о том, что сверхтекст формируется по принципу интерсемиотичности и является результатом функционирования множества кодов, а не только одного языка.

В настоящее время практически всеми исследователями языковой картины мира признается то, что языковые средства выражают с помощью своих значений лишь часть некоторой ментальной категории. Об этом свидетельствует, в частности, наличие многочисленных синонимов, разнообразных дефиниций и обширных определений одного и того же концепта. Так, Н.Н. Болдырев отмечает, что значение слова дает лишь общее представление о содержании репрезентируемого концепта, лишь слегка очерчивает его границы и представляет только отдельные его характеристики

[Болдырев 2004: 26]. Исследователь заключает, что ментальные структуры вполне независимы от языка и что по своей природе человеческое мышление невербально [Op. cit.: 27]. Концепт, таким образом, являет собой неразделимое единство вербального и невербального, но при этом отсылка к невербальному (например, к визуальному или звуковому) может осуществляться через языковое. Это возможно за счет того, что в рамках общей семиотики и современной парадигмы гуманитарного знания, где понятие «чтения» применяется для описания взаимодействия с самыми различными знаковыми системами, неязыковая знаковая последовательность – звуковая или визуальная – может рассматриваться как текст или «субтекст» в составе сверхтекстового единства. Так, согласно Вяч.Вс. Иванову и В.Н. Топорову, широкое семиотическое понятие текста включает, помимо вербального текста, поведенческий, мифо-ритуальный, визуальный, звуковой и другие тексты [Иванов 1966].

В этой связи представляется весьма любопытным выделить музыкальную и шумовую составляющую лондонского текста, описав таким образом его звуковой субтекст в вербальном выражении. В работе «Дни и ночи в Лондоне» английский публицист второй половины XIX века Джеймс Юинг Ричи отмечает, что шум всегда был бичом великих городов: «Another evil of great towns is noise» [Ewing Ritchie 1880]. В лондоне было шумно всегда – это, безусловно, особенность, определяющая нездоровый облик города, но одновременно это и свидетельство его безудержной энергии и мощи. Появились даже специфические термины: «London noise» и «London sound». Как пишет современный английский писатель П. Акройд, крики в британской столице были настолько громки и пронзительны, что стали восприниматься как особый лондонский шум: «London voices reached such a pitch and intensity that they could be characterized as London sound» [Ackroyd 2000: 73].

В описаниях разновидностей шума как неотъемлемой характеристики Лондона находим реализации различных признаков лондонского текста.

1. /Неоднородность/, /множественный характер/ Лондона. Так, в книге «Лондон: биография» П. Акройдом выделяется около 30 типов лондонского шума: a sound like the swell of the sea-surge beating upon a pebbly shore when it is heard far inland; beating of a human heart; buzz; ceaseless and peculiar sound; clatter of manufacturing trades and crafts; continuous noise; damned noise; deafening sounds; encroaching noise of the city; everlasting rattle of the countless vehicles; everlasting sound; ever-present sound; general circumambient noise of London streets; great noises that fill the ear; great reverberation; hollow roar of the ocean; humming; incessant clatter of horses' hoofs; incessant grinding sound; insupportable clamour; intolerable noise; load whisper; loathsome noise; loud noise; still roar; subdued, hoarse, moaning hum; the perpetual sound, persistent and remorseless; thundering of carts and coaches; uninterrupted and crashing roar; uproar; roaring of some monstrous creature [Ackroyd 2000: 76]. В последнем контексте лондонский шум концептуализуются с использованием т.н. зооморфного кода, составленного из признаков реальных или вымышленных животных. Структурирование действительности в таких терминах отражает, как считается, архаические представления о месте человека в мире.

Многие из этих шумов ушли в прошлое, поэтому общий признак /шум/ частично виртуализовался, т.е. перестал быть значимым для определенной части лингвокультурного сообщества. Шум Лондона стал более однородным и монотонным: «uniform», «monotonous», «dull», – более безличным: «impersonal». Потеряв в силе, могучий рев Лондона прошлых веков стал более навязчивым «obtrusive». В повести «Флаш», например, В. Вулф пишет о монотонном и убаюкивающем гуле британской столицы: «the solid and soporific hum of London» [Woolf 1933].

В книге Грэма Ривса «Народный дворец» (*Palace of the People*) описывается следующий любопытный случай: Генри Кроксвел, «официальный воздухоплаватель Хрустального дворца[138]» катал желающих на воздушном

[138] Хрустальный дворец был построен в Гайд-парке из чугуна и стекла к Всемирной выставке 1851 года. Архитектор – Джозеф Пэкстон. После выставки перенесен в район Сиденхам на юго-востоке Лондона. Уничтожен пожаром в 1936 г. [Crystal Palace / LE: 225-226].

шаре, поднимаясь на высоту около километра. Известный ученый, с которым Кроксвел изучал атмосферные явления, так описал свои впечатления: «When one mile high, the deep sound of London, like the roar of the sea, was heard distinctly» [Reeves 1986: 54]. В стихотворении «N. W. 5 & N. 6» английского поэта Джона Бетжемена (1906-1984) лирический герой пытается разграничить в своей памяти шум моря и грохот лондонских трамваев: «… my memory sifts / <…> / … roar of seas from roar of London trams» [Betjeman 1971: 553].

2. /Постоянная деятельность/, /кипящая жизнь/, отраженные в несмолкающем шуме: «As they approached the City, the noise and traffic gradually increased; when they threaded the streets between Shoreditch and Smithfield, it had swelled into a roar of sound and bustle. It was as light as it was likely to be, till night came on again, and the busy morning of half the London population had begun» [Dickens 1837-1839]; «[Smithfield market:] the whistling of drovers, the barking dogs, the bellowing and plunging of the oxen, the bleating of sheep, the grunting and squeaking of pigs, the cries of hawkers, the shouts, oaths, and quarrelling on all sides; the ringing of bells and roar of voices, that issued from every public-house; the crowding, pushing, driving, beating, whooping and yelling; the hideous and discordant dim that resounded from every corner of the market; and the unwashed, unshaven, squalid, and dirty figures constantly running to and fro, and bursting in and out of the throng; rendered it a stunning and bewildering scene, which quite confounded the senses» [Ibid.]; «that humming, booming, surge-like sound, which all day long and late into the night tells of the active turmoil of London's wakeful existence» [Manby Smith 1857]; «the deep, perpetual voice of the place» [James 1888: 11]; «Vauxhall Bridge Road[139]: trams were clanging, ringing their bells as they went, motor buses were lumbering along, taxis were tooting their horns <…> it was London she heard» [Maugham 1930: 123]; «The roar of London <…> is round us. Motor-cars, vans, omnibuses pass and repass continuously. All are merged in one turning wheel of single sound. All separate sounds – wheels, bells, the cries of drunkards, of merrymakers – are churned into one sound, steel blue, circular»

[139] Эта шумная улица идет от вокзала Виктория мимо Винсент-сквер в сторону набережной Темзы.

[Woolf 1931]; «… musicians doled out their frail and for the most part melancholy pipe of sound, which was echoed, or parodied, here in the trees of Hyde Park, here in St. James's by the twitter of sparrows and the sudden outbursts of the amorous but intermittent thrush. The pigeons in the squares shuffled in the tree tops, letting fall a twig or two, and crooned over and over again the lullaby that was always interrupted» [Woolf 1937].

3. Ночью /тишина/ опускается внезапно и представляет разительный контраст с шумом и суетой дня; в ней есть что-то /жуткое/: «It seems strange to remark that the city, which is by day the centre of life and activity – the very focus of commerce, with all its accompanying bustle and turmoil – is at night the most undisturbed and tranquil portion of the whole metropolis. A dead, sepulchral silence seems to reign in the deserted thoroughfares» [Manby Smith 1857]; «By ten o'clock, when the shops were closed, the by-street was very solitary and, in spite of the low growl of London from all round, very silent» [Stevenson 1886]; «the vague rumour of the London streets by night» [Maugham 1915].

4. /Враждебное пространство/: из-за страшного шума бытовало сравнение Лондона с городом, где ведутся военные действия – 'London' → |town of war|. Описываемый семантический компонент лондонского текста реализован в следующих контекстах: «I start every hour from my sleep, at the horrid noise of the watchmen bawling the hour through every street, and thundering at every door; <…> and by five o'clock I start out of bed, in consequence of the still more dreadful alarm made by the country carts, and noisy rustics bellowing green pease under my window» [Smollett 1771]; «the deafening din» [Wordsworth 1805][140]; «The noise of the street is at times overpowering to a person of weak-nerves, and the confusion indescribable» [Bartlett 1852].

5. /Величие/ британской столицы – этот признак приобретается при сравнениях лондонского шума со звуками, производимыми объектами большой мощи или протяженности: «the roar of Niagara» [Quincey de 1853];

[140] Пример взят из автобиографической поэмы У. Вордсворта «Прелюдия, или становление сознания поэта» (*The Prelude, or, Growth of a Poet's Mind*), которая проникнута ощущением бесконечной суеты и смятения лондонской жизни.

«You are now / In London, that great sea, whose ebb and flow / At once is deaf and loud, and on the shore / Vomits its wrecks, and still howls on for more» [Shelley 1820]; «hollow roar of the ocean» [Ackroyd 2000: 76].

6. Лондон – |живое существо|: «beating of a human heart»; «roaring of some monstrous creature» [Ibid.].

7. Лондон – |бездушная сила|, реализация метафоры «Лондон-молох»: «encroaching noise of the city»; «the perpetual sound, persistent and remorseless» [Ibid.].

8. /Мелодичность/, /гармоничность/: «The sullen murmur of the bees shouldering their way through the long unmown grass, or circling with monotonous insistence round the black-crocketed spires of the early June hollyhocks, seemed to make the stillness more oppressive, and the dim roar of London was like the bourdon[141] note of a distant organ» [Wilde 1890]; «Out it [Big Ben] boomed. First a warning, musical; then the hour, irrevocable» [Woolf 1925]; «The music of London, a pattern of notes rising and falling in some great melody to which all the streets and avenues move in unison» [Ackroyd 2000: 776]. В романе Х. Курейши «Будда из пригорода» Лондон живет под ритмы популярной музыки, представая перед читателем как особого рода фонограмма: «There was a sound that London had. It was <…> people in Hyde Park playing bongos with their hands; there was also the keyboard on The Doors' "Light My Fire"» [Kureishi 1990: 121].

9. /Диссонанс/, /какофония/: «Maddening church bells of all degrees of dissonance, sharp and flat, cracked and clear, fast and slow, made the brick-and-mortar echoes hideous» [Dickens 1857]; «the city's jar» [Arnold 1867]; «As I shut it [my book], Saint Paul's, and all the many church-clocks in the City – some leading, some accompanying, some following – struck that hour. The sound was curiously flawed by the wind» [Dickens 1861]; «The supreme insult of pealing bells morning and evening» [Aldington 1929: 87]; «The shabby street on the south side of the river was very noisy. <…> A woman shouted to her neighbour; a child cried. <…> The swarm of sound, the rush of traffic, the shouts of the hawkers, the single cries and the

[141] Басовый регистр органа.

general cries…» [Woolf 1937]; «… the traffic noise <…> the roar of the lorries <…> the sound of drills <…> a murmur of voices <…> mixed with the words from radio or television and at the same time various kinds of music <…> fill the street» [Ackroyd 1985: 26].

10. |Адажио отчаяния|: безысходность субботнего дня в Лондоне описываются Р. Олдингтоном в романе «Смерть героя» (*Deathof a Hero*) в терминах замедления темпа бытия, близкого к летаргической смерти: «Gigantic wings of Ennui folded irresistibly over millions. Vast trails of automobiles hopelessly hooting to escape. Epic melancholy of deserted side-streets where the rhythmic beat of a horse's hoofs is an adagio of despair» [Aldington 1929: 95].

Слуховые образы-лейтмотивы могут играть роль своеобразных «мостов» или «стяжек» и обретать метафорический, символический смысл. Им принадлежит важная роль в «цементировании» структуры лондонского текста. Одним из таких звуковых образов может считаться звон Биг Бена, колокола в часовой башне здания парламента Великобритании, построенной между 1840 и 1867 гг. и реконструированной в 2004 г. Многие английские теле- и радиовещательные компании открывают звоном Биг Бена передачи новостей. Можно сказать, что удары Биг Бена отсчитывают ритм Лондона: «The sound of Big Ben striking the half-hour struck out between them with extraordinary vigour, as if a young man, strong, indifferent, inconsiderate, were swinging dumb-bells this way and that» [Woolf 1925]; «… Peter Walsh <…> stepped down the street, speaking to himself rhythmically, in time with the flow of the sound, the direct downright sound of Big Ben striking the half-hour» [Ibid.]; «Then there was a ripple in the air. The great clock, all the clocks of the city, seemed to be gathering their forces together; they seemed to be whirring a preliminary warning. Then the stroke struck. "One" blared out» [Woolf 1937].

Бой Биг Бена лейтмотивом разносится над Лондоном, гармоничным образом переплетаясь с боем других часов и церковных колоколов: «It was precisely twelve o'clock; twelve by Big Ben; whose stroke was wafted over the northern part of London; blent with that of other clocks, mixed in a thin ethereal way

with the clouds and wisps of smoke, and died up there among the seagulls» [Woolf 1925]. Звуки колоколов лондонских церквей имитируются в известном детском стихотворении «Oranges and Lemons»: «Bull's eyes and targets, / Say the Bells of St Marg'rets; / Brickbats and tiles, / Say the bells of St Giles'. / Oranges and lemons, / Say the bells of St Clement's... » [Cit. ex: St Clement Danes / LE: 702].

В романе В. Вулф «Годы» (*The Years*) слуховыми образами-лейтмотивами лондонской жизни служат крики старьевщика и воркование голубей, неоднократно воспроизводимые в повествовании: «But in London the streets narrowed the clouds; mist hung thick in the East End by the river; made the voices of men crying "Any old iron to sell, any old iron," sound distant»; «The man was passing; he was crying "Any old iron? Any old iron?"»; «The cooing of the pigeons became audible. Take two coos, take two coos, tak . . . they were crooning»; «"That's wood pigeons, isn't it?" said Kitty. She put her head on one side to listen. Take two coos, Taffy, take two coos . . . tak . . . they were crooning» [Woolf 1937].

Лондонский шум – это манифестация жизни, гигантское бытийное пространство, представляющее собой сумму индивидуальных жизней: «They went quietly down into the roaring streets, inseparable and blessed; and as they passed along in sunshine and shade, the noisy and the eager, and the arrogant and the froward and the vain, fretted and chafed, and made their usual uproar» [Dickens 1857]; «Far away she heard the sounds of the London night; a horn hooted; a siren wailed on the river. The far-away sounds, the suggestion they brought in of other worlds, indifferent to this world, of people toiling, grinding, in the heart of darkness, in the depths of night, made her say over Eleanor's words, happy in this world, happy with living people» [Woolf 1937].

Звуки Лондона образуют часть «английской музыки», часть английскости, а сам город может рассматриваться как глобальное музыкальное произведение, синкретическую симфонию, состоящую из музыкальных отрывков, которые были созданы разными людьми в различные эпохи и в связи с различными обстоятельствами. Одному из героев романа М. Муркока «Лондон, любовь моя» (*Mother London*) кажется, что все население Лондона обратилось в

музыку: вот сколь поэтично его настроение: «The city's inhabitants create an exquisitely complex geometry, a geography passing beyond the natural to become metaphysical, only describable in terms of music <...>. Up they come still, Londoners, <...> sometimes singing, or growling, or whistling, chattering; each adding a further harmony or motif to this miraculous spontaneity, up into the real world» [Moorcock 1988: 7]. В британской столице можно услышать звуки и отголоски самых различных времен и течений – подобно тому, как на прилавках ее магазинов можно найти записи практически всех существующих в мире исполнителей: «There were shops in London selling all the records you could desire» [Kureishi 1990: 121]. В философии постмодернизма, постулирующей взаимопроникновение эпох и текстов, их наложение в виде коллажа, эти звуки не могут образовывать единого целого и существуют дискретно: город – это не классическая упорядоченность, а лабиринт, не иерархия, а беспорядочность, не гармония, а какофония. Таким же образом, будучи нечетко структурируемым, лондонский текст потенциально открыт для изменений или «перегруппировки» семантических признаков: в конкретной коммуникативной ситуации любой из них может актуализоваться или нейтрализоваться. Соответственно, лондонский текст характеризуется диффузными границами, нечетким делением на ядро и периферию [Cf.: Делез 1998: 10; Деррида 2000: 447-448], непоследовательностью «прочтения» и способностью отсылать к бесконечному числу других культурно-значимых сверхтекстов. Существуют, тем не менее, прямо противоположные воззрения на сущность британской столицы и ее текста.

7.2. Визуальный субтекст лондонского текста. Упорядоченность Лондона в концепции вортицизма

Данный раздел посвящен анализу визуального или иконического субтекста лондонского текста в его вербальном выражении, что иллюстрирует положение о том, что сверхтекст формируется по принципу интерсемиотичности и является результатом функционирования множества

кодов, а не только одного языка. В разделе будет анализироваться место Лондона в концепции вортицизма, одного из течений английского авангарда, будут рассмотрены созданные вортицистами тексты о Лондоне: как вербальные, так и визуальные, – а также продемонстрировано их неразрывное единство в рамках представления британской столицы как геометрически упорядоченного пространства.

В английской литературной традиции Лондон традиционно концептуализируется как крайне запутанное пространство, лабиринт[142]. Это связано с тем, что британская столица никогда не строилась по единому плану, всегда отличалась крайней хаотичностью застройки, а проекты по ее благоустройству неизбежно проваливались. Известно, например, что, после Великого пожара, который уничтожил в 1666 г. бóльшую часть Лондона, были разработаны планы его реконструкции, среди которых отличались геометрически упорядоченные проекты архитектора Кристофера Рена и урбаниста-любителя Джона Ивлина. Однако ни один из них не был и не мог быть претворен в жизнь. Город восстал из пепла, повторяя свою древнюю топографию и следуя своим собственным, неподвластным логическому планированию законам. Даже в XX в., после Второй мировой войны, в британской столице не удалось осуществить планы по рационализации дорожного сообщения. Будучи саморегулирующимся организмом, Лондон не меняет свой характер еще со времен Тюдоров, когда не были выполнены первые указы о городском планировании.

Однако в литературе все-таки были попытки представить британскую столицу как упорядоченное пространство. Холодный и геометрически организованный Лондон занимает значительное место в концепции вортицизма (*vorticism* – от *vortex* «вихрь», «водоворот») – одного из течений английского авангарда начала XX века, которое представляет собой синтез кубизма, футуризма и экспрессионизма. Некоторые принципы вортицизма, этого течения английского авангарда, были изложены игравшим в нем одну из

[142] Подробнее см. Раздел 6.5.2. «Метафора текста», подраздел «Лондон-как-гипертекст. Метафора лабиринта».

центральных ролей поэтом-модернистом Эзрой Паундом в книге о работах скульптора-вортициста Генри Годье-Бржезки, которая вышла в 1916 г. Здесь Паунд пишет о единых принципах, на которых строится эстетика авангарда в литературе, живописи, скульптуре и музыке. Главное для него – это наличие некой первоначальной энергии и формы, которая затем воплощается в слове, цвете, образе, звуке [Cf.: Николюкин 2001: 521].

Термин «вортицизм» был специально придуман, чтобы отразить неистовую энергичность, которую участники движения стремились передать в своих литературных и живописных творениях. Вслед за влиятельным английским литературным критиком Б. Бергонзи Н.И. Бушманова называет два литературных источника, к которому может восходить образ вортицистского водоворота. Это поэма У. Блейка «Мильтон» («... every thing has its / Own Vortex...») или раннее стихотворение Э. Паунда «Плотин» («As one that would draw through the node of things, / Back-sweeping to vortex of the cone») [Cit. ex: Бушманова 1996: 93].

Вортицисты сочетали авангард с неоклассицизмом: полный отказ от традиции в их цели не входил, и они искали стабильность в водовороте перемен [Cf.: Beckson 1994: 299-300]. Функцию такого стабилизационного центра в вихре действительности призван выполнять современный город, в частности, Лондон. При этом стабилизационным центром в вихре людских мыслей является художник. В манифесте вортицистов говорится, что источником вдохновения для современного художника служат всевозможные проявления города: «машины и механизмы, фабрики и мосты, новые и функциональные здания» [Michael 1969: 340]. Основатель вортицизма писатель и художник Уиндем Льюис всегда рассматривал искусство в лондонской перспективе, а подход к всемирной культуре и истории был им намеренно субъективирован и сделан исключительно «лондонским».

В июне 1914 г. под редакцией Льюиса вышел журнал, содержащий «Обзор Великого английского водоворота»[143]. У него была кричаще-розовая обложка и

[143] В оригинале – «Review of the Great English Vortex». Это фраза служит подзаголовком журнала.

не менее провокационное название «Бласт», написанное по диагонали заглавными буквами. Целью такого вызывающего оформления было привлечь внимание читателей к высказываемым в журнале радикальным оценкам английской культуры. Радикальная позиция «Бласта» была подражанием манифесту Г. Аполлинера «Футуристическая анти-традиция», а его вызывающее оформление могло быть позаимствовано у итальянского футуриста Джакомо Балла, написавшего серию живописных работ названием «Vortice».

Одной из главных задач авторов «Бласта» было создание чисто английской разновидности европейского авангарда, поскольку, несмотря на первоначальный союз с итальянским футуризмом и его основателем Филиппо Маринетти, вортицисты впоследствии решительно с ними порвали. Хотя сначала «Бласт» и задумывался как кубистский, футуристский, имажистский журнал, в открытом письме в газету «Обзервер», в котором, кстати, слово «вортицизм» не фигурировало, У. Льюис и его последователи особо подчеркнули, что любой намек на их связь с футуризмом Маринетти они сочтут за оскорбление. В одном из напечатанных в «Бласте»манифестов вортицисты заявили, что их движение призвано удовлетворить потребность в искусстве жителей не «романского», а более «северного» климата, а это ведет воображение к «мистицизму, безумию и утонченности, свойственным северу» [Lewis 1914(c): 37]. Лондон был для вортицистов очень важным символом как город монументальный, северный[144], а также классически упорядоченный и геометрически правильный с кубистской точки зрения.

«Бласт» открывается следующими словами: «Да здравствует великий водоворот искусства, закружившийся в центре этого города!» [Lewis 1914(b): 7] – что свидетельствует о том, что вортицизм был заведомо сосредоточен в английской столице и ее окрестностях. Даже список проклятий и благословений (*BLASTs and BLESSes*) в журнале относится к конкретным

[144] Англичане склонны считать свою столицу северным городом: так, в поэме «Чудесный год» Джон Драйден называет Лондон «empress of the northern clime» [Dryden 1667].

проявлениям лондонской жизни (например, «Curse <...> Victorian vampire, the London cloud that sucks the town's heart» [Lewis 1914(a): 11]). Таким образом, в первом номере «Бласта»было заявлено, что вортицизм – это исключительно английское, даже лондонское течение. В журнал также вошли многочисленные упоминания и шутки о Лондоне.

В репродукциях и литературных произведениях, включенных во второй и последний номер «Бласта»,который вышел в 1915 г., город как таковой и Лондон в частности по-прежнему играют очень важную роль. Ряд рисунков и репродукций картин на тему города открывает «Гайд-Парк» Этчеллса[145]. За ним следуют изображения других городских ландшафтов, некоторые из которых допускают самые различные толкования, в том числе урбанистские пейзажи самого Льюиса. Эти работы послужат основой для его картины «Красныйдуэт» (*Red Duet*, 1914).

Вортицисты всегда противопоставляли холодные и строгие здания и улицы Лондона с их геометрической упорядоченностью шуму и толкотне людского потока, темпераментной толпе. Это находит отражение в вошедшем во второй «Бласт» коротком рассказе английской художницы-фовистки и писательницы Джессики Дисморр под названием «Июньский вечер» (*June Night*). В нем описывается встреча рассказчицы с неким Роденго, молодым человеком романского типа, который, как и Маринетти, критикуется за романтический темперамент. Они едут в переполненном автобусе из пригородов мимо Риджентс-Парка. Рассказчице быстро наскучивает ее попутчик, чья «температура всегда выше 36,9^{0}C» [Dismorr 1915(a): 67] и который толкает ее в переполненном автобусе. Прежде чем они достигают места назначения, она сбегает, поддавшись очарованию пустых улиц и площадей вблизи Риджентс-Парка с их холодной регулярностью и классицизмом. Дисморр описывает их следующим образом: «Moonlight carves them in purity. The presence of these great and rectangular personalities is a

[145] Фредерик Этчеллс (1886-1973), английский художник; первоначально – участник студии декоративного искусства «Омега» (*Omega Workshop*), основанной членами кружка «Блумсбери» в 1913 г.

medicine. They are the children of colossal restraint, they are the last word in prose. <…> I seek the profoundest teachings of the inanimate. I feel the emotion of related shapes» [Op. cit.: 68]. Противопоставление разогретой толпы строгим зданиям и улицам типично для вортицистского письма. Шуму и толкотне людского потока предпочитается «кубистская упорядоченность» зданий и мостовых [Cuddon 1993: 1034]. Здесь очевидны аналогии с «написанным в окопах» манифестом скульптора Генри Годье-Бржески «Водоворот», в котором он заявляет: «I SHALL DERIVE MY EMOTIONS SOLELY FROM THE ARRANGEMENT OF SURFACES, I shall present my emotions by the ARRANGEMENT OF MY SURFACES, THE PLANES AND LINES BY WHICH THEY ARE DEFINED» [Gaudier-Brzeska 1915: 34].

Сходным образом сконструированы и «Лондонские заметки» (*London Notes*) Дисморр: визуальные, даже пластические образы ее прозы идеально дополняют упомянутый рисунок Этчеллса: «HYDE PARK. Ordinary, gigantic figures with an imposing motion walk across the scorched expanse of grass, tiny London houses <...> herd at their heels» [Dismorr 1915(b): 66].

Дисморр ведет читателя по Британскому музею («Gigantic cubes of iron rock», «ranks of black columns of immense weight and immobility» [Ibid.]) и Круглому читальному залу[146] («This colossal globe of achievement presses upon two hundred cosmopolitan foreheads, respectfully inclined» [Ibid.]),потом по оживленной Пиккадилли («Theembankment of brick and stone is fancifully devised» [Ibid.])с яркими рекламными щитами, лесами на зданиях и витринами магазинов с манекенами и, наконец, по Флит-стрит с нагромождением на ней домов, вывесок и рекламных плакатов («Preciousslips of houses, packed like books on a shelf, are littered all over with signs and letters» [Ibid.]).Дисморр восхищается множеством линий перспективы: сходящимися, расходящимися и ведущими к чему-то важному за пределами взгляда. Автор выступает здесь,

[146] Круглый читальный зал библиотеки в Британском музее был оборудован в 1857 г., когда над открытым внутренним двором музея был возведен огромный купол.

прежде всего, как художник и выстраивает визуальную композицию сцен, которые оформляются как мгновенные снимки.

Важный противовес упорядоченному кубистскому городу в рассказе являет собой движущаяся масса возбужденных людей на Флит-Стрит – весьма футуристский образ: «A dark, turbulent stream struggles along the channel bottom; clouds race overhead»[147] [Ibid.]. Действительно, без человеческого фактора, который вмешивается в регулярность бездушных конструкций, не обходится. Поток людей и машин органически вписывается в концепцию города Дисморр, особенно в противопоставлении с «домами, скученными, как книги на полке».

Словно иллюстрация к «Лондонским заметкам» Дисморр задумана картина Льюиса «Толпа» (*The Crowd*, 1915), очень яркое и наглядное изображение города. Здания и улицы здесь, без сомнения, изображены в кубистском стиле, так же как и толпы людей, однако в последних чувствуется энергия и движение, которые так стремились отражать в своих картинах футуристы. Льюису удалось сбалансировать разгоряченный характер толпы и ее романтическую эмоциональность с холодной классической строгостью зданий. Однако кажется, что регулярные, стандартизированные и деперсонализированные аспекты города в чем-то передались и толпе с ее коллективным сознанием, в котором теряется индивидуальная мысль. На улицах города происходит что-то вроде революции за идеалы демократии, независимости и личной свободы, но это не совсем соответствует представлению людей как фигурок, едва различимых в общей массе и состоящих из прямоугольников и линий.

В качестве пространного комментария к картине Льюиса выступает опубликованный во втором «Бласте» фрагмент его незаконченного повествования под названием «Хозяин толпы» (*The Crowd Master*). Действие происходит в июле 1914 г. в Лондоне, как раз перед началом войны. Фрагмент

---

[147] В статье У. Льюиса «Обзор современного искусства», вошедшей во второй «Бласт», вортицизм помещается в нишу между холодной и отчужденной техникой кубистов («too inactive and uninventive for our northern climates» [Lewis 1915(a): 41]) и чрезмерной вовлеченностью, свойственной футуристам, которые никогда не могут уйти от страстей и увлечений толпы и становятся заложниками своей одержимости механистическим действием.

открывается следующим описанием: «THE CROWD. Men drift in thrilling masses past the Admiralty, cold night tide. Their throng creeps round corners <…>. Local ebullience and thickening...» [Lewis 1915(b): 94]. Льюиса прежде всего интересует поведение толпы. Место и время действия имеют большое значение, поскольку, во-первых, фоном для повествования выступают узнаваемые районы Лондона, а во-вторых, надвигающаяся война дает толпе футуристскую энергию и общую цель. Как отмечает Льюис, сбор людей в толпы – это начало мобилизации в стране, и его интересует именно эта роль толпы, поскольку он пытается понять, как масса людей на улицах городов в какой-то стране поднимается на войну с другой страной, в городах которой мобилизуется своя толпа. Льюис заключает, что войны начинаются из-за того, что огромные людские массы навеки погребены в городе: «Wars begin with this huge interment in the cities» [Ibid.]. Для него толпа представляет собой состояние, обратное миру. Энергия толпы означает войну, а смерть – это тоже лишь форма толпы, это «такое же поражение». Присоединиться к толпе – значит потерять свою индивидуальность и пожертвовать уединением и миром ради безумной энергии и воодушевления людской массы. Крики толпы напоминают раскаты от взрывов снарядов, и в них слышится слово «война». Лондонская толпа идет к войне со слепой щенячьей радостью. Поразительно, с какой силой в толпе утверждается коллективное и механическое, и в этом – футуристский марш к полному уничтожению. Выбора не остается, поскольку мобилизация страны оказывается завершенной до начала войны. Толпа завлекает всех своей энергией, но каждый индивид дорого платит за это, жертвуя своей уникальностью. Однако, по Льюису, это в какой-то мере компенсируется тем, что «уверенность в общности чувств со всеми другими людьми служит величайшим облегчением» [Op. cit.: 95].

Мотиву толпы в мегаполисе посвящено эссе английского теоретика культуры и литературы Реймонда Уильямса «Восприятие мегаполиса и становление модернизма» (*Metropolitan Perceptions and the Emergence of Modernism*). Он отмечает, что в сознании художника столица империи

ассоциируется, в первую очередь, с миллионами людей, ее населяющими. Так в модернистской литературе появляется тема толпы как огромной безликой массы незнакомцев, и эта «незнакомость», по Уильямсу, расценивается человеком как загадка или тайна [William 2007: 40]. При этом тот же мотив может не только нести в себе отрицательный смысл растворения человеческой личности в безликой массе, но и подразумевать положительный момент объединения людей на новых началах в попытке противостоять индивидуалистической буржуазной разобщенности [Op. cit.: 44].

Обратимся к другой части «Мастера толпы», которая бы вошла в третий номер «Бласта», если бы тот был издан, и которую Льюис включил в автобиографическую книгу «Blasting and Bombardiering» в 1937 г. В этом повествовании рассказчик, которого зовут Кэнтлмэн (герой некоторых других произведений Льюиса), ныряет в самую гущу толпы в центре Лондона, чтобы ее исследовать и почувствовать исходящие от нее эмоции. Он обнаруживает, что они как электричество, которое бесцельно течет от одного индивида к другому, когда они сливаются с группой. Кэнтлмэн описывает себя как медиума, пытающегося истолковывать послания людей, которые распространяются по толпе, однако не может уловить смысла. Тогда он пытается понять настроение толпы, действовать в соответствии с ее настроем: «He sank in the crowd like a diver. He disposed his body in a certain way, slouched heavily along, fixed his eyes ahead of him. Soon he had become an entranced medium» [Lewis 1937: 81]. И вдруг, как электрический шок, он получает ясное сообщение, исходящее от коллективного сознания толпы, от «мозговой деятельности этой медузы». Это послание описывается как «that married feeling, when a single man experiences sensation of married state. The Family. The Crowd» [Ibid.]. Кэнтлмэн, сам холостяк, неожиданно испытывает чувство связности, причастности, начертанное толпой на его чистом сознании, с которым он к ней присоединился. Охваченный этим чувством, Кэнтлмэн заходит в паб, чтобы записать свои ощущения. Вернувшись в толпу, он, к своему разочарованию, не может восстановить с ней связь, и к нему возвращается чувство отчуждения и

отстраненности: «He felt more and more solitary. Then free – *single*; and so divorced» [Op. cit.: 82]. Забравшись на постамент Колонны Нельсона на Трафальгарской площади, он чувствует бóльшую связь с холодным камнем, нежели с бескрайним людским озером, его окружающим. Кэнтлмэн начинает общаться с духом лорда Нельсона через его статую, и вскоре у него возникает ощущение, которое он называет неожиданной похотью (*immediate bawdiness*), поскольку к нему является видение леди Гамильтон, одетой в купальный костюм. Герой Льюиса, очевидно, ощущает причастность к пространству Лондона и истории Англии (вкакой бы то ни было форме): вот актуализация составляющих английскости! «She [Lady Hamilton] was Britannia. <…> England expects every man to <…> sleep with Lady Hamilton, apparently» [Op. cit.: 82]. В результате Кэнтлмэн разочаровывается в толпе, поскольку она не смогла вызвать у него никаких чувств, и он заключает, что английская толпа – это глупое чудовище и что выпускать его на волю нельзя.

Разочарование героя разделяет и сам автор, хотя их обоих первоначально и влекло любопытство к толпе. Однако следует отметить, что здесь первостепенную важность представляло именно ожидание героем того, что единение с духом толпы будет возможно и что оно приведет к пониманию коллективного бессознательного Лондона. Это ожидание не оправдывается, и, описывая свой собственный опыт через восприятие Кэнтлмэна (в чем он признáется позже), Льюис в конце концов обнаруживает, что человеческие эмоции ему лучше передаются от скульптуры, от строгих линий и геометрических форм высеченного памятника, чем от потока живых людей. Здесь заключен смысл названия «Хозяин толпы»: это тот, кто остается хозяином себя в обезличивающей людской массе. В этом и философия вортицизма: признавать поток и вихревое движение человеческой жизни, но с позиции отчуждения и изоляции, основанной на кубистской трактовке современного города. Художник-вортицист способен адекватно воспроизвести послание, исходящее от общественного сознания, но он не теряет своей идентичности в массах. Недостаток же кубистов, по Льюису, в том, что они

вообще не хотят участвовать в жизни городских улиц, а футуристов – в их ассимиляции с толпой, что ведет к тому, что они теряют голову и больше не являются «хозяевами» себя и, тем более, своего искусства. Герой повествования Льюиса – это идеальный вортицист: он судит о чаяниях толпы на основе собственного опыта, что позволяет ему достоверно воспроизводить их на бумаге или холсте, но он никогда не теряет контроля над степенью своей вовлеченности в водоворот людских масс.

Итак, в представленных текстах о Лондоне очевидно неразрывное единство вербального и невербального, визуального. Это возможно за счет того, что зрительный образ может рассматриваться как текст на особом языке, в основе которого, в отличие от условных знаков языка словесного искусства, лежат знаки иконические, изобразительные. Один из ведущих исследователей проблем семиотики искусства К. Леви-Строс писал, что «тенденция к преодолению противоречия между чувственным и понятийным способствует тому, что условные иконические знаки в литературе позволяют передать до тончайших нюансов все разнообразие чувственного опыта» [Леви-Строс 1999: 22], а выдающийся представитель философской герменевтики П. Рикер отмечал, что иконичность включает вербальный аспект [Рикер 1990: 444]. Тем не менее, в работе «Основы общей лингвистики» структуралист А. Мартине различает языковую и зрительную системы, уточняя то, что отмечалось еще Ф. де Соссюром. По Мартине, вербальные сообщения имеют линейный характер, а зрительная коммуникация не линейна, а двумерна, поскольку человек, смотрящий на картину, получает от нее целостное впечатление, воспринимая заложенное в ней сообщение как неделимое [Мартине 1963: 380].

Таким образом, лондонский текст строится на основе интерсемиотичности, т. е., по А.Е. Бочкарёву, «динамического взаимодействия разнотипных знаковых систем» [Бочкарев 2003: 62]. Действительно, как отмечает исследователь, «не будучи результатом деятельности одного языка, текст подлежит изучению с позиции множества формирующих его кодов» [Ibid.], а в его составе наличествуют смысловые компоненты, формируемые

невербально. Кроме того, в рамках общего семиотического подхода понятие чтения применяется для описания взаимодействия с самыми различными знаковыми системами, а неязыковая знаковая последовательность – визуальная или звуковая – может сама рассматриваться как текст. Это позволяет «примирить» «чистое языкознание» с литературоведением и «вторичными» моделирующими системами [Cf.: Соснин 2014(в)].

7.3. Лондонский текст в неанглийской традиции. Временной разрыв в формировании сверхтекстов культуры у ее представителей и у носителей других культур

Through books alone we learnt to love
the London of English literature.
R.K. Narayan

В данном разделе на примере лондонского текста английской литературы будет говориться об асинхронности формирования сверхтекстов конкретной культуры у ее представителей и носителей других культур. Это, как будет продемонстировано, ведет к формированию ложных стереотипов и мифов об исходной культуре у представителей других национальностей и вызывает трудности при переводе с одного языка на другой. В разделе будут раскрыты причины возникновения такой асинхронной концептуализации действительности. В частности, будет указано на то, что перевод письменных источников, необходимых для формирования литературного канона и конструируемых на его основе сверхтекстов, требует времени и что нельзя быть уверенным в том, что переведенные источники получат такое же распространение в принимающей культуре.

Кроме того, будут проанализированы идеальные образы Лондона, свойственные лондонскому тексту неанглийских литератур. Таким образом, сопутствующая задача, решаемая в разделе, заключается в том, чтобы проследить, как британская столица становится, метафорически говоря, литературой, но литературой в различных культурах разной. Тем не менее, в

разделе не постулируется непостижимость сверхтекстов иной культуры, а лишь указывается на некоторые сложности в их реконструкции, что осуществляется через поэтапное освоение иностранных литературных традиций и художественных моделей.

В разделе будут также выделены основные составляющие английскости, которые будут рассмотрены сквозь призму Лондона как цивилизациообразующего фактора.

Стереотипизированное восприятие Лондона описано, например, в романе английского писателя индийского происхождения Видиадхара Сураджпрасада Найпола «Загадка прибытия» (*The Enigma of Arrival*). Рассказчик в нем произносит следующие слова: «The London I knew or imaginatively possessed was the London I had got from Dickens. It was Dickens – and his illustrators – who gave me the illusion of knowing the city. I was therefore, <...> like the Russians I was to hear about (and marvel at) who still believed in the reality of Dickens's London» [Naipaul 1987: 47]. Действительно, для нескольких поколений россиян – выходцев из Советского Союза британская столица так и осталась романтизированным Лондоном Диккенса и Голсуорси, хотя для англичан он безвозвратно ушел в прошлое с сопутствующей виртуализацией ряда концептуальных признаков. Культурно значимыми для носителей русской культуры будут строки Мандельштама из стихотворения «Домби и сын» (1914): «У Чарльза Диккенса спросите, / Что было в Лондоне тогда: / Контора Домби в старом Сити / И Темзы желтая вода» [Мандельштам 1991: 87].

Именно чрезмерную романтизацию «паломничества» в «великий город империи» и муссирование личных переживаний по этому поводу ставили Найполу в вину некоторые критики [Cf.: Мурашковски 2007: 206]. В романе «Сатанинские стихи» английского писателя индийского происхождения Салмана Рушди (*TheSatanic Verses*) приезд в Лондон тоже романтизируется, но уже иронически: «Saladin Chamcha and Hyacinth Phillips ran side by side <…> taking the low roads to London town» [Rushdie 1988: 180]. Здесь воспроизводится интертекстуальная рамка традиционных английских баллад – приезд в славный

город Лондон (*fair London town*). Этим и объясняется архаичное употребление «London town» в современном романе.

Тем не менее, наличие подобных мифов о какой-либо стране у представителей других культур вовсе не так уж плохо, поскольку они могут служить «системой координат», организующей деятельность, представления или знания, своеобразным «каноническим» фундаментом, на котором будет строиться дальнейшее постижение иностранной культуры.

Кроме того, в своем сознании люди часто создают часто воображаемые ландшафты, «рисуют» идеальные города (например, идеальный Лондон П. Акройда в его «Повести о Платоне»). Некоторая степень идеализации – это, безусловно, неотъемлемая характеристика городского текста как абстрактного конструкта [Соснин 2015(б): 306]. Так, в «Повести о двух городах» Ч. Диккенса (*A Tale of Two Cities*) один из героев, адвокат Сидни Картон, видит, выходя от своего коллеги Страйвера, печальный Лондон, Лондон-пустыню, вполне соответствующий своей несложившейся судьбе. Но у Картона еще есть высокие помыслы, и ему является ведение прекрасного города. Городские ландшафты, таким образом, служат отражением человеческого сознания: «The day was coldly looking in through its grimy windows <…> , the air was cold and sad, the dull sky overcast, the river dark and dim, the whole scene like a *lifeless desert*. And wreaths of dust were spinning round and round before the morning blast, as if the desert-sand had risen far away, and the first spray of it in its advance had begun to overwhelm the city. Waste forces within him, and a *desert* all around, this man stood still on his way across a silent terrace, and saw for a moment, lying in the *wilderness* before him, a *mirage* of honourable ambition, self-denial, and perseverance. In *the fair city of this vision*, there were airy galleries from which the loves and graces looked upon him, gardens in which the fruits of life hung ripening, waters of Hope that sparkled in his sight» [Dickens 1859(a)] (курсив мой – *А.С.*).

По мнению Л.В. Стародубцевой, бегство в идеальные грады и земли – это весьма распространенная форма духовного эскапизма. Так, в преддверии Второй мировой войны Г. Гессе «убегал» в Касталию, а Дж.Р. Р. Толкиен – в

Хоббитанию и Средиземье [Стародубцева 1999: 78]. За неделю до начала войны английская писательница и поэтесса Вита Сэквиль-Вэст (1892-1962), близкая подруга Вирджинии Вулф, написала в письме своему мужу, известному дипломату Гарольду Николсону, следующие слова: «Только бы убежать из Лондона. От одной мысли о воздушных налетах мне делается дурно» [Nicolson 1966: 87]. Так же, как и Вулф, она идеализировала Лондон, с любовью взирая на него как на «сокровенное сокровище» [Cit. ex: Брэдбери 2002: 262].

В «Повести о Платоне» (*The Plato Papers*, 1999) П. Акройд представил совершенный Лондон – «идеальный акройдополис» [Groes 2011: 120] без пороков и страстей, претендующий на конечную истину человеческого существования.

К воображаемым Лондонам, когда-либо созданным, можно отнести, в частности, идеализированный, а зачастую даже «лубочный», викторианский Лондон. Ностальгия по нему, испытываемая представителями других культур, – это, несомненно, заблуждение, объясняющееся нераспространенностью современных текстов и, соответственно, асинхронностью восприятия [Cf.: Соснин 2015(б): 306]. Любопытно, как в романе английского писателя пакистанского происхождения Ханифа Курейши «Будда из пригорода» (*The Buddha of Suburbia*) реальность маргинального Лондона контрастирует с наивным восприятием иммигрантов, которые так и не избавились от викторианских представлений о «старой доброй Англии» (*merry old England*), населенной безупречными джентльменами и леди: «Here [in South London] the unemployed were walking the streets with nowhere else to go, the men in dirty clothes and the women in old shoes without stockings. As we walked and looked Changez talked of how much he liked English people, how polite and considerate they were. ‘They’re gentlemen. Especially the women.’ These gentlemen had unhealthy faces; their skin was grey. The housing estates looked like makeshift prison camps; dogs ran around; rubbish blew about; there was graffiti. Small trees had been planted with protective wire netting around them, but they’d all been snapped off anyway. The shops sold only inadequate and badly made clothes.

Everything looked cheap and shabby, the worse for trying to be flash. Changez must have been thinking the same as me. He said, ‘Perhaps I feel at home here because it reminds me of Calcutta’» [Kureishi 1990: 223-224][148].

Здесь уместно вспомнить выделяемые В.Б. Кашкиным авто- и гетеростереотипы (т. е. то, что люди думают о себе и о «чужих»). «Англичане – джентльмены» – это гетеростереотип. По мнению исследователя, гетеростереотип характеризует не столько референт этнонима, ассоциируемого со стереотипом, сколько его создателя и пользователя [Кашкин 2002]. Вообще, как отмечает литературный критик К. Хьюитт в книге «Понять Британию», после Второй мировой войны было все сложнее сказать, что такое «английский джентльмен», а в настоящее время это понятие перестало быть релевантным для английской культуры [Хьюитт 1992: 138].

Викторианский Лондон все еще настойчиво напоминает о себе. Так, П. Акройд указывает на то, что «бóльшая часть британской столицы, которая радует глаз[149], принадлежит Викторианской эпохе самими зданиями, планировкой или, по крайней мере, общим замыслом» [Акройд 2005: 664]. По замечанию же английского историка Э.Н. Уилсона, «во время прогулки по Лондону XXI века от вас не потребуется богатого воображения или особых умственных усилий, чтобы понять, как много всего в городе было построено во время правления королевы Виктории» [Wilson 2004: 73]. Конечно, можно восхищаться витражами и дубовыми панелями викторианских пабов,

---

[148] Прослеживается аналогия с описаниями беднейших кварталов Лондона из 15 главы «Лавки древностей» Диккенса, что свидетельствует о рекуррентной реализации смысловых компонентов лондонского текста в разные эпохи: «Damp rotten houses, many to let, many yet building, many half-built and mouldering away – lodgings, where it would be hard to tell which needed pity most, those who let or those who came to take – children, scantily fed and clothed, spread over every street, and sprawling in the dust – scolding mothers, stamping their slipshod feet with noisy threats upon the pavement – shabby fathers, hurrying with dispirited looks to the occupation which brought them ‘daily bread’ and little more – mangling-women, washer-women, cobblers, tailors, chandlers, driving their trades in parlours and kitchens and back room and garrets, and sometimes all of them under the same roof – brick-fields skirting gardens paled with staves of old casks, or timber pillaged from houses burnt down, and blackened and blistered by the flames – mounds of dock-weed, nettles, coarse grass and oyster-shells, heaped in rank confusion – small dissenting chapels to teach, with no lack of illustration, the miseries of Earth, and plenty of new churches, erected with a little superfluous wealth, to show the way to Heaven» [Dickens 1841(b)].

[149] Впрочем, не обязательно радуют. Так, когда в романе «Будда из пригорода» главный герой едет в центр Лондона через трущобы Герн-хилла (*Herne Hill*) и Брикстона, он наблюдает следующую картину: «I <..> gazed out at the rows of disintegrating Victorian houses. The gardens were full of rusting junk and sodden overcoats; lines of washing criss-crossed over the debris. Ted explained to me, ‘That’s where the niggers live. Them blacks.’» [Kureishi 1990: 43].

таинственным полумраком старых церквей и готическим величием вокзала Сент-Пэнкрэс, можно вместе с Сомсом Форсайтом сожалеть об ушедшем XIX веке и вспоминать, как Шерлок Холмс ездил в кебе сквозь туман лондонских улиц. Однако необходимо помнить о масштабах нищеты в викторианском мегаполисе, и о «типично викторианских проблемах» [Pott 1999: 105]: грязи, антисанитарии и эпидемиях, катастрофических заторах гужевого транспорта, крайней бедности большинства жителей, разгуле преступности, нехватке жилья и трущобах. Лондон всегда страдал от перенаселенности и недостатка качественных жилых строений: так, в 1800 г. население Лондона составляло около миллиона жителей, а к 1880 г. оно разрослось до 4,5 миллионов [Olsen 1976: 69]. Результатом этого стремительного роста, а также развития торговли были немыслимые для сегодняшнего дня грязь и нищета. Во многих частях города нечистоты сливались в сточные канавы, которые вели прямо в Темзу. Кроме того, вплоть до второй половины XIX в. по улицам можно было прогонять животных, а в черте города располагались рынки живого скота и скотобойни[150]. Во многих частях города нечистоты сливались в сточные канавы, которые вели прямо в Темзу, которую Б. Дизраели описал как адское зловонное болото: «a Stygian pool reeking with ineffable and unbearable horror» [Cit. ex: Wilson 2004: 78]. В первой половине XIX в. несколько десятков тысяч жителей Лондона умерло от холеры. Однако сооружение канализационных систем по плану, разработанному председателем Столичного управления городского хозяйства (*Metropolitan Board of Works*) сэром Джозефом Базальджеттом (триумф викторианской инженерной мысли и городского планирования!), было завершено лишь к 1875 г. В биографии Диккенса П. Акройд пишет: «Если человек, живущий в конце XX века, внезапно очутился бы в таверне или жилом доме того периода, ему стало бы по-настоящему плохо – от запахов, еды и всего вокруг него» [Ackroyd 1990: 46; перевод мой – *А.С.*]. Нельзя забывать и о

[150] Ср. описание смитфилдского рынка в 21 главе «Оливера Твиста»: «It was market-morning. The ground was covered, nearly ankle-deep, with filth and mire; a thick steam, perpetually rising from the reeking bodies of the cattle, and mingling with the fog, which seemed to rest upon the chimney-tops, hung heavily above» [Dickens 1837-1839].

жестоком отношении к бедным, правонарушителям и национальным меньшинствам, которых «вешали за ничтожные преступления» [Голсуорси 1956: 501], о положении женщин, «не имевших прав на собственное имущество» [Ibid.], о трагедии миллионов людей, которые стали жертвой бездушного всепожирающего города-молоха и викторианской морали в эпоху, «канонизировавшую фарисейство» [Ibid.].

В отношении стереотипов викторианской эпохи весьма показателен пример из романа В. Вулф «Между актов» (*Between the Acts*, 1941), где один из актеров, играющих в любительской пьесе, которая посвящена истории Англии, характеризуется следующим образом: «A very fine figure of a man he was <...>, his truncheon extended; his waterproof pendant. It only wanted a shower of rain, a flight of pigeons round his head, and the pealing bells of St. Paul's and the Abbey to transform him into the very spit and image of a Victorian constable; and to transport them to a foggy London afternoon, with the muffin bells ringing and the church bells pealing at the very height of Victorian prosperity» [Woolf 1941]. Вся эта растиражированная «морось» и «лондонский вечерний туман, в котором «потренькивают колокольцы пирожников да морем разливанным катит колокольный викторианский победный звон» [Вулф 2004: 172] стала в современной Англии средством для привлечения туристов и способом извлечения прибыли из литературных стилизаций, театральных постановок и ресторанов, выдержанных в духе эпохи. Это симулякр викторианского Лондона. Заметим вслед за представителем французской философской школы постструктурализма Ж. Бодрийяром, что симулякры имеют качество гипер-реальности, «это знаки, в которых происходит уничтожение реальности внутри вымышленного» [Бодрийяр 2004: 260].

Следующий пример из романа «No New Land» канадского писателя из Кении Моеза Вассанджи также иллюстрирует наивное восприятие Лондона приезжими: «London was not a foreign place, not really, it was a city they all knew in their hearts. To hear Big Ben chime for real, see the houses of Parliament and London Bridge, Buckingham Palace, perhaps the Queen and Prince Philip, and

Westminster Abbey where David Livingston lies buried. London – the pussycat[151] and Dick Whittington[152], nursery rhymes clamoured in the brains» [Vassanji 1991: 33].

В приведенных контекстах очевидны различия в семантическом структурировании сверхтекста разными народами, противоречия между «своими» и «чужими» представлениями о Лондоне как сердце английской цивилизации и об Англии вообще. Как справедливо замечает К. Хьюитт, «приехав в Великобританию, вы скорее всего сочтете нас более расслабленной, менее подтянутой, далекой от триумфа нацией, чем вы того ожидали. По средиземноморским стандартам мы остаемся формальными в отношениях друг с другом, однако тексты, которые мне довелось прочесть в советских учебниках, повествуют о мире, который рушился уже 50 лет тому назад (и это при том, что жизнь вряд ли когда-либо была такой, какой ее рисуют эти тексты!)» [Хьюитт 1992: 138]. Данному мнению находим аналогии в романе «A Natural Curiosity» (1989) современной английской писательницы Маргарет Дрэббл (род. в 1939 г.), которая пессимистично называет Англию «постколониальной и постиндустриальной грудой шлака»: «England's not a bad country… It's just a mean, cold, ugly, divided, clapped-out, post-imperial, post-industrial, slag-heap covered in hamburger cartons» [Cit. ex: OQRQ: 109].

Неправильные представления о Лондоне, вызванные задержкой в формировании лондонского текста (и, шире, английского литературного канона) у представителей других культур, ведут к ложному пониманию английскости, которая в узком смысле подразумевает культурную жизнь Лондона и окрестных городов (в противовес исторической и политической

---

[151] Высокая степень употребительности, «ангажированности» имени «London» подтверждается его участием в поговорках, народных присказках и так называемых «детских стишках» (*nursery rhymes*), которые изобилуют фольклорными образами и отражают народные традиции и легенды: «Pussy cat, pussy cat, where have you been? / I've been to London to look at the Queen».

[152] Ричард Уиттингтон, Персонаж английского фольклора (основанный на нескольких реальных лицах), который известен по народным театральным представлениям. По преданию, он вместе со своею кошкой пришел в Лондон из Глостершира искать счастья, стал учеником лондонского торговца мануфактурой, бежал от своего жестокого хозяина, но услышал в лондонском предместье звон колоколов, в котором отчетливо различил слова: «Вернись, Уиттингтон, трижды лорд-мэр Лондона!» Ричард решил вернуться, случайно разбогател, стал купцом и три раза избирался на пост лорд-мэра Лондона. Существует распространенная детская считалка: «Turn again, Whittington, / Once Mayor of London! / Turn again, Whittington, / Twice Mayor of London! / Turn again, Whittington, / Thrice Mayor of London!» [Whittington / LE: 1029].

нагрузке концепта «Britishness»). Действительно, вывести наиболее важные, вековые, национальные характеристики англичан невозможно без обращения к Лондону, который предстает как микромодель общеанглийских процессов [Соснин 2015(б): 308]. Как заметил английский публицист Джеймс Юинг-Ричи (1820-1898), Лондоном должен интересоваться каждый англичанин: «Every Englishman must take an interest in London – a city which it has taken nearly two thousand years to build; whose sons, to enrich which, have sailed on every sea and fought or traded on every land; and which apparently, as the original home and centre of English-speaking people, must grow with the growth and strengthen with the strength of the world. <…> It is the brain of England, the seat of English rule, whence issue laws which are obeyed in four quarters of the globe, and the fountain of thought which agitates and rules the world» [Ewing Ritchie 1880].

Здесь говорится о следующих составляющих английскости и компонентах лондонского текста: Лондон как образующий фактор английской цивилизации[153]; Великобритания – владычица мира; высокая имперская миссия, которой заключалась в распространении среди «отсталых» народов принципов цивилизации, христианства, верховенства закона, либеральных реформ. В современных условиях два последних признака следует считать виртуализованными, обнуленными или погашенными. Это зачастую не осознается представителями других культур, т. е. эти признаки присутствуют в лондонском тексте их культуры в необнуленном виде.

Впервые попытка реконструировать лондонский текст в неанглийской традиции была предпринята Л.С. Прохоровой [2005]. Это лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века. Следуя методологии В.Н. Топорова, исследовательница выделила конституенты лондонского текста и входящие в его состав словесно-образные структуры, а также составила текстовый глоссарий. К рекуррирующим словесно-образным структурам Л.С. Прохорова относит следующие лейтмотивы: пространственно-

[153] По мнению отечественных исследователей-урбанистов А.А. Нещадина и Н.И. Горина, сердце любой великой цивилизации – это некоторый «вечный» город, который навсегда связан с ее судьбой [Нещадин 2001: 34].

пейзажный, прагматически-деловой, физиогномический и социальных контрастов. Кроме того, исследовательницей выделяются три темы-доминанты Лондона (т.е. те пространственные реалии, с которыми связано его узнавание): город-театр, город-тюрьма и город-магазин, – на основе которых формируется общая парадигма восприятия британской столицы в русской культуре и литературе. Эти доминирующие темы, по сути, совпадают с темами английской литературы, но в России они были сформированы позднее, не в полном объеме или вызывают другой ряд ассоциаций.

Наконец, в исследовании Л.С. Прохоровой Лондон выступает в качестве репрезентативного образа Великобритании, локуса, отражающего менталитет английской нации; лондонский текст же называется одним из факторов английского национального самосознания.

Логическим продолжением работы Л. С. Прохоровой стало исследование Л.В. Воробьевой «Лондонский текст русской литературы первой трети XX века» [2009]. В нем так же, как и в предыдущем исследовании, выделяются функциональные доминанты лондонского текста. Здесь к ним относятся богатые и бедные кварталы, Британский музей, завод, Темза, единое стадо. Однако, в рамках выбранного исследовательницей подхода, это всего лишь разрозненные образы, свидетельствующие о дискретном характере восприятия. Л.В. Воробьева опирается в первую очередь на понятие текстового кода, предложенное Р. Бартом. В ее трактовке доминанты входят в состав именно текстовых кодов – структурообразующих и упорядочивающих элементов городского текста. Исследовательницей выделяются следующие коды: социальный (доминанта – богатые и бедные кварталы), научный (доминанты – Британский музей, завод), мифологический (доминанта – Темза), библейский (доминанта – единое стадо).

Опираясь на исследования Ю.М. Лотмана, Л.В. Воробьева рассматривает лондонский текст и как смыслопорождающий конструкт, способный генерировать коннотативные значения. Если доминанты – это статичный компонент городских кодов, то коннотации вносят в них элемент

процессуальности. Для каждого из кодов исследовательница выделяет следующие коннотации: социальный код – богатство / бедность, война; научный код – технология, научность эксперимент; мифологический код – жизнь / смерть, прошлое / будущее, традиция; библейский код – день / ночь, чистота / порок, поиск души, жертвоприношение, Апокалипсис.

Наконец, Л.В. Воробьева оперирует понятием «чтение города», рассматривая его как модернистский прием постижения городского пространства.

Л.В. Воробьева и Л. С. Прохорова лишь бегло освещают проблему отличия лондонских текстов русской литературы от текстов английской литературы в обозначенные периоды, не сосредотачиваясь на асинхронности их формирования. Впрочем, детальная разработка данной проблемы в задачи исследований не входила.

Представляется возможным выделить мифологизированные, стереотипные признаки, часто характеризующие Лондон в сознании «неангличан» (в противопоставлении английскому восприятию) и входящие в лондонский текст неанглийских литератур (в противопоставлении литературе английской). Эти признаки часто характеризуют неискушенное, наивное восприятие [Cf.: Соснин 2015(б): 309] .

<u>Неанглийское</u>	*vs.*	<u>Английское</u>
/triumphant/		/non-triumphant/, /unsmart/, often /shabby/, probably |elegantly shabby|
/imperial/		/post-imperial/, /post-colonial/
/industrial/		/post-industrial/
|gentlemen's society|		/egalitarian/, /multicultural/
/haughty/, /hierarchical/		|tolerant society|
|bastion of financial power|		признак частично нейтрализован
/foggy/, /rainy/		данные признаки в значительной степени ассоциируются с литературной традицией XIX века

Признак /industrial/, в настоящее время виртуализованный, отсылает англичан к реалиям XIX в.: «тёмным фабрикам сатаны» в Лондоне[154] [Блейк 1969], к изможденным женщинам и детям, которые на них трудились, к фабрике ваксы Уоррена, на которой работал Диккенс, как типичному образцу викторианского производства. С этим признаком связаны концепты «индустриальный роман» и «викторианский труд», которые более не являются актуальными.

Признак /post-industrial/ можно считать действительно английским и актуализованным в силу следующих обстоятельств: если в рабочий день пройти по любой части Лондону – бедной или богатой, то в глаза бросится тот факт, что бóльшая часть населения по-настоящему не работает. Действительно, социологи отмечают, что многих людей, придерживающихся старых взглядов, шокирует невероятная праздность лондонцев[155] [Cf.: Wilson 2004: 123]. Некоторые даже сожалеют о тех временах, когда в лондонских доках работали десятки тысяч портовых рабочих, когда на лондонских фабриках выпускали электромоторы, светильники, музыкальные инструменты, часы, одежду и продукты питания. Согласно статистике, за последние двадцать лет все прибыльные предприятия в Лондоне не были связаны с работой в том смысле, в каком ее понимали прошлые поколения. Начиная с 1960-х годов больше всего обогатились владельцы закусочных, баров, ресторанов, гостиниц музыкальных магазинов, частных художественных галерей и ночных клубов, а также успешные игроки на бирже и умельцы извлекать прибыль из разницы в курсах

---

[154] В оригинале у Уильяма Блейка – «dark Satanic Mills» [Blake 1804: xix]. В то время поэт жил в лондонском районе Саутварк (*London Borough of Southwark*) недалеко от крупнейшего мукомольного завода «Альбион-флауэр-милл», воплощавшего для него все ужасы промышленного производства.

[155] Впрочем, бездельников в Лондоне всегда было предостаточно. В пятой главе «Картинок с натуры» (*Scenes*), входящих в «Очерки Боза» (*Sketches by Boz*) Ч. Диккенс пишет, что, помимо тех, кто толпится у дверей кабачков или принимает участие в уличных перебранках, в Лондоне есть целое сословие людей, не знающих никаких других развлечений, кроме как стоять, прислонясь к столбу: In addition to the numerous groups who are idling about the gin-shops and squabbling in the centre of the road, every post in the open space has its occupant, who leans against it for hours, with listless perseverance. It is odd enough that one class of men in London appear to have no enjoyment beyond leaning against posts. We never saw a regular bricklayer's labourer take any other recreation, fighting excepted. Pass through St. Giles's in the evening of a week-day, there they are in their fustian dresses, spotted with brick-dust and whitewash, leaning against posts. Walk through Seven Dials on Sunday morning: there they are again, drab or light corduroy trousers, Blucher boots, blue coats, and great yellow waistcoats, leaning against posts. The idea of a man dressing himself in his best clothes, to lean against a post all day! [Dickens 1836(b)].

валют и стоимости акций – так называемые «yuppies» или «slickers». В период расцвета тэчеризма общество прониклось идеей, что работа в ее традиционном понимании – это пережиток прошлого, а огромные деньги можно зарабатывать, по сути, ни на чем (особенно после «Большого взрыва» (*Big Bang)* – коренного преобразования Лондонской фондовой биржи, в результате которого операции с ценными бумагами стало возможным производить с помощью компьютера за ее пределами). Старый Лондон был городом, где неработающие классы общества были в меньшинстве. Современный Лондон стал местом отдыха и праздности, где число работающих жителей намного меньше числа тех, кто ищет развлечений. Вот он: праздный Лондон – «idle London»!

Признак /bastion of financial power/ следует считать частично нейтрализованным в составе лондонского текста современной английской литературы в связи с тем, что практически все крупнейшие банки и страховые компании в Лондоне, которые когда-то принадлежали английским семьям, были поглощены гигантскими финансовыми корпорациями из Германии или США. Лондонский Сити, некогда являвшийся бастионом английской экономической мощи, теперь находится в собственности иностранного капитала.

Признак /foggy/: над преувеличением значимости лондонских туманов изящно посмеялся еще в 1889 г. Оскар Уайльд в эссе «Упадок искусства лжи» (*The Decay of Lying*)[156]. Один из героев этого эссе, написанного в форме сократического диалога, заявляет, что люди наблюдают лондонские туманы не потому, что туманы есть, а потому, что поэты и живописцы продемонстрировали им загадочную прелесть таких эффектов: «Where, if not from the Impressionists, do we get those wonderful brown fogs that come creeping down our streets, blurring the gas-lamps and changing the houses into monstrous shadows? To whom, if not to them and their master, do we owe the lovely silver mists that brood over our river, and turn to faint forms of fading grace curved bridge

[156] В этом году эссе появилось в литературном журнале «XIX век», а в 1891 г. в переработанном виде оно было опубликовано в цикле эссе «Намерения» (*Intentions*).

and swaying barge? The extraordinary change that has taken place in the climate of London during the last ten years is entirely due to a particular school of Art. <...> At present, people see fogs, not because there are fogs, but because poets and painters have taught them the mysterious loveliness of such effects. There may have been fogs for centuries in London. <...> But no one saw them, and so we do not know anything about them. They did not exist till Art had invented them. Now, it must be admitted, fogs are carried to excess. They have become the mere mannerism of a clique, and the exaggerated realism of their method gives dull people bronchitis. Where the cultured catch an effect, the uncultured catch cold» [Wilde 1891].

Действительно, английская фольклорная, литературная и публицистическая традиция изобилует описаниями лондонского тумана, а, сильные туманы в Лондоне, безусловно, случались часто; однако начиная с 50-х гг. XX в. плотность и частота лондонских туманов существенно сократились. Это было связано с постепенным отказом от угольного топлива и переходом на газ, а также с ростом британской столицы и рассредоточением предприятий на большей площади. Таким образом, в составе современного лондонского текста признак /foggy/ следует считать виртуализованным.

Как отмечалось ранее, лондонский текст – это прецедентное сверхтекстовое единство, манифестирующее себя, в частности, за счет постоянного воспроизведения ряда фразеологизированных или клишированных элементов. Соответственно, нераспространенность прецедентных источников одной культуры в другой культуре ведет к несовпадению «интертекстуальных рамок» [Eco 1979] или стереотипных ситуаций из предшествующей текстовой традиции, ставших энциклопедией читателя. У. Эко говорит не только о рамках, которые узнаваемы читателем как относящиеся к интертекстуальному ряду, но и о рамках, которые могут нести для него магию, очарование или волшебство (ср.: рамка приезда в славный город Лондон – «fair London town»). Он также вводит понятие *интертекстуальных архетипов*, описывая этим термином «рекуррентные повествовательные ситуации, которые воспроизводятся в других текстах и провоцируют адресата на сильные эмоции, сопровождаемые

впечатлением уже виденного и того, чего хотелось бы увидеть еще» [Eco 1988: 35]. Как прецедентное сверхтекстовое единство лондонский текст включает в себя ряд интертекстуальных рамок и архетипов [Cf.: Соснин 2015(б): 311].

С учетом вышесказанного при прочтении конкретного текста у английских и неанглийских читателей будут существенно расходиться «глобальные ассоциации». Это же, как правило, представляет наибольшие трудности при переводе источников, который в этом случае должен осуществляться на уровне крупномасштабной эквивалентности, поскольку, по Ю.Ю. Саксоновой, важность здесь приобретает отсылка не просто к конкретному тексту, а к некоторому тексту-культурному знаку [Саксонова 2002: 48]. Если в переводимом произведении переводчик сталкивается с конкретной манифестацией лондонского текста – некоторым прецедентным текстом о Лондоне из другого произведения, – то ему необходимо сохранить двойную коннотацию этого текста как сложного знака – коннотацию исходную и коннотацию, трансформированную в ткани принимающего произведения. Этот прецедентный текст о Лондоне будет представлять собой дважды закодированный культурный код. Трудности при переводе возникают в связи с тем, что, являясь макрокомпонентом значения, коннотация не всегда может быть эквивалентно передана на другой язык, поскольку в языке, безусловно, отражается этноспецифическое представление о мире. В этом случае можно говорить о коннотативных лакунах.

Действительно, без эксплицитных маркеров русский читатель едва ли узнает в тексте романа М. Муркока «Лондон, любовь моя» (*Mother London*, 1988) обращение к описаниям Великого лондонского пожара 1666 г. из дневников Сэмюэла Пипса, актуализующим метафору «Лондон-ад», или – в романе П. Акройда «Процесс Элизабет Кри» (*The Trial of Elizabeth Cree*, 1995)[157] –

[157] В этом романе П. Акройд обращается к образам темного Лондона, болота, трясины (*dark London*, *bog, mire, morass*, *slough, swamp*) [Ackroyd 1995], которые воплощают «изнанку» английской натуры. В романе того же автора «Дом доктора Ди» (*The House of Doctor Dee*) английская столица также ассоциируется с болотом, водной низиной (*wetland* [Ackroyd 1994]) – т.е. с чем-то страшным и непонятным. В монографии «Художественное своеобразие романов Питера Акройда» В.В. Струков указывает на то, что Ист-Энд, рабочая и портовая часть Лондона, расположена на месте бывшей низины в долине Темзы. Осушение болотистой местности позволяет городу расти, подниматься над низиной. Так, по мнению исследователя, происходит

сквозную аллюзию на «Путьпаломника» Дж. Беньяна и фигурирующую там «трясину уныния» (*Slough of Despond*) как метафору упадка духа и отчаяния. Заметим, что смысл также может ускользать от читателя в силу исторического дистанцирования – расхождения исторических горизонтов. Для современных англичан «Путь паломника» уже давно не является настольной книгой. Как подчеркивает А.Е. Бочкарев, это вопрос интерпретирующей компетенции: разные читатели приходят к разным результатам по причине различия энциклопедических знаний [Бочкарев 2003: 158].

Однако это не означает принципиальной непостижимости сверхтекстов иной культуры, а лишь некоторые сложности в их реконструкции и в построении иностранного литературного канона, что осуществляется через поэтапное освоение литературных традиций и инохудожественных моделей.

Кроме того, не всякая затекстовая информация абсолютно необходима для постижения текста и его адекватного перевода на другой язык. Так, в классификации Р.К. Миньяра-Белоручева, информационный запас человека условно подразделяется на пять степеней, и, по мнению исследователя, для успешного осуществления перевода необходимо обладать запасом третьей степени (т. е. четко знать существенные признаки денотата и вычленять его из группы схожих денотатов) [Миньяр-Белоручев 1980: 55-56]. Обладание запасом четвертой степени (т.е. владение систематизированными и структурированными знаниями о денотате) – это только желательное, но не обязательное требование. Наличие информационного запаса в пятой степени подразумевает постижение глубинной сущности денотата, понимание его границ, факультативных признаков и потенциальных изменений [Op. cit.: 57]. Безусловно, всегда ожидать этого от переводчика невозможно.

Соответственно, перевод с одного языка на другой и воспроизведение литературного канона иностранной культуры возможно лишь с некоторыми ограничениями (в первую очередь временного характера), которые, в конечном

процесс колонизации пространства: если сравнить землю со страницей, а постройки с текстом на ней, то вода, закрывающая землю, мешает освоению нового пространства / чтению текста [Струков 2000: 108].

итоге, не могут препятствовать осуществлению межъязыковой и межкультурной коммуникации в относительно полном объеме [Cf.: Сдобников 2001: 140]. Но это всего лишь идеальная ситуация.

7.4. Индивидуально-авторский субтекст в составе лондонского текста. Реализации лондонского текста в топонимах (на примере лондонских маршрутов В. Вулф)

Данный раздел посвящен топографии Лондона Вирджинии Вулф: города реального, непосредственно связанного с ее жизнью и творчеством, и города литературного – такого, каким он предстает в ее произведениях (с лингвистической точки зрения и в рамках исследования лондонского текста эти различия несущественны). В состав раздела, соответственно, включен обширный литературный и социокультурный контекст.

Используемый в разделе «экскурсионный» подход основан на методологии русских историков и краеведов И.М. Гревса и Н.П. Анциферова. Лондонский текст будет воссоздаваться в ходе четырех прогулок: по Кенсингтону, Блумсбери, по лондонским маршрутам миссис Дэллоуэй из одноименного романа писательницы и по Ричмонду. В разделе, таким образом, будет актуализирован мотив познания или исследования британской столицы.

В разделе будет также проиллюстрировано положение о том, что в контексте творчества писателя ассоциации, эвоцируемые топонимами, расширяются, т. е. в составе городского текста появляются новые признаки. Творчество В. Вулф было выбрано потому, что ее произведения являются чрезвычайно показательными в плане раскрытия самых различных составляющих исследуемого текста, что часть описанного ею Лондона сохранилась до наших дней, а также в связи с тем, что по взглядам и духу В. Вулф была глубоко «английской» писательницей.

Улицы и здания Лондона были для Вирджинии Вулф больше, чем просто домом. Они были для нее символом жизненной силы, которую она пыталась привнести в свои романы. Произведения В. Вулф проникнуты духом Лондона;

этот город значил для нее так же много, как Дублин для Джеймса Джойса или Париж для Марселя Пруста.

«A little air, seeing the buses go by, lounging by the river, will, please God, send my [creative] sparks flying again», – записала В. Вулф в дневнике 18 февраля 1922 г. [Woolf 2003: 45]. А 31 мая 1930 г. Она сделала следующую запись: «London itself perpetually attracts, stimulates, gives me a play and a story and a poem, without any trouble, save that of moving my legs through the streets... To walk alone in London is the greatest rest» [Woolf 1979(c): 298].

26 мая 1924 года В. Вулф записала в дневнике такие слова: «And I like London for writing it [“The Hours”, subsequently this title was altered to “Mrs Dalloway”], partly because <…>, life here upholds one [Woolf 2003: 61]. Еще она написала: «London is enchanting. I step out upon a tawny coloured magic carpet, it seems, and get carried into beauty without raising a finger. The nights are amazing, with all the white porticos and broad silent avenues. And people pop in and out, lightly, divertingly like rabbits; and I look down South Hampton Row, wet as a seal’s back or red and yellow with sunshine, and watch the omnibuses going and coming and hear the old crazy organs. One of these days I will write about London, and how it takes the private life and carries it on, without any effort. Faces passing lift up my mind, prevent it from settling…» [Ibid.].

Вулф предпочитала исследовать Лондон во время пеших прогулок или созерцать его с верха двухэтажного автобуса – совсем, как миссис Дэллоуэй в одноименном романе: «Clarissa once, going on top of an omnibus with him [Peter Walsh] somewhere, Clarissa superficially at least, so easily moved, now in despair, now in the best of spirits, all aquiver in those days and such good company, spotting queer little scenes, names, people from the top of a bus, for they used to explore London and bring back bags full of treasures from the Caledonian market[158]» [Woolf 1925]. Вулф подолгу гуляла вдоль Темзы и путешествовала из респектабельной

[158] Caledonian Market – шотландский рынок (*Caledonian* – поэт., ист. «шотландский», «каледонский»). На него любила ходить сама В. Вулф. Рынок в то время располагался рядом с Каледониан-роуд (*Caledonian Road*) в районе Излингтон (*Islington*). Сейчас он находится в портовом районе Бэрмонсди (*Bermonsdey*). 21 февраля 1937 г. она сделала такую запись в своем дневнике: «A quiet day for a wonder – no one seen yesterday: so I went to the Caledonian market, couldn’t find the spoon shop: bought yellow gloves 3/- and stockings 1/- and so went home» [Woolf 2003: 266].

западной части Лондона в бедную восточную – от своего дома в Блумсбери (*Bloomsbury*) до Лондонского Тауэра. Подобно Мартину Парджитеру из романа «Годы», она останавливалась на полпути, чтобы полюбоваться собором св. Павла: «He crossed over and stood with his back against a shop window looking up at the great dome. All the weights in his body seemed to shift. He had a curious sense of something moving in his body in harmony with the building; it righted itself: it came to a full stop. It was exciting – this change of proportion» [Woolf 1937].

Итак, Вирджиния Вулф ходила по Лондону без устали и часто встречалась со своими друзьями и знакомыми вне дома – как будто бы весь Лондон был ее гостиной! В Гордон-сквер-гарден (*Gordon Square Garden*) она обменивалась новостями и слухами с Джоном Мейнардом Кейнсом[159], в Грин-парке (*GreenPark*) – с Клайвом Беллом[160], а в Кью-гарденс[161] (*KewGardens*) – с Олдосом Хаксли. «Для меня большая радость, – запишет Вулф в своем дневнике 26 мая 1924 г., – без церемоний, накоротке встречаться с людьми. Я могу забегать, и убегать, и освежать застоявшиеся мозги» [Вулф 2009: 97].

Персонажи из романов Вулф местом для разговора и размышлений тоже часто выбирают прекрасные зеленые парки и скверы Лондона. В «Комнате Джейкоба» главный герой после возвращения из Греции беседует со своим другом Бонами в Гайд-парке (*HydePark*); в «МиссисДэллоуэй» Летиция и Уоррен Септимус Смит сидят на скамейке в Риджентс-парке (*Regent's Park*) – там же, где на скамейке засыпает Питер Уолш, а Кларисса предается воспоминаниям в Сент-Джеймс-парке (*St. James's Park*).

Вирджинию Вулф воодушевляли блеск витрин и толкотня на Оксфорд-стрит (*Oxford Street*), равно как и сосуществование рынка и элитарной

---

[159] Джон Мейнард Кейнс (1883-1946) – английский экономист, автор теории государственного регулирования экономики; участник кружка «Блумсбери» (Биографические ссылки даются по: [Todd 1999]).

[160] Клайв Белл (1881-1964) – искусствовед, писатель и литературный критик; муж сестры В. Вулф Ванессы.

[161] Кью-гарденс – королевский ботанический сад в западной части Лондона, основанный в 1759 г., где так любила гулять Вирджиния. В 1919 г. она написала рассказ «Кью-гарденс». 1 апреля 1935 г. она сделала в дневнике такую запись: «Вчера были в Кью, и если необходимы огородные справки, то отмечаю, что вчера вовсю цвели вишни, груши и магнолии. Великолепный белый цветок с черной чашечкой; еще один с розовыми пятнышками упал чуть ли не на наших глазах. Еще и еще. Желтые кусты и бледно-желтые нарциссы в траве. Так бы и идти до Ричмонда – долгой дорогой мимо прудов» [Вулф 2009: 276].

культуры в Ковент-гардене (*CoventGarden*), где она обедала в «Плюще»[162] и ходила на представления в Ройал-опера-хаус (*RoyalOpera House*). В романе «Годы» (*The Years*) есть эпизод, в котором Китти Лассуэйд в блестящем вечернем платье едет в оперу; любопытно, что место действия, Ковент-гарден, такое же, как и в начале пьесы «Пигмалион» Дж. Б. Шоу, а время и обстановка тоже практически совпадают[163]: «The car slowed down. <…> They looked uncomfortable and self-conscious as they dodged between costers' barrows, with their high piled hair and their evening cloaks; with their button-holes and their white waistcoats, in the glare of the afternoon sun. The ladies tripped uncomfortably on their high-heeled shoes; now and then they put their hands to their heads. The gentlemen kept close beside them as though protecting them. <…> Covent Garden porters, dingy little clerks in their ordinary working clothes, coarse-looking women in aprons stared in at her [Kitty Lasswade]. The air smelt strongly of oranges and bananas» [Woolf 1937]. Война и активная застройка Лондона привели к исчезновению продуктового рынка в Ковент-гардене. На его месте теперь располагается небольшой торговый пассаж. Однако в Ройал-опера-хаус все по-прежнему: русалки, украшающие ложи, и астрономические цены на билеты.

Несмотря на страстную любовь к родному городу, В. Вулф приходилось проводить много времени за его пределами. Леонард Вулф, муж Вирджинии, по совету врачей периодически вывозил ее за город, когда у нее случались душевные расстройства. В. Вулф, вероятнее всего, страдала т. н. биполярным психозом или маниакально-депрессивным расстройством, а лекарств от этой болезни к тому времени еще не изобрели. Врачи же считали, что депрессия и попытки самоубийства писательницы проистекали от «перевозбуждения» городской жизнью. Последние шесть месяцев своей жизни – после разрушения

---

[162] "The Ivy", престижный ресторан в Лондоне.

[163] Первое действие «Пигмалиона» открывается следующей сценой: «Covent Garden at 11.15 p.m. Torrents of heavy summer rain. Cab whistles blowing frantically in all directions. Pedestrians running for shelter into the market and under the portico of St. Paul's Church, where there are already several people, among them a lady and her daughter in evening dress. They are all peering out gloomily at the rain…» [Shaw 1912]. Пьеса была написана в 1912 г. и впервые поставлена в 1913 г. Ориентировочное время действия пьесы – конец нулевых и начало десятых годов. В романе Вулф «Годы» в главе «1910» Китти Лассуэйд едет в оперу «... [on] an English spring day, bright enough, but a purple cloud behind the hill might mean rain» [Woolf 1937]. Вечером она узнает о смерти Эдуарда VII, т.е. точное время действия – 6 мая 1910 г.

немецкими бомбами дома семьи Вулф в Лондоне – Вирджиния и Леонард провели в восточном Сассексе, где, измученная борьбой с приступами безумия и потрясенная разрушением Лондона, этого «сокровенного сокровища», писательница покончила с собой.

Действительно, в последние месяцы, предшествующие вступлению Великобритании в войну, месяцы полные тревоги, несбывшихся надежд и чувства вины за подписанное Мюнхенское соглашение, многие англичане задумывались о судьбе Лондона, великого города империи, города богатого прошлым и историей, воплощения английского духа и сокровищницы английской культуры. Второго февраля 1940 г., когда война уже началась, но бомбежек еще не было, Вулф записала в своем дневнике следующие слова, в которых ощущается неподдельное беспокойство, но которое писательница пока еще пытается прикрыть аристократической беззаботностью: «Удивительно, как часто я думаю – и полагаю, с любовью, – о Лондоне: о прогулках к Тауэру; это моя Англия; я хочу сказать, если бомба разрушит одну из тамошних маленьких улочек с медными карнизами, пахнущих рекой и с обязательной читающей старухой, я буду чувствовать – ну, что чувствуют патриоты» [Вулф 2009: 360]. 15 января 1941 г. она сделала в дневнике следующую запись, с ужасом описав разрушения Лондона, который, в ее представлении, был совершенством: «В понедельник мы были в Лондоне. Я отправилась на Лондонский мост. Смотрела на реку; туман; клубы дыма, возможно, где горели дома. В субботу случился еще один пожар. Потом я увидела стену-скалу, чудом державшуюся вертикально, у которой не была угла; целый угол был снесен; Банк; Монумент (колонна в память пожара 1666 года – *А.С.*) цел; пыталась подняться в автобус; у меня ничего не вышло; подошел второй автобус, и я поняла, что мне лучше идти пешком. С транспортом плохо; улицы пострадали от взрывов. Итак, подземкой до Темпла; а там между руинами я добралась до моих старых площадей: разрушены, опустошены, старые красные кирпичи и белая пыль, похоже на строительную

площадку. Серая грязь и выбитые стекла. Зеваки; совершенство уничтожено и разграблено» [Вулф 2009: 397-398].

Однако, к счастью исследователей творчества Вулф, тот Лондон, в котором она жила и который описала в своих романах, в основном сохранился после бомбежек Второй мировой войны и катастрофической реконструкции города, которая оказалась, согласно мнению подавляющего большинства, неудачной, и в результате нее многие районы Лондона приобрели серый безликий характер. По замечанию английского историка Э.Н. Уилсона, «разрушения, начатые Люфтваффе и с энтузиазмом продолженные двумя поколениями современных архитекторов, привели к тому, что облик довоенного Лондон безвозвратно ушел в прошлое, а старый Сити был, по сути, стерт с лица земли» [Wilson 2004: 11; перевод мой – *А.С.*].

Итак, в данном разделе будет продемонстрировано, как с помощью экскурсионного метода структурируется лондонский текст и как на основе лингвокультурологического изучения четырех лондонских маршрутов В. Вулф выделяется его индивидуально-авторская составляющая. Доскональное знание места, где создавалось литературное произведение, безусловно, играет далеко не последнюю роль в его понимании, и, наоборот, сквозь призму литературы полнее раскрывается само место. Так, хорошо известно, что М.Л. Лозинский, прежде чем приступать к переводу какого-либо литературного произведения, подробно изучал связанную с ним топографию. Целесообразность структурирования материала в форме лингвокультурологических прогулок основана на ряде предпосылок.

1. Экскурсионный метод в изучении города и городских текстов был предложен русским историком и краеведом И.М. Гревсом (1860-1941) и в дальнейшем развит культурологом и краеведом Н.П. Анциферовым (1889-1958). Экскурсии ценились Гревсом и как неотъемлемая составляющая образования человека, и в качестве «необходимого вида исторического семинария», поскольку благодаря им, согласно исследователю, открывается возможность «идти навстречу подлинным следам мировой культуры» [Гревс

1910: 24]. В работах Анциферова, писавшего о Петербурге, образ северной столицы формируется из образов отдельных районов, улиц, домов, садов и парков. Исследователь составлял очерки-экскурсии по определенным маршрутам (в т. ч. литературным), и читатели могли пользоваться этими очерками как путеводителями. Как вспоминает академик Д.С. Лихачев, Анциферов пропагандировал пешие прогулки и всегда представлял своих читателей гуляющими по описываемым им местам. Он выбирал обзорные точки и изучал открывающиеся перспективы с позиций прошлого и настоящего, будучи уверенным, что эти временные планы неразрывны [Лихачев 2001: 560]. Анциферов называл город «однимиз полнейших и сильнейших воплощений культуры», «одной из самых богатых разновидностей ее гнезд». В эту городскую культуру он призывал погрузиться, «лучшеее разгадать, слиться с нею теснее», а «хождениепо ее памятникам» он называл «специфически дорогим делом», когда «хочетсяособенно жгуче проникнуть в тайну того, что они говорят» [Анциферов 1991: 6].

2. Топонимы являются организационными центрами сюжетных событий литературного произведения и определяют его художественное единство в отношении к реальной действительности. В этом смысле уместно вспомнить термин М.М. Бахтина «хронотоп», который определяется им как «существенная взаимосвязь отношений временных и пространственных, которые художественно освоены в литературе» [Бахтин 1975: 234]. Хронотоп связан с элементами авторской тенденциозности в литературном произведении, с узнаваемостью в нем конкретного исторического времени и места, а также событий. По мнению Бахтина, образ человека в литературе всегда хронотопичен, а сама она, как и всякое искусство, «пронизана» хронотопическими ценностями [Op. cit.: 235].

3. Топонимы могут рассматриваться как прецедентные имена, т. е. имена, характеризующиеся массовой воспроизводимостью и влекущие за собой цепочки ассоциаций. Они отсылают читателя, в самом широком понимании, к сверхтексту культуры, в более узком смысле – к городскому (в нашем случае,

лондонскому) тексту, т. е. сверхтекстовому единству, включающему в себя семантические признаки всех текстов о данном городе, и, наконец, к корпусу текстов конкретного писателя. В последнем случае можно говорить о топонимах литературных произведений. Топонимы и вообще имена собственные довольно часто берут на себя роль интертекстуальных отсылок, что обеспечивается наличием у них большего количества признаков по сравнению с именами нарицательными. Топонимы обладают большим количеством потенциально актуализируемых признаков, необходимых для интертекстуальной отсылки.

В контексте творчества конкретного писателя топография Лондона обретает новое «наполнение»: топонимы приобретают новые созначения, т.е. ассоциативные ряды, которые могут ими эвоцироваться, расширяются, а лондонский текст, соответственно, приобретает новые признаки. С другой стороны, понимание произведений писателя как реализаций сверхтекста будет неполным без изучения их топографии. Необходимость этого объясняется тем, что топонимы являются организационными центрами основных сюжетных событий литературного произведения и определяют его художественное единство в отношении к реальной действительности [Cf.: Соснин 2014(б): 93].

4. Приращение смысла лондонских топонимов в литературе свидетельствует о принципиальной установке лондонского текста на отсылку, прецедент, на создание сложных композиций по типу коллажа и трактовку литературных персонажей наряду с реальными лицами. Как справедливо замечает А.Е. Бочкарев, к высказываниям литературного текста неприменимы правила «онтологической», «бытийной» истинности и ложности [Бочкарев 2003: 40]. Например, высказывание «Элизабет Дэллоуэй садится в автобус на Виктория-стрит и едет по Уайтхоллу и Стрэнду до Чансери-лэйн» ложно с точки зрения референции к реальной, «онтологической» действительности, поскольку таких людей никогда не существовало. Однако в «системе исчисления» творчества В. Вулф это высказывание истинно, поскольку оно характеризует реальное состояние, в котором пребывают персонажи в

семантическом универсуме писательницы. Вулф, безусловно, является каноническим автором, а ее тексты, соответственно, важными конституентами глобального контекста «английскости»и более узкой ее манифестации – лондонского текста. Исходя из этого вымышленные ею герои и их состояния так же приемлемы и «реальны» для лондонского текста, как и «бытийные» высказывания по типу «Мэйфер – район Лондона». Соответственно, мы можем с полным правом говорить о Лондоне В. Вулф как о составляющей лондонского текста, постигать британскую столицу сквозь призму ее творчества. Сама же Вулф в своем дневнике упоминает, как, после того как она перечитала «Молль Флендерс», Лондон Дефо стал для нее вполне реальным: «I saw London, in particular the view of white city churches and palaces from Hungerford Bridge through the eyes of Defoe. I saw the old women selling matches through his eyes; and the draggled girl skirting round the pavement of St. James's Square seemed to me out of "Roxana" or "Moll Flanders"» [Woolf 2003: 11]. Потом она оговаривается, что, для того чтобы произвести такое впечатление, нужно быть великим писателем. Это замечание важно для нас в том смысле, что состояния лондонского текста формируются значимыми, каноническими литераторами.

5. Концептуализация действительности в художественном произведении всегда несет на себе отпечаток личности автора, который фигурирует в нем как выразитель определенных эстетических принципов, а реальные факты, пусть и отраженные в тексте, являются всякий раз художественно обработанными. Лондон в литературных произведениях – это во многом условность, это эстетический объект, который является, по словам М.М. Бахтина, «своего рода осуществленным событием деятельности и взаимодействия творца и содержания» [Бахтин 1975(а): 71]. Отношение формы к содержанию носит в художественном произведении персональный характер, а всякое литературное направление характеризуется своим отношением к системе выразительных средств, а каждый автор – своим отношением к данной системе. В этой связи приведем определение автора В.В. Виноградовым – как «индивидуальной

словесно-речевой структуры, которой «пронизан» строй художественного произведения и которой определяется взаимосвязь и взаимодействие всех элементов, в него входящих [Виноградов 2005: 151-152]. При моделировании сверхтекстовых структур и идентификации их реализаций индивидуально-авторское использование языка является лингвистической проблемой, поскольку идиолект может изменяться от произведения к произведению, а тексты одного и того же автора не быть однородными [Cf.: Растье 2001: 271].

6. При анализе признаков лондонского текста, идентифицируемых на основе анализа приводимых цитат, необходимо учитывать литературно-историческую специфику произведения. Хотя нами и постулируется преемственность признаков, метафор, фреймов и сценариев, реализовывавшихся представителями англоязычного социума на протяжении новоанглийского периода, очевидно, что, например, мотив лондонской тоски и отчужденности в романтизме по ряду аксиологических и социальных установок отличается от того же мотива в другие периоды. С другой стороны, мы говорим о сверхтексте, существующем на современном историческом отрезке, и, возможно, эти различия несколько сглаживаются в силу исторического дистанцирования, поскольку смысл текста выводится все же на основе ценностных установок, являющихся актуальными. В любом случае, как справедливо замечает А.Е. Бочкарев, «разные читатели приходят к разным результатам по причине различия энциклопедических знаний» [Бочкарев 2003: 158]; это вопрос, относящийся к их интерпретирующей компетенции.

Прогулка первая. Кенсингтон SW7 (Станция метро «Хай-Стрит Кенсингтон»)

Племянник В. Вулф и ее биограф Квентин Бэлл относит ее семью к низшей ступени верхушки среднего класса. Среди предков В. Вулф были юристы, государственные служащие, писатели и легендарные викторианские красавицы, которые вдохновляли художников и весьма выгодно выходили замуж. Отец Вирджинии сэр лесли Стивен, влиятельный литературный критик конца XIX в., принадлежал к «интеллектуальной аристократии», многие

представители которой выбрали своим местом жительства Кенсингтон. Этот район является частью одного из 32 районов Большого Лондона, имеющих некоторые права самоуправления (*boroughof Kensington and Chelsea*). Кенсингтон непосредственно связан с английской монархией. В XVII в. для короля Уильяма III и королевы Мэри II был построен Кенсингтонский дворец. В этом дворце родилась принцесса Кентская Виктория, будущая королева; в нем же однажды в 1837 г. ее разбудили, чтобы объявить, что она унаследовала престол. Впоследствии королева Виктория даровала Кенсингтону статус «королевского района» (*royal borough*). Жить в Кенсингтоне (особеннов его южной части) считается престижным, а недвижимость там стоит очень дорого. Кенсингтон известен своими музеями: среди них нельзя не упомянуть музеи науки и естественной истории, а также музей Виктории и Альберта (во времена В. Вулф известный как музей южного Кенсингтона) [Weinreb 2008: 449].

Если идти от станции метро по Кенсингтон-хай-стрит (*Kensington High Street*) направо, то она перейдет в Кенсингтон-роуд (*Kensington Road*) у южной границы Кенсингтон-гарденс (*Kensington Gardens*), одного из пяти королевских парков. Этот парк сыграл такую же большую роль в детстве и творчестве В. Вулф, что и Елисейские сады в произведениях М. Пруста. От Кенсингтон-роуд ответвляется несколько тупиковых улочек. Если повернуть направо на Гайд-парк-гейт (*Hyde Park Gate*), то на мемориальных досках на домах можно прочитать, что здесь когда-то жили английская романистка и драматург Инид Бэгнольд (*Enid Bagnold*), основатель организации бойскаутов Роберт Баден-Пауэлл (*Robert Baden-Powell*) и – в доме № 22 – сэр Лесли Стивен. Однако нет упоминания о том, что 25 января 1882 в этом доме у Лесли и Джулии Стивен родилась дочь Вирджиния – «in that very tall house on the left hand side near the bottom which begins by being stucco and ends by being red brick... so rickety that it seems as if a very high wind would topple it over» [Woolf 1976(a): 65]. Она прожила в этом доме до 22 лет – все свое счастливое викторианское детство и юность, омраченную смертью матери и сложными отношениями со старшим братом.

На основе воспоминаний В. Вулф, собранных в книге «Моменты бытия» (*Moments of Being*), которая была издана в 1976 г., спустя много времени после смерти писательницы, представляется возможным восстановить, что происходило в те годы в доме № 22 по Гайд-парк-гейт, и провести аналогии со сценами в главе «1880» из романа «Годы».

В доме Стивенов было много комнат – для родителей, восьми детей и многочисленной прислуги. Интерьер комнат был по-викториански мрачным: газовое освещение, дубовые панели и тяжелые бордовые портьеры[164]. Как вспоминает Вулф в эссе «Очерк прошлого» из «Моментов бытия», ее отцу в гостиной на первом этаже в пять вечера подавали чай: «At 5 P.M. father must be given his tea» [Op.cit.: 84]. В романе «Годы» чаепитие семьи Парджитеров, возглавляемое отцом, полковником Парджитером[165], описывается следующим образом: «He drank up his tea. Some drops fell on his little pointed beard. He took out his large silk handkerchief and wiped his chin impatiently. Eleanor, sitting on her low chair, saw a curious look first on Milly's face, then on Delia's. She had an impression of hostility between them. But they said nothing. They went on eating and drinking until the Colonel took up his cup, saw there was nothing in it, and put it down firmly with a little chink. <...> Somewhere there's beauty, Delia thought, somewhere there's freedom…» [Woolf, 1937]. Семья собиралась за круглым столом. «There were many plates and cups as if other people were coming; but at the moment they were alone. The room was full of furniture. Opposite them stood a Dutch cabinet with blue china on the shelves; the sun of the April evening made a bright stain here and there on the glass. <…> They ate in silence. The sun, judging from the changing lights on the glass of the Dutch cabinet, seemed to be going in and out. Sometimes a bowl shone deep blue; then became livid. Lights rested furtively upon the furniture in the other room. Here was a pattern; here was a bald patch.

---

[164] 22 апреля 1908 г. в письме Литтону Стрэчи Вирджиния Стивен заметила: «Если бы вы знали, в каких обстоятельствах я пишу это письмо, вы бы наверняка назвали меня моралисткой. У меня есть гостиная, которая на самом деле столовая, а в ней стоит буфет с графинчиком и серебряной коробкой с бисквитами. Я пишу за обеденным столом, отвернув с уголка скатерть и отодвинув серебряные горшочки с цветами. Так мог бы начинаться роман мистера Голсуорси» [Вулф 2009: 405].

[165] Между сэром Лесли Стивеном и полковником Эйбелом Парджитером существуют некоторые аналогии: оба отличались некоторым деспотизмом в семейном кругу.

Somewhere there's beauty, Delia thought, somewhere there's freedom…» [Ibid.]. О недовольстве в семье Парджитеров также свидетельствует всеобщее раздражение по поводу старого чайника, который никак не закипит.

Непослушная маленькая Роза Парджитер тайком выбирается из детской, расположенной на втором этаже и, несмотря на запрет ходить одной, направляется в магазин миссис Лэмли. В доме Стивенов детскую переделали в комнату для занятий Вирджинии, когда она подросла. Там за столом с наклонной крышкой она зубрила греческий и делала первые пробы пера.

На следующем этаже располагался уставленный книгами кабинет отца Вирджинии. Из его окон открывался прекрасный вид на Кенсингтон. Еще выше были тесные спальни для слуг. Бóльшую часть дня они проводили в полуподвале дома, где располагалась кухня и комната для прислуги. В сцене из главы «1913» романа «Годы», навеянной продажей дома детьми Лесли Стивена и осознанием В. Вулф социальных несправедливостей викторианской эпохи, Элинор Парджитер, которая собирается продавать дом, устыдится перед агентом по недвижимости мистером Грайсом тех условий, в которых у них жила прислуга: «"I should think you'd be glad to be out of that basement anyhow, Crosby," said Eleanor, turning into the hall again. She had never realised how dark, how low it was, until, looking at it with "our Mr Grice," she had felt ashamed» [Ibid.].

В доме Стивенов была одна ванная и три туалета, не отличавшихся особыми удобствами, что, впрочем, было типично для викторианцев. В романе «Годы» агент по недвижимости указывает Элинор на такие же недостатки продаваемого ей дома: «Mr. Grice turned to her as they went downstairs. "The fact is, our clients expect more lavatory accommodation nowadays," he said, stopping outside a bedroom door» [Ibid.].

Два раза в день Виктория с братьями и сестрами ходила гулять в Кенсингтон-гарденс – свое излюбленное место для игр[166]. У них было два

[166] Ср. описание прогулки Мартина и Сары Парджитер в Кенсингтон-Гарденс («Годы», глава «1914»): «They walked on arm in arm in silence, down the long avenue with the Palace and the phantom church at the end of its vista.

основных маршрута. Ближайший вход в парк, Куинс-гейт (*Queen's Gate*), находится по другую сторону улицы, от которой отходит Гайд-парк-гейт. Если после входа в парк мы повернем направо, то вскоре окажемся у Альберт-мемориала (*the Albert Memorial*), величественного памятника, воздвигнутого королевой Викторией в память о своем муже. От Альберт-мемориала пройдем на широкую аллею Роттен-роу (*RottenRow*), вымощенную гравием, – там до сих пор гарцуют всадники, как в главе «1914» романа «Годы»: «The procession through the gates[167] into the park was beginning. Everyone looked festive. <...> Even the little dressmakers' apprentices with band-boxes looked as if they were taking part in some ceremonial. Green chairs were drawn up at the edge of the Row. They were full of people looking about them as if they had taken seats at a play. Riders cantered to the end of the Row; pulled up their horses; turned and cantered the other way. The wind, coming from the west, moved white clouds grained with gold across the sky. The windows of Park Lane shone with blue and gold reflections» [Ibid.].

Другой расположенный рядом с Гайд-парк-гейт вход в парк – это Пэлас-гейт (*PalaceGate*) на Глостер-роуд (*GloucesterRoad*). Оттуда круто повернем направо на Флауэр-уок (*theFlower Walk*), посыпанную ракушками аллею, о которой В. Вулф пишет в «Очерке прошлого»: «...one of the pleasures of scrunching the shells with which now and then the Flower walk was strewn. They had little ribs on them like the shells on the beach» [Woolf 1976(a): 76]. Век спустя ракушки все еще хрустят под ногами.

Вернемся назад к входу в парк и пойдем вверх по аллее Брод-уок (*the Broad Walk*), откуда открывается прекрасная панорама парка. Слева будет Кенсингтонский дворец, а справа – Круглый пруд (*the Round Pond)*. Как Мартин Парджитер в главе «1914» романа «Годы», предадимся созерцанию ландшафта: «It was admirably composed. There was the white figure of Queen Victoria against a green bank; beyond, was the red brick of the old palace; the

---

The size of the human figure seemed to have shrunk. Instead of full-grown people, children were now in the majority» [Woolf 1937].

[167] Имеется в виду вход в парк у Гайд-парк-корнер, с другого конца Роттен-роу (со стороны Парк-лейн).

phantom church[168] raised its spire, and the Round Pond made a pool of blue. A race of yachts was going forward. The boats leant on their sides so that the sails touched the water. There was a nice little breeze» [Woolf 1937]. В наши дни дети по-прежнему пускают кораблики в пруду, а зимой катаются по нему на коньках. За прудом находится Серпантин (*theSerpentine*) – водоем, проходящий по парку диагональю. В той же главе Мартин едет через Серпантин на большой прием на Гроувнер-сквер (*Grosvenor Square*) в Мейфере (*Mayfair*): «Now he was crossing the bridge over the Serpentine. The water glowed with sunset light; twisted poles of lamp light lay on the water, and there, at the end the white bridge composed the scene. The cab entered the shadow of the trees, and joined the long line of cabs that was streaming toward the Marble Arch. People in evening dress were going to plays and parties. The light became yellower and yellower. The road was beaten to a metallic silver. Everything looked festive» [Ibid.].

После смерти родителей вымышленные Парджитеры переехали из Кенсингтона в другие районы Лондона, соответствующие занятому ими социальному положению. Мартин – в модный Челси, его кузина Китти, которая вышла замуж за лорда, – в Мейфер, а его племянница Мэгги со своим мужем французом – в Вестминстер, на одну из мрачных улочек под сенью Аббатства. Сара, «потерянная душа», находит себе пристанище в трущобах на берегу Темзы, а Делия, которая выходит замуж за ирландского землевладельца, уезжает в Ирландию и всегда, когда возвращается в Лондон, устраивает семейные вечера в своем доме, который наполовину сдан под различные конторы. Этот дом похож на дом № 52 по Тэвисток-сквер (*Tavistock Square*) в Блумсбери, в который Вирджиния и Леонард Вулф переехали с издательством Хогарт-Пресс (*Hogarth Press*) 9 января 1924 г.

В 1904 году после смерти Лесли Стивена его дети уехали из Кенсингтона навсегда. 23 октября 1918 г. В. Вулф напишет в своем дневнике: «... the gulf which we crossed between Kensington & Bloomsbury was the gulf between respectable mummified humbug and life cruder and impertinent perhaps, but living»

---

[168] Скорее всего, это церковь аббатства Св. Марии.

[Woolf 1979(a): 206][169]. Действительно, хотя будущие участники кружка «Блумсбери» и выросли в викторианских семьях, принадлежащих к высшей ступени среднего класса, против родительской респектабельности они подняли что-то вроде мятежа, отстаивая идеи «современного» искусства (из которого развился модернизм) и артистического отношения к жизни. Настольной книгой для блумсберийцев стали вышедшие в 1919 г. «Знаменитые викторианцы» (*Eminent Victorians*) Литтона Стрэчи[170] – «глумливая история викторианской морали и респектабельности. То был великий водораздел: после выхода этой книги оставалось признать, что викторианская эпоха подошла к концу» [Брэдбери 2002: 259].

Прогулка вторая. Блумсбери WC1 (Станцияметро «Тоттнем-Корт-Роуд»)

Спустя более чем 70 лет после смерти В. Вулф район Блумсбери очень коммерциализовался за счет ее имени. Потребительский спрос на мемуары, биографии, критические эссе, критические очерки, театральные постановки и художественные фильмы не иссякает. Имя В. Вулф везде: на футболках, канцелярских товарах и в названии кафе «Virginia Woolf's Bar & Bistro» на Рассел-сквер (*Russell Square*) – оно стало брэндом на массовом рынке.

Посмотрим на карту Лондона. На севере Блумсбери ограничен Юстон-роуд (*EustonRoad*), на юге – Нью-оксфорд-стрит (*NewOxford Street*), на западе – Тоттнем-корт-роуд (*Tottenham Court Road*), и на востоке – Грейс-инн-роуд (*Gray'sInn Road*). В то время, когда молодые Ванесса, Вирджиния, Тоби и Адриан переехали в Блумсбери, этот район считался слишком богемным и совсем не респектабельным по сравнению с Кенсингтоном.

Блумсбери представляет собой маленькую, но очень важную нишу в истории английской культуры. В этой части Лондона сформировалось сообщество интеллектуалов и творческих людей, роль которого в Великобритании вплоть до 40-х гг. XX в. сравнима с ролью интеллигенции на Континенте. Оно получило название кружок «Блумсбери» (*the Bloomsbury*

[169] Ср. в «Старом Блумсбери»: «Bloomsbury is ever so much more interesting than Kensington» [Woolf 1976(b): 163].

[170] Литтон Стрэчи (1880-1932) – английский писатель и литературный критик, один из основателей кружка «Блумсбери».

Group). На встречах выпускников Кембриджа (Э.М. Форстер, Дж.М. Кейнс, Л. Стрэчи, К. Белл, Р. Фрай и др.) в доме на Гордон-Сквер (*Gordon Square*), которые проходили по вечерам в четверг в 1905-е гг. за кофе, булочками и виски, постоянно рождались новые идеи и теории. Исследователь творчества Вулф Е.Ю. Гениева, в частности, упоминает о том, что «новичку,впервые попавшему на вечеринку в Блумсбери, могло сделаться не по себе. Молодому Д.Г. Лоуренсу в какой-то момент показалось, что он сходит с ума от нескончаемых бесед, за которыми коротали время завсегдатаи Блумсбери, отточившие свои умы и языки в ежевечерних словесных баталиях» [Гениева 2004: 5-6]. Впоследствии в автобиографическом очерке «Старый Блумсбери» (*Old Bloomsbury*), включенном в «Моменты бытия», В. Вулф напишет, как трудно было запомнить и записать хотя бы что-то из них: «Talk – even talk of this interest and importance is as elusive as smoke. It flies up the chimney and is gone» [Woolf 1976(b): 165].

Дух того Блумсбери, запечатленный В. Вулф в автобиографическом очерке «Старый Блумсбери», который она впервые прочитала своим друзьям в 1922 г., все еще можно почувствовать, пройдя по улицам района.

От станции метро «Тоттнем-корт-роуд» поднимемся по Нью-Оксфорд-стрит до Блумсбери-стрит – центральной улицы целого маленького мира, в котором расположены Лондонский университет, Королевская академия драматического искусства, Британский музей, а также целый набор магазинов, картинных галерей, книжных лавок, ресторанов и пабов. Как писала В. Вулф во второй главе эссе «Своя комната» (*A Room of One's Own*), «...the streets in the neighborhood of the Museum were full of open coal-holes, down which sacks were showering; four-wheeled cabs were drawing up and depositing on the pavement corded boxes containing, presumably, the entire wardrobe of some Swiss or Italian family seeking fortune or refuge or some other desirable commodity which is to be found in the boarding-houses of Bloomsbury in the winter. The usual hoarse-voiced men paraded the streets with plants on barrows. Some shouted; others sang. London was like a workshop...» [Woolf 1929].

Пройдем два квартала вверх по Блумсбери-стрит и свернем на Грейт-Рассел-стрит (*Great Russell Street*). В поле зрения сразу попадают ворота Британского музея, в котором находится одно из самых больших собраний древнего искусства, включая знаменитую коллекцию скульптурных изображений из Парфенона (*the Parthenon Marbles* или *the Elgin Marbles*), привезенную из Греции лордом Элгином (Элджином) в период с 1799 по 1803 г. и купленную у него английским правительством для музея в 1816 г. Раньше в здании музея также располагалась Британская библиотека, а ее знаменитый Круглый читальный зал был вторым домом любому исследователю. Как писала В. Вулф в «Своей комнате», «There one stood under the vast dome, as if one were a thought in the huge bald forehead which is so splendidly encircled by a band of famous names» [Woolf 1929]. В романе «Комната Джейкоба» (*Jacob's Room*) находим: «Not so very long ago the workmen had gilt the final "y" in Lord Macaulay's name, and the names stretched in unbroken file round the dome of the British Museum. At a considerable depth beneath, many hundreds of the living sat at the spokes of a cart-wheel copying from printed books into manuscript books; now and then rising to consult the catalogue; regaining their places stealthily, while from time to time a silent man replenished their compartments» [Woolf 1920]. Под покрашенным голубой краской куполом с золотыми буквами в разное время работали работали К. Маркс, М. Ганди, У. Б. Йейтс, Б. Рассел и сама В. Вулф. В этой святая святых Джейкоб Фландерс сверяет издания драматурга елизаветинской эпохи Кристофера Марло: «But what brought Jacob Flanders to read Marlowe in the British Museum? Youth, youth – something savage – something pedantic. For example, there is Mr. Masefield, there is Mr. Bennett. Stuff them into the flame of Marlowe and burn them to cinders. Let not a shred remain[171]. Don't palter with the second rate. Detest your own age. Build a better one. And to set that on foot read incredibly dull essays upon Marlowe to your friends. For which purpose one most collate editions in the British Museum. One must do the thing oneself.

[171] Джон Мейсфилд (1878-1967), Арнольд Беннет (1867-1931) – английские писатели-реалисты. В. Вулф, как известно, не принимала принципов реализма.

Useless to trust to the Victorians, who disembowel, or to the living, who are mere publicists» [Ibid.].

У английского поэта Луиса Макниса (1907-1963) есть целое стихотворение, посвященное читальному залу в Британском музее и его посетителям (*The British Museum Reading Room*, 1939): «Under the hive-like dome the stooping haunted readers / Go up and down the alleys, tap the cells of knowledge / <…> / Some on commission, some for the love of learning,/ Some because they have nothing better to do / Or because they hope these walls of books will deaden / The drumming of the demon in their ears / Cranks, hacks, poverty-stricken scholars, / <…> / Cherishing their hobby or their doom / <…> / Folded up in themselves in a world which is safe and silent: / This is the British Museum Reading Room» [MacNeice 1939: 560].

После того как в 1997 г. библиотека переехала на новое место на границе Блумсбери, Круглый читальный зал стал использоваться как центр посетителей.

Покинув музей через задний выход на Монтегю-плейс (*MontaguPlace*), сразу повернем налево, перейдем Гауэр-стрит (*GowerStreet*) и остановимся у дома № 44 на Бедфорд-сквер (*Bedford Square*), где леди Оттолайн Моррелл (*OttolineMorrell*) держала литературный и художественный салон (натабличке о ней написано «LiteraryHostess and Patron of the Arts»). Она регулярно принимала у себя членов кружка «Блумсбери»и покровительствовала многим из них; среди ее близких друзей были Огастес Джон[172], Бертран Рассел и Роджер Фрай[173]. По воспоминаниям В. Вулф в «Старом Блумсбери», дом на Бедфорд-сквер был всегда полон блеска и иллюзий – «full of lustre and illusion» [Woolf 1976(b): 163].

По другую сторону Монтегю-плейс находится Рассел-сквер (*Russell Square*). В дальнем конце этой площади в гостинице «Отель-Рассел», построенной в стиле викторианской готики, есть паб под названием

---

[172] Огастес Эдвин Джон (1878-1961) – английский живописец, портретист.

[173] Роджер Фрай (1866-1934) – английский искусствовед и художник, одна из ключевых фигур в кружке «Блумсбери».

«Вирджиния Вулф». От Рассел-сквер пойдем по Бедфорд-уэй (*Bedford Way*), а затем повернем налево в сторону Торрингтон-плэйс (*TorringtonPlace*). Так мы окажемся на Гордон-сквер, где в доме № 46 сформировался кружок «Блумсбери». Тоби Стивен начал проводить здесь знаменитые вечера по четвергам, гостями на которых были Литтон Стрэчи, Дезмонд МакКарти[174], Сэксон Сидни-Тернер[175] и Клайв Бэлл. Позже к кружку присоединились Джон Мейнард Кейнс, Дункан Грант[176] и Роджер Фрай. В этом же доме сестра Вирджинии Ванесса, увлекавшаяся живописью, организовала «Клуб по пятницам» (*Friday Club*), на «заседаниях» которого обсуждалось все новое в искусстве. В «Старом Блумсбери» В. Вулф вспоминает: «We were full of experiments and reforms. We were going to do without table napkins... we were going to paint; to write; to have coffee after dinner instead of tea at nine o'clock. Everything was going to be new; everything was going to be different. Everything was on trial» [Woolf 1976(b): 163].

В 1906 г. Тоби Стивен умер от брюшного тифа. На следующий год Ванесса вышла замуж за Клайва Бэлла, и к ним перешли права аренды на дом № 46 по Гордон-сквер. Через некоторое время вместе с ними стал жить Дж.М. Кейнс.

В 1930-е гг. Дж.М. Кейнс со своей женой Лидией Васильевной Лопуховой, русской балериной, сняли дом № 47 по Гордон-сквер и соединили второй этаж с домом № 46, благодаря чему встречи кружка «Блумсбери» стали происходить в более просторной обстановке.

До замужества с Дж.М. Кейнсом Л. Лопухова снимала комнаты в доме № 41, в котором жили Литтон Стрэчи, его возлюбленная художница Дора Каррингтон и ее муж Ральф Партридж.

Клайв и Ванесса Бэлл несколько раз снимали дом № 50 по Гордон-сквер. Одно время в нем также жили Адриан Стивен со своей женой Карин

---

[174] Дезмонд МакКарти (1877-1952) – искусствовед, литературный критик; в Кембридже был близким другом философа Дж. Э. Мура, чья работа «Principia Ethica» оказала значительное влияние на эстетические взгляды блумсберийцев.

[175] Сэксон Сидни-Тернер (1880-1962) – выпускник Кембриджа, одна из ключевых фигур в кружке Блумсбери.

[176] Дункан Джемс Грант (1885-1978) – английский художник и декоратор.

Костеллоу, оба по профессии психиатры. В доме же № 51 некоторое время жил Литтон Стрэчи.

В садике на Гордон-сквер можно спокойно посидеть и окунуться в атмосферу старого Блумсбери: время в нем течет незаметно. «I sat in Gordon Square yesterday for an hour and a half talking to Maynard», – запишет В. Вулф в своем дневнике в мае 1921 г. [Woolf 1979(b): 89] Они обсуждали проблему общественного признания и того, почему все его так жаждут. Они также пытались выяснить, зачем Кейнсу позерство на вершине успеха.

Покидая Гордон-сквер, повернем налево на улицу Торрингтон-плейс, которая выведет нас на Тэвисток-сквер. На месте дома № 52, в который в начале 1924 г. из Ричмонда переехали Вирджиния и Леонард Вулф с издательством «Хогарт-пресс» и в котором они жили до 1939 г., теперь стоит гостиница «Тэвисток-отель». Дом был разрушен во время бомбежек в 1940 г. [177]

Блумсбери в те годы был уже не просто районом, а состоянием ума. Для В. Вулф он был еще синонимом культуры. Она писала: «Весь Лондон – Лондон, который жемчужина короны, сокровенное сокровище, кладовая шуток, музыки, бесед, дружбы, чего-то невыразимого, Лондон с его пейзажами, издательствами – все это теперь у меня под боком, впервые с августа 1913 года» [Cit.ex: Брэдбери 2002:262].

К юго-востоку от Тэвисток-сквер расположены две другие площади, с которыми связана биография В. Вулф. Это Бранзик-сквер (*Brunswick Square*), где она жила в 1911-1912 гг. с Кейнсом, Грантом и Леонардом Вулфом до замужества, и Мекленбург-сквер (*Mecklenburgh Square*), последнее место жительства семьи Вулф в Лондоне. Однако с того времени обе площади были сильно перестроены.

---

[177] 20 октября 1940 г. Вулф сделала в дневнике следующую запись: «Со вздохом облегчения посмотрела на груду развалин. Итак, не стало трех домов. Наш дом разрушен до основания. Единственная реликвия – старое плетеное кресло (купленное еще на Фицрой-сквер) и дощечка с каллиграфической надписью: «Сдается». Кирпичи, доски. <…> Я вижу кусок стены моей студии; камни, за которыми я написала так много книг. Пустота там, где люди просиживали ночами, устраивали вечера. <…> Теперь на Мекленбург-сквер [Там в дом Вулфов № 37 тоже попала бомба]. Снова мусор, стекло, черный пушистый пепел, пыль от штукатурки» [Вулф 2009: 392].

Вернемся на Гордон-сквер и, обогнув Университетский колледж справа, выйдем на Гауэр-стрит (*Gower Street*), которая является продолжением Блумсбери-стрит. Дойдя до пересечения Гауэр-стрит с Грэфтон-уэй (*Grafton Way*), повернем направо, пересечем Тоттнэм-корт-роуд (*Tottenham Court Road*) и пройдем до Фицрой-сквер (*Fitzroy Square*).

В истории кружка Блумсбери площадь Фицрой-сквер по важности уступает только Гордон-сквер. Фицрой-сквер представляет собой круг в квадрате: так она была задумана Робертом Адамом. Однако дома постройки XVIII века на площади сильно обветшали, к тому времени как в 1907 г. Вирджиния и Адриан сняли на ней дом № 29, оставив дом на Гордон-сквер Ванессе и Клайву Бэллу. На табличке на № 29 можно прочитать, что с 1887 по 1898 г. в нем жил Б. Шоу со своей матерью.

На новом месте В. Вулф возобновила вечера по четвергам. Число их участников возросло. В частности, к кружку Блумсбери присоединился писатель и критик Эдвард Морган Форстер. В доме № 29 В. Вулф начала писать свой первый роман «Путешествиевовне» (*The Voyage Out*, 1915). С 1908 по 1911 г. в этом доме снимал комнаты Дж.М. Кейнс.

В 1913 г. в доме № 33 по Фицрой-сквер Р. Фрай основал студию декоративного искусства «Омега» (*Omega Workshops*). Позиция этого объединения изложена Фрайем в предисловии к каталогу созданных в студии произведений: «Художник – это человек, который творит не только в силу необходимости, но и ко всеобщей радости, и в будущем люди не смогут быть до конца счастливыми, не разделив эту радость, которая им передается от обладания произведениями искусства, какими бы простыми и незначительными они ни были» [Cit.ex: Shone 1999: vi] (перевод мой – *А.С.*). Самыми активными участниками были Дункан Грант и Ванесса Бэлл, которая, кроме всего прочего, разработала интерьер студии, специально задуманного так, чтобы вызывались положительные эстетические эмоции.

Есть два варианта того, как можно завершить эту прогулку. Если от Фицрой-сквер пойти по улице Фицрой-стрит на север, а затем свернуть налево

на Юстон-роуд, то она выведет нас к Риджентс-парку (находящемусяза пределами Блумсбери), где так любила гулять В. Вулф[178] и описаниям которого уделено значительное место в романе «Миссис Дэллоуэй»: «He [Septimus Smith] saw Regent's Park before him. Long streamers of sunlight fawned at his feet. The trees waved, brandished. We welcome, the world seemed to say; we accept; we create. Beauty, the world seemed to say. <…> To watch a leaf quivering in the rush of air was an exquisite joy. <…> Beauty was everywhere» [Woolf 1925].

Однако более логичным завершением прогулки по Блумсбери будет пойти по Юстон-роуд не налево, а направо, чтобы выйти к новому комплексу Британской библиотеки, который граничит с вокзалом Сэйнт-Пэнкрэс (*St Pancras Railway Station*), возведенным в стиле викторианской готики. Библиотека строилась 36 лет и представляет собой яркий образец постмодернистской эстетики. Своими достаточно низкими зданиями комплекс напоминает Запретный город в Пекине, а бронзовая скульптура Исаака Ньютона на центральном дворе отлита в броской, пластичной, ультрасовременной форме (тем не менее, ее автор, шотландский скульптор Эдуардо Паолоцци (1924-2005), взял за основу раскрашенный эстамп У. Блейка 1795 года).

В находящемся в библиотеке Национальном звуковом архиве можно послушать записи великих литераторов, которые читают свои произведения. У.Б. Йейтс декламирует «Озерный остров Иннисфри», «Кул-Парк» и «Бэллили», Дж. Джойс своим приятным тенором с раскатистыми «р»читает «Эола» из «Улисса»и часть «Поминок по Финнегану», а В. Вулф безучастным голосом[179] читает для Би-би-си[180] эссе «Мастерство» (*Craftsmanship*, написано в 1937 г.) из серии «Слова меня подводят» (*Words Fail Me*) о мастерстве писателя, точнее, об искусстве и особенностях употребления слов.

---

[178] 13 июля 1932 г. в своем дневнике она записала: «I'm ruminating, as usual, how to improve my lot; and shall begin by walking, alone, in Regent's Park this afternoon» [Woolf 2003: 177].

[179] Племенник В. Вулф Квентин Бэлл пишет в ее биографии: «... запись настолько плоха, что не представляет никакой ценности для будущих поколений. Голос Вирджинии лишен глубины и резонанса, записан он слишком быстро, звучит плоско, и узнать его можно с трудом. На самом же деле у нее был очень красивый голос – правда, не такой красивый, как у Ванессы, – и очень жаль, что он не был увековечен в лучшем качестве » [Bell 1972: 193] (перевод мой – *А.С.*).

[180] Передача вышла 29 апреля 1937 г.

Наушники для прослушивания записей Дж. Джойса и В. Вулф специально расположены рядом: два великих писателя-модерниста были своего рода антагонистами. Отдавая должное в своих статьях новому искусству Джойса, Вирджиния и Леонард Вулф не издавали его произведений в «Хогарт-Пресс». По их мнению, «Улисс» был слишком откровенен, слишком дерзок, слишком обличителен, а потому и малопристоен. Хотя В. Вулф и ратовала за новую форму и новое содержание, она не забывала некоторые вполне традиционные ограничения и не упускала из виду нравственный аспект искусства. Невозможно не вспомнить то презрение, с которым В. Вулф встретила публикацию «Улисса». В своем дневнике 16 августа 1922 г. она охарактеризовала роман следующим образом: «... была удивлена, вдохновлена, очарована, заинтересована первыми двумя-тремя главами <…>, а потом удивлена, утомлена, раздражена и разочарована бесконечным подростковым расчесыванием прыщей. <…> Неграмотная грубая книга, <…> книга бедного самоучки, а мы все знаем, какие они печальные, какие эгоистичные, напористые, грубые, страшные и в высшей степени тошнотворные» [Вулф 2009: 80-81]. Казалось бы, пропасть между Блумсбери и северным Дублином будет непреодолимой, но в 1925 г. в эссе «Современная литература» (*Modern Fiction*) из серии «Обыкновенныйчитатель» (*The Common Reader*) Вулф напишет: «... самый заметный из них [молодых писателей] – м-р Джеймс Джойс <...>. Они не боятся взглянуть жизни в глаза и с предельной точностью и искренностью описать то, что их заинтересовало, задело, и, если приходится жертвовать какими-то литературными условностями, их это не смущает. Так будем же смелее записывать все, что западает в душу, – все до последнего атома, в точной последовательности! И да не убоится рука свободно набрасывать те внешне бессвязные, лишенные смысла письмена, которые запечатлеваются в сознании с каждой увиденной картиной, с каждым эпизодом. <...> в одном можно не сомневаться: его [Джойса] намерения предельно искренни и, каким бы сложным и неприятным ни был результат, его значимость бесспорна» [Вулф 2012: 120-121].

Прогулка третья. Вслед за миссис Дэллоуэй (Станция метро «Вестминстер»)

«I love walking in London. Really, it's better than walking in the country», – говорит миссис Дэллоуэй в одноименном романе [181] [Woolf 1925]. У нее есть на то причины: Лондон в книге – это столица великой империи, сохранившаяся после войны[182], это город, богатый прошлым и историей, город величественной архитектуры и военных парадов, город роскоши, красоты и изящества, город властный, царственный, надменно гордый[183]. Можно долго спорить, в каком романе Лондон играет более значительную роль – «Миссис Дэллоуэй» или «Годы». Но в каждом из них судьба героев неразрывно связана с топографией города, а их социальное положение определяется тем, где они живут и по каким маршрутам ходят. В «Миссис Дэллоуэй» действие разворачивается на протяжении одного июньского дня 1923 г., и изучить всю топографию романа представляется возможным за одну прогулку: городское пространство в книге очень ограниченно (в «Улиссе» Джойса действие тоже разворачивается на протяжении одного дня, но там более сложная топография).

Такая временная и пространственная фиксация подчеркивает нелинейность повествования, в котором шум города и краски лондонских улиц, площадей, парков сливаются с пейзажами – воспоминаниями давно ушедшей молодости. Кларисса идет по улицам летнего Лондона, а в ее сознании разворачивается беспрерывная череда мыслей-образов, в которых не существует границ между прошлым и настоящим, сиюминутными событиями и воспоминаниями. По замечанию Е.Ю. Гениевой, мысли писательницы движутся от моментального к вечному, а июньский день, который оживает во всем многообразии эмоций на страницах «Миссис Дэллоуэй», вбирает в себя всю жизнь [Гениева 1984(б): 24]. Прогулка же по Лондону, согласно исследовательнице, становится хождением по закоулкам души [Ibid.].

---

[181] Практически те же слова произносит Элинор в романе «Годы» (глава «1917»): «I like walking in London» [Woolf 1937].

[182] В «Миссис Дэллоуэй» над Лондоном, как и во время войны, кружат аэропланы, только теперь они рекламируют ириски.

[183] Однако в «Миссис Дэллоуэй» Лондон может концептуализоваться как враждебное пространство, подавляющее человеческую личность. Вулф пишет об унылых полуподвальных квартирах с решетками на окнах. В одной из них влачит жалкое существование Септимус Смит, очередная жертва Первой мировой и страшного города-молоха.

Итак, мир миссис Дэллоуэй сосредоточен в престижных районах. Вестминстер SW1 символизирует монархию, власть и политику, а Мейфер – богатство и высшее общество. Герои романа, которые не принадлежат к кругу миссис Дэллоуэй, живут в удаленных от центра районах. Септимус Смит выбрасывается из окна квартиры на Тоттнем-корт-роуд в Блумсбери. Питер Уолш, когда-то отвергнутый Клариссой, возвращается из Индии и тоже находит себе жилье в Блумсбери. Когда дочь миссис Дэллоуэй Элизабет садится в автобус на Виктория-стрит (*Victoria Street*) и едет по Уайтхоллу (*Whitehall*) и Стрэнду (*the Strand*) до Чансери-лэйн (*Chancery Lane*), она испытывает захватывающее чувство свободы и некоторый страх перед неизведанным: «She looked up Fleet Street. She walked just a little way towards St. Paul's, shyly, like some one penetrating on tiptoe, exploring a strange house by night with a candle, on edge lest the owner should suddenly fling wide his bedroom door and ask her business, nor did she dare wander off into queer alleys, tempting bye-streets, any more than in a strange house open doors which might be bedroom doors, or sitting-room doors, or lead straight to the larder. For no Dalloways came down the Strand daily; she was a pioneer, a stray, venturing, trusting» [Woolf 1925].

Поскольку роман начинается и заканчивается в доме миссис Дэллоуэй в Вестминстере, начнем нашу прогулку от станции метро с таким же названием, расположенную рядом с Парламент-сквер (*Parliament Square*). Слева от станции находятся здания парламента Великобритании (муж Клариссы Ричард Дэллоуэй состоит в партии консерваторов и заседает в палате общин) и часовая башня с Биг-Беном – колоколом, отсчитывающим ритм Лондона и всего этого романа о Лондоне. Бой Биг-Бена сопровождает действия героев и служит фоном их переживаний. Как отмечает Е.Ю. Гениева, это слуховой образ-лейтмотив, специальный прием, помогающий читателю «двигаться» сквозь описываемый июньский день и позволяющий автору «переключаться» между героями. «Бой Биг-Бена играет роль своеобразных «стяжек» в цементировании структуры романа» [Гениева 1984(а): 294]: «Big Ben, whose stroke was wafted over the northern part of London; blent with that of other clocks, mixed in a thin

ethereal way with the clouds and wisps of smoke, and died up there among the seagulls» [Woolf 1925].

Приведем три примера того, как под бой Биг-Бена повествование «переключается» на другого персонажа (Кларисса – Питер Уолш – Ричард Дэллоуэй): «Out it boomed. First a warning, musical; then the hour, irrevocable. The leaden circles dissolve in the air. Such fools we are, she [Clarissa] thought, crossing Victoria Street. For Heaven only knows why one loves it so, how one sees it so, making it up, building it round one, tumbling it, creating it every moment afresh» [Ibid.]; «Remember my party, remember my party, said Peter Walsh as he stepped down the street, speaking to himself rhythmically, in time with the flow of the sound, the direct downright sound of Big Ben striking the half-hour» [Ibid.]; «Big Ben was beginning to strike, first the warning, musical; then the hour, irrevocable. Lunch parties waste the entire afternoon, he [Richard Dalloway] thought, approaching his door» [Ibid.].

К югу от Парламент-сквер расположено Вестминстерское аббатство. Со стороны его западного фасада через арку можно пройти на Динз-йард (*Dean's Yard*)[184]. В. Вулф точно не называет адрес семьи Дэллоуэй, однако указывает на то, что, направляясь домой, Ричард входит на Динз-йард. Первый дом по Динз-йард – это безупречный особняк в георгианском стиле. Вполне можно представить, как туда на вечер к миссис Дэллоуэй приезжает премьер-министр. Однако, основываясь на наблюдении Питера Уолша, которое он делает, подъезжая к дому Клариссы, можно заключить, что она живет на улице Грэйт-колледж-стрит (*Great College Street*) за пределами Динз-йард: «But it was her street, this, Clarissa's: cabs were rushing round the corner, like water round the piers of a bridge, drawn together, it seemed to him, because they bore people going to her party, Clarissa's party» [Ibid.].К дому миссис Дэллоуэй подъезжают экипажи, и это исключает возможность его расположения в таком замкнутом пространстве, как Динз-йард.

[184] *Букв*. «Двор настоятеля собора».

В самом начале романа, утром, миссис Дэллоуэй выходит из дома, чтобы купить цветы для своего приема. Она переходит через улицу Виктория-стрит и направляется к Сент-Джеймсскому парку. Позже днем ее дочь Элизабет и миссис Килман будут покупать последней юбку и пить чай в универсальном магазине «Арми-энд-нейви» (*Army & Navy Store*), находящемся выше по Виктория-стрит. Этот магазин существует и по сей день.

С Виктория-стрит Кларисса выходит на улицу Бэрдкейдж-уок (*Birdcage Walk*), лежащую с южной стороны парка Сент-Джеймс. Там она встречает своего старого друга Хью Уитбреда, который шествует на фоне правительственных зданий, держа под мышкой папку с королевским гербом. Очевидно, он идет с улицы Хорс-гардз-роуд (*Horse Guards' Road*) и направляется в Букингемский дворец: ведь у него там должность при дворе.

Кларисса и Хью обмениваются любезностями и расходятся: изысканно помахав шляпой, он спешит дальше во дворец, а она заходит в парк и предается размышлениям о том, правильно ли она сделала, что не вышла замуж за Питера Уолша. Из Сент-Джеймсского парка она идет в примыкающий Грин-парк и выходит на Пиккадилли: «She had reached the Park gates. She stood for a moment, looking at the omnibuses in Piccadilly» [Woolf 1925]. Миссис Дэллоуэй поворачивает направо и направляется на Бонд-стрит, в самое сердце Мейфера. Она останавливается в задумчивости, глядя на витрину книжного магазина (*Hatchard's Bookshop*).

Сама В. Вулф, страстный любитель книг, могла проводить целые дни в книжных магазинах, благо Лондон – это рай для библиофила. К сожалению, многие магазины ее времен исчезли, в частности, целая серия живописных магазинчиков на Чэринг-кросс-роуд (*Charing Cross Road*). Однако «Хэтчардс» вот уже более 80 лет стоит на своем месте.

Миссис Дэллоуэй переходит на другую сторону Пиккадилли, и входит на Бонд-Стрит: «Bond Street fascinated her; Bond Street early in the morning in the season; its flags flying; its shops; no splash; no glitter; one roll of tweed in the shop

where her father had bought his suits for fifty years; a few pearls; salmon on an iceblock» [Ibid.].

Покупая цветы в магазине Малбери (сейчас его не существует), Кларисса слышит звук, похожий на пистолетный выстрел, причиной которого является автомобиль, который везет какое-то важное лицо. Она выходит из магазина и никак не может пройти через перекресток улиц Нью-Бонд-стрит (*New Bond Street*) и Брук-стрит (*Brook Street*). Там образовался затор, и в нем стоит этот автомобиль, в котором, по предположению миссис Дэллоуэй, едет королева. Кларисса негодует: «… and the Queen herself held up; the Queen herself unable to pass. Clarissa was suspended on one side of Brook Street…» [Ibid.].

Времени пол-одиннадцатого, и через два часа муж Клариссы Ричард Дэллоуэй и Хью Уитбред придут на Брук-стрит на ленч к леди Брутн. На время мы теряем Клариссу из виду, а автомобиль королевы едет дальше в южную часть Лондона: «Gliding across Piccadilly, the car turned down St. James's Street. Tall men, men of robust physique, well-dressed men with their tail-coats and their white slips and their hair raked back who, for reasons difficult to discriminate, were standing in the bow window of Brook's[185] with their hands behind the tails of their coats, looking out, perceived instinctively that greatness was passing… » [Ibid.]. Мужчины больше не носят фраков с «хвостами», но «Брукс» (*Brooks's*) по-прежнему стоит на своем месте. Это солидное здание в георгианском стиле, расположенное в престижном районе Сент-Джеймс, который, прежде всего, ассоциируется с мужскими клубами, дорогими портными и магазинами аксессуаров, а также с резиденцией наследника на престол: «A small crowd meanwhile had gathered at the gates of Buckingham Palace. <…> The Prince lived at St. James's; but he might come along in the morning to visit his mother» [Ibid.]. На площади Сент-Джеймс-сквер находится Лондонская библиотека, попечителем которой состояла В. Вулф.

Описанным маршрутом ограничивается лондонский мир миссис Дэллоуэй. Однако можно проследить маршруты других героев романа. Питер Уолш

[185] В других редакциях – *White's* – старейший лондонский клуб консерваторов.

совершает долгую прогулку по Уайтхоллу, доходит до Хеймаркета (*Haymarket*), движется в направлении Риджент-стрит (*Regent Street*)[186], входит в Риджентс-парк (*Regent's Park*) и, увидев там Септимуса и Лукрецию Смит, размышляет: «What had the young man in the overcoat been saying to her to make her look like that; what awful fix had they got themselves into, both to look so desperate as that on a fine summer morning?» [Ibid.] Вечером, направляясь на прием к Клариссе, он идет от Рассел-сквер к дому Дэллоуэйев в Вестминстере.

После ленча с леди Брутн Ричард Дэллоуэй возвращается домой по Кондуит-стрит (*Conduit Street*) и, в какой-то степени повторяя утренний путь Клариссы, пересекает Пиккадилли и идет по Грин-парку.

Хотя границы Лондона В. Вулф значительно сужены по сравнению с размахом Джойса в «Улиссе» или даже «Дублинцах», город в «Миссис Дэллоуэй» предстает в самых различных ипостасях.

Лондон – сердце цивилизованного мира:

Вернувшись из Индии в Англию, Питер Уолш гуляет по Риджентс-Парку: «Never had he seen London look so enchanting – the softness of the distances; the richness; the greenness; the civilisation, after India, he thought, strolling across the grass» [Woolf 1925]. И далее в романе: «That was civilisation. It struck him coming back from the East – the efficiency, the organisation, the communal spirit of London» [Ibid.]. Пробираясь по лондонским улочкам вслед за девушкой, привлекшей его внимание в толпе, он размышляет: «A splendid achievement in its own way, after all, London; the season; civilisation. Coming as he did from a respectable Anglo-Indian family which for at least three generations had administered the affairs of a continent <…>, there were moments when civilisation, even of this sort, seemed dear

[186] Здесь, в самом сердце Лондона, на станции метро «Piccadilly Circus», где «the great avenues of civilization meet», где «everything that is desirable meets – Piccadilly South Side, Piccadilly North Side, Regent Street and the Haymarket» [Woolf 1931], стоит героиня романа «Волны» (*The Waves*) Джинни и размышляет об ушедшей молодости и о Лондоне, «перемалывающем» человеческие судьбы: «I am no longer young. I am no longer part of the procession. Millions descend those stairs in a terrible descent. Great wheels churn inexorably urging them downwards. Millions have died» [Ibid.].

to him as a personal possession; moments of pride in England[187]; in butlers; chow dogs; girls in their security»[188] [Ibid.].

Лондон – источник жизненной энергии: «June had drawn out every leaf on the trees. The mothers of Pimlico gave suck to their young. Messages were passing from the Fleet to the Admiralty. Arlington Street and Piccadilly seemed to chafe the very air in the Park and lift its leaves hotly, brilliantly, on waves of that divine vitality which Clarissa loved. To dance, to ride, she had adored all that» [Ibid.].

Лондон – нечто постоянное; осознание принадлежности к нему помогает жить: «… but that somehow in the streets of London, on the ebb and flow of things, here, there, she survived, Peter survived, lived in each other, she being part, she was positive, of the trees at home; of the house there, ugly, rambling all to bits and pieces as it was; part of people she had never met; being laid out like a mist between the people she knew best, who lifted her on their branches as she had seen the trees lift the mist, but it spread ever so far, her life, herself» [Ibid.]. Любопытно, что в романе «Комната Джейкоба» с Лондоном связан прямо-таки экклезиастский мотив Лондона, «пребывающего вовеки»: жизнь героя обрывается (он убит на войне), и его пустая комната становится символом смерти, в то время как за окнами, как и прежде, продолжается суета обычной лондонской жизни. В повести «Флаш» (Flush: A Biography) символом стабильности и нерушимости цивилизации выступает Уимпол-стрит в Лондоне. С долей иронии Вулф пишет: «Wimpole Street <…> is the most august of London streets, the most impersonal. Indeed, when the world seems tumbling to ruin, and civilisation rocks on its foundations, one has only to go to Wimpole Street; to pace that avenue; to survey those houses; to consider their uniformity; to marvel at the window curtains and their consistency; to admire the brass knockers and their regularity <…>. … while Corinth has fallen and Messina has tumbled, while crowns have blown down the wind and old

---

[187] Литературный кружок Блумсбери, к которому принадлежала В. Вулф, было объединение очень английское по духу и нередко империалистическое по взглядам [Cf.: Rosenbaum 1995: 57].

[188] Ср. в романе «Волны»: «Now we draw near the centre of the civilized world. There are the familiar gasometers. There are the public gardens intersected by asphalt paths. There are the lovers lying shamelessly mouth to mouth on the burnt grass. <…> , and my heart draws out too, in fear, in exultation. I am about to meet--what? What extraordinary adventure waits me, among these mail vans, these porters, these swarms of people calling taxis? I feel insignificant, lost, but exultant» [Woolf 1931]; «… the heart of London. Innumerable wheels rush and feet press just over my head. The great avenues of civilization meet here and strike this way and that. I am in the heart of life» [Ibid.].

Empires have gone up in flames, Wimpole Street has remained unmoved <…> as long as Wimpole Street remains, civilisation is secure» [Woolf 1933].

Прогулка четвертая. Ричмонд (метро: линия до Ричмонда; поезд Ватерлоо-Ричмонд)

Писательница прожила на Гордон-сквер в Блумсбери вплоть до 1912 г., в котором она вышла замуж за журналиста и писателя Леонарда Вулфа. Сразу после свадьбы они поселились в здании Клиффордс-инн (*Clifford's Inn*) на Феттер-лейн (*Fetter Lane*) рядом со Стрэндом. Но в 1913 г. у Вирджинии случился кризис: девятого сентября она пыталась покончить с собой. Было решено сменить обстановку, и семья переехала в Ричмонд (*Richmond*), который в то время был отдельным небольшим городом и не входил в состав Большого Лондона. Поэтому к обратному адресу на своих письмах из Ричмонда В. Вулф всегда добавляла «Суррей».

В Ричмонде Вулф скучала: ей не хватало сутолоки и оживления Лондона. 28 января 1915 г. она записала в своем дневнике: «I decided to go to London, for the sake of hearing the Strand roar, which I think one does want, after a day or two of Richmond. Somehow, one can't take Richmond seriously. One has always come here for an outing, I suppose; & that is part of its charm, but one wants serious life sometime» [Woolf 1979(a): 28-29]. 25 октября 1920 г. она сделала такую запись: «Вот я сижу в Ричмонде, и, словно фонарь, поставленный посреди поля, мой свет рассекает тьму. <…> Ощущение пустоты; лед не растопить. <…> Печаль сходит на нет, когда я пишу…» [Вулф 2009: 55]. В 1940 г. писательница заболела инфлюэнцей: она долго жила в сельской местности в Сассексе и не имела возможности выбраться в Лондон. Предвкушая скорую поездку туда, 29 марта она запишет: «Ничего, я снова приду в себя и о чем буду думать? Скажем, о Темзе там, где Лондонский мост: куплю тетрадь, а потом пройдусь по Стрэнду и буду пожирать все лица, все витрины магазинов, даже «Пенгвин». Ибо в понедельник мы перебираемся в Лондон! <…> Возраст или что-то другое делает здешнюю жизнь одинокой. Нет Лондона и гостей, которые видятся как долгий радостный сон…» [Вулф 2009: 365].

Если от станции метро мы поднимемся по холму через деловой район, то вскоре придем к дому № 17 в Ричмонд-грин (*RichmondGreen*), первому адресу Вулфов в пригороде. Место они выбрали прекрасное: большие газоны с изумрудной травой, аллеи с магазинами и жилой квартал с воротами в тюдоровском стиле, соседствующий с дворцом Генри VIII. Открывающийся с холма Ричмонд-хилл вид У. Тернер запечатлел на картине «Ричмонд-хилл, празднование дня рождения принца-регента» (1819, галерея Тейт) и на ряде других полотен[189].

В марте 1915 г. Вирджиния и Леонард Вулф переехали в Хогарт-хаус (*Hogarth House*) на Пэрадайс-роуд (*Paradise Road*), находящийся в нескольких минутах ходьбы от Ричмонд-хай-стрит (*Richmond High Street*). Именно этот дом, выстроенный в георгианском стиле, половину которого Вулфы снимали до 1924 г., дал название издательству «Хогарт-Пресс», основанному в 1917 г. В подвале дома Вулфы прятались во время налетов немецкой авиации в Первую мировую войну. Потом там поставили печатный станок, и в 1923 г. Вирджиния вместе с Леонардом делала типографский набор поэмы Т.С. Элиота «Бесплодная земля».

Из задних окон дома виден парк Кью-гарденс (*Kew Gardens*), излюбленное место прогулок В. Вулф и место действия ее одноименного рассказа, написанного в 1919 г. В этом рассказе Вулф впервые применила метод «исследований сознания» (*probings of the mind*), и он стал первым произведением, которое принесло издательству прибыль.

Прогулкой по Ричмонду исчерпывается наше знакомство с Лондоном В. Вулф. Совершенные четыре прогулки, без сомнения, свидетельствуют о том, что через Лондон, топографию его улиц раскрываются биография и творчество

---

[189] В своем дневнике В. Вулф описывает раннюю прогулку на один из ричмондских холмов: «…we crept up to the top. Here were people camping beside their cars. We got out and found ourselves very high <…>. There were grass tracks here and there and people had already taken up positions. So we joined them, walking out to what seemed the highest point looking over Richmond. One light burned down there. Vales and moors stretched, slope after slope, round us. But over Richmond, where the sun was rising, was a soft grey cloud. We could see by a gold spot where the sun was. <…> Four great red setters came leaping over the moor. There were sheep feeding behind us. <…> We saw rays coming through the bottom of the clouds. Then, for a moment, we saw the sun, sweeping – it seemed to be sailing at a great pace <…>; we had our smoked glasses; we saw it crescent, burning red; next moment it had sailed fast into the cloud again; only the red streamers came from it; then only a golden haze. <…> I thought how we were like very old people, in the birth of the world – druids on Stonehenge» [Woolf 2003: 109-110].

писательницы. С другой стороны, в контексте этого творчества топонимы приобретают новые созначения, т.е. ассоциативные ряды, которые могут ими эвоцироваться, расширяются, а в составе лондонского текста появляются новые признаки. Литературные топонимы являются важными конституирующими элементами лондонского текста, поскольку влекут за собой цепочки ассоциаций и актуализируют признаки, не свойственные «онтологически реальному» Лондону, но осознаваемые образованными носителями языка. Творчество В. Вулф было выбрано потому, что ее произведения являются чрезвычайно показательными в плане раскрытия самых различных составляющих лондонского текста и что часть описанного ею Лондона сохранилась до наших дней, а также в связи с тем, что по взглядам и духу В. Вулф была глубоко «английской» писательницей.

7.5. Идиолектное структурирование лондонского текста. Психологическая география британской столицы и маршруты сознания (на примере романа М. Муркока «Лондон, любовь моя»)

To invigorate literary mind, start moving literary feet!

Joyce Carol Oates, Ontario Literary Review, 1999

В данном разделе будет рассмотрен популярный в постмодернистской литературе способ текстового представления урбанизированного пространства – психологическая география. Пространство Лондона при этом, в противовес официальной упорядочивающей топографии, оказывается сотканным из индивидуальных впечатлений индивидов, которые они получают в ходе прогулок по столице. Коллективная ментальная репрезентация города будет ассоциативной и фрагментарной, но в то же время динамической, что, по мнению сторонников психогеографии, является наиболее адекватным представлением городского пространства. В разделе, таким образом, будет представлено идиолектное, глубоко личное структурирование лондонского текста, характеризующееся актуализацией нечастотных, периферийных

признаков и погашением компонентов, более распространенных, что подтверждает положение о стохастической структуре сверхтекста.

На протяжении всей новой истории Лондона и особенно в последние полтора века исследователи из самых разных областей пытаются понять и упорядочить социокультурное и экономическое многообразие британской столицы, каталогизировать его и составить подробные и достоверные карты-описания этого гигантского мегаполиса. Их задача ясна: сделать чрезвычайно запутанный, хаотичный Лондон-лабиринт[190] «читаемым» и выразить городское пространство в логичной, иерархически организованной текстовой форме.

Первой масштабной систематизацией викторианского Лондона по праву считается четырехтомный труд английского журналиста, критика и драматурга Генри Мэйхью (1812-1887) «Рабочий люд и бедняки Лондона» (*London Labour and the London Poor*), вышедший в 1862 г. Мы может говорить лишь об относительной социологической строгости метода, используемого Г. Мэйхью: в своем труде он предлагает четкую классификацию типажей, которые принадлежат к лондонскому дну; однако его выводы основаны в первую очередь на личных впечатлениях, полученных в ходе посещений криминальных районов Лондона, в частности, трущоб в приходе Спитэлфилдс и в районе Уайтчэпел, а также воровского притона в районе Сент-Джайлс[191]. Одна из глав труда показательно называется «Экскурсия по воровским притонам округа» (*A Ramble*[192] *among the Thieves' Dens in the Borough*[193]). Во время подобных «экскурсий» Г. Мэйхью, по его словам, всегда сопровождали «пара крепких друзей или полисмен» [Mayhew 2010 (1862)]. Идея «экскурсионности»[194],

---

[190] Лондон никогда не строился по единому градостроительному плану, всегда отличался крайней хаотичностью застройки, а все проекты по его реконструкции и упорядочению неизбежно проваливались – см. Раздел 6.5.2. «Метафора текста», подраздел «Лондон-как-гипертекст. Метафора лабиринта».

[191] The *rookery* of St. Giles – *досл.* «грачовник». Описание жителей трущоб Сент-Джайлс находим в 73 главе «Лавки древностей» Диккенса: «… those nights of cold and gloom, when the terrible spectres, who lie at all other times in the obscene hiding-places of London, in archways, dark vaults and cellars, venture to creep into the streets; the embodied spirits of Disease, and Vice, and Famine» [Dickens 1841(b)].

[192] Ramble – *досл.* длительная прогулка, пешее путешествие.

[193] Имеется в виду лондонский округ «Borough of Tower Hamlets».

[194] Вспомним экскурсионный метод русского историка и краеведа И.М. Гревса в изучении Петербурга, впоследствии развитый Н.П. Анциферовым – см. Раздел 7.4. «Индивидуально-авторский субтекст в составе лондонского текста. Реализации лондонского текста в топонимах (на примере лондонских маршрутов В. Вулф)».

наблюдения является ключевой в подходе Мэйхью, равно как и его стремление пространственно «локализовать» преступную деятельность в Лондоне, строго прикрепив ее к конкретному топосу. Однако подход исследователя несколько дискредитируется за счет присутствия представителя закона: возникает вопрос о непредвзятости полученных сведений, а чистое наблюдение подменяется контролем[195] [Cf.: Соснин 2013(б): 85].

Следующей серьезной попыткой картографического описания Лондона стало исследование английского общественного деятеля Чарльза Бута (1840-1916) «Жизнь и труд жителей Лондона» (*Life and Labour of the People in London*), начатое в 1886 г. и к 1903 г. разросшееся до 17 томов. В своем труде, представляющем масштабную панораму социально-бытовых условий жизни в британской столице, Бут использовал данные переписи 1881 г., информацию, собранную лондонским школьным комитетом[196], а также сведения, которые он почерпнул из личных бесед с представителями беднейших слоев населения. В отличие от Мэйхью, Бут не выделяет социальные типы, а предлагает таксономическую классификацию общественных классов. Так, по его классификации, из 900 тыс. жителей Ист-Энда 314 тыс. относились к «беднякам»[197] [Booth 1903: xxvii].

Самым важным достижением исследователя стало, без сомнения, составление цветных карт Лондона, наглядно демонстрирующих распределение жителей по доходам: специальными цветами отмечены общественные классы, превалирующие в том или ином районе (с точностью до улицы!). Карты Бута, безусловно, делают городское пространство легко «читаемым»: изучающий их человек получает четкое представление о социально-экономической стратификации Лондона. Однако, как и в описаниях

---

[195] Традиционная картография, таким образом, отражает точку зрения власти и может рассматриваться как один из механизмов угнетения масс.

[196] *London School Board*. Основной задачей комитета было дать бесплатное начальное образование детям из беднейших лондонских семей.

[197] По словам английского журналиста и писателя Уильяма Бланшара Джерролда (1826-1884), автора книги «Паломничество в Лондон» (*London: A Pilgrimage*, 1872), «стариков, сирот, хромых и слепцов в Лондоне довольно, чтобы населить город обычных размеров» [Cit. ex: Акройд 2005: 649]. Город, целиком составленный из убогих и страждущих – идея поистине диковинная. Но именно таковым, в немалой своей части, был Лондон. Число детей и бродяг, безучастно сидящих на улицах, было несметным.

Мэйхью, город предстает на них схематичным, статичным и закрытым к изменениям в диахронической перспективе.

Карты Ч. Бута анализируются в книге современного итальянского литературоведа Франко Моретти «Атлас европейского романа с 1800 по 1900 гг.», вышедшей в 1997 г. Эти карты помогают исследователю проследить социальную подоплеку английского романа XIX и сделать вывод о том, что функционирование и развитие литературных форм во многом обусловливается тем пространством, на котором они существуют. Объясняя свой метод, Моретти пишет следующее: «Что может исследователь литературы найти на картах местности? Собственно, две вещи. Во-первых, из них становится очевидным, что литературные формы являются по своей природе топологически ограниченными[198]: у каждой есть собственный пространственный рисунок, свои границы, излюбленные маршруты и запретные зоны. Во-вторых, карты раскрывают внутреннюю логику повествования – ту семиотическую область, вокруг которой строится сюжет» [Moretti 1998: 5] (перевод мой – *А.С.*).

Из карт Моретти, действительно, можно узнать многое, но достоверность его «картографического» метода в литературоведении ставится под сомнение по следующим соображениям. Составители карт вроде Ч. Бута претендовали на абсолютную научную объективность, однако способы отбора данных для карт и то, как эти данные на них отображались, было неотделимо от колониальной модели мира с ее социальными, экономическими и идеологическими установками. Карты, таким образом, всегда «ангажированы» и не могут рассматриваться литературоведами в качестве единственно объективного инструмента; они также не вполне адекватно описывают городское пространство [Соснин 2013(б): 85].

С учетом этих оговорок все же будет любопытно посмотреть, как карты Бута используются в книге Моретти. По утверждению исследователя, на них наглядно отражено то, как литературные произведения вбирают в себя и

[198] Здесь Моретти использует немецкое слово «ortgebunden».

критически переосмысляют пространство Лондона. Моретти также отмечает, что на картах представлена двоякая модель распределения жителей Лондона по их доходам. С одной стороны, на «глобальном» уровне богатство сосредоточено в Уэст-Энде, а бедность – в Ист-Энде, что не является открытием; с другой стороны, на уровне отдельных улиц, участки богатства и зажиточности, отмеченные золотым и красным цветами соответственно, непосредственно соседствуют с зонами крайней бедности, показанными черным цветом[199]. Очень часто их разделяют всего лишь пара сотен метров или несколько кварталов. Именно этим, заключает Моретти, объясняется столь популярный в романе XIX в. мотив смятения, страха и неопределенности, которые испытывал человек, впервые прибывший в Лондон.

Итак, в своем труде Франко Моретти демонстрирует, как благодаря описанным в литературе маршрутам городское пространство становится читаемым и как карты, в свою очередь, способствуют пониманию пространственного аппарата литературных произведений.

Остановимся более подробно на способах представления, воспроизведения городского пространства в форме текста. В своей работе «Практика повседневной жизни» (глава «Прогулки по городу») французский историк и социальный философ Мишель де Серто (1925-1986) противопоставляет представление о городе, полученное в результате обзора его панорамы сверху, с последнего этажа небоскреба, восприятию города миллионами его жителей, живущих повседневной жизнью внизу. Вид на город сверху подобен его карте: по мнению исследователя, это лишь обобщенное представление о городе, его схематизация, «которая позволяет прочесть город во всей его сложности и фиксирует его непостижимую изменчивость в виде понятного текста» [Серто де 2010]. «Город-панорама, – отмечает де Серто, – это теоретический (т.е. визуальный) симулякр или изображение, возможное лишь при условии забвения и непонимания практики» [Ibid.], это образ, который скрывает

[199] В 1890-е годы Ч. Бут писал: «Если есть тьма африканская, то есть, похоже, и тьма английская… Не отыщется ли параллель у самых наших дверей, не увидим ли мы в двух шагах от наших соборов и дворцов ужасы, подобные тем, что исследователи Африки обнаружили в необозримых экваториальных лесах?» [Cit. ex: Акройд 2005: 660].

истинную, проживаемую людьми природу городского пространства. «Жизнь горожан протекает внизу; <...> они пешеходы, исходившие город вдоль и поперек; они пишут городской текст, но сами прочитать его не в силах» [Ibid.]. По де Серто, практика повседневной жизни отсылает к такой форме спациализации, которая отличается от «геометрически организованного» пространства схем и карт, а именно к антропологическому, поэтическому и мифологическому переживанию пространства. Это вполне перекликается с позицией фанцузского философа-марксиста А. Лефевра, который с некоторой долей сожаления отмечает, что для многих людей реальность города сводится к схеме, в которой «его образ ограничивается банальностями больших магазинов и тех мест, которые они склонны посещать или избегать» [Лефевр 2008: 141]. Однако на самом деле город (Лефевр пишет о Париже) гораздо сложнее и более многранен: «помимо респектабельных мест, в нем существуют «специализированные» пространства, которые на первый взгляд не очевидны» [Cf. et.: Лефевр 2002: 27-29.].

М. де Серто также учитывает ту роль, которую в семантической организации города играют топонимы: «они медленно стираются, как монеты, однако их способность означать живет дольше их изначального смысла. Оторвавшись от «своих» мест, топонимы служат воображаемыми точками маршрутов, действуя подобно метафорам, когда важен не буквальный, а переносный смысл (который прохожие либо считывают, либо нет). Топонимика, отделившись от реальных пространств, парит в небе над городом» [Серто де 2008: 33].

Исследователь заключает, что практики означивания («городские легенды») можно приравнять к практикам, которые создают пространство [Op. cit.: 35]. Итак, посредством означивания и переосмысления топонимики город превращается в предмет чтения и декодирования, а городское пространство нарративизируется.

Принцип праздной пешей прогулки, т. н. фланирования, как способа познания и переживания города был впервые четко сформулирована немецким

философом и теоретиком культуры Вальтером Беньямином (1892-1940) в его фундаментальном труде по урбанистике «Проект аркад»[200] [Benjamin 2002]. Исследователь, в свою очередь, заимствовал эту идею у Ш. Бодлера, который определяет фланера как личность независимую и непредвзятую, но в то же время обуреваемую страстями [Cit. ex: Беньямин 2004: 106]. Соответственно, замечает Беньямин, фланер не бесцельно ходит по городу, а изучает и анализирует реальность вокруг, наслаждаясь собственной анонимностью, нервным возбуждением и эмоциями, которые провоцирует в нем город [Ibid.]. Ряд исследователей указывают на то, что фланера привлекает, в первую очередь, театральный аспект, зрелищность городской культуры [Cf. e.g.: Brand 1991]. Следует отметить, что мотив фланирования укоренился в модернистской литературе и перешел в литературу постмодерна.

Метод прогулки, фланирования по городу и сбора воедино разрозненных ассоциаций индивидов характерен для психологической географии (психогеографии) – критической дисциплины, образованной на стыке психологии, социальной теории, искусствоведения, географии и картографии. Цель дисциплины – создать психогеографические карты города, которые будут отражать его сущность, переживаемую людьми, а также систематизировать и критически осмыслить ощущения и идеи, вызываемые конкретными урбанистическими пейзажами [Cf.: Бренер 2002].

Создателями психологической географии считаются французские ситуационисты, существовавшая в 1957-1972 гг. организация социальных революционеров, в которую входили художники-авангардисты, интеллектуалы-теоретики и политические идеологи (основатель движения, идеолог французского марксизма и литератор Ги Дебор, писатели Мишель Бернштейн, Ральф Рамни, Александр Троччи, художник Асгер Йорн) [Cf.: Sadler 1999].

---

[200] Беньямин пишет о сводчатых галереях парижских торговых пассажей как средоточии уличной жизни французской столицы.

Ситуационисты стремились в идеале осуществить культурную революцию за счет производства контркультуры и создания ситуаций, направленных против культурного «мейнстрима». В качестве субъекта революции они видели творческую молодёжь. В плане урбанизма ситуационисты отстаивали городское разнообразие: они выступали против рационально спланированных городов, против четкого деления на районы и пытались привнести в городскую жизнь аспекты игры и даже авантюризма. В результате, ключевой для них становилась концепция «конструирования индивидуальной ситуации» (отсюда происходит название течения)[201].

Ситуационисты исследовали и «переживали»городскую среду с помощью методов дрейфа и присвоения. Дрейф (*dérive*) – это такая прогулка по городу, во время которой гуляющий, фланер нового типа, всецело освобождает свое сознание, забывает о своих обыденных проблемах, статусе и социальных связях и позволяет городской среде «нести» себя, отдается на волю ее течения. «Дрейфующий» не бродит бесцельно, но следует некоторому условному маршруту, которым, тем не менее, не задается конечная цель прогулки. Это позволяет гуляющему увидеть привычную городскую среду в новом свете, абстрагировавшись от гендерных, социальных, политических, экономических характеристик своей личности.

В концепции ситуационистов дрейфа неизбежно связан с присвоением (*détournement*), когда городской объект, который знаком наблюдателю, выхватывается из привычного контекста (угнетающего, подавляющего индивидуальность) и наделяется новым смыслом. Д. Олбрайт выделяет два основных закона присвоения: во-первых, каждый присваиваемый элемент утрачивает свою важность, зачастую совершенно теряя свой изначальный смысл; во-вторых, при этом создается новая значимая структура, которая распространяет свои пределы и влияние на все присвоенные элементы [Albright

[201] Фрагментарность бытия в мегаполисе, который не воспринимается как единый образ, ведет к дискретности психологии его жителей. По мнению американского социолога и урбаниста Льюиса Мамфорда, житель такого города имеет определенный склад ума, который способен выдерживать предельно высокий темп жизни, обрабатывать значительное количество впечатлений и постоянно делать выбор: «[мегаполис] порождает сознание необъятного масштаба, которое способно справиться с предельно широкими возможностями выбора» [Mumford 1961: 562].

2003: 94]. Присвоение городской среды, наполнение ее элементов новыми смыслами имеет своей целью освободить человеческое сознания, в первую очередь, от традиционных социальных ролей, официальной культуры и навязанной организации городского пространства, а также выработать новые ассоциативные маршруты, наложить карты сознания на реальное пространство, прочувствовать город, пропустить его сквозь себя. Неслучайно американский историк К.Э. Шорске замечает, что «цель нового человека современной культуры стала заключаться <...> в полноценном личном переживании города» [Schorske 1998: 49].

Пешая прогулка и повествование о ней дают возможность запечатлеть и объединить те черты города, которые в действительности разобщены, а затем трансформировать их в элементы текста. Как подмечает исследователь городского модернистского романа Питер Барта, «этот процесс спасает город и его созерцателя от бега времени, смерти и забвения» [Barta 1996: 43]. Барта утверждает, что именно то, что люди видят, думают и чувствуют во время прогулок по городу, вскрывает сущность жизни в мегаполисе, его «идентичность» [Op. cit.: 98].

С психогеографических позиций опыт переживания Лондона, пожалуй, ярче всего описан в романе современного английского писателя Майкла Муркока (род. в 1939 г.) «Лондон, любовь моя»[202] (*Mother London*, 1988). Муркок однозначно предпочитает бездушной карте реальный городской пейзаж, а общему схематизирующему представлению о Лондоне – разрозненные впечатления его жителей, пешеходов [Соснин 2013(б): 86]. Автор отмечает в романе, что жители британской столицы создают ее необычайно сложную географию: «The city's inhabitants create an exquisitely complex geometry, a geography passing beyond the natural to become metaphysical, only describable in terms of music or abstract physics: nothing else makes sense of relationships between roads, rails, waterways, subways, sewers, tunnels, bridges, viaducts, aqueducts, cables, between every possible kind of intersection. <...> up they

[202] Здесь и далее перевод по: Муркок 2006.

come still, Londoners, <...> sometimes singing, or growling, or whistling, chattering; each adding a further harmony or motif to this miraculous spontaneity, up into the real world» [Moorcock 1988: 7]. Из этих впечатлений, полученных в ходе перемещения людей по Лондону, складывается новый «алфавит» для описания пространства британской столицы. В итоге мы обнаруживаем в романе альтернативную, динамическую модель реализации городского текста: модель, приоритет в которой отдается мифологическому, подсознательному, глубинному – всему тому, что, в терминах де Серто, лежит «ниже порога обозримости» (*vide supra*).

Однако отметим, что субъективные моменты здесь переплетаются с объективными, а психологическое – с материальным. Из свободных «хождений» и фрагментарных впечатлений людей вырисовывается некоторая упорядоченная структура маршрутов – предпочитаемых и нежелательных, путей больших надежд и отчаяния. Город предстает как когнитивная карта коллективного сознания, т. е. как субъективное представление о пространственной организации окружающей среды, ее ментальная репрезентация. Более того, эти маршруты таят в себе скрытую историю Лондона, и из них вырисовывается его неофициальная культура – в отличие от того «спектакля», который навязывается идеологией и средствами массовой информации.

Используя в своем романе психогеографический метод, М. Муркок заставляет читателя посмотреть другими глазами на Лондон, который в книге предстает искусно сотканным из, казалось бы, разрозненных фрагментов действительности, топографических реалий и человеческих эмоций. На протяжении всего повествования в него то тут то там вмешиваются голоса посторонних людей, не героев романа, которые говорят о чем-то своем и зачастую невнятно[203] – «they babble» [Moorcock 1988: 8]. Вкрапления постороннего текста могут, однако, представлять и поток сознания главных героев.

---

[203] В тексте романа эти включения выделены курсивом.

В лондонском тексте признак *babble* «непонятная речь», «болтовня» > «многоголосье», «полифония» близок к компоненту *Babel*. Таким образом, Лондон в романе являет собой вавилонское столпотворение, а автором делается попытка представить британскую столицу во всем ее необъятном многообразии [Соснин 2013(б): 86].

Основная сюжетная линия строится вокруг жизни трех главных героев: писателя и городского антрополога Дэвида Маммери, эстрадного артиста и иллюзиониста Джозефа Кисса и Мэри Газали, женщины, которая 15 лет провела в летаргическом сне, после того как в 1940 г. в ее дом попала немецкая бомба. Все трое обладают телепатическими способностями[204], наблюдаются у психиатра и много ходят по Лондону.

Вот один из постоянных маршрутов Маммери (так он ходит на занятия группы пациентов в психиатрическую клинику): Хай-стрит – Паддингтонский вокзал – Вестбурн-гроув – Ноттинг-хилл; затем на метро до «Хай-стрит-Кенсингтон», где он пересаживается на Уимблдонскую районную линию и едет в полупустом грохочущем вагоне до «Патни-бридж». «[He] dashes through the exit into Ranelagh Gardens, momentarily claustrophobic amongst the oddly arranged terra-cotta houses, to the trees and steeples and undecorated slabs, the hullabaloo of the bridge where traffic jostles to cross the Thames, and there before him is a Number 30 bus heading South. He leaps to the platform just as the bus moves forward again and the river is revealed, beyond it The Star and Garter and all the other rosy English Domestic brick behind tall bare trees on the further shore. For a moment the lights turns the water to quicksilver. Gulls rise and fall around the bridge» [Moorcock 1988: 9].

Маммери также любит наблюдать за движением лондонцев по улицам: «From behind the glass he watches his Londoners. *This fabulous flotsam*. They come from Undergrounds and subways (*their ditches and their burrows*) flowing over pavements to where myriad transports wait to divert them to a thousand nearby

[204] Эти способности ослабевают по мере удаления от Лондона!

destinations. The mist has dissipated. A cold sun now brightens this eruption of souls» [Op. cit.: 7].

Джозеф Кисс исходил весь Лондон: в разное время он жил в Кенсингтоне, Челси и Вест-Энде; в Ист-Энде и Сити; в западных пригородах, в основном, в Чизике, Актоне и Хаммерсмите, а также в северных пригородах от Кэмдена до Финчли; в южных: Баттерси, Брикстоне, Норвуде и других, – и в восточных, до Апминстера и Дагнема. Сейчас у Кисса четыре маленькие квартиры в совершенно разных районах Лондона.

Пока Мэри Газали спала, ей снилось, что она ходит по улицам волшебным образом трансформированного Лондона в сопровождении известной английской актрисы Мерль Оберон. Там она встречается и с другими кинозвездами конца 30-х годов: Рональдом Коулменом, Оливией де Хэвилленд, Джун Хэвок и Грир Гарсон. Сознание часто рисует идеальные города, создавая воображаемые ландшафты. Бегство в невиданные грады и земли – одна из самых известных форм духовного эскапизма.

Первая глава романа открывается словами Дэвида Маммери, который пишет: «All old great cities possess their special myths. Amongst London's in recent years is the story of the Blitz[205], of our endurance» [Moorcock 1988: 5]. Муркок по-новому трактует этот страшный период и легендарную стойкость жителей Ист-Энда, на который упала бóльшая часть бомб: для него это важнейшая часть современной истории Лондона, вокруг которой формируется настоящее. Блиц служит и отправной точкой повествования. Маммери, например, уверен, что, когда он был ребенком, его чуть не убила немецкая ракета Фау-2, которая упала рядом, но чудом не взорвалась.

---

[205] Период массированных бомбардировок английских городов военно-воздушными силами фашистской Германии с 7 сентября 1940 г. по 21 мая 1941 г. Для англичан это стало настоящей трагедией. Примечательно, что 28 марта 1941, измученная борьбой с приступами безумия и потрясенная разрушением Лондона – этого «сокровенного сокровища», покончила с собой Вирджиния Вулф. К теме Блица обращаются, в частности, Т.С. Элиот в поэме «Литтл Гиддинг» из цикла «Четыре квартета» (*Four Quarters*) и английский поэт Стивен Спендер (1909-1995) в поэме «Эпилог человеческой драмы» (*Epilogue to a Human Drama*). Лондонский текст у них практически идентичен: Dust in the air suspended / Marks the place where a story ended. / Dust inbreathed was a house – / The walls, the wainscot and the mouse, / The death of hope and despair, / This is the death of air» [Eliot 1943(b)]; «… pavements were blown up, exposing wires, / <…>/ And brick and stucco were pulverized into a cloud / Pungent with smells of mice, corpses, anxiety. / … the reverberant emptied façades / Of West End theatres, shops and churches / <…> / Cracked and blazed… / <…> / … flares of concentrated light / <…> / Illuminated agony of bursting stone» [Spender 1944: 565].

Метафору Лондона, возродившегося из пламени, находим в судьбе Мэри Газали. В 1940 г., когда в их с мужем дом попала бомба, тот погиб мгновенно, а она не пострадала и невредимой прошла сквозь стену огня с маленькой дочерью на руках. После этого она потеряла память, а затем на 15 лет заснула летаргическим сном.

«Лондон, любовь моя» характеризуется концентрической структурой повествования. Оно начинается в Лондоне 1980-х гг., затем движется назад во времени к 1940-м гг., к периоду Блица, и оттуда – назад в 80-е. Главы первой части романа носят названия «Пациенты» (*The Patients*), «Дэвид Маммери» (*David Mummery*), «Мэри Газали» (*Mary Gasalee*), «Джозеф Кисс» (*Josef Kiss*); главы заключительной шестой части – «Джозеф Кисс» (*Josef Kiss*), «Миссис Газали» (*Mrs Gasalee*), «Дэвид Маммери» (*David Mummery*) и «Торжествующие» (*The Celebrants*). Каждая из промежуточных четырех частей включает в себя шесть глав. Вторая и пятая части являются зеркальным отображением друг друга и содержат главы, которые носят названия лондонских пабов[206]. Действие второй части начинается 1957 г. и заканчивается в 1985 г.; действие пятой начинается в 1985 г. и постепенно движется назад в 1959 г. Как бы объясняя такой подход, Муркок пишет в романе: «We move through Time at different rates it seems, only disturbed when another's chronological sensibility conflicts with our own. Choices as subtle and complicated as this are only available in a city like London; they are not found in smaller towns where the units, being less varied, are consequently less flexible. Past and future both comprise London's present and this is one of the city's chief's attractions. <...> I believe Time to be like a faceted jewel with an infinity of planes and layers impossible either to map or to contain» [Moorcock 1988: 486].

Последняя глава третьей части «Поздние цветы 1940» (*Late Blooms 1940*) и первая глава четвертой части «Ранние разъезды 1940» (*Early Departures 1940*) являются центральными в романе и единственными с последовательным

[206] В общей сложности, названия лондонских пабов носят 12 глав романа (например, «Королева Боудика» (*Queen Boadicea*), «Веселый монарх» (*The Merry Monarch*), «Голова старого брана» (*The Old Bran's Head*). Это показательно в том смысле, что, с одной стороны, паб как *public house* – это средоточие общественной жизни, а с другой, на него отчасти не распространяется упорядочивающее воздействие официальной культуры.

развитием действия. В них Джозеф Кисс, нарядившийся волонтером сил ПВО и наполовину обезумевший от воздушного налета и лондонских голосов, которые не дают ему покоя[207], обезвреживает неразорвавшуюся бомбу, упавшую в северном Кенсингтоне в сад коттеджа, который принадлежит сестрам Бет и Хлои Скараманга.

Непосредственно перед падением бомбы Бет и Хлоя чувствуют, что время остановилось: «... it seemed the entire world had been stilled at the same second. They heard nothing from the gasworks, nothing from the canal, no traffic in Ladbroke Grove, no trains from the lines on the other side of the gasholders. The slight breeze rustling the yew branches was gone. <...> Time itself might have stopped. <...> Or was Time moving backward» [Op. cit.: 227].

Так же, как и читатель, Хлоя не может понять, линейно ли время или фрагментарно, остановилось ли оно или продолжает течь, но уже в разных направлениях. Таким образом, в романе Муркока можно обнаружить характерные черты магического реализма, такие как искаженное течение / коллапс времени (когда оно становится цикличным или кажется отсутствующим, когда настоящее повторяет прошлое или настойчиво отсылает к нему), а также перекрывание и взаимное наложение пространств. Лондон становится полуфантастическим, гибридным пространством, который вбирает в себя все эпохи [Соснин 2013(б): 88]. Действительно, как отмечал философ урбанизма, Иван Владимирович Щеглов (1933-1998), предложивший термин «психогеография», «[в городе] мы движемся в закрытом ландшафте, достопримечательности которого постоянно тянут нас в прошлое» [Щеглов 1968]. Соответственно, герои романа, творя свой собственный Лондон, не могут избавиться от настойчивой и, несомненно, мощной мифологии, которую бывшая столица Британской империи накладывает на их сознание. Джозефа Кисса, например, часто посещают видения из истории Лондона – о том, как крестьяне длинной вереницей направляются к Лондонскому мосту, чтобы

[207] Далее в романе мы узнаем, что способность «слышать голоса» и читать мысли помогала Джозефу Киссу находить людей под завалами разрушенных домов во время войны.

накормить тех, кто толпится на другом берегу реки. Их процессия движется, накатываясь прямо на него. Кисс понимает, что вся страна постоянно находится в движении, а Лондон – это ось, вокруг которой вращается все остальное: «London is the hub around which all else revolves, the ordering, civilising, progressive force which influences first the Home Counties, then the entire nation, ultimately the Empire and through the Empire the Globe itself: a city more powerful than all cities before it, perhaps more powerful than all cities will ever be» [Moorcock 1988: 221]. В представлении героя, Лондон – это последняя столица из эпохи великих городов, но ее золотой век подошел к концу: она определенно достигла зенита и обречена закатываться, как Афины или Рим. Кисс так же, как и автор романа, уверен, что память о Лондоне будет долговечнее, чем его камни. Муркок здесь не идеализирует колониальное прошлое, а говорит о том, что Лондон – это палимпсест различных эпох, а архитектура, ритуалы и многое другое, что остается от прошлого, обнаруживают себя как скрытые программы, которые позволяют нам непрерывно воспроизводить тексты истории. Город – это механизм, который постоянно порождает свое собственное прошлое так, что оно оказывается одновременно с настоящим и сопоставимо с ним.

Как указывалось ранее, палимпсест – это древняя рукопись, написанная по счищенному, еще более древнему письму[208]. Герой романа Дэвид Маммери, увлекающийся сочинением летописи легендарного Лондона», пытается восстановить этот древний соскобленный слой. Он собирает городские легенды и мифы, а его квартира как музей и Лондон в миниатюре: «A crowded museum of ephemera, of late Victorian advertisements, Edwardian crested ware, 20s and 30s magazines, wartime memorabilia, posters from the Festival of Britain, toy guardsmen, Dinky delivery vans, lead aeroplanes, his room's surfaces are covered by confused and varied strata, uncatalogued and frequently unremembered» [Op. cit.: 5]. Маммери еще исследует маршруты подземного Лондона с его лабиринтом

[208] См. Раздел 6.5.2. «Метафора текста», подраздел «Лондон-как-палимпсест».

заброшенных тоннелей и древних рек, заключенных в коллекторы[209]. Он уверен, что под Лондоном обитает племя троглодитов, которое спустилось под землю во время Большого лондонского пожара, пополнялось за счет бродяг, воров и беглых заключенных и получило много новых членов во время Блица, когда многие люди искали спасения в метро» [Op. cit.: 12]. С долей иронии Муркок описывает, как Маммери пытается установить с ними контакт, оставляет подарки, но оказывается, что их забирают лазающие по тоннелям школьники.

«Лондон, любовь моя» – это попытка воссоздать «потерянный», «забытый», маргинальный [210] Лондон сквозь призму восприятия трех главных героев и на основе их перемещений в лондонском пространстве. Здесь неважно, соответствует ли их Лондон объективной «онтологической» реальности; скорее, важно, что он ей не соответствует и творится заново [Соснин 2013(б): 88].

Это и попытка «артикулировать» лондонское пространство в текстовой форме, воссоздать многообразие городской жизни, «вскрыть» различные слои лондонского палимпсеста, избежав при этом характерного для традиционных карт обобщения. В традициях постмодернистского романа читателю предлагается принять участие в этом процессе, сформировать свой собственный ментальный ландшафт британской столицы на основе нехронологического, фрагментарного, ассоциативного повествования.

---

[209] Вполне в рамках представления о городе как о палимпсесте М. Муркок замечает, что намеки на существование под Лондоном целого города разбросаны по самым разным текстам со времен Чосера.

[210] Эта линия представлена в романе, в частности, похождениями Джона Фокса и его сестры Рини. Джон – мелкий антрепренер, рэкетир и контрабандист, а Рини – его пособница. Еще они интересуются недвижимостью и хотят заполучить «Прибрежный коттедж» сестер Скараманга, потому что это выгодное место для застройки. Джон и Рини хотят напугать сестер и незаконно снести коттедж до того, как через суд ему будет присвоен статус «охраняется государством». Зная, что это решение вот-вот будет вынесено, и стремясь выиграть время, Джозеф Кисс вызывается провести Джона и Рини через подземные тоннели к коттеджу и оставляет их блуждать в темноте в лондонских катакомбах. Выберутся они только через два дня, а между тем сестры Скараманга получают решение суда и справедливость торжествует. Вообще, Муркок признает, что существование маргинальных, деклассированных и преступных элементов – это неотъемлемая характеристика лондонской жизни, но относится он к ним с долей презрения и не может избавиться от «классовости» восприятия. Так, в уста Кисса он даже вкладывает инвективу против людей из пригородов, которые переезжают в центр и постепенно вытесняют коренных Лондонцев: «Complaining all the time, these half-educated drones are filling up Fulham and Finchley with their snotty little ill-trained babies <…>. They should be kept in reservations, limited to South Ken and to Chelsea, not encouraged to move into Clapham and Battersea. You hear them moaning about the people who were born there as if those were the interlopers! <…> They don't belong here. They're trying to turn London into some appalling Dorking. We should set up barriers to check everyone who comes in <…> It's rural blight. It's hideous!» [Moorcock 1988: 378].

7.6. Литературный субтекст конкретной эпохи в составе лондонского текста. Литературная жизнь в Лондоне во времена О. Уайльда.

В разделе будет представлен обзор лондонской литературной жизни времен О. Уайльда. Приводимый материал относится не столько к творчеству данного писателя, сколько к литературным особенностям поздневикторианской эпохи, рассматриваемым, тем не менее, сквозь призму его незаурядной личности. В разделе, таким образом, будет реализовываться тематически ограниченный и темпорально локализованный субтекст из состава лондонского текста – поздневикторианский литературный субтекст. В разделе будет также говориться о прецедентности, концептальной значимости лондонских топонимов и социокультурных реалий поздневикторианской эпохи – времени, когда в литературе царил гений О. Уайльда.

Английские критики утверждали, что представители высшего общества не читают ничего, кроме дешевых новелл, тем самым лишая себя огромного удовольствия, хотя отказывать себе в чем-либо совсем на них не похоже. По замечанию известного журналиста и эссеиста Уолтера Бэджота, «значительная часть «лучших»англичан предпочитала пребывать в состоянии тупоумия, так подобающего их положению в обществе» [Cit. ex: Altick 1973: 60; перевод мой – *А.С.*].

О. Уайльд прекрасно понимал, что путь, по которому шло развитие английского романа, напрямую зависел от предпочтений среднего класса и растущего в его среде спроса на развлечения. Это было очевидно из всеобщей увлеченности натуралистическими романами Джорджа Гиссинга, вдохновленными Эмилем Золя и переносящими читателей из уютных гостиных в мир лишений и нищеты. Уайльд считал, что в подобных романах совершенно отсутствует изящество и художественная форма. Он писал: «Мы стали свидетелями того, как зарождается новое литературное течение; отрицать это было бы несправедливо. У этого течения нет корней на английской почве, и в нем не берутся за основу принципы английских художников слова. Его суть

можно охарактеризовать как парижский реализм, подвергшийся очистительному, рафинирующему влиянию Бостона[211]. Его цель – анализ, а не действие, психология берет в нем верх над страстью, и все искусно описывается лишь в этом ключе. Как банально!» [Wilde 1909: 261; перевод мой – *А.С.*].

По мере роста среднего класса росло и число газет и журналов – особенно небольших литературных журналов, выходивших в книжном формате. Появлялось все больше издательств, книжных магазинов, газетных киосков на вокзалах; росла армия литераторов и критиков, и общий объем печатной продукции стремительно увеличивался. Полное собрание сочинений Джона Рёскина вышло в 39 увесистых томах; у шотландской писательницы Маргарет Олифант, пользовавшейся невероятной популярностью, было опубликовано более 120 книг, включая исторические романы, путеводители, биографии и литературную критику. Росло число библиотек. Многие посещали их для того, чтобы провести хотя бы некоторое время в тишине читального зала – подальше от кошмара переполненных лондонских домов.

Диапазон выходивших в Лондоне газет был необыкновенно широк: от консервативных и респектабельных изданий до продукции, которая в 1895 г. стала именоваться «желтой прессой». Своим появлением этот термин обязан Желтому малышу (*Yellow Kid*) – известному персонажу комиксов, которые в этом году впервые стали печататься в одной нью-йоркской газете в цвете.

Желтый цвет еще ассоциировался с обложками популярных французских романов, непременно считавшихся безнравственными и декадентскими. Поэтому, когда Генри Гарланд и Обри Бердслей основали в 1894 г. иллюстрированный литературный журнал, он получил название «Желтая книга» (*The Yellow Book*). Журнал выходил раз в три месяца и просуществовал до 1898 г. Оскар Уайльд, впрочем, недолюбливал «Желтую книгу» и никогда для нее не писал, хотя с Бердслеем дружил давно. Любопытно, что в 1895 г.,

---

[211] В Бостоне и его окрестностях преобладала английская литературная традиция, поскольку Новая Англия во всех отношениях тяготела к Великобритании. Здесь еще было живо наследие Александра Попа, а романтизм носил подражательный характер [Макдауэлл 1977: 343].

когда Уайльда арестовали, газеты сообщили, что, отправляясь в тюрьму, он взял с собой перчатки, трость и «Йеллоу бук» – «Желтую книгу». В типографии допустили ошибку: репортер, присутствующий при аресте в отеле Кадоген, написал, что это была «*a* yellow book», т. е. *какая-то* книга желтого цвета, а не журнал «*The* Yellow Book». Оскар Уайльд, кстати, взял с собой «Афродиту» Пьера Люи, но возмущенные толпы направились к редакции журнала и побили там все стекла, требуя его закрыть. Волна общественного возмущения обрушилась и на самого Бердслея, автора эротических рисунков в «Желтой книге». Ему пришлось перейти в журнал «Савой».

В Лондоне вообще выходило много литературных журналов. Помимо известных и влиятельных «Сэтэди-ревью» и «Вэнити-фэр», были еще такие небольшие издания, как «Скетч», «Пэлл-Мэлл-баджет», «Октопус», «Пик-ми-ап» и десятки других. В них начинали свою карьеру практически все сколь-нибудь значимые английские поэты, романисты и критики того времени. Литературные журналы пользовались у образованных представителей среднего класса большой популярностью, поскольку, по словам американского исследователя викторианской эпохи Ричарда Олтика, «материал в них преподносился в серьезной, но не навязчивой манере, отличавшейся изысканностью, а не излишним остроумием или намеренной сенсационностью» [Altick 1973: 68; перевод мой – *А.С.*]. Литературные журналы были важны еще и тем, что в них по частям печатались крупные произведения. Так, целых три романа Энтони Троллопа сначала публиковались в «Фортнайтли-ревью» и лишь потом вышли отдельными книгами; «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда впервые шокировал критиков со страниц ежемесячного журнала Липпинкотта.

Редакции и типографии практически всех лондонских периодических изданий располагались на Флит-стрит. Домой газеты, как правило, не доставлялись, и поэтому мальчишки-газетчики, которые сновали между карет и повозок в час-пик и выкрикивали газетные заголовки, были такой же неотъемлемой частью лондонских улиц, как и полицейские, которые никак не могли за ними уследить.

Книжные магазины в Лондоне были сосредоточены на Чаринг-кросс-роуд. Это был доходный и серьезный бизнес – настолько, что, прежде чем получить квалификацию продавца-специалиста, служащий должен был состоять на обучении целых четырнадцать лет. У покупателей наибольшим спросом пользовались желтые издания со скандальными новостями, любовные романы и детективы – в общем, все, что щекотало нервы, – от «ужасов за пенни» (*penny dreadfuls*) до «сенсаций за шиллинг» (*shilling shockers*). Более искушенная публика увлекалась сентиментальными и приключенческими романами, написанными изящным языком в духе Марии Корелли, любимой писательницы королевы. На Стрэнде и Холиуэлл-стрит можно было приобрести эротическую литературу.

Книгами Британскую империю снабжали ведущие лондонские издательства, такие как «Макмиллан». Они в основном специализировались на учебной и классической литературе. Когда О. Уайльд учился в Оксфорде, он безуспешно предлагал «Макмиллану» свои услуги по переводу с древнегреческого. Владельцы ряда небольших издательств дерзко заявляли, что прибыль их не интересует и служат они чистому искусству. Уильям Моррис, например, основал «Кельмскотт-пресс». Уайльд сотрудничал с издательством «Бодлей-хед», в котором опубликовал свою «Саломею».

Толчком к эволюции английского романа послужил отказ от старого формата издания в два или три тома. Это было неудобно, дорого, и читателям приходилось подолгу ждать книги в библиотеках. Новый роман стал печататься в одном томе ценой шесть шиллингов, и авторам пришлось ориентироваться именно на этот формат. Благодаря этому продажи книг резко возросли.

Старый формат ассоциировался с устаревшими средневикторианскими принципами. Так, в 1843 г. Томас Карлейль поместил на титульный лист своего исторического труда «Прошлое и настоящее» цитату из «Валленштейна» Шиллера: «Ernst ist das Leben» («Жизнь сумрачна», досл. «серьезна»). В 42 главе романа Диккенса «Дэвид Копперфильд», написанного

семью годами позднее, главный герой высказывает убеждение, что «ничто не может заменить пылкую, непоколебимую настойчивость» [Диккенс 1959: 202] (досл. «серьезность»: *there is no substitute for thorough-going, ardent, and sincere earnestness* [Dickens 1850]). В конце XIX века такие моральные принципы уже казались безнадежно устаревшими, гнетущими и попросту нелепыми. В 1895 г. Оскар Уайльд открыто посмеялся над ними, дав своей новой пьесе название «Как важно быть серьезным» и указав, что это «легкомысленная комедия для серьезных людей». И совсем неслучайно классик викторианской литературы Сэмюэл Батлер (1835-1902) называет героя своего романа «Путем всея плоти» (*The Way of All Flesh*, опубл. в 1903 г.) Эрнестом (*Ernest*; *earnest* – «серьезный»): ведь это недалекий человек с сомнительными моральными устоями. К 1880-м годам, когда Батлер начинал работать над своим романом, викторианская добродетель «серьезности»или целостности, предполагавшая строгость нравов, религиозную ортодоксальность, сдержанность во всем и твердую веру в личное и историческое развитие, перестала быть непререкаемой истиной и уступила место более глубокой, все ставящей под вопрос «серьезности» [Cf.: Sanders 2004: 464].

Хотя царствование королевы Виктории, воплощавшей незыблемую добродетель, продлилось до января 1901 г. и, хотя его последние годы, как писали в патриотически-настроенной прессе, стали апогеем славы и величия Британской империи, викторианские ценности, убеждения и социальные конвенции стали активно, зачастую резко оспариваться новым поколением писателей-интеллектуалов. Литература последних двадцати лет XIX века, безусловно, характеризуется полифоничностью, но ее «цементирует» стремление пересмотреть литературные предпосылки 1850 и 60-х годов и выработать новые критерии, основанные на освобождении личности и эволюционном развитии общества. Если авторы первых двух третей XIX века только еще пытались постичь в своем творчестве крайне усложнившуюся жизнь во всем многообразии ее проявлений, найти в нем место для множества противоречивых убеждений и доктрин, то их коллеги конца века критически

пересматривают эти идеи и ищут параллели в современной научной мысли, которая служит для них источником вдохновения. Однако выводы, к которым они приходят, нередко их пугают. Когда Тэсс Дарбейфилд наивно рассказывает Энджелу Клэру о своих безотчетных страхах перед жизнью, тот замечает, что «в бесхитростных фразах <...> высказывала она чувства, какие, пожалуй, являлись чувствами века – болезнью модернизма» [Гарди 1983]. В Англии «болезнь модернизма» не привела к появлению новых литературных форм, однако формы существующие пришлось адаптировать, с тем чтобы отчетливее выразить всеобщее ощущение беспокойства.

Время перемен – это всегда время сожалений об ушедшей эпохе. Несмотря на то что в Лондоне все большее распространение получают электричество и телефон, своим обликом он отсылает к прошлому: в архитектуре господствует неоготика и псевдостиль королевы Анны. В готическом стиле выполнена каменная облицовка башен Тауэрского моста, хотя построен он был примерно в одно время с Эйфелевой башней и может похвастаться не менее сложной металлической конструкцией.

В Лондоне появляется общество по защите старинных зданий. Его основывает Уильям Моррис. В английской старине, в средневековье он черпает вдохновение для своих «искусств и ремёсел» и для своих стихов. Другие поэты и писатели тоже нередко оглядываются назад, надеясь найти в прошлом нечто большее, чем утонченность нравов, романтическую атмосферу, рафинированную красоту и высокую добродетель (или изысканную развращенность). Материализм и технический прогресс повергали в ужас придворного поэта Альфреда Теннисона, и, хотя тревоги конца века в его творчестве отражены, он всегда хотел о них забыть, уходя в работу над своими «Королевскими идиллиями» и погружаясь в романтически-возвышенную атмосферу времен короля Артура и рыцарей круглого стола.

После смерти Теннисона все ожидали, что следующим придворным поэтом станет Алджерон Чарльз Суинбэрн. Однако выяснилось, что в

молодости он вел весьма фривольный образ жизни, и, выждав подобающее время, королева назначила вместо него Альфреда Остина.

Глубокое переосмысление романтических образов прошлого находим в творчестве Роберта Браунинга: они выходят у него печальными и мрачными. Популярность Браунинга была ничуть не меньше, чем у придворного поэта. В 1884 г. в Англии насчитывалось 22 общества, объединяющих его почитателей. Однако некоторые из его поклонниц были очень легкомысленны: когда общество Р. Браунинга в кембриджском колледже Гэртон было распущено, то, по сообщению в альманахе «Академия», входящие в его состав студентки не только единогласно проголосовали за то, чтобы оставшиеся средства потратить на шоколад, но сразу же его купили и съели! [Academy 1886: 200].

Но не воспоминаниями о прошлом, а гордостью за славное настоящее питается британский дух. Империю, над которой никогда не заходит солнце, воспел в своих стихах Редьярд Киплинг. Однако не все так безоблачно над Британией: Киплинг подвел своих современников к осознанию имперских обязательств, «бремени белого человека». Он же первый в стихотворении «Отпустительнаямолитва» (*Recessional*) предостерег нацию от гордыни и самодовольства – после того как в 1897 г. бриллиантовый юбилей правления королевы Виктории был отпразднован с непомерной пышностью: Тускнеют наши маяки, / И гибнет флот, сжимавший мир... / Дни нашей славы далеки, / Как Ниневия или Тир. / Бог Сил! Помилуй нас! – внемли, / Дабы забыть мы не смогли! [Киплинг 1897].

Грядущие перемены предчувствуют и в лондонском литературном авангарде. Мироощущение его представителей в одинаковой мере пронизывают упаднические настроения конца века и восторженный оптимизм зарождающейся новой эпохи. Что может быть более декадентским, например, чем вызывающее заявление О. Уайльда в эссе «Критик как художник» (*The Critic as Artist*, 1891) о том, что «грех есть существенный элемент прогресса» и что «без него мир начал бы загнивать, дряхлеть и обесцвечиваться»? [Уайльд 1891] Впрочем, в том же году в эссе «Душа человека при социализме» (*The Soul*

of Man under Socialism) Уайльд напишет уже об Иисусе Христе как о воплощении высшего индивидуализма – индивидуализма прогрессивного, не капиталистического. Это эссе серьезно восприняли даже наиболее скептически настроенные сторонники социализма в Англии.

Несмотря на готические мосты и тоску по временам короля Артура, поздние викторианцы отчетливо ощущают то, как они непохожи на предыдущие поколения. Словом «новый» демонстративно обозначается практически все, о чем пишут в литературных журналах: «новый дух», «новый юмор», «новый реализм», «новый гедонизм», «новый юнионизм», «новая драма» и «новыеженщины». Многие из «новшеств»своей единственной целью имели эпатировать общественность – этим занимались и Оскар Уайльд, и Обри Бердслей, и эссеист Макс Бирбом – творческие люди безудержной, импульсивной натуры. В то же время, вниманием это явление обойти нельзя: это остроумная и изящная попытка вылечить общество от самодовольства, лицемерия и помпезности высокого викторианства. Отметим также, что оно имело коммерческий успех, и поэтому само было продуктом буржуазного общества, против которого оно создавалось. «Ничто, даже традиционная добродетель, не является», по словам английского поэта и критика Артура Саймонса, «более провинциальным, чем то, что принято считать пороком; желание же шокировать мещан свидетельствует о том, что вы сами из их среды» [Symons 1899: 8; перевод мой – *А.С.*].

Как свидетельствует английский журналист и писатель Холбрук Джексон, «в так называемых артистических кругах стало модным пить абсент и обсуждать вызываемые им видения. В арсенале этих дилетантов греха имелись и другие доселе невиданные субстанции, употреблять которые представлялось им делом романтическим. Поэтому, чтобы расширить свои ощущения за пределы обыденного сознания, они без разбору использовали самые различные стимуляторы и снотворные – от ладана, благовоний и духов до опия, гашиша и всех видов спиртного» [Jackson 1923: 127; перевод мой – *А.С.*].

На лондонских эстетов опьяняющее действие могла производить поэзия. Алджерона Чарльза Суинбэрна можно было застать в мастерской одного из его друзей-художников декламирующим с содроганиями в голосе и теле свою «Итиль», «Фелис» или «Долорес» расположившимся полукругом почитателям его таланта, которые тоже пребывали в состоянии экстаза. В один из таких вечеров восторженные слушатели все как один упали на колени. Особенно неистовствовали молодые прерафаэлитки, и однажды на золотистые кудри поэта приземлился ни больше, ни меньше лавровый венок, ловко брошенный из публики прекрасной ручкой [Anstey 1891: 192-193].

В литературе конца века возникает новое отношение к Лондону и городу как таковому. По словам Холбрука Джексона, в 1890-е годы «Лондон и все искусственно созданное человеком получило у художников слова особый романтический ореол. Хотя поэты и не перестали писать на пасторальные темы, они нашли новый источник вдохновения в урбанистическом пейзаже: на улицах и площадях, в театрах и мюзик-холлах, в каменной кладке домов и плитах мостовой. Одиночество поэта больше не вдохновляет: он ждет муз на Стрэнде и Флит-стрит!» [Op. cit.: 105] Так, в 1895 г. английский поэт французского происхождения Ричард Ле Гальен напишет «Балладу о Лондоне», открывающуюся известной строфой: «Ah, London! London! our delight, / Great flower that opens but at night, / Great City of the midnight sun, / Whose day begins when day is done». И далее: «Lamp after lamp against the sky / Opens a sudden beaming eye, / Leaping alight on either hand, / The iron lilies of the Strand» [Gallienne Le 1895]. Само по себе восхищение Лондоном не было чем-то новым. Но впервые к нему добавилось преклонение перед прогрессом, техническим гением[212], масштабами урбанизации. Особое очарование теперь несут даже лондонская суета и темные стороны городской жизни.

---

[212] Вспомним, как Р. Киплинг восторгался механизмами. Так, в поэме «Молитва Макэндрю» (*McAndrew's Hymn* , 1894) он одухотворенно говорит о паровой машине, как о живом существе: «Басами поршни зазвучат, а помпы – чуть визгливо, / Эксцентрики заголосят и заскрежещут шкивы, / И передачи подадут свой глас в свой миг и час, / И вал – услышишь! – подпоет, в великий хор включась. / Вот это песня! В ней – напор, и слаженность, и сила <…> Канон совместный – их и мой – в затверженном звучанье: / «Закон, Порядок, Служба, Долг, Надежность, Послушанье!» / Так их сработали навек, такую мысль внуша, – / Подумать может человек, что есть у них душа» [Киплинг 1894].

Эту тенденцию подхватывают и в среде художников. Джеймс Уистлер, американский живописец и график, который большую часть жизни провел в Англии, в одной из своих лекций скажет следующие слова: «And when the evening mist clothes the riverside with poetry, as with a veil, and the poor buildings lose themselves in the dim sky, and the tall chimneys become campanili, and the warehouses are palaces in the night, and the whole city hangs in the heavens, and the fairy-land is before us» [Whistler 1925: 13]. Уайльд своеобразно развил эту идею, заявив, что настоящее искусство демонстрирует нам то, что у природы нет воображения, и что всякая неудача художника – это результат обращения к жизни и природе. Всячески поддерживаемый О. Бердслеем, Уайльд поднял против природы настоящий мятеж под девизом «Главная задача в жизни – быть как можно более искусственным».

В Лондоне этих лет литераторы часто встречаются на светских мероприятиях. Так, в 1889 г. американский издатель Дж.М. Стоддард пригласил на званый ужин Артура Конан Дойля, и тот был приятно удивлен, обнаружив среди гостей О. Уайльда. Эта встреча стала для Дойля знаковой: Уайльд очень благосклонно отозвался о его последнем романе «Приключения Михея Кларка», и под конец вечера оба писателя договорились о сотрудничестве с журналом Липпинкотта. Конан Дойль опубликует там повесть «Знак четырех», в которой во второй раз появится Шерлок Холмс, а Уайльд – роман «ПортретДориана Грея».

В 1890 г. в попытке возродить литературную таверну XVIII века создается «Клуб рифмачей» (*Rhymers' Club*)[213], объединяющий около 12 поэтов-декадентов. Они обычно встречаются в пабе «Старый чеширский сыр» на Флит-стрит, но Уайльд приходит, только если встреча проходит у кого-нибудь дома. Участники выступают в алфавитном порядке, начиная, как правило, с Эрнеста Доусона и заканчивая Уильямом Батлером Йейтсом. Доусон часто посвящает свои стихи прекрасной Кинаре (еена самом деле зовут Аделаида),

[213] Это относительно устоявшийся литературный термин. Однако правильнее было бы сказать «Клуб стихотворцев», т.к. слово «rhymer», в отличие от слова «рифмач» не несет столь сильной отрицательной коннотации.

дочери поляка-трактирщика из Сохо, в которую он безнадежно и трогательно влюблен и с которой он каждую неделю целомудренно играет в карты.

Члены клуба ведут горячие споры о литературе. Как отметил Генри Джеймс в эссе «Искусство прозы» (*The Art of Fiction*), «искусство зиждется на дискуссии, на эксперименте, на любопытстве, на различии подходов, на обмене мнениями и на сравнении точек зрения; и можно с уверенностью заявить, что то время, в которое людям об искусстве сказать нечего, и свои предпочтения они высказать не способны, – это время скуки и отсутствия прогресса, каким бы славным оно ни было» [James 1884; перевод мой – *А.С.*].

Итак, несмотря на то что в Лондоне конца XIX века публиковалось много тривиального, сенсационного и эпатажного, настоящая литературная жизнь в нем била ключом, а ее участники смело ломали стереотипы и презирали условности и ханжескую мораль поздневикторианского периода. Но девяностые годы неожиданно подошли к концу. Как вспоминал У.Б. Йейтс, «в 1900 году все вдруг распрощались со своими высокими устремлениями и спустились с небес на землю. Больше никто не пил абсент с черным кофе, не сходил с ума, не кончал жизнь самоубийством, не становился католиком, а если такое и случалось, то я об этом и не вспомню» [Yeats 1936: xi; перевод мой – *А.С.*]. В 1900 г. Генри Джеймс сбрил бороду и усы. В 1900 г. в Париже в изгнании умер Оскар Уайльд. В 1901 г. скончалась королева Виктория. Век ушел, а Лондон и английская литература изменились навсегда.

7.7. Темпорально локализованный субтекст театра в составе лондонского текста. Театральная жизнь в Лондоне во времена О. Уайльда.

В разделе будет приведен пример того, как может быть реализован тематически ограниченный и темпорально локализованный субтекст из состава лондонского текста: это театральный субтекст, относящийся ко времени, когда в Лондоне творил Оскар Уайльд. Иллюстративный материал будет относиться не столько к творчеству данного писателя, сколько к особенностям

театральной жизни Лондона в поздневикторианскую эпоху, которые, тем не менее, будут рассматриваться сквозь призму незаурядной личности Уайльда. Раздел призван продемонстрировать прецедентность имен собственных, связанных с британской столицей, их важность в составе лондонского текста как генераторов бесконечных ассоциативных рядов и, соответственно, непрогнозируемых его реализаций.

Кроме того, в разделе будут анализироваться творческие искания Уайльда-автора пьес и других драматургов, его современников, исследоваться направления эволюции английской драмы в 80-90 гг. XIX в., период ее коренных изменений, приводиться суждения театральных критиков. В состав раздела, соответственно, будет включен обширный социокультурный контекст – в соответствии с современным литературоведческим подходом, когда при анализе должен учитываться не только сам текст, но и сопутствующая ему затекстовая реальность.

Когда в октябре 1881 г. английский импресарио Ричард Д'Ойли-Карт (1844-1901) открыл театр «Савой» на Стрэнде, лондонская театральная жизнь буквально предстала в новом свете. Театр освещался 12 тысячами дуговых ламп, которые работали от шести генераторов. Все стало выглядеть по-другому: актеры и публика, сцена, зрительный зал и фойе, – да и сами спектакли стали восприниматься по-новому, и от них стали ожидать чего-то большего.

В юности Д'Ойли-Карт работал у отца в нотном издательстве и сам пробовал писать музыку. Однако вскоре он понял, что его призвание – организаторская деятельность. Д'Ойли-Карт переквалифицировался в театрального агента и уже в 1875 г. поставил комическую оперу «Суд присяжных» на музыку Артура Сеймура Салливана (1842-1900) и стихи Уильяма Швенка Гильберта (1836-1911). Постановка имела большой успех, и это положило начало более чем двадцатилетнему сотрудничеству. Следующие четыре оперы Гильберта и Салливана («Волшебник» (1877), «Корабльее величества «Фартук» (1878), «Пензанские пираты» (1879) и «Пейшенс» (1881)

сначала шли в лондонской «Опера-комик» а затем переместились на сцену открывшегося «Савоя». Они до сих пор известны как «савойские оперы» и пользуются неплохой популярностью, а труппа, осуществляющая их постановки, носит имя Д'Ойли-Карта.

В своем театре Д'Ойли-Карт положил начало искусству освещения сцены – когда он впервые придумал затемнить ряд софитов, с тем чтобы создать иллюзию ночи. По замечанию американского писателя и драматурга Бута Таркингтона, находившегося в то время в Лондоне, «благодаря электричеству представления о сценическом мастерстве в корне изменились. В тусклом свете газовых ламп актеры должны были только играть свои роли. Теперь им стало нужно и соответствующим образом выглядеть» [Cit. ex: Guileman 1989: 60; перевод мой – *А.С.*].

Зная, что театр будет ярко освещен, публика стала одеваться не так кричаще. Леди отказались от тяжелого макияжа и перестали носить украшения из цветных драгоценных камней, предпочтя им бриллианты. Театральные интерьеры тоже стали более сдержанными и благородными. Д'Ойли-Карт писал: «Мы решили не оформлять «Савой» в стиле королевы Анны, раннеанглийской готики или так называемого эстетизма, и люди с хорошим вкусом, без сомнения, одобрят то, что у нас получилось. У нас вы больше не увидите изображений херувимов, ангелов, муз и античных богов – только изящные лепные орнаменты в духе итальянского ренессанса. В декоре используются преимущественно белый и бежевый цвета, а также немного позолоты – но исключительно для оттенения массивных деталей, а не аляповатого раскрашивания рельефной лепнины. Кресла в партере обтянуты голубым плюшем, а на балконе – тисненым бархатом. Занавески в ложах из парчи кремового цвета с неброским цветочным узором» [D'Oyly Carte 1963: 194; перевод мой – *А.С.*].

Публика 1880-х годов приняла новое театральное убранство с восторгом. Ходить в театр опять стало очень модным, тем более что в репертуаре лондонских театров были постановки на любой вкус: от классической трагедии

до бурлеска. Именно в театре формируются культурные предпочтения различных социальных слоев; в некоторых случаях он даже способствует их взаимодействию. Например, на рождественскую пантомиму детей бедняков приглашают вместе с детьми аристократов.

Театр, таким образом, становится площадкой для экспериментов, социальных и художественных (которые, однако, идут под пристальным наблюдением английской цензуры). На лондонской сцене впервые появляются постановки на тему взаимоотношения полов. По мнению О. Уайльда, театр этого времени «воплощает не столько порок, сколько вульгарность» [Wilde 1909: 239]. Он также пишет, что «… нам нужен более творческий подход, бóльшая независимость драматургического языка от существующих условностей. Весьма сомнительно, что высшим идеалом искусства, призванного отражать природу, должно быть только вознаграждение добродетели и наказание безнравственности» [Ibid.; перевод мой – *А. С.*].

Для нового театра требовался, соответственно, новый репертуар. Первая пьеса Уайльда «Вера, или Нигилисты» (*Vera; or, The Nihilists*, 1880) успехом не увенчалась – во многом потому, что была написана в мелодраматической традиции, которая уже считалась практически изжившей себя. Действительно, несмотря на, казалось бы, актуальный сюжет, который отражает нарастающую в обществе боязнь анархизма и крушения сложившегося порядка вещей, «Вера, или Нигилисты» остается старомодной мелодрамой, написанной высокопарным, трудным для понимания языком. Не помогло пьесе и то, что Уайльд послал роскошно переплетенный именной экземпляр ее издания ведущей актрисе своего времени Элен Терри. «Вера, или Нигилисты» демонстрирует незрелость автора в написании произведений для сцены; о понимании Уайльдом русских политических реалий вообще говорить не приходится.

Свою следующую пьесу «Герцогиня Падуанская» (*The Duchess of Padua*) Уайльд закончил в 1883 г., когда был в Париже. Она написана тяжелым

псевдошекспировским белым стихом и плохо адаптирована для сцены. В Лондоне она так и не была поставлена.

Ключ к успеху у театральной публики Уайльд найдет лишь спустя десятилетие: социальная сатира, заставляющая людей смеяться до слез. Комедии Уайльда без преувеличения являются жемчужинами английской драмы. «Как важно быть серьезным» вообще приобрела канонический статус: по статистике, это самая цитируемая пьеса после «Гамлета».

Первым большим успехом Уайльда на лондонской сцене стала «пьеса о хорошей женщине» – «Веер леди Уиндермир» (*Lady Windermere's Fan, A Play About a Good Woman*), премьера которой состоялась 22 февраля 1892 г. в театре «Сент-Джеймс» в самом сердце Уэст-Энда. Поставил ее актер, театральный продюсер и друг Уайльда сэр Джордж Александр.

Очевидные параллели с «Веером»содержатся в следующей комедии Уайльда «Женщина, не стоящая внимания» (*A Woman of No Importance*), поставленной на сцене театра «Хеймаркет» в 1893 г. Обе пьесы строятся вокруг некоторой «зловещей тайны» и написаны в фирменном, неподражаемом стиле Уайльда. Особенно афористична речь главных мужских персонажей, аристократов и денди. В обеих пьесах прослеживаются феминистические мотивы: центральные женские персонажи в них – это волевые личности, обладающие большой нравственной силой, которая берет начало в этике пуританства.

Тонкий искрометный юмор, реальные жизненные коллизии, а не мелодраматические условности – все это находим и в двух следующих комедиях Уайльда: «Идеальный муж» и «Как важно быть серьезным» (*An Ideal Husband*, *The Importance of Being Earnest*; обе поставлены в 1895 г.). Это пьесы о высшем обществе, написанные изысканным языком этого общества, но, в первую очередь, для развлечения среднего класса. Уайльд опасался, что «Идеальный муж» получился слишком длинным, но вердикт принца уэльского Эдварда, присутствовавшего на премьере в театре «Хеймаркет» гласил: «Не вырезáть ни единого слова!» У пьесы были и критики. По мнению Генри

Джеймса, она вышла «незрелой, нескладной, скверной, жалкой и вульгарной» [Cit ex: Pearson 1946: 257; перевод мой – *А.С.*]. Впрочем, драматургия никогда не была сильной стороной Джеймса. Его пьеса «Ги Домвилль» (*Guy Domville*) продержалась на сцене «Сент-Джеймса» всего неделю. Потом ее заменили на «Как важно быть серьезным». Успех был оглушительный. Английский актер Алан Эйнсуорт, сыгравший на премьере роль Алджернона Монкрифа, вспоминал, что за все 53 года игры на сцене он не помнил большего триумфа. «Зрители встали и аплодировали не переставая» [Ibid.].

Реальное достоинство обеих комедий заключается не в претензии на скандальность, не даже в их нарочитой антисентиментальности, но в скрытых мотивах скуки, разочарования и отчуждения человека в обществе, а иногда – в проявлении искреннего небанального чувства. Несмотря на то что обе пьесы – это само воплощение ветрености, легкомыслия и снобизма, что авторская позиция в них крайне непоследовательна, Уайльд сумел блестяще передать то неуловимое ощущение очаровательной непосредственности, когда нет места претензиям и притворству.

Между тем «Ги Домвилль» Джеймса провалился совершенно. Ближе к концу первого действия главный герой восклицает:

- Я, господин мой, последний из рода Домвиллей!

- И это, черт побери, здóрово! – слышится голос с галерки [Cit. ex: Edel 1949: xi; перевод мой – *А. С.*].

По поводу этой пьесы актриса Кейт Терри Джилгуд, старшая сестра Элен Терри, заметила следующее: «Можно сколько угодно говорить о литературной драме, но, чтобы произведение заслуживало называться драматургическим, оно должно быть, во-первых, понятным и, во-вторых, пригодным к постановке на сцене. Во втором действии «Домвилля» есть одна драматическая сцена, но только одна, и возникает она из ниоткуда. Мне вообще любопытно, есть ли у г-на Джеймса хотя бы малейшее представление о намерениях своих героев. Зрители их однозначно понять не смогли, а сент-джеймсские актеры пребывают в недоумении по поводу того, какое настроение героев им следует

передавать» [Terry Gielgud 1980: 19; перевод мой – *А. С.*]. Джордж Бернард Шоу был более снисходителен: «Пьесу г-на Джеймса нельзя назвать плохой: она попросту несовременна. Я не отношу себя к числу поклонников Джеймса: меня интересует не столько сценическое выражение мыслей и эмоций героев, их интеллектуальной жизни, сколько воплощение жизни реальной с ее энергией, волей и страстями. А Джеймс вместо этой бурлящей жизни показывает нам спокойный островок, на котором наслаждаются жизнью образованные леди и джентльмены, которые имеют постоянный доход или получают деньги от занятий искусством. Творчество Джеймса отражает жизнь лишь отчасти: выбирается исключительно интеллектуальное, элегантное, изысканное или же благородное и величавое в своей безмятежности. Это, так сказать, идеал зрителя с балкона, а публика на галерке, да и в партере знает совсем другую жизнь. Однако то, что, по мнению галерки, у автора «кишка тонка», не должно быть поводом для закрытия пьесы» [Shaw 1895: 5; перевод мой – *А. С.*].

В 1892 г. Уайльд пишет на французском языке драму «Саломея» (*Salome*), премьера которой должна была состояться в лондонском театре «Палас» с Сарой Бернар в главной роли. Репетиции уже идут полным ходом, когда лорд-гофмейстер издает приказ, отменяющий постановку, – на основании закона времен Реформации, согласно которому запрещается изображать на английской сцене библейских персонажей. Действительно, в основе сюжета «Саломеи» лежат библейская история о смерти Иоанна Крестителя и повесть Флобера «Иродиада», но они переосмыслены самым радикальным образом. В пьесе Уайльда появляются жуткие, гнетущие образы, и на передний план у него выходят шокирующие аналогии отвращения и страстного желания, смерти и экстаза. Когда в 1894 г. «Саломея» была опубликована, то это было подобно разорвавшейся бомбе, а за Уайльдом окончательно закрепилась слава самого противоречивого писателя и непревзойденного драматурга своего времени. Перевод пьесы на английский выполнил близкий друг Уайльда лорд Альфред Дуглас, а иллюстрации к изданию сделал талантливый график Обри Бердслей в

изысканно декадентском стиле. Это вовсе не способствовало улучшению скандальной репутации Уайльда.

Когда «принца парадоксов» арестовали по обвинению в безнравственности и разразился крупный скандал, его пьесы были быстро сняты с репертуара. Ведущий театральный критик, переводчик и популяризатор пьес Ибсена Уильям Арчер (1856-1924) сетовал по этому поводу: «Воистину, несчастной английской драме удача сопутствовать никак не хочет! Появляется человек, в котором столько таланта, что все остальные, вместе взятые, не стоят и его мизинца; но он совершает такое, что лучше бы он совершил самоубийство!» [Archer 1931: 215; перевод мой – *А.С.*].

«Как важно быть серьезным», например, заменили в театре «Сент-Джеймс» пьесой английского драматурга Генри Артура Джонса (1851-1929) «Триумф филистеров» (*TheTriumph of the Philistines*; название для данного случая весьма символическое!). Джонс начинал свою писательскую карьеру с мелодрам, таких как «Серебряный король» (*The Silver King*), поставленную в 1882 г. Затем он попадает под влияние Генрика Ибсена, автора острокритических социальных драм, в которых обнаруживается глубокое несоответствие между внешней благопристойностью и внутренней порочностью изображаемой действительности. Всего Джонс напишет около 60 пьес социально-критической направленности, но так и не сумеет отказаться от мелодраматических приемов (на что указывает, в частности, Б. Шоу [1963: 256]). Об излишней нравоучительности творчества Джонса высказался в форме эпиграммы один из его современников: «The Stage has got a mission, / The Stage has got a call; / That great is its position, / Must be distinct to all. / It gilds the pill of knowledge / And sermons finds in stones, / To fling at school and college – / Says Henry Arthur Jones» [Rowell 1981: 109].

Сам Джонс, тем не менее, считал себя апологетом «новой драмы». «Мывступаем, – писал он, – в век живой, дышащей драмы: драмы, которая смело заглянет в самые потаенные уголки человеческой жизни и сделает их

достоянием публики; драмы, которая откроет вечные тайны человеческого бытия!» [Jones 1883: 455; перевод мой – *А.С.*].

Тем не менее, драма Джонса «Гибель бабочки» (*The Breaking of a Butterfly*, 1884), английская версия пьесы Ибсена «Кукольный дом», получилась пародией на нее, ведь Джонс видел себя еще спасителем английской драматургии от «зловонных кухонных отбросов ибсеновского континентального мира» [Rowell 1981: 109]. Свои эстетические взгляды он суммирует в книге «Возрождениеанглийской драмы» (*The Renaissance of the English Drama*, 1895).

Таким образом, несмотря на потребность в новом репертуаре и звучащие время от времени призывы к «новой драме», английский театр времен Уайльда остается далеким от сочувствия ибсеновскому натурализму. Любопытно, что в пьесах Ибсена принципиально отказывается играть величайший английский трагический актер Генри Ирвинг (1838-1905). Как заметил известный театральный критик Клемент Скотт (1841-1904), «нет никакой радости в том, чтобы изображать болезненное и уродливое. Театр – это не морг, а драма не анатомический скальпель. Мы должны насаждать хорошее, не показывая дурного» [Scott 1888: 124; перевод мой – *А.С.*].

Значительной величиной в английской драматургии описываемого периода по праву считается Артур Уинг Пинеро (1855-1934). В отличие от блестящих и, в некотором смысле, спонтанных пьес Уайльда его творчество является плодом усердия и досконального знания театра и требований публики (Пинеро начинал как профессиональный актер в театре «Лицеум», которым руководил Ирвинг). Пинеро никогда не бросал никому вызов и, по большому счету, всегда придерживался театральных конвенций. С ностальгическим сожалением он изобразил ушедшие традиции средневикторианского театра в пьесе «Трелони из «Уэльса»[214] (*Trelawny of the "Wells"*, 1898). Это пьеса о

[214] Это общепринятый перевод названия пьесы, но правильнее было бы сказать «Трелони из театра «Уэллс», чтобы не допустить ассоциаций с Уэльсом. В театре «Бэрридж-Уэллс» играет главная героиня пьесы Роза Трелони, выдающаяся мелодраматическая актриса. Придуманное Пинеро название театра – это прозрачный намек на лондонский театр «Сэдлерс-Уэллс», расположенный в Излингтоне в районе Кларкенуэлл. В этом районе бьет много ключей, отсюда и название *Sadler's Wells*.

театре и о его огромном потенциале; актеры в ней играют актеров, а автор говорит о противоречивом характере театрального действа. С одной стороны, оно искусственно, даже фальшиво, а с другой, оно воплощает общечеловеческие ценности.

В начале своей драматургической карьеры Пинеро сотрудничал с видными театральными деятелями: с Джоном Гэром, выдающимся актером из труппы Бэнкрофтов, который играл в пьесах Томаса Робертсона, а также с Уильямом и Мэдж Кэндалами. Уильям Кэндал выступал в амплуа романтического героя, а его жена Мэдж с ее интеллектуальным талантом одинаково успешно исполняла как драматические, так и комические роли. Гэр и Кэндалы управляли театром «Сент-Джеймс» и поставили несколько ранних пьес Пинеро.

Одна из них, «Землевладелец» (*The Squire*, 1881), стала причиной очередного скандала в театральных кругах. Пошли слухи о том, что ее сюжет был скопирован со сценической версии романа Томаса Гарди «Вдали от безумствующей толпы» (*Far from the Madding Crowd*), созданной английским искусствоведом и театральным критиком Уильямом Коминсом Карром (1849-1916). Факты были подозрительными. Ставить инсценировку Гэр отказался – прямо перед тем, как принять пьесу Пинеро. Более того, он утверждал, что потерял рукопись Карра-Гарди, однако потом она вдруг отыскалась и была возвращена авторам. Когда «Землевладельца» поставили, Карр и Гарди пришли на один спектакль вместе с известным адвокатом Джорджем Льюисом, однако судебных исков не последовало. Конец подобным заимствованиям был положен в 1886 г., когда Англия вошла в число участников Бернской конвенции, первого международного соглашения по охране авторского права. Любопытно, что, когда пьесу «Вдали от безумствующей толпы» все-таки удалось поставить в другом театре, она даже не сумела приблизиться к «Землевладельцу» по популярности. В дальнейшем Джон Гэр стал управляющим в театре Гаррика[215], построенном в 1889 г. на Чаринг-Кросс-роуд

[215] Театр назван в честь выдающегося актера и драматурга 18 века, реформатора английской сцены Дэвида Гаррика.

в Вестминстере, и, благодаря его стараниям, на открытии театра сыграли новую пьесу Пинеро «Расточитель». В ней на суд публики выносится смелое по тем временам утверждение, что женщина вправе ожидать от мужчины той же порядочности и добродетели, что он ждет от нее. Таким образом, в своей пьесе Пинеро ставит под вопрос двойную викторианскую мораль, что свидетельствует о его состоятельности как серьезного драматурга и социального критика.

Тема взаимоотношения полов получает дальнейшее развитие в одной из самых успешных пьес Пинеро «Вторая миссис Тэнкерей» (*The Second Mrs Tanqueray*; поставлена в 1893 г. в театре «Сент-Джеймс»). В ней автор открыто выражает свое несогласие с традиционными взглядами на данный вопрос и находит новые способы того, как откровенно заявить об этом со сцены. Сквозь призму личности главной героини Паулы Тэнкерей и сложной ситуации, в которой она оказывается, Пинеро критикует то, что в современном обществе, которым заправляют мужчины, женщине отведена второстепенная, подчиненная роль. Благодаря этому «Вторая миссис Тэнкерей» не потеряла популярности до сих пор, даже несмотря на откровенно мелодраматичный ход с самоубийством главной героини.

Восторженный отзыв о пьесе поступил от У. Арчера. «Вполне возможно, – писал он, – что прибыль от постановки «Второй миссис Тэнкерей» составит не более пяти процентов от вложенных в нее средств и времени, в то время как вульгарный фарс или дешевая сентиментальщина могут принести все пятнадцать. Но разве это не компенсируется чистым восторгом от того, что благородные усилия все-таки увенчались успехом?!

Я не склонен презирать “детское” искусство, пока оно дает хотя бы какую-то пищу для ума, и не призываю к тому, чтобы на сцене шли только пьесы, подобные «Миссис Тэнкерей». Я, слава богу, не перерос страсти к

леденцам[216], но только если они по-настоящему вкусные. Однако питаться только карамелью и не испортить при этом желудок невозможно!

Если в своей пьесе г-н Пинеро и упустил что-то важное, то это всего лишь связано с ограничениями, накладываемыми на него литературной формой. Говорить о том, что он не сумел их преодолеть, – значит утверждать, что он не совершил чуда, которое является уделом абсолютных гениев в редкие минуты абсолютного вдохновения. <...>

«Вторая миссис Тэнкерей» коренным образом отличается от «Расточителя», по поводу отдельных мест которого мы можем сказать: “Вот здесь наигранно, здесь наивно и непоследовательно, а вот такое и вовсе невозможно”. В «Миссис Тэнкерей» на компромиссы с логикой автор не идет: в пьесе нет ничего фальшивого, ничего откровенно неправдоподобного. <...> Короче говоря, это современная, мастерски написанная пьеса. Зрителя она увлекает совершенно, заставляет его всерьез задуматься; вместе с тем в ней нет ничего душещипательного. За все время просмотра слезы ни разу не подступили к моим глазам. Нет, один раз все-таки подступили – когда после представления г-н Пинеро вышел на сцену и весь зал аплодировал стоя! Я ощутил неподдельную радость оттого, что, несмотря на удушающее воздействие нашего театрального мира, наконец-то появился человек, у которого хватило смелости и таланта презреть условности и в полной мере реализовать себя как художника» [Archer 1893: 24; перевод мой – *А.С.*].

Благодаря стараниям Арчера и при активной поддержке Бернарда Шоу, Элеаноры Маркс (дочери Карла Маркса) и Мэй Моррис (младшей дочери Уильяма Морриса) свое место на лондонской сцене все-таки занял Ибсен. «Кукольный дом» в переводе Арчера был поставлен в театре «Новелти» в июле 1889 г. Эстетика Ибсена во многом определила пути дальнейшего развития английского театра и в каком-то смысле подготовила публику к восприятию творчества Б. Шоу с его остро полемической направленностью и осознанием

---

[216] Любопытно, что использованное в оригинале слово *lollipop* также означает «приторное литературное произведение».

ответственности драматурга перед обществом. В 1893 г. фурор произвела пьеса Шоу «Дом вдовца» (*Widowers' Houses*), первая из «Неприятных пьес» (*Plays Unpleasant*). В ней в обнаженной и острой форме, по-прежнему не свойственной поздневикторианскому театру, затрагивается социальная тема о мрачных городских трущобах и выявляются источники процветания некоторых, на первый взгляд, «респектабельных» лиц.

За «Домом вдовца» последовала антиромантическая комедия «Оружие и человек» (*Arms and the Man*, 1894), открывающая цикл «Приятных пьес» (*PlaysPleasant*). Ироничная по стилю и увлекательная по содержанию, она последовательно развенчивает идеалистические мелодраматические конвенции викторианской эпохи.

Благодаря двум этим и последующим пьесам Шоу лондонская сцена становится своего рода платформой для пропаганды женских прав. Высказываясь по поводу пьесы Ибсена «Когда мы, мёртвые, пробуждаемся» (1899), Шоу согласится с ним в том, что «убив в женщине душу, мужчины убили свою собственную» [Cit.ex: Archer 1893].

В пьесах Шоу есть то, чего читатель не найдет в творчестве Ибсена, а именно ироническое представление о человеческой природе и сатира на современное общество: иногда легкая, веселая, а иногда колкая, язвительная. Выражаясь образным языком известного ирландского драматурга Шона О'Кейси (1880-1964), «серебристая нить смеха проходит через все пьесы Шоу и большинство других его произведений, великолепно расцвечивая его острую мысль и разящую сатиру» [О'Кейси 1971: 166]. Сатирическую составляющую Шоу во многом позаимствовал у Уайльда, в его рафинированном мире слов и каламбуров, но сделал ее оружием активной и последовательной критики общества.

Таким образом, после эпохи Уайльда английский театр выработал для себя два ключевых положения. Во-первых, чистое искусство есть нечто бесполезное: оно теряет смысл, когда перестает быть действенным; во-вторых,

оно не должно идеализировать и упрощать действительность, что до этого часто характеризовало викторианскую драму.

До сих пор мы преимущественно говорили об английском театре с литературных позиций, забыв о коммерческом аспекте театральной деятельности, а ведь в Лондоне Уайльда это был большой, хорошо отлаженный и прибыльный бизнес, прообраз современной «индустрии развлечений». У театров часто менялись владельцы и род деятельности, нередко кардинальным образом. В 1876 г. старейший лондонский театр «Сэдлерс-Уэллс» был преобразован в площадку для катания на роликовых коньках, а затем в арену для выступлений иллюзиониста Профессора Пеппера и разнообразных цирковых и театральных трупп. На его сцене также проводились незаконные боксерские поединки. В 1878 г. «Сэдлерс-Уэллс» купила Сидни Фрэнсис Бейтмэн, лондонская импресарио, которая перед этим продала «Лицеум»Генри Ирвингу. За то краткое время, что Бейтмэн руководила театром (она умерла три года спустя), в нем шли водевили и развлекательные программы с музыкальными и акробатическими номерами, а лондонская публика имела возможность ознакомиться с самыми разнообразными видами сценического развлекательного искусства. В 60-70е гг. XIX в. возродился интерес к цирковым трюкам. Так, французский акробат Жюль Лиотар, который изобрел воздушную трапецию и долгое время выступал в театре и мюзик-холле Альгамбра на Лестер-сквер, пользовался такой известностью, что даже стал героем популярной песенки на слова артиста и певца Джорджа Либорна: «He’d fly through the air with the greatest of ease, / A daring young man on the flying trapeze. / His movements were graceful, / All girls he could please, / And my love he purloin’d away!» [Cit. ex: Archer 1893: 44].

Во время лондонского сезона на сцене «Сэдлерс-Уэллс» шли оперетты, пантомимы, фарсы, театральные версии романов Бальзака и Диккенса, популярные пьесы, юмористические представления, выступления певцов и артистов. В 1890-е годы театром владел Джордж Бельмонт (его настоящая фамилия была Бельшетт), который благодаря своим блестящим каламбурам на

театральных афишах снискал славу «аристократа аллитерации». С его легкой руки, например, ведущая комедийная актриса и опереточная певица Мэри Ллойд стала известна лондонцам как «the Divine Droll», the «Music Hall Manager's Mascot», «a Star Supreme in the Sphere of its own Setting» и «the Svengalian[217] Songstress», которая своим искусством зачаровывает самую искушенную публику, повергая ее в «Deliriums of Delight» [Arundell 1969: 175].

Еще одним ярким заголовком на афишах театра стал «Sadler's Special Sadness Shifter» – так Бельмонт рекламировал первые в Лондоне массовые киносеансы, которые проводились им с помощью проекционного аппарата «театрограф» (или «аниматограф»), разработанного английским механиком Робертом Уильямом Полом. Придуманное Бельмонтом объявление гласило: «The Theatrograph Debars Analysis and Delights Audiences because of its Wonderful Simulation of Human Beings in Action. Pictures, Life-size, Life-like, and Full of Character and Colour, are thrown on a Screen. This Theatrograph is a mighty Mirror of Promethean Photography, and an act of Artistic and Mammoth Magnificence!» [Cit. ex: Arundell 1969: 176].

Большой популярностью у лондонцев продолжала пользоваться пантомима, в которой элементы комедии дель арте, традиционные выступления Арлекина и Панталоне, других паяцев и клоунов соединились с передовыми сценическими технологиями XIX в. и были дополнены музыкальным сопровождением. О пантомиме положительно отозвался даже Б. Шоу: «Когда искушенный зритель – такой, как я, – принимается пренебрежительно говорить о бурлеске, опере-буф, музыкальном фарсе и рождественской пантомиме как о несерьезных, легковесных театральных жанрах, он забывает, что без них наши актеры не научились бы искусству подражания и сценической пластике, а профессии техника, осветителя, декоратора, костюмера, фокусника и вовсе бы выродились» [Shaw 1897: 27; перевод мой – *А. С.*].

---

[217] Свенгали – персонаж в романе английского писателя и художника-графика Джорджа дю Морье (1834-1896) «Трилби» (1895). Мрачный и циничный Свенгали, обладающий гипнотической силой, подчиняет себе молодую и талантливую английскую девушку Трилби и в корыстных целях делает из нее известную певицу. Скрытое сравнение со зловещим Свенгали, очевидно, льстило Бельмонту.

И, наконец, в Лондоне были зрелища для бедняков, т.н. «penny gaffs». Корреспондент «Санди-таймс», направленный воскресным вечером в район Марилебон, который простирается от Риджентс-парка до Оксфорд-стрит, так описывает одно из них: «Узкие улочки ярко освещались газовыми фонарями, и сидящие по их краям торговцы зазывали прохожих купить капусту, картошку и кухонную утварь. Повсюду были горы мусора, и запах стоял невыносимый. В каждой второй лавке продавали говяжьи, свиные и бараньи обрезки, на вид заветренные и совсем не привлекательные. В одном магазине двери были распахнуты, и полным ходом шло что-то вроде аукциона. Люди собрались толпой, и в общем гомоне хриплые выкрики аукциониста: «Раз, два, три – продано!» – перемежались с криками снующих лоточников: «Кролик, жаренный на сале, горячий!», «Цветная капуста, покупайте капусту!»

Потолкавшись в толпе и проблуждав по этому «здоровому» и «прекрасному» месту не менее четверти часа, я, наконец, нашел то заведение, которое искал. Учитывая, что это был третьесортный театр, его убранство даже впечатляло! Вход, который когда-то был витриной магазина, хорошо освещался газовыми рожками; в декоре фойе преобладали флористические мотивы, причем все было немыслимо ярких цветов. Но главного внимания заслуживали, конечно, изображения молодых танцовщиц с розовыми пухлыми ножками и в развевающихся пачках. Художник представил их стоящими на пуантах в самых невероятных, но пленительных позах. Сверху и снизу сего творения большими буквами публике сообщалось, что в этом храме искусства каждый вечер идет замечательная пантомима про Дика Уиттингтона.

На танцовщиц с открытыми ртами глазела группа подростков, оборванных и худых до того, что больно было смотреть. Время от времени они искоса и с явным разочарованием поглядывали на висящее сбоку объявление, которое гласило, что лицезреть волшебный мир театра могут только «счастливые обладатели хотя бы одного пенса королевских денег». <…>

Бóльшую часть представления я пропустил: народу было слишком много, а сцена освещалась не очень хорошо. Но то, что я сумел разглядеть, заставляет

меня неохотно признать, что «замечательная пантомима про Дика Уиттингтона» вовсе не соответствовала своему названию. Легендарный мэр Лондона в ней почти не появлялся, и ничего «замечательного» там не было. Что до балета, то он был замечателен своим отсутствием! Руководство театра мудро решило обойтись без него, ведь сцена была такой маленькой – не больше купе в вагоне третьего класса, – что представить на суд публики что-либо масштабное и зрелищное она не позволяла. <…>

Гвоздем программы, очевидно, была собственно пантомима – с неизменными Арлекином, Панталоне, Жандармом и Коломбиной, которая, к слову сказать, своей игрой затмевала всех остальных клоунов. Но несмотря ни на что, успех сего действа у публики был огромный, а такого звонкого и заразительного детского смеха я не слышал никогда в жизни. Неподдельной радости и восхищению детей бедняков в этом «копеечном театре» в Марилебоне могли бы даже позавидовать маленькие леди и джентльмены, сидящие на детских спектаклях в уютных ложах «Ковент-гардена» и «Друри-лейн» [Sheridan 1981: 85-86; перевод мой – *А. С.*].

7.8. Постколониальный субтекст в составе лондонского текста. Мультикультурный Лондон в романе З. Смит «Белые зубы»

На примере романа английской писательницы Зейди Смит «Белые зубы» в данном разделе будет исследоваться мультикультурное пространство Лондона, каким оно предстает в контексте современной английской постколониальной прозы. Попутно будут проанализированы некоторые особенности жанра, в котором работает З. Смит, и раскрыты причины успеха романа у английского читателя. В разделе, таким образом, будет приведен пример реализации постколониального субтекста из состава лондонского текста. Будут выявлены характерные компоненты данного субтекста, и описаны признаки, привносимые в лондонский текст в целом, которые свидетельствуют об эволюции описаний британской столицы (в частности, переосмысление

основного кода Британской империи или изменение вектора оценки с позитивного на негативный).

«Белые зубы» (*White Teeth*, 2000 г.) – дебютный роман современной английской писательницы Зейди Смит (род. в 1975 г.). Центральное положение в романе занимает описание жизни трёх лондонских семей (Икбалы, Джонсы и Чалфены) в нескольких поколениях. Самад и Алсана Икбал – иммигранты из Бангладеш. Джонсы представляют собой смешанный брак: Арчи – англичанин, Клара родом с Ямайки (точно так же, как родители самой З. Смит). Маркус Чалфен – еврей, чьи предки эмигрировали из Польши. Джойс Чалфен – англичанка. В романе есть и другие персонажи, представляющие самые различные этнические и религиозные группы.

Роман получил восторженные отзывы критиков и разошелся миллионными тиражами, а З. Смит стала лауреатом нескольких престижных литературных премий. Хотя выход романа и сложно назвать знаковым событием, нельзя отрицать определенную степень его значимости для английской национальной культуры на рубеже веков. Как отмечает английский литературный критик Патрик Пэрриндер, «роман об иммиграции сейчас признаётся как самая жизненно важная форма художественной литературы начала двадцать первого века», и существует уже «вековая традиция написания романов об иммиграции в Лондон, игнорировать которую нельзя» [Parrinder 2006: 380]. «Белые зубы» являют собой закономерное развитие этой традиции и воплощают идею новой, мультикультурной английскости.

Увидев свет в 2000 г., роман на тему иммиграции не мог не стать отчасти «вторичным».Это признает и сама З. Смит: «Мне было тогда 24 года. Для писателя это то же самое, что быть задорной рыжеволосой девчонкой десяти лет, у которой в голове только танцы. У меня было мало жизненного опыта, вернее, он был опосредованным, основывался на книгах, которые я прочитала. Их было немало, так что я была прекрасно подготовлена к тому, чтобы написать то, что я написала. Мой роман как дом из книг: комнаты в нем

оклеены страницами с чужими мыслями, и вы идете по нему, будто совершая экскурсию по старинному английскому особняку. Вы, конечно, впечатлены, но понимаете, что, скорее всего, в этом доме никто не живет» [Smith 2001] (перевод мой – *А.С.*). Именно узнаваемость (наряду с масштабной рекламной кампанией!) стала одной из важнейших причин, по которым роман З. Смит снискал широкую популярность. По мнению Саймона Проссера, главного редактора издательства «Хэмиш-Хэмилтон», в котором были впервые опубликованы «Белые зубы», творчество З. Смит вобрало в себя отличительные черты письма лучших английских романистов современности: искрометный юмор Мартина Эмиса, серьезность Яна Мак-Эвана (Мак-Юэна), игровой характер отдельных произведений Джулиана Барнса и, наконец, интерес к повседневной английской жизни. Более того, она приняла у этих писателей эстафету и побежала дальше; продолжила их дело, вдохнув в него новую жизнь [Prosser 2001]. Проссер называет Смит исключительно английской писательницей и утверждает, что ее английскость как литератора и как простого человека не фальшивая, не надуманная, а совершенно реальная: она имеет многоконфессиональную, полиэтническую и мультикультурную природу» [Ibid.].

В дальнейшем интерес читателей к «Белым зубам» поддерживался, в частности, за счет того, что после трагических событий в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. и особенно после взрывов в лондонском транспорте 7 июля 2005 г. в обществе возросло внимание к проблеме исламского фундаментализма, которая как раз поднимается в романе. Совершенно ненавязчиво, как бы между прочим, З. Смит показывает, как дети иммигрантов, молодые люди, для которых Англия – родная страна, примыкают к радикальным течениям. Это оказалось более чем актуальным, поскольку исполнители террористических актов 2005 г. были гражданами Великобритании; все они, кроме одного, родились и выросли там, учились в английских школах.

Стала очевидной несостоятельность провозглашенной предыдущими писателями-мультикультуралистами идеи о том, что гармоничное сосуществование культур является визитной карточкой британской столицы. Оказалось, что в лондонском «плавильном котле» плавится далеко не всё: как справедливо замечает С.П. Толкачев, «некоторые огнеупорные болванки, не исчезая, склонны к существованию на поверхности» [Толкачев 2003: 170]. Городское же пространство становится рингом, на котором приезжим приходится отстаивать свое право жить и работать, соблюдать свои традиции и исповедовать свою религию. В своем романе З. Смит создаёт безрадостную картину Лондона конца XX века, в которой, несмотря на множественность и соприсутствие культур и народов, иммигранты с неевропейской внешностью так и остаются «чужими», даже родившись и прожив несколько десятилетий в Англии. Например, дальнего родственника Икбалов Мохамеда Хуссейна-Исмаила, владельца двух лавок – мясной и кондитерской, «пятьраз пыряли ножом, ему отрезали подушечки трех пальцев, ломали руки и ноги, поджигали пятки, выбивали зубы и стреляли в него из духового ружья» [Смит 2005: 315]. Белым хулиганам не нравилось, что Мохамед пакистанец («поди объясни пьяному, что ты из Бангладеш» [Op. cit.: 316]); что он торгует непонятным пакистанским мясом; что он носит челку и любит Элвиса Пресли; что сигареты у него дорогие, что приехал неизвестно откуда; либо им просто не нравилось выражение его лица. З. Смит пишет, что Мохамед сопротивлялся как мог, но тут же с горечью замечает, что «в одиночку против армии не выступишь» [Ibid.].

Таким образом, мультикультурное население современного Лондона характеризуется неоднозначными межрасовыми отношениями, и в нем существуют смешанные, переходные идентичности. Самый яркий тому пример из романа – это, несомненно, описание молодежной банды Раггастани, члены которой невероятным образом сочетают приверженность к европейской культуре с трансформированной себе на пользу верой в Аллаха: «Среди других уличных групп <…> они появились как помесь культур, <…> общались на

дикой смеси ямайского наречия, гуджарати, бенгальского и английского языков. Их учение <…> тоже являло собой гибрид: Аллаха почитали, но не как далекое божество, а скорее как всеобщего большого брата, сурового чудака, который в случае необходимости будет на их стороне; также в основе их философии лежали кунгфу и фильмы Брюса Ли; на это накладывалось некое представление о «Власти Черных» (основанноена альбоме группы «Паблик Энеми» «Угроза черной планеты»); но главным образом они видели свою миссию в том, чтобы сделать из индуса ирландского фения, из пакистанца – фанки-парня, а из бенгальца – бедового ковбоя» [Op. cit.: 152].

Наконец, коммерческий успех романа не в последнюю очередь объясняется традиционной любовью англичан и особенно лондонцев ко всему экзотичному[218]. Неискушенному читателю сложно осознать то, что идея плавильного котла обанкротилась, и в его сознании реальный мультикультурализм подменяется экзотичностью, что с большим сожалением неоднократно отмечала З. Смит в своих интервью. Критика экзотизма содержится и в «Белых зубах». Например, коренная англичанка Поппи Берт-Джонс одна из немногих поддерживает требование Самада Икбала включить в школьный календарь больше мусульманских праздников. На первый взгляд, её поступок указывает на прогрессивность и лояльность по отношению к «инаковости».Но реальная причина заключается в том, что Поппи хочет поэкспериментировать с необычной «индийской»музыкой и сделать школьные мероприятия более красочными. Поппи Берт-Джонс в восторге от «индийской»культуры Самада и очень удивляется, когда узнает, что он не из Индии. Но ещё больше она интересуется Самадом как мужчиной – во многом потому, что он напоминает ей Омара Шарифа. Читателю становится понятно,

[218] К людям с небелым цветом кожи в Лондоне было всегда отношение настороженное и, вместе с тем, любопытное. Так, в пьесах XVI-XVII вв. мавр выводится как существо иррациональное и опасное; с началом в XVI в. африканской торговли и появлением в Лондоне первых чернокожих рабов горожане стали задаваться вопросом, есть ли у этих язычников души или они недочеловеки и цвет их кожи свидетельствует о глубокой пропасти, отделяющей их от людей. Поэтому они вызывали страх, смешанный с крайним любопытством – тем более что, по замечанию П. Акройда, «мавр считался похотливым созданием, будто чернота кожи была знаком черных влечений, скорее звериных, нежели человеческих» [Акройд 2005: 804]. Подозрительное отношение к представителям других рас сохранилось вплоть до второй половины XX в., когда иммиграция в Лондон стала явлением массовым.

что за интересом к другой культуре кроется прагматизм и падкость лондонцев на экзотику. Данный эпизод содержит скрытую критику того восторга, с которым общественность могла принять сам роман с его ярким и разнообразным описанием жизни современной британской столицы. З. Смит не приемлет «бутиковый» мультикультурализм – мишурную эклектичность ресторанов, пестроту этнических фестивалей и другие виды «заигрывания»с иными культурами [Fish 1998: 69].

Несмотря на то что действие романа происходит в Лондоне, авторитетный английский критик Джеймс Вуд, автор термина «истерическийреализм», связывает «Белые зубы» скорее с творчеством Тома Вулфа, Дэвида Эггерса, Дэвида Фостера Уоллеса и Салмана Рушди, другими словами, с постмодернистской трансатлантической литературой.

«Белые зубы» З. Смит стали, собственно, первым романом, охарактеризованным как произведение истерического реализма. Сам же термин впервые прозвучал в достаточно резкой статье английского литературного критика Дж. Вуда «Human, All Too Inhuman: The Smallness of the “Big” Novel» [Wood 2004], в которой автор критикует современные романы с необоснованно раздутым сюжетом, «гдемного и шума и страстей, но смысла нет». Вуд не приемлет истерический реализм за стремление придать литературному повествованию черты социальной теории и за желание «показать, как работает мир, в большей мере, чем передать личные переживания героя». При этом функционирование мира описывается сквозь призму (ограниченного) личного опыта автора, а субъективное начало подменяет объективное. Истерический реализм характеризуется преувеличенной значимостью деталей и нарочитой экстравагантностью, неоправданным гротеском в трактовке повседневной реальности. Помимо З. Смит, к представителям истерического реализма Вуд относит таких авторов, как Салман Рушди, Дэвид Фостер Уоллес, Дон Делилло, Томас Пинчон и Джефри Эугенидис (Евгенидис). Зейди Смит, впрочем, умело использовала критику Вуда в свою пользу, заявив, что «истерический реализм есть <...>

точное название тому полному преувеличений, маниакальному стилю, в котором написаны «Белые зубы» [Smith 2001; перевод мой – *А.С.*].

Как «Сатанинские стихи» Рушди, «Белыезубы» практически не обладают самым характерным качеством, присущим английской литературе, а именно чувством места. Вместо этого роман полагается на теоретические и аллегорические возможности гибридного пространства, в котором все «перемешано»[219]; в результате действие могло бы разворачиваться в любом современном мегаполисе. В отличие от Х. Курейши, который в романе «Будда из пригорода» создаёт одно из самых живых конкретных описаний Лондона со времён Диккенса, в «Белых зубах» сложно найти детальное описание характерных топографических черт Лондона. Относительная безликость городского пространства символизирует распавшийся и обособившийся мир предметов и человеческих отношений. Так, дочь Джонсов Айри стремится восстановить целостность своего мира, собирая разнородные артефакты и пытаясь восстановить ход истории. Впрочем, ей это не удается: предсказуемость, упорядоченность, научность терпит фиаско в этом отчасти «магическом» мире. Попытка Маркуса Чалфена, ученого, занимающегося генной инженерией, запрограммировать, просчитать будущее до секунды проваливается, а подопытная мышь, на которую он возлагал большие надежды, убегает. Строго категоризировать мир не удается ни одному из героев.

Итак, в «Белых зубах» на месте Лондона мог быть любой другой мегаполис, любой другой «Вавилон» в рамках избранного писательницей

---

[219] Вот забавные примеры смешения культур: жена Самада Алсана носит сари с кроссовками, а голову обматывает оранжевым африканским шарфом; сам «правоверный мусульманин» Самад разгуливает в голубом спортивном костюме и в бейсболке с эмблемой «Лос-Анджелесских рейдеров» (которую ему подарила любовница-англичанка). Микрокосмом расово эклектичного района Виллесден-Грин является псевдо-ирландский паб и биллиардная «О'Коннелл». Официально зарегистрированное как «Эндрю О'Коннелл Юсуф», данное заведение является местом, где мирно уживаются англичане и представители других национальностей. Это находит своё отражение и в оформлении помещения: стены, покрытые оранжевой и зелёной краской, украшены коврами (чтобы скрыть пятна от пищи); еще там висят репродукции картин Джорджа Стаббса, на которых изображены скачки, карта Арабских Эмиратов, картонная фигура Вива Ричардса (антигуанский игрок в крикет) и фрагменты из Корана (повешенные по совету братьев владельца, чтобы в этом заведении-гибриде «было приятно находиться»). Управляет пабом выходец из Ирака Абдул-Микки, чьи родственники также носят гибридные имена Абдул-Колин, Абдул-Джимми и так далее. «В большой и взрывоопасной семье Микки существовала традиция называть всех сыновей Абдулами, дабы научить их не заноситься и быть как все, что было чудесно и замечательно, но в юные годы их совместного проживания создавало путаницу. Однако дети не растерялись и придумали к арабскому имени английский хвост» [Смит 2005: 121].

«трансатлантического пути». В результате этого получается гибридный полуфантастический образ мегаполиса, «мистически реалистичный» Лондон, который вбирает в себя всех и вся. Отметим, что, хотя роман З. Смит и нельзя отнести к магическому реализму, в нем можно обнаружить отдельные черты этого жанра. Так, главы с показательными названиями «Конецистории против Последнего человека» (*The End of History versus The Last Man*), «Последнее место действия» (*TheFinal Space*), «О мышах и о памяти» (*Of Mice and Memory*) характеризуются искаженным течением времени, перекрыванием и взаимным наложением пространств, возвратом к мифологической концептуализации действительности.

З. Смит, тем не менее, не может обойти стороной настойчивую и мощную мифологию, которую Лондон как бывшая столица Британской империи накладывает на сознание героев романа. Например, Самад волевым решением расстался с англичанкой Поппи Берт-Джонс, «коварной искусительницей», которая, по его мнению, сбивала его с пути нравственной чистоты. Его коллега Шива укоряет его: «Говорил тебе, не впутываться в это дело <…> Коричневый мужчина бросает англичанку, Неру делает ручкой мадам Британии» [Смит 2005: 132]. Шива ссылается на исторический полуфакт, полу-анекдот, когда жена вице-короля Индии лорда Маунтбеттена состояла в любовной связи с Джавахарлалом Неру и последний отверг ее, английскую леди! – как раз тогда, когда Индия добилась независимости, «отвергнув» Британию. Шива, таким образом, смотрит на эту ситуацию сквозь призму колониального сознания: у него в некотором смысле остался стереотип о Лондон как о месте, в котором живут представители высшей касты, идеальные леди и джентльменами. Этот мотив, безусловно, не является новым: поразительные аналогии находим, в частности, у Х. Курейши в романе «Будда из пригорода», где, как отмечалось ранее, маргинальный Лондон контрастирует с восприятием иммигрантов, не способных (или не желающих) избавиться от идиллических образов викторианской литературы, которая представляла Англию, состоящую исключительно из безупречных джентльменов и леди.

Метафорой застывшего колониального времени в «Белых зубах» становится эпизод, когда Миллат Икбал стоит на Трафальгарской площади перед памятником генералу Хэвлоку, подавившему восстание сипаев в Индии, которое, по роману, инициировал прапрадед Миллата Мангал Панде. Памятник имеет очень унылый вид и весь обгажен голубями, но Миллат по-прежнему видит в генерале врага. Показательно, что у памятника пустые глаза, стоит он на холодном, бездушном постаменте, и для нового поколения он пустое место. В этой связи друг и соратник Миллата Абдул-Колин произносит такие слова: «Look at their empire. This is all they have. Charles II Street and South Africa House and a lot of stupid-looking stone men on stone horses. <...> This is what is left»[220] [Smith 2000: 503].

Холодность, пустота, уродство – воплощение всего, что существовало под флагом британской власти. Например, в праздник урожая Маджид, Миллат и Айри идут по поручению школы в гости к некоему пенсионеру с Кензл-райз, чтобы вручить ему подарки. Оказывается, что этот старик являет собой пример вопиющей расовой нетерпимости и воплощает худшие пережитки колониального прошлого. У него стеклянный глаз и вставная челюсть; он настолько отвратительный и гротескный, что вызывает ассоциации со старьевщиком Круком из романа Диккенса «Холодный дом».

Таким образом, роман «Белые зубы» лишён чувства симпатии к Британии и к Лондону, которое формировало важный мифологический фон для творчества ряда писателей из стран Карибского бассейна, в основном, предшественников З. Смит.

В «Белых зубах», как и в «Загадке прибытия» В.С. Найпола, как и в «Будде из пригорода» Х. Курейши, Лондон – центр бывшей империи принимает метафорическую форму устаревшего текста, отмирающей знаковой системы. Так, Самад старается говорить на «правильном» английском языке,

---

[220] Подобно этому воплощением застывшего колониального времени в романе В.С. Найпола «Загадка прибытия» (*The Enigma of Arrival*, 1987) становятся тяжелые автоматы по продаже сладостей, которые стоят на станциях метро с незапамятных времен. Они давно уже не работают, однако, как замечает С.П. Толкачев, все еще существуют согласно некому грандиозному сценарию Британской империи в качестве памятников блеску колониализма, который ушел в небытие [Толкачев 2003: 183].

но окружающие находят его речевое поведение старомодным и напыщенным. Этот герой, вот уже двадцать лет вынужденный слушать «жуткое произношение лондонцев», негодует: «Похоже, грамматику в наши дни помнят одни только иммигранты» [Смит 2005: 118]. Похожая ситуация описана у Курейши: когда отец главного героя «принимался рассуждать о Байроне в местных пабах, выяснялось, что <...> далеко не каждый желает выслушивать лекции индийца на тему поэтики безумца и извращенца, а ведь его никто не предупреждал об этом» [Курейши 2002: 46].

В «Белыхзубах» Самад как иммигрант не способен избавиться от идиллического образа Англии, о чем свидетельствует его видение в ресторане (он работает официантом), которое отсылает читателя к колониальному дискурсу: «Самад смотрел в эти розовые лица, и ему грезились джентльмены в тропических шлемах и с оружием на коленях, задравшие ноги на стол; дамы, прихлебывающие чай на верандах под дарующими прохладу опахалами из страусиных перьев в руках смуглых мальчиков». Видение Самада имеет связь с реальностью, поскольку, как отмечает З. Смит, в современных англичанах осталось подсознательное стремление цивилизовывать отсталые народы, нести «бремя белого человека». Так, Чалфены с «их удивительной логичностью, их добротой, их умом» сравниваются с пассажирами «Мейфлауэр», «безумными глазами высматривавшими берег и не находившими его», с «пилигримами и пророками, не находящими Новой земли» [Смит 2005: 209]. Однако у Чалфенов наблюдается недостаток идей и энергии: их стремление колонизировать, казалось бы, становится абстрактным, выхолощенным, но тут они знакомятся с Миллатом Икбалом и Айри Джонс, а потом с Маджидом Икбалом и с жадностью принимают их в свои цивилизующие объятия. Айри потом все поймет: «Не они нужны нам[221], а мы им – им нужна свежая кровь!» [Ibid.].

---

[221] После того как Миллата Икбала, Айри Джонс и Джошуа Чалфена застали на школьном дворе за курением марихуаны, Миллата и Айри обязали два месяца ходить домой к отличнику Джошуа, чтобы подтянуть свои знания по математике и биологии. В разговоре с директором школы прогрессивные Чалфены заметили, что образовательная политика должна не столько пользоваться карательными мерами, сколько вести к плодотворному сотрудничеству, и поэтому они предложили этот двухмесячный курс.

З. Смит пишет не столько о «прямой», сколько об «обратной» колонизации – освоении столицы бывшей империи выходцами из ее бывших колоний. Этот процесс подобен процессу вживления в ткань принимающего лондонского текста отсылки к тексту другой культуры; в результате как принимающий текст, так и текст-источник трансформируются и получается нечто новое, не сводящееся к простой сумме двух компонентов – вот процесс сплавления культур в действии!

Процесс колонизации идет параллельно процессу «присвоения» городского пространства: освоив пространство, «колонизатор» считает его своим[222]. Зейди Смит пишет, в частности, о районе Уиллисден на северо-востоке Лондона, который в разгар викторианской эпохи был популярным местом отдыха лондонцев, а к 1992 стал центром огромной австралийской диаспоры: «в викторианском особняке шестнадцать незаконно проживающих австралийцев проделали в полу большую дырку и жарили в ней свинью, видно, пытаясь воссоздать эффект подземной печи, распространенной в Южном полушарии» [Смит 2005: 321]. Стремление преобразовать, «одомашить» приспособить к своему образу жизни постколониальный Лондон – еще одна тема романа «Белые зубы» [Соснин 2013(а): 125].

Процесс колонизации неизбежно сопряжен с мотивом неизвестности / неопределенности и со сценарием исследования. У З. Смит Лондон может в отдельных случаях становиться волнующим пространством мультикультурных возможностей (традиция, заложенная еще Дж. Конрадом в повести «Негр с “Нарцисса”» – *The Nigger of the “Narcissus”*) или же тиглем для научных экспериментов (тема, которую поднял Дж. Оруэлл в автобиографической книге «Фунты лиха в Париже и Лондоне» – *Down and Out in Paris and London*). Так, устав от семейных тайн и недосказанности, Айри Джонс ночью едет на автобусе к бабушке на другой конец города, надеясь найти там правду: «She walked back into her room, packed her schoolwork and

[222] В романе Х. Курейши «Будда из пригорода» главный герой Карим Эмир, «колонизировавший» Лондон, торжествует: «So this was London at last, and nothing gave me more pleasure than strolling around my new possession all day!» [Kureishi 1990: 126].

essential clothes into a big rucksack and put a heavy coat over her nightie. <…> Irie knew where she had to go, deep into the heart of it, where only the No. 17 would take her at this time of night, sitting on the top deck, seats decorated with puke, rumbling through 47 bus stops before it reached its destination» [Smith 2000: 369]. В пути как первооткрывателю ей приходится пройти через ряд испытаний: «it take tree hours to arrive an' leave you waitin' in de col' an' den' when you get pon it de windows are open anyway an' you freeze half to death»[223] [Op. cit.: 382].

Говоря об экспериментах на лондонском пространстве в романе, нельзя не вспомнить, как Самад буквально ставит опыт на своих сыновьях. После долгих и мучительных раздумий он отсылает старшего Маджида к родственникам в Бангладеш, подальше от разлагающего влияния Лондона (*sic.!*), надеясь, что на родине тот впитает традиции и моральные устои. Маджид до этого точно так же экспериментирует в школе с двумя горшками с бобами: одно растение он закрыл в шкафу, а другое выставил на солнце, чтобы посмотреть, какое из них будет расти лучше. Ученый Маркус Чалфен ставит опыты на мышах, пытаясь программировать их жизнь на генетическом уровне. Ни один из этих экспериментов не увенчался успехом: Маджид, например, возвращается из Бангладеш совершенным англоманом, а «Мышь будущего», лучший подопытный экземпляр Маркуса, убегает. Сама З. Смит называет свой роман одним большим трансатлантическим экспериментом с непредсказуемым результатом.

Лондон – это, безусловно, город больших возможностей, но, если человек слаб, он подомнет его под себя и раздавит. В английской литературе это достаточно распространенный сценарий, и данный компонент лондонского текста присутствует и в «Белых зубах». Когда Даркус Боуден, отец Клары, приехал в Лондон с Ямайки, он оказался неспособным противостоять

[223] Мотив исследования весьма и весьма характерен для лондонского текста: когда в романе В. Вулф дочь миссис Дэллоуэй Элизабет садится в автобус на Виктория-Стрит и едет по Уайтхоллу и Стрэнду до Чансери-Лэйн, она точно так же испытывает захватывающее чувство свободы и некоторый страх перед неизведанным: «She looked up Fleet Street. She walked just a little way towards St. Paul's, shyly, like some one penetrating on tiptoe, exploring a strange house by night with a candle, on edge lest the owner should suddenly fling wide his bedroom door and ask her business, nor did she dare wander off into queer alleys, tempting bye-streets, any more than in a strange house open doors which might be bedroom doors, or sitting-room doors, or lead straight to the larder. For no Dalloways came down the Strand daily; she was a pioneer, a stray, venturing, trusting» [Woolf 1925].

разлагающему воздействию телевидения и впал в летаргическое оцепенение перед экраном. Самад, который считает себя правоверным мусульманином (нокоторый сам много пьет и ест свинину) считает, что Лондон его развратил, лишил моральных ориентиров; он негодует по поводу распущенности современной молодежи и часто бросается словом «неверный».Город неверных, с которыми надо вести войну, – таков Лондон в представлении исламских фундаменталистов, принадлежащих к радикальной организации КЕВИН («Крепкое единство воинов исламского народа»). Лондон для «Свидетелей Иеговы» (к их числу относится мать Клары Гортензия и первый молодой человек Клары Райан Топпс) – это погрязший во грехе Вавилон, который идет к неизбежному концу. Метафора «Лондон-Вавилон» имплицирует эсхатологические мотивы и, как у С. Рушди в «Сатанинских стихах», Лондон предстаёт апокалиптическим. Особенно к концу романа сюжет закручивается так, что кажется, что апокалипсис действительно грядет.

В тот день, когда кончается старый 1992 год и начинается новый отсчёт времени, разные группировки со своими лидерами и отдельные индивиды устремляются в центр Лондона в вымышленный Институт Перре на презентацию «Мыши будущего». По их плану там должна произойти решающая битва добра со злом. Участники конфликта видят зло по-разному: для исламистов из КЕВИНа – это европейская цивилизация, для Маджида и Маркуса, представляющих науку, – это хаос и непредсказуемость. Группировка ФАТУМ («Фронт антиэксплуатации тварей угнетенных и мучимых») отправляется на борьбу с вивисекцией, Гортензия Боуден и «Свидетели Иеговы» – с грехом, Миллат – с судьбой.

Тот факт, что объектом пристального внимания общественности выступает мышь, уже сам по себе указывает на ничтожность повода для глобального конфликта. О том, как измельчали интересы и цели человечества, говорит и название главы: «О мышах и о памяти».

Автор превращает действия героев в фарс. Среди борцов за глобальные цели мы обнаруживаем Абдула-Микки, который пришёл на презентацию,

чтобы узнать средство, способное раз и навсегда избавить от прыщей его самого и членов его семьи. (Он тоже борется с судьбой, но на другом, обывательском уровне.) Методы борьбы со злом, выбранные другими героями, также выглядят комично. Например, члены КЕВИНа собираются зачитать перед людьми, собравшимися на презентацию «Мыши будущего», отрывки из Корана, но никак не могут решить, какой перевод лучше. Сторонники ФАТУМа планируют инсценировать террористический акт и потребовать освобождения мыши в обмен на жизнь заложника (Джошуа Чалфену здесь уготована роль отрока, приносимого в жертву). Во всём чувствуется театральность, «постановочность»происходящего. Большинство людей собралось в Институте посмотреть на удивительную мышь, и им нет дела до борьбы добра со злом. Презентация Маркуса и покушение на доктора Перре для них всего лишь развлечение, шоу: «И вот Арчи кинулся под пулю, чтобы сделать нечто, удивительное даже для телевидения <…>. Весь зал с ужасом смотрел, как пуля попадает Арчи в бок – прямо в бедро, – как Арчи, словно в мелодраме, разворачивается и валится на коробку, в которой сидит мышь. Осколки во все стороны. Вот это зрелище! В телевизоре бы тотчас зазвучал саксофон, замелькали бы цифры выигрыша. Но сначала досмотрим игру…» [Смит 2005: 360].

Попытки сторон конфликта обречены на провал даже в рамках того жанра, который З. Смит избрала для своего романа. Тем не менее, концентрация в одном месте большого количества людей с такими разными устремлениями создаёт напряжение, необходимое для эффектного финала в духе современной медиа-продукции. В роли героя и спасителя выступил Арчи Джонс, что было сложно ожидать от такого «маленького», ничем не примечательного человека. Накопившиеся противоречия так и остались неразрешенными, так как они неразрешимы в принципе (например, проблема отцов и детей).

Апокалиптический мотив проходит через всё произведение, а образ рушащегося мира преследует героев на протяжении всего романа: даже свою

будущую жену Арчи встретил, зайдя в дом, из окна верхнего этажа которого свисала простыня с надписью «Добро пожаловать на вечеринку в честь конца света, 1975». Хотя тема распада не является преобладающей, З. Смит не может обойти стороной худшие стороны лондонской жизни: запустение, бедность, грязь, плохой общественный транспорт, враждебность и нетерпимость горожан, высокий уровень преступности, безнаказанность злодеяний, распущенность нравов, наркомания. Вот далеко не полный перечень «темных проявлений» лондонской жизни, о которых говорит писательница: пьющая вульгарная молодежь, использованные шприцы, которые разбросаны повсюду; здания с облупившимися фасадами, обгаженные голубями памятники, ветхие эдвардианские дома с полуподвальными квартирами, в которых вынуждены ютиться иммигранты и из окон которых видны только ноги проходящих («штопаные носки и знавшие лучшие времена сумки с длинными ручками»); разбитые стекла в автобусах и сидения, залитые рвотой[224]; и на этом фоне – крайняя отчужденность, разобщенность людей [Соснин 2013(а): 127].

К мотиву отчужденности близок мотив призрачности всего происходящего, и в этой связи актуализируется признак «Лондон-мираж», «Лондон-видение». Например, З. Смит пишет о том, как рано утром Айри пьет чай на кухне полуподвальной квартиры, где живет ее бабушка. Солнце стоит еще низко, поэтому его лучи проникают сквозь окно. Из-за игры света и тени Айри вместо хаоса Ламбета представляются виноградники под Флоренцией: «She saw vineyards out there; she saw Florentine scenes instead of the uneven higgledy-piggledy of Lambeth rooftops; she saw a muscular shadowy Italian plucking full berries and crushing them underfoot» [Smith 2000: 386]. Но вскоре неумолимое солнце поднимается выше, мираж исчезает, и все становится серым и обыденным: «Then the mirage, sun reliant as it was, disappeared, the whole scene swallowed by a devouring cloud. Leaving only some crumbling Edwardian housing. Railway sidings named after a careless child. A long, narrow strip of

[224] В романе «Soft City» английский писатель Джонатан Рабан (род. в 1942г.) указывает на то, что в постколониальной литературе самым распространенным признаком в описаниях Лондона является грязь, которая, служит своего рода «моральной синекдохой» (*moral synecdoche*) [Raban 1984: 32] британских кампаний по захвату колоний – всей той грязи, что оставила после себя империя.

allotment where next to nothing would grow. And a bleached-out bandy-legged red-headed man with terrible posture and Wellington boots, stamping away in the mulch, trying to shake the remnants of a squashed tomato from his heel» [Ibid.].

З. Смит, тем не менее, принадлежит ко второму поколению иммигрантов, которые выросли далеко не в идеальной лондонской среде и принимают как данность то, что может повергнуть приезжего в шок. Как и в классическом английском романе, она видит и критикует худшие стороны жизни, но не предлагает действенного решения проблем – библейский призыв быть терпимым и «возлюбить соседа своего» регулярно звучит, но жизнь в современном мегаполисе с его скученностью и разнородностью населения делает реализацию этого принципа невозможной. З. Смит пропагандирует непредвзятый взгляд на окружающую действительность, а также терпимость к культурным различиям. Герои романа неоднократно призывают «жить и давать жить другим». Например, Джойс и Клара ищут «нейтральное место», где англофил Маджид и ставший англофобом Миллат смогли бы помириться. Айри тоже мечтает о таком месте, где неважно, кто ты и откуда родом. Тем не менее, сама писательница признаёт утопичность идеи всеобщей терпимости: «A neutral place. The chances of finding one these days are slim <…>. The sheer quantity of shit that must be wiped off the slate if we are to start again as new. Race. Land. Ownership. Faith. Theft. Blood. And more blood. And more. And not only must the place be neutral, but the messenger who takes you to the place, and the messenger who sends the messenger. There are no people or places like that left in North London» [Smith 2000: 457-458]. Возможно, отсюда такой «оборванный», несколько наигранный конец романа.

В заключение отметим, что Лондон не является «главным героем» романа «Белыезубы»; это просто место действия, однако в книге содержится ряд характерных компонентов лондонского текста. Это еще раз свидетельствует о том, что схожесть текстов, которые образуют лондонский текст, объясняется более глубокими причинами, чем простое цитирование, реминисценции или

подражание: не влиянием одного текста на другой, одного автора на другого, а наличием некоторой сверхтрадиции [Соснин 2013: 128].

Английская столица у З. Смит не представляет собой гармоничного мультикультурного пространства: концепт плавильного котла писательницей критически пересматривается.

Выводы

Лондонский текст не однороден и состоит из менее крупных тематических единств – субтекстов.

В качестве субтекста в составе сверхтекстового единства может, в частности, рассматриваться неязыковая знаковая последовательность. Это связано с тем, что языковые средства выражают с помощью своих значений лишь часть некоторой ментальной категории; в рамках общей семиотики понятие «чтения» применяется для описания взаимодействия с самыми различными знаковыми системами; широкое семиотическое понятие текста включает, помимо вербального текста, поведенческий, мифо-ритуальный, визуальный, звуковой и другие тексты.

В этой связи был выделен звуковой субтекст лондонского текста в вербальном выражении через семантическое описание музыкальной и шумовой составляющих британской столицы.

В описаниях разновидностей шума как неотъемлемой характеристики Лондона находим манифестации различных признаков лондонского текста: «неоднородность», «множественный характер», «постоянная деятельность», «кипящая жизнь», реализация метафоры «Лондон-живое существо». При этом фиксируется различная оценочность (негативная – при реализации следующих компонентов: «враждебное пространство», «бездушная сила», «ужас», «диссонанс», «какофония», «отчаяние»; позитивная – при реализации таких компонентов, как «благоприятное пространство», «величие», «гармоничность», «мелодичность»).

Многие из лондонских шумов ушли в прошлое, поэтому в составе лондонского текста общий признак «шум» частично виртуализовался, т. е. перестал быть значимым для части лингвокультурного сообщества.

Слуховые образы-лейтмотивы выступают в роли смысловых «стяжек», скрепляющих дискретную структуру лондонского текста, и обретают метафорический, символический смысл, что было проиллюстрировано на примере конкретных реализаций лондонского текста (произведения В. Вулф).

В английской литературной традиции Лондон очень часто постигается и вербализуется как крайне запутанное пространство, лабиринт. Тем не менее, британская столица представлена как упорядоченное, геометрически организованное пространство в вортицизме, одном из течений английского авангарда начала XX в. Для его последователей Лондон как современный город выполняет функцию стабилизационного центра в вихре действительности. Вортицисты рассматривали искусство в лондонской перспективе, а подход к всемирной культуре и истории был ими намеренно субъективирован и сделан исключительно «лондонским». Таким образом, наблюдается актуализация идиолектных компонентов в составе изучаемого сверхтекста, например, противопоставление холодных и строгих лондонских зданий и улиц шуму и толкотне людского потока, темпераментной толпе.

В концепции вортицизма лондонский текст строится по принципу интерсемиотичности, являя собой единство вербального и визуального. Зрительный образ при этом рассматривается как текст на особом языке, в основе которого, в отличие от условных знаков языка словесного искусства, лежат знаки иконические, изобразительные. Лондонский текст, таким образом, подлежит изучению с позиции множества формирующих его кодов, а в его составе наличествуют смысловые компоненты, формируемые невербально. Учет таких кодов при анализе позволяет «примирить» «чистое языкознание» с литературоведением и «вторичными» моделирующими системами.

Формирование сверхтекстов культуры у ее представителей и у носителей других культур всегда протекает асинхронно, что ведет к формированию

ложных стереотипов и мифов об исходной культуре у представителей других национальностей и вызывает трудности при переводе с одного языка на другой. Это, в частности, связано с тем, что перевод письменных источников, необходимых для формирования литературного канона и конструируемых на его основе сверхтекстов, требует времени, и нельзя быть уверенным, что переведенные источники получат такое же распространение в принимающей культуре.

Тем не менее, сверхтексты иной культуры все же постижимы, существуют лишь некоторые сложности в их реконструкции, которая осуществляется через поэтапное освоение иностранных литературных традиций и художественных моделей.

Стереотипизированное восприятие Лондона, чрезмерную романтизацию «великого города империи» находим, например, в произведениях писателей-постколониалистов, чьи герои придерживаются устаревшего культурного кода.

Мифологизированные представления о жителях Лондонца, сформированные у представителей других культур – это гетеростереотип, который характеризует не столько референт этнонима, ассоциируемого со стереотипом, сколько его создателя и пользователя.

Неправильные представления о Лондоне, вызванные задержкой в формировании лондонского текста у представителей других культур, ведут к ложному пониманию английскости, которая в узком смысле подразумевает культурную жизнь Лондона и окрестных городов.

Были выделены стереотипные признаки, часто характеризующие Лондон в сознании «неангличан» и входящие в лондонский текст неанглийских литератур: «triumphant», «imperial», «industrial», «haughty», «hierarchical», «gentlemen’s society», «bastion of financial power», «foggy», «rainy». Перечисленные компоненты смысла, как правило, характеризуют неискушенное, наивное восприятие. В лондонском же тексте английской литературы их следует считать обнуленными или замещенными следующими компонентами: «non-triumphant», «unsmart», «(elegantly) shabby», «post-

imperial», «post-colonial», «post-industrial», «egalitarian», «multicultural», «tolerant society».

При реконструкции лондонского текста на основе «экскурсионного» подхода актуализуется мотив познания или исследования, когда наиболее общая семантическая репрезентация британской столицы формируется на основе актуализации компонентов смысла, связанных с ее отдельными районами, улицами, домами, садами и парками.

Топонимы рассматриваются как прецедентные имена, т. е. имена, характеризующиеся массовой воспроизводимостью и влекущие за собой цепочки ассоциаций. Они отсылают читателя к глобальному сверхтексту английской культуры, к лондонскому тексту и к идиолектному субтексту конкретного писателя в его составе.

В контексте творчества конкретного писателя топография Лондона обретает новое «наполнение»: топонимы приобретают новые созначения, т. е. ассоциативные ряды, которые могут ими эвоцироваться, расширяются, а лондонский текст, соответственно, приобретает новые признаки. С другой стороны, понимание произведений писателя как реализаций сверхтекста будет неполным без изучения их топографии, поскольку топонимы служат организационными центрами основных сюжетных событий литературного произведения и определяют его художественное единство в отношении к реальной действительности.

Приращение смысла лондонских топонимов в литературе свидетельствует о принципиальной установке лондонского текста на отсылку, прецедент, на создание сложных композиций по типу коллажа и трактовку литературных персонажей наряду с реальными лицами. Так, лондонская топография персонажей В. Вулф во многом совпадает с маршрутами, по которым она ходила сама как реальное историческое лицо. Соответственно, вымышленные ею герои и их состояния так же приемлемы и «реальны» для лондонского текста, как и «бытийные» факты.

При структурировании урбанизированного пространства с позиций психологической географии Лондон оказывается сотканным из индивидуальных впечатлений индивидов, которые они получают в ходе прогулок по столице. Коллективная ментальная репрезентация города, таким образом, оказывается ассоциативной и фрагментарной, но в то же время динамической; в состав же лондонского текста привносятся идиолектные признаки, и формируются принципиально новые стратегии его развертывания в реальные тексты.

Психологическая география Лондона связана с антропологическим, поэтическим и мифологическим переживанием его пространства. Опыт подобного переживания представлен в романе современного английского писателя М. Муркока «Лондон, любовь моя» (1988). Автор однозначно предпочитает бездушной карте реальный городской пейзаж, а общему схематизирующему представлению о Лондоне – разрозненные впечатления его жителей, пешеходов. В результате в романе актуализуется альтернативная, динамическая модель реализации городского текста, приоритет в которой отдается мифологическому, подсознательному, глубинному.

Тем не менее, субъективные аспекты в романе переплетаются с объективными, а психологическое – с материальным. Из свободных «хождений» и фрагментарных впечатлений людей вырисовывается упорядоченная структура маршрутов – предпочитаемых и нежелательных, путей больших надежд и отчаяния. Город предстает как когнитивная карта коллективного сознания. Более того, эти маршруты таят в себе скрытую историю Лондона, и из них складывается его неофициальная культура.

Лондон предстает как палимпсест различных эпох, а архитектура, ритуалы и многое другое, что остается от прошлого, обнаруживают себя как скрытые программы, которые позволяют нам непрерывно воспроизводить тексты истории. Британская столица выступает в качестве механизма, который постоянно порождает свое собственное прошлое так, что оно оказывается одновременно с настоящим и сопоставимо с ним.

Для реконструкции лондонского текста неважно, соответствует ли такой Лондон объективной «онтологической» реальности; скорее, важно, что он ей не соответствует и творится заново. В романе мы сталкиваемся с индивидуальной концептуализацей реального мира и ее вербализацией в идиолектном субтексте.

Материал о литературной жизни Лондона во времена О. Уайльда относится не столько к творчеству данного писателя, сколько к литературным особенностям поздневикторианской эпохи, рассматриваемым, тем не менее, сквозь призму его незаурядной личности. В соответствующем разделе, таким образом, реализуется темпорально ограниченный – поздневикторианский – литературный субтекст из состава лондонского текста.

Хотя царствование королевы Виктории, воплощавшей незыблемую добродетель, продлилось до января 1901 г. и хотя его последние годы стали апогеем славы и величия Британской империи, викторианские ценности, убеждения и социальные конвенции стали активно оспариваться новым поколением писателей-интеллектуалов. Литература последних двадцати лет XIX века, безусловно, характеризуется полифоничностью, но ее «цементирует» стремление пересмотреть литературные предпосылки 1850-х и 1860-х годов и выработать новые критерии, основанные на освобождении личности и эволюционном развитии общества. Если авторы первых двух третей XIX века только еще пытались постичь в своем творчестве крайне усложнившуюся жизнь во всем многообразии ее проявлений, найти в нем место для множества противоречивых убеждений и доктрин, то их коллеги конца века критически пересматривают эти идеи и ищут параллели в современной научной мысли, которая служит для них источником вдохновения.

Поздние викторианцы отчетливо ощущают то, как они непохожи на предыдущие поколения. Словом *new* «новый» демонстративно обозначается практически все, о чем пишут в литературных журналах: «новый дух», «новый юмор», «новый реализм», «новый гедонизм», «новый юнионизм», «новая драма» и «новые женщины». В то же время это были остроумные и изящные

попытки вылечить общество от самодовольства лицемерия и помпезности высокого викторианства.

В литературе конца XIX в. возникает новое отношение к Лондону и городу как таковому. В 1890-е годы Лондон и все искусственно созданное человеком получило у художников слова особый романтический ореол. Хотя поэты и не перестали писать на пасторальные темы, они нашли новый источник вдохновения в урбанистическом пейзаже: на улицах и площадях, в театрах и мюзик-холлах, в каменной кладке домов и плитах мостовой.

Само по себе восхищение Лондоном не было чем-то новым. Но впервые к нему добавилось преклонение перед прогрессом, техническим гением, масштабами урбанизации. Особое очарование теперь несут даже лондонская суета и темные стороны городской жизни.

Таким образом, в описываемом субтексте из состава лондонского текста ключевым компонентом смысла является сема «новый». Кроме того, в указанный период начинается переосмысление викторианского культурного кода со смещением оценочного вектора.

Раздел, посвященный лондонской театральной жизни во времена О. Уайльда, служит иллюстрацией того, как может быть реализован театральный субтекст из состава лондонского текста. Этот субтекст представляет особую ценность для представителей английского социума, в частности, потому, что метафора «Лондон-театр» является социально-нормированной и ключевой в построении лондонского текста как целого.

Соответственно, была выявлена аксиологическая составляющая театрального субтекста. Так, в описываемый период ходить в театр опять стало очень модным, тем более что в репертуаре лондонских театров были постановки на любой вкус: от классической трагедии до бурлеска. Именно в театре формируются культурные предпочтения различных социальных слоев; в некоторых случаях он даже способствует их взаимодействию.

Театр становится площадкой для экспериментов, социальных и художественных. На лондонской сцене впервые появляются постановки на

тему взаимоотношения полов, в пьесах начинают прослеживаться феминистические мотивы: центральные женские персонажи в них – это волевые личности, обладающие большой нравственной силой, которая берет начало в этике пуританства. Таким образом, викторианский культурный код, воплощающий консервативную мораль, начинает пересматриваться. В частности, теряет популярность викторианская мелодраматическая традиция и замещается социальной сатирой.

К концу эпохи Уайльда лондонский театр вырабатывает два ключевых положения. Во-первых, чистое искусство есть нечто бесполезное: оно теряет смысл, когда перестает быть действенным; во-вторых, оно не должно идеализировать и упрощать действительность, что до этого часто характеризовало викторианскую драму.

Важнейшей формой английской художественной литературы конца XX и начала XXI вв. считается роман об иммиграции. При этом постколониальный мультикультурный субтекст являет собой одну из наиболее часто реализуемых составляющих лондонского текста.

Новый этап в развитии традиции написания романов об иммиграции в Лондон ознаменовывает роман З. Смит «Белые зубы» (2001), который воплощает идею новой, многоконфессиональной и полиэтнической английскости. Роман рассматривается как «сильная», важнейшая реализация исследуемого сверхтекста.

В романе несколько переосмысливается мультикультурный код, являющийся главенствующим в описаниях британской столицы начиная с 60-х гг. XX в. Это переосмысление связано с погашением ряда признаков в составе лондонского текста и наведением или актуализацией признаков новых. Так, в романе демонстрируется несостоятельность провозглашенной предыдущими писателями-мультикультуралистами идеи о том, что визитной карточкой Лондона является гармоничное сосуществование культур. Кроме того, поднимается проблема исламского фундаментализма и демонстрируется, как дети иммигрантов, молодые люди, для которых Англия – родная страна,

примыкают к радикальным течениям. Такой сценарий образовывает весьма важный динамический смысловой компонент в составе лондонского текста.

Пространство британской столицы описывается с помощью метафоры ринга, на котором приезжим приходится отстаивать свое право жить и работать, соблюдать свои традиции и исповедовать свою религию. В романе реализуется безрадостная картина Лондона конца XX века, в котором, несмотря на множественность и соприсутствие культур и народов, иммигранты с неевропейской внешностью так и остаются «чужими», даже родившись и прожив несколько десятилетий в Англии. Таким образом, в романе реализуется традиционный набор компонентов «Лондон – враждебное пространство», однако с его проекцией на актуальную мультикультурную парадигму.

Полиэтническое население современного Лондона характеризуется неоднозначными межрасовыми отношениями, и в нем существуют смешанные, переходные идентичности.

Метафора «Лондон – плавильный котел культур», являющаяся ключевой, образующей для более ранних реализаций мультикультурного субтекста лондонского текста, присутствует в романе лишь в нейтрализованом виде, подменяясь актуализуемым смысловым компонентом экзотичности.

Для автора не приемлем «бутиковый» мультикультурализм – мишурная эклектичность лондонских ресторанов, пестрота этнических фестивалей и другие виды «заигрывания» с иными культурами.

Роман «Белые зубы» написан в жанре т. н. истерического реализма, характеризуясь преувеличенной значимостью деталей и периферийных компонентов лондонского текста, а также нарочитой экстравагантностью, неоправданным гротеском в трактовке повседневной реальности.

В романе преимущественно актуализованы те компоненты лондонского текста, которые являются общими для сверхтекстов любых мегаполисов. Относительная безликость лондонского пространства символизирует распавшийся и обособившийся мир предметов и человеческих отношений.

В романе, тем не менее, воспроизведена характерная концепция лондонского времени: искаженное его течение, перекрывание и взаимоналожение эпох, возврат к мифологической концептуализации действительности.

Лондон как бывшая столица Британской империи формирует в сознании героев устойчивые мифологические представления, т.е. для них нейтрализованные признаки современного лондонского текста существуют актуально. Например, в романе представлен ряд метафор застывшего колониального времени. Таким образом, З. Смит косвенно указывает на асинхронность формирования ключевого текста культуры у представителей других культур. Тем не менее, Лондон – центр бывшей империи принимает метафорическую форму устаревшего текста, отмирающей знаковой системы.

Роман «Белые зубы» лишён чувства симпатии к Великобритании и к Лондону, которое формировало важный мифологический фон для творчества ряда писателей из стран Карибского бассейна.

Лондон не является «главным героем» романа «Белые зубы»; это просто место действия, однако в книге реализован солидный набор характерных компонентов лондонского текста. Это еще раз свидетельствует о том, что схожесть текстов, которые образуют лондонский текст, объясняется более глубокими причинами, чем простое цитирование, реминисценции или подражание: не влиянием одного текста на другой, одного автора на другого, а наличием сверхтрадиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для установления точных соответствий между английским языком и когнитивными представлениями, разделяемыми представителями английского лингвосоциума, данное исследование закономерно обратилось к семиотическому моделированию, т.к. человеческое мышление является по своей природе знаковым, а знак становится знаком только тогда, когда он кому-либо адресуется и интерпретируется как знак чьим-либо мышлением. При этом было доказано, что одной из основных черт семиотики является сверхтекстовость, когда текст понимается как некоторая общая модель для группы текстов – в рамках ко-текстуальной теории текста, задача которой заключается в построении некоторого текста-конструкта, воплощающего некоторую общую идею, а затем – в генерировании всех возможных реализаций исходного текста и их сопоставлении. При этом в реализующемся в тексте «трехмерном пространстве языка»: синтактике, семантике и прагматике – на материале английского языка были получены важные обобщения для когнитивной лингвистики.

Текст рассматривался как порождающий смысл механизм: как гетерогененный и гетероструктуреный объект, являющий собою реализацию нескольких семиотических языков. Текст наблюдался не в качестве завершенного продукта, а как его генерирование, включенное в другие тексты и коды и связанное с английским обществом и его историей благодаря межтекстовым ассоциациям.

Интеграция когнитивного и семиотического подходов осуществлялось в рамках концепции единой (объединенной) семантики, разработанной французскими структурными лингвистами. Семиотический анализ текста при этом заключался в выявлении в нем пропозиций различной степени общности, в выделении и классификации предикатов, которыми персонажи и «вещи» наделяются в тексте, и, наконец, во включении индивидуальных сущностей из текста в общие разряды, что способствовало более полному раскрытию

картины глубинного устройства мира с позиций данного текста, существующего в рамках английской лингвокультуры.

Анализ ментальных сущностей английской лингвокультуры через семантическое исследование соответствующих им сверхтекстов позволило решить ряд методологических задач: использовать в анализе строгие лингвистические процедуры; интегрировать языкознание с литературоведением и «вторичными моделирующими системами» в рамках общего семиотического подхода; продемонстрировать, что у значимых концептов или культурных констант имеются не только «объективно истинные» признаки; исследовать ментальный фрагмент с позиций диалогичности и приращения новых смыслов – в терминах актуализации потенциальных социолектных и идиолектных сем (появление новых интерпретаций текста в новые эпохи, его различные толкования различными социальными группами, текст как продукт не только автора, но и читателя).

Понятие городского текста отражает неклассический тип художественного мышления и современные эстетические реалии. В литературоведческой перспективе лондонский текст – это комплекс образов, мотивов, сюжетов, который воплощает модель бытия в британской столице как специфического феномена культуры. С лингвистических позиций, это формализованное семантическое представление объекта реальной действительности, которое включает в себя не только его объективно истинные признаки; это нормативная реконструкция. Это «глобальная» вербализация концепта «Лондон», получаемая путем сближения текстов исследуемой смысловой сферы, т. е. текстов, в которых наличествуют вербализации данного концепта; это теоретико-множественная сумма признаков, характерных для произведений, которые составляют субстрат лондонского текста (являются его реализациями). Лондонский текст выступает здесь в качестве концептуального каркаса.

Являя собой сверхтекст и гипертекст, лондонский текст имеет нелинейную структуру, характеризуется диффузными границами и

дискретностью, строится на основе интерсемиотичности, а межтекстовые переклички и совпадения образующих его текстов объясняются более глубокими причинами, чем простое цитирование, реминисценции или подражание – не влиянием одного текста на другой текст, одного автора на другого автора, а наличием некоторой «сверхтрадиции».

Аллюзивный, интертекстуальный характер лондонского текста заключается в его способности эвоцировать другие сверхтексты английской лингвокультуры – подобно тому, как в его реализациях содержатся отсылки к другим текстам.

Лондонский текст подлежал наблюдению не как застывший продукт, а как его производство, включенное в другие тексты, другие коды и тем самым связанное с обществом и историей за счет межтекстовых ассоциаций. Выявление этих межтекстовых ассоциаций выводит интерпретацию текста за пределы его имманентной структуры, т. е. текст, содержащий описания Лондона, не может считаться самодостаточным.

Было установлено, что даже если в конкретной реализации лондонского текста нет намеренных интертекстуальных включений, их число все равно не может быть нулевым, поскольку текст не создается *ab nihilo*, что указывает на обусловленность каждой отдельной реализации всем сверхтекстом, который, в свою очередь, включен в меж-сверхтекстовые парадигмы. Таким образом, самодостаточность некоторой реализации лондонского текста никогда не может быть полной, но она также не может быть нулевой, поскольку ни в одном тексте нет неисчерпаемого смысла. Кроме того, было доказано, что лондонский текст не структурируется линейно и строится по принципу многомерного объекта.

Реконструкция лондонского текста осуществлялась на основе семантического анализа произведений английской литературы с XVI по XXI вв. Эти произведения включены в английский литературный канон, т. е. в тот набор произведений, который изучается в Великобритании в средней и высшей школе, перечитывается из поколения в поколение и отвечает ряду

других критериев. Особо отмечалось, что именно на основе литературного канона формируется концептосфера образованных носителей языка. Литературные произведения, отобранные в качестве материала исследования, обращаются к лондонской тематике, и, как было продемонстрировано, сближает их не только тема, но и сходная ее трактовка или предикация сходных признаков, актуализованных в этом микрокорпусе.

Было доказано, что предпосылкой для интерпретации существующих текстов о Лондоне и порождения новых текстов о нем служит знание художественных миров или типичных текстовых структур. Этот факт связан с интертекстуальным характером Лондонского текста, и отсюда проистекает схожесть описаний Лондона у самых различных авторов. В исследовании была выделена функция расширения значения EXT, которая на основе интерпретирующих процедур позволяет находить проявления сущностей в мирах, заданных в качестве аргумента. Так, если брался мир *w* и сущность *L* (*London*), выражаемая набором семантических признаков, то результирующий набор признаков L_1 был подмиром, который является проявлением *L* в мире *w*, и он определялся на основе действия этой функции: L_1=EXT (*L*) (*w*). Мир *w* рассматривался в качестве трансформации «онтологически реального» мира *W* в зависимости от социолектных и идиолектных установок автора как конструктора текста или некоторого мира *w* и читателя как его дешифратора.

В качестве сущности *L* также рассматривались семемы, входящие в таксемы или классы семем, которые соотносятся по одной или нескольким общим семам с семемой, которая вербально репрезентируется лексемой «London». Было указано на то, что практически во всех текстах, где фигурирует наименование «London», оно прежде всего истолковывается (i) как урбанизированное пространство, город; (ii) как столица Великобритании. В прочих текстах семы /urban area/ и /capital city/ всегда присутствует в актуализованном или виртуализованном виде. Эти семы являются родовыми для таксем //urban area// и //capital city//, в состав которых входят семемы ‘town’, ‘borough’, ‘city’, ‘emporium’, ‘cosmopolis’, ‘metropolis’, ‘agglomeration’,

‘conglomeration’, ‘conurbation’, ‘sprawl’, ‘megalopolis’, ‘capital’. Попутно был продемонстрирован фундаментальный характер оппозиции «город – не город», «столица – периферия», а также то, что город как таковой существует в сознании как архетип, визуально-понятийный паттерн или мыслеобраз.

Была выявлена организация перечисленных семем в языке: они представляют собой гипо-гиперонимический ряды и строятся на иерархии сем (в частности, по возрастанию степени урбанизации пространства). За счет изучения синтагматических и парадигматических связей этих семем и подстановку их в формулу L_1=EXT (L) (w) в исследовании представилось возможным выявить больше признаков лондонского текста, чем если бы в качестве L использовалась только «словарная» семема ‘London’. При суммировании полученных смыслов, которые были выявлены в интерпретирующих семемах в зависимости от контекста, в исследовании было получено достаточно полное семантическое описание исследуемого сверхтекста.

Таким образом, при рассмотрении перечисленных семем как отправную точку в реконструкции лондонского текста учитывалось, что любая из них может быть интерпретирована по-разному в зависимости от конкретной реализации. При таком «синтаксическом» способе реконструкции значения во внимание принималась нелокализованность смысла в отдельной семеме: семантика выявлялась на основе целой синтаксической конструкции, сверхфразового единства или нескольких объединенных синтаксем.

Тем не менее, в ходе исследования подтвердилось положение о том, что множественность версий мира, предлагаемых различными авторами и описываемых на основе бесконечных ассоциативно-отсылочных рядов, делает невозможным окончательное и полное описание действительности, ее исчерпывающую лингвистическую реконструкцию.

Перечисленные семемы отождествлялись в исследовании со слоями или уровнями лондонского текста.

В исследовании лондонского текста свое подтверждение нашла важная закономерность концептуализации действительности человеком, заключающаяся в том, что у одного и того же предмета при восприятии актуализуются различные его свойства в зависимости от прагматического отношения к нему. Как было продемонстрировано, тот факт, что у одного объекта актуализуются различные свойства, с одной стороны, позволяет обозначать его разными лексемами, а с другой – в одной и той же семеме, его обозначающей, актуализуются разные семы, отражающие те свойства объекта, которые в данном случае выступают на передний план. Таким образом, выделение в работе противоречащих друг другу смысловых компонентов способствовало более многогранному описанию лондонского текста и идентификации неожиданных, непрогнозируемых его реализаций.

В соответствии с выбранной методологией выделение сем и семем в исследовании осуществлялось не референциально, а интенсионально: семы определялись через отношения между семемами; эти отношения детерминировались лингвистическим и ситуационным / прагматическим контекстом; определение семемы также являлось исключительно дифференциальным. Таким образом, была решена проблема описания безденотатных имен типа *ecumenopolis* «город-мир» и трактовки метафорических употреблений типа «London is a prison», не являющихся истинными с точки зрения референции к объектам действительного мира.

Было обосновано положение о том, что семантические классы, на основе которых описывается лондонский текст, строятся исходя из (i) онтологических таксономий; (ii) социолектных норм; (iii) идиолектного постижения действительности. Реконструкция лондонского текста была начата с онтологических таксономий, но это явилось всего лишь вопросом последовательности: при описании лондонского текста были учтены все системы представления знания. При этом онтологические, «объективные» категории служили фоном, на котором выделялись специфические признаки категорий «субъективных».

При выявлении признаков исследуемого сверхтекста и описании его реализаций нельзя было ограничиться «объективно истинной» стороной онтологического бытия. В исследовании последовательно доказывалось, что для моделирования культурно-значимых сверхтекстов необходимы литературные тексты, а речь в них идет не только о том, что имеет место в реальном мире, но и о том, что могло бы быть в некотором возможном мире – ассумптивном универсуме, зависящем от личности автора, интертекстуальной рамки, стилевой отнесенности, аксиологических установок и проч. Предметом анализа, соответственно, был не мир как таковой, а его концептуализация в рамках некоторой системы мнения (например,признак *foggy* «туманный» в составе лондонского текста не является «объективно истинным», но опосредованным литературной традицией). Это, однако, не означало отказа от действительного мира, но предполагало разграничение реальности и текста, между которыми, безусловно, существует некоторое соответствие. Если бы работа ограничилась онтологически существенными признаками, то она сосредоточилась бы лишь на «вещественной» стороне исследуемого фрагмента действительности, в то время как оно репрезентировано в сверхтексте через ценностные суждения. Действительно, выражение «London is Babylon», например, не истинно, но обладает большой аксиологической силой.

Проведенный анализ позволил реконструировать структуру лондонского текста. Во-первых, он реализуется в построениях с участием лексемы «London» и производных от нее образований, в корпусе устойчивых словосочетаний и речений с именем «London», в построениях с лексическими репрезентациях семем, входящих в таксемы //urban area// и //capital city// и объективирующих различные аспекты британской столицы.

Во-вторых, отождествление семем со сверхтекстовыми слоями обеспечило условное выделение в его составе 12 слоев. Это тем более релевантно, поскольку каждое из соответствующих имен, как было продемонстрировано, имеет устойчивые ассоциации в системе культуры. При этом фразеологические

единицы, а также устойчивые словосочетания и речения с участием данных имен, а также производные образования образуют подслои лондонского текста.

В-третьих, метафорическими реализациями описываются другие уровни сверхтекста – в рамках принятого в исследовании рассмотрения метафоры как категориального сдвига.

В-четвертых, участием различных семиотических систем в формировании лондонского текста обеспечивается его многомерность.

Тем не менее, в исследовании было отмечено, что любое четкое структурирование сверхтекста являет собой упрощенную модель, поскольку, характеризуясь нелинейностью и стохастичностью, сверхтекст не имеет четкой организации и потенциально открыт для привнесения или перегруппировки признаков.

В рамках соотнесения сверхтекстового и ментального уровней структурирования было установлено, что с когнитивных позиций реализации лондонского текста в построениях с лексическими репрезентациями семем, входящих в таксемы //urban area// и //capital city//, обусловлены включением концепта «London» в рамочные схемы и в образующие их фреймы, которые соотносятся с обозначенными семемами.

В исследовании было принято, что реализации лондонского текста в построениях с производными словами от лексемы «London» являются результатом конкретного концептуального наполнение общего схематического действия или явления, выражаемого аффиксом (и на семантическом уровне описываемого семемой аффикса). Реализации лондонского текста в устойчивых словосочетаниях с участием имени «London» свидетельствуют о вхождении исследуемого сверхтекста в парадигмы устойчивых знаний в рамках английской культуры. Метафорические реализации лондонского текста являются следствием проекции на когнитивно-концептуальном уровне одной понятийной области на другую или так называемого концептуального слияния. Реализации лондонского текста в устойчивых речениях демонстрируют актуализацию переферийных, противоречивых признаков, что служит еще

одним подтверждением вероятностного характера, исследуемого сверхтекста. Реализации лондонского текста в построениях с участием топонимов содержат актуализации его различных признаков, которые могут влечь за собой цепочки ассоциаций и конституировать индивидуально-авторский субтекст в составе лондонского текста.

В ходе исследования подтвердился постулат о том, что структура лондонского текста, как и любого другого культурно-значимого сверхтекста, является калейдоскопичной, вероятностной, поскольку было доказано, что компоненты смысла актуализуются в контексте и могут не осознаваться в их совокупности, определяясь через отношения между семемами, парадигматические или синтагматические, которые, в свою очередь, детерменируются прагматическим окружением, аксиологическими установками и прочими видами кодирования.

Было установлено, что структурно образующими для лондонского текста являются семантические оппозиции «urban – rural» и «urban – suburban». При их анализе был выделен набор афферентных социально-нормированных и идиолектных признаков, характеризующих Лондон как урбанизированное пространство.

Лондонский текст анализировался как инвариант, более или менее общий для английского социума. При этом, однако, было продемонстрировано, насколько далеко могут идти индивидуальные ассоциации в рамках индивидуально-авторского использования языка. Идиолектные реализации были локализованы, в частности, в непрогнозируемой сочетаемости и, соответственно, нестандартной соотнесенности понятийных областей («dolent city»). Кроме того, были выделены индивидуальные ассоциативные связи между синтагматическими построениями, в которых реализуется лондонский текст («swamp – dark London – the underside of the English character»).

Было установлено, что наиболее сильные, культурно-значимые признаки лондонского текста относятся к периоду расцвета Британской империи. Это связано с экстралингвистическими факторами: в указанное время Лондон

достиг статуса исторически первого мегаполиса, а в его тексте аккумулировались и развились признаки из предшествующей традиции. Было также выявлено, что в последующие эпохи эти признаки сохраняются в частично виртуализованном виде и получают переосмысление в «пост-субтекстах»: постколониальном, постиндустриальном и постмодернистском. В этой связи в работе заключается, что Лондон в период расцвета Британской империи – это основной культурный код.

Контрадикторные воззрения на Лондон, находящие отражение в семантическом составе его текста, были соотнесены в исследовании с разными ассумптивными универсумами: личностью и идиолектом автора, стилевой / интертекстуальной рамкой, аксиологической установкой, существующей в конкретный период. Выделение противоречащих друг другу признаков лондонского текста, осуществленное на основе анализа корпуса его культурно-значимых реализаций, наглядно продемонстрировало многофакторный характер исследуемого феномена. Был сделан вывод о том, что воззрения и ценностные нормы могут меняться, но, пока текст известен и является значимым в конкретной культуре, актуализованные в нем признаки будут входить в состав сверхтекста.

Преобладание компонентов с негативной оценочностью в корпусе выделенных признаков лондонского текста связывалось в исследовании, с той закономерностью концептуализации действительности, что отрицательные стороны бытия воспринимаются человеком намного острее, чем положительные, способствующие комфорту факторы, которые рассматриваются как естественные, нормальные.

Было установлено, что, поскольку в английском языковом сознании Лондон в зависимости от определенных экстралингвистических факторов может отождествляться с большим количеством разнообразных сущностей, исследуемый сверхтекст крайне часто эксплицируется через метафору. Хотя реализации лондонского текста бесконечно разнообразны, в исследовании они, тем не менее, были сведены к достаточно регулярному набору метафорических

употреблений, характеризующих город как элемент организации человеком мира вокруг него. При этом основу метафорических переосмыслений в основном составили топологические признаки лондонского текста. Так, среди метафор, участвующих в его формировании, был выделен ряд структурных метафор, которые структурируют объект исследования путем взаимоналожения принципиально разных областей знания (например, «Лондон – великие города древности», «Лондон – театр» или «Лондон – тюрьма»), а также ряд ключевых онтологических и корневых метафор, актуализующих те измерения лондонского текста, которые не явствуют из значения лексемы, служащей его именем (метафоры персонификации, всего мира, текста).

Было указано на тот факт, что в английской языковой традиции Лондон может концептуализоваться как объект, имеющий женское, зачастую материнское начало, что связано с концептуализацией города вообще как объекта «женского рода» и восприятием Лондона как прародительницы английского народа, средоточия национальной идентичности (отсюда такие реализации, как «her [London's] enormous magnitude», «mother London», «progenitrix»).

В рамках понимания сверхтекста как семантического единства было предложено семантическое обоснование метафор, поскольку построения типа «London mourns» или «one can read London» могут выглядеть как противоречащие правилам ограничений на сочетаемость, поскольку они содержат несовместимые семы, что на когнитивно-концептуальном уровне приводит к логической «нестыковке» понятийных областей. Интерпретация метафорических выражений, в которых предикат или атрибут приписывается объекту, входящему в другой семантический класс, осуществлялась за счет погашения несовместимых признаков и актуализации признаков общих, т. е. на основе построения изотопии. Это позволило, во-первых, выявить новые, неочевидные компоненты смысла в составе лондонского текста и, во-вторых, описать сам процесс их привнесения в его структуру.

Обращение к аксиологическим системам позволило установить, почему одни и те же метафоры (например, «Лондон – античный Рим») несут мелиоративную и пейоративную оценочную нагрузку в разные исторические периоды. Принципиальными для семантического структурирования лондонского текста оказались не «бытийные» факты как таковые, а отношение к ним в виде ценностных суждений, содержащихся в его реализациях.

Было отмечено, что в рамках современной парадигмы гуманитарного знания, в которой для описания взаимодействия с самыми различными знаковыми системами применяется понятие «чтения», особую значимость приобретает метафора «Лондон – текст», задающая методику описания британской столицы в терминах грамматики, синтаксиса, элементов, обеспечивающих текстовую когезию, интертекстуальности, парадигматического прочтения, множественности толкований и т. п. Соответственно, в составе лондонского текста были выявлены динамические семантические наборы, репрезентирующие прочтение британской столицы: сценарии ее интерпретации «внутритекстовой» (или самодостаточной) и «затекстовой» (т.е. с привлечением иных культурных кодов и информации предшествующих эпох); сценарии блуждания топографического и смыслового; мотивы освоения пространства как постижения текстового смысла, и конструирования городских ландшафтов с индивидуально-психологических позиций.

Было доказано, что всегда существуют различия в наборе признаков, характеризующих один и тот же сверхтекст у различных народов, противоречия между «своими» и «чужими» представлениями о культурно-значимом фрагменте действительности. Попутно были выявлены неанглийские (наивные) и английские представления о Лондоне («triumphant» *vs*. «unsmart», «gentlemen’s society» *vs*. «egalitarian» и т.д.). Такая асинхронность связывается в работе, помимо всего прочего, с тем, что интерпретирующие компетенции получателей в различных культурах не совпадают: у них разные ценностные установки и прагматические подходы. Перевод же письменных источников,

необходимых для формирования сверхтекста, требует времени, и нельзя быть уверенным, что переведенные источники получат такое же распространение в принимающей культуре. Основным фактором, способствующим сокращению этого разрыва, в исследовании считается взаимообогащение культур на каждом новом историческом этапе.

Реконструкция лондонского текста позволила четко определить его аксиологическую ценность для представителей английского социума: его объект являет собой важнейшую составляющую английскости, концептуализуясь как модель общеанглийских и общемировых процессов, как аналогия человека, сознания и универсума. Такое представление о британской столице оказывается важнейшим ориентиром в сознании индивида: это результат и непосредственного ощущения, и памяти о прошлом опыте; оно равно имеет значение как для осмысления информации, так и для руководства действиями.

Наконец, проведенное исследование позволяет заключить, что объяснить отдельные компоненты лондонского текста имманентными языковыми законами невозможно, поскольку сверхтексты лингвокультуры как обеспечиваются, так и ограничиваются строением человеческой памяти, воображением и общими принципами постижения мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

Научные труды

1. Абашев, В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. – 404 с.
2. Аврелий, М. Наедине с собой / М. Аврелий // Римские стоики. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий; пер. С. М. Роговина. – М.: «Республика», 1995. – 462 с.
3. Агеева, Е.Ю. Город как социокультурное образование: Монография / Е.Ю. Агеева. – Н. Новгород: НГУ, 2004. – 212 с.
4. Акройд, П. Лондон: биография / П. Акройд // Пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылева. – М.: Изд-во О. Морозовой, 2005. – 893 с.
5. Акройд, П. Не верю в утрату доминирующего положения английской культуры / П. Акройд // Частный корреспондент. – 21 мая 2009. – URL: http://www. chaskor.ru/p. php?id=6626 (дата обращения: 25.01.2018).
6. Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. – М.: «Флинта» – «Наука», 2005. – 416 с.
7. Алефиренко, Н. Ф. Текст-Дискурс-Язык / Н.Ф. Алефиренко // Русская филология. Украинский вестник. – 2007, № 2-3. – С. 3-7.
8. Алефиренко, Н.Ф. Энтоэйдемический концепт и внутренняя форма языкового знака / Н.Ф. Алефиренко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004, № 1. – С. 70-81.
9. Аликаева, Г.В. Единицы деривационного уровня, состоящие из словообразовательных гнезд и словообразовательных рядов / Г.В. Аликаева // Филологические науки. – 1999. – № 1. – С. 35-40.
10. Амосова, Н.Н. Принципы контекстологического анализа значений слов / Н.Н. Амосова. – М.: «Наука», 1963. – 255 с.
11. Анисимова, Н.П. Современные французские семантические теории (историко-эпистемологический анализ): Монография / Н.П. Анисимова. – Тверь: Тверской государственный университет, 2002. – 196 с.

12. Анциферов, Н.П. Душа Петербурга / Н.П. Анциферов. – М.: «Книга», 1991 [репринт с СПб: Брокгауз-Ефрон, 1922]. – 249 с.
13. Анциферов, Н.П. Пути постижения города как социального организма. Опыт комплексного подхода / Н.П. Анциферов. – Л., 1925. – 228 с.
14. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк) / Ю.Д. Апресян. – М.: «Просвещение», 1966. – 302 с.
15. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян // Синонимические средства языка: Избранные труды: в 2 т. Т. 1. – М.: «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.
16. Аракин, В.Д. Очерки по истории английского языка / В.Д. Аракин. – М., 1955. – 346 с.
17. Аристов С.А. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс / С.А. Аристов, И.П. Сусов // Лингвистический вестник. – Ижевск: Мин-во народн. обр-я Удмуртск. республики; УМО «Santa Lingua», 1999. – С. 3-15.
18. Арнольд, И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. (На материале имени существительного) / И.В. Арнольд. – Л.: «просвещение», 1966. – 192.
19. Арнольд, И.В. Стилистика современного языка (Стилистика декодирования) / И.В. Арнольд. – Л.: «просвещение», 1973. – 302 с.
20. Арутюнова, Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. № 3. – С. 46-51.
21. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс: Вступительная статья / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: Сборник статей [под ред. Н.Д. Арутюновой]. – М.: «Прогресс», 1990. – С. 5-32.
22. Арутюнова, Н.Д. Синтаксис / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – Издание на CD-ROM. – М.: «Директмедиа Паблишинг», 2008(а). – С. 4141-4161.

23. Арутюнова, Н.Д. Пропозиция / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь [гл. ред. В.Н. Ярцева]. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – Издание на CD-ROM. – М.: «Директмедиа Паблишинг», 2008(б). – С. 3690-3693.
24. Арутюнова, Н.Д. Язык / Н.Д. Арутюнова // Язык: Энциклопедия [под ред. Ю.Н. Караулова]. – М.: «Большая российская энциклопедия», 1997. – С. 652-658.
25. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 895 с.
26. Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология [под ред. В.П. Нерознака]. – М.: «Academia», 1997 – С. 267-280.
27. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с.
28. Бабушкин, А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2001(а). – 86 с.
29. Бабушкин, А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления / А.П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание [под ред. И.А. Стернина]. – Воронеж: ВгУ, 2001(б). – С. 51-58.
30. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин – Воронеж: ВГУ, 1996. – 104 с.
31. Барт, Р. S/Z / Р. Барт // Пер. с франц. Г.К. Косикова и В.П. Мурат. – М.: «Эдиториал УРСС», 2001. – 232 с.
32. Барт, Р. Лингвистика текста / Р. Барт // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск VIII. Лингвистика текста. – М.: «Прогресс», 1978. – С. 442-449.
33. Барт, Р. Миф сегодня / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 71-131.

34. Барт, Р. Нулевая степень письма / Р. Барт // Семиотика языка и литературы. [переводы с англ., исп. и франц. языков под ред. Ю.С. Степанова]. – М.: «Радуга», 1983. – С. 312-331.
35. Барт, Р. Текстовый анализ / Р. Барт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX: Лингвостилистика. – М.: «Прогресс», 1980. – С. 306-313.
36. Бах, Э. Неформальные лекции по формальной семантике / Э. Бах. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 224 с.
37. Бахтин, М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: «Художественная литература», 1975(а). – С. 6-71.
38. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М.М. Бахтин // Литературно-критические статьи. – М.: «Художественная литература», 1986. – С. 473-500.
39. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: «Советский писатель», 1963. – 363 с.
40. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: «Художественная литература», 1975(б). – С. 234-407.
41. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: «Искусство», 1986. – 444 с.
42. Беллерт, И. Об одном условии связности текста / И. Беллерт // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск VIII: Лингвистика текста. – М.: «Прогресс», 1978. – С. 172-207.
43. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист // Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. – 2-е изд., стер. – М.: «УРСС», 2002. – 446 с.

44. Беньямин, В. Шарль Бодлер: Поэт в эпоху зрелого капитализма / В. Беньямин // Маски времени: эссе о культуре и литературе. – СПб.: «Симпозиум», 2004. – С. 47-234.
45. Бирвиш, М. Семантика / М. Бирвиш // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. – М.: «Прогресс», 1981. – С. 177-199.
46. Битенская, Г.В. Сверхтекст и его разновидности: Человек, текст, культура / Г.В. Битенская, Н.А. Купина. – Екатеринбург: «Полиграфист», 1994. – 235 с.
47. Блумфилд Л. Язык / Л. Блумфилд // Пер. с англ. Е.С. Кубряковой и В.П. Мурат; коммент. Е. С. Кубряковой. – 2-е изд., стер. – М.: «УРСС», 2002. – 606 с.
48. Бодрийяр, Ж. Симуляция и симулякры / Ж. Бодрийяр // Современная литературная теория. Антология [сост. И.В. Кабанова]. – М.: «Флинта» – «Наука», 2004. – С. 258-270.
49. Болдырев, Н.Н. Категоризация событий и специфика национального сознания / Н.Н. Болдырев // Язык и национальное сознание: Материалы научно-теоретической конференции. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. – С. 29-30.
50. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по англ. филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: ТГУ, 2002 – 122 с.
51. Болдырев, Н.Н. Когнитивный аспект исследования языка / Н.Н. Болдырев // Аспекты исследования языковых единиц и категорий в русистике XXI века: Сборник материалов Междунар. науч. конф: в 2 т. – Т. I. – Мичуринск: МГПИ, 2009. – С. 8-18.
52. Болдырев, Н.Н. Концепт и значение слова / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 24-36.
53. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18-36.

54. Болдырев, Н.Н. Концептуальные структуры и языковые значения / Н.Н. Болдырев // Филология и культура: Материалы международной конференции. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. – С. 62-69.
55. Болдырев, Н.Н. Проблема значения и смысла языковых единиц в контексте познавательных процессов / Н.Н. Болдырев // В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл: Сборник статей в честь 70-летия В.А. Виноградова. – М.: Языки славянских культур, 2010. – С. 219-231.
56. Болдырев, Н.Н. Системные и функциональные связи языковых единиц как результаты категоризирующей деятельности языкового сознания / Н.Н. Болдырев // Связи языковых единиц в системе и реализации: Межвузовский сборник научных трудов. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 1998. – С. 5-16.
57. Болинджер, Д. Атомизация значения / Д. Болинджер // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. – М.: «Прогресс», 1981. – С. 200-234.
58. Бочкарев, А.Е. Об эпистемологических аспектах значения / А.Е. Бочкарев // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007, № 4. – С. 44-51.
59. Бочкарев, А.Е. Семантика: Основной лексикон / А.Е. Бочкарев. – Нижний Новгород: «ДЕКОМ», 2014. – 320 с.
60. Бочкарев, А.Е. Семантический словарь / А.Е. Бочкарев. – Н. Новгород: «ДЕКОМ», 2003. – 200 с.
61. Бренер, А. London Calling (памяти Джо Страммера) / А. Бренер, Б. Шурц // Логос. – 2002, № 3-4. – С. 58-91.
62. Брэдбери, М. Вирджиния Вулф / М. Брэдбери // Иностранная литература. – 2002, № 12. – С. 255-271.
63. Булыгина, Г.В. Модель / Г.В. Булыгина, С.А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь [гл. ред. В.Н. Ярцева]. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – Издание на CD-ROM. – М.: «Директмедиа Паблишинг», 2008(а). – С. 2757-2764.

64. Булыгина, Т.В. Понятийные категории / Т.В. Булыгина, С.А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – Издание на CD-ROM. – М.: «Директмедиа Паблишинг», 2008(б). – С. 3531-3538.
65. Бурвикова, Н.Д. Прецедентный текст как единица нелинейного понимания / Н.Д. Бурвикова, В.Г. Костомаров // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. – С.4.
66. Бухаров, В.М. Концепт в лингвистическом аспекте / В.М. Бухаров // Межкультурная коммуникация: Учебное пособие. – Н. Новгород: «ДЕКОМ», 2001. – С. 74-84.
67. Бушманова Н.И. Проблема интертекста в литературе английского модернизма: Проза Д.Г. Лоренса и В. Вулф: Диссертация ... доктора филологических наук: 10.01.05 / Н.И. Бушманова. – Москва, 1996. – 401 с.
68. Бхабха, Х. Местонахождение культуры / Х. Бхабха // Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского пограничья. – 2005. – № 3-4. – С. 161-191.
69. Быкова, Г.В. Лакуны как явление языка и речи / Г.В. Быкова // Филологические записки. Вып. 14. – Воронеж, 2000. – С. 183-196.
70. Ван Дейк, Т.А. Вопросы прагматики текста / Т.А. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск VIII: Лингвистика текста. – М.: «Прогресс», 1978. – С. 259-336.
71. Ван Дейк, Т.А. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов / Т.А. Ван Дейк // Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск: РИО БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – С. 12-40.
72. Вебер М. История хозяйства. Город / М. Вебер. – М.: «Канон-пресс-Ц», 2001. – 576 с.
73. Вежбицкая, А. Из книги «Семантические примитивы» / А. Вежбицкая // Семиотика языка и литературы [переводы с англ., исп. и франц. языков под ред. Ю.С. Степанова]. – М.: «Радуга», 1983. – С. 225-252.

74. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.
75. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: «Русские словари», 1996. – 416 с.
76. Вейнрейх, У. Опыт семантической теории / У. Вейнрейх // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. – М.: «Прогресс», 1981. – С. 50-176.
77. Верещагин, Е.М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: «Русский язык», 1976. – 269 с.
78. Виноградов, В.А. Структурная лингвистика / В.А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – Издание на CD-ROM. – М.: «Директмедиа Паблишинг», 2008(а). – С. 4562-4569.
79. Виноградов, В.А. Таксономия / В.А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – Издание на CD-ROM. – М.: «Директмедиа Паблишинг», 2008(б). – С. 4641-4644.
80. Виноградов, В.В. О теории художественной речи: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по филологическим специальностям / В.В. Виноградов. – Изд. 2-е, испр. – М.: «Высшая школа», 2005. – 286 с.
81. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов // Избранные труды: в 7 т. Т.5. – М. «Наука», 1980. – С. 285-315.
82. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов // Академик А.А. Шахматов, 1864-1920: Сборник научных трудов [подред. ак. С.П. Обнорского]. – Вып. 3. – М.-Л., 1947. – С. 126-150.
83. Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку / Г.О. Винокур. – М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1959. – 314 с.

84. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни / Л. Вирт // Избранные работы по социологии. Сборник переводов [пер. с англ. В.Г. Николаева]. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – С. 89-113.

85. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн // Пер. с нем. И Добронравого. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 133 с.

86. Волошинов, В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке / В.Н. Волошинов. – Л.: «Прибой», 1930. – 158 с.

87. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.

88. Воробьева, Л.В. Лондонский городской текст русской литературы первой трети XX века: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Л.В. Воробьева. – Томск, 2009. – 187 с.

89. Габидуллина, А.Р. Педагогическая лингвистика: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / А.Р. Габидуллина. – Горловка: ГГПИИЯ, 2011. – 197 с.

90. Гак, В.Г. Беседы о французском слове. (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков) / В.Г. Гак. – М.: «Международные отношения», 1966. – 338 с.

91. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология. (На материале французского и русского языков) / В.Г. Гак. – М.: «Международные отношения», 1977. – 265 с.

92. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 763 с.

93. Гаспаров, Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М.: «Новое Литературное Обозрение», 1996. – 351 с.

94. Гаспаров, М.Л. Москва и «Москва» Андрея Белого: Сборник статей / М.Л. Гаспаров. – М.: Изд-во РГГУ, 1999. – 316 с.

95. Гениева, Е.Ю. Комментарии / В. Вулф. // Миссис Дэллоуэй. Эссе. Сборник [на англ. яз.; сост. Е.Ю. Гениева]. – М.: «Радуга», 1984(а). – С. 311-319.

96. Гениева, Е. Ю. Остановленное мгновенье: Предисловие / В. Вулф. // Миссис Дэллоуэй. Эссе. Сборник [на англ. яз.; сост. Е.Ю. Гениева]. – М.: «Радуга», 1984(б). – С. 7-30.

97. Гениева, Е.Ю. Предисловие / В. Вулф // Комната Джейкоба. – СПб.: «Азбука-классика», 2004. – С. 5-12.

98. Герасимов, В.И. На пути к когнитивной модели языка. Вступительная статья / В.И. Герасимов, В.В. Петров // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: «Прогресс», 1988. – С. 5-11.

99. Горный, Е.А. Что такое семиотика / Е. А. Горный, 1996. – http://kinosemiotica.narod.ru/EGorniy.htm

100. Гревс, И.М. К теории и практике «экскурсий» / И.М. Гревс. – СПб.: Сенат. тип., 1910. – 48 с.

101. Греймас, А.-Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка / А.-Ж. Греймас, Ж. Курте // Семиотика языка и литературы [переводы с англ., исп. и франц. языков под ред. Ю.С. Степанова]. – М.: «Радуга», 1983. – С. 483-556.

102. Григорьев, А.А. Культурологический смысл концепта: дис. … канд. философск. наук: 24.00.01 / А.А. Григорьев. – М.: Российский институт культурологии, 2003. – 176 с.

103. Гудмен, Н. Способы создания миров; Статьи / Н. Гудмен // Пер. с англ. Т.А. Дмитриевой и др. – М.: «Лого∑», 2001. – 376 с.

104. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – 2-е изд. – М.: «Прогресс», 2000. – 396 с.

105. Гумилев, Л.Н. От Руси к России. Очерки этнической истории / Л.Н. Гумилев. – М.: «Прогресс», 1992. – 334 с.

106. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: «Искусство», 1984. – 350 с.

107. Гуревич, П.С. Философия культуры / П.С. Гуревич. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: «Аспект пресс», 1995. – 286 с.

108. Гюббенет, И.В. Основы филологической интерпретации текста / И.В. Гюббенет. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 205 с.

109. Делез, Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – М., 1998. – 286 с.

110. Делез, Ж. Складка. Лейбниц и барокко / Ж. Делез. – М.: «Радуга», 1998. – 312 с.

111. Демьянков, В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория / В.З. Демьянков // Язык и структуры представления знаний. – М., 1992. – С. 39-78.

112. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994, № 4. – С. 17-33.

113. Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида // Пер. с франц. Д.Ю. Кралечкина. – М.: «Академический проект», 2000 – 319 с.

114. Диканский, М.Г. Проблемы современных городов: Движение в больших городах. Кризис жилища / М. Г. Диканский. – М.: «Вопросы труда», 1926. – 91 с.

115. Добровольский, Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1998. – № 6. – С. 48-57.

116. Дресслер, В. Введение в лингвистику текста / В. Дресслер // Проблемы теории текста: Реферативный сборник [подред. Ф. М. Березина]. – М.: ИНИОН АН СССР, 1978(а). – С. 56-74.

117. Дресслер, В. Синтаксис текста / В. Дресслер // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск VIII: Лингвистика текста [составление, общая

редакция и вступительная статья Т.М. Николаевой]. – М.: «Прогресс», 1978(б). – С. 111-137.

118. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда: Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М.: «Наука», 1991. – 576 с.
119. Дюркгейм, Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. – М: «Терра», 2008. – 399 с.
120. Жолковский, А.К. Блуждающие сны и другие работы / А.К. Жолковский. – М.: «Наука», 1994. – 428 с.
121. Залевская, А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание [под ред. И.А. Стернина]. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 36-44.
122. Захарова, В.Т. (ред.) Нижегородский текст русской словесности: Сборник статей по материалам V международной научной конференции / В.Т. Захарова. – Н. Новгород: НГПУ имени К. Минина, 2013 – 250 с.
123. Зацепин, К.А. Эпистемологический статус концепта / К.А. Зацепин, И.И. Саморуков. – Самара: Самарский государственный университет, 2002. – URL: http://www.google.ru/url?url=http://slovar.lib.ru/lib/txt8_konceptstatus_txt.doc&rct=j&q=&esrc=s&sa=U&ved=0ahUKEwialNOo98jJAhXGEiwKHW9GA4AQFggTMAA&usg=AFQjCNEsouoOI712mfBihAO_c_A1gnB3hw (дата обращения: 25.01.2018).
124. Звегинцев, В.А. Экспрессивно-эмоциональные элементы и значение слова / В. А. Звегинцев // Вестник МГУ. Серия общественных наук. – 1955, № 1. – С. 69-81.
125. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель // Логос. –2002, № 3-4 (34). – С. 27
126. Золотова, Г.А. Говорящее лицо и структура текста / Г.А. Золотова // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: Сборник статей. – М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1995. – С. 120-133.

127. Зусман, В.Г. Концепт в культурологическом аспекте / В.Г. Зусман // Межкультурная коммуникация: Учебное пособие. – Н. Новгород: «ДЕКОМ», 2001. – С. 38-53.

128. Иванов, В.В Постановка задачи реконструкции текста и реконструкции знаковой системы / В.В. Иванов, В.Н. Топоров // Структурная типология языков. – М.: «Наука», 1966. – С. 3-25.

129. Иванов, В.В. Очерки по предыстории и истории семиотики / В.В. Иванов // Избранные труды по семиотике и истории культуры. – Т. I. – М.: «Языки русской культуры», 1998. – С. 604-812.

130. Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сборник научных трудов [под ред. И.А.Стернина]. – Воронеж: ВГУ, 2001(а). – С. 75-80.

131. Карасик, В.И. О категориях лингвокультурологии / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сборник научных трудов. – Волгоград, 2001(б). – С. 3-16.

132. Караулов, Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю.Н. Караулов. – М.: «Наука», 1981. – 368 с.

133. Караулов, Ю.Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю.Н. Караулов, В.В. Петров // Язык. Познание. Коммуникация. – М.: «Прогресс», 1989. – С. 5-11.

134. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.М. Караулов. – М.: «Наука», 1987. – 263 с.

135. Карнап, Р. Значение и необходимость: Исследование по семантике и модальной логике / Р. Карнап. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959 – 384 с.

136. Катц, Дж. Семантическая теория / Дж. Катц // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. – М.: «Прогресс», 1981. – С. 33-49.

137. Кашкин, В.Б. Этноним в наивной философии языка и картине мира / В.Б. Кашкин. – 2002. –URL: http://kachkine.narod. ru/Articles2003/KachkineIdentity2002.htm (дата обращения: 25.01.2018).

138. Кибрик, А.А. Когнитивные исследования по дискурсу / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 126-139.

139. Кибрик, А.Е. Генеративная лингвистика / А.Е. Кибрик // Лингвистический энциклопедический словарь [гл. ред. В.Н. Ярцева]. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – Издание на CD-ROM. – М.: «Директмедиа Паблишинг», 2008. – С. 878-887.

140. Кнабе, Г.С. (отв. ред.) Москва и «московский текст» русской культуры: Сборник статей / Г.С. Кнабе. – М.: РГГУ, 1998. – 224 с.

141. Кнабе, Г.С. Знак. Истина. Круг. (Ю.М. Лотман и проблема постмодерна) / Г.С. Кнабе // Лотмановский сборник 1. – М.: ИЦ-Гарант, 1995. С. 266-277.

142. Князева, Е.Н. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М.: «Ком-Книга», 2006. – 232 с.

143. Кобозева, И.М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода / И. М. Кобозева // Труды международного семинара Диалог’2002 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». – М.: «Наука», 2002. – С. 188-194.

144. Кобозева, И.М. *Мысль* и *Идея* на фоне категоризации ментальных имен И.М. Кобозева // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: «Наука», 1993. – С. 94-105.

145. Кобозева, И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И.М. Кобозева // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 2001, № 6. – С. 132-149.

146. Колмогоров, А.Н. Истина – благо / А.Н. Колмогоров // Юбилейное издание в 3-х книгах. – Кн. 1. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2003. – 354 с.

147. Колшанский, Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. Изд.4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 152 с.

148. Комиссаров, В.Н. Контекстно-свободная и контекстно-связанная импликативность и проблема переводимости / В.Н. Комиссаров, Л.А. Черняховская, Л.К. Латышев // Текст и перевод [отв. ред. А.Д. Швейцер]. – М.: «Наука», 1988. – С. 51-63.

149. Колшанский, Г.В. О природе контекста / Г.В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1959, № 4. – С. 47-53.

150. Кондаков, Н.И. Понятие / Н.И. Кондаков // Логический словарь-справочник. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: «Наука», 1975. – С. 456-460.

151. Кораблева, Б.Г. Лейбниц / Б.Г. Кораблева // Краткая философская энциклопедия [под ред. Е.Ф. Губского, Г.В. Кораблевой, В.А. Лутченко]. – М.: «Прогресс», 1994. – С. 239.

152. Кох, В.А. Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа / В.А. Кох // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск VIII. Лингвистика текста [составление, общая редакция и вступительная статья Т. М. Николаевой]. – М.: «Прогресс», 1978. – С. 149-171.

153. Кравец А.С. Топологическая структура смысла / А.С. Кравец // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 17-25.

154. Кравченко, А.В. Когнитивная лингвистика сегодня: интеграционные процессы и проблема метода / А.В. Кравченко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 37-52.

155. Кравченко, А.В. Методологические основания когнитивного анализа значения / А.В. Кравченко // Когнитивный анализ слова. – Иркутск, 2000. – С. 8-33.

156. Кравченко, А.В. Проблема языкового значения как проблема представления знаний / А.В. Кравченко // Когнитивные аспекты языкового значения: Межвузовский сборник научных трудов. – Иркутск: ИГЛУ, 1997. – С. 3-16.

157. Крипке, С. Тождество и необходимость / С. Крипке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII: Логика и лингвистика. – М.: «Прогресс», 1982. – С. 340-376.

158. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму [пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова.]. – М.: ИГ «Прогресс», 2000. – С. 427-457 [Kristeva, J. Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman / J. Kristeva // Critique, 1967. – T. 23, № 239. – Pp. 438-465.].

159. Кубрякова, Е.С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования / Е.С. Кубрякова // Известия АН. Серия литературы и языка. Том 61. – 2002. – № 1. – С. 13-24.

160. Кубрякова Е.С. Язык и знание / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004(а). – 560 с.

161. Кубрякова, Е.С. Концепт / Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов [под ред. Е.С. Кубряковой, В. З. Демьянкова и др.]. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – С. 89-94.

162. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994, № 4. – С. 34-47.

163. Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Известия АН. Серия литературы и языка. Том 63. – 2004(б), № 3. – С. 3-13.

164. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: «Наука», 1988. – С. 140-174.

165. Кубрякова, Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) / Е.С. Кубрякова // Известия АН. Серия литературы и языка. Том 58. – 1999. – № 5-6. – С. 3-12.

166. Кубрякова, Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М., 1997. – 556 с.

167. Кубрякова, Е. С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Е.С. Кубрякова, А.М. Шахнарович, Л.В. Сахарный. – М.: «Наука», 1991. – 240 с.

168. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учебник для институтов и факультетов иностранных языков / А.В. Кунин. – М.: «Высшая школа», 1986. – 336 с.

169. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой. – М.: «УРСС», 2004. – 253 с.

170. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Д. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. – М.: «Радуга», 1983. – С. 10-52.

171. Лебедев, Ю. М. Бионика и города будущего / Ю.М. Лебедев // Город и время: Сб. статей. – М., 1994. – С. 169-182.

172. Леви-Строс, К. Сырое и приготовленное / К. Леви-Стросс // Мифологики. В 4 т. – Т. 1. – М.- СПб.: «Университетская книга», 1999. – 398 с.

173. Леви-Стросс, К. Структура и форма / К. Леви-Стросс // Семиотика языка и литературы [переводы с англ., исп. и франц. языков под ред. Ю.С. Степанова]. – М.: «Радуга», 1983. – С. 400-428.

174. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М.: «Наука», 1985. – 535 с.

175. Лефевр, А. Другие Парижи / А. Лефевр // Логос. – 2008, № 3 (66). – С. 141-147.

176. Лефевр, А. Производство пространства / А. Лефевр // Социологическое обозрение. Т. 2. – 2002, № 3. – С. 27-29.

177. Липчанская, И.В. Образ Лондона в творчестве Питера Акройда: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / И.В. Липчанская. – Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2014. – 184 с.

178. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: Антология [под общ. ред. В.П. Нерознака]. – М.: «Academia», 1997. – С. 280-288.

179. Лихачев, Д.С. Образ города и проблема исторической преемственности развития культур / Д.С. Лихачев // Раздумья о России. – СПб.: «Logos», 2001. – С. 552-570.

180. Лотман, Ю.М. Асимметрия и диалог / Ю.М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета. – 1983(а). Вып. 635. – С. 15-30.

181. Лотман, Ю.М. За текстом: заметки о философском фоне тартуской семиотики (Статья первая) / Ю.М. Лотман // Лотмановский сборник 1. – М.: ИЦ-Гарант, 1995. – С. 214-222.

182. Лотман, Ю.М. К современному понятию текста / Ю.М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета. – 1986. Вып. 736. – С. 104-108.

183. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. – М., 1992. – 270 с.

184. Лотман, Ю.М. Культура и текст как генераторы смысла / Ю.М. Лотман // Кибернетическая лингвистика [под ред. В.В. Иванова, В.П. Григорьева]. – М.: «Наука», 1983(б). – С. 23-30.

185. Лотман, Ю.М. Об искусстве / Ю.М. Лотман. – СПб: «Искусство-СПб», 1998. – 702 с.

186. Лотман, Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю.М. Лотман // Чему учатся люди: статьи и заметки [предисл. П. Тороп, сост. С. Салупере, П. Тороп]. – М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино», 2010. – С. 64-71.

187. Лотман, Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю.М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Вып. 18. – Тарту: Тартуский государственный университет, 1984. – С. 30-45.

188. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М.: «Искусство», 1970. – 381 с.

189. Лотман, Ю.М. Текст в тексте / Ю.М. Лотман // Текст а тексте: Труды по знаковым системам XVI. – Тарту, 1981. – С. 3-18.

190. Лотман, Ю.М. Технический прогресс как культурологическая проблема / Ю.М. Лотман // Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб: Гуманитарное агенство «Академический проект», 2002. – С. 237-262.

191. Любимов М.П. Гуляния с Чеширским котом: Мемуар-эссе об английской душе / М.П. Любимов. – СПб: «Амфора», 2011. – 415 с.

192. Лурия, А.Р. Основные проблемы нейролингвистики / А.Р. Лурия. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – 253 с.

193. Ляпин, С.Х. Концептология: к становлению подхода / С.Х. Ляпин // Концепты. Науч. труды Центрконцепта. Вып. 1. – Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 1997. – С. 11-35.

194. Макдауэлл, Т. В Новой Англии / Т. Макдауэлл // Литературная история США (в 2-х томах) [под ред. Р. Спиллера, У. Торпа, Т. Джонсона]. – Том 1. – М.: «Прогресс», 1977. – С. 343-366.

195. МакКоли, Дж.Д. О месте семантики в грамматике языка / Дж.Д. МакКоли // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. – М.: «Прогресс», 1981. – С. 234-302.

196. МакКормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. МакКормак // Теория метафоры: Сборник статей / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: «Прогресс», 1990. – С. 358-386.

197. Мартине, А. Основы общей лингвистики / А. Мартине // Новое в лингвистике. Выпуск III. – М.: Изд-во иностр. л-ры, 1963. – С. 366-566.

198. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 207 с.

199. Медникова, Э.М. Значение слова и методы его описания / Э.М. Медникова – М.: «Высшая школа», 1974. – 202 с.

200. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика. Пособие для студентов гуманитарных вузов / Н.Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М.: «Аспект-пресс», 1996. – 205 с.

201. Мечковская, Н.Б. Лавина семиозиса, частично фиксируемая языком (по данным анализа символики креста и мотивированных им знаков) / Н.Б. Мечковская // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой [отв. ред. Ю.Д. Апресян]. – М.: «Языки славянской культуры», 2004. – С. 575-587.

202. Мечковская, Н.Б. Семиотика Язык. Природа. Культура: Курс лекций / Н.Б. Мечковская. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 432 с.

203. Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: «Прогресс», 1988. – С. 281-309.

204. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М.: «Энергия», 1979. – 151 с.

205. Миньяр-Белоручев, Р.К. Общая теория перевода и устный перевод / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М.: Воениздат, 1980. – 237 с.

206. Михельсон, М.И. Предисловие / М.И. Михельсон / Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. Т. 1. – М: «Терра», 1997. – 800 с.

207. Можейко, М.А. Контекст / А.А. Грицанов, М.А. Можейко // Постмодернизм: Энциклопедия. – Минск: «Интерпрессервис», 2001. – С. 377.

208. Моррис, Ч. Основания теории знаков / Ч. Моррис // Семиотика языка и литературы [переводы с англ., исп. и франц. языков под ред. Ю.С. Степанова]. – М.: «Радуга», 1983. – С. 37-89.

209. Мурашковски, С. Отчуждение мигранта как культурный феномен в романах В.С. Найпола // Вестник ВЭГУ. Серия «Филология». – 2007, № 29/30. – С. 206-210.

210. Мурясов, Р.З. Некоторые аспекты контрастивно-типологического изучения глагола / Р.З. Мурясов // Лексические и грамматические категории в свете типологии языков и лингвокультурологии: Материалы Всероссийской научной конференции. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. – С. 26-28.

211. Нестеров, А. Вирджиния Вулф / А. Нестеров // Иностранная литература. – 2002. – № 12. – С. 256-272.

212. Нещадин, А.А. Феномен города: социально-экономический анализ / А.А. Нещадин, Н.И. Горин. – М.: «Изограф», 2001. – 239 с.

213. Никитин, М.В. Развернутые тезисы о концептах / М.В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53-64.

214. Никитина, С.Е. О концептуальном анализе в народной культуре / С.Е. Никитина // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М.: «Наука», 1991. – С. 116-124.

215. Николаева, Т.М. Единицы языка и теория текста / Т.М. Николаева // Исследования по структуре текста: Сборник статей [отв. ред. Т.В. Цивьян]. – М.: «Наука», 1987. – С. 27-57.

216. Николаева, Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста / Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск VIII: Лингвистика текста. – М.: «Прогресс», 1978(а). – С. 467-472.

217. Николаева, Т.М. Лингвистика текста: современное состояние и перспективы [вступительная статья] / Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск VIII: Лингвистика текста. – М.: «Прогресс», 1978(б). – С. 5-38.

218. Николюкин, А.Н. Вортицизм / А.Н. Николюкин // Литературная энциклопедия терминов и понятий / А.Н. Николюкин (сост.). – Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – С. 521.

219. Ницше, Ф. Об истине и лжи во внеправственном смысле / Ф. Ницше // Полн. собр. соч. Т. 1. – М., 1912. – 344 с.

220. Новодранова, В.Ф. Когнитивные аспекты терминологии / В.Ф. Новодранова // Когнитивная лингвистика. Ч. 1. – Тамбов, 1998. – С. 13-16.

221. О'Кейси, Ш. За театральным занавесом / Ш. О'Кейси // Пер. с англ. М. Гуровой, Р. Облонской, М. Богословской. – М.: «Прогресс», 1971. – 288с.

222. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры: Сборник статей / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: «Прогресс», 1990. – С. 68-81.

223. Павиленис, Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. – М.: «Мысль», 1983. – 286 с.

224. Парк, Р.Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок / Р.Э. Парк // Социологическое обозрение. Т. 5. – 2006. № 1. – С. 11-18.

225. Петрова, О.В. Когнитивные парадигмы и перевод / О.В. Петрова // Перевод и межкультурная коммуникация: Материалы научной конференции «Лингвистические основы межкультурной коммуникации». – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2003. – С.112-115.

226. Печерская, Н.В. Знать или называть: метафора как когнитивный ресурс социального знания / Н. В. Печерская // Политические исследования. – 2004. – № 2. – С. 93-105.

227. Пиаже, Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение / Ж. Пиаже // Семиотика языка и литературы [переводы с англ., исп. и франц. языков под ред. Ю.С. Степанова]. – М.: «Радуга», 1983. – С. 90-101.

228. Пименова, М.В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов) / М.В. Пименова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 82-90.

229. Писаренко, В.И. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» / В.И. Писаренко // Международная конференция «Диалог»: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – 2002. – URL: http://www. dialog-21.ru/archive_article.asp?param=7366&y=2002&vol=6077 (дата обращения: 25.01.2018).

230. Полозова, И.В. Глубинные основания метафоры / И.В. Полозова // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. – 2004. – № 3. – С. 70-85.

231. Полозова, И.В. Онтологические основы метафоры / И.В. Полозова // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. – 2003. – № 4. – С. 51-63.

232. Попова З.Д. «Слабые места» публикаций по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Язык. Этнос. Картина мира. – Вып. 1. – Кемерово, 2003. – С. 16-23.

233. Попова, З.Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Антология концептов [Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина]. Т. 1. – Волгоград: «Парадигма», 2005. – С. 7-10.

234. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике: Монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2001. – 191 с.

235. Попова, З.Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики / З.Д. Попова // Вестник ВГУ. Серия 1: Гуманитарные науки. – 1996, № 2. – С. 64-68.

236. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: «АСТ: Восток-Запад», 2007. – 316 с.

237. Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. – 31 с.

238. Потебня, А.А. Из лекций по теории словесности / А.А. Потебня // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология [под ред. В.П. Нерознака]. – М.: «Academia», 1997. – С. 66-84.

239. Потебня, А.А. Теоретическая поэтика / А.А. Потебня. – М.: «Высшая школа», 1990. – 342 с.

240. Потебня, А.А. Эстетика и поэтика слова / А.А. Потебня. – Киев: Мистецтво, 1985. – 302 с.

241. Прието, А. Из книги «Морфология романа / А. Прието // Семиотика языка и литературы [переводы с англ., исп. и франц. языков под ред. Ю.С. Степанова]. – М.: «Радуга», 1983. – С. 370-399.

242. Пропп, В.Я. Морфология волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М.: «Лабиринт», 2001. – 192 с.

243. Прохорова, Л.С. Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Л.С. Прохорова. – Томск, 2005. – 194 с.

244. Пятигорский А.М. Текст и функция / А.М. Пятигорский, Ю.М. Лотман // Статьи по типологии культуры. – Вып. I. – Тарту, 1970. – С. 64-77.

245. Раевская, О.В. К вопросу об ономасиологических категориях / О.В. Раевская // Филологические науки. – 1991. – № 1. – С. 22-28.

246. Рассохина, М.В. Метафоры в языке социологической теории / М.В. Рассохина // Научные доклады МВШСЭН. – Вып. 1. – М.: МВШСЭН, 2001. – 80 с.

247. Растье, Ф. Интерпретирующая семантика / Ф. Растье // Пер. с фр., примечания, предметно-именной указатель А.Е. Бочкарева. – Н. Новгород: «ДЕКОМ», 2001. – 367 с.

248. Рахилина, Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики / Е.В. Рахилина // Изв. АН. Сер. лит. и яз. Т. 59. – 2000. – № 3. – С. 3-15.

249. Рахилина, Е.В. Основные идеи когнитивной семантики / Е.В. Рахилина // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. – М., 1997. – С. 370-389.

250. Ретунская, М.С. Английская аксиологическая лексика: Монография / М.С. Ретунская. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1996. – 272 с.

251. Реформатский, А.А. Техническая редакция книги (в извлечениях М.В. Панова) / А.А. Реформатский // Лингвистика и поэтика. – М.: «Наука», 1987. – С. 141-179.

252. Рикер, П. Живая метафора / П. Рикер // Теория метафоры: Сборник статей [под ред. Н.Д. Арутюновой]. – М.: «Прогресс», 1990. – С. 435-455.

253. Сайдяшева, Л.А. Словесно-живописный образ как один из типов аллюзии и его интерпретация / Л.А. Сайдяшева // Интерпретация текста в языковом вузе: Межвуз. сборн. научн. трудов. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1983. – С. 109-119.

254. Сайко, Э.В. Урбанизация – явление и процесс исторического развития / Э.В. Сайко // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. – М.: «Наука», 1999. – С. 11-46.

255. Саксонова, Ю.Ю. Прецедентный интекст; проблема межъязыковой эквивалентности в художественном переводе: На материале английского, немецкого и русского языков: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ю.Ю. Саксонова. – Екатеринбург, 2002. – 133 с.

256. Самигуллина, А.С. Когнитивистика vs. семиотика: пути интеграции / А.С. Самигуллина // Проблемы многоязычия в полиэтническом пространестве: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета. В 2-х ч. Ч. I – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – С. 285-295.

257. Самигуллина, А.С. Когнитивная лингвистика и семиотика / А.С. Самигуллина // Вопросы языкознания. – 2007. № 3. – С. 11-24.

258. Сгалл, П. Значение, содержание, прагматика / П. Сгалл // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – М.: «Прогресс», 1985. – С. 384-398.

259. Сдобников, В.В. Теория перевода: Учебник для переводческих факультетов и факультетов иностранных языков / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2001. – 235 с.

260. Серто де, М. По городу пешком / М. де Серто // Социологическое обозрение. Т. 7. – 2008. № 2. – С. 24-38.

261. Серто де, М. Практика повседневной жизни Часть III. Пространственные практики / М. де Серто // «Прогнозис» № 1, 2010. – М.: Журнальный клуб «Интелрос». – URL: http://www.intelros.ru/pdf/Prognozis/1%2820%29_2010/7.pdf (дата обращения: 25.01.2018).

262. Скребнев, Ю.М. Очерк теории стилистики: Учебное пособие для студентов и аспирантов филологических специальностей / Ю.М. Скребнев. – Горький: ГГПИИЯ, 1975. – 175 с.

263. Скребцова, Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики / Т.Г. Скребцова. – СПб: «Антология», 2000. – 203 с.

264. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе: Монография / Г.Г. Слышкин. – М.: «Academia», 2000. – 141 с.

265. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. – 260 с.

266. Солозобов, Ю. Город как деструктивный культ / Ю. Солозобов // Русский журнал. – 2002. – URL: old.russ.ru/politics/20020820-sol.html (дата обращения: 25.01.2018).

267. Сорокин, Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Ю.А. Сорокин. – М.: «Наука», 1985. – 168 с.

268. Соснин, А.В. Альтернативные модели описания метафорических процессов в языке / А. В. Соснин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011, № 1. – С. 68-73.

269. Соснин, А.В. Апология литературного канона в лингвистическом исследовании / А.В. Соснин // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015(а), № 6/1. – С. 412-419.

270. Соснин, А.В. Временной разрыв в формировании сверхтекстов культуры у ее представителей и у носителей других культур (на примере лондонского текста английской литературы) / А.В. Соснин // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015(б), № 6/2. – С. 305-314.

271. Соснин, А.В. Интерсемиотичность и мультимедийность: от традиционных текстов к электронным / А.В. Соснин, Ю.В. Балакина // Сибирский филологический журнал. – 2017(а), № 1. – С. 160-173.

272. Соснин, А.В. К вопросу о стохастичном характере концепта и его вхождении в когнитивные парадигмы / А. В. Соснин // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016(а), № 6/1. – С. 231-238.

273. Соснин, А.В. Когнитивная метафора как средство формирования концепта / А.В. Соснин // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017(б), № 9/1, Часть 1. – С. 147-154.

274. Соснин, А.В. Концепт как ментальный репрезентант сверхтекста / А.В. Соснин // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016(б), № 5/1. – С. 244-251.

275. Соснин, А.В. Концептуализация Лондона через женское начало / А.В. Соснин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014(а), № 2. – С. 56-60.

276. Соснин, А.В. Математическое обоснование многомерности и несамодостаточности текста / А.В. Соснин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012(а), № 1. – С. 194-199.

277. Соснин, А.В. Методика лингвистического описания сверхтекстовых единств (на примере лондонского текста в английской языковой традиции) / А.В. Соснин // Стратегии и тактики в англоязычном речевом общении: Материалы научной конференции 28 октября 2015 г. – Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2015(б). – С. 200-216.

278. Соснин, А.В. Мультикультурный Лондон в романе Зейди Смит «Белые зубы» / А.В. Соснин, Е.А. Ситникова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2013(а). – Вып. 21. – С. 115-131.

279. Соснин, А.В. По лондонским маршрутам Вирджинии Вулф / А.В. Соснин // Вестник Пермского университета: Российская и зарубежная филология. – 2014(б). – Вып. 1(25). – С. 91-104.

280. Соснин, А.В. Пролегомены к описанию лондонского текста / А.В. Соснин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012(б), № 2. – С. 101-107.

281. Соснин, А.В. Психологическая география британской столицы на примере романа Майкла Муркока «Лондон, любовь моя» / А.В. Соснин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2013(б), № 1. – С. 84-90.

282. Соснин, А.В. Средства вербализации концепта «Лондон» в английском культурном пространстве: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.В. Соснин. – Н. Новгород, 2007. – 201 с.

283. Соснин, А.В. Степень самодостаточности текста и связанные с ней проблемы перевода / А.В. Соснин // Проблемы переводоведения и дидактики перевода: Сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Выпуск 6. – Н. Новгород: Издательство ГОУ НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005. – С. 61-77.

284. Соснин, А.В. Текстема как языковая единица и сверхтекстовый конструкт / А.В. Соснин // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Сборник материалов Всероссийской научной конференции «Скребневские чтения» 26 октября 2016 г. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2016(в). – С. 170-180.

285. Соснин, А.В. Упорядоченность Лондона и вортицизм. Визуальный компонент текстов о Лондоне / А.В. Соснин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2014(в), № 3. – С. 58-64.

286. Соссюр де, Ф. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр // Пер. под ред. А.А. Холодовича. – М.: «Прогресс», 1977. – 695 с.

287. Стародубцева, Л.В. Город как метафора урбанизируемого сознания / Л.В. Стародубцева // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. – М.: «Наука», 1999. – С. 70-122.

288. Степанов, Ю.С. В мире семиотики: Вступительная статья / Ю.С. Степанов // Семиотика языка и литературы [переводы с англ., исп. и франц. языков под ред. Ю.С. Степанова]. – М.: «Радуга», 1983. – С. 5-36.

289. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: «Академический проект», 2001. – 990 с.

290. Степанов, Ю.С. Понятие / Ю.С. Степанов // Лингвистический энциклопедический словарь [гл. ред. В.Н. Ярцева]. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – Издание на CD-ROM. – М.: «Директмедиа Паблишинг», 2008(а). – С. 3520-3530.

291. Степанов, Ю.С. Предикация / Ю.С. Степанов // Лингвистический энциклопедический словарь [гл. ред. В.Н. Ярцева]. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – Издание на CD-ROM. – М.: «Директмедиа Паблишинг», 2008(б). – С. 3610.

292. Степанов, Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка / Ю.С. Степанов. – М.: «Языки русской культуры», 1998. – 779 с.

293. Стернин, И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях / И.А. Стернин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 65-69.

294. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание [подред. И. А. Стернина]. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 57-66.

295. Струков, В.В. Художественное своеобразие романов Питера Акройда: к проблеме британского постмодернизма / В.В. Струков. – Воронеж: «Полиграф», 2000. – 182 с.

296. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека / П. Тейяр де Шарден; пер. с фр. Н.А. Садовского. – М.: «Наука», 1987. – 239 с.

297. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: «Наука», 1986. – 141 с.

298. Телия, В.Н. Коннотация / В.Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь [гл. ред. В.Н. Ярцева]. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – Издание на CD-ROM. – М.: «Директмедиа Паблишинг», 2008. – С. 2138-2142.

299. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

300. Телия, В.Н. Типы языковых значений: связное значение слова в языке / В.Н. Телия. – М.: «Наука», 1981. – 269 с.

301. Тодоров, Ц. Понятие литературы / Ц. Тодоров // Семиотика языка и литературы [переводы с англ., исп. и франц. языков под ред. Ю.С. Степанова]. – М.: «Радуга», 1983. – С. 350-369.

302. Толкачев, С.П. Мультикультурный контекст современного английского романа. Монография / С.П. Толкачев. – М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 2003. – 405 с.

303. Тондл, Л. Проблемы семантики / Л. Тондл. – М.: «Прогресс», 1975. – 484 с.

304. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В.Н. Топоров. – М.: Издательская группа «Прогресс – Культура», 1995. – 621 с.

305. Топоров, В.Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления / В.Н. Топоров // Structure of Texts and Semiotics of Culture. The Hague-Paris, 1973. – С. 225-302.

306. Топоров, В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» / В.Н. Топоров // Труды по знаковым системам. – Вып. 18. – Тарту, 1984. – С. 3-29.

307. Топоров, В.Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. М.: «Наука», 1983. – С. 227-284.

308. Топоров, В.Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте / В.Н. Топоров // Исследования по структуре текста: Сборник статей [отв. ред. Т. В. Цивьян]. – М.: «Наука», 1987. – С. 121-132.

309. Тороп, П.Х. Тартуская школа как школа / П.Х. Тороп // Лотмановский сборник 1. – М.: ИЦ-Гарант, 1995. – С. 223-239.

310. Тороп, П.Х. Проблема интекста / П.Х. Тороп // Труды по знаковым системам XVI. – Тарту, 1981. – С. 33-45 (Учен. зап. Тартус. ун-та; Вып. 567).

311. Торсуева, И.Г. Контекст / И.Г. Торсуева // Лингвистический энциклопедический словарь [гл. ред. В.Н. Ярцева]. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – Издание на CD-ROM. – М.: «Директмедиа Паблишинг», 2008. – С. 2160-2165.

312. Тынянов, Ю.Н. О пародии / Ю.Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. – М.: «Наука», 1977. – С. 284-309.

313. Уилрайт, Ф. Метафора и реальность / Ф. Уилрайт // Теория метафоры: Сборник статей [под ред. Н.Д. Арутюновой]. – М., 1990. – С. 82-109.

314. Успенский, Б.А. Historia sub specie semioticae / Б.А. Успенский // Этюды о русской истории. – СПб: «Азбука», 2002. – С. 77-88.

315. Фефилов, А.И. Когитология: Монография / А.И. Фефилов. – М.: «Флинта», 2012. – 407 с.

316. Фефилов, А.И. Текстема энциклопедическая [электронная статья] / А.И. Фефилов // Мир лингвистики и коммуникации. – 2011, № 2 (23). –http:// tverlingua.ru/archive/023/2_23. pdf

317. Фещенко, В.В. Autopoetica как опыт и метод, или о новых горизонтах семиотики / В. В. Фещенко // Семиотика и Авангард: Антология [под общ. ред. Ю.С. Степанова]. – М.: «Академический проект»; «Культура», 2006. – С. 52-125.

318. Филлмор, Ч.Дж. Основные проблемы лексической семантики / Ч.Дж. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. – М.: «Радуга», 1983. – С. 74-122.

319. Филлмор, Ч.Дж. Фреймы и семантика понимания / Ч.Дж. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: «Прогресс», 1988. – С. 52-92.

320. Фридман, Л.Г. Грамматические проблемы лингвистики текста / Л.Г. Фридман, П.В. Чесноков. – Ростов: Изд-во Ростовского университета, 1984. – 132 с.

321. Фрумкина, Р.М. Концепт, категория, прототип / Р.М. Фрумкина // Вопросы политологии. – 1992. – С. 28-43.

322. Фрумкина, Р.М. Самосознание лингвистики – вчера и завтра / Р.М. Фрумкина // ИАН СЛЯ. – 1999, № 4. – URL: http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/LITRA/FRUMKINA.HTM (дата обращения: 25.01.2018).

323. Хабермас, Ю. Обоснованное воздержание: Существуют ли постметафизические ответы на вопрос о правильной жизни [пер. с нем. С. Ромашко] / Ю. Хабермас // Русский журнал. – 2002. – URL: old.russ.ru/ist_sovr/20020807. html (дата обращения: 25.01.2018).

324. Хазагеров, Г.Г. О поэтике Михаила Щербакова / Г.Г. Хазагеров, 1999. – URL: http:// www.blackalpinist.com/scherbakov/Praises/xazagerov. html (дата обращения: 25.01.2018).

325. Хинтикка, Я. Логика в философии – философия логики / Я. Хинтикка // Логико-эпистемологические исследования: Сборник избранных статей. – М.: «Прогресс», 1980. – С. 36-67.

326. Хьюитт, К. Понять Британию. Реальности западной культуры для озадаченного гостя из России / К. Хьюитт. – Пермь, 1992. – 288 с.

327. Цейтлин Г.С. О соотношении естественного языка и формальной модели / Г.С. Цейтлин // Вопросы кибернетики. Общение с ЭВМ на естественном языке. – М.: «Наука», 1982. – С. 267-282.

328. Цырендоржиева, Т.Б. Дискурсивная модель аллюзивных средств (на материале современного английского языка): диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Т.Б. Цырендоржиева. – М., 1999. – 167 с.

329. Чейф, У.Л. Память и вербализация прошлого опыта / У.Л. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII: Прикладная лингвистика. – М.: «Радуга», 1983. – С. 35-73.

330. Ченки, А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях / А. Ченки // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 68-78.

331. Чернейко, Л.О. Гештальтная структура абстрактного имени / Л.О. Чернейко // Филологические науки. – 1995, № 4. – С. 73-83.

332. Чжао, Ю.-Ж. Модели в лингвистике и модели вообще / Ю.-Ж. Чжао // Математическая логика и ее применения: Сборник статей [под ред. Э. Нагела, П. Саппса, А. Тарского]. – М.: «Мир», 1965. – С. 279-293.

333. Чудинов, А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры / А.П. Чудинов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 89-110.

334. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж: ВГУ, 1987. – 190 с.

335. Шелестюк, Е.В. О лингвистическом исследовании символа (обзор литературы) / Е.В. Шелестюк // Вопросы языкознания. – 1997, № 4. – С. 125-142.

336. Шенк, Р. К интеграции семантики и прагматики / Р. Шенк, Л. Бирнбаум, Дж. Мей // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV: Компьютерная лингвистика. – М.: «Прогресс», 1989. – С. 32-47.

337. Шмидт, З.Й. «Текст» и «история» как базовые категории / З.Й. Шмидт // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск VIII: Лингвистика текста. – М.: «Прогресс», 1978. – С. 89-108.

338. Шоу, Б. Генри Артур Джонс. «Майкл и его падший ангел» / Б. Шоу // О драме и театре [под ред. А. Аникста и Е. Корниловой]. – М.: Изд-во иностр. л-ры, 1963. – С. 256-263.

339. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / О. Шпенглер // Пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. – М.: «Мысль», 1998. – 606 с.

340. Щеглов, И.В. О новом урбанизме. Свод правил / И.В. Щеглов // Перевод с фр. Э. Богдановой. – 1968. – URL: http://npj.netangels.ru/belegorn/new_urbanism (дата обращения: 25.01.2018).

341. Эко, У. Роль читателя: исследования по семиотике текста / У. Эко // Пер. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. – СПб.: «Симпозиум», 2005. – 502 с.

342. Якушева, Г.В. Концепт / Г.В. Якушева // Литературная энциклопедия терминов и понятий [гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин]. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – С. 394.

343. Яскевич, Т.В. Анализ фрейма «выбор» в современном английском языке / Т.В. Яскевич // Когнитивный анализ слова / Под ред. Л.М. Ковалева. – Иркутск: Издательство ИГЭА, 2000. – С. 69-87.

344. Abraham, S. A Theory of Structural Semantics / S. Abraham, F. Kiefer. – The Hague, 1966. – 341 p.

345. Albright, D. Tales of the City: Applying Situationist Social Practice to the Analysis of the Urban Drama / D. Albright // Criticism. – Vol. 45, No. 1, 2003. – Pp. 85-102.

346. Altick, R. D. The shows of London / R.D. Altick. – Belknap Press of Harvard University Press, 1978. – 568 p.

347. Altick, R.D. Victorian People and Ideas: A Companion for the Modern Reader of Victorian Literature / R.D. Altick. – New York: W. W. Norton & Co., 1973. – 476 p.

348. Anstey, F. London Music Halls / F. Anstey // Harper's New Monthly Magazine. – 1891, No. 82. – Pp. 192-193.

349. Archer, Ch. William Archer: Life, Work and Friendships / Ch. Archer. – London: George Allen and Unwin, 1931. – 283 p.

350. Archer, W. Sensationally Successful! ("The Second Mrs Tanqueray" by A.W. Pinero) / W. Archer // The World. – May 31, 1893. – Pp. 23-25.

351. Arnold, D. Editor's Introduction / D. Arnold // The Metropolis and its Image: Constructing Identities for London, c. 1750-1950 [ed. by D. Arnold]. – Oxford: Blackwell Publishers, 1999. – Pp. 1-5.

352. Arnold, D. London Bridge and its Symbolic Identity in the Regency Metropolis: the Dialectic of Civic and National Pride / D. Arnold // The Metropolis and its Image: Constructing Identities for London, c. 1750-1950 [ed. by D. Arnold]. – Oxford: Blackwell Publishers, 1999. – Pp. 127-152.

353. Arundell, D.D. The Story of Sadler's Wells, 1683-1964 / D.D. Arundell. – New York: Theatre Arts Books, 1969. – 306 p.

354. Baker, T. Medieval London / T. Baker. – London: Cassell, 1970. – 260 p.

355. Ball, J.C. Imagining London: Postcolonial Fiction and the Transnational Metropolis / J.C. Ball. – Toronto: University of Toronto Press, 2004. – 295 p.

356. Bally, Ch. Linguistique générale et linguistique française / Ch. Bally. – Berne: Francke, 1965. – 440 p.

357. Barta, P.I. Bely, Joyce, and Döblin: Peripatetics in the City Novel / P.I. Barta. – Gainesville: University Press of Florida, 1996. – 119 p.

358. Barthes, R. Semiology and the Urban / R. Barthes // Rethinking Architecture: Reader in Cultural Theory. – London and New York: Routledge, 1997. – Pp. 166-172.

359. Beckson K. Vorticism / K. Beckson, A. Ganz // Literary Terms: A Dictionary. – Third Edition. – New York: A division of Farrar, Straus and Giroux, 1994. – Pp. 209-300.

360. Beeverell, J. The Pleasures of London / J. Beeverell. – London: Witherby & Co., Ltd., 1940. – 166 p.

361. Bell, A.D. London in the Age of Dickens / A. D. Bell. – Norman: University of Oklahoma Press, 1967. – 184 p.

362. Bell, Q. Virginia Woolf: A Biography / Q. Bell. – London: Hogarth Press, 1972. – 230 p.

363. Belsey, C. Literature, History, Politics / C. Belsey // Modern Theory and Criticism. –Longman, 1991. – Pp. 400-410.

364. Benjamin, W. The Arcades Project / W. Benjamen. – New York: Belknap Press, 2002. – 1088 p.

365. Ben-Porat, Z. The Poetics of Literary Allusion / Z. Ben-Porat // PTL: A Journal for descriptive poetics and theory of literature. – 1976, No. 1. – Pp. 105-128.

366. Black, I.S. Rebuilding 'The Heart of the Empire': Bank Headquaters in the City of London, 1919-1939 / I.S. Black // The Metropolis and its Image: Constructing Identities for London, c. 1750-1950 / D. Arnold (ed.). – Oxford: Blackwell Publishers, 1999. – P. 79-100.

367. Black, M. More about Metaphor / M. Black // Metaphor and Thought [ed. by A. Ortony]. – Cambridge University Press, 1993. – Pp. 112-131.

368. Bloom, H. The Western Canon: The Books and School of the Ages / H. Bloom. – New York: Harcourt Brace & Company, 1994. – 578 p.

369. Bolinger, D. Aspects of Language. Second Edition / D. Bolinger. – Harcourt Brace Jovanovich Inc., 1975 – 682 p.

370. Booth, Ch. Life and Labour of the People in London (in 17 vol.). Vol. 1 / Ch. Booth. – London: Macmillan and Co. Ltd., 1903. – 323 p.

371. Boulding, K. The Death of the City: A Frightened Look at Postcivilization / K. Boulding // The City: American Experience [ed. by A. Trachtenberg, P. Neill, P. Bunnell]. – Oxford University Press, 1971. – Pp. 529-538.

372. Boulton, W.B. The Amusements of Old London; being a Survey of the Sports and Pastimes, Tea Gardens and Parks, Playhouses and Other Diversions of the People of London from the 17th to the Beginning of the 19th Century / W.B. Boulton. – New York: B. Blom, 1969. Reprint of the 1901 ed. – 240 p.

373. Brand, D. The Spectator and the City in Nineteenth-Century American Literature / D. Brand. – Cambridge University Press, 1991. – 254 p.

374. Brown, R.H. Poetic for Sociology: Toward a Logic of Discovery for the Human Sciences / R.H. Brown. – Chicago: University of Chicago Press, 1989. – 317 p.

375. Bühler, K. Tatsachen und Probleme zu einer Psychologie der Denkvorgänge. I. Über Gedanken / K. Bühler // Archiv für die gesamte Physiologie. – 1907, Bd. 9. – S. 297-365.

376. Bühler, K. Tatsachen und Probleme zu einer Psychologie der Denkvorgänge. II. Über Gedankenzusammenhänge / K. Bühler // Archiv für die gesamte Physiologie. – 1908, Bd. 12. – S. 1-23.

377. Bühler, K. Über das Sprachverständnis vom Standpunkt der Normalpsychologie aus / K. Bühler // Bericht über den 3. Kongreβ für experimentelle Psychologie (Frankfurt a.M., 1908). – Leipzig, 1909. – S. 94-130.

378. Cann, R. Formal Semantics: An Introduction / R. Cann. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 344 p.

379. Certau de, M. The Practice of Everyday Life / M. de Certau; transl. by S. Rendall. – Berkeley: University of California Press, 1984. – 312 p.

380. Charley, J. Time, Space and Narrative: Reflections on Architecture, Literature and Modernity / J. Charley // Writing The Modern City: Literature, Architecture, Modernity. – Routledge, 2012. – Pp. 3-23.

381. Chomsky, N. Aspects of the Theory of Syntax / N. Chomsky. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1965. – 251 p.

382. Chomsky, N. Psychology and Ideology / N. Chomsky // Cognition. – 1972, No. 1. – Pp. 11-46.

383. Chomsky, N. Syntactic Structures / N. Chomsky. – The Hague: Mouton, 1957. – 118 p.

384. Cohen, A. Models of Speech Perception / A. Cohen // Proceedings of the 18th International Congress of Psychology. Symposium 23. – Moscow, 1966. – Pp. 127-149.

385. Coseriu, E. Vers une typologie des champs lexicaux / E. Coseriu // Cahiers de lexicologie, 27. – 1975. – Pp. 30-51.

386. Cresswell, M. Logics and Languages / M. Cresswell. – London: Methuen, 1973.

387. 387. Cruse, D.A. Lexical Semantics / D. A. Cruse. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 310 p.

388. Cuddon, J. A. Vorticism / J.A. Cuddon // A Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. Third Edition / J.A. Cuddon (ed.). – New-York: Blackwell Reference, 1993. – P. 1034.

389. Danow, D.K. Bakhtin's Concept of the Word / D.K. Danow // American Journal of Semiotics. – 1984. Vol. 3. – Pp. 79-97.

390. Dhooleka, S.R. Where are you from? – Middle-Class Migrants in Modern London / S.R. Dhooleka. – Berkeley: University of California Press, 2003. – 267 p.

391. Donald, D. Beastly Sights of London, c. 1820-1850 / D. Donald // The Metropolis and its Image: Constructing Identities for London, c. 1750-1950 [ed. by D. Arnold]. – Oxford: Blackwell Publishers, 1999. – Pp. 48-78.

392. Donald, J. The Immaterial City: Representation, Imagination, and Media Technology / J. Donald // A Companion to the City [ed. by G. Bridge, S. Watson. – Oxford: Blackwell, 2008. – Pp. 46-54.

393. Eckardt von, W. Oscar Wilde's London / W. von Eckardt, S.L. Gilman, J.E. Chamberlin. – London: Michael O'Mara Books Ltd., 1987. – 285 p.

394. Eco, U. Casablanca: Cult Movies and Intertextual Collage / U. Eco // Modern Theory and Criticism. – Longman, 1988. – Pp. 42-59.

395. Eco, U. Le signe / U. Eco. – Paris, Gallimar, 1992. – 298 p.

396. Eco, U. The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts / U. Eco. – Macmillan, 1979. – 273 p.

397. Eco, U. Trattato di semiotica generale / U. Eco. – Milano: Bompiani, 1975. – 340 p.

398. Edel, L. Henry James' Drama: An Introduction / H. James // The Complete Plays. – New York: J.B. Lippincott, 1949. – Pp. iv-xxxii.

399. Edwards, S. Anonymous Encounters: The Structuring of Space in Postmodern Narratives of the City / S. Edwards // Writing The Modern City: Literature, Architecture, Modernity. – Routledge, 2012. – Pp. 168-179.

400. Erdman, D. Blake: Prophet Against Empire / D. Erdman. – Princeton: Princeton UP, 1954. – 184 p.

401. Emerson, R. W. Shakspeare; or, the Poet / R. W. Emerson // Representative Men: Seven Lectures. 1850. – URL: http://www.gutenberg.org/cache/epub/6312/pg6312.txt (дата обращения: 25.01.2018).

402. Ewing Ritchie, J. Days and Nights in London or, Studies in Black and Gray / J. Ewing Ritchie. – 1880. – URL: http:// www.gutenberg.org/files/36683/36683-0.txt (дата обращения: 25.01.2018).

403. Ewing Ritchie, J. East Anglia / J. Ewing Ritchie. – 1893. – URL: http://www. victorianlondon.org (дата обращения: 25.01.2018).

404. Ewing Ritchie, J. The Night Side of London / J. Ewing Ritchie. – London: William Tweedie, 337, Strand. – 1869. – 236 p.

405. Fauconnier, G. Conceptual Integration Networks / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive Science. – 1998. – No. 22. – Pp. 133-187.

406. Fauconnier, G. Mappings in Thought and Language / G. Fauconnier. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 205 p

407. Fauconnier, G. Mental Spaces / G. Fauconnier. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985. – 185 p.

408. Federico, S. New Troy: Fantasies of Empire in Medieval England / S. Federico. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. – 207 p.

409. Fish, S. Boutique Multiculturalism / S. Fish // Multiculturalism and American Democracy [ed. by A. M. Meizer, J. Weinberger]. – Lawrence Ka., 1998. – Pp. 31-84.

410. Foner, N. Jamaica Farewell: Jamaican Migrants in London / N. Foner. – Berkeley: University of California Press, 1978. – 262 p.

411. Foucault, M. Of Other Spaces: Utopias and Heterotopias [transl. by J. Miskowiec] / M. Foucault // Diacritics. – 1986, 16.1. – Pp. 22-27 [originally: Foucault, M. Des espaces autres / M. Foucault // Conference au Cercle d'etudes architecturales, 14 mars 1967].

412. Ganz, A.W. Berlioz in London / A.W. Ganz. – London: Quality Press, 1950. – 222 p.

413. Geddes, P. Civics: as Applied Sociology / P. Geddes. – 1904. – URL: http:// www.gutenberg.org/files/13205/13205-h/13205-h. htm (дата обращения: 25.01.2018).

414. Genette, G. Palimpsestes. La littérature au second degré / G. Genette. – Paris, Seuil, 1982; coll. “Poétique”. – 490 p.

415. Gerzina, G. Black London: Life before Emancipation / G. Gerzina. – New Brunswick, N. J.: Rutgers University Press, 1995. – 244 p.

416. Gibbs, R.W. Metaphor Interpretation as Embodied Simulation / R.W. Gibbs // Mind and Language. – 2006. – No. 21. – Pp. 434-458.

417. Gibbs, R.W. The Cognitive Psychological Reality of Image Schemas and their Transformations / R.W. Gibbs, H.L. Colston // Cognitive Linguistics. – 1995. – No. 6. – Pp. 347-378.

418. Glucksberg, S. How Metaphors Work / S. Glucksberg, B. Keysar // Metaphor and Thought / Ed. by A. Ortony. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – Pp. 401-424.

419. Gozzi, R. The Power of Metaphor / R. Gozzi // A Review of General Semantics. – 1999. – Vol. 56, No. 4. – Pp. 380-389.

420. Gray, R. Arcadia and the Metropolis of Great Britain / R. Gray. – New York: AMS Press, 2004. – 166 p.

421. Greimas, A.-J. Sémantique structurale / A.-J. Greimas. – Paris: Larousse, 1966. – 262 p. [Русский перевод Т.В. Цивьян главы «В поисках трансформационных моделей» // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. – М.: Гл. ред. вост. литературы изд-ва «Наука», 1985. – С. 109-144].

422. Greimas, A.-J. Du sens II. Essais sémiotiques / A.- J. Greimas. – Paris: Le Seuil, 1970. – 245 p.

423. Greimas, A.-J. Du sens II. Essais sémiotiques / A.- J. Greimas. – Paris: Le Seuil, 1983. – 250 p.

424. Greimas, A.-J. Maupassant. La sémiotique du texte / A.- J. Greimas. – Paris: Le Seuil, 1976. – 276 p.

425. Greimas, A.-J. Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage / A.- J. Greimas, J. Courtés. – Paris: Hachette, 1979. – 422 p.

426. Greimas, A.- J. Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage II / A.-J. Greimas, J. Courtés. – Paris: Hachette, 1986. – 270 p.

427. Groes, S. 'In Preordained Patterns': Peter Ackroyd and the Voices of London / S. Groes // The Making of London. – Palgrave Macmillan, 2011. – Pp. 120-142.

428. Harris, R. The Language Myth / R. Harris. – London: Duckworth, 1981. – 234 p.

429. Harris, Z.S. Structural Linguistics / Z.S. Harris. – Chicago-London: The University of Chicago Press, 1963. – 384 p.

430. Hartmann, P. Zur anthropologischen Fundierung der Sprache / P. Hartmann // Symbolae Linguisticae in honorem G. Kuryłowicz». – Warszawa, 1965. – Pp. 110-119.

431. Harweg, R. Pronomina und Textkonstitution [Beiheft zu Poetica 2] / R. Harweg. – München, 1968. – 392 p.

432. Harweg, R. Text Grammar and Literary Texts: Remarks on a Grammatical Science of Literature / R. Harweg // Poetics. – 1973, No. 9. – Pp. 65-91.

433. Hattenstone, S. An Interview with Peter Ackroyd / S. Hattenstone // The Guardian. – Aug. 11, 1999.

434. Hebdige, R. Digging for Britain: an Excavation in Seven Parts / R. Hebdige // 1987 rev. / Baker et.al. (eds.) – 1992. – Pp. 120-162.

435. Helbig, J. Intertextualitat und Markierung. Untersuchungen zur Systematik und Funktion der Signalisierung von Intertextualitat / J. helbig. – Heidelberg, 1996. – 263 s.

436. Hewitt, K. Understanding Britain / K. Hewitt. – Perspective Publications, 2002. – 265 p.

437. Hewitt, K. Understanding English Literature / K. Hewitt. – Perspective Publications, 1997. – 280 p.

438. Hjelmslev, L. Prolegomena to a Theory of Language / L. Hjelmslev // International Journal of American Linguistics. Memoir 7 of the Supplement to Vol. 19, No. 1 [transl. by F. J. Whitfield]. – Baltimore: Indiana University, 1953. – Pp. 1-92.

439. Hockett, Ch.F. A Course in Modern Linguistics / Ch.F. Hockett. – New Delhi: Oxford & IBH Publishing Co., 1958. – 621 p.

440. Hutcheon, L. A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction / L. Hutcheon. – New York and London: Routledge, 1998. – 268 p.

441. Jackson, G.H. The Eighteen Nineties: A Review of Art and Ideas at the Close of the Nineteenth Century / G.H. Jackson. – London: Grant Richards, 1923. – 547 p.

442. Johnson, M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason / M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 233 p.

443. Johnson-Laird, Ph.N. The Computer and the Mind. An Introduction to Cognitive Science / Ph.N. Johnson-Laird. – Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1988. – 444 p.

444. Johnson-Laird, Ph.N. Mental Models: Toward a Cognitive Science of Language, Inference and Consciousness / Ph.N. Johnson-Laird. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983. – 513 p.

445. Jones, H.A. The Theatre and the Mob / H.A. Jones // The Nineteenth Century. – 1883, No. 11. – Pp. 455-456.

446. Kanger, S. Provability in Logic / S. Kanger // Acta Universitatis Stockholmiensis: Stockholm Studies in Philosophy 1. – Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1957. – 47 p.

447. Katz, J.J. The Structure of Semantic Theory / J.J. Katz, J.A. Fodor // Language. Vol. 39. – 1963. – No. 2. – P. 170-210.

448. Kerbrat-Orecchioni, C. La connotation / C. Kerbrat-Orecchioni. – Lyon: P.U. L., 1977. – 276 p.

449. Kermode, F. Forms of Attention: Botticelli and Hamlet / F. Kermode. – Chicago: The University of Chicago Press, 1985. – 112 p.

450. Komatsu, L. Recent Views of Conceptual Structure / L. Komatsu // Psychological Bulletin. – 1992. – No. 12. – P. 500-526.

451. Kripke, S.A. Semantical Considerations on Modal Logic / S.A. Kripke // Acta Philosophica Fennica. – 1963, No. 16. – Pp. 83-94.

452. Lakoff, G. Cognitive Semantics / G. Lakoff // Meaning and Mental Representations / Ed. by U. Eco et al. – Bloomington, 1988. – Pp. 119-154.

453. Lakoff, G. Hedges: a Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts / G. Lakoff // C.L.S. – 1972, No. 8. – Pp. 183-228.

454. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

455. Lakoff, G. On Generative Semantics / G. Lakoff // Semantics. An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology [ed. by D.D. Steinberg, L.A. Jakobovits]. – Cambridge University Press, 1971. – Pp. 232-296.

456. Lakoff, G. Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and Its Challenge to the Western Thought / G. Lakoff, M. Johnson. – New York: Basic Books, 1999. – 624 p.

457. Lakoff, G. The Contemporary Theory of Metaphor / G. Lakoff // Metaphor and Thought [ed. by A. Ortony]. – Cambridge University Press, 1993. – Pp. 202-251.

458. Lakoff, G. Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind / G. Lakoff. – The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.

459. Landow, G.P. Hypertext: The Convergence of Contemporary Critical Theory and Technology / G.P. Landow. – Princeton University Press, 1993. – 436 p.

460. Langacker, R.W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar / R.W. Langacker. – Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 1991(a). – 338 p.

461. Langacker, R.W. Foundations of Cognitive Grammar; in two vol. Vol. I. Theoretical Prerequisites / R.W. Langacker. – Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1987. – 321 p.

462. Langacker, R.W. Foundations of Cognitive Grammar; in two vol. Vol. II.: Descriptive Application / R.W. Langacker. – Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1991(b). – 344 p.

463. Langacker, R.W. Grammar and Conceptualization / R.W. Langacker. – Berlin – N.Y.: Mouton de Gruyter, 1999. – 427 p.

464. Leary, D.E. Naming and Knowing: Giving Forms to Things Unknown / D.E. Leary // Social Research. – Vol. 62, No. 2. – 1995. – Pp. 267-298.

465. Lehan, R. The City in Literature: An Intellectual and Cultural History / R. Lehan. – Berkely-Los Angeles-London: University of California Press, 1998. – 307 p.

466. LePan, D. The Cognitive Revolution in Western Culture: Vol. 1. The Birth of Expectation / D. LePan. – London: Houndmills, 1989. – 370 p.

467. Lewis, D. Counterpart Theory and Quantified Modal Logic / D. Lewis // Journal of Philosophy. – 1968, No. 65. – Pp. 113-126.

468. London / New Encyclopaedia Britannica [15th Edition]. – Vol. 23. – Pp. 283-298.

469. Manby Smith, Ch. Curiosities of London Life, or Phases, Physiological and Social of the Great Metropolis / Ch. Manby Smith. – 1853. – URL: http://www.victorianlondon.org (дата обращения: 25.01.2018).

470. Manby Smith, Ch. The Little World of London or Pictures in Little of London Life / Ch. Manby Smith. – 1857. – URL: http://www.victorianlondon.org/publications7/world-00.htm (дата обращения: 25.01.2018).

471. Mander, R. British Music Halls / R. Mander, J. Mitchenson. – London: Gentry Books, 1974. – 243 p.

472. Mandler, J. How to Build a Baby: II. Conceptual Primitives / J. Mandler // Psychological Review, 99. – 1992. – Pp. 587-604.

473. Marsden, P. Roman London / P. Marsden. – London: Thames and Hudson, 1980. – 224 p.

474. Martin, R. Pour une logique du sens / R. Martin. – Paris, P.U.F., 1983.

475. Mayhew, H. London Labour and the London Poor / H. Mayhew // Ed. by R. Douglas-Fairhurst. – Oxford: Oxford University Press, 2010 (1862). – 472 p. – URL: http://etext.lib.virginia.edu/etcbin/toccer-new2?id=MayLond.sgm&images=images/modeng&data=/texts/english/modeng/parsed&tag=public&part=all (дата обращения: 25.01.2018).

476. Mayhew, H. The Criminal Prisons of London / H. Mayhew, J. Binny. – 1862. – http://www.victorianlondon. org

477. McCawley, J.D. Lexical Insertion in a Transformational Grammar without Deep Structure / J.D. McCawley // Papers of the 1968 Chicago Linguistic Society Regional Meeting. – Ed. Darden, Bailey and Davidson. – 1968. – 231 p.

478. McKellar, E. Peripheral Visions: Alternative Aspects and Rural Presences in Mid-Eighteenth-Century London / E. McKellar // The Metropolis and its Image: Constructing Identities for London, c. 1750-1950 / D. Arnold (ed.). – Oxford: Blackwell Publishers, 1999. – Pp. 29-47.

479. McLuhan, M. Roads and Paper Routes / M. McLuhan // The City: American Experience / A. Trachtenberg, P. Neill, P. Bunnell (eds.). – Oxford University Press, 1971. – Pp. 548-559.

480. Merrifield, R. Roman London / R. Merrifield. – London: Cassell, 1969. – 212 p.

481. Michael, W. Wyndham Lewis on Art / W. Michael. – New-York, 1969. – 298 p.

482. Montague, R. The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English / R. Montague // Approaches to Natural Language. – Dordrecht, 1973. – Pp. 221-242.

483. Moretti, F. Atlas of the European Novel (1800-1900) / F. Moretti. – London: Verso, 1998. – 206 p.

484. Morgan, T.E. Is There an Intertext in This Text? – Literary and Interdisciplinary Approaches to Intertextuality / T.E. Morgan // American Journal of Semiotics. – 1985, No. 3. – Pp. 1-40.

485. Mumford, L. Rise and Fall of Megalopolis / L. Mumford // The Culture of Cities. – San Diego-New York-London: Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1970(a). –Pp. 223-299.

486. Mumford, L. The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects / L. Mumford. – New York: Harcourt, Brace and World, 1961. – 657 p.

487. Mumford, L. The Culture of Cities / L. Mumford. – San Diego-New York-London: Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1970(b). – 586 p.

488. Nead, L. Victorian Babylon: People, Streets and Images in Nineteenth-Century London / L. Nead. – New Haven: Yale University Press, 2000. – 251 p.

489. Needham, A.D. Using the Master's Tools: Resistance and the Literature of the African and South-Asian Diasporas / A.D. Needham. – New York: St Martin's, 2000. – 326 p.

490. Nelson, T.H. Literary Machines: The report on, and of, Project Xanadu concerning word processing, electronic publishing, hypertext, thinkertoys, tomorrow's intellectual revolution, and certain other topics including knowledge, education and freedom / T.H. Nelson. – Mindful Press, Sausalito, California, 1981. – 167 p.

491. Nemeth, E. Cognition in Language Use: Selected Papers from the 7th International Pragmatics Conference; Vol. 1. / E. Nemeth. – Antwerp: International Pragmatics Association, 2001. – 287 p.

492. Neubert, A. Text and Translation / A. Neubert. – Leipzig: Verlag Enzyklopaedie, 1985. – 168 p.

493. Nyckees, V. Catégories sémantiques et historicité des significations / V. Nyckees // Histoire. Epistémologie. Language. – 1997. – T. 19. – Fasc. 1. – Pp. 97-119.

494. Olsen, D.J. The Growth of Victorian London / D.J. Olsen. – New York: Holmes & Meier, 1976. – 384 p.

495. Ortony, A. Metaphor, Language and Thought / A. Ortony. – Cambridge, 1993. – 678 p.

496. Ochshorn, K. G. Who's Modern Now: Shaw, Joyce, and Ibsen's "When We Dead Awaken" / K.G. Ochshorn // The Annual of Bernard Shaw Studies. Vol. 25. – 2005. – URL: http://
muse.jhu.edu/journals/shaw/summary/v025/25.1ochshorn.html (дата обращения: 25.01.2018).

497. Palmer, G.B. Toward a Theory of Cultural Linguistics / G.B. Palmer. – Austin: University of Texas Press, 1996. – 348 p.

498. Park, R.E. The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the Urban Environment / R.E. Park // The City: American Experience [ed. by A. Trachtenberg, P. Neill, P. Bunnell]. – Oxford University Press, 1971. – Pp. 223-236.

499. Parker, B. A New Jerusalem: Christianity is Collapsing Everywhere except London / B. Parker // The Economist. – Sep. 21st, 2006. – URL: http://www.economist.com/node/7947517 (дата обращения: 25.01.2018).

500. Parrinder, P. Nation and Novel: The English Novel from its Origins to the Present Day / P. Parrinder. – Oxford and New York: Oxford University Press, 2006. – 502 p.

501. Pearson, H. The Life of Oscar Wilde / H. Pearson. – London: Methuen, 1946. – 399 p.

502. Peirce, Ch. Collected Papers: Vol. I – Principles of Philosophy / Ch. Peirce // Ed. by Ch. Hawthorne, P. Weiss. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1931. – 566 p.

503. Peirce, Ch. Collected Papers: Vol. II – Elements of Logic / Ch. Peirce // Ed. by Ch. Hawthorne, P. Weiss. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1932. – 962 p.

504. Peirce, Ch. Collected Papers: Vol. IV – The Simplest Mathematics / Ch. Peirce // Ed. by Ch. Hawthorne, P. Weiss. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1933. – 601 p.

505. Peirce, Ch. Collected Papers: Vol. V – Pragmatism and Pragmaticisim / Ch. Peirce // Ed. by Ch. Hawthorne, P. Weiss. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1934. – 944 p.

506. Peirce, Ch. Collected Papers: Vol. VI – Scientific Metaphysics / Ch. Peirce // Ed. by Ch. Hawthorne, P. Weiss. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1935. – 571 p.

507. Peirce, Ch. Collected Papers: Vol. VII – Science and Philosophy / Ch. Peirce // Ed. by A.W. Burks. – Cambridge MA: Harvard University Press, 1958. – 798 p.

508. Peltz, L. Aestheticizing the Ancestral City: Antiquarianism, Topography and the Representation of London in the Long Eighteenth Century / L. Peltz // The Metropolis and its Image: Constructing Identities for London, c. 1750-1950 [ed. by D. Arnold]. – Oxford: Blackwell Publishers, 1999. – P. 6-28.

509. Pemberton, T.E. Dickens's London; or, London in the Works of Charles Dickens / T.E. Pemberton. – New York: Haskell House Publishers, 1972 – 260 p.

510. Petöfi, J.S. Transformationsgrammatiken und eine ko-textuelleTexttheorie / J.S. Petöfi. – Frankfurt a. M., 1971. – 657 S.

511. Picard, L. Victorian London: The Life of a City 1840-1870 / L. Picard. – London: Phoenix, 2006. – 444 + xix p.

512. Port, M.H. Government and the Metropolitan Image: Ministers, Parliament and the Concept of a Capital City, 1840-1915 / M.H. Pott // The Metropolis and its Image: Constructing Identities for London, c. 1750-1950 / D. Arnold (ed.). – Oxford: Blackwell Publishers, 1999. – Pp. 101-126.

513. Pottier, B. Linguistique générale. Théorie et description / B. Pottier. – Paris: Klincksieck, 1974. – 338 p.

514. Pottier, B. Sémantique et noémique / B. Pottier // Annuario de Estudios filologocos. – Caceres: Universidad de Extremadura, 1980. – Pp. 169-177.

515. Pottier, B. Sémantique générale / B. Pottier. – Paris: PUF, 1992. – 237 p.

516. Pottier, B. Systématique des éléments de relation / B. Pottier. – Paris: Klincksieck, 1962. – 127 p.

517. Pottier, B. Théorie et analyse en linguistique / B. Pottier. – Paris: Hachette, 1987. – 224 p.

518. Potts, A. Picturing the Modern Metropolis: Images of London in the Nineteenth Century / A. Potts // History Workshop, Vol. 26 (Autumn 1988). – Oxford, England: Oxford University Press, 1988. – P. 28-56.

519. Pound, E. Gaudier-Brzeska: A Memoir / E. Pound. – New-York, 1988. – 177 p.

520. Pravikova, L.V. Epistemological Foundations of Language: Cognition and Cogitation / L.V. Pravikova // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2002, № 1. – С. 45-53.

521. Preston, P. Love Letter to London. Peter Ackroyd Anatomises the Will of an Unruly Capital in London: the Biography / P. Preston // The Observer. – 8th October, 2000. – URL: http://www.theguardian. com/books/2000/oct/08/biography.history (дата обращения: 25.01.2018).

522. Preston, P. [ed.]. Writing the City: Eden, Babylon and the New Jerusalem / P. Preston, P. Simpson-Housley [eds.]. – London and New York: Routledge, 1994. – 351 p.

523. Prochaska, A. London in the Thirties / A. Prochaska. – London: H.M. S.O., 1973. – 148 p.

524. Prosser S. An Interview // S. Prosser / The Guardian. – Sep. 3, 2001.

525. Quine, W.V.O. Quiddities: An Intermittently Philosophical Dictionary / W.V.O. Quine. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1987. – 249 p.

526. Rastier, F. Entretien sur la sémiotique et la sémantique / F. Rastier // Sémantique des textes. – 1998. – Vol. 5, № 1. – Pp. 56-73.

527. Rastier, F. Sémantique pour l'analyse. De la linguistique à l'informatique / F. Rastier, M. Cavazza, A. Abeillé. – Paris: Masson, 1994. – 240 p.

528. Reddy, M. The Conduit Metaphor. A Case of Frame Conflict in Our Language about Language / M. Reddy // Metaphor and Thought / Ed. by A. Ortony. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – Pp. 164-201.

529. Reeves, G. Palace of the People: The Crystal Palace at Sydenham 1854-1936 / G. Reeves. – Bromley, Kent, 1986. – 235 p.

530. Richards, I.A. Principles of Literary Criticism / I.A. Richards. – Routlege and Kegan Paul, 1961. – 283 p.

531. Rieser, H. Probleme der Textgrammatik II: zum Aufbau einer Textgrammatik (TEG) / H. Rieser // Folia linguistica. – 1973, Vol. VI, No. 1/2. – Pp. 28-46.

532. Ritchie, L.D. Context and Connection in Metaphor / L.D. Ritchie. – Basingstoke, UK: Palgrave-Macmillan, 2006. – 324 p.

533. Rosenbaum, S.P. The Bloomsbury Group / S.P. Rosenbaum. – Toronto: University of Toronto Press, 1995. – 495 p.

534. Rosenquist, R. London, Literature and BLAST: the Vorticist as Crowd Master / R. Rosenquist. – 2002. – http:// www.flashpointmag.com/blast.htm

535. Rowell, G. Theatre in the Age of Irving / G. Rowell. – Oxford: Basil Blackwell, 1981. – 315 p.

536. Sadler, S. The Situationist City / S. Sadler. – Cambridge MA: The MIT Press, 1999. – 223 p.

537. Sanders, A. The Short History of English Literature / A. Sanders. – Third Edition. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 756 p

538. Saussure, F. de. Cours de linguistique générale / F. de Saussure. – Paris: Payot, 1963. (First published 1916.); transl. by R. Harris as Course in General Linguistics. – London: Duckworth, 1983. – 236 p.

539. Schank, R. Scripts, Plans, Goals and Understanding / R. Schank, R. Abelson. – Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum, 1977. – 248 p.

540. Schorske, C.E. The Idea of the City in European Thought: Voltaire to Spengler / C.E. Schorske // Thinking with History: Explorations in the Passage to Modernism. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998. – Pp. 37-55.

541. Scott, C. Why Do We Go to the Play / C. Scott // The Theatre. 4th Series. – 1888. – Pp. 123-130.

542. Scott, J.S. Writing the City: Eden, Babylon and the New Jerusalem / J.S. Scott // Eden, Babylon, New Jerusalem: A Taxonomy for Writing the City [ed. by P. Preston, P. Simpson-Housley]. – London and New York: Routledge, 1994. – Pp. 315-344.

543. Searle, J. The Rediscovery of Mind / J. Searle. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1992. – 270 p.

544. Shaw, B. Christmas Pantomimes / B. Shaw // The Saturday Review. – January 23, 1897. – Pp. 15-31.

545. 545. Shaw, B. On “Guy Domville” / B. Shaw // The Saturday Review. – January 12, 1895. – Pp. 4-19.

546. Sheppard, F. London, 1808-1870: the Infernal Wen / F. Sheppard. – Berkeley: University of California Press, 1971. – 427 p.

547. Sheridan, P. Penny Theatres of Victorian London / P. Sheridan. – London: Dennis Dobson, 1981. – 106 p.

548. Shone, R. The Art of Bloomsbury: Roger Fry, Vanessa Bell and Duncan Grant / R. Shone. – Princeton: Princeton University Press, 1999. – 296 p.

549. Smith, Z. This is How It Feels to Be Me / Z. Smith // The Guardian. – Oct. 13, 2001.

550. Soleri, P. The City in the Image of Man / P. Soleri // The City: American Experience [ed. by A. Trachtenberg, P. Neill, P. Bunnell]. – Oxford University Press, 1971. – Pp. 589-600.

551. Street, Ch. Is London the City of Revelation? / Ch. Street. – 2005. – URL: http://www.druidry.org/library/miscellaneous/london-city-revelation (дата обращения: 25.01.2018).

552. Symons, A. The Symbolist Movement in Literature / A. Symons. – London: William Heinemann, 1899. – 176 p.

553. Talmy, L. The Relation of Grammar to Cognition / L. Talmy // Topics in cognitive linguistics / Ed. by B. Rudzka-Ostyn. – Leiden, 1988. – Pp. 75-92.

554. Talmy, L. Toward a Cognitive Semantics; in two vol. Vol. I: Concept Structuring Systems / L. Talmy. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000(a). – 565 p.

555. Talmy, L. Toward a Cognitive Semantics; in two vol. Vol. II: Typology and Process in Concept Structuring / L. Talmy. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000(b). – 495 p.

556. Taylor, J. Language and the Cognitive Construal of the World / J. Taylor, R. MacLaury. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. – 406 p.

557. Taylor, J.R. Cognitive Grammar / J.R. Taylor. – Oxford University Press, 2002. – 621 p.

558. Terry Gielgud, K. A Victorian Playgoer / K. Terry Gielgud. – London: Heinemann Educational Books, 1980. – 126 p.

559. Todd, P. Bloomsbury at Home / P. Todd. – London: Pavilion Books, 1999. – 192 p.

560. Tuggy, D. Linguistic Evidence for Polyseny in the Mind: A Response to William Croft and Dominiek Sandra / D. Tuggy // Cognitive Linguistics. – 1999, No. 10. – Pp. 343-368.

561. Van Dijk, T.A. Pragmatics and Poetics / T. A. van Dijk // Pragmatics of Language and Literature [ed. by T.A. van Dijk]. – Amsterdam: North Holland, 1975. – Pp. 23-57.

562. Weinrich, H. Linguistik der Lüge / H. Weinrich. – Heidelberg: Lambert Schneider, 1974 – 79 s.

563. Whistler, J.A.M. The 1885 Lecture / J.A.M. Whistler // Ten O'Clock. –Portland ME, 1925. – Pp. 12-19.

564. Wilde, O. Literary and Other Notes / O. Wilde // The Complete Writings. Vol. 3. – New York: Nottingham, 1909. – 402 p.

565. Williams, R. Keywords: a Vocabulary of Culture and Society / R. Williams. – Oxford University Press, 1976. – 321 p.

566. Williams, R. Metropolitan Perceptions and the Emergence of Modernism / R. Williams // Politics of Modernism: Against the New Conformists. – London and New-York: Routledge, 2007. – Pp. 37-48.

567. Williams, W.C. Perpetuum Mobile: The City / W.C. Williams // The City: American Experience / A. Trachtenberg, P. Neill, P. Bunnell (eds.). – Oxford University Press, 1971. – P. 602-607.

568. Wilson, A.N. London. A Short History / A.N. Wilson. – London: Phoenix, 2004. – 166 p.

569. Wirth, L. Urbanism, as a Way of Life / L. Wirth //American Journal of Sociology. – 1938. – No. 44. – P. 1-24.

570. Wittgenstein, L. Last Writings on the Philosophy of Psychology: Preliminary Studies for Part II of Philosophical Investigations. Vol. 1 / L. Wittgenstein // Ed. by G.H. von Wright, H. Nyman; trans. by C.G. Luckhardt, M.A.E. Aue. – Chicago: Chicago University Press, 1982. – 304 p.

571. Wittgenstein, L. Philosophical Investigations / L. Wittgenstein // Transl. by G.E.M. Anscombe. – Oxford: Blackwell, 1978. – 250 p.

572. Wood, J. Human, All Too Inhuman: The Smallness of the “Big” Novel / J. Wood // The New Republic. – July 24, 2000. – Pp. 41-46.

573. Yeats, W.B. Introduction to The Oxford Book of Modern Verse, 1892-1935 / W.B. Yeats. – Oxford: Clarendon Press, 1936. – Pp. v-xiv.

Лексикографические и энциклопедические источники

1. (ЛСС) Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: «Наука», 1975. – 720 с.
2. (ЛЭТП) Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 565 с.
3. (ФЭС) Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев и др. – 2-е изд. – М. : «Советская энциклопедия, 1989. – 814 с.
4. Мультитран. – URL: http://www. multitran.ru (дата обращения: 25.01.2018).
5. (DBPN) Mills, A.D. Dictionary of British Place Names / A.D. Mills. – Oxford University Press, 2003. – 533 p.
6. (DLT) Literary Terms. A Dictionary. Third Edition. Revised and Enlarged. Karl Beckson and Arthur Ganz. The Noonday Press. A division of Farrar, Straus and Giroux. New York, 1994. – 308 p.
7. (DLTLT) A Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. Third Edition. J.A. Cuddon (Ed.). – New-York: Blackwell Reference, 1993. – 1051 p.
8. (LE) The London Encyclopaedia / C. Hibbert, L. Matthew, D. Weinreb (eds.). – 3rd Edition. – London: Macmillan, 2008. – 1117 p.
9. (NEB) The New Encyclopaedia Britannica. – 15th Edition (in 32 vols.). – 2005.
10. (ODEP) Oxford Dictionary of English Proverbs. – 2nd Edition. – Oxford at the Clarendon Press, 1957. – 740 p.
11. (ODPF) Oxford Dictionary of Phrase and Fable / Ed. by E. Knowles. – Oxford University Press, 2000. – 1223 p.
12. (ODT) Oxford Dictionary and Thesaurus / Ed. by S. Tulloch. – Oxford University Press, 1997. – 1892 p.

13. (OEDHP) Oxford English Dictionary on Historical Principles on CD-ROM / Ed. by A.M. Hughes. – Oxford University Press, 2009.
14. (OGBAC) Oxford Guide to British and American Culture / Ed. by J. Crowther. – Oxford University Press, 1999. – 599 p.
15. (OQRQ) Oxford Quick Reference Quotations / Ed. by S. Ratcliffe. Oxford University Press, 1999. – 481 p.
16. 16. Webster's Third New International Dictionary of the English Language, Unabridged. – Merriam-Webster Inc. Publishers, 1994. – 2662 p.

Источники примеров

1. Акройд, П. Лондон: биография / П. Акройд // Пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылева. – М.: Изд-во О. Морозовой, 2005. – 893 с.
2. Блейк, В. Иерусалим: Предисловие к поэме «Мильтон» [пер. С.Я. Маршака] / В. Блейк // Собрание сочинений С.Я. Маршака в 8 т. [под ред. В. М. Жирмунского, И. С. Маршака и др.]. Т. 3. – М.: «Художественная литература», 1969. – URL: http:// www.lib.ru/POEZIQ/BLAKE/stihi_marsh.txt (дата обращения: 25.01.2018).
3. Вулф, В. Дневник писательницы // Пер. с англ. Л.И. Володарской. – М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2009. – 480 с.
4. Вулф, В. Между актов / В. Вулф // Пер. с англ. Е. Суриц. – СПб.: «Азбука-классика», 2004. – 224 с.
5. Вулф, В. Современная литература / В. Вулф // Обыкновенный читатель [пер. с англ. Н.И. Рейнгольд]. – М.: Наука, 2012. – С. 117-123.
6. Гарди, Т. Тэсс из рода д'Эрбервиллей: чистая женщина, правдиво изображённая / Т. Гарди // Пер. с англ. А. Кривцова. – М.: «Правда», 1983. – URL: http://www.gramotey. com/ (дата обращения: 25.01.2018).
7. Глаголев, А.Г. Записки русского путешественника, с 1823 по 1827 г. (в 4х частях) / А.Г. Глаголев. – Ч. 4. – СПб: Типогр. Императорской российской акад., 1837. – 276 с.

8. Голсуорси, Дж. В Петле [пер. с англ. М. Богословской] / Дж. Голсуорси // Сага о Форсайтах. Т. 1. – М.: Гос. изд-во художеств. л-ры, 1956. – С. 295-544.
9. Диккенс, Ч. Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим [пер. с англ. А. Кривцовой и Е. Ланна] / Ч. Диккенс // Собрание сочинений в 30 т. – Т. 16. – М.: Гос. изд-во художеств. л-ры, 1959. – 512 с.
10. Кеведо, Ф. де. Наслаждаясь уединением и учеными занятиями, автор сочинил сей сонет [пер. с испанск. А. Косс] / Ф. де Кеведо // Испанский Парнас, двуглавая гора, обитель девяти кастильских муз. – Л.: «Художественная литература», 1980. – С. 229.
11. Киплинг, Р. Молитва Макэндрю / Р. Киплинг // Пер. с англ. В.Топорова. – URL: 1894. – http://www.geocities. ws/petrogulak/library/kipling.txt (дата обращения: 25.01.2018).
12. Киплинг, Р. Отпустительная молитва / Р. Киплинг // Пер. с англ. О. Юрьева. – 1897. – URL: http://www. stihi-xix-xx-vekov.ru/Kipling27. html (дата обращения: 25.01.2018).
13. Курейши, Х. Будда из пригорода / Х. Курейши // Пер. с англ. Д. Крупской. – М.: «Иностранка», 2002. – 454 с.
14. Мандельштам, О.Э. Домби и сын // Избранное. – М.: СП «Интерпринт», 1991. – С. 87.
15. Монмутский, Г. История бриттов [пер. с латинского А.С. Бобовича] / Г. Монмутский // История бриттов. Жизнь Мерлина. – М.: «Наука», 1984. – С. 5-137.
16. Муркок, М. Лондон, любовь моя / М. Муркок // Пер. с англ. З. Джандосовой. – СПб.: «Домино» – М.: «Эксмо», 2006. – 656 с.
17. Пушкин, А.С. Послание цензору / А.С. Пушкин // Стихотворения. – Том 3. – Л.: «Советский писатель», 1955. – С. 188-191.
18. Смит, З. Белые зубы / З. Смит // Пер. с англ. О. Качановой, М. Мельниченко. – М.: Издательство Ольги Морозовой, 2005. – 373 с.
19. Уайльд, О. Критик как художник / О.Уайльд // Пер. с англ. А. Зверева. – 1891. – URL: http:// lib.rus.ec/b/322728 (дата обращения: 25.01.2018).

20. Уайльд, О. Молодой король [пер. с англ. В. Орла] / О. Уайльд // Избранное. – М.: «Просвещение», 1990. – URL: http://www.lib.ru/WILDE/wild_king.txt (дата обращения: 25.01.2018).
21. Уайльд, О. Портрет Дориана Грея / О. Уайльд // Пер. с англ. М. Абкиной. – Ташкент: «Ўкитувчи», 1987. – 188 р.
22. Academy: A Weekly Review of Literature, Science, and Art. – No. 29. – March 28, 1886. – 297 p.
23. Ackroyd, P. Dan Leno and the Limehouse Golem (The Trial of Elizabeth Cree) / P. Ackroyd. – London: Minerva, 1995. – 282 p.
24. Ackroyd, P. Dickens / P. Ackroyd. – Sinclair-Stevenson, 1990. – 1120 p.
25. Ackroyd, P. English Music / P. Ackroyd. London: Hamish Hamilton, 1992. – 400 p.
26. Ackroyd, P. Hawksmoor / P. Ackroyd. – London: Hamish Hamilton, 1985. – 320 p. – URL: http://www. e-reading.club/txt.php/89204/Ackroyd_-_Hawksmoor.txt (дата обращения: 25.01.2018).
27. Ackroyd, P. London. The Biography / P. Ackroyd. – London: Vintage, 2000. – 822 p.
28. Ackroyd, P. The Great Fire of London / P. Ackroyd. – Abacus, 1984. – 169 p.
29. Ackroyd, P. The House of Doctor Dee / P. Ackroyd. – London: Hamish Hamilton, 1993. – 288 p.
30. Ackroyd, P. The Plato Papers / P. Ackroyd. – 1999. – URL: http://www.omegalib.com/read/5a5d2a13d41c6fbaa5d39ae4e2fa54b1. html?ext=txt (дата обращения: 25.01.2018).
31. Addison, J. The Spectator. Vol. I / J. Addison, R. Steele. – 1711. – URL: http://www. gutenberg.org/etext/9334 (дата обращения: 25.01.2018).
32. Addison, J. The Spectator. Vol. II / J. Addison, R. Steele. – 1711-1712. – URL: http://www. gutenberg.org/etext/11010 (дата обращения: 25.01.2018).
33. Aidoo, A.A. Our Sister Killjoy; or Reflections from a Black-Eyed Squint / A.A. Aidoo. – London: Longman, 1988 [first published 1977]. – 134 p.

34. Aldington, R. Death of a Hero / R. Aldington. – М.: «Высшая школа», 1985 [first published 1929]. – 350 с.
35. Alibhai-Brown, Y. Imagining the New Britain / Y. Alibhai-Brown. – New-York: Routledge, 2001. – 223 p.
36. Anonymous. Bloomsbury (1893) / Anonymous // London: A History in Verse [ed. by M. Ford]. – Cambridge Mass.-London: The Belknap Press, 2012. – P. 424.
37. Arnold, M. Lines Written in Kensington Gardens / M. Arnold. – 1867. – URL: http:// www.web-books. com/Classics/Poetry/Anthology/Arnold_M/Lines.htm_ (дата обращения: 25.01.2018).
38. Austen, J. Pride and Prejudice / J. Austen. – 1813. – URL: http://etext.library. adelaide.edu.au/a/ (дата обращения: 25.01.2018).
39. Barret Browning, E. Aurora Leigh / E. Barret Browning. – 1856. – URL: http://digital.library. upenn.edu/women/barrett/aurora/aurora. html (дата обращения: 25.01.2018).
40. Barret Browning, E. Letters. Vol. II / E. Barret Browning. – URL: http://www. gutenberg.org/files/16646/16646-8. txt (дата обращения: 25.01.2018).
41. Bartlett, D.W. London by Day and Night or, Men and Things in the Great Metropolis / D.W. Bartlett. – 1852. – URL: http:// www.victorianlondon.org (дата обращения: 25.01.2018).
42. Beaumont, F. The Knight of the Burning Pestle (1613) / F. Beaumont // Ed. by R. de Le Mans. – The Golden Stag Players, 1994. – 84 p. – URL: http://www.goldenstag.net/players/Scripts_PDF/KnightOfTheBurningPestle.pdf (дата обращения: 25.01.2018).
43. Betjeman, J. N.W. 5 & N. 6 (1971) / J. Betjeman // London: A History in Verse [ed. by M. Ford]. – Cambridge Mass.-London: The Belknap Press, 2012. – P. 553.
44. Betjeman, J. Summoned by Bells (1960) / J. Betjeman // London: A History in Verse [ed. by M. Ford]. – Cambridge Mass.- London: The Belknap Press, 2012. – Pp. 554-556.
45. Blake, W. Auguries of Innocence (1803) / W. Blake // The Pickering Manuscript. – ca. 1801-1803. – Pp. 13-15. – URL:

http://www.searchengine.org.uk/ebooks/75/26. pdf (дата обращения: 25.01.2018).

46. Blake, W. Jerusalem: Preface / W. Blake // Milton: A Poem in Two Books [Edited by E. R.D. Maclagan, A.G.B. Russell]. – London: A. H. Bullen, 1907 (1804). – P. xix.
47. Blake, W. London / W. Blake. – 1794. – URL: http://eir. library.utoronto.ca/rpo/display/poem184. html (дата обращения: 25.01.2018).
48. Boswell, J. The Life of Samuel Johnson, LL. D. / J. Boswell. – 1791. – URL: http://www.gutenberg. org/etext/1564 (дата обращения: 25.01.2018).
49. Brooke, S. Life and Letters of Stopford Brooke [collected and edited by L.P. Jacks] / S. Brooke. – Forgotten Books, 2015. – 394 p.
50. Bunyan, J. The Pilgrim's Progress from This World to That Which Is to Come / J. Bunyan. – 1678. – URL: http:// www.gutenberg.org/dirs/etext94/plgrm11. txt
51. Burney, F. Evelina, or, the History of a Young Lady's Entrance into the World / F. Burney. – 1778. – URL: http://www.gutenberg. org/dirs/etext04/eveli10.txt
52. Burroughs, J. Winter Sunshine / J. Burroughs. – 1875. – URL: http://www.gutenberg. org/dirs/etext03/wntsh10.txt (дата обращения: 25.01.2018).
53. Burton, R. The Anatomy of Melancholy / R. Burton. – 1621. – URL: http://www. gutenberg.org/files/10800/10800. txt (дата обращения: 25.01.2018).
54. Byron, G. Childe Harold's Pilgrimage / G. Byron // The Collected Poems of Lord Byron. – Wordsworth Poetry Library, 1994 [first published 1818] – Pp. 174-244.
55. Byron, G. Don Juan / G. Byron. – 1824. – URL: http://www.geocities.com/Athens/Delphi/7086/donjuan. htm (дата обращения: 25.01.2018).
56. Carpenter, J. Liber Albus / J. Carpenter. – 1419. – URL: http://www.holoweb.net/~liam/old-books/ (дата обращения: 25.01.2018).
57. Colin's Description of the Pleasures of Spring-Gardens / H.A. Rogers // Views of the Pleasure Gardens of London. – 1896 [first published 1741]. – URL: http://www. victorianlondon.org (дата обращения: 25.01.2018).

58. Conrad, J. The Mirror of the Sea / J. Conrad. – 1906. – URL: http://www.gutenberg.org/dirs/etext97/tmots10.txt (дата обращения: 25.01.2018).

59. Cornford, F. London Streets / F. Cornford // London: A History in Verse [ed. by M. Ford]. – Cambridge Mass.-London: The Belknap Press, 2012. – P. 508.

60. Cowper, W. The Task / W. Cowper // The Task and Other Poems. – 1782. – URL: http://www. gutenberg.org/etext/3698 (дата обращения: 25.01.2018).

61. Defoe, D. A Journal of the Plague Year / D. Defoe. – 1722. – URL: http://www. gutenberg.org/etext/376 (дата обращения: 25.01.2018).

62. Defoe, D. Letter V Containing A Description of the City of London, as Taking in the City of Westminster, Borough of Southward and the Buildings Circumjacent / D. Defoe // A Tour thro' the Whole Island of Great Britain. Vol. 1. – 1724. – URL: https://archive.org/stream/tourthroughtthew006736mbp/tourthroughtthew006736mbp_djvu.txt (дата обращения: 25.01.2018).

63. Dickens, Ch. A Tale of Two Cities: A Story of the French Revolution / Ch. Dickens. – 1859(a). – URL: http://www.gutenberg. org/files/98/98-8.txt (дата обращения: 25.01.2018).

64. Dickens, Ch. Arcadian London / Ch. Dickens // The Uncommercial Traveller, Chapter 16. –1860. – URL: http://www. gutenberg.org/cache/epub/914/pg914.txt (дата обращения: 25.01.2018).

65. Dickens, Ch. Barnaby Rudge / Ch. Dickens. – 1841(a). – URL: http://etext.library.adelaide.edu. au/d/dickens/charles (дата обращения: 25.01.2018).

66. Dickens, Ch. Bleak House / Ch. Dickens. – 1852. – URL: http://www.gutenberg.org/cache/epub/1023/pg1023.txt (дата обращения: 25.01.2018).

67. Dickens, Ch. Dombey and Son / Ch. Dickens. – 1848. – URL: http://etext. library.adelaide.edu. au/d/dickens/charles/d54ds.html (дата обращения: 25.01.2018).

68. Dickens, Ch. Great Expectations / Ch. Dickens. – 1861. – URL: http://www.literature.org/authors/dickens-charles/great-expectations/ (дата обращения: 25.01.2018).

69. Dickens, Ch. Letter to John Forster, 30 Aug. 1846 / Ch. Dickens // Letters [ed. dy M. House, G. Storey]. – Oxford: Clarendon Press, 1977. – Pp. 612-614.

70. Dickens, Ch. Letter to Miss Burdett Coutts, 25 Jul. 1846 / Ch. Dickens // Letters / M. House, G. Storey (eds.). – Oxford: Clarendon Press, 1977. – Pp. 587-589.

71. Dickens, Ch. Little Dorrit / Ch. Dickens. – 1857. – URL: http://etext.library. adelaide.edu.au/d/dickens/charles (дата обращения: 25.01.2018).

72. Dickens, Ch. London Recreations / Ch. Dickens // Sketches by Boz. – 1836(a). – URL: http://etext. library.adelaide.edu. au/d/dickens/charles (дата обращения: 25.01.2018).

73. Dickens, Ch. Night Walks / Ch. Dickens // The Uncommercial Traveller, Chapter 13. – 1859(b). – URL: http://grammar.about. com/od/classicessays/a/nightwalks.htm (дата обращения: 25.01.2018).

74. Dickens, Ch. Oliver Twist or, the Parish Boy's Progress / Ch. Dickens. – 1837-1839. – URL: http:// www.gutenberg.org/cache/epub/730/pg730. txt (дата обращения: 25.01.2018).

75. Dickens, Ch. Our Mutual Friend / Ch. Dickens. – 1865. – URL: http://etext.library.adelaide. edu.au/d/dickens/charles (дата обращения: 25.01.2018).

76. Dickens, Ch. Scenes // Sketches by Boz, Illustrative of Every-Day Life and Every-Day People. – 1836(b). – URL: http://www.gutenberg. org/files/882/882-0.txt (дата обращения: 25.01.2018).

77. Dickens, Ch. Shops and Their Tenants / Ch. Dickens // Sketches by Boz. – 1837. – URL: http:// etext.library.adelaide. edu.au/d/dickens/charles (дата обращения: 25.01.2018).

78. Dickens, Ch. The Life and Adventures of Nicholas Nickleby, Containing a Faithful Account of the Fortunes, Misfortunes, Uprisings, Downfallings and Complete Career of the Nickelby Family / Ch. Dickens. – 1838-1839. – URL:

http://www.gutenberg. org/cache/epub/967/pg967.txt (дата обращения: 25.01.2018).

79. Dickens, Ch. The Old Curiosity Shop / Ch. Dickens. – 1841(b). – URL: www. gutenberg.orgcacheepub700pg700.txt (дата обращения: 25.01.2018).

80. Dickens, Ch. The Personal History, Adventures, Experience and Observation of David Copperfield the Younger of Blunderstone Rookery (Which He Never Meant to Publish on Any Account) / Ch. Dickens. – 1850. – URL: http://www. gutenberg.org/cache/epub/766/pg766.txt (дата обращения: 25.01.2018).

81. Dickens, Ch. To the Editor of The Times / Ch. Dickens // Letters (Letter of Nov. 13, 1849) – URL: http:// www.victorianlondon.org (дата обращения: 25.01.2018).

82. Dismorr, J. June Night / J. Dismorr // Blast, No. 2 (War Number) [ed. by W. Lewis]. – London: John Lane, The Bodley Head, 1915(a). – Pp. 67-68.

83. Dismorr, J. London Notes / J. Dismorr // Blast, No. 2 (War Number) [ed. by W. Lewis]. – London: John Lane, The Bodley Head, 1915(b). – P. 66.

84. Disraeli, B. Lothair / B. Disraeli. – 1870. – URL: http://www.gutenberg.org/dirs/etext05/lotha10.txt (дата обращения: 25.01.2018).

85. Disraeli, B. Tancred: Or, The New Crusade / B. Disraeli. – 1847. – URL: http://www.gutenberg. org/files/20004/20004-0.txt (дата обращения: 25.01.2018).

86. D'Oyly Carte, R. Inaugural Statement of October 6, 1881 / R. Mander, J. Mitchenson // The Theatres of London. London: Rupert Hart-Davis, 1963. – Pp. 193-196.

87. Doyle, A.C. A Study in Scarlet / A.C. Doyle. – 1887. – URL: http://www.gutenberg. org/dirs/etext95/study10.txt (дата обращения: 25.01.2018).

88. Doyle, A.C. The Adventure of Black Peter / A.C. Doyle // The Return of Sherlock Holmes. – 1904. – URL: http://etext.library. adelaide.edu.au/d/doyle/arthur_conan/ (дата обращения: 25.01.2018).

89. Doyle, A.C. The Sign of the Four / A. C. Doyle. – 1890. – URL: http://www.gutenberg. org/dirs/etext00/sign410.txt (дата обращения: 25.01.2018).

90. Dryden, J. Annus Mirabilis: The Year of Wonders. An Historical Poem / J. Dryden // The Poetical Works. Vol. I. – 1667. – URL: http://www.gutenberg.org/etext/11488 (дата обращения: 25.01.2018).

91. Dunbar, W. To the City of London / W. Dunbar. – ca. 1501. – URL: http://eir.library.utoronto. ca/rpo/display/poet109.html (дата обращения: 25.01.2018).

92. Eliot, G. Worldly Ways and Byways / G. Eliot. – 1899. – URL: http://www. gutenberg.org/dirs/etext95/bywys10.txt (дата обращения: 25.01.2018).

93. Eliot, T.S. Burnt Norton / T.S. Eliot // Four Quarters. – 1943(a). – URL: http:// www.davidgorman.com/4Quartets/1-norton.htm (дата обращения: 25.01.2018).

94. Eliot, T.S. Little Gidding / T.S. Eliot // Four Quarters. – 1943(b). – URL: http://www. davidgorman.com/4Quartets/4-gidding. htm (дата обращения: 25.01.2018).

95. Eliot, T.S. Sweeney Agonistes: Fragments of an Aristophanic Melodrama (1933) / T.S. Eliot // Collected Poems 1909-1962. – New York: Harcourt, Brace & World, Inc., 1963. – Pp. 111-124.

96. Eliot, T.S. The Waste Land / T.S. Eliot. – 1922. – URL: http://www.gutenberg.org/dirs/etext98/wslnd11. txt (дата обращения: 25.01.2018).

97. Emerson, R.W. English Traits / R.W. Emerson. – 1856. – URL: http://etext.lib. virginia.edu/etcbin/toccer-new2?id=EmeEngl.sgm&images=images/modeng&data=/texts/english/modeng/parsed&tag=public&part=all (дата обращения: 25.01.2018).

98. Engels, F. The Great Towns [first published 1845] / F. Engels // The City Reader / R. LeGates, F. Stout (eds.). – London: Routledge, 1996. – Pp. 47-55.

99. Evelyn, J. Fumifugium: or The Inconveniencie of the Aer And Smoak of London Dissipated / J. Evelyn. – London: W. Godbid for Gabriel Bedel and Thomas Collins, 1661. – *The Rota* at the University of Exeter, 1976. – 56 p.

100. Ewing Ritchie, J. Days and Nights in London or, Studies in Black and Gray / J. Ewing Ritchie. – 1880. – URL: http://www.gutenberg. org/files/36683/36683-0.txt (дата обращения: 25.01.2018).

101. Ewing Ritchie, J. East Anglia / J. Ewing Ritchie. – 1893. – URL: http://www.victorianlondon.org (дата обращения: 25.01.2018).

102. Ewing Ritchie, J. The Night Side of London / J. Ewing Ritchie. – London: William Tweedie, 337, Strand. – 1869. – 236 p.

103. Fielding, H. The History of Tom Jones, a Foundling / H. Fielding. – 1749. – http:// www.gutenberg.org/etext/6593 (дата обращения: 25.01.2018).

104. Fitzgerald, P. A Day's Tour / P. Fitzgerald. – 1887. – URL: http://www.gutenberg.org/files/1618/1618.txt (дата обращения: 25.01.2018).

105. Ford, F.M. The Soul of London / F.M. Ford. – Penguin, 1976 [first published 1905]. – 112 p.

106. Ford, M. Introduction / M. Ford // London: A History in Verse [ed. by M. Ford]. – Cambridge Mass.-London: The Belknap Press, 2012. – Pp. 1-28.

107. Fowles, J. The Ebony Tower / J. Fowles. – 1974. – URL: http:// www.e-reading. org.ua/book. php?book=137224 (дата обращения: 25.01.2018).

108. Fowles, J. The Magus / J. Fowles. – New York: Dell Publishing Group, 1977. – 698 p.

109. Gallienne Le, R. A Ballad of London / R. Le Gallienne // Robert Louis Stevenson: An Elegy and Other Poems. – 1895. – URL: http://www.bartleby.com/103/52. html (дата обращения: 25.01.2018).

110. Galsworthy, J. In Chancery / J. Galsworthy. – 1920. – URL: http://www. classicreader.com/read. php/sid.1/bookid.1839/sec.38/ (дата обращения: 25.01.2018).

111. Galsworthy, J. Swan Song / J. Galsworthy. – 1928. – URL: http://www. gutenberg.org/files/4397/4397. txt (дата обращения: 25.01.2018).

112. Galsworthy, J. The Man of Property / J. Galsworthy. – 1906. – URL: http://www.classicreader. com/read.php/sid.1/bookid.1839/sec.1/ (дата обращения: 25.01.2018).

113. Gaudier-Brzeska, H. Vortex (written from the trenches) / H. Gaudier-Brzeska // Blast, No. 2 (War Number) [ed. by W. Lewis]. – London: John Lane, The Bodley Head, 1915. – Pp. 33-34.

114. Greenwood, J. Unsentimental Journeys, or Byways of the Modern Babylon / J. Greenwood. – 1867. – URL: http://www. victorianlondon.org (дата обращения: 25.01.2018).

115. Guileman, E. The Call of the Stage / E. Guileman. – London: Michael O'Mara Books Ltd., 1989. – 247 p.

116. Hardy, T. Tess of the d'Urbervilles: A Pure Woman Faithfully Presented / T. Hardy. – 1891. – URL: http://www.gutenberg.org/cache/epub/110/pg110.txt (дата обращения: 25.01.2018).

117. Hawthorne, N. Passages from the English Note-Books. Vol. I: London / N. Hawthorne. – 1855-1857. – URL: http://www.gutenberg.org/dirs/etext05/engn310.txt (дата обращения: 25.01.2018).

118. Herrick, R. His Return to London / R. Herrick // Lyrical Poems. – 1640. – URL: http://www.gutenberg. org/etext/1211 (дата обращения: 25.01.2018).

119. James, H. English Hours / H. James // London (1888). – London: William Heinemann, 1905. – Pp. 1-43.

120. James, H. Notebook II. 25 November 1881 – 11 November 1882 / H. James // The Notebooks of Henry James [ed. by F.O. Matthiessen, K.B. Murdoch]. – Chicago and London: University of Chicago Press, 1981. – Pp. 23-91.

121. James, H. The Art of Fiction / H. James // Longman's Magazine. – 1884, No. 4. – URL: http:// public.wsu.edu/~campbelld/amlit/artfiction. html (дата обращения: 25.01.2018).

122. Jefferies, R. After London or Wild England / R. Jefferies. – 1885. – URL: http://www. gutenberg.org/etext/13944 (дата обращения: 25.01.2018).

123. Johnson, S. London: A Poem in Imitation of the Third Satire of Juvenal / S. Johnson // Poetical Works of Johnson, Parnell, Gray, and Smollett. 1738. – URL: URL: http://www.gutenberg. org/etext/11254 (дата обращения: 25.01.2018).

124. Johnson, S. Gray / S. Johnson // The Lives of the Most Eminent English Poets; with Critical Observations on their Works. Vol. IV. – London, 1791. – Pp. 461-485.

125. Joyce, J. Dubliners / J. Joyce. – 1914. – URL: http://www.gutenberg. org/etext/2814 (дата обращения: 25.01.2018).

126. Keats, J. Sonnet IX / J. Keats // Poems. – 1816. – URL: http://www.gutenberg. org/dirs/etext05/pkt1710.txt (дата обращения: 25.01.2018).

127. Kipling, R. In Partibus (1889) / R. Kipling // London: A History in Verse [ed. by M. Ford]. – Cambridge Mass.- London: The Belknap Press, 2012. – Pp. 468-469.

128. Kipling, R. London Town / R. Kipling // Echoes by Two Writers. – 1884. – URL: http://www. kiplingsociety.co.uk/poems_londontown.htm (дата обращения: 25.01.2018).

129. Krout M.H. Going Down to London (1895) / M.H. Krout // A Looker-On in London. – 1899. – URL: http://www.victorianlondon.org/publications2/lookeron. htm (дата обращения: 25.01.2018).

130. Kureishi, H. The Buddha of Suburbia / H. Kureishi. – London: Faber and Faber, 1990. – 284 p.

131. Lamb, Ch. Letters / Ch. Lamb // The Works of Charles and Mary Lamb. Vol. 5. – 1888. – URL: http://www.gutenberg. org/dirs/etext05/8lmb510. txt (дата обращения: 25.01.2018).

132. Lamb, Ch. The Best Letters / Ch. Lamb. – URL: http://www.gutenberg.org/etext/10125 (дата обращения: 25.01.2018).

133. Lawrence, D.H. Sons and Lovers / D.H. Lawrence. – Penguin Books, 1995 [first published 1913]. – 420 p.

134. Lawrence, D.H. Town in 1917 (1918) / D.H. Lawrence // London: A History in Verse [ed. by M. Ford]. – Cambridge Mass.- London: The Belknap Press, 2012. – P. 507.

135. Lear, E. Later Letters to Chichester Fortescue (Lord Carlington), Frances Countess Waldegrave and Others / E. Lear // Ed. by Lady Strachey of Sutton Court. – London: T. Fisher Unwin, 1911. – 392 p.

136. Levy, A. Straw in the Street / A. Levy // London: A History in Verse [ed. by M. Ford]. – Cambridge Mass.-London: The Belknap Press, 2012. – P. 466.

137. Lewis, J. London under Attack / J. Lewis // The Independent. – Jan. 22, 2003.

138. Lewis, W. A Review of Contemporary Art / W. Lewis // Blast, No. 2 (War Number) [ed. by W. Lewis]. – London: John Lane, The Bodley Head, 1915(a). – Pp. 38-47.

139. Lewis, W. Long Live the Vortex! / W. Lewis et al. // Blast, No. 1 [ed. by W. Lewis]. – London: John Lane, The Bodley Head, 1914(a). – Pp. 7-8.

140. Lewis, W. et al. Manifesto I (BLASTs and BLESSes) / W. Lewis // Blast, No. 1. – London: John Lane, The Bodley Head, 1914(b). – Pp. 9-29.

141. Lewis, W. et al. Manifesto II / W. Lewis // Blast, No. 1 [ed. by W. Lewis]. – London: John Lane, The Bodley Head, 1914(c). – Pp. 30-44.

142. Lewis, W. The Crowd Master (First Part) / W. Lewis // Blast, No. 2 (War Number) [ed. by W. Lewis]. – London: John Lane, The Bodley Head, 1915. – Pp. 94-102.

143. Lewis, W. The War-Crowds, 1914 / W. Lewis // Blasting and Bombardiering: An Autobiography. – London: Eyre & Spottiswoode, 1937. – Pp.69-91.

144. Livingstone, K. Multiculturalism Works for London / K. Livingstone // The Londoner. – Nov. 2005. – URL: http://www.london.gov.uk/mayor/londoner/docs/londoner-dec05.rtf (дата обращения: 25.01.2018).

145. London Bridge // Kidsongs Lyrics. – URL: https://kidsongs.com/lyrics/london-bridge. html (дата обращения: 25.01.2018).

146. London: Cultural Capital. Realising the Potential of a World-Class City – Highlights of The Mayor's Culture Strategy / Greater London Authority. – April 2004. – URL: http://www. london.gov.uk/mayor/strategies/culture/docs/highlights.pdf (дата обращения: 25.01.2018).

147. Lydgate, J. King Henry VI's Triumphal Entry into London (1432) / J. Lydgate // London: A History in Verse [ed. by M. Ford]. – Cambridge Mass.- London: The Belknap Press, 2012. – Pp. 38-50.

148. Macaulay, T.B. Letters / T.B. Macaulay. – URL: http://www.gutenberg.org/etext/2647 (дата обращения: 25.01.2018).

149. Macaulay, T.B. Lord Holland / T.B. Macaulay // Critical and Historical Essays. – 1840. – URL: http://www.gutenberg. org/etext/2332 (дата обращения: 25.01.2018).

150. Macaulay, T. B. The history of England from the Accession of James II. / T.B. Macaulay. – Vol. II. – 1849. – URL: http:// www.gutenberg.org/etext/2439 (дата обращения: 25.01.2018).

151. Machen, A. The Hill of Dreams / A. Machen. – 1907. – URL: http://www.gutenberg. org/files/13969/13969-8.txt (дата обращения: 25.01.2018).

152. MacNeice, L. The British Museum Reading Room (1939) / L. MacNeice // London: A History in Verse [ed. by M. Ford]. – Cambridge Mass.-London: The Belknap Press, 2012. – P. 560.

153. Manby Smith, Ch. Curiosities of London Life, or Phases, Physiological and Social of the Great Metropolis / Ch. Manby Smith. – 1853. – URL: http://www.victorianlondon.org (дата обращения: 25.01.2018).

154. Manby Smith, Ch. The Little World of London: Or, Pictures in Little of London Life / Ch. Manby Smith. – 1857. – URL: https://archive.org/stream/littleworldlond00smitgoog/littleworldlond00smitgoog_djvu.txt (дата обращения: 25.01.2018).

155. Maugham, W.S. Cakes and Ale: or the Skeleton in the Cupboard / W.S. Maugham. – Moscow Progress Publishers, 1980 [first published 1930]. – 237 p.

156. Maugham, W.S. Of Human Bondage / W.S. Maugham. – 1915. – URL: http:// www.gutenberg.org/cache/epub/351/pg351. txt (дата обращения: 25.01.2018).

157. Mayhew, H. London Labour and the London Poor / H. Mayhew // Ed. by R. Douglas-Fairhurst. – Oxford: Oxford University Press, 2010 (first published in 1851). – 472 + Ii p. – URL: http://etext. lib.virginia.edu/etcbin/toccer-new2?id=MayLond.sgm&images=images/modeng&data=/texts/english/modeng/parsed&tag=public&part=all (дата обращения: 25.01.2018).

158. Mayhew, H. The Criminal Prisons of London / H. Mayhew, J. Binny. – 1862. – URL: http:// www.victorianlondon.org (дата обращения: 25.01.2018).

159. Mayor's Statement, 7 July 2005. – URL: http://www.london. gov.uk/mayor/mayor_statement_070705.jsp (дата обращения: 25.01.2018).

160. Meredith, G. One of Our Conquerors / G. Meredith. – 1891. – URL: http://www. gutenberg.org/etext/4476 (дата обращения: 25.01.2018).

161. Meredith, G. The Egoist / G. Meredith. – 1879. – URL: http://www.gutenberg. org/cache/epub/1684/pg1684.txt (дата обращения: 25.01.2018).

162. Miller, T. Picturesque Sketches of London Past and Present / T. Miller. – 1852. – URL: http://www. victorianlondon.org (дата обращения: 25.01.2018).

163. Moorcock, M. Mother London / M. Moorcock. – Penguin Books, 1988. – 496 p.

164. Moore, T. Rhymes on the Road / T. Moore // The Complete Poems. – 1819. – URL: http://www.gutenberg.org/etext/6245 (дата обращения: 25.01.2018).

165. Morris, W. The Bridge and the Street / W. Morris // Pilgrims of Hope. – 1887. – URL: http://www.gutenberg. org/etext/3262 (дата обращения: 25.01.2018).

166. Naipaul, V.S. The Enigma of Arrival / V.S. Naipaul. – London-New York: Viking Press, 1987. – 318 p.

167. Nashe, T. Autumn / T. Nashe. – ca. 1590. – URL: http://www.theotherpages.org/poems/nashe01.html (дата обращения: 25.01.2018).

168. Nicolson, H. Diaries (1930-39) / H. Nicolson. – Collins, 1966. – 447 p.

169. Orwell, G. Keep the Aspidistra Flying / G. Orwell. – 1936. – URL: http://etext.library. adelaide.edu.au/o/orwell/george/ (дата обращения: 25.01.2018).

170. Orwell, G. The Lion and the Unicorn: Socialism and the English Genius / G. Orwell. – 1941. – URL: http:// etext.library.adelaide. edu.au/o/orwell/george/ (дата обращения: 25.01.2018).

171. Peake, M. London, 1941 (1941) / M. Peake // Collected Poems. – Carcanet Press Ltd., 2008. – P. 167.

172. Pepys, S. The Complete Diary (1660-1669) / S Pepys. – URL: http://www.gutenberg.org/etext/4200 (дата обращения: 25.01.2018).

173. Picard, L. Victorian London: The Life of a City 1840-1870 / L. Picard. – London: Phoenix, 2006. – 444 + xix p.

174. Poe, E.A. The Man of the Crowd / E. A. Poe // The Complete Works. Vol. V. – 1844. – URL: http:// www.gutenberg.org/etext/2151 (дата обращения: 25.01.2018).

175. Pope, A. A Farewell to London in the Year 1715 / A. Pope // Poetical Works. Vol. II. – 1715. – URL: http://www. gutenberg.org/etext/9601 (дата обращения: 25.01.2018).

176. Pope, A. The Dunciad / A. Pope. – 1743. – URL: http://www.bartleby. com/203/163.html (дата обращения: 25.01.2018).

177. Pope, A. The First Epistle Of The First Book Of Horace. To Lord Bolingbroke / A. Pope. – 1734. – URL: http://library.beau. org/gutenberg/etext05/8pop110. txt (дата обращения: 25.01.2018).

178. Powell, E. Rivers of Blood Speech / E. Powell. – 1968. – URL: http://en.wikipedia. org/wiki/Rivers_of_Blood_speech (дата обращения: 25.01.2018).

179. Quincey de, T. Confessions of an English Opium-Eater / T. de Quincey. – 1822. – URL: http:// www.gutenberg.org/cache/epub/2040/pg2040. txt (дата обращения: 25.01.2018).

180. Quincey de, T. The Nation of London / T. de Quincey // Autobiographic Sketches. – 1853. – URL: http://www. gutenberg.org/etext/7306 (дата обращения: 25.01.2018).

181. Raban, J. Soft City / J. Raban. – 1974. – London: Flamingo, 1984. – 301 p.

182. Reeves, G. Palace of the People: The Crystal Palace at Sydenham 1854-1936 / G. Reeves. – Bromley, Kent, 1986. – 235 p.

183. Rushdie, S. The Satanic Verses / S. Rushdie. – Viking Penguin: 1988. – 549 p.

184. Russell, R. London Fogs / R. Russell. – 1880. – URL: http://www.victorianlondon.org (дата обращения: 25.01.2018).

185. Scott, W. The Heart of Mid-Lothian / W. Scott. – 1818. – URL: http://www.gutenberg. org/files/6944/6944.txt (дата обращения: 25.01.2018).

186. Shakespeare, W. A Lover's Complaint (1597) / W. Shakespeare // The Complete Works. – The Wordsworth Poetry Library, 1994. – Pp. 1245-1247.

187. Shakespeare, W. A Midsummer's Night Dream (1596) / W. Shakespeare // The Complete Works. – The Wordsworth Poetry Library, 1994. – Pp. 279-301.

188. Shakespeare, W. Henry VI / W. Shakespeare. – 1593. – URL: http://www. gutenberg.org/dirs/etext99/1ws0111.txt (дата обращения: 25.01.2018).

189. Shakespeare, W. King Henry VIII / W. Shakespeare. – 1613. – URL: http://www.gutenberg. org/dirs/etext97/1ws4210. txt (дата обращения: 25.01.2018).

190. Shakespeare W. Macbeth (1623) / W. Shakespeare // The Complete Works of William Shakespeare. – Wordsworth Editions, 1994. – Pp. 858-884.

191. Shakespeare, W. The Tempest (1612) / W. Shakespeare // The Complete Works. – The Wordsworth Poetry Library, 1994. – Pp. 1135-1159.

192. Shakespeare, W. The Tragedy of Coriolanus / W. Shakespeare. – 1607. – URL: http://www. gutenberg.org/dirs/etext97/1ws3610.txt (дата обращения: 25.01.2018).

193. Shaw, G.B. Pygmalion: A Romance in Five Acts / G.B. Shaw. – 1912. – URL: https:// archive.org/stream/pygmalion03825gut/pygml10.txt (дата обращения: 25.01.2018).

194. Shelley, P.B. Letter to Maria Gisborne / P.B. Shelley // The Complete Poetical Works. – 1820. – URL: http://etext.library.adelaide. edu.au/s/shelley/percy_bysshe/ (дата обращения: 25.01.2018).

195. Shelley, P.B. Peter Bell the Third by Miching Mallecho, Esq. / P.B. Shelley // The Complete Poetical Works. – 1819(a). – URL: http://etext.library.adelaide.edu. au/s/shelley/percy_bysshe/ (дата обращения: 25.01.2018).

196. Shelley, P.B. The Mask of Anarchy / P.B. Shelley // The Complete Poetical Works. – 1819(b). – URL: http://etext.library.adelaide. edu.au/s/shelley/percy_bysshe/ (дата обращения: 25.01.2018).

197. Sherard, R.H. Oscar Wilde: The Story of an Unhappy Friendship / R.H. Sherard. – London: Greenings & Co., Ltd., 1905. – 269 p.

198. Sheridan, R.B. Scarborough and the Critic / R.B. Sheridan. – 1777. – URL: http:// www.gutenberg.org/dirs/etext04/8scar10.txt (дата обращения: 25.01.2018).

199. Sims, G.R. Horrible London / G.R. Sims. – 1889. – URL: http://www.victorianlondon.org (дата обращения: 25.01.2018).

200. Smith, Z. White Teeth / Z. Smith. – London: Hamish Hamilton, 2000. – 480 p.

201. Smollett, T. Expedition of Humphry Clinker / T. Smollett. – 1771. – URL: http://etext.library. adelaide.edu.au/s/smollett/tobias/ (дата обращения: 25.01.2018).

202. Spender, S. Epilogue to a Human Drama / S. Spender // London: A History in Verse [ed. by M. Ford]. – Cambridge Mass.-London: The Belknap Press, 2012. – P. 565.

203. Spenser, E. Prothalamion: or, A Spousall Verse / E. Spenser // The Poetical Works of Edmund Spenser, Vol. 5. – 1596. – URL: http://www.gutenberg.org/cache/epub/10602/pg10602. txt (дата обращения: 25.01.2018).

204. Steele, R. The Tatler 1709-1711 (in 4 volumes): Vol. 1 / R. Steele, J. Addison // Edited with introduction and notes by G. A. Aitken. – New York: Hadley and Mathews; London: Duckworth and Co., 1899. – 400 p.

205. Stein, G. The Making of Americans (Excerpt) // Selections [edited and with an introduction by J. Retallack]. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2008. – Pp. 99-104.

206. Stevenson, R.L. The Strange Case of Dr Jekyll and Mr Hyde / R.L. Stevenson. – 1886. – URL: http:// etext.library.adelaide. edu.au/s/stevenson/robert_louis/ (дата обращения: 25.01.2018).

207. Stow, J. A Survay of London. Conteyning the Originall, Antiguity, Increase, Moderne estate and description of that City (1598) / J. Stow // Introduction and notes by Ch. L. Kingsford. – Vol. 1. – Oxford at the Clarendon Press, 1908. – 352 p.

208. Swift, J. A Description of a City Shower / J. Swift // The Poems. Vol. I. – 1710. – URL: http://www.gutenberg. org/etext/14353 (дата обращения: 25.01.2018).

209. Swift, J. The journal to Stella / J. Swift. – 1710-1711. – URL: http://www. gutenberg.org/dirs/etext03/stlla10.txt (дата обращения: 25.01.2018).

210. Taine, H.A. Notes on England / H.A. Taine // Translated, with an introductory chapter, by W. F. Rae. – New York: Henry Colt and Company, 1885 (first published in 1872). – URL: http://archive.org/stream/notesonengland00tainuoft/notesonengland00tainuoft_djvu. txt (дата обращения: 25.01.2018).

211. Tempted London: Young Men (anonymous) / The British Weekly. – 1887-1888. – URL: http://www.victorianlondon. org/publications3/tempted. htm

212. Tennyson, A. In Memoriam A.H.H. / A. Tennyson. – 1850. – URL: http:// tennysonpoetry.home.att. net/IMAHHS.htm (дата обращения: 25.01.2018).

213. Tennyson, A. Sea Dreams / A. Tennyson. – 1864. – URL: http://www.netpoets. com/classic/poems/064057. htm (дата обращения: 25.01.2018).

214. Tennyson, A. The Princess / A. Tennyson. – 1847. – URL: http://www. gutenberg.org/etext/791 (дата обращения: 25.01.2018).

215. Thackeray, W.M. Sketches and Travels in London / W.M. Thackeray. – 1847. – URL: http:// www.victorianlondon.org (дата обращения: 25.01.2018).

216. The Correspondence of Thomas Carlyle and Ralph Waldo Emerson, 1834-1872. Vol. I. – URL: http:// www.gutenberg.org/etext/13583 (дата обращения: 25.01.2018).

217. Thomson, J. The City of Dreadful Night / J. Thomson. – 1874. – URL: http://www. gutenberg.org/cache/epub/1238/pg1238.txt (дата обращения: 25.01.2018).

218. Thomson, J. The Seasons / J. Thomson // Notes by P. Stockdale. – London: T. Chapman, Nevil's Court, Fetter Lane, 1793. – 227 p.

219. Tristan, F. The London Journal of Flora Tristan: The Aristocracy and the Working Class of England / F. Tristan // Transl. by Jean Hawkes [originally: Promenades dans Londres 1840 et 1842. Paris, 1842]. – London: Virago Press, 1989. – 352 p.

220. Vassanji, M.G. No New Land / M.G. Vassanji. – Toronto: McClelland and Steward, 1991. – 281 p.

221. Virgil. The Aeneid / Virgil // Transl. by J. W. Mackail. – London: MacMillan and Co., 1885. – URL: http:// www.gutenberg.org/cache/epub/22456/pg22456. txt (дата обращения: 25.01.2018).

222. Watts, Ph. The Wild Tribes of London / Ph. Watts. – 1855. – URL: http://www. victorianlondon.org (дата обращения: 25.01.2018).

223. Wells, H.G. Tono Bungay / H.G. Wells. – 1909. – URL: http://www. gutenberg.org/etext/718 (дата обращения: 25.01.2018).

224. Wilde, O. Impression du Matin / O. Wilde // Poems. – 1881. – URL: http://www.bartleby.com/143/26. html (дата обращения: 25.01.2018).

225. Wilde, O. Literary and Other Notes / O. Wilde // The Complete Writings. Vol. 4. – New York: Nottingham, 1909. – 387 p.

226. Wilde, O. The Decay of Lying: An Observation / O. Wilde // Intentions. – URL: 1891. – http://www. gutenberg.org/cache/epub/887/pg887.txt (дата обращения: 25.01.2018).

227. Wilde, O. The Picture of Dorian Gray / O. Wilde. – 1890. – URL: http://www.gutenberg. org/dirs/etext94/dgray10.txt (дата обращения: 25.01.2018).

228. Wilson, A.N. London. A Short History / A.N. Wilson. – London: Phoenix, 2004. – 166 p.

229. Woolf, V. A Room of One's Own / V. Woolf. – 1929. – URL: http://ebooks.adelaide. edu.au/w/woolf/virginia/w91r/ (дата обращения: 25.01.2018).

230. Woolf, V. A Sketch of the Past / V. Woolf // Moments of Being: Unpublished Autobiographical Writings. – New York and London: Harcourt Brace Jovanovich, 1976(a). – Pp. 64-137.

231. Woolf, V. A Writer's Diary / V. Woolf. – Houghton Mifflin Harcourt, 2003. – 359 p.

232. Woolf, V. Between the Acts / V. Woolf. – 1941. – URL: http://etext.library. adelaide.edu.au/w/woolf/virginia/ (дата обращения: 25.01.2018).

233. Woolf, V. Flush: a Biography / V. Woolf. – 1933. – URL: http://etext. library.adelaide.edu. au/w/woolf/virginia/ (дата обращения: 25.01.2018).

234. Woolf, V. Jacob's Room / V. Woolf. – 1920. – URL: http://ebooks. adelaide.edu.au/w/woolf/virginia/w91j/ (дата обращения: 25.01.2018).

235. Woolf, V. Mrs Dalloway / V. Woolf. – 1925. – URL: http://etext. library.adelaide.edu. au/w/woolf/virginia/ (дата обращения: 25.01.2018).

236. Woolf, V. Old Bloomsbury / V. Woolf // Moments of Being: Unpublished Autobiographical Writings. – New York and London: Harcourt Brace Jovanovich, 1976(b). – Pp. 159-179.

237. Woolf, V. Orlando: a Biography / V. Woolf. – 1928. – URL: http://etext.library.adelaide. edu.au/w/woolf/virginia/ (дата обращения: 25.01.2018).

238. Woolf, V. The Diary of Virginia Woolf. Vol. 1. 1915-1919 / V. Woolf // Ed. by A.O. Bell. – New York and London: Harcourt Brace Jovanovich, 1979(a). – 356 p.

239. Woolf, V. The Diary of Virginia Woolf. Vol. 2. 1920-1924 / V. Woolf // Ed. by A.O. Bell. – New York and London: Harcourt Brace Jovanovich, 1979(b). – 371 p.

240. Woolf, V. The Diary of Virginia Woolf. Vol. 3. 1925-1930 / V. Woolf // Ed. by A.O. Bell. – New York and London: Harcourt Brace Jovanovich, 1979(c). – 384 p.

241. Woolf, V. The Waves / V. Woolf. – 1931. – URL: http://etext.library.adelaide.edu.au/w/woolf/virginia/ (дата обращения: 25.01.2018).

242. Woolf, V. The Years / V. Woolf. – 1937. – URL: http://etext.library.adelaide.edu.au/w/woolf/virginia/ (дата обращения: 25.01.2018).

243. Woolf, V. To the Lighthouse / V. Woolf. – 1927. – URL: http://etext.library.adelaide.edu.au/w/woolf/virginia/ (дата обращения: 25.01.2018).

244. Wordsworth, W. Composed Upon Westminster Bridge, September 3, 1802 / W. Wordsworth // The Poetical Works. Vol. II. – 1802. – URL: http://www.gutenberg.org/etext/12145 (дата обращения: 25.01.2018).

245. Wordsworth, W. The Prelude, or, Growth of a Poet's Mind; an Autobiographical Poem / W. Wordsworth // The Poetical Works. Vol. III. – 1805 – URL: http://www.gutenberg. org/etext/12383 (дата обращения: 25.01.2018).

246. Yonge, Ch.M. Modern Broods / Ch.M. Yonge. – 1876. – URL: http://www.gutenberg.org/dirs/etext04/mdb10h.htm (дата обращения: 25.01.2018).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ПРОИЗВОДНЫЕ СЛОВА ОТ ИМЕНИ «LONDON»

Семантическое содержание производного слова от имени «London» (или от его производных)	**Семема деривационного аффикса**
Londonian: |a Londoner|; статус формации: редкая Londinensian: |pertaining to or characteristic of London|; лексема является производной от лат. «Londinens-is», т. е. в качестве исходной единицы берется латинское название Лондона «Londinium»; статус формации: редкая.	‘**ian**’: |of or belonging to|; контекст основы: имя собственное.
«Certainly this <…> would have occurred to none but a thorough-paced Londonian» [Hawkins, L.M. Memoirs, anecdotes, facts, and opinions, 1824. Cit. ex: Londonian / OEDHP]; «… he thinks them human in their bulk; they are Londinensian» [Meredith 1891].	
Londoner: (1) |a native (or inhabitant) of London| – афферентный социально-нормированный признак: /suggesting the characteristic features of London people/; (2) |a ship belonging to London| – виртуализация макрородовой семы /animate/ и актуализация семы /ship/; статус формации: устаревшая.	‘**er**’: |a native of, a resident in|; контекст основы: название места или страны.

«The Duke <...> did of me demand What was the speech among the Londoners, Concerning the French Journey» [Shakespeare 1613]; «These Londoners have got a gibberish with ‘em would confound a gipsy» [Sheridan 1777]; «The Londoners saw this great force assembled in their neighbourhood with a terror which familiarity soon diminished» [Macaulay 1849].	
Londonese: (1) |peculiar to or characteristic of London, cockney (said of dialect, peculiarities of speech, etc.)|; (2) |the ‘Londonese’ dialect| – афферентный социально-нормированный признак: /derisive/.	‘**ese**’: |characteristic of|; контекст основы: названия стран и иностранных (но никогда не английских) городов. Соответственно, при присоединении суффикса к основе «London» возникает формация с комической оценочностью (что-то не английское, нарушающее нормы английского языка).
Londonesque: |having the characteristics proper to London|; афферентный социально-нормированный признак: /jocular/; статус формации: редкая, окказиональная.	‘**esque**’: |resembling the style of, partaking of the characteristics of|; контекст основы: существительное. Поскольку суффикс является заимствованным (из итальянского языка через французский), образованные с его помощью слова от английских существительных являются окказиональными и имеют шутливую оценочность.
«Is there any other sight in the Metropolis <...> so thoroughly Londonesque as this?» [Mayhew 1862].	
Londonism: (1) |London habits, manners, or peculiarities of speech|;	‘**ism**’: |peculiarity or characteristic, esp. of language|.

(2) |a word, idiom, or pronunciation belonging to the London dialect|.	
«The humble and accepted dialect of London, the Londonisms as I may call them» [Pegge, S. Anecdotes of the English Language, 1803. Cit. ex: Londonism / OEDHP].	
Londonize (-ise): (1) |to make like London or its inhabitants|; (2) |to visit or frequent London| Статус формации: окказиональная.	‘**ize**’: |treat, affect or influence with; to make like sth.|; контекст основы: существительное.
(1) «Her chief objective was to our dress, for we have had no time to Londonize ourselves» [Burney 1778] (актуализация в семеме ‘Londonize’ афферентной для семемы ‘London’ семы /fashionable/); «The new town has spread to Kirkley, has Londonized even quiet Pakefield» [Ewing Ritchie 1893] (актуализация в семеме ‘Londonize’ родовой и ингерентной для семемы ‘London’ семы /urban space/); (2) «Do you never Londonise again? <...> Do your Drummonds allow no holidays?» [Lamb I888].	
Londonization (-sation): |the action or process of Londonizing|.	‘**ation**’: |an action or an instance of it; a result or product of action|; контекст основы: глагол.
«He did not believe in centralisation, or the Londonisation of Scotland» [Blackie, J. St. Speech in “Scot. Leader”, 1888. Cit. ex: Londonisation / OEDHP]; «The most alien of the cockneyfied, though he may bristle with every protest at the intimation that England has set its stamp upon him, is free to admit with conscious pride that he has submitted to Londonisation» [James 1888: 12]; «Mr. Grimond <…> said Londonisation of the whole of the country must be prevented» [Daily Telegraph, Nov. 18, 1959].	
Londonologist: |one learned in the history and topography of London |.	‘**logist**’: |a person skilled or involved in a branch of study|; контекст основы: существительное.

«The whole tribe of modern Londonologists have followed Stow in…» [Taylor, I. Words and Places: or Etymological Illustrations of History, Ethnology, and Geography, 1864. Cit. ex: Londonologist / OEDHP].	
Londony: |marked by or tending to suggest characteristics of London|; афферентные социально-нормированные признаки: /undignified/, /trivial/, /contemptible/.	‘**y**’: |ингерентн.: /having the qualities of/, /full of/; афферентн.: /undignified/, /trivial/, /contemptible/|; контекст основы: существительное.
«You’re looking a little Londony; you’re giving too many lessons» [Galsworthy 1906]; «Rather pale she looked and Londony» [Galsworthy 1920]; «A cool breeze was blowing in from the Park, smelling of dry grass and petrol – a most exciting, Londony smell» [Smith, D. I Capture the Castle, 1949. Cit. ex: Londony / OEDHP]; «I hated wearing overcoats in the country <...> Overcoats were Londony things» [Milne, C. Enchanted Places, 1974. Cit. ex: Londony / OEDHP].	

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С ИМЕНЕМ «LONDON»

I. Традиционные словосочетания / составные номинации без идиоматической силы

№	Словосочетание	Комментарии[225]
1	Allied Tanker Coordinating Committee in London	Лондонское отделение объединённого координационного комитета по использованию танкеров (организация НАТО)
2	Botanical Society of London	Лондонское ботаническое общество
3	Central London Recruiting depot	центральный лондонский вербовочный пункт (*воен.*)
4	Chemical Society of London	Лондонское химическое общество
5	City and Guilds of London Institute	Институт Сити и гильдий Лондона (высшее техническое учебное заведение, входит в состав Лондонского университета)
6	City of London	Лондонский Сити – деловая и финансовая часть Лондона, расположенная к востоку от его географического центра на северном берегу Темзы между мостами Блэкфрайэрс-бридж и Тауэр-бридж. Сити занимает площадь около квадратной мили и поэтому часто обозначается как «square mile» [The City / OGBAC: 109].
7	City of London Court	Суд лондонского Сити

[225] Если не указано иначе, перевод и комментарии даются по словарю «Мультитран».

8	Committee of London Clearing Bankers	Комитет лондонских клиринговых банков
9	Geological Society of London	Лондонское геологическое общество
10	Greater London	Большой Лондон – административно-территориальная единица; состоит из Лондона и частей графств Мидлсекс, Эссекс, Кент, Суррей, Хартфордшир – всего 32 района.
11	Greater London Authority (GLA)	Управление Большого Лондона – основной орган муниципальной власти в Лондоне с 2000 г.
12	Greater London Council (GLC)	Совет Большого Лондона – основной орган муниципальной власти в Лондоне до 1986 г. (*ист.*)
13	Inner London Education Authority	Управление народного образования центрального Лондона
14	Institute of London Underwriters	Институт лондонских страховщиков
15	Lloyd's of London	Страховое общество «Ллойдс» в Лондоне
16	London Air Defence Area	Лондонская зона ПВО (*воен.*)
17	London Air Traffic Control Centre	Лондонский центр управления воздушным движением
18	London Airport	Лондонский аэропорт («Хитроу»)
19	London Bankers' Clearing House	Лондонская расчётная палата
20	London Bridge	Лондонский мост. До 1749 г. единственный мост через Темзу в Лондоне; в 1824-31 гг. перестроен; в 1968 г. демонтирован и продан частной компании в США; в 1971 г. заново собран в г. Лейк-Хавасу-Сити (*Lake*

		Havasu City), США, штат Аризона, на берегу водохранилища Хавасу [London Bridge / LE]. Один из символов Лондона: «a potent symbol of its identity» [Arnold: 1999: 79][226]; известен по детской песенке «Падает Лондонский мост» (*London Bridge is Falling Down*)[227].
21	London broil	Жаркое из замаринованного мяса по-лондонски: «broiled flanked steak sliced diagonally across the grain» [London broil / Webster: 1332].
22	London capital market	Лондонский денежный рынок
23	London Chamber of Commerce	Лондонская торговая палата
24	London Chamber of Commerce and Industry	Лондонская торгово-промышленная палата
25	London Club	Лондонский клуб (кредиторский картель коммерческих банков)
26	London Commodity Exchange	Лондонская товарная биржа
27	London Conference on Growth, Employability and Inclusion	Лондонская конференция по вопросам экономического роста, занятости и вовлечения людей в жизнь общества

[226] Ср. впечатления Ф. Энгельса, посетившего Лондон в 1845 г.: «I know nothing more imposing than the view which the Thames offers during the ascent from the sea to London Bridge. The masses of buildings, the wharves on both sides, <…> the countless ships along both shores, crowding ever closer and closer together, until, at last, only a narrow passage remains in the middle of the river, a passage through which hundreds of steamers shoot by one another; all this is so vast, so impressive, that a man cannot collect himself, but is lost at the marvel of England's greatness before he sets foot upon English soil» [Engels 1845: 47].

[227] Песенка появилась в середине XVII века; два ее первых куплета звучат следующим образом: «London Bridge is falling down, / Falling down, falling down. / London Bridge is falling down, / My fair lady! / Build it up with iron bars, / Iron bars, iron bars. / Build it up with iron bars, / My fair lady!» [London Bridge]. Предположительно восходит к стихотворению древнескандинавского поэта Оттара Сварте, в котором описывается событие 1014 г., когда объединенные войска английского короля Этельреда и норвежского короля Олафа сожгли лондонский мост, чтобы разъединить силы датчан, наступавших под предводительством короля Свена Харальдссона: «London bridge is broken down / Gold is won and bright renown. / Shields resounding / War horns sounding / Hildur shouting in the din / Arrows singing / Mailcoats ringing / Odin makes our Olaf win» [London Bridge / LE: 468].

28	London Conference on Saving the Ozone Layer	Лондонская конференция по защите озонового слоя
29	London Construction Code	Лондонские строительные законы
30	London County Council	Совет Лондонского графства – основной орган муниципальной власти в Лондоне в XIX-XX вв.; в 1965 преобразован в Совет Большого Лондона – *Greater London Council* (*ист.*).
31	London Court of International Arbitration (LCIA)	Лондонский международный арбитражный суд
32	London Debt Agreement	Лондонское соглашение о долгах ФРГ другим западным странам (*ист.*)
33	London discount market	лондонский учётный рынок
34	London District Headquarters	Штаб-квартира Лондонского округа (*воен.*)
35	London District Provost Company	Рота военной полиции Лондонского округа
36	London Division	Лондонская дивизия (*воен.*)
37	London Electricity Board	Лондонское электроэнергетическое управление
38	London Gazette	«Лондон-газетт» – официальный бюллетень правительства Великобритании. Его первый номер вышел под названием «Oxford Gazette» в ноябре 1665 г., когда королевский двор пережидал в Оксфорде из-за Великой чумы. Номера 22 и 23 были изданы уже в Лондоне, а № 24 вышел под новым названием – «London

		Gazette» [London Gazette / ODPF: 616].
39	London gold market	Лондонский рынок золота
40	London Group	Основанное в 1913 г. объединение английских художников, в которое вошли бывшие члены Кэмден-таун-груп[228] и других объединений. Среди художников, состоявших в Лондон-груп, были импрессионисты, пост-импрессионисты и последователи более радикальных направлений в искусстве [London Group / ODPF: 616].
41	London Institute of Strategic Studies	Лондонский институт стратегических исследований
42	London insurance market	Лондонский страховой рынок
43	London interbank currency options market (LICOM)	Межбанковский рынок валютных опционов в Лондоне
44	London International Financial Futures Exchange (LIFFE)	Лондонская международная биржа финансовых фьючерсов / срочных сделок
45	London Library	Лондонская библиотека – основана в 1840 г. во многом благодаря стараниям шотландского философа и историка Томаса Карлейля и при поддержке видных ученых и литераторов того времени. Библиотека открылась 3 мая 1841 г. и первоначально занимала только два зала в одном из зданий на

[228] Кэмден-таун-груп (*Camden Town Group*) – объединение английских художников, существовавшее в Лондоне в начале XX века. Среди его членов были Уолтер Сикерт и Огастес Джон. Участники Кэмден-таун-груп организовывали частые выставки своих произведений, видное место среди которых занимали картины, изображающие лондонцев и сцены из лондонской жизни [Camden Town Group / OGBAC: 85].

		Пэл-Мэл, т.к. собрание книг было небольшим: около трех тысяч томов. Среди первых читателей, записавшихся в библиотеку, были Ч. Диккенс и Т.Б. Маколей. В 1845 г. библиотека переехала в новое здание на Сент-Джемс-сквер, где она располагается и в настоящее время [London Library / ODPF: 616].
46	London Mathematical Society	Лондонское математическое общество
47	London Metal Exchange	Лондонская биржа драгоценных металлов
48	London merchant	Лондонский купец. Связность данного термина обусловлена статусом Лондона как финансовой столицы и, соответственно, особым положением и размахом деятельности ее купцов. В пьесе английского драматурга и поэт Фрэнсиса Бомонта (1584-1616) «Рыцарь пламенеющего пестика» (*The Knight of the Burning Pestle*) находим следующий контекст: «... you call your play The London Merchant. Down with your title, boy; down with your title!» [Beaumont 1613: 2].
49	London Midland Region	Лондонско-Мидлендский район (один из пяти административно-эксплуатационных районов английской железнодорожной сети)
50	London Missionary Society	Лондонское миссионерское общество

51	London money market	Лондонский денежный рынок
52	London Natural History Society	Лондонское общество естественной истории
53	London Options Clearing House (LOCH)	Лондонская биржа опционов и клирингов
54	London Passenger Transport Board	Лондонское управление пассажирского транспорта
55	London Philharmonic Orchestra	Лондонский филармонический оркестр
56	London Press Exchange	«Лондон-пресс-эксчейндж» (старейшее лондонское рекламное агентство)
57	London Refrigeration Society	Лондонское общество инженеров-холодильщиков
58	London Registry of Foreign Lawyers	Лондонский реестр иностранных юристов
59	London Rifle Brigade	Лондонская стрелковая бригада
60	London School of Economics	Лондонская школа экономики (колледж Лондонского университета)
61	London School of Flying	Лондонская лётная школа
62	London School of Slavonic Studies	Лондонская школа славянских исследований
63	London Scottish	Лондонский шотландский полк
64	London season	Лондонский светский сезон, май-июль месяцы. В это время в жизни в жизни британской столицы наступало особое оживление: приемы во дворце и частных домах, всевозможные празднества, открытие театров и выставок, розыгрыши традиционных больших призов на скачках и т.п.: «…a call of ceremony in the London season»

		[Galsworthy 1906]; «… a splendid achievement in its own way, after all, London; the season; civilization» [Woolf, 1925]; «in the height of the London season» [Maugham 1930: 44]; «The London season was at its height» [Woolf 1933]; «In London <…> the stricture and pressure of the season were already felt, especially in the West End, where flags flew; canes tapped; dresses flowed» [Woolf 1937]; «In London all was gallant and strident; the season was beginning» [Ibid.]. В эссе «Лондонская Аркадия» (*Arcadian London*) из цикла «Путешественник не по торговым делам» (*The Uncommercial Traveller*) Ч. Диккенса находим ироничное описание Лондона не «в сезон»: «Being in a humour for complete solitude and uninterrupted meditation this autumn, I have taken a lodging for six weeks in the most unfrequented part of England – in a word, in London» [Dickens 1860].
65	London Small Arms Company	Лондонская почётная стрелковая рота
66	London Stock Exchange (LSE)	Лондонская фондовая биржа
67	London stone	Лондонский камень – большой древний камень, вделанный в стену Китайского банка на Кэннон-стрит. Много веков англичане верили, что легендарный

		Брут[229] привез его с собой как талисман. Первое упоминание о нем содержится в «Благоначертанном Евангелии» (*Fair Written Gospel Book*) начала X века, а согласно «Викторианской истории графств» (*Victorian County History*), раньше он располагался в самом центре Лондонского Сити. В 1742 году камень поместили в стену церкви Сент-Суизин, где он оставался до Второй мировой войны. В 1941 году немецкий снаряд полностью разрушил церковь, но Лондонский камень оказался нетронутым. У английского историка Уильяма Кэмдена находим: «That great stone call'd London-stone: this I take to have been a milestone (such a one stood in the Forum at Rome) from which all the journeys were begun; since it stood in the middle of the City» [Camden, W. Britannia, 1695. Cit. ex: London stone / ODPF: 617].
68	London Teachers' Association	Лондонская ассоциация преподавателей
69	London traded options market	Лондонский рынок свободнообращающихся опционов на акции

[229] См. тж. пословицу о «камне Брута» или Лондонском камне в Приложении 3 «Устойчивые речения с именем «London» или с производными от него».

70	London Transport Board	Управление лондонского транспорта
71	London Underwriters Association	Лондонская ассоциация морских страховщиков
72	London University	Лондонский университет
73	London Wall	Лондонская стена – была построена римлянами и реконструирована в Средние века; существовала до 1760 года. Фрагменты стены сохранились у Тринити-плейс несколько севернее лондонского Тауэра, а также у церкви Оллхэллоуз-он-де-уолл.
74	Recorder of London	Судья, уполномоченный Центральным уголовным судом выполнять отдельные поручения по делам, находящимся в производстве другого суда
75	Royal Entomological Society of London	Лондонское королевское энтомологическое общество

К составным номинациям без идиоматической силы близки составные сложные слова, содержащие в качестве одной из основ имя «London». Подобные формации могут иметь статус окказиональных.

№	Составное слово	Комментарии
1	London-lover	Человек, восхищающийся Лондоном: «It is, no doubt, not the taste of every one, but for the real London-lover the mere immensity of the place is a large part of its savour» [James 1888].
2	London-hater	Человек, ненавидящий Лондон:

«London is indeed an epitome of the round world, and just as it is a commonplace to say that there is nothing one can't "get" there, so it is equally true that there is nothing one may not study at first hand. One doesn't test these truths every day, but they form part of the air one breathes (and welcome, says the London-hater – for there be such perverse reasoners – to the pestilent compound)» [James 1888].

II. Связные термины без идиоматической силы

№	Словосочетание	Комментарии
1	London A.M. fix price	Утренняя котировка лондонского рынка
2	London black	Лондонский черный – специальное название цвета ткани (*уст.*) [London black / OEDHP]
3	London blue	Лондонский синий – специальное название цвета ткани (*уст.*) [London blue / OEDHP]
4	London brown	Карбункул (драгоценный камень) [London brown / Webster]
5	London building acts	Английские строительные нормы[230]
6	London bushel	Возможно, то же самое, что и американский винчестерский бушель (*ист.*) [London bushel / OEDHP]

[230] Примечательно, что Лондон здесь представляет всю Англию.

7	London Clause	Лондонские условия /лондонская оговорка (разрешение судовладельцу на немедленную выгрузку груза по прибытии в Лондон)
8	London clay	Лондонская глина (формация кайнозойской эры)
9	London interbank bid rate (LIBID)	Ставка покупателя на лондонском межбанковском рынке депозитов
10	London interbank mean rate (LIMEAN)	средняя ставка на лондонском межбанковском рынке депозитов
11	London interbank offered rate (LIBOR)	Лондонская ставка предложения по межбанковским депозитам / лондонская межбанковская ставка / ставка продавца на лондонском межбанковском рынке депозитов
12	London Landed Terms	Лондонские условия сделки (с включением в стоимость товара расходов по его выгрузке и укладке в порту назначения)
13	London paste	Прижигающая паста, состоящая из негашеной извести и каустической соды на спиртовой основе (*мед.*) [London paste / OEDHP]
14	London plane	Платан клёнолистный (*Platanus acerifolia*) – быстрорастущее дымоустойчивое дерево, являющееся гибридом платана восточного *(Platanus orientalis) и* платана западного *(Platanus occidentalis)*: «‘We may say’, Ford Madox Ford has observed, ‘that

		London begins where tree trunks commence to be black.' That is why the plane tree is London's own; because of its power to slough off its sooty bark it became a symbol of powerful renewal within the city's corrupted atmosphere» [Ackroyd 2000: 412].
15	London Polyglot	«Лондонская полиглотта» или «Уолтоновская полиглотта» – шеститомная многоязычная библия Б. Уолтона (1653-1657)
16	London Purple	Отход красочного производства, содержащий мышьяковистокислые соли (*торг. марка*)
17	London rates	Курсы валют в Лондоне (для различных видов сделок)
18	London red	Лондонский красный – специальное название цвета ткани (*уст.*) [London red / OEDHP]
19	London russet	Лондонский красновато- *или* желтовато-коричневый – специальное название цвета ткани (*уст.*) [London russet / OEDHP]
20	London scarlet	Лондонский алый – специальное название цвета ткани (*уст.*) [London scarlet / OEDHP]
21	London speech	Лондонский диалект
22	London standard	Английская единица измерения пиломатериала, равная 270 кубическим футам или 7,64 м^3

23	London tuft	1) Турецкая гвоздика (*Dianthus barbatus*); 2) зорька обыкновенная или халцедонская (*lychnis chalcedonica) – в наст. вр. диалект*.; 3) камнеломка теневая (*Saxifraga umbrosa) – в наст. вр. диалект*. [London tuft / OEDHP].
24	London white	Разновидность свинцовых белил
25	London(-type) smog	Смог лондонского типа, лондонский смог (*эколог.*)

III. Фразеологические единицы

№	Словосочетание	Комментарии
1	Bet London to a brick	Быть полностью уверенным, быть убеждённым, знать наверняка (*сленг*) – фразеологическое сращение
2	Little London beyond Wales	Г. Бомарис на острове Англси; бывший административный центр (*уст.*). Подобное обозначение города было связано с тем, что его жители говорили на правильном английском языке [Little London beyond Wales / ODEP: 374] – составная метафорическая номинация с идиоматической силой
3	London Bridge	Английская детская игра в «мостик» (по названию Лондонского моста, до 1749 единственного в Лондоне моста через р. Темза и потому всем известного). Во время игры дети поют и по очереди проходят под аркой из

		поднятых рук других участников. В конце припева дети руки опускают и ловят участника, проходящего в этот момент [London Bridge / Webster] – фразеологическое сращение
4	London button(s)	Наперстянка (*Digitalis purpurea*) – фразеологическое сращение (*уст.*) [London button / OEDHP]
5	London Eye	Второе название «обзорного колеса тысячелетия» *Millennium Wheel*, установленного на берегу Темзы между Каунти-холл и Джубили-гарденс, которое было открыто для публики в феврале 2000 г. Из его закрытых кабинок, похожих на капсулы, открывается панорама Лондона протяженностью 25 километров [London Eye / ODPF] – фразеологическое сращение
6	London ivy	Образное название (а) лондонского дыма, который, как плющ, стелется по зданиям, от чего они чернеют; (б) густого лондонского тумана [London ivy / OEDHP] – фразеологическое сращение: «Smoke, which is the London ivy, had so wreathed itself round Peffer's name, <…>that the affectionate parasite quite overpowered the parent-tree» [Dickens 1852].
7	London lady	Сорт картофеля [London lady /

		OEDHP] – фразеологическое сращение
8	London lickpenny	Лондон как бездна, в которую утекают деньги [London lickpenny / ODEP] – фразеологическое единство: «‘London lick-penny.’ The countryman coming up hither, by his own experience, will easily expound the meaning thereof» [Fuller, T. London, 1662. Cit. ex: London lickpenny / ODEP]; «It has cost me three guineas to-day for a periwig. <…> Well, London lickpenny; I find it true» [Swift 1710][231].
9	London news	Слухи, сплетни (*устар.*) – фразеологическое единство: «Elizabeth <…> as a princess <…> asked her governess, ‘What news was at London?’ On being told that it was rumoured she was about to marry Lord Admiral Seymour, she replied, ‘It was but a London news’» [Ackroyd 2000: 400]. Соответственно, в XVI в. «лондонской» называлась новость непроверенная, но вызывающая всеобщий интерес.
10	London particular	Густой туман, смешанный с дымом, от которого в прошлом страдал Лондон [Londonparticular / ODPF] –

[231] Ср. у Г. Фильдинга в «Истории Тома Джонса найденыша»: «… they therefore very boldly demanded another shilling, which so provoked the squire, that he not only bestowed many hearty curses on them at the door, but retained his anger after he came into the room; swearing that all the Londoners were like the court, and thought of nothing but plundering country gentlemen» [Fielding 1749].

		фразеологическое сращение: «‘This is a London particular’. I had never heard of such a thing. ‘A fog, miss’, said the young gentleman» [Dickens 1852][232].
11	London rocket	Гулявник (*Sysymbrium irio*) – трава с европейского континента, которая по той или иной причине быстро распространилась в Лондоне после Великого пожара 1666 г. – фразеологическое сращение
12	London smoke	«Цвет лондонского дыма», тёмно-серый цвет – фразеологическое сращение
13	London sugar	Сорт груши [London sugar / OEDHP] – фразеологическое сращение
14	London (’s) pride, Pride of London	Камнеломка теневая (*Saxifraga umbrosa)* – фразеологическое сращение, поскольку мотивация данной номинации не ясна. Ее объяснение на основе того, что данное растение часто выставлялось в окнах задымленного города и в силу своей красоты получило такое название, не может считаться удовлетворительным

[232] Ср. описание лондонского тумана в первой главе «Холодного дома»: «Fog everywhere. Fog up the river, where it flows among green aits and meadows; fog down the river, where it rolls deified among the tiers of shipping and the waterside pollutions of a great (and dirty) city. Fog on the Essex marshes, fog on the Kentish heights. Fog creeping into the cabooses of collier-brigs; fog lying out on the yards and hovering in the rigging of great ships; fog drooping on the gunwales of barges and small boats. Fog in the eyes and throats of ancient Greenwich pensioners, wheezing by the firesides of their wards; fog in the stem and bowl of the afternoon pipe of the wrathful skipper, down in his close cabin; fog cruelly pinching the toes and fingers of his shivering little ‘prentice boy on deck. Chance people on the bridges peeping over the parapets into a nether sky of fog, with fog all round them, as if they were up in a balloon and hanging in the misty clouds» [Dickens 1852].

		и являет собой пример «народной этимологии»: «Another species was formerly much shown out at windows and balconies in smoky towns, and hence, with its being really beautiful had the names of London Pride and None-so-pretty» [Martyn. Rousseau's Letters on the Elements of Botany, 1785. Cit. ex: London Pride / OEDHP].

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. УСТОЙЧИВЫЕ РЕЧЕНИЯ С ИМЕНЕМ «LONDON» ИЛИ С ПРОИЗВОДНЫМИ ОТ НЕГО

№	Речение	Комментарии[233]
1	A London jury; hang half and save half.	Пословица о несовершенстве английской судебной системы: «'A London jury; hang half and save half' <…> as Londoners, frequently impannelled on juries, <…> to make quick riddance, acquit half and condemn half» [Fuller, T. London, 1662. Cit. ex: London jury / ODEP: 269].
2	Dunmow bacon, and Doncaster daggers, Monmouth caps and Lemster wool, Derby ale and London beer.	Пословица XVII в., в которой, очевидно, описывается то, чем славились упомянутые в ней города.
3	If London Bridge had fewer eyes, it would see better.	В данном речении говорится о том, что у старого Лондонского моста было

[233] Если не указано иначе, комментарии даются по Оксфордскому словарю английских пословиц [ODEP].

		много арок для прохода судов, но они были слишком узкими.
4	Is that the way to London?	Фраза произносится одновременно с вытиранием носа рукавом (*вульг.*) [Multitran].
5	Lincoln was, London is, and York shall be.	Пословица о статусе Лондона как важнейшего города: «That *Lincoln was*, namely a fairer, greater, richer city <…> doth plainly appear by the ruins thereof <…> That *London is*, we know; that *York shall be*, God knows» [Fuller, T. London, 1662. Cit. ex: ODEP: 369].
6	London Bridge was built upon woolpacks.	Пословица, очевидно, связана с тем, что строительство Лондонского моста в 12 в. Финансировалось за счет налога на шерсть, ввозимую в столицу.
7	Londoner like, ask as much more as you will take.	Пословица XVII в. об известном на всю страну наглом и беззастенчивом поведении лондонцев.
8	No cousin in London, no cousin in Stonham.	Речение примерно соответствует русской пословице «как аукнется, так и откликнется». Оно основано на расхожей истории о том, как житель Лондона, часто бывавший в гостях у своего двоюродного брата в деревне Стонгем в графстве Суффолк, не отплатил ему гостеприимством, когда тот приехал в Лондон. Вскоре, тем не менее, лондонец вновь отправился в гости к своему кузену, но тот не пустил

		его на порог, сказав слова, которые стали данной пословицей.
9	Nobody's nails can reach the length of London.	Речение возникло после объединения английского и шотландского парламентов в 1707 г. В нем отражена недосягаемость Лондона: «When we had a king, and a chancellor, and parliamentmen o' our ain, we could aye peeble them wi' stanes when they werena gude bairns – But naebody's nails can reach the length o' Lunnon» [Scott 1818].
10	Oxford for learning, London for wit, Hull for women, and York for a tit[234].	В речении говорится, в частности, об остром языке жителей британской столицы. Действительно, в лондонской толпе общественное положение и титул не играли никакой роли: обсмеять могли кого угодно. Даже когда в 1897 г. во время празднования бриллиантового юбилей своего правления королева Виктория посетила Ист-энд, ее встретили насмешливым свистом и улюлюканьем.
11	Oxford knives and London wives.	Пословица XVII в., описывающая Лондон как «ярмарку невест».
12	She hath been at London to call a strea a 'straw', and a waw a 'wall'.	Пословица XVII в., использовавшаяся для выражения неодобрения по отношению к тем, кто, побывав в Лондоне, перенимал лондонское произношение и больше не желал

[234] Horse.

		говорить на своем местном диалекте.
13	So long as the stone of Brutus is safe, so long shall London flourish.	Народное поверье, связанное с лондонским камнем[235]
14	Which way to London? A poke full of plums.	Пословица используется в тех случаях, когда на вопрос дается несуразный ответ: «The prourbe vsed, when a man asking a question, answere is made quite contrarie to his demand: as thus: which is the way to London? answere is made, A poke full of plumbes» [Baret J. Falces postulabas // Alveary, 1580. Cit. ex: ODEP: 704].
15	You could ride bare-arse from London on it.	Чрезвычайно тупой (о ноже) – *вульг.*

[235] См. Приложение 2, раздел I «Традиционные словосочетания / составные номинации без идиоматической силы».